

**ЮРИДИЧЕСКАЯ
ОРБИТА
LEGAL ORBIT**

№ 1

2021

Автономная некоммерческая организация
«Юридическая орбита»

*К 30-летию юридического факультета
Национального исследовательского Ниже-
городского государственного университе-
та имени Н. И. Лобачевского*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОРБИТА LEGAL ORBIT

**Ежегодник
Научно-прикладной журнал**

№ 1

Нижний Новгород
2021

Издается с 2021 года

Учредитель:
Автономная некоммерческая
организация
Нижегородский научно-
исследовательский центр
«Юридическая орбита»

Свидетельство
о государственной
регистрации АНО от 19 ноября
2021 года; государственный
регистрационный номер
1215200041165

В авторской редакции
Дизайн обложки К.А. Быкова

Подписано в печать
06.12.2021.
Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 43,85.
Печать офсетная.
Тираж 500 экз.
Свободная цена.

Отпечатано:
ЮНИКОПИ
Нижегород, 2в
ул. Нартова, 2в

© Нижегородский научно-
исследовательский центр
«Юридическая орбита», 2021

Главный редактор:

Черных Евгения Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, и. о. декана юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Заместитель главного редактора:

Баранова Марина Владимировна – доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, профессор кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки).

Члены редакционной коллегии:

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки).

Безбородов Юрий Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (научная специальность 5.1.5 – международно-правовые науки).

Белоусов Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе Саратовской государственной юридической академии (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки).

Биюшкина Надежда Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки).

Боброва Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета (научная специальность 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые науки).

Габов Андрей Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права Российской академии наук (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Иванов Никита Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Каргин Константин Васильевич – и. о. заведующего кафедрой трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки) – ответственный секретарь журнала.

Карпычев Михаил Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Кодан Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки).

Красс Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета (научная специальность 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые науки).

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые науки).

Понкин Игорь Владиславович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Ромашов Роман Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки).

Сизимова Ольга Борисовна – доктор юридических наук, доцент, проректор по правовой и кадровой работе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Синюков Владимир Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки).

Терехин Владимир Вячеславович – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Торбин Юрий Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Федулов Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия» (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Хужин Альфир Мисхатович – доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

Шайхутдинова Гульнара Раифовна – доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (научная специальность 5.1.5 – международно-правовые науки).

Чупрова Антонина Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (научная специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки).

Шаршун Виктор Александрович – кандидат юридических наук, заместитель директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь (научная специальность 5.1.1. – теоретико-исторические науки).

Эбзеев Борис Сафарович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (научная специальность 5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые науки).

Юдин Андрей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (научная специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки).

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая орбитальность как метафора и междисциплинарный срез государственно-юридической действительности. Вступительное эссе редколлегии 7

Приветственное слово ректора Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктора медицинских наук, член-корреспондента Российской академии наук Е. В. Загайновой..... 10

Раздел I. Теоретико-исторические правовые науки

Теория государства права

Арзамасов Ю. Г., Милинчук Д. С. Значение коллизионной практики для эффективного нормотворчества	11
Бакулина Л. Т. Правовые средства: основные подходы к пониманию	15
Баранов В. М. Интуиция в законотворчестве: постановка проблемы	21
Баранова М. В. Правоведение в социально-цифровой среде: вызовы, доминанты, тенденции	28
Бастрыкин А. И., Сальников В. П., Захарцев С. И. Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф.М. Достоевского	32
Гончарова Л. Н. Кодифицированный нормативный правовой акт как система	38
Дегтярев М. В. Новейшие юридические регуляторные технологии и инструментари: понятие, концепт, типологизация инструментариев	41
Залоило М. В., Веллмэн М. В. Опережающее начало правотворчества как стратегическая основа устойчивого развития в контексте глобальных вызовов и рисков современного общества	45
Зуева Ю. В. К вопросу об институциональном статусе самозащиты (общеправовой аспект)	51
Купцова О. Б. Развитие языка права в условиях цифровизации общественных отношений	56
Минникес И. А. Актуальные проблемы теории права в аспекте сравнительного правоведения	60
Нематов А. Р., Ходжибаева Н. Д. Правоприменительные акты Республики Таджикистан и технико-юридические проблемы их составления	65
Овчинников А. И., Фетисов Т. А. Теоцентризм как методологическая установка правовой теологии в исследовании правосознания.....	75
Оксамытный В. В., Пономарева В. П. Становление и развитие юридической науки и образования в России.....	80
Погодин А. В., Путинцев А. В. Метод, средство и ресурс в правореализации (на примере национальной безопасности)	89
Поляков С. Б. Структурный анализ норм права для установления и преодоления коллизий норм права.....	93
Понкин И. В., Лаптева А. И. Метод экстраполяции как метод научного исследования и прикладной аналитики, в том числе в сфере права	101
Ромашов Р. А. Цифровизация политического процесса в условиях digital state.....	106
Сырых В. М. Принципы как основные начала отраслей российского права	111
Трофимов В. В., Трофимов Г. В. Государственно-правовая политика в сфере научно-технологического и инновационного развития в российских регионах: проблемы и перспективы	119
Червонюк В. И. Киберпространство (цифровая среда) как инновационный объект правового регулирования: трансграничный и внутригосударственный контекст.....	127
Шафиров В. М. Правоприменение и мораль	136

Историко-правовой дискурс

Биюшкина Н. И., Тюленева М. А. Право подсудимого ходатайствовать о допросе новых свидетелей в суде по Судебным уставам 1864 года и коллизионная практика Правительствующего Сената	142
Болдырев С. Н. Концептуальные основы юридической техники в историко-теоретическом дискурсе ..	146
Кодан С. В. Источниковедческая культура в юридической науке и образовании	151
Кожевина М. А. Некоторые методологические особенности исследования истории научной юридической дисциплины (на примере истории права и государства России)	164
Королев Б. И. Конституционные представления нижегородского земского деятеля А.А. Остафьева в годы русских революций начала XX века	169
Небратенко Г. Г. «Великий Туран» как государственно-правовая доктрина неопантюркизма	173

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел II. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алексеева Н. А. Некоторые аспекты правового регулирования возобновляемых источников энергии в рамках вопросов климатических изменений.....	179
Ашенова Т. М., Цуканов Д. Н. Влияние современных технологий на развитие демократии и гражданского общества	183
Боброва Н. А. «Родовая травма» российского конституционализма.....	187
Власов К. А., Беликов А. П. Общая характеристика установленного порядка управления как объекта административно-правовой охраны	197
Денисов С. А. Инновации в административных правовых системах	202
Михеева И. В. Ограничительный режим в условиях COVID-19 и административное усмотрение губернаторов	209
Петров А. В., Домнина А. В. Участие Конституционного Суда РФ в проверке поправок к Конституции РФ	215

Раздел III. Частно-правовые (цивилистические) науки

Айдарова Л. А. Врачебная тайна в российском здравоохранении	217
Остроумов Н. В. Смарт-контракты: перспективы развития законодательства и риски правоприменения.....	221
Юдин А. В. Инициатива суда в собирании доказательств по гражданскому делу в контексте оснований для отмены или изменения судебных актов	225

Раздел IV. Уголовно-правовые науки

Абдуллаев Я. Д., Дягилев А. А. Экономические предпосылки криминальной эксплуатации человека: ретроспективный анализ и современное состояние.....	230
Гаврилов Б. Я. Мифы и реалии современного уголовного судопроизводства (к XX-летию УПК РФ)....	237
Гирько С. И. Проблемы ускоренного досудебного судопроизводства в исследованиях зарубежных специалистов	247
Голик Ю. В. Нужна ли философия уголовному праву	251
Горшенков Г. Н. Преступление и наказание как категории научных дисциплин уголовно-правового блока (криминологический аспект).....	255
Иванов Н. Г. Зависимость наркологического генеза и пределы её уголовно-правового регулирования...264	
Кабанов П. А. Современная политическая криминология: междисциплинарный подход и вопросы институционализации.....	269
Кобец П. Н., Ильин И. В. Основы государственной политики Китайской Народной Республики по борьбе с наркотизацией несовершеннолетних и молодого поколения	279
Милюков С. Ф. Смертная казнь: дискуссия должна быть продолжена.....	285
Петрянин А. В., Изосимов В. С. Вопросы уголовно-правового и криминологического противодействия молодежным деструктивным движениям.....	299
Тихонова С. С. Проблематика уголовно-правового регулирования в пояснительных записках к проектам вторичных (текущих) уголовных законов: современное состояние и перспективы	302
Федулов А. В. Искусственный интеллект и права человека в уголовном правосудии.....	309
Чупрова А. Ю. Проблемы уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности в медицине.....	314
Юматов С. В. Производство дактилоскопических экспертиз при расследовании преступлений	317

Раздел V. Международно-правовые науки

Минникес И. В., Саламов Н. М. о. Имплементация российского имперского права в правовую систему ханств северного Азербайджана в начале XIX в. (на примере норм процессуального права)	321
Торопкин С. А. Международная стандартизация пенсионных прав человека: успехи и проблемы	326

Раздел VI. Трибуна молодого ученого

Овчаров В. С. Проблема ликвидации накопленного вреда окружающей среде через призму государственно-правовой политики современной России.....	330
Токарева Ю. В. Функциональное значение государственного реестра в процессе законотворческой и правоприменительной деятельности	333
Хрони Н. Н., Космачев А. Е. К вопросу об определении понятия феномена «юридический приоритет»	338

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел VII. Литературные этюды

Крусс В. И. «Так начиналась последняя битва...»: Александр Невский.....	344
Ромашов Р. А. Орбитальные люди	353
Исаков В. Б. 10 дней на Байкале. Ученый на отдыхе	354

Рецензии

Баранов В.М., Баранова М. В., Погодина Т. Г., Черных Е. Е. Дефектность оказания медицинской помощи: качество законодательства, практика и техника его реализации. Рецензия на монографию А. А. Понкиной и И. В. Понкина «Дефекты оказания медицинской помощи» (М., ГЭОТАР-Медиа, 2021, 312 с.).....	364
Требования к рукописям статей, представляемым для опубликования в журнале «Юридическая орбита»	371
Информационное письмо.....	372

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЭССЕ РЕДКОЛЛЕГИИ

Правовая орбитальность как метафора и междисциплинарный срез государственно-юридической действительности

Уважаемые читатели!

Юридическая орбита! Это не только красивая метафора, связанная с космосом, космическим праном, планетарной жизнью. В популярных энциклопедиях и специальных словарях категория «орбита» означает *путь*, по которому одно небесное тело (планета, ее спутник, космический летательный аппарат) движется в пространстве относительно какого-либо другого небесного тела. Движение тел по орбите подчиняется определенным законам, применимым как к искусственным спутникам, так и к естественным небесным телам. В медицине орбита – глазница, парное симметричное образование.

В переносном смысле орбита – круг, колея, дорога, кругооборот, область влияния и притяжения, сфера действия, распространения.

Может быть кому-то название ежегодника «Юридическая орбита» покажется претенциозным, данью научной моде. В этой связи уместно обратиться к любопытному суждению доктора физико-математических наук, главного научного сотрудника Института общей физики РАН А.А. Самохина. «Слова, используемые в качестве термина, могут быть связаны с его содержанием весьма условно... В этом смысле словесное выражение термина не ограничивается какими-либо особыми рамками. В физике, например, для некоторых квантовых чисел используются такие слова как, «странность», «очарование» или «прелесть», нисколько не влияющие на принадлежность физики к точным наукам»¹.

И точный, и переносный смысл подходят для раскрытия основных идей предлагаемого вниманию читателю журнала-ежегодника – коллектив редколлегии стремится найти свою «нишу», собственную «дорожную карту» в необозримом океане функционирующих изданий.

Ежегодник – инициативный проект автономной некоммерческой организации «Юридическая орбита», учредителями которой выступили пять представителей профессорско-преподавательского состава юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Подготовка и опубликование (в типографской и электронной версиях) журнала предпринимается без привлечения финансовых средств университета и деканата юридического факультета.

Издание ежегодника журнального формата заявляемой нами направленности имеет значительные шансы на признание, поскольку ставит предельно конкретную цель – достижение единства, конвергенции философско-правовой теории и отраслевой юридической практики.

Космические просторы теоретически бесконечны. Юридическая орбита, наверное, конечна и журнал в состоянии «охватить» ее главные проявления силами юриспруденции и других гуманитарных наук. «Юридическая орбита» – метафора, но она не аморфна и не бесформенна. Имеется в виду определенная, точно ограниченная область политико-юридической действительности. Открыто ускорение космологического расширения – не исключено, что журнал может поспособствовать расширению правового пространства.

Доктринальная, практическая и дидактическая ценность затеваемого издания очевидна – оно позволит ежегодно выпускать «в свет» наиболее значимые результаты научно-исследовательской деятельности не только юридического факультета ННГУ, но и знакомить нижегородских правоведов с достижениями других правовых центров. И речь идет не только о статьях, но и об обзорах юридической (особенно судебной) практики, аналитических докладах по актуальным политико-управленческим проблемам, экспертных заключениях по федеральным и региональным законопроектам, методических и практических рекомендациях, рецензиях.

Особое внимание предполагается уделить **интеграции** науки и учебно-воспитательного процесса – дидактическая литература по праву в идеале должна адекватно отражать новейшие достижения юриспруденции.

Трибуна молодого исследователя непременно займет значимое место журнале – аспирантов и соискателей важно поддерживать повседневно, а не по периодам отчетов о проделанной работе.

Вернемся к метафоричности орбиты, усилим ее аллегорией орбитальной станции. Как известно, орбитальная станция – искусственный спутник, длительное время функционирующий на орбите вокруг

---

¹ Самохин А.А. В поисках терминологической гармонии // Независимая газета. Приложение НГ-НАУКА. 2021. 27 октября

Земли или Луны. Орбитальные станции могут доставляться на орбиту в собранном виде или монтироваться в космосе. На орбитальной станции проводятся исследования Земли и космического пространства, медико-биологические, технические эксперименты.

Для юридических вузов такого рода «станциями» могут быть инновационные кафедры и перспективные лаборатории.

Вряд ли можно сомневаться в том, что обновленная Конституция России в определенном смысле неисчерпаемый источник развития не только текущего законодательства, но и обучающая «станция», мощный ресурс и резерв профессиональной подготовки студентов, бакалавров, магистров всех форм обучения. По оценке председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, Россия «оказалась в тисках коронавирусной пандемии, экономического кризиса, неправомерных экономических санкций и холодной войны», а «государство и общество вынуждены адаптироваться к новой реальности, что потребует существенной корректировки и трансформации системы правового регулирования»¹.

Журнал, естественно, с учетом цифрового будущего «включится» в обсуждение возникших юридических деформаций, в поиск оптимальных содержательных и технико-юридических путей повышения качества законодательства и эффективности его реализации.

Так или иначе, но юридическая орбита – четкий и понятный ориентир новаторского совершенствования всех форм деятельности юридических вузов, академий, научно-исследовательских институтов. Мы исходим и из того, что постепенно журнал может стать центром формирования и развития научных школ факультета.

«Вселенная права» – необъятный, находящийся в постоянном разномасштабном эволюционном либо революционном движении, феномен, исследование которого не прекращается ни на миг. И для нашего журнала, безусловно, найдется место в качестве относительно автономной «юридической галактики».

Редколлегия журнала не стремится к «заданной орбите» – университетские свободы должны определять содержание каждого ежегодника.

Если орбитальная станция является чем-то наподобие земной гостиницы, в которой космонавты могут отдыхать и готовиться к путешествиям к далеким звездам, то журнал, по всей видимости, может со временем стать «факультетским домом», выполнять миссию индикатора и катализатора юридической науки, учебного процесса, общественной жизни факультета.

Коль скоро есть международные космические станции, то ясно – ежегодник не может быть закрытым для зарубежных коллег-правоведов. Сложнейшая задача – так выстроить редакционную политику, чтобы в портфеле журнала показывались перспективные для России наработки иностранных юристов, чтобы передовая зарубежная правовая мысль не доходила до нас с опозданием.

В космосе, на орбите, вдоль и вокруг нее, «роится» множество разных небесных тел – астероиды, метеориты, звезды и даже планеты. Орбиту окружают: космическая пыль, космические газы, космическое излучение.

Вращается по орбите и «космический мусор» – редколлегия предпримет все необходимые меры к тому, чтобы исключить появление в содержании журнала некачественных статей, необъективных рецензий, сугубо комплементарных обзоров малорезультативных конференций.

Многообразие «жизни» на орбите в нашем случае предполагает представление ученых-правоведов и юристов-практиков и вне научной сферы, в кругу семьи, в «контакте» с искусством. Таланты многих юристов в стихосложении, рисовании, музыке, фотографии также могут и должны получить отражение в журнале – это поможет уйти от «сухого» академизма, «оживить» публикуемый материал, с неожиданной стороны взглянуть на юридическую профессию. В настоящем номере мы предлагаем читателю путевые заметки члена Союза писателей, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации В. Б. Исакова «10 дней на Байкале». Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета профессор В. И. Крусс избрал наш журнал «первым местом» публикации новой поэмы об Александре Невском. Поэтический подарок (стихотворение «Орбитальные люди») журналу преподнес известный российский ученый – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, генерал-майор внутренней службы в отставке Р. А. Ромашов².

Обращаем внимание читателей на следующее важное обстоятельство – редакционная коллегия сформирована с учетом новой номенклатуры научных специальностей и рубрикация разделов настоящего и будущих ежегодников будет «привязываться» к пяти установленным группам научных дисциплин.

¹ «Мир переходит в эпоху постчеловеческих по своей направленности технологий или стоит уже на грани такого перехода к новой техногенной цивилизации. А право с этим не справляется, – подчеркивает В. Д. Зорькин, – оно само является продуктом прежней техногенной эпохи» // Зорькин В. Под знаком Основного закона // Российская газета. 2021. 28 октября.

² Подробно о его научной и общественной жизни см.: Роман Анатольевич Ромашов – жизнь на взлете (неформальная автобиография) // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 10. С. 11–18.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЭССЕ РЕДКОЛЛЕГИИ

Перед Вами, читатель, первый номер ежегодника «Юридическая орбита». Очень важно, как он будет воспринят в условиях «бума» самых разных по названиям, жанру, стилю, оформлению, качеству публикаций журналов правовой направленности, систематически издающихся в России и за рубежом. Номер посвящается 30-летию последовательного развития юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Приглашая Вас принимать участие в последующих номерах журнала, будем признательны за любые разумные замечания и предложения относительно перспектив его функционирования.

Главный редактор
журнала «Юридическая орбита»

Е. Е. Черных

Заместитель главного редактора
журнала «Юридическая орбита»

М. В. Баранова

Член редакционной коллегии
журнала «Юридическая орбита»

В. М. Баранов

**Дорогие читатели
нового научно-прикладного журнала «Юридическая орбита»!**

Очень приятно, что первый выпуск этого ежегодного издания, который вы держите в руках, приурочен к 30-летию юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. За годы своего существования этот факультет ННГУ стал центром юридического образования в регионе, поставщиком высококвалифицированных кадров для самых разных отраслей. Залог успеха выпускников юрфака классического университета – прекрасный преподавательский коллектив и многолетние славные традиции, новаторский подход и развитие научного знания. На современном этапе Университет Лобачевского реализует новые масштабные стратегические проекты в рамках федеральной программы поддержки российских вузов «Приоритет-2030», и роль юридического факультета, востребованность опыта и знаний его специалистов особенно возрастают.

И новый отраслевой журнал «Юридическая орбита» – это инициативный проект группы энтузиастов, заинтересованных в инновационном развитии юриспруденции. Вызывают уважение внушительный состав редакционной коллегии издания, а также содержание выпуска и тематика представленных публикаций, учитывающие актуальную номенклатуру научных специальностей.

Поздравляю редколлективу журнала с первым выпуском и желаю успеха в реализации данного проекта, а также в разработке неординарных научных тем, образовательных технологий и получении заметных практических достижений!

Ректор Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского

Е. В. Загайнова

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Теория государства права

Арзамасов Юрий Геннадьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор департамента теории права и межотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Arzamasov Yuri Gennadievich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Intersectoral Legal Disciplines of the Higher School of Economics

E-mail: uarzamasov@hse.ru

Милинчук Дарья Сергеевна

PhD, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доцент Московского гуманитарного университета

Milinchuk Darya Sergeevna

PhD, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business and Applied Jurisprudence of the Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Associate Professor of the Moscow Humanitarian University

E-mail: dmilinchuk@hotmail.com

Значение коллизионной практики для эффективного нормотворчества

The role of conflict of laws' practice for effective rulemaking

---

Аннотация. Цель исследования – определить, какова роль коллизионной практики на определенных этапах нормотворчества. В статье проанализирована взаимосвязь юридических коллизий и нормотворческой деятельности. В исследовании рассмотрены бесколлизионность права и компетентный нормотворческий процесс, как условия правовой стабильности. Научная новизна работы заключается в исследовании указанных правовых элементов как взаимозависимых и имеющих аналогичный эффект правового воздействия. Результатом исследования является формулирование необходимого для эффективного нормотворчества комплаенса.

Ключевые слова: правотворчество, юридическая коллизия, правовая стабильность, правовой мониторинг

Abstract. The purpose of research is to determine the role of conflict of laws' practice for certain stage of rulemaking. A linkage between conflict of laws and rulemaking are researched in the article. There are conflicts-free and qualified rulemaking process are considered as conditions of legal stability in the thesis. Scientific novelty is researching mentioned legal elements as interdependent and having the same legal effect. The result of research is formulation of necessary compliance for effective rulemaking.

Keywords: rulemaking, conflict of laws, legal stability, legal monitoring

Современное состояние действующего законодательства часто подвергается критике со стороны научного сообщества, правоприменителей и характеризуется как несовершенное¹. Как отмечают А. С. Борисов и П. А. Меркулов, «постоянное реформирование российского государства и общества, в течение последних двух десятилетий, со всей остротой подняло вопросы и новой роли права, об обновлении и развитии законодательства. За последние годы законодательство РФ существенно обновилось. Однако, вместе с тем, столь стремительный темп правотворчества породил ряд острых противоречий и проблем как теоретического, так и практического плана»².

Большая часть таких проблем связана с системой возникающих ошибок в законодательстве, среди которых выделяют: ошибки в проектировании механизма правового регулирования, пробелы, избыточная нормативность, нарушения стиля, коллизии между отдельными законами и фактографические ошибки³.

Стабильность является очень важным свойством права, с помощью которого обеспечивается его устойчивость и неизменность. Стабильность права – это то качество, без которого у права мало шансов выступать в качестве эффективного регулятора общественных отношений. Оно формирует определенный уровень доверия лиц позитивному праву.

К признакам стабильности относятся:

- а) обязательность;
- б) бесколлизийность;
- в) предсказуемость.

При этом, бесколлизийность является главным, основным признаком стабильности, без которого остальные признаки теряют свою значимость для определения категории стабильности и создают условия невозможности достижения стабильности права.

Главное назначение права – урегулировать общественные отношения. Для эффективной реализации регулятивной функции необходимо создание устойчивой системы правовых норм, отвечающих критериям ясности, определенности и недвусмысленности, что достигается деятельностью соответствующих органов в рамках нормотворческой деятельности.

Продолжая наше исследование, необходимо отметить, что темпы развития общественных отношений в современных реалиях предполагают наличие неопределенных ситуаций в правовом регулировании, поскольку право не всегда развивается столь стремительно, как и общество, а, стало быть, и коллизии являются в некоторых случаях свидетельством нормального процесса эволюции права. Аналогичное мнение высказал профессор Ю. А. Тихомиров, отмечая, что «коллизии нередко несут в себе и положительный заряд, ибо служат свидетельством нормального процесса развития или же выражают законное притязание на новое состояние права»⁴.

Однако несмотря на такой естественно-положительный эффект юридических коллизий, чаще всего большое их количество и неразрешенность на законодательном уровне оказывают дестабилизирующий эффект и приводят к негативному формированию отношения к законодательной и исполнительной власти у населения, а также к уверенности в некомпетентности их органов и неспособности создать устойчивую систему законодательства.

Как отмечает профессор В. М. Баранов, «коллизийность должна быть уничтожена на системной основе. <...> банк коллизий можно создать совместными усилиями ученых, практиков, прежде всего, правовых управлений, и тогда можно будет говорить о каких-то мерах хотя бы по их ликвидации или их уменьшению. Но если мы это направление не можем обеспечить, то грош цена всей мощи юристов»⁵.

Нормотворчество представляет собой деятельность компетентных государственных органов, характеризующуюся жесткой нормативной регламентацией, нарушения которой могут привести к тому, что полученный результат не получит статуса «норма права»⁶.

¹ См., напр.: Осипов М. Ю. Качество российского законодательства как ключ к повышению его эффективности // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 4. С. 88-95; Пудовочкин Ю. Е. Несовершенство законодательства как причина квалификационных ошибок // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 18-27; Червонюк В. И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 488-503.

² Борисов А. С., Меркулов П. А. Некоторые проблемы современного правотворчества в России // Социум и власть. 2015. № 3 (53) С. 65-70.

³ См.: Баранов В. М. Сырых В. М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Баранов В. М. Техноюрисдикционный анализ правотворческой реальности современной России: вступительные эссе и доклады на международных форумах «Юртехнетика» в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба (1999–2019): в 2 т. Т. 1. М., 2020. С. 125.

⁴ Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия: власть и порядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 4.

⁵ Качество законодательства и проблемы юридической техники: Материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Москва, 15 октября 2015 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2016. С. 49.

⁶ См.: Коваль Е. А. «Хотели как лучше»: дефект выражения воли нормотворца и правовые неопределенности // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 112.

В монографии, посвященной проблемам правового мониторинга, нами были выделены следующие требования к содержанию нормативных правовых актов:

- 1) соответствие общепризнанным международным документам о правах и свободах человека и гражданина;
- 2) отсутствие в нормативных правовых актах норм, ущемляющих или ограничивающих законные права и свободы человека и гражданина;
- 3) соответствие нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, законам и другим актам высших органов государственной власти;
- 4) соответствие реальным общественным отношениям и нормам морали;
- 5) принятие нормативных актов органом государственной власти в соответствии со своей компетенцией¹.

Данные требования включают основные позиции, по которым должен быть исследован нормативный правовой акт до его принятия во избежание множественных юридических коллизий, неопределенности права и иных правовых дефектов.

На семинаре «Качество законодательства и проблемы юридической техники» с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, прошедшей в Москве 15 октября 2015 года, обсуждались важные аспекты нормотворческой деятельности, среди которых проблемы экспертизы законопроектов, юридических коллизий, систематизации законодательства, частоты и процедуры изменений нормативных правовых актов, юридической техники и ясности правовой нормы.

Важным аспектом, влияющим на качество нормативных правовых актов, является правильный выбор терминов и понятий. Неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, что может способствовать возникновению произвола и препятствовать единообразному пониманию и толкованию правовой нормы всеми субъектами правоприменения.

В широком смысле неопределенность представляет собой явление несовершенства правового регулирования, обусловленное объективными и субъективными факторами правообразования, а также обозначает неточное, неполное и непоследовательное закрепление и реализацию в праве нормативной правовой воли. «Это своеобразное несовершенство права, дефект воли нормоустановителя». В узком же смысле неопределенность в праве понимается как технико-юридический дефект текста права как внешней, письменной формы его выражения².

Безусловно, стоит отметить, что неопределенность не всегда связана с дефектами и имеет явно негативный эффект. Так, например, профессор Н.А. Власенко отмечает, что сущность относительно определенных норм по своей правовой природе предполагает неопределенность для возможности «усмотрения суда»³.

Законодатель должен обладать высокой профессиональной квалификацией, необходимыми знаниями, умениями и навыками, чтобы сформулировать правило поведения с максимальной точностью и ясностью. Поэтому такое пристальное внимание сегодня уделяется требованиям, предъявляемым к юридической технике. Требования юридической техники в сфере нормотворчества выступают в роли как нормативно закрепленной, так и научно установленной основы, специальных нормативов (правил), которые являются определяющими для мониторинга проектов нормативных актов различными субъектами, участвующими в законодательном процессе. Мониторинг показывает соответствуют ли проекты нормативных актов требованиям, предъявляемым к юридической технике в сфере нормотворчества, иными словами, правилам, приемам и средствам нормотворческой техники. Из этого следует, что мониторинг проектов нормативных актов, в том числе и проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, выявляет незаконные (нелегитимные) нормативные акты, противоречащие нормативным актам, обладающим большей юридической силой, либо юридико-техническим требованиям⁴.

Задачей законодательного органа перед принятием нормативных правовых актов является исследование имеющейся нормативной правовой базы в соответствующей сфере с целью выявления законов и подзаконных актов, которые необходимо привести в их смысловое соответствие.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить следующее.

1. Эффективность нормотворческой деятельности можно определить, оценив, насколько понятны и однозначны правовые нормы, созданные в результате этой деятельности. Аккумулированный коллизионный опыт должен учитываться при подготовке законопроектов о принятии и изменении нормативных правовых актов.

¹ См.: Арзамасов Ю. Г. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология / Ю. Г. Арзамасов, Я. Е. Наконечный. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. С. 49-52.

² См.: Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. юридич. наук. М., 2006. С. 7.

³ См.: Власенко Н. А. Указ. соч. С. 70-72.

⁴ См.: Арзамасов Ю. Г. Указ. соч. С. 49-52.

2. Право, свободное от коллизий закона, является показателем качественного нормотворческого процесса. В этой связи актуализируется вопрос систематизации. Систематизация юридических коллизий крайне необходима, поскольку является основанием для дальнейшего совершенствования законодательства.

3. Бесколлиззионность права является условием правовой стабильности и достигается в результате грамотно спланированной профессиональной нормотворческой деятельности субъектами нормотворчества и субъектами, обеспечивающими нормотворчество, которые в своей работе руководствуются правилами и средствами нормотворческой юридической техники. Сама же нормотворческая деятельность одной из своих задач видит в достижении правовой стабильности. Соблюдение правил, приемов и средств юридической техники создает необходимые условия для достижения бесколлиззионности права и реализации качественной и научно обоснованной нормотворческой деятельности.

Бакулина Лилия Талгатовна

*доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета
Казанского федерального университета*

Bakulina Liliya Talgatovna

*Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law
of Kazan Federal University*

E-mail: bltkfu@mail.ru

Правовые средства: основные подходы к пониманию

Legal tools: basic approaches to understanding

Аннотация. В данной статье автором рассматривается вопрос о природе правовых средств через призму как их содержания, так и их понимания, на чем и делается основной акцент исследования. В частности поднимаются вопросы и выдвигаются идеи о том, что сведение правовых средств только к субстанциональным явлениям противоречит философскому смыслу категории «средства», а также о том, что связывая сущность правовых средств лишь с субстанцией права как нормативного регулятора общественных отношений, есть риск ограничения реального круга функционирующих, «работающих» на социально значимые цели явлений правовой действительности.

Подводя итог исследованию, автором на основе проведенной работы утверждается тезис, согласно которому под правовыми средствами необходимо понимать как установления, так и деяния, а также формулируется собственная дефиниция договорно-регулятивных средств.

Ключевые слова: правовые средства, теория права, правовая система, инструментальная теория права, договорно-правовые средства

Abstract. In this article the author considers the issue of the nature of legal remedies through the prism of both their content and their understanding, which is the main focus of the study. In particular, questions are raised and ideas are put forward that the reduction of legal means only to substantive phenomena contradicts the philosophical meaning of the category of "means", as well as the fact that linking the essence of legal means only with the substance of law as a normative regulator of social relations, there is a risk of limiting the real range of functioning, "working" on socially significant goals phenomena of legal reality.

Summing up the study, the author on the basis of the conducted work asserts the thesis, according to which under the legal means should be understood both establishments and deeds, as well as formulates its own definition of treaty-regulatory means.

Keywords: legal means, legal theory, legal system, instrumental theory of law, contractual legal means

---

Проблема договорно-правовых средств является одним из частных аспектов учения о правовых средствах, активно разрабатываемого в рамках такого направления юридической науки как инструментальная теория права¹. Поэтому исходным пунктом при выявлении основных характеристик договорно-правовых средств служит собственно категория «правовые средства». Последняя в свою очередь выступает конкретно-научной проекцией общеправовой категории «средства», которой охватываются всеобщие, универсальные черты разнообразных средств, применяемых человеком.

В этой связи анализ проблем правовых средств в целом и договорно-правовых средств в частности представляется целесообразным начать с выяснения вопроса о содержании понятия «средства», так как без этого предварительного условия невозможно теоретически воспроизвести соответствующие конкретные явления правовой действительности.

В онтологическом плане обособление средств как компонента деятельности позволяет очертить круг явлений, непосредственно участвующих в реализации поставленных целей. Понимаемые таким образом средства составляют необходимый «технологический» арсенал всякой целенаправленной актив-

---

¹ См.: Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С.7; Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С.18.

ности человека. Иными словами, процесс воздействия субъекта на объект всегда опосредован некоторой совокупностью предметов и явлений и не может осуществляться без такого опосредования. Это, в свою очередь, означает, что специфика используемых субъектом средств детерминирует качественную определенность его активности.

Понятие «средства» в самом широком философско-методологическом смысле трактуется как все то, что необходимо для реализации цели, все то, что «служит цели» и имеет смысл именно в этой связи. В таком понимании средство, – поясняет Н.Н. Трубников, есть не что иное, как «определенность объекта через цель»¹. Иными словами, фактически единственным ограничением, которое накладывается на природу объектов, выступающих в качестве средств деятельности, является их способность служить поставленной человеком цели. Вместе с тем, подобная способность не является имманентно присущим предмету свойством. Она задается ему извне человеком, вовлекающим предмет в орбиту своей деятельности и связывающим его с конкретными целями. «Явления, не включенные в процесс человеческой деятельности, – пишет в этой связи В.А. Сапун, – сами по себе не являются средствами, они становятся таковыми, лишь будучи поставленными в определенные отношения к целям и задачам деятельности, включенные в структуру деятельности»².

Таким образом, определение предмета или явления как средства имеет смысл лишь в рамках конкретной целеполагающей деятельности. Вне связи с некоторой целью и процессом деятельности предмет не может рассматриваться ни средством, ни «способностью» служить средством³. При этом представление реального предмета или явления в виде средства, указывая на его функциональную роль в структуре деятельности, отнюдь не раскрывает полностью всей присущей ему качественной определенности. Способность служить цели составляет по существу лишь внешнюю характеристику того или иного феномена.

В гносеологическом аспекте понятие средства, соотносимое с категорией цели, используется для особой, инструментальной, интерпретации действительности. Инструментальная направленность исследования дает возможность по-новому очертить контур реальности, с которой, как со своим предметом, имеет дело познание. Определение изучаемого предмета в качестве средства изменяет исходный пункт и ход рассуждения: первичным становится не сам по себе факт существования того или иного явления, а его функциональная, «служебная» роль по отношению к конкретной цели. Осмысление инструментальной составляющей того или иного вида деятельности позволяет воспроизвести механизм трансформации ее целей в результаты.

Следствием реализации подобного методологического подхода к правовой действительности стало внедрение в категориально-понятийный аппарат юридической науки предельно общей абстракции «правовые средства», которой идеально воспроизводится суть особого юридического инструментария. Как замечает в этой связи В.А. Сапун, в аспекте инструментального подхода право действует не само по себе, только как единое явление социальной действительности, а через правовые средства, от их качества, корректного и искусного использования зависит в конечном счете эффективность права⁴.

Первоначальная разработка категории «правовые средства» велась отечественной правовой доктриной в контексте проблемы правового регулирования. Трактовка правового регулирования как специально-юридического воздействия на общественные отношения естественно выдвинула на первый план новую «единицу анализа, такое минимальное образование, «клеточку», в котором непосредственно представлены существенные связи и параметры объекта»⁵. В качестве единицы анализа при изучении правового регулирования, в полной мере отражающей его специально-юридическую природу и упорядочивающее воздействие на общественные отношения, выступило правовое средство.

Этим вполне определенно был задан науковедческий статус категории «правовые средства». Она выполняла сугубо прикладную задачу, раскрывая активно-действенный аспект исследования иных явлений правовой действительности. Данная мысль наиболее последовательно была выражена С.С. Алексеевым, утверждавшим, что необходимость в постановке проблемы правовых средств связана с особым видением норм права, индивидуальных предписаний и велений, технико-юридического инструментария. В данном случае они «рассматриваются не сами по себе, не во всех своих свойствах и связях, а преимущественно со стороны их активной действенно-регулятивной роли. В этом и только в этом качестве все они выступают как инструменты, а стало быть, средства в осуществлении определенных социальных задач, реализации жизненных идеалов и ценностей»⁶.

¹ Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». – М.: Высшая Школа, 1968 – С. 83.

² Сапун В.А. Указ. соч. С. 167.

³ Трубников Н.Н. Указ. соч. С. 84.

⁴ Сапун В.А. Указ. соч. С. 47.

⁵ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. – М.: Наука, 1978. – С. 307.

⁶ Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 15.

Следуя такой методологической установке, указанный автор сформулировал два принципиальных для понимания природы правовых средств вывода.

Согласно первому из них, правовые средства не составляют каких-то особых, отличных от «традиционных», закрепленных общепринятым понятийным аппаратом элементов правовой действительности. По существу, в виде правовых средств предстает вся система правовых явлений, охарактеризованных с точки зрения их функционального предназначения, тех черт, которые позволяют использовать их как инструменты решения экономических и иных социальных задач социалистического общества. Иными словами, в онтологическом представлении правовых средств можно отвлечься от качественного своеобразия исследуемых явлений и сосредоточить внимание на его функциональных проявлениях вовне.

Второй вывод прямо указывает на гносеологический статус понятия правовые средства: вопросы правовых средств – не столько вопросы обособления в особое подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько их особого видения в строго определенном ракурсе – их функционального предназначения, их роли инструментов оптимального решения социальных задач¹.

Приведенные положения, оказав весомое влияние на последующее развитие инструментальной теории права, продолжают в целом определять и современные представления о сущности правовых средств.

Сказанное, таким образом, ясно обозначает общие пределы онтологии, в рамках которой идет разработка проблемы договорно-регулятивных средств. Такой подход определяет и содержание исследовательской задачи, которая состоит в установлении круга правовых явлений, задействованных в процессе договорного правового регулирования и раскрытии их специфических функций. Соответственно этому понятие «договорно-регулятивное средство» как видовая конкретизация категории «правовые средства» относится к понятийному ряду, отражающему не качественную определенность явлений правовой реальности, а ее разнообразные проявления в процессе осуществления целей договорно-регулятивной деятельности.

Вместе с тем констатация функциональной направленности договорно-регулятивных средств не раскрывает еще предметного содержания этого понятия. Его полноценная общетеоретическая трактовка, во-первых, требует осмысления объективной природы правовых явлений, относимых к договорно-регулятивным средствам, а, во-вторых, предполагает решение вопроса о том, какие специфические свойства они проявляют в процессе договорного правового регулирования.

На необходимость постановки и решения названных вопросов применительно к договорно-регулятивным средствам указывает последовательно проводимая в научной литературе мысль о том, что не всякое явление может служить средством достижения той или иной цели, для этого оно должно обладать строго определенными объективными свойствами². В частности, Н.Н. Трубников в этой связи писал: «Рассматривая средство в его частных формах, мы должны, следовательно, задать себе вопрос, почему мы можем применять некоторую совокупность предметов для реализации той или другой цели? Задав такой вопрос, мы обнаружим, что каждый из этих предметов является носителем некоторого одного или одних и тех же общих этим предметам свойств. Именно эти свойства и лежат в самой основе определения предмета как средства, в самой основе возможности применить каждый из них в качестве средства определенной цели»³.

Отвечая на первый из поставленных вопросов, методологически верным кажется опираться на общее понятие правовых средств как абстракции более высокого порядка, в полной мере охватывающей все присущие договорно-регулятивным средствам признаки. Однако, несмотря на ясность приведенных положений, их практическое осуществление затрудняет известная дискуссионность проблемы правовых средств, порождающая неоднозначные, часто разноречивые, трактовки указанной категории.

Так, в ходе становления инструментальной теории права в отечественной юридической науке сформировалось и утвердилось два основных подхода в понимании правовых средств. Сторонники первого подхода с тех или иных позиций обосновывают вывод о том, что правовые средства представляют собой субстанциональные, институционные правовые явления, воплощающие регулятивную силу права и составляющие его «плоть». Такой подход был развит прежде всего в работах С.С. Алексеева. В представлении указанного автора, правовые средства обладают объективированной субстанциональной природой, образуя «вещество» права, его субстанцию.

Субстанциональный характер как конституирующий признак правовых средств, по мнению автора, присущ лишь явлениям-регуляторам, образующим основу и механизм регулирования (нормам, правовым положениям практики, индивидуальным предписаниям, правам и обязанностям) и явлениям правовой формы – нормативным и индивидуальным актам⁴.

¹ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 15.

² Сапун В.А. Указ. соч. С. 167.

³ Трубников Н.Н. Указ. соч. С. 97.

⁴ Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация. С. 14.

Первые, непосредственно олицетворяют регулятивную силу права, его способность вносить упорядоченность в общественные отношения. Вторые – в силу единства формы и содержания права объективируют, выражают вовне эту силу.

Утверждая субстанциональность и институционность правовых средств, С.С. Алексеев противопоставляет их правовой деятельности. «Это – не действия юридического характера, – пишет он, – не разнообразные процессы в юридической области, а юридические реальности – твердая, неизменная «юридическая наличность» (которую можно как бы «взять в руки»), так или иначе использовать»¹.

Таким образом, согласно представленной точке зрения, круг правовых средств ограничивается статическими элементами правовой системы, концентрированно выражающими нормативность и формальную определенность права.

Сходные взгляды на природу правовых средств высказывал также В.А. Сапун. Под правовыми средствами указанный автор понимает такие институционные явления (формы, установления) правовой действительности, реальное функционирование, использование которых приводит к практическому осуществлению объективного и субъективного права, его претворению в жизнь, достижению конечного социально-экономического результата².

В основе подобного вывода лежит мысль о том, что правовые средства составляют элементарную частицу права как «институционного нормативного образования» в его инструментальной интерпретации. Как полагает автор, правовые средства обладают всеми свойствами, которые характеризуют право как систему правовых средств (публичностью, обозримостью, конкретностью, реальной применимостью, гарантированностью), придающих им качество институционности³.

Иными словами, положение об институционной природе правовых средств опирается на системный принцип «порождения свойств целого из свойств элементов и, наоборот, порождения свойств элементов из характеристик целого»⁴.

Более категорична в определении правовых средств Л.В. Белова, включающая в указанное понятие лишь «нормативные установления, реализация которых может привести к достижению целей правового регулирования и решению задач, стоящих перед обществом и государством на современном этапе». При этом формы внешнего выражения правовых средств совпадают с формами внешнего выражения норм права⁵. Приемы юридической практики, утверждает Л.В. Белова, исключаются из системы правовых средства, так как это противоречит самой природе права как системы нормативных установлений.

Нетрудно увидеть, что в основе подобных суждений, лежит прямое отождествление правового средства с нормой права.

Приведенным трактовкам категории «правовые средства» нельзя отказать во внутренней непротиворечивости и логической аргументированности. Между тем приведенная концепция правовых средств не лишена недостатков и вызывает возражения в правовой науке. Ее обстоятельная критика дана А.В. Малько, К.В. Шундиком и рядом других авторов, являющихся представителями широкого подхода к категории «правовые средства». Так, А.В. Малько определяет последние как правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей⁶. К средствам-деяниям указанный автор относит акты реализации прав и обязанностей, имеющие универсальное значение и принижающие все формы правовой активности. Поэтому практически вся юридическая деятельность, по мысли А.В. Малько, (правотворческая, правоприменительная, интерпретационная) может быть причислена к средствам-деяниям.

Близкую позицию по рассматриваемому вопросу занимает и К.В. Шундик, полагающий, что «юридические средства – это взятая в единстве совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей»⁷.

В общем плане идея инструментального значения актов правореализующего поведения теоретически и практически оправдана и находит поддержку в научной литературе. В частности, Н.Н. Вопленко прямо подчеркивал, что «с начального момента правоприменительной деятельности соблюдение, исполнение и использование права подчинены задаче юридически правильного применения права. И если возникает дефект в какой-либо форме реализации права, то его следует рассматривать как препятствие

¹ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Норма, 2002. – С. 188.

² Сапун В.А. Механизм реализации советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – №1. – С.5.

³ Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. С.54.

⁴ Юдин Э.Г. Указ. соч. С.103.

⁵ Белова Л.В. Правовые средства и формы защиты экономических интересов: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – С. 18.

⁶ Малько А.В. Указ. соч. С. 17.

⁷ Шундик К. В. Цели и средства в праве: Общетеоретический аспект: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 1999. – С. 13.

для правоприменения»¹. Кроме того, указывается, что подобного рода действия, будучи непосредственно направленными на вынесение правоприменительного акта, с точки зрения результатов правореализации носят вспомогательный характер и вне правоприменительной деятельности не имеют самостоятельного значения².

Центральным тезисом сторонников рассматриваемой концепции, если отвлечься от незначительных отличий в оттенках мнений, является представление о правовых средствах как о связующем звене идеального (цели) и реального (результата). Являясь специфическим посредником между мысленными моделями и материальными результатами деятельности, правовые средства, отмечает А.В. Малько, охватывают как элементы идеального (инструменты, средства-установления – субъективные права, обязанности, льготы, запреты, поощрения, наказания и т. п.), так и элементы реального (средства-деяния, направленные на использование инструментов – прежде всего, акты-реализации прав и обязанностей)³.

Возражая против узкосубстанционального понимания правовых средств, А.В. Малько приводит ряд доводов, общий смысл которых сводится к тому, что «игнорирование в инструментальном подходе юридической технологии не позволяет полноценно учитывать все те факторы, с помощью которых можно достичь поставленных целей». В частности, при такой интерпретации за гранью механизма правового регулирования остаются его традиционные, общепризнанные элементы – юридические факты (правомерные действия) и акты применения права (акты-действия)⁴.

В дополнение к изложенной аргументации представляется уместным сделать следующие выводы о природе правовых средств.

Во-первых, сведение правовых средств только к субстанциональным явлениям противоречит философскому смыслу категории «средства», в соответствии с которым на природу предметов, определяемых как средства, принципиально не накладывается никаких ограничений, кроме одного – способность служить цели. Не случайно Н.Н. Трубников пишет, что «не только сами по себе вещи или комплексы вещей, не только предметы и инструменты как таковые определяются как средство. Как средство определяется и труд человека, а значит, и сам человек»⁵.

Во-вторых, связывая сущность правовых средств лишь с субстанцией права как нормативного регулятора общественных отношений, авторы сужают реальный круг функционирующих, «работающих» на социально значимые цели явлений правовой действительности.

Как представляется, функциональная активность, понимаемая в контексте инструментального подхода как способность участвовать в реализации тех или иных социально значимых целей, имманентно присуща всей правовой организации общества. Такое смысловое объяснение позволяет утверждать, что не только право может быть рассмотрено как комплекс правовых средств, но и правовая система в целом. Все ее компоненты, иначе говоря, имеют инструментальное значение, являясь своеобразными правовыми средствами по отношению к конкретным целям. Это обстоятельство в известном плане уже отмечалось в юридической литературе. Так, Н.И. Матузов определяет правовую систему как совокупность внутренних согласованных, взаимосвязанных, социально-однородных юридических средств (явлений), с помощью которых публичная власть оказывает регулятивно-организующее и стабилизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей и их объединения. Понимаемая таким образом правовая система включает в себя весь юридический инструментарий, находящийся в распоряжении государства⁶.

Инструментальное назначение составляющих правовую систему элементов подчеркивал и В.Д. Первалов, указывая, что «правовая система – это «целостный комплекс правовых явлений, обусловленный объективными закономерностями развития общества, осознанный и постоянно воспроизводимый людьми и их организациями (государствами), который используется ими для достижения своих целей»⁷.

Понятием субстанциональных правовых средств охватывается лишь часть слагаемых правовой системы, ее ядро и нормативная основа. Функционирование же остальных компонентов правовой системы выражается в виде средств-деяний, в ткань которых интегрированы субъективные явления правовой действительности. Поэтому правомерно выделение кроме «институционно-функциональных» образований правовой действительности, деятельностно-функциональных явлений, которые в равной мере служат «инструментами в решении социально-экономических и иных задач, стоящих перед обществом на определенном его этапе»⁸.

¹Вопленко Н.Н. Общая теория реализации права и правоприменительная деятельность следователя // Проблемы применения правовых норм на предварительном следствии: Сб. научных трудов. – Волгоград, 1982. – С. 12.

²Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность и реализация права: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. – С. 152.

³Малько А.В. Указ. соч. С. 17.

⁴Там же. С. 20.

⁵Трубников Н.Н. Указ. соч. С. 82.

⁶Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 181, 185.

⁷Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В.Д. Первалов. – М.: Норма, 2007. – С. 459.

⁸Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. С. 54.

В-третьих, отрицание инструментальных качеств правовой деятельности превращает ее в пассивный придаток правовых форм и установлений, лишенный собственной качественной определенности.

Между тем правореализующее поведение конкретного лица, опосредованное совокупностью социально-психологических компонентов, обладает специфическими характеристиками и свойствами, которые могут существенно повлиять на достижение целей правового регулирования. Подобное положение обусловливается тем, что реализация норм права представляет собой не только фактический итог правового регулирования, но и результат самостоятельного идеологического воздействия права¹.

Инструментальное измерение актов реализации прав и обязанностей позволяет правильно поставить проблему их эффективности и объяснить несовпадение целей права и фактических результатов правового регулирования, основанием которого нередко бывает не столько качество нормативного материала, сколько дефекты в поведении субъектов реализации права.

В-четвертых, ряд правовых средств имеет двойственную природу, сочетающую в себе субстанциональное и деятельностное начала. Так, к примеру, правоотношение, традиционно относимое к субстанциональным правовым средствам, по существу представляет собой глубокую взаимосвязь двух разнопорядковых правовых феноменов – субъективных прав и обязанностей (юридическое содержание) и деятельности (фактическое содержание).

С учетом вышеизложенного мы присоединяемся к научной позиции, в соответствии с которой под правовыми средствами понимаются как установления, так и деяния. На основе выводов, сделанных в ходе рассмотрения общего понятия правовых средств, представляется возможным предположить, что в качестве договорно-регулятивных средств выступают две группы элементов правовой действительности: субстанциональные правовые явления (установления-формы) и явления правовой деятельности (акты реализации прав и обязанностей), и предложить следующую дефиницию: договорно-регулятивные средства представляют собой субстанциональные и деятельностные правовые явления, выражающие согласованную волю юридически равных взаимозависимых субъектов права, использование которых обеспечивает выработку и реализацию оптимальных моделей их совместного поведения.

---

¹ Решетов Ю.С. Реализация норм советского права: Системный анализ. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – С. 32.

Баранов Владимир Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Baranov Vladimir Mikhailovich

doctor of law, Professor, honored scientist of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, assistant to the head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activities, President of the Nizhny Novgorod research and applied center "Legal technology"

E-mail:baranov_prof@bk.ru

**Интуиция в законотворчестве:
постановка проблемы**

Intuition in lawmaking: problem statement

Аннотация. В статье предпринимается попытка обосновать целесообразность и ценность применения интуитивного знания в законотворчестве, обрисовываются границы использования интуиции законодателя. Интуиция как синтез знания, полученного образования и жизненного опыта может помочь законодателю при выдвижении идей и концепций законов, критике обсуждаемых законопроектов, моделировании восприятия принятых законов и других законотворческих действий. Нельзя упускать из виду, что ошибки интуитивного познания «перетекают» в процедуры аргументации при обсуждении законопроектов и мониторинге действующих законов.

Ключевые слова: интуиция, интуитивное знание, идея закона, концепция законопроекта, граница (предел) применения интуиции в законотворчестве, ошибка интуитивного знания, интуитивное познание и качество законодательства

Abstract. The article attempts to substantiate the expediency and value of using intuitive knowledge in lawmaking, outlines the boundaries of using the intuition of the legislator. Intuition as a synthesis of knowledge, education and life experience can help the legislator in putting forward ideas and concepts of laws, criticizing the bills under discussion, modeling the perception of adopted laws and other legislative actions. It should not be overlooked that errors of intuitive cognition "flow" into argumentation procedures when discussing draft laws and monitoring current laws.

Keywords: intuition, intuitive knowledge, the idea of the law, the concept of the bill, the boundary (limit) of the application of intuition in lawmaking, the error of intuitive knowledge, intuitive cognition and the quality of legislation

---

«Если метод правильно объясняет, каким образом следует пользоваться интуицией ума, чтобы не впасть в заблуждение, противное истине, и каким образом следует отыскивать дедуктивные выводы, чтобы прийти к познанию всех вещей, то, мне кажется, для того, чтобы он был совершенным, не нужно ничего другого, поскольку невозможно приобрести никакого знания, кроме посредством интуиции ума или дедукции».

*Декарт Рене.
Правила для руководства ума // Сочинения в 2 томах. Том 1.
М.: Мысль, 1989. С. 21.*

«Интуиция, вдохновение – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем – не вызываются ни научной, ни логической мыслью, не связаны со словом и с понятием в своем генезисе. В этом основном явлении в истории научной мысли мы входим в область явлений, еще наукой не захваченную, но мы не только не можем не считаться с ней, мы должны усилить к ней наше научное внимание».

Вернадский В.И. О науке. Том 1. Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. С. 464.

Подзаголовок названия предлагаемой статьи обуславливает не только ее содержание, но и форму, стиль. В работе больше проблемных вопросов, нежели аргументированных ответов на них. На начальном этапе исследования выдвинутой проблемы это, пожалуй, неизбежно и, думаю, нормально.

Общего плана подходы к проблеме интуиции в юридической сфере, конечно, сформированы. Юридическая психология, естественно, не может не касаться интуиции при освещении самых разных следственно-судебных и оперативных ситуаций. Работы о социально-психологических аспектах не только правоприменения, но и иных форм реализации (включая толкование) юридических норм фрагментарно касались интуитивного знания.

Даже убежденные сторонники психологической школы права, как ни парадоксально, далеко не всегда обращались к интуиции. Например, И. А. Покровский, анализируя статью Б. А. Кистяковского о рациональном и иррациональном в праве, обозначил лишь три психологических элемента права – сознание, волю, чувства¹. Интуиция ни в одном из этих элементов упомянута не была.

Наши рассуждения не следует «квалифицировать» как следование идеям Леона Петражицкого, противопоставлявшего «интуитивное право» (то есть нормы, вызванные психическими переживаниями) и действующее законодательство. Интуиция, эмоции, чувства не могут лежать в основе права – психические явления составляют лишь один из многих «пластов» содержания законодательства².

«Перекинем мостик» к современности – обстоятельной и оригинальной монографии В. П. Малахова о правосознании³. Автор исходит из того, что теория правосознания – самостоятельная теория, а не придаток теории права. На с. 9 он пишет: «правосознание – это мышление о праве, синтезирующее его отражение, рефлексию и творчество». И здесь я выскажу «интуитивную догадку»: профессор Малахов В. П. слишком узко понимает мышление. На мой взгляд, более правы те специалисты, которые в нестереотипное мышление включают не только строго логические построения рассуждений на основе точно определенных понятий, но и «размытые» наглядные образы памяти, воображение, фантазию и другие психологические явления, включая интуицию.

Я не стану комментировать следующие предложенные В. П. Малаховым тезисы (они находятся вне рамок статьи) – «Право творить нельзя (невозможно). Творится на самом деле не право, а корпус законов», «Право – не мера свободы, а мера правильного и нормального», «Теория правотворчества есть специфическое отражение и выражение правового нигилизма» – но согласиться с ними трудно.

Должен отметить другой аспект богатой будоражающими идеями содержания его книги – четыре объемные главы нацелены на всемерное теоретическое, практическое, дидактическое возвышение роли и возможностей индивидуального и общественного правосознания. Самоидентификация правосознания ведется через анализ правового, правильного, нормального, законного, дозволенного, правосудного, гарантированного, санкционированного, преступного и ... ни разу в тексте не фигурирует понятие «интуиция». Интенции правосознания раскрываются автором посредством исследования свободы, равенства, справедливости, ответственности и при этом «не замечается» невозможность достижения истины при освещении названных проблем без учета интуитивного знания.

Массовому правосознанию интуиция в чистом виде вряд ли присуща (наверное, только при конформизме). А вот специфику и организационно-управленческие потенции индивидуального и группового правосознания можно раскрыть только «задействуя» механизмы интуиции.

Если исследователь претендует на формирование самостоятельной цельной **теории**, то он обязан обозначить все основные элементы рассматриваемого феномена (в нашем случае – правосознания). Раскрыть каждый из них одинаково глубоко, конечно, невозможно, но представить масштаб объекта теоретического анализа должно. В заключении монографии на с. 331 В. П. Малахов оговаривается – «предложенная теория не может считаться ни единственной, но тем более единственно верной». Не в порядке критического замечания, а в целях оказания помощи автору в случае дальнейшей разработки им теории правосознания хочу отметить – желательно, кроме проблемы интуиции, рассмотреть еще

¹ Покровский И. А. «Иррациональное» в области права. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Соеко, 1915. – С. 7.

² Интересные рассуждения о национально-психологических основах правового познания см. Козловський А. А. Право як пізнання: Вступ до гносеології права. – Чернівці: Рута, 1999. – С. 157–177.

³ Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. – 335 с.

один феномен, остающийся без внимания правоведов. Имею в виду такое социальное явление, как **стыд**. Не только совесть, о которой В. П. Малахов пишет в своей книге, но и стыд¹ занимает особое место в правосознании.

В настоящей статье внимание юридической общественности привлекается к целесообразности использования интуиции, интуитивного знания к сфере законотворчества, реальным возможностям этого мыслительно-психологического феномена влиять (позитивно либо негативно) на качество законов, на совершенствование законодательного процесса.

Сразу «напрашивается» отрицательный ответ на поставленные отнюдь не риторические вопросы: для чего привлекать зыбкие механизмы интуиции, если прежде всего требуется научное обоснование объективных факторов правообразования, объективной стороны законотворчества.

Я полагаю, что субъективная сторона процесса законотворчества и его результата законодательства (в самом широком смысле этого понятия) не только должна быть «раскрыта» поэлементно: пора четко обозначить доминирующие внутренние и внешние связи между каждым элементом.

Обращение юридической науки и практики к системной разработке интуиции позволит получить современный более полный «срез» психологии законотворчества в России.

В небольшой, но содержательной и интересной работе В. Ю. Багдасарова об объекте правотворчества вполне оправданно вычленяется «субъективная сторона правотворчества», куда автор «включает» цель, мотивы, желания субъекта правотворчества². Интуиции в этом ряду место не нашлось, как не находится и во многих других (даже весьма крупных) публикациях по доктрине, практике, технике законотворчества.

Почему в юриспруденции возникла «фигура умолчания» по столь интересному объекту практического и научного знания? Я ответить на этот вопрос пока не могу. Не исключаю, что некоторым специалистам интуиция представляется настолько малоизученным и неясным феноменом, что вести речь о его влиянии на законотворчество, по крайней мере, преждевременно. Кто-то по всей видимости, может считать, что воздействие интуиции на современный сильно заорганизованный законодательный процесс столь слабо и незначительно, что от него можно абстрагироваться и не учитывать. Иногда все интуитивное относят к мистике (мистификации) и на этом произвольном основании полагают возможным не обращать на него внимания.

По моему убеждению, абсолютно каждая «деталь», «частность» законодательного процесса имеет значение, а их потенциальные и реальные возможности должны быть исследованы с надлежащей полнотой и глубиной. Никто не знает – когда и при каких условиях эта «деталь» может выступить на первый план, играть решающую роль и перерасти в доктринальный план в целое научное направление. Значительный вклад в решение рассматриваемой проблемы внес К. С. Бельский³ и остается сожалеть, что представители иных отраслевых юридических наук не «взяли на вооружение» его подход и не попытались подвергнуть анализу интуитивную основу своих учебных и научных дисциплин.

¹ О многоплановой природе этого явления см.: Малахов В. А. Стыд (философско-этический очерк). – М.: Знание, 1989. – 64 с.; Фейнберг, Е. Л. Две культуры: интуиция и логика в искусстве и науке / Е. Л. Фейнберг. – Москва: Наука, 1992. – 256 с.; Якоби М. Стыд и истоки самоуважения / пер. с англ. Л. А. Хегая. – М.: Ин-т аналит. психологии, 2001. – 256 с.; Лосский, Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Н. О. Лосский. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. – 401 с.; Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. Пер. с англ. Н. Д. Хариковой, под общ. ред. М. Г. Флямера. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 310 с.; Орлов Ю. М. Стыд. Зависть. – М.: Слайдинг, 2005. – 96 с.; Килборн Б. Исчезающие люди: стыд и внешний облик / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2007. – 269 с.; Нэш Д. К вопросу о дальнейшем изучении стыда. Размышления на основе британских исторических источников 19 в. // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (16–20 вв.): Сборник статей / под ред. Муравьевой М. Г. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011. – С. 39–59; Артемьев Т. М. Интуиция и рефлексия в понимании: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Санкт-Петербург 2014. – 19 с.; Гергилов Р. Е. Культурные детерминанты стыда // Обсерватория культуры. – 2014. – № 3. – С. 107–114; Поттер-Эфрон Р. Т. Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 240 с.; Симонова О. А. Стыд и бедность: последствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – Т. 12. – № 4. – С. 539–554; Осипов И. Д. Интеллектуальные интуиции евразийской философии права / И. Д. Осипов, А. М. Соколов, А. И. Стребков // Вопросы философии. – 2015. – № 10. – С. 51–58; Тимошина Е. В. Философия права Л. И. Петражицкого: право как интуиция общего блага // Право и государство. – 2014. – № 4. – С. 81–89; Хольцхей-Кунц Э. Зачем нужно философское размышление о стыде? // Теория и практика психотерапии. – 2015. – № 4 (8). – С. 10–17; Васильев А. А. Правовая интуиция // Государство и право в изменяющемся мире: междунар. научно-практ. конф., 5 марта 2015 г., Нижний Новгород: сб. материалов / отв. ред.: Ю. В. Журавлева. – Нижний Новгород, 2016. – С. 484–486; Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. – СПб.: Питер, 2016. – 288 с.; Касумов Т. К. Стыд как философский концепт // СОТИС – социальные технологии исследования. – 2016. – № 1 (75). – С. 7–24; Маслова А. В. Рациональность и интуиция в научном познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Москва, 2016. – 26 с.; Прокофьев А. В. О моральном значении стыда // Этическая мысль. 2016. – Т. 16. – № 2. – С. 106–122; Прокофьев А. В. Пристыжающие правовые санкции в контексте психологии стыда // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8. – С. 27–34; Баженов М. В. Переживание стыда в «зеркале» социальных теорий. – СПб.: Алетейя, 2021. – 504 с.

² Багдасаров В. Ю. Объект правотворчества. – Ставрополь: Бюро новостей, 2018. – С. 92.

³ Бельский К. С. Интуитивные методы познания финансового права // Право и государство: теория и практика. – 2013. – № 3. – С. 78–83.

Интуиция, интуитивное знание – высокозначимый и относительно самостоятельный элемент субъективной стороны законотворчества и именно в этом фокусе есть резон междисциплинарно его анализировать. Очевидны трудности этого анализа: сама психологическая «материя» интуиции отличается «неуловимостью», тончайшей динамикой, гибкими переходами в иные состояния. Не приходится сомневаться в том, что интуиция – часть не только сознания, но и момент бессознательного. Бессознательное, как известно, порой существенно влияет, мощно воздействует на деятельность человека. «Привязана» интуиция и к случайности, что, конечно, осложняет юридический анализ. Так или иначе, но феномен интуиции нельзя объяснить без обращения к колоссальным возможностям мозга, без понимания того факта, что многие его функции лежат вне человеческого сознательного контроля. И тем не менее я осмелюсь констатировать: интуиция (пусть в значительной мере теневым образом) «сопровождает» законотворческий процесс и незримо входит в его конечный результат – законодательные акты.

Интуиция в законотворчестве, разумеется, имеет пределы (границы) применения и их тоже надо как-то установить, формализовать, систематизировать. Вряд ли интуиция может быть **ядром, стержнем** всего законотворческого процесса, но выступить мощным **катализатором** высокоценной законодательной идеи¹ она в состоянии. Что касается дальнейшей судьбы интуитивно появившейся идеи закона, то уже от множества других факторов зависит ее «преобразование» в концепцию и проект законодательного акта. Как верно подметил французский философ Анри Бергсон, «от интуиции можно перейти к анализу, но нельзя перейти от анализа к интуиции»².

Вхождение интуитивного знания в акт правотворчества означает «проникновение» в него **человеческого начала** – именно это обстоятельство превращает законодательство в право. Как замечает Ю. А. Веденеев, «категория «человек юридический» в современном ее понимании фиксирует внимание... прежде всего на том, как сам человек видит, оценивает и квалифицирует свое юридическое присутствие в публичном и частном пространстве действительности, а не мнимого существования»³.

Интуиция – элемент мотивационной основы структуры социального⁴ и профессионального самоопределения законодателя. При этом многие характеристики профессионального самоопределения обуславливаются его социальным самоопределением.

Интуиция тесно связана с интеллектом, креативными профессиональными способностями человека – все это касается психологической характеристики каждого законодателя. По А. Н. Воронину, «способности личности, определяющие социальную успешность и качественное своеобразие социального познания и поступков, в структуре которых функционируют способности индивида и субъекта деятельности»⁵.

Обращение в законотворчестве к интуиции не означает замены рациональности и объективности иррациональностью и относительностью, неопределенностью. Имеется в виду расширение границ познавательной базы законодательной деятельности.

Законодательный процесс – **познание** отражаемой юридически значимой действительности (деятельности) и интуиция в структуре этого специального вида познания занимает определенное (постоянно меняющееся) место. Типы, виды, интуиции в данном аспекте вряд ли имеют существенное правовое значение. Гораздо важнее исключить факторы, способные «загасить», «притушить» интуицию законодателя, вынуждая его не озвучивать, не обнародовать свое мнение. Выделяемые в философии 4 типа ин-

¹ Подробнее см.: *Баранов В. М.* Национальный интерес и идея законопроекта: проблема трансформации // Правовое обеспечение национальных интересов: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25-26 октября 2005 г.) / Под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. – С. 63 – 81; *Баранов В. М.* Идея законопроекта // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 28–39; *Баранов В. М.* Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 9–17; *Баранов В. М.* Идея и концепция законопроекта: некоторые содержательные и технико-юридические проблемы взаимосвязи // Научные труды Российской академии юридических наук. Выпуск 8. В трех томах. Том 1. – М., 2008. – С. 641–652; *Баранов В. М.* Идея и концепция законопроекта как базовые начальные факторы повышения эффективности современного российского правотворчества // Эффективность права: проблемы теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции (Краснодар, 10-11 октября 2014 года). – Краснодар: Изд-во Кубанского государственного ун-та, 2014. – С. 31–56.

² *Бергсон А.* Собрание сочинений. Т. 5. – Санкт-Петербург: Издание М. И. Семенова, 1914. – С. 26.

³ *Веденеев Ю. А.* Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. – Москва: Проспект, 2022. – С. 41.

⁴ «Социальное самоопределение, – отмечается в психологической литературе, – процесс поиска субъектом своего способа жизнедеятельности в обществе (социуме) на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к обществу (социуму) и его субъектам, а также на основе собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и способностей, ожиданий и притязаний». См. *Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социальное самоопределение личности и группы: концептуальные основы и программа исследования // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 178, 190.

⁵ *Воронин А. Н.* Психологические ресурсы членов сообществ глобализации // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 55.

туции («интуиция как созерцание», «интуиция как идея», «интуиция как опыт», «интуиция как предположение») в реальном законодательном процессе образуют единое (цельное) представление об объекте правовой регламентации. Интуитивное знание здесь либо проявляется, либо в силу разных причин скрывается.

Для законотворчества особенно нужна и ценна **эвристическая интуиция**, которая В. А. Шумаковым определяется «комплексом критериальных характеристик, таких как предельно актуализированная познавательная задача, предварительная осознанная деятельность, неугасающая поисковая доминанта в мотивации научного поиска, волевые усилия, эмотивность, бессознательный характер деятельности, опыт исследователя, творческие усилия, высокая скорость «выдачи» результата в фокус сознания, продуктивность»¹.

Государству нужны и такие законодатели, которые способны (пусть в редких, чрезвычайных ситуациях) принимать управленческие решения, полагаясь на инновационную интуицию.

Нельзя не отметить, что юридическая наука и практика, законодатели, правовые аппараты представительных органов государственной власти, эксперты и различные рабочие группы уже имеют солидную методологическую базу для изучения сущности и роли интуиции – философы, психологи, культурологи, социологи, филологи уделяют этому феномену немалое внимание².

Особо следует отфиксировать разработку профессора И. В. Понкина о **методах интуитивной аналитики** (методе структурно-интуитивной аналитики и интуитивном аналитическом методе прогнозирования). Исходя из того, что интуитивный метод – вспомогательное (обеспечительное) средство познания реальности и решения задач (проблем), автор предлагает следующую развернутую дефиницию: «метод интуитивной аналитики – эвристический метод решения сложных неформализованных проблем и задач, реализуемый на основе неформального профессионального опыта и категорий субъективно-профессионально самоочевидного и предусматривающий оперирование догадками и неясными семантическими образами, усмотрениями, неаргументированными ощущениями, предположениями (допущениями, гипотезами), без приведения рассуждений и подтверждения формальными доказательствами, – в целях формирования релевантного (или аппроксимированно-релевантного) аналитического видения исследовательской или конструктивно-проектировочной задачи (проблемы) и путей её непосредственного решения»³. Рекомендаций в силу иной направленности издания (это учебник по методологии науки) по оптимизации функционирования интуитивного знания в законотворчестве известный российский правовед не предложил.

По А. Э. Бахметьеву, «онтогносеологический статус интуиции заключается в ее функции быть отражением истины реального и идеального бытия»⁴. На с. 11 автореферата автор предлагает следующую трактовку интуиции – «онтогносеологическая форма схватывания существующего, реализующаяся на каждой ступени познания (чувство, рассудок, разум) и обеспечивающая превращение опыта в основание действия».

Интуиция рассматривается рядом специалистов как **основание** точного **непосредственного** научно-практического знания, позволяющего человеку (а значит – и законодателю) решать сложные задачи без перебора всех возможных вариантов. В философии имеется и другое мнение: «Непосредственного знания не существует – любое знание возникает на основе каких-то предпосылок и когнитивных опера-

¹ Шумаков В. А. Эвристическая интуиция в свете общих методологических идей синергетики: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Челябинск, 2007. – С. 7.

² См.: Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII – начало XX в.). – Москва: Издательство «Мысль», 1965. – 312 с.; Бунге М. Интуиция и наука / Пер. с англ. Е. И. Пальского / Ред. и послесловие В. Г. Виноградова. – М.: Прогресс, 1967. – 188 с.; Ирина В. Р., Новиков А. А. В мире научной интуиции. – Москва: Наука, 1978. – 192 с.; Грановская Р. М., Березная И. Я. Интуиция и искусственный интеллект. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – 272 с.; Кузнецов А. Е. Интуиция как философская проблема: Гносеологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Улан-Удэ, 1997; Грибанов С. В. Интуиция в гуманитарном познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Нижний Новгород, 2003. – 28 с.; Машенцев А. В. Интуиция и ценностная ориентация в познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Санкт-Петербург, 2003. – 27 с.; Камалова О. Н. Интуиция как философско-антропологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Ростов-на-Дону, 2005. – 28 с.; Полова С. А. Интуиция в мировой философской и психологической мысли: основные направления изучения: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 19.00.01. – Москва, 2005. – 27 с.; Шумаков В. А. Эвристическая интуиция в свете общих методологических идей синергетики: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Челябинск, 2007; Багдасарян Л. Ш. Интуиция в системе когнитивной деятельности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Нальчик, 2010. – 24 с.; Макаров С. П. Интуиция как основа достоверности знания: на идеях раннего и позднего В. Соловьева: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Киров, 2011. – 27 с.; Артемьев Т. М. Интуиция и рефлексия в понимании: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Санкт-Петербург, 2014. – 26 с.; Разваляева А. Ю. Рациональность и интуиция как личностные факторы принятия решений: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2021. – 35 с.

³ Понкин И. В., Редькина А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки-Веди, 2020. – С. 351.

⁴ Бахметьев А. Э. Онтогносеологические границы интуиции в структуре познания: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Самара, 2021. – С. 5.

ций. Непосредственность есть абстракция, и на ее основе в философии строятся абстрактные, идеализированные модели интуиции»¹.

Нет сомнений в том, что теоретическое знание более объективно и значительно богаче непосредственного опыта, но ведь для предметов законодательной регламентации формирование теории требуется не всегда. Законодатель в отличие от многих иных субъектов в процессе создания законов не может оперировать неявным знанием, то есть таким, которое не формализуется и которое он сам не осознает в полной мере, не в состоянии предложить их проверяемые интуитивные оценки.

Интуиция определяется как «знание, возможными проявлениями которого является чувство и действие» (О. В. Степаносова), она выступает важным дополнением к рациональному мышлению. Интуиция является совокупностью опыта с условиями его возможности. Интуиция объединяет чувственное и рациональное, ощущение и разум, реальное и идеальное. Интуиция через определение онтологических границ задает критерий истинности познания.

Все вышеприведенные философские тезисы как методологическая основа юриспруденции нуждаются в правовом осмыслении, в доктринальной экспертизе на предмет потенциальной юридикации.

Интуиция как синтез знания, полученного образования и жизненного опыта может помочь законодателю при:

- официальном выдвижении авторской (именной) идеи закона;
- поддержке «чужой» идеи либо концепции закона;
- критике обсуждаемого законопроекта;
- представлении альтернативного проекта законодательного акта;
- моделировании процессов понимания и восприятия (в том числе протестного) принятых законов;
- дополнении кодификационных актов;
- устранении из системы законодательства «мертвых» юридических норм;
- формулировании высшими судебными органами правовых позиций (через своих представителей, «обогащая» мотивировочную и резолютивную части постановлений и определений).

Ждут своих исследователей следующие проблемы, которые я представлю в формате вопросов:

- каков механизм возникновения интуитивного правового знания, откуда и как появляются интуитивно-эвристические знания юридического;
- возможно ли и в каких пределах прямое либо косвенное управление интуицией, интуитивным знанием в процессе законотворчества;
- можно ли в принципе нацелить, «настроить» правосознание индивида или группы лиц на инновационное (эвристическое) интуитивное познание и исключить обращение к устаревшим, отжившим, вредно-консервативным правовым стереотипам, шаблонам;
- может ли и каким образом влиять на эволюцию интуиции в законотворчестве цифровизация юридического знания?
- реально ли использование в законотворчестве представление сложных предметов юридической регламентации эмоционально-значимых и наглядных интуитивным символом;
- всегда ли политическая, психологическая напряженность в депутатском корпусе помогает, выступает толчком эвристического интуитивного познавательного акта при принятии государственного решения;
- каковы возможности интуиции в прогнозировании развития законодательства.

Сформулированные выше вопросы не только образуют будущее проблемное поле доктринально-практического исследования, но и выражают разумную меру неопределенности знания об интуиции в законотворчестве.

«Неопределенность, проблематичность знания, – отмечается в философской литературе, – возникает всякий раз, когда существуют различные альтернативные, возможные ответы на вопрос, но заранее не известно, какие именно ответы являются правильными. Создается ситуация принципиально непредсказуемого правильного ответа на проблемный вопрос... Поиск правильного ответа в этой ситуации может характеризоваться метафорически как «блуждание» самоорганизующейся системы, как флуктуации системы»².

Бесспорно то, что интуиция сопровождается в своей реализации значительным числом ошибок³, но это не повод для полного забвения этого способа познания в законотворческой деятельности. Выскажу гипотезу, которую не выдвинули специалисты по теории аргументации, формулируя определение **ошибки аргументации**. Считаю – ошибки интуитивного познания не могут не «перетекать» в процедуры аргументации.

¹ Кармин А. С. Интуиция: философские концепции и научное исследование. – СПб: Наука, 2011. – С. 852.

² Шумаков В. А. Эвристическая интуиция в свете методологических идей синергетики: автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Челябинск, 2007. – С. 21.

³ «Интуиция представляет собой одну из форм разумной деятельности человека, – пишет А. С. Кармин, – и как ее удаchi, так и ее ошибки подлежат рациональному анализу и объяснению». См.: Кармин А. С. Интуиция: философские концепции и научное исследование. – СПб.: Наука, 2011. – С. 854.

Франс Х. ван Еемерен и Роб Гроотендорст – профессора Амстердамского университета – предложили следующее определение ошибки аргументации: «Любое нарушение любого из правил процедуры обсуждения при проведении критической дискуссии (какой бы стороной и на какой бы стадии дискуссии оно ни совершалось) является ошибкой аргументации»¹. Думается – нужно в эту дефиницию после понятия «стадии дискуссии» поместить всего одно словосочетание из трех слов – «включая интуитивное познание». Эти слова не утяжеляют определение, но значительно расширят базу любого (в том числе и законотворческого) обсуждения (иногда резко критического) правовых письменных текстов и устных утверждений.

Завершить статью я считаю уместным, обратившись совсем не к правовой сфере, а к рассуждениям немецкого физика, врача, физиолога, психолога Германа Гельмгольца, сформулировавшего закон сохранения энергии. В 1891 году на чествовании 70-летия своего рождения он подверг критическому анализу процесс собственного научного творчества. В выступлении он говорил «о ряде счастливых проблесков мысли, приходивших в голову после долгого блуждания по сторонам». «Эти счастливые наития нередко вторгаются в голову так тихо, что не сразу заметишь их значение, – отмечал Г. Гельмгольц, – В других случаях мысль осеняет вас внезапно, без усилия, как вдохновение. Насколько могу судить по личному опыту, она никогда не рождается в усталом мозгу и никогда за письменным столом»².

Остается пожелать российским законодателям всех уровней, чтобы они доверяли своей интуиции, а новаторские правотворческие идеи «осеяли» их в любое время суток, не только в рабочее время.

---

¹ Еемерен ван Ф. Х., Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагма-диалектический подход // Пер. с англ. И. В. Берестова, О. А. Доманова, Д. В. Ильиной, И. Е. Кима; под общ. ред. О. А. Доманова. – М.: Канон + РО-ОИ «Реабилитация», 2021. – С. 222.

² Независимая газета. Приложение НГ – наука. – 2021. – 27 октября.

Баранова Марина Владимировна

доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Baranova Marina Vladimirovna

Doctor of Law, PhD (Cultural Study), Professor, Professor of Department of Labor and Environmental Law, National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: qazxsw1232007@yandex.ru

Правоведение в социально-цифровой среде: ВЫЗОВЫ, ДОМИНАНТЫ, ТЕНДЕНЦИИ

Jurisprudence in the socio-digital environment: challenges, dominants, trends

---

Аннотация: Правоведение на современном этапе развития не лишено проблемных зон, что естественно для находящегося в постоянном развитии и зависящего от специфики развития социума и государства феномена. Правовед, стремящийся к изысканию нового знания, формируется ценой длительных усилий, направленных на выработку системного подхода к освоению больших объемов правовой информации, исследовательских навыков. Эффективное развитие права, всех видов юридической практики возможно исключительно в условиях качественного функционирования научного сообщества, нацеленного на поиск нового знания и выработку на основе его системного осмысления путей и механизмов преодоления актуальных проблем. Правоведение в условиях современной социально-цифровой среды претерпевает существенные изменения, обусловленные технологизацией, политической и экономической ситуацией в государстве, но по-прежнему остается несущим логическим каркасом юридического мышления.

Ключевые слова: правоведение, социально-цифровая среда, право, правовед, юридическая практика, юридическое мышление, эффективность, цифровизация, государство, специалист

Abstract: Jurisprudence at the present stage of development is not devoid of problem areas, which is natural for a phenomenon that is in constant development and depends on the specifics of the development of society and the state. A lawyer seeking to find new knowledge is formed at the cost of long-term efforts aimed at developing a systematic approach to mastering large amounts of legal information and research skills. The effective development of law and all types of legal practice is possible only in conditions of high-quality functioning of the scientific community aimed at finding new knowledge and developing ways and mechanisms to overcome current problems on the basis of its systematic understanding. Jurisprudence in the conditions of the modern socio-digital environment is undergoing significant changes due to the technologization, political and economic situation in the state, but it still remains the supporting logical framework of legal thinking.

Keywords: jurisprudence, socio-digital environment, law, jurist, legal practice, legal thinking, efficiency, digitalization, state, specialist

---

Жизнь современного человека проходит в особой социально-цифровой среде, характерными чертами которой является новый тип взаимодействия, обусловленный технологическими инновациями. Скорость смены событий велика, расстояния, в большей степени, представляют собой некую условность, мир в целом уже не воспринимается большим и трудным для освоения. В этих новых условиях модернизируются все стороны бытия, поскольку цифровизация не просто предоставляет новые площадки для удаленного взаимодействия, упрощает и ускоряет коммуникацию, но и меняет привычный жизненный уклад, стереотипы, установки, ментальность. Иначе воспринимаются и проявляют себя регуляторы отношений, как властные по своей природе, так и невластные. Право, как и вся система социального регулирования, реагирует на подобные изменения, поскольку любая регламентация отражает состояние общества, трансформируется сообразно окружающей действительности. Новое право в новых условиях требует разработки базовых основ, системной оценки перспектив развития, иного обращения с привычным технико-юридическим инструментарием. В этой связи особую ценность приобретает право-

ведение, оно способно задействовать весь свой потенциал для поиска путей решения стоящих перед правом проблем. При этом, само правоведение так же изменяется под воздействием социально-цифровой среды.

Постиндустриальное общество сегодня проявляет себя в массивных процессах технологизации, наукоемкости производства. Еще Даниел Белл отмечал, что со временем неизбежно «...основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает»¹. Возможно, это смелое предположение и роль науки, в том числе правовой, не займет столь существенную нишу в ближайшее время, но налицо целенаправленное развитие и повышение ценности неиндустриального сектора. Сложные виды деятельности требуют не только работников с высоким уровнем образования, развитым интеллектом, но и продуманной правовой регламентации, которая, в свою очередь также нуждается в профессионально реализующих нормы профессионалах. Правоведение создает фундамент для их подготовки в условиях открытого диалога социума и государства при посредничестве новых информационных каналов.

В традиционном Отчете Правительства Российской Федерации о результатах работы за 2020 год М. Мишустин особо отметил, что «цифровая трансформация открывает принципиально новые возможности для взаимодействия общества и государства, когда люди видят, что государственные структуры – это надёжные и добросовестные помощники»². Действительно, в настоящее время Интернет выступает уникальным средством, предоставляющим возможности для построения правовой коммуникации, позволяет донести правовую информацию до предельно широкого спектра лиц. В рамках Отчета Правительства Российской Федерации нашла отражение работа государства по поддержке граждан и бизнеса, выразившаяся, в том числе, в принятии 300 федеральных законов³. Такой массив нормативных установлений требует системного доктринального анализа и профессионального обращения.

Правовая наука разрабатывает пути и инструментарий для совершенствования системы действующих государственных властных велений, правовой коммуникации, приемы и средства правового воздействия. Сама научная деятельность предстает, как целостный социально-значимый феномен, требующий отдельного осмысления. В середине 20 века социологические исследования научной деятельности позволили создать концепцию этоса науки. Нормы этоса науки ориентированы на обеспечение качества знания, как ключевого итога любой научной деятельности. Такой подход позволяет заключить, что наука «институт по производству достоверного знания», имеющий нормативную основу, регламентирующий жизнедеятельность научного сообщества. Р.К. Мертон предлагал понимать этос науки, как систему четырех норм, обозначенных им терминами «универсализм», «коллективизм», «бескорыстность» и «организованный скептицизм»⁴. При всей продуманности и актуальности, данная концепция не лишена противоречий, что естественно для креативного видения существенных и значимых проблем. Так, следует принять, что в профессиональной деятельности правоведа в условиях современной социально-цифровой среды требуется движение в русле социокультурной, учет политической и экономической ситуации в конкретном государстве, что уже невозможно без компромисса, конвенциональности. Одновременное стремление к новизне идей и лавирование в русле направлений, признанных актуальными и востребованными осложняет исследование.

От юридической науки требуется находить баланс между необходимостью поиска нового знания, интересом исследователя, нуждами социума, политической и экономической спецификой. Профессор Л. Бриллюэн выступал против представления о науке, как обычном накоплении эмпирических результатов, отмечая, что «...она представляет собой, по сути дела, попытку понять и упорядочить эти результаты. То, что пытаются сделать ученые, это создание того или иного логического каркаса мышления...»⁵. Юридическое мышление включает в себя конструктивные элементы, опирающиеся на анализ реалий и опыта, логических умозаключений, смелых предположений, конвенциональных договоренностей. Подготовка такого исследователя – процесс сложный, поскольку он должен генерировать инновационные идеи, владеть высоким уровнем обобщения, понимать закономерности устройства права и правовой реальности. Правовед должен обладать обширными фундаментальными знаниями, навыками исследовательской работы, умением строить коммуникацию, стремлением к самосовершенствованию и критическому восприятию багажа научных знаний и результатов юридической практики.

Яркой чертой и проблемой современности представляется акцент на утилитарность науки. Не умаляя ценность прикладной составляющей правоведения, следует сместить акцент на мыслительный процесс, систему фундаментальных знаний, поскольку только эти элементы лежат в основе эффективности научных изысканий, дают возможность видеть перспективные направления исследований. Результаты

¹ Д. Белл Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. 2004. С. 20.

² <http://government.ru/news/40074/> (Дата обращения: 24.11.21)

³ <http://duma.gov.ru/news/51455/> (Дата обращения: 24.11.21)

⁴ См.: Мирская Е.З. Р.К.Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 2-15.

⁵ Бриллюэн Леон Научная неопределенность и информация: Пер. с англ./Под ред и с послесл. И.В. Кузнецова. Изд. 3-е. М., 2010. С.11.

научного поиска должны отражаться в образовательном процессе, давая ему актуализацию и импульс к развитию, но, часто, ценность конкретных учебных дисциплин намеренно сводят к освоению практических ремесленных навыков, что сужает горизонты мышления будущего субъекта юридической практики, не формирует мыслящего специалиста, понимающего суть правовых процессов и способного подстраивать свою профессиональную деятельность в ответ на новые вызовы.

Искусственное придание утилитарному подходу архиважного значения, сведение образовательного процесса исключительно к реализации компетенций, ведет к примитивизации, способствует формированию хорошо подготовленного функционера с ограниченным потенциалом. Преимущество у такого подхода все же есть – он дает возможность не проводить сегрегацию по интеллектуальному критерию, стремлению к самоорганизации, саморазвитию, а значит, предоставляет возможность организации «юридического всеобуча». Однако, учитывая реалии социально-цифровой среды, приходится признать, что в сфере высшего образования преобладают требования наличия юридического мышления, глубоких фундаментальных знаний, владения приемами анализа.

Настойчиво заявляющие о себе в современном мире глобализационные процессы предлагают специалистам различных сфер деятельности широкий спектр технологических возможностей, богатый выбор инструментов, приемов, способов достижения поставленных профессиональных целей. Заметная юридизация отношений в социуме выводит на первый план юридическую практику, актуализирует ее важность и предъявляет к современным юристам повышенные требования. Сегодня юристы-специалисты призваны не только представлять интересы гражданина, защищать его права и свободы, но и собственным примером демонстрировать желаемую, поощряемую государством и обществом модель поведения, пиетет перед действующим правом. Профессиональная деятельность юриста оказывает существенное влияние на правовую культуру общества, ее уровень¹.

Формирование правоведа, склонного к самосовершенствованию, многоуровневому анализу, критическому мышлению, основанному на прочном фундаменте знаний, при таком подходе весьма сложно. Одновременно, современные научные исследования, проводимые соискателями ученых степеней, подвергаются тщательному критическому анализу. Множество разнообразных информационных единиц, доступных исследователю в глобализованном мире, не способно к самоорганизации и требует навыка анализа по значению и новизне. Признание итогов проведенной правоведем работы «новыми» и «ценными» – процесс многотрудный, неоднозначный, актуализирующий поиск путей определения новизны и ценности полученных знаний².

Полученное в результате научных изысканий новое знание должно дифференцироваться от личных мнений, представлений, предпочтений правоведа. Опора научности полученных результатов – это, в первую очередь, доказуемость, но в юриспруденции, часто, это весьма сложно, поэтому на помощь приходят логические умозаключения. Значимым здесь представляется акцентировать внимание на отличие мнения и знания. Исследователь, сообразно своему интеллектуальному уровню, сложившейся личной системой установок, стереотипов судит об объекте исследования, формирует мнение о нем. Однако, это не имеет ничего общего со знанием. Знание всегда объективно, а мнение субъективно. Не случайно еще со времен Сократа сложилась традиция размежевания знания и мнения, основанная на разнице их направленности. Для Сократа знание – это «чистое бытие, мнение – промежуточное, а незнание – полное небытие»³.

Правовед, стремящийся к изысканию именно нового знания, формируется ценой длительных усилий, направленных на выработку системного подхода к освоению больших объемов правовой информации, исследовательских навыков. При этом, сам он одновременно создает новое знание и продолжает самообразовываться, применяет свой интеллектуальный потенциал в передаче знания, обучении. Занимаясь созидательной деятельностью, правовед, профессионально критически оценивая право в целом или отдельные его элементы, сохраняет приверженность ему, позитивно воспринимает доктрину и юридическую практику. Необходимость умения видеть и здраво подходить к восприятию и оценке, в том числе, негативных правовых явлений, нерешенных юридических проблем обусловлена органичной bipolarностью права в ряде его проявлений.

Правоведение на современном этапе развития не лишено проблем, что естественно для находящегося в постоянном развитии и зависящего от специфики развития социума и государства феномена. Исторически сложившиеся идеалистические представления о нормативных барьерах этоса науки не могут реализовываться в полной мере в условиях новой социально-цифровой среды. В деятельности юриста-исследователя сегодня перманентно проявляется конфликт интересов, признаки коммерческих отношений, вынуждающие искать пути достижения конвенциональной договоренности между заказчиками исследования и правоведами. Внушает беспокойство призрачность границ конвенционального согласия.

¹ Баранова М.В. Нормрайтер – новая компетентностная модель специалиста в поле правовой культуры // Нормрайтер как профессия: материалы дискуссии. -2-е изд., перераб. и доп. Москва: РГ-Пресс, 2019. С. 266.

² Подробнее о проблеме новизны в науке см.: Баранова М.В. Новизна юридических исследований в контексте норм этоса науки // Российский юридический журнал. 2020. №5 (134). С. 70-75.

³ Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. М., 1993. С. 11.

В рамках науковедческих исследований эти опасения также проявляют себя, так Т.В. Виноградова отмечает: «Сейчас, когда институты заинтересованы в финансировании и демонстрации полезности своих исследований, забота о доходах, вынуждающая приспособлять исследования к определенным практическим целям или политическим проблемам, оказывается столь же значимой, как и преследование чисто научных целей. В результате на систему ценностей и норм, характерную для академической науки, накладывается система ценностей и норм, свойственная производственным организациям. Нарастающая коммерциализация и политизация науки приводят к серьезным социальным и эпистемным последствиям»¹. Действительно, обеспечение качества исследования, полученного знания требует взвешенного компромиссного подхода и поиска баланса между базовыми, аутентичными идеями юридической науки и современными финансово-ориентированными требованиями.

Эффективное развитие права, всех видов юридической практики возможно исключительно в условиях качественного функционирования научного сообщества, нацеленного на поиск нового знания и выработку на основе его системного осмысления путей и механизмов преодоления актуальных проблем. Правоведение в условиях современной социально-цифровой среды претерпевает существенные изменения, обусловленные технологизацией, политической и экономической ситуацией в государстве, но по-прежнему остается несущим логическим каркасом юридического мышления.

---

¹ Виноградова Т.В. Этнос науки и современная система производства научного знания // Науковедческие исследования. ИНИОН РАН. М., 2018. С. 68.

Бастрыкин Александр Иванович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Следственного комитета Российской Федерации

Bastrykin Alexander Ivanovich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Сальников Виктор Петрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность»

Sal'nikov Viktor Petrovich

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, editor-in-chief of the journal "Legal Science: History and Modernity"

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Захарцев Сергей Иванович

доктор юридических наук, академик РАЕН, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета

Zakhartsev Sergey Ivanovich

Doctor of Law, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement Activities of the Russian State Social University

E-mail: Zakhartsev2306@mail.ru

Система нравственно-правовых ценностей в наследии Ф.М. Достоевского

The system of moral and legal values in the heritage of F.M. Dostoevsky

---

Аннотация. В ценностном круге мышления Достоевского неразрывно связаны между собой Бог, народ, человек, семья, идея почвы. Их единство соответствует системе нравственно-правовых ценностей народов России и продолжает оставаться актуальным в XXI столетии. Поэтому творчество Достоевского мы можем вслед за П.И. Новгородцевым рассматривать в качестве основной предпосылки суверенной русской философии права.

Ключевые слова: Достоевский, нравственно-правовые ценности, философия права, государство, суверенитет, человек, народ

Abstract. In the value circle of Dostoevsky's thinking, God, people, man, family, the idea of soil are inextricably linked. Their unity corresponds to the system of moral and legal values of the peoples of Russia and continues to remain relevant in the 21st century. Therefore, the work of Dostoevsky, we can follow P.I. Novgorodtsev should be regarded as the main prerequisite for a sovereign Russian philosophy of law.

Keywords: Dostoevsky, moral and legal values, philosophy of law, state, sovereignty, man, people

---

Творчество Ф.М. Достоевского является одной из важнейших составляющих не только нашего национального наследия, но и мировой культуры. Уже 140 лет отделяет нас от времени жизни великого соотечественника, однако, его идеи по-прежнему звучат актуально, современно и предельно остро, а смыслы, заключенные в художественном творчестве, кажется, только сейчас начинают по-настоящему раскрывать себя.

России, видимо, нужно было пройти этот полуторавековой путь – столь непростой, трагический, где были и невиданные в истории взлеты, и непредсказуемые падения – чтобы оценить всю глубину мышления Достоевского и значимость раскрываемых им смыслов. Каждый раз, когда страна вступает в переломную фазу своего развития, наступает время переосмысления общих начал ее бытия. Сегодня, кажется, нужно думать прежде всего о проблемах самых практических, самых горячих, но парадоксальным образом всеобщие вопросы бытия и небытия, человека и Бога, зла и добра все более настойчиво притягивают к себе наше внимание. И становится понятно, что без их осмысления нельзя ни решиться жить, ни решиться оказывать сопротивление вызовам истории.

По Достоевскому, человек вообще не может жить без того, чтобы не осмыслить самому сущность и смысл бытия, т. е. без того, чтобы дать им форму мысли. Поэтому жизнь человека, народа, государства, а в конечном итоге и всего человечества, писатель ставил в прямую зависимость от того, как решаются проблемы всеобщей мировой гармонии и личного бытия, вечных ценностей и духовности человека, его смерти и бессмертия его души. В решении этих вопросов Достоевский видел главный смысл своей жизни. Для него они светились видимостью в любой из глобальных тем, которые он поднимал: единство личности и народа, расколы в обществе и его нравственная целостность, распад сознания и возрождение личности, преступление и покаяние, суд и справедливость, государство и историческое предназначение народа, Пушкин и явление прафеномена России¹.

И дело здесь даже не в том, как именно раскрывал эти темы Достоевский. Самое важное – то, что он видел их внутреннюю взаимозависимость и конечное единство. Это единство – в понимании мира как воплощения абсолютного Добра, как гармонии Истины и Красоты. Но эти высшие платоновские идеи открываются человеку, только преломляясь через его свободу, когда эта свобода и абсолютное добро составляют начало и причину друг друга, друг в друга переходят и друг в друге высвечивают свой смысл. Вне сферы свободы для человека не существует идеи добра, мир мнится ему бесконечным абсурдом, а любое, даже самое благое дело, оборачивается злом. Эта истина должна стать, по мысли писателя, не только нравственным ориентиром для России, но и ее всемирно-исторической миссией, которую Достоевский видел в том, чтобы раскрыть миру нашу общенациональную мысль о смысле абсолютного добра, которую он одновременно понимал как «всеочеловечение человеческое». Это «всеочеловечение человеческое» – прямой ответ великого мыслителя на современные нам идеи трансгуманизма.

Философия Достоевского – это не только способ нашего самосознания, но и тот язык, на котором мы можем говорить с остальным миром, выражать смыслы и ценности нашего существования. Это тот язык нашего бытия, который, действительно, стремится понять остальной мир. Тому подтверждение – знакомство с западным опытом прочтения Достоевского².

Сегодня для нас особенно важно то, что одной из форм гармонии человека и царства абсолютного добра Достоевский мыслил право и государство. Поэтому не случайно один из крупнейших правоведов XX века П.И. Новгородцев именно с Достоевским связывал начало русской философии права³. Поскольку все фундаментальные вопросы бытия Достоевский рассматривал в целостности, в едином синтезе, постольку мы можем различить все основные элементы этого синтеза, осуществленного нашим философом на основе национальных ценностей и достижений классической философии, также и в сфере права⁴.

А это и означает как раз философское познание права, которое мы можем и должны реализовать в формах суверенной философии права. Философия права, если он хочет быть философией, должна по-

¹ Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. «Пушкинская речь» Достоевского и нравственная идея государства (К 140-летию выступления Ф.М. Достоевского) // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 11. – С. 163-180. С. 177.

² Бастрькин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 170-177; Бастрькин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея права Нового времени и философское наследие Ф.М. Достоевского: мировоззренческая оппозиция двух моделей // Правовое государство в современном мире: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 18 мая 2021 г.) / Отв. ред. Н.В. Ямалетдинова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 395 с. С 74-84.

³ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с. DOI 10.17513/np.467. С. 15

⁴ Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 170-177; Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Бессмертие души как стержневая идея в учении Ф.М. Достоевского о праве и нравственности // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 5. С. 179-192.

казать, как всеобщее единство мышление и бытия, всеединство, несущее в себе начало абсолютной гармонии мироздания, раскрывает в себе определенность права и правового сознания. Она должна суметь спроецировать заключенные в этой всеобщей гармонии бытия начала права в исторические формы развития человека, общества и государства¹.

Сегодня мы вполне ясно видим, что без современной российской правовой идеологии и без ее научной и мировоззренческой основы – суверенной философии права – вся система суверенитета российского общества и государства будет уязвима для внешнего влияния. Такого рода суверенная правовая идеология и суверенная правовая философия может опираться только на классическую философию права, воплощающую собой традицию истории философии от Платона до Гегеля и выражающую ценностные основания общественного правосознания.

И первые начала нашей суверенной философии права мы, по сути, находим именно у Достоевского. Нужно только выделить идею абсолютного добра из взаимосвязи всех раскрывающих ее тем, которые привлекает для этого Достоевский, и раскрыть ее значение как действительного основания системы нравственно-правовых ценностей.

Творчество Ф.М. Достоевского, представившее философское и художественное оправдание исторически оформившемуся в культуре народов евразийского пространства соотношению гармонии бытия и абсолютности добра, позволяет нам говорить о суверенности нашей философии права, культуры, идеологии, просвещения². Теоретически возможны различные формы и варианты такого соотношения, но только тот вариант, который исторически сложился на просторах Евразии, объединенных Российским государством, создал неповторимую систему нравственных, культурных, семейных и т. п. ценностей³. Именно эти ценности являются моральным оправданием суверенитета российского государства, его основой и его целью, о чем неоднократно писали представители русской философии права⁴.

Западная и восточная культуры имеют в своем основании иное соотношение этих начал гармонии бытия и абсолютности добра, что определяет также и иной характер их ценностей и идеалов. Но вместе с тем это исключает возможность антагонистического противопоставления их друг другу. Народы западной, восточной, российско-евразийской культур рисуют различными красками и в различных формах единую картину мироздания и эта работа еще далека от завершения.

Поэтому философия абсолютного добра Достоевского учит нас избегать как нескритичности западничества, так и безоглядности славянофильства, выдерживая взвешенную позицию идеологии евразийства, сосредоточенности на *внутреннем содержании*⁵. Последнее следует понимать как «душу», «форму» в аристотелевском смысле, как налично положенное целеполагание, т. е. как благо, как добро. Именно такой смысл вкладывала в это понятие классическая философия. Это понятие «души», активной «формы», развивающейся «субъектности», взятое применительно к государству, как раз и не означает ничего иного, кроме как понятия «суверенитета»⁶.

Действующей причиной того, что народ живет как единый организм, а не распадается на мертвый агрегат индивидов является высшее благо, абсолютное добро, как одна из ипостасей (вместе с красотой и истиной) всеединства мироздания. Формируя общественное бытие, абсолютное добро, благо, различает в себе целокупность ценностей (смыслов, святынь и т. п.), которые составляют содержание этого бытия. Они осознаются, закрепляются в традиции, передаются новым поколениям в национальной религии, искусстве, иногда в философии. Наиболее явными и очевидными способами действия ценностей как целевых причин являются мораль и право. Единством этой целокупности ценностей и одновременно своего рода «проекцией» абсолютного добра в бытие и сознание народа, является государство. Диалектика современной эпохи состоит в том, что только развивая суверенность своего бытия, государство может быть адекватно вызовам глобальных процессов, не противоречить им, а

¹ Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p. С. 13-14.

² Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149-161.

³ Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 6. С. 176-181; Богатырёв Д.К., Сальников В.П. Ценности, мышление, культура в пространстве духовной жизни // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 186-194.

⁴ Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников М.В. Развитие идеи абсолютной свободы в классической русской философии как источник суверенной философии права // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 185-193; Фролова Е.А. Рациональные основания права: классика и современность. М.: Проспект, 2020. – 576 с. С. 221-222.

⁵ Исмагилов Р.Ф. Поиск путей сближения позднего славянофильства и западничества в философии права Ф.М. Достоевского // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 11. С. 178-187.

⁶ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с. DOI 10.17513/np.467. С. 283.

вписываться в них и развивать их. Осознавая особенный смысл и предназначение своего бытия, Российское государство, по Достоевскому, осознает и свое всемирно-историческое предназначение. Оно уже не будет просто подражать Европе и не будет желать стать «второй Европой». Оставаясь собой, надеялся философ, Россия будет нести в мир начала устойчивости и мира, а внешняя политика государства будет основана не на принципах прагматизма, а на идеалах нравственности. Пророчески предсказав Первую мировую войну, Достоевский, похоже, показал нам тот путь, на котором мы могли бы избежать Третьей мировой...

В XXI в. существенные изменения в социально-экономической и политико-правовой сфере привели к значительным преобразованиям российского общества и неизбежно затронули как действующее законодательство, так и основы юридической науки. Современные мировые интеграционные процессы диктуют необходимость переосмысления роли государства и права в мировом сообществе, прежние представления об этих социальных институтах и правовой идеологии не утратили своего значения, однако требуется их существенная переоценка. Вторая половина XIX столетия характеризовалась кризисом ценностной системы европейского общества, одной из характерных черт которого стала релятивизация моральных оснований правовой теории. Светский взгляд на право вошел в серьезное противостояние с философско-религиозным подходом.

Для религиозной философии права было характерно пристальное внимание к вопросам этики, что и определило ее подход к проблемам правопонимания. Именно религиозная этика, противопоставляя антропоцентрической парадигме светского подхода парадигму теоцентрическую, обладала внутренним потенциалом, который позволил ей найти путь преодоления кризиса системы ценностей, рожденной гуманистическим мировоззрением. Причем указанное смещение акцентов в этике отнюдь не означало полного отказа от ключевых ценностей гуманизма: речь шла, скорее, об их переосмыслении, в религиозном видении человека и его места в мире. Так или иначе, но сформированный религиозной философией подход к пониманию права имел в своем основании систему этических воззрений, выходящих за рамки традиционной для новоевропейской культуры гуманистической морали, с ее тенденцией к абсолютизации абстрактно взятой человеческой личности.

По мере перехода от эпохи модерна к эпохе постмодерна проблемы, стоявшие перед философией права и правовой теорией, обозначившиеся в конце XIX, только увеличились. Для постмодерна характерна принципиальная адогматичность в этической сфере. Релятивизм, возведенный в степень базового принципа постмодернистской морали, делает невозможной саму постановку вопроса о характере системы ценностей современного общества. Поэтому проблема поиска ценностных ориентиров современного общества и конкретнее ценностных оснований правопонимания остается актуальной. Духовный перелом рубежа тысячелетий оказался более опасным, чем перелом рубежа XIX – XX века. С этой точки зрения, философские поиски Достоевского являются для нас вполне современными.

Согласно Достоевскому, подлинно свободный человек относится к нормам права, власти государства, приговору суда не как к внешней чужой силе, а как к своей собственной ценности, разрушать которую неправомерным поведением недопустимо. И эта недопустимость задается ему какими-то более высокими основаниями, чем плоский прагматизм или страх перед государством и его силой. В таком случае мы должны понять, с какой же именно субстанцией мы имеем дело, когда ведем речь о праве. Другими словами, мы должны определить онтологический статус права: является ли право само по себе некоторой сущностью, заложенной в первоосновах бытия и каким-то образом транслируемой человеку, или же право является продуктом деятельности разума, результатом применения познавательной способности, в равной мере присущей каждому человеку, или же право можно понять, проанализировав особенности психологии человека, или же право является фикцией, всего лишь внешней формой для государственного произвола? Следующим шагом должно стать исследование гносеологических оснований отношения человека к праву. А именно: как человек может познать эту правовую субстанцию и каким образом это знание транслируется в акт воли.

Рассматривая классический период развития философско-правовой мысли от Платона до Гегеля, мы видим почти без исключения, что в качестве исходной посылки развития правовой теории выступает указание на связь идеи права с идеей справедливости как высшей ценности. Именно это, ценностное, измерение права и правовых отношений как раз и определяется глубокой внутренней связанностью права с идеей справедливости, которые Платон соотносил с идеей блага, или Абсолютного Добра, являющейся формой проявления высшего единства бытия. В этой идее государство находит свое глубочайшее основание, свое внутреннее содержание, смысл жизни человека.

В ценностном круге мышления Достоевского неразрывно связаны между собой Бог, народ, человек. Достоевский показал, что человек, преодолевающий зло и раскрывающий свою сущность в проявлении добра, в добрых поступках, совершает эти поступки в практике богообщения и сохраняет память о них в народе, закрепляя в народной традиции формы осуществления добра. Этим определяется значение человека как высшей ценности, раскрытию которой посвящено все творчество писателя¹.

¹ Исмагилов Р.Ф. Достоевский о смысле бытия человека. Человек как высшая ценность // Мир политики и социологии. 2017. № 2. С. 157-167.

Человек есть высшая ценность мироздания потому, что именно в его душе, по словам Достоевского, «Бог с чертом борется» и именно выбор человека решает судьбу мироздания: каким оно окажется к часу Страшного Суда. По Достоевскому, моральный выбор человека – это не только его личное дело – этот выбор затрагивает самую суть мироздания, отражается во всех его гранях. В мировоззрении Достоевского мы видим древнее миропонимание Анаксагора: «Всё во всём».

Но человек – это и высшая социальная ценность, ценность общества, поскольку только человек, обладающий свободой воли и способностью к свободному моральному выбору, является источником добра, объединяющего общество. Красота, истина, радость являются сторонами продуцируемого человеком добра, являющегося проявлением его причастности Абсолютному Добру. В человеке внутренняя радость следует за добрым делом: «Она является, если перефразировать известное определение Спинозы, столь же ценой за добродетель, сколько и частью самой добродетели. Ибо радость есть одна из сторон добра. В этом Достоевский был в согласии с Фомой Аквинским. Но если человек стремится к добру, он должен все же думать не столько о блаженстве, сколько о добре самом по себе»¹.

Условием этого «добра самого по себе» является глубокое сознание или интуитивное чувство человека своей неразрывной внутренней связи со всеми другими людьми, со своим народом и со всем человечеством. Онтологическую проблему античной философии – проблему единого и многого – Отцы Церкви возвели на уровень этической проблемы, проблемы добра и зла. Достоевский именно на этом уровне обращается к проблеме единого и многого, синтезируя ее с проблемой добра и зла. Добро для человека, показывает он, невозможно, если не принять в себя истины единства человека со всеми другими людьми. Без этого, напротив, неизбежным для человека будет зло, зло-действие, как следствие утверждения своей отъединенности от всеобщего народа и человечества.

Бытие человека состоит в его включенности во Всеединство, как элемента многого в единое и как единства во многое. Эта включенность осознается и в страдании переживается им: «Достоевский указывает, в чем источник страдания: он – в самом факте многообразия существ, в множественности ликов, в том, что есть не только бытие, но и со-бытие; иначе не было-бы и событий, не было-бы и истории; и наоборот, история возможна только потому, что Божий мир не только царство Божие, не только царство Идеи, а царство идей, и это царство свершается, но еще не свершилось. Страдать – значит испытывать воздействие, но испытывать воздействие может лишь, то, что действительно есть; метафизически обособившаяся идея, сверхэмпирическая сущность человека, она только и может быть действительным объектом действительного воздействия; но испытывая воздействия и сохраняясь в этом испытании, она и делается субъектом опыта; все мироздание должно как-бы обрушиться на нее и от нее отпрыгнуть, чтобы от этого столкновения разрядилась искра сознания. Раз возгоревшись, она лишь еще больше закалит в этом свете мироподобного единства обособившуюся сущность, и свет личного сознания, отражаясь от собственных своих пределов, будет непрерывно усиливаться во вновь собирающем его центре своем. Так сознание перерождается в самосознание и осознает свою собственную свободу и беспредельность»².

Ценность человека, по Достоевскому, невозможно помыслить без содержательного отношения к личности Богочеловека, объединившем в Себе Бога и человека, и тем открывшим перед человеком немислимые ранее возможности и сверхчеловеческую ответственность. Эта связь, однако, мертва без участия в жизни народа-богоносца и его практики живого богообщения.

В философии Достоевского идея народа обретает конкретность через причастность двум идеям: идее «максимума» духовного бытия – идее Бога – и идее «минимума» духовного бытия – идее земли, почвы. Синтез этих двух идей, собственно, и определяет особенность бытия народа. В системе миропонимания Достоевского Бог и земля не имеют противопоставления онтологического характера. Земля, будучи творением Божиим, свята и духовна. Его материальность – это «иное» Бога, но это – Его «иное».

Р. Лаут, глубоко исследовавший учение Достоевского о почве, пишет «об особом отношении Достоевского к земле, которое следует назвать сострадательной любовью. Земля называется великой матерью, и Марья Тимофеевна отождествляет ее с Богородицей»³. По Достоевскому, каждый стремится к единению с землей, хотя в историческом развитии общества люди все больше отделяются от нее. Однако «такое единство возможно для крестьянина. Мистическим образом он соединяет мужественное начало с женственным, когда пашет своим плугом землю и бросает в нее семена»⁴. Лаут подчеркивает, что приобщение к земле означает для человека приобщение ко всему сущему, направленное на собственное совершенствование и на обожение, и обращает внимание на то, что, скажем, у Алеши Карамазова любовь к земле пробуждается вместе с укреплением в «сопереживании добра»⁵.

¹ Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. – М.: Республика, 1996. – 447 с. С. 311.

² Штейнберг А.З. Система свободы Достоевского. Париж: YMCA-PRESS, 1980. 144 с. С. 90-91.

³ Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. С. 356.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 257.

Такого рода мистическое отношение Достоевского к земле, безусловно, имеет отношение к геополитике, составляя исходный пункт ее философского основания. Геополитика Достоевского строится на основе представлений, во-первых, о неразрывности народа и земли, на которой народ родится и которую обрабатывает, и, во-вторых, о земле как о нравственно очищающей почве, как об источнике не только физической, но и нравственной жизни народа. Геополитические взгляды Достоевского оказались созвучны будущей идеологии русских «евразийцев»: Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, разработавшего философско-правовую составляющую евразийской идеологии Н.Н. Алексеева¹. В последние годы евразийство становится особенно востребованным с учетом динамичных тенденций постсоветской интеграции², связанных как с геополитическими, так и с чисто экономическими интересами государств континента³.

Согласно евразийцам, географическое пространство, ограниченное Ледовитым океаном на севере, Тихим – на востоке, горными массивами на юге и отрицательной изотермой января на западе, определило общность исторической судьбы и духовную близость населяющих это пространство народов. Эта относительно замкнутая материковая «чаша» была почти полностью объединена в единое государство татаро-монголами, наследником которых стало российское государство, созданное прежде всего союзом русского и тюркских народов. Кровной близости славян, с которой связывали свои надежды многие национальные мыслители России в XIX веке (идея, против которой выступил Ф.М. Достоевский), евразийцы противопоставили близость по исторической судьбе и общему культурно-историческому коду, которые задаются единством и цельностью географического пространства от Карпат до Тихого океана и от Северного Ледовитого океана до Тибета.

Объединение этого пространства составило не только всемирно-историческую, но и нравственную задачу государствообразующего русского народа. Нравственный смысл государственного объединения географического пространства, предназначенный нам самой историей, понятен если вспомнить, что говорил Достоевский о нравственном значении земли, почвы, а с другой стороны, что говорит нам классическая философия от Платона до Гегеля о государстве как выражении высшей нравственной идеи. Нравственная сущность почвы требовала завершенности в нравственной же идее Российского государства.

Отсюда понятно то исключительное значение, которое придавал философ неделимости и целостности Российского государства: «Я сам буду стоять за политическую целостность этой громады, до последней капли крови, потому что это единственный хороший результат, приобретенный Россией тысячелетними своими страданиями»⁴. Для Достоевского территориальная неделимость России – это не только политико-правовая, но и – прежде всего! – нравственно-правовая категория.

Но равно неприемлемо для него и стремление какой-либо части света к мировой гегемонии. Имея в виду Запад, Достоевский писал: «Не может одна малая часть человечества владеть всем остальным человечеством как рабом, а ведь для этой единственно цели и слагались до сих пор все гражданские (уже давно не христианские) учреждения Европы, теперь совершенно языческой»⁵. Россия является важнейшим препятствием на пути Запада к мировому господству, отсюда – враждебность к нашей стране, стремление обогатить ее народ⁶.

Для Достоевского народ и человек являли собой высшие ценности, выражавшие сущность и смысл идеи абсолютного добра. Ценностные определения человека и народа светятся видимостью друг в друге и обретают конкретность через отношение к Богу и через отношение к «почве», а также к идее целостности государства, которая также воспринимается как значимая нравственно-правовая ценность. Задача современной философии права, ориентированной на эти ценности, состоит в том, чтобы, опираясь на классическую европейскую и русскую философию, выявить основные метафизические предпосылки синтеза идеи права, исходя из моментов идеи свободы человека, общества, государства.

¹ Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2(56). С. 17-24.

² Хабриева Т.Я., Лукьянова В.Ю. Евразийская интеграция: особенности динамики // Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика. Шохин А.Н., Баширов М.Ф., Борисов С.Р., Воробьев М.А., Гальперин М.Л., Ефременков И.Н., Жигалов С.В., Иванов А.А., Иванов Е.А., Иванова В.С., Калганова Л.А., Кириллина В.Н., Комшуклова О.В., Котелевская И.В., Ледяев В.Г., Лексин В.Н., Ложевский И.А., Лукьянова В.Ю., Назаров А.Г., Наумовский Л. и др. М., 2017. С. 69-81.

³ Степашин С.В. Приоритеты для евразийской интеграции и обеспечения ее конкурентоспособности // Право интеллектуальной собственности. 2020. № 4. С. 7-9.

⁴ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 20. Статьи и заметки. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. С. 178.

⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь-декабрь – 1880, август. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. С. 167-168.

⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Т. 28, кн. 2. Письма 1860 – 1868. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. С. 314-315.

Гончарова Лариса Николаевна

доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права юридического института НИУ «БелГУ»

Goncharova Larisa Nikolaevna

Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor and Business Law of the Law Institute of the National Research University "BelSU"

E-mail: Goncharova_L@bsu.edu.ru

Кодифицированный нормативный правовой акт как система

Codified regulatory legal act as a system

Аннотация. В данной статье представлен авторский взгляд относительно сущностных признаков кодифицированного нормативного акта. По результатам анализа сделан вывод о том, что таковыми являются единство, цельность и внутренняя согласованность. Это позволяет рассматривать кодифицированный акт как упорядоченную совокупность нормативных предписаний, образующих систему. Использование системного подхода обуславливает вопрос о ее системообразующих основаниях.

Ключевые слова: кодификация, кодифицированный нормативный акт, система, системный подход, системообразующее основание кодификации

Abstract. This article presents the author's view of the essential features of a codified normative act. Based on the results of the analysis, it was concluded that these are unity, integrity and internal consistency. This allows us to consider a codified act as an ordered set of regulatory prescriptions that form a system. The use of a systematic approach raises the question of its system-forming foundations.

Keywords: codification, codified normative act, system, systems approach, system-forming foundations

---

Результатом кодификации является кодифицированный нормативный акт. Учитывая, что кодификация является высшей формой систематизации законодательства, такому акту должен быть присущ достаточно высокий уровень упорядоченности нормативного материала. Вследствие этого, кодифицированный документ представляет собой сложную правовую конструкцию, которая сводит воедино основные элементы правового регулирования достаточно большого круга общественных отношений.

Кодифицированные акты обеспечивают системное и единообразное правовое регулирование однородных общественных отношений. С. В. Бошно рассматривает их в качестве «фундамента, основы законодательства». Данную роль они выполняют в силу того, что «кодифицированная форма используется для целостной регламентации отрасли права, комплексного законодательного регулирования общественных отношений в отдельной области»¹.

Кодекс, также как и иные виды кодифицированных актов, предполагает достаточно высокую степень упорядоченности правовых норм. С учетом этого, стоит заметить, что далеко не все нормативные акты, именуемые кодексами, можно с полным основанием отнести к числу таковых. Иногда кодексами называют федеральные или региональные законы, которые по отношению к иным имеют просто чуть более систематизированный характер. Д. М. Азми в этой связи отмечает, что «часто такие акты включают в себя нормативный правовой материал содержательно переработанный, но, с позиций качественной систематизации, все же переработанный в недостаточной степени. Такие акты не обладают свойствами, структурирующими нормативный правовой материал»².

Такое отношение к кодексу опасно тем, что ведет к нивелированию его значения в правовой действительности. Идея кодификации как высшей формы систематизации законодательства в настоящее время заполонила умы многочисленных ученых, которые объявляя некоторую совокупность правовых норм самостоятельной отраслью права или законодательства, неизменно предлагают разработать и принять самостоятельный кодекс. Такую же тенденцию обнаруживает Р. Кабрияк в отношении законо-

---

¹ Бошно С.В. Кодификация // Право и современные государства. 2014. № 2. С. 44-45.

² Азми Д.М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М., 2014. С. 331.

дательства европейских государств. Однако при этом отмечается, что доводы о «беспомощности кодификации» находят все больше сторонников, что, по его мнению, связано с потоком непрерывной кодификации.

При этом нельзя сказать, что нормативный материал текущего законодательства расположен хаотично и без какой-либо системы. Безусловно, любой нормативный акт должен быть определенным образом упорядочен. Сказанное обуславливает необходимость выявления признаков, позволяющих отграничить кодифицированный акт от иных, то есть таких, которые не имеют должного уровня систематизации.

С учетом сказанного, в первую очередь проанализируем предложенные в научной литературе трактовки понятия «кодифицированный акт» и его отдельные признаки.

Т. Н. Рахманина характеризует его как «крупный сводный акт, отличающийся оптимальным внутренним единством, целостностью и согласованностью нормативных предписаний, которые расположены по стройной, логически выдержанной системе»¹.

С. С. Алексеев отмечал, что результатом кодификации является «издание единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта (Основ, кодекса), выражающего содержание и юридическую специфику структурно обособленного подразделения системы права»².

С. В. Поленина и Н. В. Сильченко пишут о том, что кодификационные акты обладают «квалифицированными содержательными признаками», которые позволяют их выделить в отдельный тип нормативных актов. В качестве главных критериев рассматриваются следующие: «а) высокая юридическая целостность и внутренняя согласованность актов такого рода; б) стабильность и устойчивость содержащихся в них норм; в) широкий круг регулируемых ими отношений»³.

А. Н. Чашин под кодифицированным нормативным правовым актом понимает «обладающий высокой целостностью, внутренне согласованный, внешне относительно стабильный, структурно разделенный на части (с выделением общей части) нормативный правовой акт, наделенный приоритетом в структуре законодательства того же уровня»⁴.

Предварительно можно заметить, что в приведенных выше определениях авторы в первую очередь отмечают признаки единства, цельности и внутренней согласованности. На них обращают внимание практически все ученые, затрагивающие в своих работах данную проблематику.

В этой связи, считаем необходимым более подробно проанализировать факторы, обеспечивающие единство и согласованность кодифицированного акта, а также придают ему должную целостность.

Анализ особенностей кодификационного акта как целостного нормативного образования, полагаем, будет плодотворным при использовании системного подхода, который позволяет охарактеризовать явление посредством раскрытия комплекса внутренних и внешних связей. Внутренние связи – это взаимодействие отдельных элементов, составляющих изучаемое явление, между собой. Внешние связи характеризуют воздействие явления как системы с внешней средой.

Системный подход является одним из основных методологических направлений современной науки в целом. Становление и разработка такого подхода осуществлялась в рамках общей теории систем, которая в свою очередь выступает в качестве «одной из сторон диалектики»⁵. Родоначальником общей теории систем считается австрийский биолог Людвиг фон Берталанфи, который обобщил основные принципы организации целостных общностей и представил свои воззрения в виде самостоятельного учения⁶. В советской науке общая теория систем стала предметом основательной разработки в 60-70-е годы прошлого столетия⁷. Общая теория систем в настоящее время рассматривается как общенаучное направление, поскольку закладывает основу проведения исследований в самых различных отраслях научного знания.

В процессе развития общей теории систем были сформированы основы системного подхода и правил его использования при проведении научных исследований. Его внедрение в научную сферу не обошло стороной и сферу юриспруденции. С учетом того, что кодификация является формой систематизации законодательства, применение указанной методологии, полагаем, не только уместно, но и вполне целесообразно.

Любая система представляет собой совокупность элементов, которые находятся между собой в отношениях взаимосвязи и взаимозависимости. Это базовый тезис, лежащий в основе общей теории систем. При этом подобного рода множественность должна образовывать устойчивое и целостное явление.

¹ Рахманина Т.Н. Кодификационный акт в системе нормативных актов советского государства // Проблемы совершенствования советского законодательства. Выпуск 13. М., 1978. С. 19.

² Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 2. М., 1981. С. 254.

³ Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987. С. 68.

⁴ Чашин А.Н. Кодификация в сфере российского законодательства: теория, история, перспективы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9-10.

⁵ Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. М., 2001. С. 453.

⁶ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов М., 1969. С. 23-82.

⁷ См. напр.: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974.

К примеру, философский словарь определяет систему как «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих некоторое целостное единство»¹.

Таким образом, системой является далеко не любая множественность связанных элементов, а только такая, которая за счет внутренней согласованности образует самостоятельное явление. На это неоднократно обращалось внимание в научной литературе, посвященной системности и системному подходу.

Так, одни из основателей советского направления теории систем И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин в качестве наиболее отличительных признаков систем рассматривают наличие в ней «связи, целостности и обусловленной ими устойчивой структуры»².

Представители правовой науки также рассматривают целостность как неотъемлемый признак системы. Например, Д. А. Керимов вполне определенно выразил мнение о том, что «нет системы без целого, которое и придает ей единство»³. Наличие высокого уровня целостности кодифицированного акта как системы отмечает М. Н. Марченко, что обусловлено «не формальными, а содержательными характеристиками данного системного института и объясняется наличием глубоких внутренних связей и взаимозависимостей, возникающих между формирующими его элементами»⁴. Характеризуя систему права, В. И. Гойман пишет о том, что «понятие «система» означает, что право представляет собой некое целостное образование, состоящее из множества элементов, находящихся между собой в определенной связи (соподчинения, координации, функциональной зависимости и т. д.)»⁵.

В противовес целостным выделяют так называемые суммативные системы. Основное отличие между ними сводится к тому, образует ли совокупность элементов новое качество (целостная система) или свойства системы складываются из свойств ее частей (суммативная система).

Суммативная множественность элементов именуется системой условно, поскольку не образует необходимого единства. Инкорпорация как форма систематизации законодательства с этой точки зрения может рассматриваться как пример такой системы. Она не обладает той степенью внутренней организации нормативного материала, которая присуща кодификации. При инкорпорации различные нормативные акты просто упорядочиваются по определенному принципу (например, тематическому или хронологическому). В отличие от этого, в результате кодификации вырабатывается нормативный акт, который обладает интегративными качествами, придающие ему качество целостности⁶.

Целостная система в отличие от системы суммативной обладает качествами, которыми каждый ее элемент в отдельности не владеет. Система с этой точки зрения представляет объединение частей в единое целое. Соответственно этому, в системе должны прослеживаться базисные основания, которые способствовали «превращению» суммы элементов в новое качество.

Система как интегральное соединение отдельных элементов, образующих самостоятельную конструкцию, таким образом, предполагает наличие определенных объективных оснований структурно-функционального единства⁷. Именно они обуславливают такие связи и взаимодействия между элементами, при наличии которых их совокупность воспринимается в виде единого целого. Вследствие чего, по выражению Э. Г. Юдина «весь пафос системных исследований направлен на поиски системообразующих факторов, а не просто совокупности характеристик системного объекта»⁸. Сказанное обуславливает задачу раскрытия таких оснований (активных центров) кодифицированного акта, при наличии которых он может восприниматься как целостное явление, обладающее необходимой степенью внутреннего единства. Решение подобной задачи, полагаем, оказало бы существенное позитивное воздействие на процесс подготовки кодифицированных нормативных актов.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 610.

² Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 177.

³ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 258.

⁴ Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2009. С. 261-262.

⁵ Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1996. С. 168.

⁶ Там же. С. 262-263.

⁷ Об этом, в частности, пишет Д.А. Керимов (Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 260-261.)

⁸ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М., 1978. С. 190-191.

Дегтярев Михаил Владимирович

кандидат юридических наук, губернатор Хабаровского края

Degtyarev Mikhail Vladimirovich

PhD (Law), Governor of Khabarovsk Krai

E-mail: mvdegtyarev@adm.khv.ru

Новейшие юридические регуляторные технологии и инструментари: понятие, концепт, типологизация инструментариев

The latest legal regulatory technologies and tools: concept, concept, typologization of tools

---

Аннотация. Статья посвящена понятию новейших регуляторных технологий. Автор объясняет само это понятие, приводит обзор и типологизацию новейших регуляторных технологий и инструментариев.

Ключевые слова: новейшие регуляторные технологии (LegalTech, RegTech), финансовые технологии (FinTech), экстра-правовое регулирование, регуляторный эксперимент, новейшие государственно-управленческие технологии (GovTech), публичное право

Abstract. The article is devoted to the concept of the new regulatory technologies. The author explains this concept itself, provides an overview and typology of the latest regulatory technologies and tools.

Keywords: new regulatory technologies (LegalTech, RegTech), financial technologies (FinTech), extra-legal regulation, regulatory experiment, new public administration technologies (GovTech), public law

---

Неэффективность, чрезмерная громоздкость, архаичность законодательства (в целом по всему миру, практически в каждом государстве) в немалом числе его сегментов и направлений регулирования продолжают задерживать реализацию значимых проектов и инвестиций, тормозит развитие и препятствует надлежащей реализации лицами своих прав и законных интересов.

И, как образно и слишком эмоционально оценивает Рик Флеминг, «государственных регуляторов часто называют бастионами неумного регулирования»¹. Вычерпанность возможностей экстенсивного развития требует поиска путей интенсификации, путей решения проблем дефектности, неэффективности в тех или иных сегментах регулирования.

Нередко говорят о концепте и технологиях интеллектуального (smart-) регулирования.

Но как «умное регулирование» отличается, задается вопросом Джудит Хейнбери, если вообще отличается, от предписывающего регулирования, целевого регулирования, регулирования по результатам и дерегулирования; или не является ли это комбинацией нескольких «много регулирований»?²

Все это, безусловно, требует тщательного разбирательства, отфильтровывания релевантных (реально существующих и действительно конструктивно и эффективно действующих подходов и технологий) объяснений и типологизаций.

Применение новых регуляторных технологий актуализировалось в связи с новыми этапами административной реформы и законодательной реформы³, активным внедрением цифровых технологий в государственное управление, в законодательные и иные нормотворческие юридико-технические практики и процессы⁴, су-

---

¹ Fleming R.A. The Importance of Smart Regulation // <<https://www.sec.gov/news/speech/importance-of-smart-regulation.html>>. – 14.04.2015.

² Hanebury J. Smart Regulation – Rhetoric or Reality? // Alberta Law Review. – 2006. – Vol. 44. – № 1. – P. 33–63. – P. 33.

³ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука / Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 176 с. Понкин И.В. Понятие и онтология административной реформы // Ex Jure. – 2021. – № 2. – С. 37–50.

⁴ Понкин И.В., Лаптева А.И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2021. – 174 с. <http://moscou-ecole.ru/wp-content/uploads/2021/03/Ponkin_Lapteva_Law-and-Digital-2021.pdf>. Морхат П.М. Право и искусственный интеллект / Российская гос. академия интеллектуальной собственности. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 544 с. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (ВМ) в праве // Государственная служба. – 2020. – Т. 22. – № 2. – С. 64–69.

существенными изменениями на финансовых рынках, внедрением новейших подрывных технологий¹, внедрением новейших публично-управленческих технологий (GovTech)².

Финансовые технологии (ФинТех; франц. – «*technologie financière*»; англ. – «Financial technology», сокращенно – fintech или FinTech) – это отрасль, основанная на цифровых технологиях и платформах, направленных на конкурирование с традиционными финансовыми методами в предоставлении финансовых услуг за счет гибкого, мобильного к операционабельной трансформации эксклюзивного саморегулирования и сопрягаемого с ним экспериментального нормативно-правового регулирования. Регуляторные технологии – это подотрасль FinTech (частично подотрасль – FinTech RegLabs, а частично – самостоятельная сфера), сфокусированная на технологиях, которые могут способствовать более эффективному и действенному выполнению нормативных требований, чем существующие возможности. RegTech, FinTech, CopTech, PropTech – результаты и модальности цифровой трансформации на соответствующих рынках, отражающие проектирование и программирование, апробацию и внедрение, продвижение и реализацию стартапов, предлагающих технологически инновационные продукты или новые бизнес-модели на этих рынках. Финтех и Регтех были исходно спроектированы, обкатаны и запущены, прежде всего, для финансового, инновационно-проектировочного и страхового секторов (все более выходя сегодня за их рамки), которые подвергались разрушительным трансформациям в силу все более массивно и энтропийно множасьихся полей правовых пробелов, редувантных ограничений, правовых коллизий и иных дефектов в уже катастрофически отстающим от технологического развития законодательстве³.

Новые регуляторные технологии (франц. – «*technologie réglementaire*»; испанск. – «*tecnología regulatoria*»; англ. – «*Regulatory Technology*», сокращ. – «*LegalTech*», «*RegTech*») телеологически-инструментально (то есть по прикладным целям) «заточены» на существенное повышение и реализацию гибкости, адаптированности (адаптируемости), операционабельности регулирования, обеспечение высоких скоростей (и при этом релевантности и адекватности) экспериментального тестирования (апробации) готовых прототипов (комплексных решений) регуляторных режимов или экспериментальных разработок проектируемых регуляторных режимов и их запуска в расчетные форматы и размерности, на оперативные их реадaptации, перенастройки и корригирования, с минимизацией финансово-экономических и временных затрат на нормотворческий процесс.

Понятно, что все эти технологии, строго говоря по природе своей и в основе своей – вовсе никакие не «новые» и не «новейшие», и при желании мы в состоянии сыскать в прошлом и прототипы и аналоги и найти даже соответствующие теоретические идеи и объяснения. Но новейшими их все же обоснованно называть в том смысле, что в отношении ранее тотально и повсеместно применявшихся регулирующих подходов это именно нетривиальные, не вполне обычные, именно что в этом смысле новые подходы и инструменты.

Арсенал инструментариев новейших регуляторных технологий включает:

– инструментарии регуляторного эксперимента (франц. – «*législation expérimentale*»; испан. – «*legislación experimental*»; нем. – «*experimentelle gesetzgebung*»; англ. – «*experimental legislation*»)⁴;

¹ См.: Куприяновский В.П., Морева С.Л. и др. Подрывные технологические инновации: понятие, значение и онтология // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Vol. 8. – № 8. – С. 60–68. Гринько О.В., Куприяновский В.П., Покусаев О.Н. и др. Онтологизация данных Европейского Союза как переход от экономики данных к экономике знаний // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – Vol. 6. – № 11. – С. 65–84.

² См.: Ботнев В.К. Зарубежный опыт построения электронного правительства // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 26–28. Rodriguez Bolívar M.P., Cortés Cediel M.E. Digital Government and Achieving E-Public Participation: Emerging Research and Opportunities. – Hershey (PA, USA): IGI Global, 2020. – 258 p. Lips M. Digital Government: Managing Public Sector Reform in the Digital Era. – New York: Routledge, 2019. – xii; 289 p. Tomlinson J. Justice in the Digital State: Assessing the Next Revolution in Administrative Justice. – Bristol: Policy Press, 2019. – xiii; 99 p.

³ Понкин И.В., Куприяновский В.П., Понкин Д.И. Fintech, Regtech и регуляторные песочницы: понятие, цифровая онтология, перспективы // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 224–234. – С. 227.

⁴ См.: Дегтярев М.В. Экспериментальное законодательство: понятие, сопряженные сложности и проблемы // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 10. – С. 199–202. Дегтярев М.В. Экспериментальные правовые режимы: постановка научной проблемы // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11. – С. 152–155. Дегтярев М.В. К вопросу об истории и перспективах экспериментальных правовых режимов // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 12. – С. 169–172. Дегтярев М.В. К вопросу об экспериментальном законодательстве // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 11. – С. 113–116. Дегтярев М.В. Обоснованность и цели применения экспериментальных правовых режимов // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 12. – С. 152–155. Дегтярев М.В. Обзор зарубежного опыта применения экспериментального подхода в законодательстве // Право и образование. – 2021. – № 3. – С. 42–48. Дегтярев М.В. Экспериментальное законодательство: вопросы теории // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2021. – Т. 46. – № 1. – С. 126–133. Дегтярев М.В. Применение эксперимента в законодательной практике: опыт Китайской Народной Республики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1. – С. 11–19. Дегтярев М.В. Экспериментальное законодательство: некоторые концептуальные подходы к объяснению // Государственная служба. – 2021. – Т. 23. – № 2. – С. 16–23. Дегтярев М.В. Применение эксперимента в законодательной практике: опыт Польши и Финляндии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 2. – С. 22–30. Дегтярев М.В. Концепт регуляторного эксперимента в правовых позициях судебных инстанций США // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 5. – С. 154–158. Дегтярев М.В. Применение экспериментального законодательства: опыт Португалии и Дании // Ex Jure. – 2021. – № 3. – С. 28–40. Дегтярев М.В. Экспериментальное законодательство: Опыт Швеции, Финляндии и Уругвая // Право и образование. – 2021. – № 9. – С. 69–75. Дегтярев М.В. Эксперимент в континууме нормотворчества в государственном управлении // Административное право и процесс. – 2021. – № 9. – С. 27–30.

- инструментарии регуляторной гильотины (франц. – «*Guillotine réglementaire*»; англ. – «*Regulatory Guillotine*»)¹;
- инструментарии регуляторной песочницы (франц. – «*sandbox réglementaire*»; англ. – «*regulatory sandbox*»; испанск. – «*caja de arena reglamentaria*»)² и иные технологии многосторонних платформ (англ. – «*multi-sided platforms*»)³;
- инструментарии активного (преобразующего) моделирования в нормативном регулировании⁴;
- новейшие надзорные технологии и инструментарии (англ. – «*SupTech*» – «*supervision technology*») – «использование новых аналитических технологий для повышения эффективности, своевременности и точности пруденциальной надзорной деятельности»⁵;
- самозавершающиеся, с самоистекающим сроком регуляторного действия, нормативной силы (англ. – «*with expired mandate*») нормативные правовые акты (англ. – «*Sunset Law*», «*reauthorization act*», «*extension act*») или «самозавершающаяся» норма (англ. – «*sunset clause*», «*sunset provision*»; нем. – «*Auslaufklausel*»)⁶;
- гибридные нормативные правовые акты (со смешанной правовой природой)⁷;
- концепт и инструментарии «умного регулирования» или «интеллектуализированного регулирования» (англ. – «*Smart Regulation*»)⁸; общая концепция «умного» регулирования определена Европейской комиссией в Консультации заинтересованных сторон по «умному регулированию», опубликованной в апреле 2010 года, следующим образом: «Умное регулирование – это не более или менее строгое законодательство, а достижение результатов наименее обременительным способом»⁹; умное регулирование часто продвигает «восходящий подход» к регулированию, который предлагает регулируемым организациям гибкость в разработке своих собственных стратегий для достижения предписанных результатов¹⁰;
- инструменты мета-регулирования (англ. – «*Meta-regulation*»)¹¹;
- задействие государством децентрализованных автономных экстра-правовых нормативных порядков¹²;
- технологии и инструментарии упрощения законодательства¹³;

¹ См.: *Челунов О.И.* Некоторые проблемы «регуляторной гильотины» // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2020. – Т. 45. – № 1. – С. 133–140. *Марголин А.М.* Мониторинг вузов: всевидящее око регуляторной гильотины // *Образовательная политика.* – 2019. – № 1–2. – С. 67–75. *Мартынов А.В.* Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* – 2019. – № 5. – С. 143–165.

² См.: *Понкин И.В., Куприяновский В.П., Понкин Д.И.* Fintech, Regtech и регуляторные песочницы: понятие, цифровая онтология, перспективы // *Современные информационные технологии и ИТ-образование.* – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 224–234.

³ *Barone A.* Smart regulation is key for creating a new digital economy in MENA // <<https://blogs.worldbank.org/arabvoices/smart-regulation-key-creating-new-digital-economy-mena>>. – 28.01.2019.

⁴ См.: *Дегтярев М.В.* Моделирование в праве // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* – 2021. – Вып. 53. – С. 436–461.

⁵ *Fostering Innovation and Competitiveness With FinTech, RegTech, and SupTech / Eds.: Iustina Alina Boitan, Kamilla Marchewka-Bartkowiak.* – Hershey (PA, USA): IGI Global, 2020. – xix; 313 p. – P. 20.

⁶ См.: *Дегтярев М.В.* Концепт самозавершающихся нормативных правовых актов в правовой доктрине и практике США // *Право и государство: теория и практика.* – 2021. – № 6. – С. 164–167. *Drury J.W.* Sunset Laws: A Passing Fad or a Major Development? // *Midwest Review of Public Administration.* – 1977. – Vol. 11. – № 1. – P. 61–64. *Grobe S.J.* Sunset Laws // *American Journal of Nursing.* – 1981. – Vol. 81. – № 7. – P. 1355–1359.

⁷ См.: *Соловьев А.А.* Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте: Монография / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М., 2011. – 383 с. – С. 32, 38, 102 и др. *Кухнина Л.Ю.* Гибридные источники права: проблемы формирования и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 160 с.

⁸ См.: *Gunningham N., Sinclair D.* Smart regulation // *Regulatory Theory: Foundations and applications / Edited by Peter Drahos.* – Acton (Australian Capital Territory, Australia): Australian National University Press, 2017. – xxxv; 783 p. – P. 133–148. <https://www.researchgate.net/publication/314247930_Smart_regulation>. *Gunningham N, Grabosky P., Sinclair D.* Smart Regulation: Designing Environmental Policy. – Oxford: Oxford University Press, 1998.

⁹ Smart regulation // <<https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/smart-regulation>>. – 04.05.2011.

¹⁰ *Gosselin K.* Smart Regulation: Emphasizing prescribed outcomes and reduced burdens and flexibility // <<https://poliicomm-pmpoli.gccollab.ca/npi/en/articles/smart-regulation.html>>. – 08.04.2016.

¹¹ См.: *Grabosky P.* Meta-regulation // *Regulatory Theory: Foundations and applications / Edited by Peter Drahos.* – Acton (Australian Capital Territory, Australia): Australian National University Press, 2017. – xxxv; 783 p. – P. 149–162.

¹² См.: *Редькина А.И.* Концепция автономности в праве: теоретический аспект // *Право и образование.* – 2016. – № 11. – С. 13–21. *Редькина А.И.* Концепция автономности в праве: особенности, функции и проблемы применения // *Право и образование.* – 2016. – № 12. – С. 110–117.

¹³ См.: *Понкин И.В.* Упрощение законодательства как инструмент «новой» модели публичного управления // *Административное право и процесс.* – 2014. – № 4. – С. 8–12. *Понкин И.В.* Теория государственного управления: Учебник / Предисл. А.Б. Зеленцова. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 529 с. – С. 296–310.

- технологии и инструментарии цифровой онтоинженерии в праве¹;
- новейшие норморайтерские и нормопроектировочные технологий²;
- новейшие аналитико-правовые (англ. – «*Legal Analytics*») обеспечительные технологии³.

Вышеперечисленные концепты, подходы, инструментарии, технологии могут применяться в интерсекциональности (с пересечением и наложением в каких-то своих частях), могут дополнять или доставать один другого, комплексно или в частичных комбинациях совместно быть задействуемы, выступать обеспечительными этапами и механизмами один другого.

Однако, как пишут Нейл Каннингем и Даррен Синклер, нельзя предполагать, что все комбинации инструментов дополняют друг друга. Некоторые инструментальные «миксы» действительно могут быть контрпродуктивными. Результат других сопряжений может во многом определяться конкретными контекстами, в которых они применяются⁴.

Чрезмерная переполненность темы новейших регуляторных технологий откровенно бессодержательными публикациями и документами, либо материалами, неосновательно редуцирующими природу и онтологию государственного управления до исключительно торгово-товарных отношений (мало, в действительности, имеющих отношение к публичным интересам и публичному порядку), не исключает необходимости развития этих технологий в их релевантной, рациональной составляющей, реально обладающих весьма мощным и позитивным потенциалом содействия улучшению системы государственного управления, усиления должного эффекта от проводимой административной реформы.

---

¹ См.: *Понкин И.В., Лаптева А.И.* Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2021. – 174 с. <http://moscou-ecole.ru/wp-content/uploads/2021/03/Ponkin_Lapteva_Law-and-Digital-2021.pdf>. *Аристов Е.В., Кузнецова О.А.* К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 8. – С. 58–62. *Куприяновский В.П., Гринько О.В., Волокитин Ю.И., Липунцов Ю.П. и др.* Технологии трансграничных цифровых сервисов в ЕС, формализованные онтологии и блокчейн // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2018. – Vol. 6. – № 7. – С. 66–79.

² См.: *Норморайтер как профессия: Материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп.* – М.: Проспект; РГ-Пресс, 2019. – 376 с. *Баранов В.М.* Очерки техники правотворчества: Избранные труды. – М.: Юстиция, 2017. – 585 с.

³ См.: *Ashley K.D.* *Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – xxiii; 426 p. *Исаков В.Б.* Правовая аналитика. Учеб. пособие. – М.: Норма, 2020. – 384 с. *Понкин И.В., Лаптева А.И.* Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 2-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2021. – 567 с. <<http://moscou-ecole.ru/2021/01/31/methodology-sci-research/>>. *Понкин И.В.* Понятие «аналитика» // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2019. – Vol. 7. – № 10. – С. 80–90. *Баранов В.М., Ремизов П.В.* Критика законодательства (доктрина, практика, техника). – М.: Проспект, 2018. – 384 с. *Баранов В.М., Маслов Д.Е.* Юридическая рекомендация (доктрина, практика, техника). – М.: Проспект, 2018. – 256 с.

⁴ *Gunningham N., Sinclair D.* *Smart regulation // Regulatory Theory: Foundations and applications / Edited by Peter Drahos*. – Acton (Australian Capital Territory, Australia): Australian National University Press, 2017. – xxxv; 783 p. – P. 133–148. – P. 139.

Залоило Максим Викторович

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Zaloilo Maksim Viktorovich

candidate of law, leading researcher of the department of theory of law and interdisciplinary research of legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

E-mail: z-lo@mail.ru

Веллмэн Марина Владимировна

магистр по праву интеллектуальной собственности и праву информационных технологий государственного университета штата Огайо, legal assistant Attorney at law in Kernold and Coleman (USA, Charleston, South Carolina), магистрант юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Wellman Marina Vladimirovna

master's degree in intellectual property law and information technology law at Ohio state University, assistant professor at newlondon (Ohio), legal assistant Attorney at law in Kernold and Coleman (USA, Charleston, South Carolina), master's degree in law at Lobachevsky national research Nizhny Novgorod state university

E-mail: m-phototasck.baranova@yandex.ru

Опережающее начало правотворчества как стратегическая основа устойчивого развития в контексте глобальных вызовов и рисков современного общества

Anticipating the beginning of lawmaking as a strategic basis for sustainable development in the context of global challenges and risks of modern society

---

Аннотация: В статье раскрывается потенциал опережающего правотворчества как стратегии устойчивого развития перед вызовами современности (технологические, экологические, демографические, эпидемиологические и прочие). Право рассматривается в качестве механизма отражения и преобразования социальных явлений и процессов. Исследуется сущность опережающего правотворчества, заключающаяся в инновационном конструировании форм правовой реальности. Опережающее начало правотворчества, определяющее перспективный ресурс законодателя и обуславливающее правовую политику будущего.

Ключевые слова: правотворчество, опережающее правотворчество, цифровизация, пандемия коронавируса, поправки к Конституции, юридическое прогнозирование, стратегическое планирование, концепции развития законодательства

Abstract: The article reveals the potential of advanced lawmaking as a strategy for sustainable development in the face of modern challenges (technological, environmental, demographic, epidemiological and others). Law is considered as a mechanism for reflecting and transforming social phenomena and processes. The essence of

advanced lawmaking, which consists in the innovative construction of forms of legal reality, is investigated. The anticipatory beginning of law-making, which determines the promising resource of the legislator and determines the legal policy of the future.

Keywords: law-making, advanced law-making, digitalization, coronavirus pandemic, constitutional amendments, legal forecasting, strategic planning, legislative development concept

Современные глобальные вызовы, с которыми в XX – начале XXI вв. сталкивается человечество (технологические, экологические, эпидемиологические, антропологические и другие), обуславливают переход к новому, третьему после традиционалистского и техногенного, типу цивилизационного развития, – постиндустриальному обществу¹, экономической основой которого выступают пятый и наступающий шестой технологический уклады. С такими вызовами тесно связаны метаморфозы правового развития.

В частности, внедрение новых технологий и цифровая повестка существенно меняют общественные отношения, а вслед за ними право и правовую реальность.

Своего рода проверкой на прочность всей системы российской (и не только) юриспруденции стала пандемия коронавируса, когда в самые краткие сроки пришлось решать задачи максимального уменьшения вреда, который может нанести опасный вирус жизни и здоровью граждан, стабильности экономики и публичного управления, социальным связям и мировой стратегической безопасности в целом.

Закономерно стимулировали правотворческую активность в России конституционные преобразования 2020 года. Произошло то, о чем давно писали ученые-правоведы, подчеркивая необходимость стратегического планирования правотворчества². Была выработана общероссийская законотворческая стратегия, задавшая целый ряд объединенных общими целью и смыслом направлений развития законодательства: обеспечение единства системы публичной власти, согласованного функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, уточнение их функций и полномочий; создание механизма разрешения коллизий национального и международного права; последовательное отражение в действующем законодательстве высокого социального стандарта обновленной Конституции.

Высокая динамика общественных отношений, обусловленная конституционной реформой, цифровизацией, пандемией и прочими позитивными и негативными обстоятельствами, вызывает увеличение объемов правотворческой деятельности, рост количества принимаемых законодательных и иных правовых актов, ритмичность правотворческой деятельности.

Право выступает в роли механизма отражения и преобразования действительности. Одной из первоочередных задач развития российского законодательства в условиях возникающих вызовов современности является опережающее правотворчество, рассчитанное прежде всего на своевременное и эффективное реагирование на динамично изменяющиеся общественные отношения, предвидение социальных явлений и процессов и их превентивное отражение.

Сущность опережающего правотворчества заключается в инновационном конструировании форм правовой реальности. Однако оно не всегда означает появление совершенно новых юридических стандартов и установлений, правовых механизмов и технологий, но в некоторых случаях вводит в правовое пространство уже известные юридические модели.

Опережающие начала правотворчества по-разному реализуются в разных сферах жизнедеятельности. В одних опережение выступает сущностной характеристикой правового регулирования (искусственный интеллект, биомедицина, инновационные образовательные технологии), в то время как других областях наступает замедление. При этом опережающее правотворчество – принцип и будущий идеал, согласно которому функционирование и совершенствование нормосозидания должно максимально исключать юридический застой (там, где он вызывает опасения), торможение динамизма в ракурсе прогресса права, благосостояния и благополучия населения государства.

Справедливо, что больше всего возможностей для опережающего правотворчества представляет конституционная регламентация. Как отмечает А. А. Клишас, «нормы Конституций имеют перспективный эффект, принимаются с тем, чтобы соответствующие положения применялись к вновь возникающим общественным отношениям в их динамика, постоянном изменении и усложнении»³. В опережающем ракурсе законодатель закладывает в Конституции правовую политику будущего.

Особая ценность Конституции заключается в ее программном характере. Можно констатировать, что после конституционной модернизации 2020 года в России произошла иная расстановка юридических

¹ Touraine A. La Société Post-Industrielle. Naissance d'Une société. Paris, 1969; Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973; Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 99.

² Гаврилов О. А. Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993; Баранов В. М. Стратегия законотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации // Юридическая техника. 2015. № 9; Стратегии правового развития России: монография / Под ред. О. Ю. Рыбакова. М., 2015.

³ Клишас А. А. Юридический код государства: вопросы теории и практики. М., 2019. С. 434.

приоритетов, появились новые уникальные возможности директивной фиксации стратегических проектов опережающего государственного прогнозирования.

В связи с конкретизацией конституционных новелл важно обеспечить синхронизацию и последовательность модернизации законодательства на всех уровнях во избежание темпорального разрыва в практической реализации конституционных новелл на всей территории России¹.

Одной из национальных целей развития Российской Федерации выступает цифровая трансформация². Общее влияние развития и распространения цифровых технологий на современную систему права, отдельные ее отрасли и процессы ее модификации выражается в том, что сфера правового регулирования становится мультисодержательной: возникают новые отношения, изменяются сложившиеся связи, появляются нетипичные с точки зрения субъектного состава, объектов и среды существования общественные отношения, включая те, которые практически исключают участие человека³. Формируется качественно новое представление о праве, в системе которого появляются неизвестные ранее элементы, такие как циклические правовые массивы, природа которых еще не до конца понятна, но которые занимают все больше места в механизме правового регулирования, «пронизывая» собой почти все отрасли права и законодательства⁴. Сам правовой массив, опосредующий процессы цифровизации, также может быть охарактеризован как циклический, поскольку создается и развивается не автономно от правового развития в иных сферах, а вторгается в действующие элементы права и детерминирует их содержание.

Развитие современных высоких технологий обуславливает возникновение новых общественных отношений, правовое регулирование которых в силу естественных причин отсутствует. Как справедливо замечает Ю. А. Тихомиров, «законодательное регулирование «не успевает» за развитием отношений, служит средством их «запоздалого» регулирования, не оказывает опережающего воздействия»⁵. Действительно, мониторинг правотворческой практики в сфере цифровизации свидетельствует о том, что, с одной стороны, законодатель не успевает за требованиями жизни, с другой стороны, при регулировании некоторых отношений допускает хаотичное нарастание объема правового массива.

Значительной спецификой характеризуется элемент опережения при модификациях законодательства в чрезвычайных условиях, во времена эпидемий и техногенных катастроф. Иллюстрацией может служить модификация законодательства практически во всех государствах мира в связи с пандемией коронавируса. Сложная эпидемиологическая обстановка в стране и в целом в мире побуждает законодателя к принятию комплекса правовых мер, направленных на улучшение эпидемиологической обстановки в стране и минимизацию негативных последствий пандемии не только для жизни и здоровья людей, но и для состояния российской экономики.

При этом важно отметить актуальность многих идей теоретиков правотворчества, которую они сохраняют в условиях современных цивилизационных вызовов, таких как цифровизация и широкое развитие конвергентных технологий, эпидемиологические кризисы. Это идеи:

– об обусловленной ускорением темпов правотворчества необходимости планирования субъектами правотворчества своей деятельности (включая долгосрочное и комплексное планирование)⁶ и разработки прогнозов развития законодательства на длительную историческую перспективу⁷, определяющих

¹ Синхронизация должна привести к сближению смежных отраслей и векторов развития законодательства, что может быть достигнуто разными способами, в частности путем: своевременной актуализации правового регулирования при принятии того или иного акта, приведения законодательства в соответствие с вновь принятым законом; устранения терминологической неопределенности, когда одни и те же понятия и термины используются в разных нормативных правовых актах в неодинаковом значении; учета при разработке законопроектов всех иных законодательных инициатив в соответствующей области общественных отношений; обеспечения единства принципов правового регулирования в схожих отраслях; систематизации; сохранения правопреимственности правовых актов, институтов и т. п.; надлежащей реализацией в правотворчестве таких его принципов, как планирование, системность, нормативная экономия (см. подробнее: Залоило М. В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–29).

² См. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

³ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. С. 106–134.

⁴ См.: Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18; Хабриева Т. Я. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и правовые решения // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 459–467.

⁵ Тихомиров Ю. А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 49.

⁶ См., например: Николаева М. Н., Пиголкин А. С. Планирование законопроектной деятельности // Советское государство и право. 1972. № 11. С. 43–49.

⁷ Пиголкин А. С., Николаева М. Н. Плановые основы совершенствования советского законодательства // Правоведение. 1982. № 3. С. 8.

тенденции расширения или сужения предмета правового регулирования, направленных на выработку общей концепции совершенствования законодательства;

– об обеспечении научного характера правотворчества, заключающегося в глубоком всестороннем научно-теоретическом обосновании принимаемых правотворческих решений, а также в непосредственном участии ученых-юристов в правотворческой деятельности¹;

– о комплексном законодательном регулировании правотворческой деятельности и принятии «закона о законах»²;

– о совершенствовании языка законодательства, упорядочении юридической терминологии³;

– о системном начале в правотворчестве и систематизации юридических норм⁴.

В зарождении, становлении, функционировании и эффективном развитии опережающего правотворчества велика роль общей и правовой культуры. Именно культура общества, государства, субъекта правотворчества выступает источником и катализатором опережающего правотворчества. Контекст культуры является неотъемлемым спутником любого вида опережающего правотворчества.

Культура правотворчества в наступающую эпоху технологизации приобретает важную прогностическую функцию, связанную с опережающим характером правового воздействия. В связи с этим в правотворчестве возрастает значение стратегических документов, повышается роль его определенных стадий (формулирование идеи и концепции проекта нормативного правового акта) и юридических технологий (юридическое прогнозирование).

Законодатель (субъект правотворчества) уже не выступает как естествоиспытатель. Если ранее его задача заключалась в том, чтобы «видеть право в самой действительности, ... воплотить в законе объективные потребности общественного развития»⁵, то теперь правотворчество не предстает более как простое познание общественных отношений, но является предугадыванием, конструированием общественной реальности. Таким образом, в понимании сути правотворчества происходят качественные изменения (от поиска права и отражения его в принимаемых нормах до конструирования, преобразования действительности).

Эффективность опережающего правотворчества predetermined качеством предварительного юридического прогнозирования и правового моделирования. Прогностическая функция опережающего правотворчества относится к разряду ведущих, доминирующих. Она в значительной степени обуславливает содержание и форму многих иных вспомогательных, дополнительных, второстепенных его функциональных направлений деятельности. Качественное опережающее правотворчество предполагает своего рода «удвоенное прогнозирование»: оно должно опираться на обоснованные прогнозные разработки и выступать их адекватным отражением; его содержание и форма призваны обеспечивать выполнение официально избранных прогнозов.

Опережающее правотворчество – своеобразный итог подбора и реализации разных прогностических методов и средств. Прогностическое начало опережающего правотворчества развивается в направлении все более решительного и содержательного обогащения: расширяется отраслевая сфера и увеличиваются формы его проявления, совершенствуется арсенал технико-юридических средств его оформления и обеспечения (одним из таковых является правовой эксперимент).

Однако в результате механического (без комплексного анализа) проецирования настоящего опыта на будущие общественные отношения прогностическая функция опережающего правотворчества ослабляется.

В начале цифровой эпохи поднимается вопрос о гибкости и оперативности правовых регуляторов общественных отношений, связанных с цифровизацией. Прогностическая составляющая опережающего правотворчества и в данном случае сохраняет свою актуальность и значимость в связи с необходимостью определения контуров правового регулирования общественных отношений, связанных с цифровизацией.

Потенциал права как регулятора, оказывающего мощное воздействие на происходящие процессы, позволяет в качестве одной из первоочередных задач развития российского законодательства в условиях цифровизации выделять опережающее правотворчество, что позволит избежать законотворческой сингулярности, с наступлением которой «законодатель (человеческий разум) окажется неспособным понять прогресс технологий, влияющих на взаимодействие человека и компьютера»⁶.

¹ См., например: Научные основы советского правотворчества / под ред. Р. О. Халфиной. М., 1982; Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8.

² О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд. / рук. авт. кол. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2019; О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2021.

³ См., например: Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990.

⁴ См., например: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. СПб., 2003.

⁵ Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 9.

⁶ Трунцевский Ю. В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 56.

Под влиянием цифровизации меняется система источников (форм) права, их соотношение, в том числе количественное, трансформируется их содержание. Прогнозируется, что на смену закону как основному источнику права придут инструменты мягкого права. В условиях ускорения потоков информации, высокой динамики развития социума в доктрине исследуется проблема устаревания нормативного правового акта уже в момент его опубликования. В связи с этим предлагается модель цифрового (интерактивного) закона как совокупности альтернативных сценариев с изменяемым посредством сетевого краудсорсинга содержанием, что позволяет максимальным образом учесть интересы граждан¹. Появление этого закона требует изменения самой модели правотворчества, однако вызывает определенные опасения, связанные с повышением неопределенности права, утратой им качества стабильности, проблемами автоматизированного применения². Одновременно известны инициативы о появлении в системе права гибких правовых регуляторов («мягкого права»), инструментов саморегулирования, которые, как предполагается, в перспективе должны составить основную массу среди источников (форм) права и непосредственным образом регулировать отношения в социуме, в отличие от закона, которому отводится роль документа, содержащего лишь направления развития, ключевые цели и принципы, основные черты правового статуса адресатов регулирования³. Это требует решения вопросов устранения коллизий между традиционными и новыми регуляторами, определения сфер общественных отношений, которые будут регламентированы по-старому либо станут предметом «мягкой» регламентации⁴.

Преодолеть разрыв между правотворчеством и наукой, должным образом обосновать необходимость принятия правотворческих решений призваны научные концепции развития законодательства⁵ – формы выражения интеллектуальных правовых моделей, которые с позиций доктрины позволяют оценить состояние и предвидеть динамику и перспективы развития законодательства, максимальным образом учитывая факторы, которые на него воздействуют. Нашедшие отражение в научных концепциях модели отвечают не только задачам текущего периода, но и стратегическим задачам повышения эффективности правового регулирования. Концептуализация научного юридического знания является залогом повышения эффективности стратегического планирования развития правовой сферы.

Опережающее правотворчество обладает особой устоявшейся технико-юридической формой. Очень часто оно оперирует программно-стратегическими актами.

7 мая 2018 года был принят указ Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Обеспечивают достижение целей и целевых показателей, выполнение задач, определенных упомянутым указом Президента Российской Федерации, такие документы, как национальные проекты⁶. Создание адекватного поставленным целям и стратегическим задачам правового регулирования также может служить примером опережающего правотворчества. При этом важна необходимая степень корреляции с законодательством: принимаемые законы должны быть обусловлены программными актами (документами стратегического планирования), равно как и последние следует принимать с учетом динамики развития законодательства⁷. Примером может служить серьезное стратегическое планирование развития технологического искусственного интеллекта на основе Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 год, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490, а также Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Фе-

¹ Howes D. E-Legislation: Law-Making in the Digital Age // McGill Law Journal. 2001. № 47. P. 49.

² См. о модели цифрового (интерактивного) закона: Пашенцев Д. А., Алимova Д. Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 105.

³ Концепция организации процесса управления изменениями в области регулирования цифровой экономики. URL: https://sk.ru/documents/225/КУИ_презентация_20200113.pdf

⁴ Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М., 2021. С. 146–149; Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М., 2021.

⁵ См., например: Научные концепции развития российского законодательства. 7-е изд. / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015.

⁶ См.: постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».

⁷ В законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации, в частности, в некоторых региональных «законах о законах» прослеживается обусловленность законодательной инициативы содержанием программно-стратегических актов, как это закреплено, например, в ст. 14 Закона Республики Марий Эл от 6 марта 2008 г. № 5-3 «О нормативных правовых актах Республики Марий Эл». Имеется и соответствующий зарубежный опыт: в п. 8 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З среди основных принципов нормотворческой деятельности назван принцип социально-экономической обусловленности, который обеспечивается соответствием принимаемых (издаваемых) нормативных правовых актов социально-экономическим потребностям и возможностям общества и государства, а также целям устойчивого развития, содержащимся в международно-правовых актах и правовых актах программного характера. Во многих законах субъектов Федерации о нормативных правовых актах прогнозирование закреплено в качестве стадии правотворческого процесса (см., например, ст. 19–21 Закона Нижегородской области от 10 февраля 2005 г. № 8-3 «О нормативных правовых актах»).

дерации от 19 августа 2020 года № 2129-р. На повестке дня – разработка комплексного правового регулирования роботизации на основе соответствующих документов стратегического планирования и специального федерального закона¹.

Отмечая многочисленные положительные свойства опережающего правотворчества, являющегося своего рода залогом эффективности социально-экономического и технологического развития общества и государства, следует определить его пределы (пространственные, временные, культурные² и пр.). Потенциальными рисками опережающего правотворчества могут стать чрезмерность и «агрессивность» правового регулирования, неоправданный охват им сферы действия иных регуляторов (религии, морали, саморегулирования), «тиражирование» законов, вторжение подзаконных актов в сферу законодательного регулирования. Целям преодоления и недопущения указанных рисков служит инструмент правового мониторинга, осуществляемого во всем «жизненном цикле» юридической нормы широким кругом субъектов.

Вместе с тем при опережающем правотворчестве заложенная в его результате прогнозная модель поведения является более зыбкой по сравнению с теми, что представлены в обычном текущем законодательстве. Поэтому в ходе мониторинга итогов опережающего правотворчества это следует принимать в расчет, иными словами, менее критично оценивать его количественные характеристики и пытаться обнаружить качественные «сдвиги» в правовом воздействии на тот или иной юридический объект.

---

¹ См. об этом: Залоило М. В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. Д. А. Пашенцева. М., 2021. С. 37.

² См.: Баранова М. В. Культурные пределы опережающего правотворчества // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 567–570.

Зуева Юлия Владимировна

соискатель Нижегородской академии МВД России, адвокат Нижегородской областной коллегии адвокатов

Zueva Yulia Vladimirovna

Applicant of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lawyer of the Nizhny Novgorod Regional Bar Association

E-mail: zuevajulia2009@yandex.ru

К вопросу об институциональном статусе самозащиты (общеправовой аспект)

On the question of the institutional status of self-defense (general legal aspect)

Аннотация. Самозащита с точки зрения юридической природы является базовым естественным и неотъемлемым правом каждого человека. Вместе с тем ее положение в рамках отдельной отрасли права не представляется возможным свести к какой-либо конкретной норме или группе норм. Данная категория фактически выступает системообразующим звеном для целого комплекса формальных и неформальных правил поведения, охватывающих практически все современное законодательство. Настоящая статья посвящена поиску и определению правового статуса самозащиты в действующем механизме государственного нормативного регулирования.

Ключевые слова: самозащита, правовой институт, юридический статус, законодательство, система права

Abstract. Self-defense from the point of view of the legal nature is the basic natural and inalienable right of every person. At the same time, its position within a separate branch of law cannot be reduced to any specific norm or group of norms. This category actually acts as a system-forming link for a whole complex of formal and informal rules of conduct covering almost all modern legislation. This article is devoted to the search and determination of the legal status of self-defense in the current mechanism of state regulatory regulation.

Keywords: self-defense, legal institution, legal status, legislation, legal system

---

Институт самозащиты по своей природе и содержательной принадлежности выходит далеко за рамки существующих отраслей отечественного, зарубежного и международного права. Оптимальным подходом к познанию его сущности выступает отказ от типичных юридических взглядов о происхождении того или иного явления через призму естественного права, данного человеку с рождения, в сторону первобытного инстинкта, присущего каждому «живому» организму. Еще на примере древнейшего библейского сюжета о грехопадении Адама и Евы подтверждается истинность этого суждения, что прослеживается через демонстрацию самой природы человечества, которая заключается в стремлении защитить собственное «Я» фактически любыми возможными средствами, в число которых входит не только попытка скрыться от опасности, но и готовность переложить свою вину на ближнего¹.

В обозначенном ракурсе становится очевидной актуальность исследования соответствующей проблематики даже без дополнительного обращения к статистическим данным, социальным опросам, правоприменительным проблемам и другим аспектам, поскольку речь ведется о категории, не требующей каких-либо специальных познаний или навыков работы. Она всем понятна и знакома, однако это лишь поверхностное представление, поскольку каждый видит ее по-разному и вкладывает в нее свое собственное смысловое наполнение. Посягающий и защищающийся лишь две единицы из того множества субъектов, которые могут предоставить собственную, неповторимую характеристику произошедшим событиям. В то же время, надо учитывать, что правосубъектная сфера влияния института самозащиты не ограничена исключительно физическими лицами, она также распространяется на юридических лиц, и даже на целые государства, их субъекты и муниципальные образования.

---

¹ Ветхий Завет. Книга Бытие. 3:8, 12, 13.

Таким образом, само представление о нем не должно ассоциироваться и сводиться к обороне от насильственного посягательства на жизнь и здоровье личности¹. Это лишь один из вариантов проявления межотраслевого института самозащиты. В «содержательной цепи» актов самозащиты находятся и многие другие феномены социальной действительности (деятельности), такие как всеобщие голосования (выборы, референдум), жалобы на действия должностных лиц, протестные движения (голодовки, забастовки, митинги). Более того, даже смену постоянного места жительства и переезд в иностранное государство, введение международно-правовых санкций вполне допустимо рассматривать с указанной «самозащитной» точки зрения.

Обозначенная разноплановость, осложненная неясным представлением о сущности, содержании, структуре и формах данного межотраслевого феномена, выступили одной из главных причин отсутствия однозначного и понятного терминологического аппарата, раскрывающего, как фундаментальное определение института самозащиты, так и его отдельные аспекты. На основании изложенного считаем методологически оправданным историко-правовой, корреляционный и терминологический анализ самозащиты, как относительно самостоятельной юридической категории, но, прежде всего, необходимо устранить все возможные сомнения в ее институциональном статусе.

Современные юридические подходы к определению категории институт, как правило, сводятся к совокупности норм, регулирующих обособленные социально-правовые отношения². Тем не менее, комплексный характер исследования требует обратиться и к другим областям познания, таким как философия, социология, антропология и иным, что обусловлено межотраслевым характером самозащиты, претендующей на общетеоретический статус. Именно в данном контексте происходит снятие ограничений, упорядочивающих институт только в пределах регламентированных норм и правил, поскольку, говоря о самозащите, необходимо учитывать соответствующие когнитивные реакции, ментальные и моральные установки.

Устоявшийся доктринальный подход к интерпретации указанной категории прослеживается и в источниках сугубо терминологического характера. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет его, как «совокупность норм права в какой-либо области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства»³. Аналогичное толкование встречается в большинстве энциклопедических и справочных материалов⁴, однако стоит учитывать, что сущностные характеристики правового института значительно шире, так как в действительности он консолидирует такой комплекс правил, который обеспечивает цельное самостоятельное регулирование группы отношений или осуществление отдельной задачи, функции в этом регулировании, а также воплощает в своем содержании особую юридическую конструкцию, некоторые руководящие положения и принципы. Таким образом сама отрасль формируется не из самостоятельных норм, а из структурирующих их правовых институтов, которые в свою очередь могут содержаться и в различных нормативных актах.

Большой юридический словарь развивает указанную выше формулировку следующим образом: «обособленная группа юридических норм, регулирующих однородные общественные отношения и входящих в соответствующую отрасль права»⁵. В данном контексте прослеживается взаимозависимость двух базовых гуманитарных категорий «институт» и «отрасль», которые рассматриваются не только как часть и целое, но и как дополняющий элемент и основной. В частности, различные сферы жизнедеятельности могут регулироваться положениями отдельных отраслей права, в подобном случае именно институты способны выступить системообразующим механизмом, формирующим однородные взаимосвязанные нормы двух и более отраслей права. То есть речь ведется об их межотраслевом характере, и

¹ См.: статья 37 «Необходимая оборона» уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ : принят Государственной Думой Российской Федерации 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 июня 1996 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² См. напр.: Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства / Я. М. Магазинер // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 261; Учебник русского гражданского права: (По изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич; Вступ. ст. Е. А. Суханова. – М.: Фирма «Спарк», 1995. – С. 53; Осипов Ю. К. Понятие институтов гражданского процессуального права / Ю. К. Осипов // Правоведение. – 1973. – № 1. – С. 55; Якушев, В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев // Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 66; Теория государства и права / Под ред. Н. Г. Александрова. – М.: Юрид. лит., 1968. – С. 587; Курс гражданского права: Т. 1 / Ю. С. Гамбаров. – Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – Часть общая. – XII. – С. 42.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Росийская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – С. 231.

⁴ См. напр.: Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. Издание 6-е, дополненное и переработанное / Под ред. М. Ю. Тихомирова. – М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2009. – С. 735; Большая юридическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 235; Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В. Е. Крутских. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 123.

⁵ Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2008. – VI. – С. 277.

как указано в приведенном юридическом словаре, таковыми являются *необходимая оборона и крайняя необходимость*¹, фактически выступающие субинститутами самозащиты².

К числу первых упоминаний о зарождении исследуемого феномена следует отнести один из известнейших памятников полной древнеримской научной системы юриспруденции «Институции Гая»³, начинающийся с декларативных предписаний о целеполагании и сущности права, и далее последовательно раскрывающий особенности правового положения людей, имущественных отношений и процессуальных споров. Указанный документ фактически сформировал такие основы институционализации, как *обобщение общественных отношений, систематизация законодательных положений, лаконичность изложения, ясность толкования и точность понимания*. При этом фактическая ценность подобного явления также состоит в активизации правоприменения его структурных единиц (норм), которые не могут эффективно функционировать в отсутствие тесной взаимосвязи с другими элементами, схожими по своей сущности или предмету регулирования. Таким образом **категория «институт» как для юриспруденции, так и для других общественных наук фактически выступает системообразующим фактором – опорой и точкой соприкосновения однородных социально-правовых регуляторов, неспособных по отдельности сформировать соответствующую отрасль**. Значимое замечание в настоящем контексте делает Е. А. Киримова, которая указывает, что «степень тяготения норм друг к другу не планируется заранее, новые правовые институты не выделяются искусственно, а складываются объективно, юридические нормы составляют гармоничные группы, подчиняясь внутренним закономерностям, объединяющим конкретные общественные отношения, которые призваны урегулировать правовые нормы»⁴. Законодатель может их изменить или отменить, но он не способен механически их перенести в структуру не соответствующего их природе правового образования. Более того, изъятие исследуемой структурной единицы из соответствующей отрасли приведет к нарушению функционирования последней. Так, например, аннулирование института самозащиты фактически приведет к разрушению основ правового государства, в силу отсутствия реальной возможности своевременно реагировать на нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и других субъектов.

Известный французский философ и социолог Э. Дюркгейм, рассматривая исследуемую конструкцию, определил ее в качестве «определенных способов социального действия и норм (образцов) поведения, существующих в обществе вне и независимо от индивидуумов»⁵. Данная интерпретация демонстрирует такие фундаментальные признаки, как *конкретизированность предмета регулирования; схожесть, внутреннее единство и взаимосвязь элементов, входящих в него*. При этом сама внешняя форма выражения института в широком смысле может быть определена через *определенные рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом*. В узком смысле она раскрывается как *основополагающий структурный элемент соответствующей отрасли права, представленный совокупностью (в идеале системой) общественных отношений, норм, правил, требований, классифицированных по своему содержанию, которые могут носить как формальный (правила придуманные людьми), так и неформальный характер (общепринятые условности и поведенческие установки)*. Не маловажное значение здесь также имеют принципы, координирующие направления развития всех системообразующих единиц, которые фактически являются ориентиром для объединения определенной совокупности индивидуальных регуляторов.

Г. С. Беляева интерпретирует «правовой институт», как «особую, созданную на нормативной основе социальную структуру, способную существовать на макро– и микросоциальном уровне и объединяющую своим действием ту или иную (а иногда и все) сферу общественных отношений (в зависимости от сферы своего действия)»⁶. В контексте самозащиты главенствующее положение занимают государственный (каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом – статья

¹ Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А. Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2008. – VI. – С. 277.

² Институциональный статус необходимой обороны, крайней необходимости и других обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, поддерживается многими представителями науки уголовного права: Милуков С. Ф., Никуленко А. В. Неудачная попытка системного анализа фундаментального института уголовного права // С. Ф. Милуков, А. В. Никуленко / Всероссийский криминологический журнал, 2021. – Т. 15. – № 5. – С. 649–654; Ретунская Т. П. Необходимая оборона как институт уголовного права // Т. П. Ретунская / Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2008. – № 5. – С. 131–140; Федосова Е. Ю. Необходимая оборона в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е. Ю. Федосова. [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун–т]. – М., 2006. – 207 с. Более того, данная позиция также прослеживается и в рамках казуального толкования: «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 // Российская газета, 2012. – № 227. – 3 октября.

³ Институции Гая / Текст и пер. Ф. Дыдынского. – Варшава, 1892. – XL. – 540 с.

⁴ Киримова Е. А. Правовой институт: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. А. Киримова; [Место защиты: Саратовская гос. акад. права]. – Саратов, 1998. – С. 69.

⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – С. 166.

⁶ Беляева Г. С., Абрамова Н. Г., Лещенко О. В. Понятие и сущность юридического института // Г. С. Беляева, Н. Г. Абрамова, О. В. Лещенко / Теория государства и права, 2019. – № 2 (14). – С. 39–45.

30 Декларации прав и свобод человека и гражданина¹, статья 45 Конституции РФ²) и международный (статья 51 Устава ООН³ провозглашает конвенциональную основу самозащиты – ответные действия, направленные на восстановление нарушенных прав) уровни, за которыми следует целый комплекс отраслевых регуляторов, не только развивающих положения федерального законодательства, но и специализированных на конкретной социальной сфере. Вместе с тем, несмотря на разноплановость и многосторонний характер приведенной иерархии, в ней прослеживается сущностное концептуальное единство предметной области, обладающей иммунитетом к отраслевой, территориальной и временной специфике изменяющихся общественных отношений.

Для структуры правового института, как отмечает С. С. Алексеев, характерно:

А) наличие комплекса «равноправных» нормативных предписаний;

Б) как правило, известная их юридическая разнородность;

В) объединение всех норм устойчивыми, закономерными связями, которые выражены в общих предписаниях, а главное – в юридической конструкции.⁴

Именно с точки зрения внутренней структуры рассматриваемые категории подразделяются на простые (не содержат в себе каких-либо образований) и сложные (имеют в своем составе самостоятельные элементы – субинституты, которые излагаются в отдельных нормативных актах). Данное правило отчетливо прослеживается на примере самозащиты, охватывающей различные отрасли отечественного законодательства.

Г. В. Мальцев определяет, что предназначение правового института состоит в «приведении общественных структур и функций в состояние определенного единства, и, не в последнюю очередь, инструктированию субъектов деятельности, как они должны вести себя в тех или иных ситуациях»⁵. Таким образом можно заключить, что сущность исследуемого явления раскрывается через регулятивную функцию, обусловленную потребностями общества. Американский социолог Т. Парсонс подчеркивает, что в число основных задач этой категории также входит «организация во взаимосвязанную систему того, что без такой организации станет почти произвольным набором эгоистических тенденций человеческого действия. Без такой организации общество вряд ли было бы способно поддерживать порядок, какой мы привыкли в нем видеть»⁶. Через приведенную трактовку не только раскрывается критерий правомерности общественных отношений, отграничивающий их от противоправного и преступного поведения, но и освещаются институциональные ограничения, включающие как запреты индивидам совершать определенные действия, так и указания, при каких условиях отдельным индивидам могут быть разрешены подобные действия.

На основании изложенного представляется целесообразным выделить основополагающие признаки и характерные черты правового института:

– представляет собой объективно складывающееся целостное правовое образование, содержащее необходимую первичную общность юридических норм;

– системообразующая форма выражения, которая в совокупности с другими институтами образует отрасль права;

– объединяет схожие, родственные видовые отношения;

– общность интеллектуально-волевого содержания, состоящая в установлении групп понятий, общих положений и терминов;

– специфичность метода правового регулирования;

– направленность на более тщательное и полное урегулирование отдельных сторон общественной жизни

– обеспечивает минимизацию неопределенности путем установления устойчивой (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между субъектами права;

– сочетает в себе не только регламентацию ограничений, но и возможностей, которыми располагают субъекты права;

¹ О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление Верховного Совета РСФСР № 1920–1 от 22 ноября 1991 года // Ведомости Съезда НД РСФСР и ВС РСФСР, 1991. – № 52. – Ст. 1865.

² Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. – 2020. – 4 июля.

³ Устав Организации Объединенных Наций: подписан 26 июня 1945 года в г. Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

⁴ Алексеев С. С. Структура советского права // С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 124.

⁵ Мальцев Г. В. О социальной природе юридических институтов / Г. В. Мальцев // Институционализация в праве: Сб. науч. ст. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – С. 5–23.

⁶ Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический проспект, 2000. – С. 345–346.

- одновременное присутствие взаимодополняемых формальных и неформальных инструментов, регулирующих взаимодействие в обществе
- наличие стимулов, заложенных в самой институциональной системе обеспечивающих гарантии, востребованность и жизнеспособность соответствующих общественных отношений
- гибкость, включающая в себя способность адаптации к изменяющимся общественным отношениям;
- доминирование эндогенной траектории развития, основанной на эволюционных преобразованиях имеющихся норм
- преобладание инкрементного характера изменений, состоящего в планомерных преобразованиях институциональной среды
- устойчивость концептуальной сущности в рамках любых модернизационных процессов;
- автономность, обусловленная наличием полноценного механизма правового регулирования, обеспечивающего возможность самостоятельного решения отдельных вопросов

Необходимо подчеркнуть, что *внешне обособленное закрепление в системе законодательства не входит в число признаков, определяющих исследуемую категорию*, поскольку это в первую очередь субъективный вопрос из сферы юридической техники. В частности, если обратиться к УК РФ, то, например, из наименования главы 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» становится очевидно, что она содержит нормы нескольких правовых институтов, но субъектами законотворческой деятельности было принято решение поместить их в одно структурное подразделение. Более того, об истинности приведенного выше суждения также свидетельствует то обстоятельство, что нормативные правовые акты не являются единственным источником права.

С учетом проведенного исследования представляется методологически оправданным сформировать **авторское определение правового института**, редакция которого может быть продемонстрирована следующим образом: **комплекс взаимосвязанных формальных и неформальных регуляторов однородных общественных отношений, объективно консолидировавшихся благодаря единству предмета, методов и принципов правового регулирования.**

Все вышеизложенное в полном объеме распространяется и на сферу самозащитной деятельности, сформировавшей под своим началом целую систему автономных правил поведения. В свою очередь доктринальные взгляды также нередко придерживаются позиции о ее институциональном статусе¹. Справедливое замечание в данном контексте было сделано еще в 2004 году М. Ю. Гараниным относительно формирования нормативно-правовой базы самозащиты, который указывал, что время ее правовой институционализации в России пришло. Поэтому, важной задачей государства является признание и обеспечение самозащиты в качестве не только естественного (признано и без государства), но и позитивного (законодательного) права личности и ее объединений². Последнее направление в настоящее время способно похвастаться целым комплексом нормативных предписаний различного уровня, посвященных практически всем основным сферам общественных отношений. Вместе с тем даже при наличии их конституционной централизации и конвенционального единоначалия, значительная рассогласованность и бессистемность соответствующих положений выступают «черным пятном» на общепризнанности того обстоятельства, что уже приобрела статус межотраслевого института права. При этом наличие отдельных слабых сторон и упущений не может свидетельствовать об обратном, поскольку соответствующая система формальных и неформальных правил поведения де-юре и де-факто функционирует в современной социальной действительности. Открытым остается лишь вопрос о ее эффективности, но подобное будет справедливо и для других государственно-правовых механизмов.

¹ Шериев А. М. Субъективные права и законные интересы как объекты правовой охраны и защиты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. М. Шериев; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2008. – 206 с.; Казакова Е. Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Е. Б. Казакова; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. – Тамбов, 2006. – 226 с.; Уздимаева Н. И. Правовая самозащита новый комплексный институт в системе российского права // Н. И. Уздимаева / Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2011. – № 4. – С. 23–26.

² Гаранин М. Ю. Самозащита как социально-философская проблема: дис. ... канд. филос. Наук: 09.00.11 / М. Ю. Гаранин; [Место защиты: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т.]. – Н. Новгород, 2004. – С. 119.

Купцова Ольга Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Kuptsova Olga Borisovna

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Department of Labor and Environmental Law, of the Law Faculty, National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky

E-mail: olga.kuptsova@mail.ru

Развитие языка права в условиях цифровизации общественных отношений

Development of the language of law in the context of digitalization of public relations

---

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений развития языка права в русле процессов цифровизации, которые осуществляются в современном российском обществе. В этом русле особо следует остановиться на двух моментах: необходимо отметить тенденцию модернизации юридической терминологии и активное участие общественных институтов в формировании языка права. Сегодня необходимо быть готовым к трансформации привычных положений и устоявшихся постулатов и на перспективу прорабатывать варианты оперирования нормами права, которые объединяются в определенные комплексы наднормативного системного характера и использовать в своей работе иное структурирование нормативного материала. В этом отношении перспективной представляется юридическая топика. Особенности развития современных общественных отношений определяют специфику государственно-властного воздействия в анализируемой сфере и реакцию на него общественных институтов. В основе данных процессов лежит активно развивающийся принцип делиберативности, который является уже не просто концепцией, а вполне разработанной и изученной реалистичной системой характеристик. Общественное участие позволит в ряде случаев усовершенствовать существующую нормативную правовую материю, а также выявить потребности и ожидания общества в правовом регулировании, что позволит создавать более качественные правовые предписания.

Ключевые слова: язык права, цифровизация общественных отношений нормативные правовые предписания, модернизация юридической терминологии, принцип делиберативности

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main directions of the development of the language of law in line with the processes of digitalization that are carried out in modern Russian society. In this vein, two points should be emphasized: it is necessary to note the trend of modernization of legal terminology and the active participation of public institutions in the formation of the language of law. Today it is necessary to be ready for the transformation of the usual provisions and established postulates and in the future to work out options for operating with the norms of law, which are combined into certain complexes of a supranormative systemic nature and use in their work a different structuring of normative material. In this regard, the legal topic seems promising. The peculiarities of the development of modern public relations determine the specifics of state-power influence in the analyzed sphere and the reaction of public institutions to it. These processes are based on the actively developing principle of deliberative.

Keywords: the language of law, digitalization of public relations, regulatory legal prescriptions, modernization of legal terminology, the principle of deliberation

---

Российское право в настоящее время переживает достаточно активную фазу своего поступательного развития, связанного с возрастающими качественными изменениями. Особое влияние при этом испытывает язык права, который в большей степени подвержен непосредственной трансформации.

Бесспорно, что язык права – это своеобразная *lingua franca* в рамках современных научных изысканий не только юридической доктрины, но и трудов исследователей-лингвистов. Определяясь с дефинитивными основами, отметим, что весьма конструктивной является позиция профессора Н.А. Власенко, с

точки зрения которого, существуют два ключевых понятия – «правовой язык» и «язык права». Первый термин наиболее общий, под ним нужно понимать правовой лексикон, весь словарный запас (арсенал) юриспруденции. Сюда включается официальный язык текстов нормативно-правовых актов, тесно прилегающая к нему термосистема индивидуальных актов, юридические профессионализмы, доктринальный юридический язык, юридические жаргоны и т. д. А язык права – это лексикон нормативных правовых актов и актов официального толкования¹.

В русле данного понимания язык права трактуется преимущественно в рамках двух позиций. Первая точка зрения в большей степени отражает филологические научные взгляды и определяет язык закона как особую функциональную разновидность официально-делового стиля единого литературного языка. Вторая точка зрения, нашедшая отражение в трудах не только лингвистов, но и представителей юридической науки, характеризует более сложную природу данного явления, и исходит из того, что язык права как особый юридический язык, обладающий специфическим характером, в рамках которого «естественный» язык приспосабливается к особым условиям функционирования в сфере правовой коммуникации, то есть как особый юридический язык, сформировавшийся с целью функционирования в сфере законодательства как перспективной реализации в правовой системе общества через осмысленные законодателем языковые средства, способные к адекватному выражению норм права в тексте нормативно-правового акта². Здесь следует акцентировать внимание именно на характеристике адекватности выражения нормативных установлений, причем, на разных уровнях осуществления данного процесса. Действительно, адекватной данному целеполаганию должны быть не только общественные отношения, которые переводятся в разряд юридически значимого поведения, но и адекватным способом необходимо закрепить волю законодателя, которую возможно будет интерпретировать в процессе правоприменения без искажения смыслового континуума, также адекватной, понятной и своевременной должна быть формулировка нормы права.

Существуют различные аспекты развития языка права в условиях цифровизации общественных отношений, но особо следует остановиться на двух моментах. Во-первых, следует отменить тенденцию модернизации юридической терминологии, во-вторых, активное участие общественных институтов в формировании языка права.

Рассматривая модернизацию юридической терминологии, важно акцентировать внимание на том, что в настоящее время содержание нормативных установлений, которое составляет ее основу, постепенно трансформируется и позиционируется как явление, которое представляется более сложным как по формальным и внутренним характеристикам, а также по структурированию. В сфере юридической терминологии можно выделить несколько структурных ярусов. Во-первых, это уже сложившаяся юридическая терминология, которая длительное время существует в правовой системе. Это устоявшиеся лингвистические конструкции, с помощью которых длительное время традиционно формулируются нормативные правовые и интерпретационные положения. К инновационной основе юридической терминологии следует отнести языковые конструкции, которые появились сравнительно недавно в результате развития языка права и обогащения его новыми словоформами. Этот отмеченный инновационный пласт юридических терминов формируется благодаря активному и поступательному общественному развитию, которое в последнее время осуществляется все более быстрыми темпами. Как справедливо отмечают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, распространение цифровых технологий преобразует содержание права, в нем появляются новые понятия и легальные дефиниции, фиксирующие цифровые личности и сущности, образующие ядро будущих правовых институтов – «цифровые финансовые активы», «цифровые права», «искусственный интеллект» и другие³. Развитие цифровизации общественных отношений влечет за собой развитие нового понятийного ряда, в который планируется включение достаточно обширного перечня терминов, раньше не фигурировавших в нем, например, криптовалюта, майнинг и другие⁴, а также иные трансформационные изменения. В этом отношении можно выделить следующие направления содержательной модернизации юридической терминологической базы: – обновление содержания существующих юридических терминов, также формулирование новых юридических терминов, потребность в создании которых определяется развитием государственно-правового характера. В этом отношении важно учитывать два момента: во-первых, определить необходимость дефинирования на правотворческом уровне в аспекте того, имеется ли необходимость в терминологическом закреплении конкретного определения понятия или анализируемый участок правового регулирования – это все же сфера

¹ Власенко Н.А. Язык права: монография. Иркутск. Норма-Плюс. 1997. С. 14-15.

² См. например: Маланина Н.В. Тексты нормативно-правовых документов в аспекте языковой личности законодателя (на материале нормативно-правовых актов Алтайского края): Автореф. дис.... канд филол. наук, Барнаул, 2006. С. 8.

³ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М. 2021. С. 116.

⁴ Каширкина А.А., Морозов А.Н. Язык права Евразийского экономического союза в ракурсе цифровизации // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М. 2019. С. 195.

квалифицированного молчания законодателя, во-вторых, как справедливо неоднократно отмечал профессор В.М. Баранов, необходимо получить обоснованное представление о том, можно ли определенный термин изначально неюридического характера облекать в правовую материю и называть юридическим термином.

Кроме того, также следует отметить, что сегодня необходимо быть готовым к трансформации привычных положений и устоявшихся постулатов и на перспективу прорабатывать варианты оперирования нормами права, которые объединяются в определенные комплексы наднормативного системного характера и использовать в своей работе иное структурирование нормативного материала, которое основывается на юридической терминологии, обладающей также своей спецификой. Нет сомнений, что сегодня этого еще не произойдет, но развитие данного направления – всего лишь вопрос времени. Этот следующий уровень модернизации юридической терминологии можно назвать комплексным или надсодержательным.

Как отмечается в современных исследованиях, в настоящее время право перенастраивается на обслуживание нового технологического уклада жизни общества. Т.Я. Хабриева весьма своевременно отмечает наличие существования и функционирования в системе права нетипичных нормативных положений и переходе системы права к новой структурной организации, в том числе формирования в ней «циклических правовых массивов»¹. Профессор И.В. Понкин отмечает еще один важный аспект правового развития – концепт машиночитаемого права и машиноисполняемого права, который является одним из основных направлений цифровых трансформаций в праве, что потребует изменения подходов к юридической технике и самому процессу правового регулирования². Есть основания полагать, что в русле указанных правовых трансформаций конструктивными и своевременными будут исследования топик в праве. Топы юридического языка как структурно-смысловые модели языкового характера обладают существенным потенциалом совершенствования юрико-технических составляющих правовой материи. Причина этого видится в следующем. Юрико-технические константы все в большей степени получают свое новое видение, осмысление и применение в правовых исследованиях, которые отражают реалии современного поступательного развития общества в рамках научно-технического прогресса. В этом плане топическая юриспруденция представляется актуальным направлением развития юридического языка в целом. К топам юридического языка следует относить структурные элементы текста правового акта, которые имеют свою содержательную наполненность и взаимодействуют между собой, предопределяя дополнительную внутреннюю структуризацию права, но также и интерпретационных и правоприменительных положений. Юридическая терминология как структурный элемент топической организации нормативного текста представляет собой важнейший пласт этой структуры регулятивного массива.

Анализируя второй момент специфики современного развития языка права – активное участие общественных институтов в формировании языка права, необходимо отметить следующее. Особенности развития современных общественных отношений предопределяют специфичку государственно-властного воздействия в анализируемой сфере и реакцию на него общественных институтов. В основе данных процессов лежит активно развивающийся принцип делиберативности, который является уже не просто концепцией, а вполне разработанной и изученной реалистичной системой основополагающих характеристик. Эволюционирование общественных институтов в русле цифровизации дает ему весьма оптимистичные перспективы существования. В этих условиях постепенно формируется система мер по внедрению делиберативных процедур в российскую юридическую практику в социальной сфере. Результат внедрения делиберативных процедур в российскую правовую действительность представляется уместным и конструктивным в той сфере, которая не входит в ареал императивного правового регулирования по причине того, что в этом случае невозможно получить объективный результат обсуждения. Вместе с тем, анализируя различные достижения делиберативного консенсуса, следует учитывать обстоятельства, которые предопределяют, насколько объективным и соответствующим требованиям разумности будет итог государственно-общественного диалогического взаимодействия, учитывая, что уровень профессионализма далеко не всех субъектов обсуждения будет приближен к знаниям специалистов. Тем не менее, несмотря на наличие проблемных моментов, есть потенциал новых возможностей взаимодействия государства и общества для достижения общего блага.

Современное общество превращается все в более сложный феномен. В этом плане можно отметить не только совершенствование государственно-властного регулятивного воздействия, но и активно развивающиеся процессы саморегуляции. А.И. Экимов справедливо отмечал несколько лет назад, что требуется коренной пересмотр функциональных обязанностей, закрепленных за государственными органами, с тем, чтобы они не брали на себя те функции, которые могут быть реализованы без вмеша-

¹ Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М.: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М. 2021. С. 116. С. 157.

² Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerTexe, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. № 9. С. 25.

тельства государства¹ [3, с. 16]. Сегодня эта тенденция все в большей степени развивается в русле парадигмы постклассической рациональности. Общество сегодня представляет собой в большей степени саморегулируемый и самовоспроизводящийся организм, чем несколько десятков лет назад. Данное обстоятельство предопределяется в первую очередь развитием цифровой сферы общественных отношений, которая упрощает осуществление диалога государства и общества, а также создает условия для осуществления вариативности функционирования общественных институтов.

В целом в настоящее время можно констатировать развитие тенденции активного воздействия общественных институтов на государственно-властные структуры с целью прямого или опосредованного участия в принятии ими определенных решений. Полагаем, для этого сложились все предпосылки и сближение функционирования государственных и общественных институтов переходит в устойчивую тенденцию современности. Причем, следует отметить, что данное функционирование приобретает все более вариативные разновидности, что бесспорно является следствием реализации современных объективных общественных процессов, а также все более тесную деятельностную связь. Подтверждением приведенного положения являются многообразные примеры общественного участия в принятии государственно-властных решений, например, формы общественного обсуждения законопроектов, общественные слушания, формы общественного контроля, в том числе правотворческой деятельности, делегирование государством ряда полномочий общественным институтам, в частности, разработки идеи законопроекта или концепции законопроекта и т.д, все это основывается преимущественно на установление диалога государства и общества в русле определенных интернет-ресурсов. В ряде исследований даже употребляется формулировка «диффузия власти через самоуправление»², которая, несмотря на дискуссионный характер возможности ее употребления, является отражением диалектики не только социального прогресса, но и государственного развития.

Цифровизация как неотъемлемая характеристика современного общества позволяет упростить и ускорить развитие взаимодействия между государством и общественными институтами, а также осуществлять внедрение новых форм и направлений их диалога. Обобщая и основные направления цифровизации в современном социуме, среди них необходимо особо выделить два основных. Во-первых, это использование интернет-пространства для осуществления различного рода государственно-правовой и общественной деятельности, которая таким образом может протекать более быстро и эффективно (общественное обсуждение законопроектов, площадки для рассмотрения общественной правотворческой инициативы и т. д.). Во-вторых, это непосредственное использование специализированных цифровых технологий в различных сферах существования социума: облачные технологии, блокчейн, большие данные, когнитивные технологии, виртуальная и дополненная реальность и т.д.³

Таким образом, потенциал новых возможностей взаимодействия государства и общества в русле совершенствования социального государства на основании конструктивного диалога государственных структур и общественных институтов существует и активно может использоваться в процессе формирования и развития языка права. В этом отношении общественное участие как необходимого характера, так и вспомогательного, позволит в ряде случаев усовершенствовать существующую нормативную правовую материю, а также выявить потребности и ожидания общества в правовом регулировании, что позволит создавать более качественные нормативные предписания. Исключением в этом случае является сфера императивного нормативного правового регулирования.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время процессы развития языка права активно осуществляются в разных направлениях. Особое значение среди этого перечня имеет модернизация юридической терминологии и участие общественных институтов в формировании нормативных правовых установлений. Детальное их изучение и анализ тенденций развития в русле цифровизации общественных отношений является актуальным направлением доктринального и научно-практического анализа и ждет дополнительных исследований.

¹ Экимов А.И. «Конвергентная модель» развития общества и право // Право и современные государства. 2015. С. 16.

² Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. проф. И.И. Кальной, доц. И.Н. Лопушанский. 2-у изд. Доп. СПб, 2002. 267-273.

³ Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванов, А.А. Головина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2019. С. 21.

Минникес Илья Анисимович

доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Minnikes Ilya Anisimovich

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence of the Institute of Legal Studies of Baikal State University,

E-mail: iaminnikes@yandex.ru

Актуальные проблемы теории права в аспекте сравнительного правоведения

Actual problems of the theory of law in the aspect of comparative law

---

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу некоторых понятий общей теории права в зарубежной юриспруденции. Подходы российских и зарубежных исследователей ко многим устоявшимся теоретическим понятиям различны. В рамках настоящей статьи предпринята попытка сравнительно-правового исследования применительно к таким общетеоретическим понятиям как правовое регулирование и его пределы, конкретизация права, применение права, толкование права.

Ключевые слова: теория права, сравнительное правоведение, пределы правового регулирования, конкретизация в праве, толкование права

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of some concepts of the general theory of law in foreign jurisprudence. The approaches of Russian and foreign researchers to many well-established theoretical concepts are different. Within the framework of this article, an attempt is made to conduct comparative legal research in relation to such general theoretical concepts as legal regulation and its limits, concretization of law, application of law, interpretation of law.

Keywords: theory of law, comparative jurisprudence, limits of legal regulation, concretization in law, interpretation of law

---

Теория государства и права как фундаментальная юридическая наука занимает одно из главных мест не только в российской, но и мировой юриспруденции. Причем это распространяется как на западноевропейское и восточноевропейское юридическое сообщество, так и на американский континент.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно подробно рассмотреть все тенденции, существующие в зарубежной теоретико-правовой науке, поэтому прежде чем приступить к исследованию, необходимо сделать несколько оговорок.

Во-первых, используются работы, которые были опубликованы в конце XX–начале XXI веков. Во-вторых, только те публикации, которые были доступны автору настоящей статьи без работы в фондах библиотек других стран. И, наконец, в-третьих, были использованы работы только на языке оригинала, которые не переводились (или не переводились полностью) и не публиковались на русском языке, но в полном объеме и были доступны в фондах российских библиотек.

Так как предмет теории государства и права достаточно широк и разнообразен, в настоящей статье будут рассмотрены лишь некоторые проблемы методологии и теории права.

Методология любой науки, в том числе и теории государства и права, всегда являлась одним из сложнейших разделов как для изучения, так и для понимания. Как в области научного познания, так и в области преподавания проблемы методологии традиционно вызывали трудности как у исследователей, так и у преподавателей и студентов.

Не случайно один из ведущих теоретиков права Германии профессор Мангеймского университета Х.-М. Павловски в учебнике «Учение о методе для юристов. Теория нормы и закона» отмечал, что идея о написании данного учебника не оставляла его на протяжении нескольких лет, и причиной тому были сомнения о необходимости и целесообразности данного труда. Однако опасения автора оказались совер-

шенно напрасными, так как учебник стал очень популярен и еще дважды переиздавался с изменениями и дополнениями автора.

Х-М. Павловски ставит своей целью выработать приемлемые правила работы с юридическим материалом – законами, правовыми нормами, преюдициями и т. д. Автор считает, что метод должен быть обращен исключительно к практике¹.

Такой практикоориентированный подход к методологии характерен для западноевропейской юриспруденции. Другой немецкий исследователь, профессор Гиссенского университета Я. Шапп в работе «Основные проблемы юридической методологии» утверждает, что для проблематика юридической методологии сводится к трем вопросам: 1) как судья применяет закон в конкретном деле, 2) как происходит толкование закона, 3) существует ли идея права или принцип справедливости и каково их значение для отыскания права².

Приведенные примеры показывают отличие в подходах к проблеме методологии в зарубежной (в данном случае немецкой) и российской юриспруденции. Если для зарубежной юриспруденции, как уже было сказано ранее, характерна четкая ориентация на юридическую практику, то российские исследователи рассматривают методологию как науку о методах познания, либо как совокупность методов познания.

От вопросов методологии перейдем к проблемам общей теории права, которая настолько объемна и разнопланова, что вынуждает нас затронуть лишь некоторые наиболее интересные позиции.

Представляет интерес, хотя и небольшая по объему, но очень содержательная, работа Академика Венгерской Академии Наук В. Пешки «Мысли о специфике права». По мнению автора, право есть идеологическое явление и явление сознания одновременно. Оно представляет собой нормативную объективность, которая только за счет эффективности обретает значение в общественном бытии и только в этом смысле получает определенное общественное существование. Существование права подтверждает как раз то, что оно достигает бытийной значимости за счет таких средств и методов, которые не свойственны другим объективным явлениям сферы сознания, идей, идеологии. В связи с этим автор ставит вопрос: какое значение имеет и какую роль играет форма в объективизации права? И приходит к выводу – наиболее развитые формы правовой объективности находят свое выражение в слове и главным образом в слове письменном. Правовая форма может иногда сужать и расширять языковые границы (например, создавая профессиональную правовую лексику), но в целом она обусловлена возможностями самого языка³.

Другой венгерский исследователь Ч. Варга, представляющий Институт государства и права Венгерской Академии Наук, в работе «Внутренняя моральность права» пишет о том, что система связей между правом и моралью может рассматриваться двумя способами: первый – философский, второй – сугубо правовой. При этом он ставит очень интересный вопрос – сохраняет ли право в процессе правотворчества моральную ценность? Например, когда целью установления налогов является не обеспечение государственного дохода, а прекращение какой-либо деятельности. Таким образом, источник правотворчества лишь в принципе имеет свободу в отношении того, с какими правовыми последствиями связывать то или иное поведение. Содержание права нельзя отрывать от социальной среды, оно не может в течение длительного времени находиться в отношениях напряженности с другими социальными комплексами. Поэтому анализ внутренней моральности права всегда актуален⁴.

Данные взгляды венгерских ученых дают обильную пищу для размышления и заставляют задуматься над казалось бы уже устоявшимися понятиями.

Ст. Наумова (Болгария) в монографии «Механизм социального действия права», рассматривает действие права главным образом в социологическом аспекте. В своих выводах автор опирается на результаты социологических исследований, на основании которых обосновываются направления практической деятельности по совершенствованию правотворчества и правоприменения. По мнению автора, приобретает особое значение вопрос об эффективности права, достижение которой невозможно без изучения механизма социального действия права, роли права в формировании убеждений и позиций, исключаяющих противоправное поведение и стимулирующих высокую социально-правовую активность. Однако и идеальный механизм действия права не может обеспечить необходимую эффективность правового регулирования, если сама правовая система не отвечает определенным требованиям⁵.

Не менее интересна монография А. Милковой «Юридические акты в социалистическом праве: понятие и система» издана в Софии в 1984 г. и до сих пор востребована юристами многих стран. Автор предлагает ряд оригинальных идей, которые нуждаются в дальнейшем осмыслении и развитии. Так, юридические акты понимаются как своеобразное бытие правовой нормативности, которая может быть общая и индивидуальная. По ее мнению, термин «юридический акт» имеет, по меньшей мере, три зна-

¹ Pawlowski H.-M. Methodenlehre für Juristen. Theorie der Norm u. des Gesetzes. Ein Lehrbuch. Heidelberg; Karlsruhe, 1981.

² Schapp J. Hauptprobleme der juristischen Methodenlehre. Tübingen, 1983.

³ Peschka V. Gondolatok a jog sajátosságairól. Budapest, Akad. kiado, 1984.

⁴ Varga C. A jog belső erkölcisége. Volosag.–Budapest, 1984.

⁵ Наумова Ст. Механизъм на социалното действие на правото. София, 1987.

чения: действие субъекта права, результат правомерной юридической деятельности и юридический документ. Классификация юридических актов может быть произведена по нескольким основаниям, но наиболее важной автору представляется деление их на нормативные и ненормативные (индивидуальные). Важной является и оговорка автора о том, что сложный характер диалектики нормативного и индивидуального в осуществлении правового регулирования проявляется иногда в рамках одного юридического акта, серьезно затрудняя определение его правовой природы¹.

Взгляды болгарских юристов во многом совпадают с воззрениями советских и современных российских юристов, но в тоже время заставляют задуматься над многими актуальными проблемами теории правового регулирования.

В продолжение этих идей представляет интерес и работа Х. Фера (ГДР) «Динамика закона», в которой излагается концепция «динамичного права», где понятие права рассматривается с позиций социального действия юридической нормы, результатов ее применения. Автор различает цель закона и результат его воздействия. При этом он указывает, что цель закона и его действие могут находиться в тройном соотношении: 1) результат воздействия и цель совпадают; 2) действие недостаточно для достижения цели; 3) воздействие превосходит тот результат, который нужен для достижения цели. И делается вывод, что в современных условиях право и закон могут сохранять свою ценность только при условии сочетания в себе юридической статики, гарантирующей определенный минимум стабильности, и динамики, приводящий социальное воздействие права и закона в соответствие и с их целями².

Проблема ценности права и закона всегда актуальна. А рассмотрение этого вопроса в динамике, как это делает немецкий исследователь, значимо как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Чешские юристы П. Холлендер и Й. Прусак в работе «Прекращение действительности и срок жизни правовых предписаний» ставят вопросы, которые практически не освещались в советской и современной российской юриспруденции. Ими исследуется проблема взаимоотношений срока жизни, срока действия и эффективности правовой нормы. Срок жизни понимается ими как отрезок времени, в течение которого норма характеризуется тем, что она посредством оптимальных регулятивных свойств вызывает предполагаемый эффект и ведет к намеченным целям. Авторы различают полный и неполный срок жизни правового предписания. В первом случае правовая норма в течение срока своего действия и законной силы не теряет своих регулятивных свойств. Во втором случае правовая норма утрачивает большую или меньшую часть регулятивных свойств раньше, чем прекращается срок ее действия. Авторы исходят из гипотезы, что неполный срок жизни правовых норм является одной из причин нарушения принципа стабильности права³.

Здесь чешские ученые демонстрируют нам еще один, весьма оригинальный подход к проблеме динамики в праве и правовом регулировании.

Из многочисленных вопросов, связанных с теорией правового регулирования, хотелось бы подробнее остановиться на проблеме *пределов правового регулирования*, которая до настоящего времени является одной из самых малоисследованных и дискуссионных как в российской, так и в зарубежной теории права.

Представитель знаменитой Франкфуртской школы Ю. Хабермас различает материально организованные отношения, существующие независимо от правового регулирования, подчиненные внутреннему механизму «неформального» регулирования, и формально организованные, т. е. впервые возникшие в форме правоотношений, не существующие ранее в качестве отношений внутреннего мира.

В процессе юридизации Ю. Хабермас выделяет две формы. Во-первых, «экспансию права», т. е. распространение правового регулирования на новые, прежде неформально регулировавшиеся сферы. И, во-вторых, «денсификацию права», т. е. дробление объекта правового регулирования на несколько новых объектов, в результате чего возникают новые отношения в рамках уже существующей сферы правового регулирования⁴.

Такой подход показывает динамику правового регулирования и подвижность пределов правового регулирования, которые не являются раз и навсегда данными и постоянно установленными. Но и в этом случае акцент делается на пределы нормативного правового регулирования, когда законодатель распространяет воздействие права на новые отношения или дифференцирует отношения, уже урегулированные правом.

В. Пешка в монографии «Проблемы правоотношений» различает общественные отношения, не нуждающиеся в правовом регулировании, и отношения, которые в силу своего положения, значения и роли в обществе требуют правового регулирования⁵. И в данном случае внимание обращается на пределы нормативного правового регулирования или, точнее на его объективные пределы.

¹ Милкова А. Юридическиет актове в социалистическото право: Понятие и система. София: Наука и искусство, 1984.

² Fehr H. Die Dynamik des Gesetzes // Schweizerische Beitrage zur Rechtssoziologie. Berlin, 1984. S. 41–49.

³ Hollander P., Prusak J. Zanik platnosti a zivotnoat pravnicni predpisov // Pravnik, Praha, 1982. roc. 121. S. 38–51.

⁴ Habermas J. Law as medium and law as institution // Dilemmas of law in the welfare state. Berlin; New York, 1986. P. 203–220.

⁵ Peschka V. Gondolatok a jogviszoayrol. Budapest, 1982.

Во многом созвучную идею высказывает известный швейцарский ученый, представитель социологической школы права Е. Хубер. В своей работе «Реалии законодательства» он разъясняет, что одни и те же фактические отношения изменяют свой характер в зависимости от того, рассматриваются ли они с позиции регулирования интересов или констатации реалий. Реальные факты, равно как и идея права, определяют ответ на вопрос, как должны быть упорядочены фактические отношения. Наличие определенного содержания отношений, с которым повсюду и во все времена законодатель был и будет вынужден мириться, устанавливают предел возможности законодательной власти¹. Из чего следует, что пределы правового регулирования не просто существуют, а их определение объективно необходимо. И, кроме того, определенные общественные отношения в силу своей природы не нуждаются в правовом регулировании, и право не должно к этому стремиться.

Несомненный интерес к пониманию пределов правового регулирования представляет подход К. Энгиса. Следует отметить, что Карл Энгис считается одним из крупнейших западногерманских ученых-правоведов. В монографии «Вопросы теории права» собраны наиболее важные работы последних лет жизни ученого. Проблеме пределов правового регулирования посвящена статья «Внеправовая сфера».

К. Энгис полагал, что право ограничено со всех сторон и во всех измерениях. Так как право учитывает лишь внешне выраженное поведение, то здесь оно ограничено рамками реально возможного и направлено лишь в настоящее и будущее, а не в прошлое. К тому же право, по мнению автора, не действует в экстремальных ситуациях, т. е. человек в таких случаях как бы не считается в правом. Кроме того, пределы права обусловлены стремлением человека к свободе: отдельные сферы человеческого бытия изымаются из области правового регулирования в качестве «свобод». Наконец, существуют просто пробелы в праве².

В отличие от других исследователей К. Энгис прежде всего акцентирует внимание на временных пределах правового регулирования, а затем переходит к более распространенному делению пределов правового регулирования на объективные («реально возможные») и субъективные (зависящие от субъекта). Такой подход представляется наиболее перспективным, так как показывает и динамику пределов правового регулирования, и позволяет выделить их основные виды.

Таким образом, и в российской, и в зарубежной юриспруденции пределы правового регулирования являются предметом для научных исследований, но сводятся в основном к изучению пределов нормативного правового регулирования.

Другой проблемой, которая заслуживает более подробного анализа является проблема *конкретизации в праве*. Х-М. Павловски в упомянутом ранее учебнике по методологии права, касаясь необходимости существования позитивного права, указывает, что оно (позитивное право) имеет все-таки слишком зыбкую границу. С одной стороны, право стремится к некоторому абсолютизму, а с другой стороны имеет безусловную относительность. При этом речь идет не формальном равенстве, а о реальной сопоставимости систем поведения³.

То, что немецкий исследователь называет «сопоставимость систем поведения», в российской юридической науке именуется «учет конкретных особенностей ситуации и индивидуальных особенностей субъекта». Таким образом, Х-М. Павловски в своей работе обозначил один из возможных подходов к проблеме конкретизации в праве.

Американский исследователь С. Койл в статье «Позитивизм, идеализм и верховенство права» пишет о том, что нормы выражают те идеи, которые используются при определении правил поведения, однако не всегда полностью определяют эти идеи. Позитивное право позволяет увеличить точность и ясность идей, но из-за общих формулировок оставляя пределы нормы до некоторой степени неопределенными. Поэтому нормы дополняются иными правовыми стандартами⁴.

Даже принимая во внимание специфику применяемой американским исследователем терминологии, можно сделать вывод, что речь идет о нормативных и дополняющих их индивидуальных регуляторах поведения, которые С. Койл называет «иными правовыми стандартами». При этом очень интересна мысль о том, что подобные дополнения вызваны общими формулировками, которые оставляют пределы нормы до некоторой степени неопределенными. Именно в процессе конкретизации происходит уточнение этих пределов.

Научный сотрудник Института государства и права ГДР Р. Свенсон в монографии «Конкретизация права»⁵ в свое время отмечала, что конкретизация есть объективная и необходимая сторона процесса действия права. По ее мнению, конкретизация означает такой подход к правовой норме, который предполагает принятие решения, обеспечивающего максимальную эффективность права. И с этим положением можно согласиться. Но каким путем достигается такая эффективность?

¹ Huber E. Die Realien der Gesetzgebung // Schweizerische Beiträge zur Rechtssoziologie. Berlin, 1984. P. 36-40.

² Engisch K. Beiträge zur Rechtstheorie. Frankfurt a. M., 1984.

³ Pawlowski H.-M. Methodenlehre für Juristen. Theorie der Norm u. des Gesetzes. Ein Lehrbuch. Heidelberg; Karlsruhe, 1981. P. 254-255.

⁴ Coyle S. Positivism, idealism and the rule of the law // Oxford j. of legal studies. Oxford, 2006. Vol. 26, № 2. P. 257-288.

⁵ Svensson R. Konkretisierung von Rechtsnormen. Berlin, 1982.

Р. Свенсон говорит о том, что ступени (фазы) конкретизации – это инструменты государственного управления и многие проявления конкретизации не могут быть подчинены ни правовым нормам, ни каким-либо индивидуальным правовым актам.

С такой позицией согласиться нельзя. Конкретизация права – это сугубо юридическое понятие. Игнорирование специально юридического инструментария в угоду политической целесообразности представляется недопустимым. Ни при каких обстоятельствах целесообразность не должна преобладать над законностью.

В. Пешка обосновывает позицию, согласно которой конкретизация и реализация правовой нормы в правоотношении – это не один и тот же процесс. По его мнению, конкретизация и реализация могут иногда совпадать, но чаще всего они отличаются друг от друга. Случается, что происходит только конкретизация нормы в правоотношении без ее реализации, а бывает, что правовая норма реализуется, но не конкретизируется¹.

Точка зрения венгерского ученого неоспорна, но его подход также говорит в пользу того, что выделение такого вида конкретизации как «конкретизация в правоотношении» имеет основания.

Говоря о конкретизации в праве, нельзя обойти вниманием и такую проблему как конкретизация в процессе применения и толкования права.

В развитии теории применения права следует отметить монографию польского ученого Академика Польской Академии Наук Е. Врублевского «Судебное правоприменение». Книга основана на материалах конкретных судебных решений. Автор рассматривает описательные и нормативные модели применения права. Судебное правоприменение, по его мнению, является специальным видом разрешения конфликта, где суд, согласно действующему праву, выступает в качестве арбитра. При определении роли судьи в применении права автор узловым моментом считает вопрос о том, применяет ли судья право и создает его².

Следует отметить, что работы Е. Врублевского очень популярны как в нашей стране, так и других странах, и переведены на многие языки мира. О значимости его работ говорит тот факт, что в 2015 г. к 25-летию гибели ученого в Варшаве был издан сборник его избранных произведений, который сразу стал активно как в российской, так и зарубежной литературе³.

Идеи Е. Врублевского, которые послужили импульсом для дальнейших исследований специалистов в области теории права многих стран – «правовые аргументы в толковании права», «право на толкование закона», «вопрос единообразия и определенности правовых аргументов» и др.

Что же касается непосредственно толкования права, то более широко на эту проблему позволила взглянуть работа французского исследователя Ж. Шевалье «Юридическая доктрина и юридическая наука», в которой он различает две концепции толкования права: классическую и волюнтаристскую. Первая направлена на выявление и раскрытие намерений автора, что предопределяет субъективность толкования. Представители второй концепции, считают, что содержание приобретает свою ценность только посредством толкования.

Ж. Шевалье считает, что посредством толкования становятся ясными понятия, употребляемые в нормативно-правовых актах, разъясняются не совсем ясные тексты, разрешаются противоречия. Качественное толкование фиксирует содержание нормы⁴.

В этой части подход французского исследователя к толкованию права во многом созвучен с подходом, существующим в российской юриспруденции. Вместе с тем, два аспекта в высказывании французского ученого вызывают несомненный интерес.

Во-первых, это постановка вопроса о *качественном* толковании. Качество толкования проблема малоизученная, но несомненно актуальная и практически значимая и для интерпретационной деятельности в целом, и для процесса конкретизации в частности.

Во-вторых, это проблема *фиксации* содержания правовой нормы (именно фиксации, а не просто разъяснения). Идея, высказанная французским ученым, позволяет сделать следующий вывод – результат толкования должен быть надлежащим образом зафиксирован. В противном случае может возникнуть ситуация, при которой безупречный процесс уяснения и разъяснения смысла правовой нормы сводится на нет в случае ненадлежащей фиксации результата толкования.

Безусловно, и многие другие проблемы общей теории права были объектом самого пристального внимания в зарубежной юриспруденции. В настоящей статье лишь предпринята попытка описать некоторые подходы, которые могут представлять интерес для российских исследователей в плане сравнительного анализа. Но в целом такой подход представляется интересным, перспективным и практически значимым.

¹ Peschka V. Gondolatok a jogviszoayrol. Budapest, 1982.

² Wroblewski J. Sadowe stosowanieiee prawa. Warszawa, 1988.

³ Wroblewski J. Pisma wibrane / wybor i wstep M. Zirk-Sadowski. Warszawa, 2015.

⁴ Chevallier J. Doctrine juridique er science juridique // Droit et societe. Paris, 2002. № 50. P. 103–119.

Нематов Акмал Рауфджонович

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана

Nematov Akmal Raufdzhonovich

Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law A. Bakhovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law National Academy of Sciences of Tajikistan

E-mail: anematov@rambler.ru

Ходжибаева Нигора Дадоевна

докторант PhD Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана

Khodjibayeva Nigora Dadoevna

PhD student of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov National Academy of Sciences of Tajikistan

E-mail: anematov@rambler.ru

**Правоприменительные акты Республики Таджикистан
и технико-юридические проблемы их составления**

**Enforcement acts of the Republic of Tajikistan and technical
and legal problems in their compilation**

Аннотация. Применение права представляет собой механизм обеспечения действия права на официальном уровне. Эффективное применение права является одним из ключевых условий эффективности правового регулирования и построения правового государства. Современная юридическая наука предлагает множество путей и способов повышения эффективности обеспечения применения права. Не последнюю роль в совершенствовании правоприменительной деятельности государственных органов играют технико-юридические составляющие, которые свидетельствуют о ее качестве и уровне. В настоящей статье рассматриваются вопросы системы правоприменительных актов, технико-юридические аспекты их составления, а также предлагается создание общеправовых стандартов в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: юридическая техника, правоприменение, правоприменительная техника, правоприменительный акт, правовой акт, правовая деятельность

Abstract. The application of law is a mechanism for ensuring the operation of law at the official level. Effective application of law is one of the key conditions for the effectiveness of legal regulation and the construction of the rule of law. Modern legal science offers many ways and means to increase efficiency in ensuring the application of law. Not least, the technical and legal components play a role in the effectiveness of law enforcement activities of public authorities, which show the quality and level of law enforcement activities of public authorities of all instances, varieties and their officials. Hence, this article deals with the issues of the system of law enforcement acts, the technical and legal aspects of their compilation, as well as proposals for improving the technique for drafting law enforcement acts in Tajikistan.

Keywords: legal equipment, law enforcement, law-enforcement equipment, law-enforcement act, legal act, legal activity

---

Деятельность государственных органов и их должностных лиц по реализации норм действующего законодательства, осуществляемая в установленном законом процессуальном порядке, называется правоприменительной и завершается обязательным принятием или изданием индивидуального правового акта (правоприменительного). Правоприменительная деятельность материально и официально оформляется в правоприменительных актах. Правоприменительные акты, наряду с правотворческими, праворазъяснительными и другими, составляют составную часть системы правовых актов любого государства.

В настоящее время юридическая практика до сих пор постоянно сталкивается с нестабильностью, несовершенством правоприменительных актов, за которыми следует неэффективность самой правоприменительной деятельности. Это проблематика в Республике Таджикистан нашла отражение в Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 года № 1005, где отмечается взаимозависимость эффективности правовой политики государства от реализации и применения норм Конституции Республики Таджикистан, законов и других нормативных правовых актов, и наоборот. Применение права является одним из направлений правовой политики страны и должно осуществляться с целью совершенствования деятельности органов применения права, а также обеспечения их качества и содержания, механизма их осуществления¹. Отсюда в настоящей статье ставится задача рассмотреть систему правоприменительных актов Республики Таджикистан и технико-юридические пути их совершенствования.

Правоприменительный акт является одной из разновидностей правовых актов. С. С. Алексеев пишет: «Правовые акты – это осязаемая реальность права, через которую люди получают первичные знания о нем, обо всем комплексе правовых явлений и которую, следовательно, можно рассматривать в виде главного источника сведений о нормах, индивидуальных предписаниях, правоотношениях. Юридические документы существуют в качестве фрагментов физического мира. Вот почему они могут быть восприняты чувствами человека непосредственно и дают исходные, первичные сведения о праве и правовой действительности»².

Социальная ценность и юридическая значимость правоприменительных актов в правовой системе государства весьма интересно сформулировано Н. Н. Вопленко, который отмечает, что «на основе правоприменительных актов возникают и реализуются многие субъективные права и обязанности (право на труд, образование, отдых), устанавливаются и конкретизируются факты жизни, имеющие юридическое значение, применяются меры ответственности и т. д.»³.

Правоприменительные акты выступают одним из разновидностей правовых актов. Они, в отличие от других форм правовых актов, как нормативные правовые акты, выполняют правообеспечительную функцию и тем самым гарантируют реализацию юридических норм, реальное воплощение правовых предписаний в фактическом поведении субъектов⁴. Разновидностей правоприменительных актов множество, поэтому их классификация и приведение в единую систему представляется весьма затруднительным. В научной литературе и среди ученых-правоведов тоже наблюдается плюрализм мнений по поводу понятий и системы правоприменительных актов.

И. Я. Дюрягин предлагает всеохватывающую, но, в свою очередь, очень сложную систему правоприменительных актов, куда включены акты исполнительных органов, местных органов отраслевой и специальной компетенции, судебных органов и арбитражи, специальных контрольно-надзорных, следственных органов. Последний также подразделяется на акты контрольных органов, надзорные акты прокуратуры и акты органов дознания, предварительного следствия⁵.

Н. В. Витрук в зависимости от «механизма реализации прав и свобод личности правоприменительные акты подразделяет на: конкретизирующие (регламентирующие), разрешающие, акты о признании, регистрационные, учредительные и запрещающие»⁶.

В. Н. Карташов, положив в основу классификации правоприменительных актов функциональный характер действий и операций, говорит о регулятивных и правоохранительных, принудительных и поощрительных, правоисполнительных и компенсационных, превентивных и воспитательных, правоконкретизирующих и других актах⁷.

Н. Н. Вопленко приводит несколько классификаций правоприменительных актов, в зависимости от которых они приобретают определенную систему и форму. В общетеоретическом плане по функциональному назначению правоприменительные акты он делит на акты-регламентаторы и правоохрани-

¹ См.: Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы. Душанбе, 2018. С. 8.

² Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 197.

³ Вопленко Н. Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 35.

⁴ См.: Алексеев С. С., Дюрягин И. Я. Функции применения права // Правоведение. 1972. № 2. С. 25.

⁵ См.: Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: теоретические вопросы. Свердловск, 1973. С. 168–170.

⁶ Витрук Н. В. Акты применения права в механизме реализации прав и свобод личности // Правоведение. 1983. № 2. С. 5.

⁷ См.: Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. Н. Новгород, 2007. № 1. С. 18.

тельные или правообеспечительные акты; по форме правоприменительные акты подразделяет на акты-документы и акты-действия¹.

Все правоприменительные акты вне зависимости от классификации играют исключительно важную роль в механизме правового регулирования общественных отношений, которые обеспечивают государственно-властную реализацию нормативных правовых актов к конкретному лицу и жизненному обстоятельству.

Т. В. Кашанина классифицирует правоприменительные акты по семи признакам: 1) по субъектам принятия; 2) по основным направлениям деятельности государства; 3) по характеру индивидуального предписания; 4) по процедуре принятия; 5) по времени действия; 6) по значению; 7) по территории².

Многообразие подходов к классификации правоприменительных актов и выделение различных их форм и разновидностей не способствует их развитию в правоприменительной практике и может дезориентировать правоприменителя в процессе его практической деятельности. Для всех субъектов права, в особенности для правоприменителя, необходима более простая классификация правоприменительных актов, которая помогла бы ему ориентироваться в большом массиве актов, направленных на реализацию права.

Изучив подробно предлагаемые научным сообществом классификации правоприменительных актов, предлагаем наиболее простую форму:

- 1) акты органов исполнительной власти, государственного управления и местного самоуправления;
- 2) акты судебных органов;
- 3) акты контрольно-надзорных и следственных органов;
- 4) акты предприятий, учреждений и организаций.

Настоящая классификация не претендует на эталонность и универсальность, однако она позволяет в более упрощенной форме представить четкую картину системы правоприменительных актов Республики Таджикистан.

Объединение актов контрольно-надзорных и следственных органов в одну группу неслучайно, потому что основными целями как контрольно-надзорных, так и следственных актов являются установление и укрепление законности, правопорядка, правовой ответственности, то есть их объединяет цель, которую преследуют эта категория правоприменительных актов. К тому же по юридико-техническим параметрам к составлению контрольно-надзорных и следственных актов предъявляются почти одинаковые требования. При этом контрольно-надзорным актам в силу того, что они представляют самостоятельную сферу правоприменительной деятельности, обладают исключительно собственными юридико-техническими требованиями, которые еще раз указывают на то, что каждой отдельной разновидности правоприменительной деятельности присуще своя правоприменительная техника. Например, в статье 29 Конституционного закона Республики Таджикистан от 25 июня 2005 года № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» закреплено, что в протесте, представлении, постановлении или предписании прокурора обязательно указывается, кем и какое требование закона нарушено, в чем заключается сущность нарушения, в какой срок должностные лица, органы, организации и физические лица должны его устранить³.

Акты органов исполнительной власти, государственного управления и органов местного самоуправления являются одними из распространенных и часто принимаемых в общей системе правоприменительных актов. Можно предположить, что правовую форму осуществления исполнительной власти, государственного управления и местного самоуправления можно проследить через принимаемые им нормативные правовые акты, а также правоприменительные акты, направленные на решение конкретно-индивидуальных и ситуационных задач. Круг правоприменительных актов органов исполнительной власти многообразен и охватывает акты главы государства, акты правительства, министерств, государственных комитетов, ведомств, акты местных исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления.

Однако система органов исполнительной власти этим не ограничивается. Как утверждает Б. Х. Раззаков, структура органов исполнительной власти, являясь многообразной, наряду с вышеуказанными органами включает комитеты, агентства, службы, комиссии и другие организационные формы, которые уполномочены осуществлять исполнительную власть⁴. Следует отметить, что эти органы выступают органами государственного управления и осуществляют исполнительно-распорядительную деятельность посредством издания правоприменительных актов. В системе органов исполнительной власти эти органы более всех вовлечены в правоприменительную деятельность государства. Их перечень достаточно

¹ См.: Вовленко Н. Н. Реализация права. Волгоград, 2001. С. 38.

² См.: Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 400.

³ См.: Об органах прокуратуры Республики Таджикистан: конституционный закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г., № 107. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=3770 (дата обращения: 06.02.2021 г.).

⁴ См.: Раззаков Б. Х. Президент Республики Таджикистан – глава исполнительной власти. Душанбе, 2010. С. 143. (на тадж. яз.).

многообразен. Они осуществляют свою правоприменительную деятельность в составе министерств или государственных комитетов (например, органы пожарного надзора, агентство гидрометеорологии) или как отдельные самостоятельные государственные органы (например, Счетная палата Республики Таджикистан, Служба исполнения при Правительстве Республики Таджикистан и др.).

Нормативные правовые акты вместе с правоприменительными актами органов исполнительной власти составляют основу правовой формы реализации задач и функций исполнительной власти. Если систему нормативных правовых актов органов исполнительной власти можно проследить в Законе Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» (ст. 22–26, 28–29 настоящего закона)¹, то перечень правоприменительных актов в системе законодательства республики трудно проследить: они разбросаны по многочисленным нормативным правовым актам.

Именно с помощью правоприменительных актов органов исполнительной власти решаются не только административно-индивидуальные вопросы, но и повседневные (политического, экономического, социального, культурного характера), возникающие в сфере государственного управления, которым присущ конкретный адресат и которые являются основанием для возникновения соответствующих правовых отношений. В качестве наиболее показательных примеров правоприменительного акта могут служить приказ о назначении на должность в органах государственного управления и постановление полномочного органа о наложении на виновного в совершении административного правонарушения административного взыскания.

Правоприменительные акты органов исполнительной власти в совокупности с актами судебных органов составляют наибольшую часть правоприменительных актов государства. При этом они обладают отличительными чертами и функциями. Так, Ю. М. Козлов отмечает, что «правоприменительные акты управления отличаются от актов судебных органов государственной власти своим преимущественно позитивным характером, выражающимся в том, что с их помощью организуется процесс функционирования механизма исполнительной власти с целью упорядочивающего воздействия на различные стороны государственной и общественной жизни; судебные акты имеют ярко выраженный юрисдикционный характер; для управленческих актов юрисдикция не является приоритетной. Кроме того, акты управления не могут отменить либо изменить судебные акты, в то время как последние такую возможность в отношении их имеют»².

В этой системе особое место занимают правоприменительные акты органов местного самоуправления (*джамоаты*), которые являются активными субъектами правоприменительной деятельности в пределах территории поселков и сел, где организованы органы местного самоуправления. Это обусловлено возложением на органы местного самоуправления определенных государственных функций, которые невозможно представить без издания правоприменительных актов. Так, в соответствии со статьей 14 Закона Республики Таджикистан от 23 июня 2009 года № 1376 «Об органах самоуправления поселков и сел»: «на органы самоуправления поселков и сел возложены следующие государственные полномочия:

- содействие в укреплении законности и правопорядка;
- контроль исполнения правил паспортного режима и в соответствии с установленным порядком регистрации прибытия и выезда граждан;
- учет малообеспеченных семей и организация их социальной поддержки;
- регистрация актов гражданского состояния в соответствии с законодательством;
- осуществление отдельных нотариальных действий в соответствии с нормами Закона Республики Таджикистан «О государственном нотариате»;
- выдача гражданам документов, подтверждающих их место жительства, семейное и иное положение;
- содействие в организации призыва на военную службу и других военных мероприятиях;
- обеспечение необходимых мер по защите сельскохозяйственных угодий, предотвращению болезней скота, защите лесов и кустарников;
- разработка и реализация мероприятий по защите окружающей среды;
- содействие сбору налогов и других платежей;
- содействие обеспечению защите прав потребителей;
- другие полномочия, возложенные нормативными правовыми актами»³.

Осуществляются вышеуказанные государственные полномочия посредством организации правоприменительной деятельности, которые завершаются изданием актов органами местного самоуправления. Например, регистрация актов гражданского состояния проходит при строгом соблюдении установленных законом сроков и процедур, обязательной выдачей соответствующего акта о регистрации гражд-

¹ См.: Холикзода А. Г., Ходжиев М. Комментарий Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах». Душанбе, 2017. С. 132–154. (на тадж. яз.)

² Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. М., 1997. С. 241.

³ Об органах самоуправления поселков и сел: закон Республики Таджикистан от 23 июня 2009 г. № 1376 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 7–8. Ст. 503.

данского состояния (выдачей свидетельства о рождении, о заключении брака и т. п.). Отсюда акты органов местного самоуправления, наряду с правоприменительными актами органов исполнительной власти, также следует включать в систему правоприменительных актов государства.

Судебные акты занимают особое место среди правоприменительных актов государства, которые отличаются многочисленностью, разнородностью, многоуровневостью в Республике Таджикистан.

В научном сообществе идет дискуссия по вопросу содержания состав судебных актов. Одни ученые в число судебных актов включают только акты, принятые непосредственно судебными органами; другие придерживаются позиции, согласно которой судебные акты составляют совокупность правоприменительных актов, способствующих осуществлению правосудия, которые, в свою очередь, включают акты дознания, предварительного следствия, акты прокурорского надзора и др. Полагаем, что для решения настоящей дилеммы необходимо разграничить понятия «судебные решения» и «судебные акты». В этом случае судебные решения являют собой совокупность судебных актов, принятых непосредственно судебным органом, которые включают приговор, определение и постановление. В данном случае необходимо подойти к настоящей категории широко и включить в содержание совокупности актов, включающих правоприменительные акты по осуществлению правосудия в государстве. Достаточно обратиться к организации судебного производства, которое сопровождается изданием множества актов до вынесения соответствующего судебного решения (например, в гражданском процессе это акты о принятии искового заявления до издания определений о подготовке дела к производству, протоколы заседаний и т. п.). Поэтому судебные акты представляют собой совокупность актов, способствующих организации судебного производства, завершающиеся принятием судебного решения.

В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан судебную власть осуществляют Конституционный суд, Верховный Суд, Высший экономический суд, Военный суд, Суд Горно-Бадахшанской автономной области, суды областей, города Душанбе, городов и районов, Экономический суд Горно-Бадахшанской автономной области, экономические суды областей и города Душанбе, которые в зависимости от юрисдикции принимают соответствующие судебные акты.

Так, Т. В. Кашанина пишет: «Принятие того или иного вида судебного акта непосредственно обусловлено категорией дел и видом судопроизводства, которое осуществляет судебный орган. Каждой судебной инстанции и судебному производству присущ свой акт. Например, вспомогательные судебные акты, которые относятся к актам, сопровождающим различные действия суда, и фиксируют суждения суда по отдельным вопросам, которые возникают в процессе рассмотрения юридического дела (например, отложить дело, приостановить его, прекратить судебное производство и т. п.), в уголовном процессе они облекаются в форму постановлений, в гражданском процессе – в форму определений»¹.

Правоприменительная деятельность судебных органов находится в особом положении, которая, по мнению Р. Д. Гаибова, есть специфический тип правоприменения, «смыслом которого является правосудие, осуществляемое судом в целях разрешения соответствующих дел в установленных законом процессуальных формах и в соответствии с установленными принципами и ценностями»².

Судебное правоприменение выделяется среди других типов и форм правоприменения своими особенностями и преимуществами, прежде всего, следуя из целей и задач судебной власти. В соответствии со статьей 84 Конституции Республики Таджикистан судебная власть защищает права и свободы человека и гражданина, интересы государства, организаций, учреждений, законность и справедливость. Судебное правоприменение, со слов И. И. Камолова, «служит формой реализации нормативных правовых актов применительно к конкретным жизненным ситуациям и в отношении индивидуальных физических и юридических лиц. Акты судебных органов, принятые в процессе применения норм права, окончательно разрешают спор о праве»³. В процессе судебного правоприменения восполняются пробелы в нормативных правовых актах путем решения дела в рамках аналогии закона и аналогии права.

Судебные акты занимают особое место среди правоприменительных актов. Они даже могут возглавить всю систему правоприменительных актов государства, потому что решение органов конституционного надзора в некотором отношении обладают силой признания законодательных актов неконституционными, что исключает возможность их применения в юридической практике.

Перечень судебных актов довольно значительный, и их классификация со стороны ученых-юристов тоже не однозначна. Так, Т. В. Кашанина делит судебные акты на три составные группы: «1) основные судебные акты – судебные решения и приговоры. Им принадлежит особая роль в связи с тем, что ими разрешается правовой казус по существу; 2) вспомогательные судебные акты – акты, сопровождающие различные действия суда, о чем уже говорилось выше; 3) дополнительные акты – судебные акты, сопровождающие судебное производство (протоколы судебного заседания). Нет никако-

¹ Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2008. С. 406.

² Гаилов Р. Д. Судебное правоприменение в условиях судебно-правовой реформы в постсоветском Таджикистане: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2012. С. 6.

³ Камолов И. И. Система нормативных правовых актов Республики Таджикистан: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра. юрид. наук. Душанбе, 2015. С. 341.

го основания умалять значение этих судебных актов, поскольку порой в них содержится информация, влияющая на исход дела»¹.

Технико-юридические требования и культура по составлению судебных актов обусловлены исторически, ибо с древних времен в силу важности судебных решений в случае правовых коллизий они занимали доминирующее место и верхнюю ступень в общей системе правоприменительных актов государства. Р. С. Одинаев приводит такой пример: «Таджикский народ обладал хорошей традицией техники и культуры составления судебных актов. Еще при Ахеменидах и Сасанидах в процессе организации деятельности царского суда (мазалим) сидели секретари суда, которые вели протокол судебного заседания, записывали ход процесса, прения сторон, фиксировали каждое доказанное право сторон, а также приговор, вынесенный в пользу одной из сторон»². И здесь следует согласиться с мнением Ш. Ш. Ходжаева, согласно которому юридическая техника в истории таджикского народа развивалась в рамках многообразия типов правовых систем (зороастрийской, исламской, интегративной, традиционно-светской), а в процессе применения обычных, религиозных и правовых норм развивалась правоприменительная техника³.

Так, в Сасанидском судебнике «MĀTAKDĀN Ī HAZĀR DĀTASTĀN» (Книга тысячи судебных решений). А. Г. Периханян пишет, что «нашли отражение некоторые царские указы царей Кавата и Хосрава I в введении официальных печатей у магупатов, финансовых чиновников амаркаров и у судей. Еще больший интерес представляет датированное правлением Хосрава I постановление ратов и других должностных лиц об упорядочении судопроизводства в провинции Арташахр-Хваррэ. Оно включало пункты административно-организационного характера как учреждение судебных присутствий в каждом рустаке провинции с установлением в каждом из этих учреждений секретариата из четырех писцов. Но основной акцент в этом постановлении, судя по имеющимся изложениям, лежал в той его части, где говорится о генеральном пересмотре судебных решений и о правилах судебной процедуры, которые надлежало строжайше соблюдать. Требование пересмотра вынесенных приговоров и составление новых протоколов допроса и иных судебных документов легко ассоциируется с судебной реформой, инициированной самим Хосравом Анушервоном»⁴.

Судебное правоприменение сопровождается изданием многочисленных судебных актов, которое определяется формой осуществления судебной власти: правосудие, конституционный контроль, административная юстиция, праворазъяснительная деятельность и т. п. Например, И. Я. Дюрягин, рассматривая правоприменительные акты, разделяет акты судебных органов и арбитражных органов⁵ (в случае Таджикистана таковыми выступают экономические суды).

Другими актами судебных органов являются праворазъяснительные акты. Здесь следует сразу оговориться, что мы полностью солидарны с К. Х. Солиевым, который пишет: «праворазъяснительные постановления высших судебных органов, не будучи средствами как нормативного, так и индивидуально-правового воздействия выступают средством судебно-разъяснительного воздействия, направлено на эффективное применение законодательства»⁶, (не просто применение, а применение законодательства судебными органами – Н. Х.).

Праворазъяснительная деятельность в системе судебных органов в основном относится к полномочиям Верховного и Высшего экономического суда. Праворазъяснительные акты этих органов содержат в своем содержании судебные правовые положения, прецеденты применения права, вносящие ясность, четкость и гибкость в процесс применения нормативных правовых актов как судебными, так и другими правоприменительными органами. По этому поводу В. В. Дорошков пишет: «На практике такие разъяснения в системе судов общей юрисдикции и экономических судов оказывают значительное влияние на последующие судебные решения и фактически приобретают нормативное значение, способствуя обеспечению единообразия судебной практики»⁷.

Однако эта позиция поддерживается не всеми учеными-юристами и практиками. Например, В. Д. Зорькин отмечает: «Задачу высших судов они видят лишь в том, чтобы дать верное опережающее истолкование закона, имеющее прецедентное значение для судебной практики»⁸. Праворазъяснитель-

¹ Кашанина Т. В. Указ. соч.

² Одинаев Р. С. Формирование и развитие института мазалим в досоветском Таджикистане (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2012. С. 16.

³ См.: Ходжаев Ш. Ш. Законодательная техника в Республике Таджикистан: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2016. С. 13.

⁴ Периханян А. Г. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений» (MĀTAKDĀN Ī HAZĀR DĀTASTĀN). Ереван, 1973. С. 22.

⁵ Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: теоретические вопросы. Свердловск, 1973. С. 169.

⁶ Солиев К. Х. Праворазъяснительная деятельность Верховного Суда Республики Таджикистан: общетеоретический аспект: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Душанбе, 2004. С. 6.

⁷ Дорошков В. В. Организация судебной системы // Правосудие в современном мире / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2013. С. 326.

⁸ Зорькин В. Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика. Материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы», проводимой Институтом проблем правоприменения Европейского университета (г. Санкт-Петербург, 15 апреля 2010 г.). СПб., 2010.

ная деятельность как самостоятельная форма судебного производства направлена именно на правильное, четкое, безошибочное и единообразное применение законодательства судебными органами. Допущение судебными органами правоприменительных ошибок чревато грубым нарушением не только действующего законодательства государства, но и естественных прав и свобод человека и гражданина.

Еще в прошлом столетии ученые-юристы указывали на такую проблему, как природа руководящих разъяснений верховных судов, остающихся актуальными и поныне. Для нас не так особо важен, как указывал, например, И. Я. Дюрягин «спор о том, являются ли руководящие разъяснения источником права или представляют собой только акты нормативного толкования, а интересна позиция автора, с которым трудно не согласиться, что такие разъяснения имеют нормативное значение в организации работы судов и рассмотрении ими юридических дел, не носят индивидуального характера, а потому нельзя относить к актам применения норм права»¹. Это позиция пусть даже не относит разъяснения Верховного суда к актам применения права, но при этом нельзя отрицать тот факт, что они способствуют правоприменительной деятельности и их роль в издании правоприменительных актов значительна. В этих актах не создаются, изменяются или отменяются нормы права, а всего лишь конкретизируются для эффективной организации работы судебных органов и правильного решения юридических дел.

Иначе обстоит дела с Конституционным судом. В соответствии с законодательством толкование не является функциональной обязанностью этого судебного органа, однако в силу специфики дача разъяснений является неотъемлемой частью его деятельности, что прослеживается в принятых актах, так как они имеют практическое значение для эффективности правоприменительной деятельности. В законодательство и правовую жизнь Республики Таджикистан термин «акты Конституционного суда» был введен с принятием Конституционного закона Республики Таджикистан от 22 мая 1998 года «О Конституционном суде Республики Таджикистан»².

В соответствии со статьей 1 Конституционного закона Республики Таджикистан от 17 июля 2014 года № 672 «О Конституционном суде Республики Таджикистан» этот орган является независимым органом судебной власти по конституционному надзору, учрежденным в целях обеспечения верховенства и непосредственных действий норм Конституции страны.

Центральное звено полномочий Конституционного суда составляет установление соответствия нормативных правовых актов нормам Конституции Республики Таджикистан. В полномочия Конституционного суда Республики Таджикистан законодательство также включает проверку конституционности руководящих разъяснений Пленумов Верховного и Высшего экономического судов Республики Таджикистан. При этом проверке подвергаются не все праворазъяснительные акты высших судебных органов, а лишь те, которые были применены правоприменителем, а также судами в конкретном деле и по мнению лиц, обратившихся в орган конституционного контроля.

Также в соответствии со статьей 55 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» закреплено право принятия правовых актов в форме постановления, заключения и определения. Постановление принимается Конституционным судом после рассмотрения дела по существу. Заключение этим органом принимается и провозглашается в порядке, определенном для принятия постановлений Конституционного суда Республики Таджикистан. По другим вопросам, рассматриваемым Конституционным судом Республики Таджикистан, а также в случаях, предусмотренных действующим законодательством, принимается определение.

В силу особого места Конституционного суда Республики Таджикистан не только в судебной системе страны, но и в целом в системе государственных органов, его акты обладают особым статусом: с одной стороны, акты, издаваемые органом судебного конституционного контроля, обладают теми же признаками, что и любой другой правовой акт, с другой стороны, они по сравнению с другими правовыми актами имеют свои особенности: принимаются в порядке конституционного судопроизводства, затрагивают споры о праве, могут признать любой нормативный правовой акт или международный договор не соответствующими конституции государства со всеми вытекающими отсюда последствиями. М. Н. Марченко придерживается позиции, что акты Конституционного суда одновременно являются как индивидуальными, так и актами правотворчества³. Аналогичное мнение и у Д. С. Сафарова⁴. Однако не решен вопрос, все ли акты конституционного суда являются одновременно и индивидуальными, и нормативными, или же вся система правовых актов органа конституционного надзора подразделяется на нормативные и индивидуальные. В этом случае авторы должны были четко разграничить их по видам. Также существует мнение, что постановления Конституционного суда обладают свойствами нормативного акта⁵.

¹ Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: теоретические вопросы. Свердловск, 1973. С. 170.

² См.: О Конституционном суде Республики Таджикистан: конституционный закон Республики Таджикистан от 22 мая 1998 г. // Ахбори (Вестник) Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. № 10. Ст. 11, 15.

³ См.: Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2007. С. 406.

⁴ См.: Сафаров Д. С. Понятие актов конституционного суда и их правовая классификация // Президент Республики Таджикистан – гарантии Конституции и законов. Душанбе, 2010. С. 185. (на тадж. яз.)

⁵ См.: Камолов И. И. Указ. соч. С. 334.

Мы придерживаемся той позиции, что акты органов конституционного надзора принимаются на основе и во исполнение Конституции Республики Таджикистан, конституционные законы направлены на реализацию конституционных норм и представляют собой одну из разновидностей источников права в государстве. В силу юридической природы и особенностей, а именно направленности на реализацию норм Основного закона государства, трудно отнести их лишь к актам правотворчества или правоприменения. Однако, учитывая то, что они в состоянии изменить вектор правового регулирования, мы считаем, представляют собой одну из форм источников права.

Несмотря на то, что акты Конституционного суда Республики Таджикистан трудно отнести к правоприменительным актам, при их составлении также наблюдаются некоторые технико-юридические упущения. М. Махмудзода указывает, что «орган судебного конституционного контроля должен иметь более активную позицию при формулировании резолютивной части своих решений; необходимо установить механизм исполнения принятого Конституционным судом решения, где полно и четко определить особенности исполнения, и осуществлять самостоятельно контроль за исполнением своих решений»¹.

Судебные акты как юридический документ и правоприменительный акт обладают своими технико-юридическими параметрами (языком, стилем, структурой, реквизитами, логической последовательностью изложения норм и др.) и культурными элементами (культурой составления документа, культурой письменной речи, соблюдением правил таджикского и русского языков и т. п.).

Судебный акт должен обладать соответствующими технико-юридическими качествами, издаваться при строгом соблюдении правил, способов и средств правоприменительной техники. При его разработке необходимо соблюдать технико-юридические правила и требования как внешнего, так и содержательного оформления, в частности, формальные, правовые, языковые логические процедурные правила. Судебный акт имеет свои реквизиты, особую структуру (вводная, описательная, резолютивная, заключительная части и др.), оформляется при помощи специального юридического языка. Его содержание выстраивается в определенной логической последовательности и по определенной юридической конструкции.

Обеспечение технико-юридического качества судебного акта имеет принципиальное значение, поскольку он содержит конкретные индивидуальные установления, принимаемые в отношении конкретного человека, на правовое регулирование конкретно-индивидуального дела. Судебный акт, адресуемый конкретному человеку, должен излагаться точно и ясно, понятным языком, в связи с чем требуемое технико-юридическое качество является обязательным условием его своевременного исполнения.

Помимо технико-юридических условий, влияющих и определяющих качество судебных актов, имеют место также и культурные моменты. Низкая правовая культура правоприменителя, низкий уровень профессионализма, неспособность адекватного всеобъемлющего предвидения развития общественных процессов, отсутствие навыков применения юридико-технического инструментария и знаний негативно влияют на качество судебных актов. Повышение уровня правовой культуры правоприменительных судебных актов, их профессионализма способствует быстрому пониманию акта, усвоению его содержания, созданию условий для оперативности исполнения и быстрого развития исполнительного производства.

Проблемы правоприменительной деятельности судебных органов, качество и культура составления возникают в результате допущенных ошибок в процессе правотворчества. При разработке нормативных правовых актов неумелое использование или в принципе несоблюдение законодателем правил и приемов законодательной техники приводят к дефектам нормативных правовых актов в виде противоречий, повторений, коллизий и пробелов в нормативных правовых актах и, в конечном счете, к неэффективности правового регулирования. В итоге судья при решении как гражданско-правовых, семейных, административных дел, так и при расследовании уголовных дел и вынесении по ним решений должен нивелировать в большом массиве нормативных правовых актов и каким-то образом составлять судебный акт в плане его правового обоснования. Многие такие действия сопровождаются изданием дефектного судебного акта. В свою очередь, дефект даже одного судебного акта может парализовать исполнительное производство, исказить судопроизводство и сильно ударить по авторитету судебной власти как носителя государственной власти, осуществляющему правосудие в государстве.

Другая категория правоприменительных актов разрабатывается на уровне предприятий, учреждений и организаций, которые направлены на организацию деятельности вышеназванных субъектов (например, приказ о присвоении ученых степеней или званий государственным учреждением «Высшая аттестационная комиссия при Президенте Республики Таджикистан»). Это деятельность тоже относится к категории административных неюрисдикционного характера.

Административная правоприменительная техника, не связанная с юрисдикционной деятельностью, характеризуется наличием более ограниченного набора технико-юридических средств, способов и правил по сравнению с другими разновидностями правоприменительной техники. Единые правила состав-

¹ Махмудзода М. Роль Конституционного Суда Республики Таджикистан в укреплении конституционной законности // Материалы Международной конференции на тему «Конституционное правосудие – гарантия обеспечения верховенства Конституции», посвященное 20-летию образования Конституционного Суда Республики Таджикистан. Душанбе, 2015. С.138.

ления правоприменительных актов в государственных предприятиях, учреждениях и организациях закреплены в Примерной Инструкции по делопроизводству в государственных органах, учреждениях, предприятиях и других организациях Республики Таджикистан, утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 июля 2017 года № 358 (далее – Инструкция). Хотя в ней не закреплено распространение ее действия в отношении негосударственных предприятий, учреждений и организаций, многие в процессе правоприменительной деятельности руководствуются Инструкцией, в которой содержатся следующие наименования правоприменительных актов предприятий, учреждений и организаций: приказ, распоряжение, протокол, постановление и докладная записка¹.

Единые правила, способы и средства техники составления такого рода правовых актов также могут предусматриваться внутренними локальными актами предприятий, учреждений и организаций.

На сегодняшний день правовой наукой выявлен определенный перечень юридико-технических ошибок составления правоприменительных актов. Так, Ю. А. Тихомиров перечисляет следующие юридико-технические ошибки:

а) неверный выбор формы правового акта и соответственно юридического способа решения вопросов;

б) нарушение системных связей между материальными и процессуальными нормами, разными частями правового акта;

в) произвольное использование юридических понятий и терминов;

г) неумелое формулирование юридических норм;

д) неправильные способы ссылок и отсылок в тексте акта;

е) несогласованные наборы юридических требований в разных госорганах;

ж) нарушение требований юридического языка;

и) неверное использование примечаний, приложений².

На практике Республики Таджикистан встречаются почти все ошибки перечисленные выше, а также и иные. Например, основную группу ошибок составления правоприменительных актов в стране могут составить технико-юридические, связанные с неверными способами составления текстов правоприменительных актов. В результате не соблюдается требование использования системы технико-юридических приемов и затрудняется понимание, толкование и применение актов, нарушается корректное общение между гражданами, государственными органами, организациями и государством.

Среди часто встречающихся юридико-технических ошибок подготовки правоприменительных актов выступают временные ограничения в подготовке правоприменительных актов, которые образуют другую группу ошибок (при их подготовки в спешке). Таким образом, правоприменительные акты издаются с низким уровнем проработанности их текстов, что не только затрудняет их реализацию, но и ведет к правоприменительным ошибкам. Также часто не соблюдаются требования к порядку издания правоприменительного акта, необходимость согласования проектов правоприменительных актов с заинтересованными сторонами, соблюдения установленного официального наименования акта и установленных реквизитов и др.

С технико-юридическим качеством правоприменительных актов во многом связана и успешность его последующей реализации. Чем меньше погрешностей технологического характера несет в себе акт, тем, очевидно, более высоким будет его воздействующий потенциал.

На сегодняшний день законодательно закреплены юридико-технические требования к нормативным правовым актам, которые нашли свое закрепление в Законе Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года № 1414 «О нормативных правовых актах». Однако на законодательном уровне отсутствуют единые правила юридико-технического оформления правоприменительных актов, что, конечно, усложняет работу правоприменителя. Как было отмечено выше, этот пробел в некотором отношении восполнила Примерная инструкция по делопроизводству в государственных органах, учреждениях, предприятиях и других организациях Республики Таджикистан, утвержденная Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 июля 2017 года № 358. Однако настоящая инструкция предусматривает юридико-технические и процедурные правила наряду с правоприменительными актами в основном служебных документов. Некоторые юридико-технические требования к правоприменительным актам содержатся в процессуальном законодательстве республики.

Таким образом, система правоприменительных актов Республики Таджикистан, принимаемых в сфере исполнительной и судебной власти, а также в процессе контрольно-надзорной деятельности органов государственного управления, следственных действий правоохранительных органов и в процессе осуществления своей деятельности предприятиями, учреждениями и организациями, является составной частью системы правовых актов.

¹ См.: Примерная инструкция по делопроизводству в государственных органах, учреждениях, предприятиях и других организациях Республики Таджикистан // Единый государственный реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. Душанбе, 2017. № 7. Ч. 2. С. 137.

² См.: Тихомиров Ю. А. Юридическая техника инструмент правотворчества и правоприменения // Юридическая техника. Н. Новгород, 2007. № 1. С. 16.

Для повышения уровня эффективности правоприменительной деятельности необходимо решить комплекс вопросов. Среди них следует назвать разработки единых юридико-технических требований, правил и стандартов к правоприменительным актам. Мы предлагаем создать соответствующую инструкцию именно по разработке и оформлению правоприменительных актов, установить систему юридико-технических параметров составления правоприменительных актов. Система правоприменительных актов многообразна и каждый правоприменительный орган решает определенные задачи, реализуя субъективные права и обязанности, устанавливая и конкретизируя факты жизни, применяя меры ответственности и другое. Следовательно, правоприменительные акты разнородны, поэтому весьма затруднительно установить единые юридико-технические требования. Представляется, что законодательное принятие принципиальных и единых общеправовых юридико-технических стандартов правоприменительных актов сыграет положительную роль в повышении эффективности правоприменительной деятельности государства.

Овчинников Алексей Игоревич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета

Ovchinnikov Alexey Igorevich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Southern Federal University

E-mail: k_fp3@mail.ru

Тимофей Анатольевич Фетисов

протоиерей – кандидат богословия, ректор Донской духовой семинарии

Timofey Anatolyevich Fetisov

Archpriest – Candidate of theology, rector of the Don Theological Seminary

E-mail: donseminary@gmail.com

**Теоцентризм как методологическая установка правовой теологии
в исследовании правосознания¹**

**Theocentrism as a Methodological setting of Legal Theology
in the Study of Legal Consciousness**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о теоцентрическом измерении права и правосознания. Авторы предлагают признать теоцентрическое объяснение феномена правосознания в качестве важнейшей методологической установки правовой теологии. В статье делается вывод о том, что экономические, социальные, культурные факторы совершения правонарушений важны и значительны, однако основная причина кризиса права и правосознания в современном мире заключается в отказе от теоцентризма в постижении мира, в утрате духовных истин и ценностей христианства в процессе секуляризации современного общества, распространения постхристианского мировоззрения, возвеличивающего себялюбие, гордыню, гедонизм, так называемые человеческие слабости, которые на языке святоотеческой антропологии именуются иначе – страсти.

Ключевые слова: теоцентризм, правовая теология, христианская правовая культура, русская философия права, правопонимание

Abstract. The article deals with the question of the theocentric dimension of law and legal consciousness. The authors propose to recognize the theocentric explanation of the phenomenon of legal consciousness as the most important methodological setting of legal theology. The article concludes that the economic, social, and cultural factors of committing offenses are important and significant, but the main reason for the crisis of law and justice in the modern world is the rejection of theocentrism in understanding the world, the loss of spiritual truths and values of Christianity in the process of secularization of modern society, the spread of a post-Christian worldview that exalts selfishness, pride, hedonism, the so-called human weaknesses, which in the language of patristic anthropology are referred to differently as passions.

Keywords: theocentrism, legal theology, Christian legal culture, Russian philosophy of law, legal understanding

---

Правовая теология представляет собой новое междисциплинарное направление в исследовании представлений и сущностных характеристик государства и права, а также религиозно-правовых систем. В современной ситуации постсекулярного мира представления о природе права с точки зрения теологии в целом, христианской теологии, в частности, не могут не претерпевать изменений, особенно в связи с многочисленными дискуссиями о соотношении права и религии, государственной власти и духовной

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44228 "Право и правосознание в теологическом измерении: история и современность".

власти, закона и веры в новых условиях сосуществования и взаимного уважения веры и знания, а также ввиду новых достижений теологической и богословской науки. Не менее важным и значимым обладает философско-правовой и юридический анализ религиозных систем, неизбежно определяющих правопонимание, правовую культуру, правосознание и правовые ценности в том или ином государстве.

Теория божественного происхождения права занимает прочное, хотя и традиционно относимое к средневековой архаике, место в современной философско-правовой науке. В христианском богословии взгляд на Бога как на источник права (не только библейского) опирается на Священное Писание Ветхого и Нового Заветов и общепризнан на уровне имеющих в православии¹ и католичестве² социальных концепций, что придает рассматриваемой теории канонический и отчасти догматический характер. Однако ни светская наука о праве, ни богословская рефлексия до сих пор не рассматривала эту теорию через призму догматической онтологии. Вместе с тем очевидно, что если Бог есть Отец права, а нормы – это отражение не только Его правоустанавливающей воли, но и Его свойств, то немаловажным, а может быть, даже и определяющим для понимания сути права, будет рассмотрение его с позиции учения о Самом Боге.

Впервые наиболее глубоко в ранней святоотеческой письменности тема онтологии права была осмыслена в богословии святого Климента Александрийского в контексте его учения о Логосе, в котором он усматривает одновременно и Христа-Законодателя, и Божественный разум, и совокупность Божественных идей о мире. Именно в учении этого раннехристианского апологета можно обнаружить твердое богословское основание для разделения права и закона как общего и частного, духа и буквы, содержания и формы.

Святой учитель, живший во второй половине II века, в эпоху, наиболее близкую ко временам первохристианства, совершенно чужд юридическому позитивизму. Так, говоря о законах, он признает их таковыми лишь в том случае, если они являют решение «верное и практически полезное»: «Предписанное законом не есть еще закон, точно так же, как и видимое нами не есть еще зрение. Равным образом и не всякое решение заслуживает называться законом, например, дурное решение»³. Кроме того, святой Климент исключает всякий утилитаризм, как известно, свойственный нормативному пониманию права. Если его и можно условно назвать утилитаристом, то только с точки зрения «здорового смысла» в евангельском понимании (примером такого понимания может служить притча о купце, продающем всю собственность ради обретения одной-единственной ценной жемчужины (Мф. 13:46)).

Таким образом, александрийский апологет неизменно верен теократическому (теоцентрическому) правопониманию. Высшей ценностью в праве для Климента является Бог. Поэтому полезным (*utilis*) он считает такое правовое решение, в котором способна отразиться Божественная сущность: «Настоящим законом является решение верное и практически полезное, а хорошим и практически полезным является то, что истинно, истина же состоит в обнаружении истинно сущего и в приближении к нему»⁴. «Истинно сущим» у Климента именуется Сам Бог.

Введение подобного теоцентрического критерия определения подлинного права позволяет святому Клименту утверждать, что не только закон Моисеев, но всякий истинный закон всегда является Божественным установлением⁵.

Будучи христианским апологетом, Климент Александрийский остается верным своей миссионерской сверхзадаче – помочь эллинам осознать идейное родство библейского Откровения и наследия античной философии. Как известно, для этого он прибегает к мысли о том, что, как в Священном Писании Логос явился в своей письменной форме, так и грекам он открылся посредством природной формы в естественных законах мышления и нравственности⁶. На первый взгляд может показаться, что александрийский богослов здесь несколько уклоняется от теоцентрического понимания источника права. Но следующее утверждение святого Климента уверенно возвращает нас в рамки теократического принципа: «Поэтому, когда Платон советует взирать на единого Бога и действовать справедливо, он предстает как бы толкователем закона»⁷. Здесь, несомненно, прочитывается не античное, основанное на этических ценностях понимание права, а библейское правосознание, в центре которого лежит послушание воле Божией и подражание Его свойствам. Несмотря на тождественность естественного нравственного закона, вложенного в человеческую природу, и закона заповедей⁸, центр права не человек, а Бог: «Логос есть круг, для которого Отец служит центром»⁹.

Выводы о «волевой» сути права, на первый взгляд, несколько противоречат тезису о его «идеальной» основе. Однако, прибегая с целью дополнительного обоснования выявляемой нами «двуединой»

¹ Основы социальной концепции РПЦ. Христианская этика и светское право. М., 2001.

² Компендиум социального учения Церкви. Минск.: Паолине, 2004.

³ Климент Александрийский, святитель. Строматы. Т. 1. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. С. 161.

⁴ Климент Александрийский, святитель. Строматы. Т. 1. С. 161.

⁵ Там же.

⁶ Климент Александрийский, святитель. Строматы. Т. 3. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. С. 29.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ Платон (Игуменов), архимандрит. Православное нравственное богословие. М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1994. С. 36.

⁹ Попов И.В. Труды по патрологии. Т. 2. М.: Сергиев Посад, 2004. С. 514–515.

сущности права к богословию Отцов Церкви, усвоивших и развивших традиционную александрийскую концепцию Логоса, мы находим искомое в трудах преподобного Максима Исповедника¹.

Соглашаясь со святым Климентом Александрийским, преподобный Максим утверждает: «Божественный Логос открылся нам в природе и Писании: в них Он воплотился Своими энергиями, или идеями (λόγοι). Внешние формы и буквы составляют Его одежды, под которыми таинственно скрываются Его идеи, а в них и Сам Логос»². Вместе с тем, вышеупомянутые Святые Отцы сходились во мнении, что идеи всех вещей содержатся в Божьей воле, а не в самой сущности Бога³. Данное утверждение отчерчивает резкую границу между православным учением и неоплатонической теорией, где идеи представляют собой мысли Божественного Разума. Отличается оно и от утвердившегося в западном богословии через наиболее яркого своего представителя – Фомы Аквината – мнения о принадлежности идей Божественной сущности⁴.

Выводя идею за рамки сущности Бога, это важное богословское уточнение значительно расширяет гносеологические пределы катафатического познания права, а также позволяет увидеть в Божественном Логосе, творящем закон, особо ценное в системе, выдвигаемой нами парадигмы органическое единство идеи и воли. Подобное онтологическое единство разума и воли в Боге, различимых, по мнению протоиерея О. Давыденкова, только условно⁵, позволило святому Иоанну Дамаскину ввести в тезаурус догматического богословия термины: *идеи-воления*, или *волящие мысли*, которые как нельзя лучше иллюстрируют богословскую обоснованность предлагаемой нами концепции⁶.

Надо сказать, приведенные мнения отцов православного богословия на данную тему вовсе не противоречат теории о предвечности и неизменности идеи права, ведь, согласно преподобному Максиму Исповеднику, мир творится действием божественной воли, приводящей в исполнение божественное предведение, от века заложенное в Логосе⁷. Идеи тварного мира коренятся в вечном бытии Бога. Опираясь на мысль В.В. Зеньковского, можно сказать, что, будучи вечными по своей природе, идеальные начала права, как Божественные идеи, сохраняют качество вечности даже входя в мир и живя в нем⁸. Предметы, в которых они воплощаются, «участвуют в Боге по аналогии, в силу того, что они исходят от Него»⁹. Особый смысл учение преподобного Максима приобретает в контексте нравственной онтологии права. Так, любая добродетель, лежащая в мотивационной основе правового поведения, через свою логосную природу оказывается сопричастной Богу: «сущностью каждой добродетели является единое Слово Божие»¹⁰. Но, к еще более неожиданным выводам приводит утверждение святого отца о том, что человек, стремящийся к добродетели через выполнение требований закона «причастует Богу – сущности добродетелей»¹¹. Таким образом, согласно преподобному Максиму, законодательные установления не просто требования религиозного либо общественного порядка, но Божественные логосы. Онтологическое родство законоположений с Богом, ведет к утверждению: «Слово Божие или Бог – Слово Отца таинственно присутствует в каждой из Своих заповедей»¹². Тем самым, этика правопослушного поведения в своем практическом религиозном осмыслении приобретает метафизический аспект: «Бог Слово, сокрытый в Своих десяти заповедях, воплощается в нас, сходя к нам через делание этих заповедей»¹³.

Итак, следуя богословию преподобного Максима Исповедника, идея права, реализуясь в законе, не утрачивает свою неотмирность. Напротив, именно она придает закону высочайший статус божественного творения, предназначенного к устройству такого порядка в человеческом обществе, который бы максимально соответствовал замыслу Творца.

Вместе с тем в богословском смысле ни одно из идейных оснований права, даже таких высоких, как Любовь или Справедливость, не могут эквивалентно выражать апофатическую сущность Бога, являясь лишь «отпечатком Божественного Существа»¹⁴. Это, в свою очередь, означает, что определения, которые мы формулируем в богословском поиске правового идеала, есть скорее отображение того, что некоторыми теологами было названо «характером»¹⁵ Бога, познаваемого в свойствах Его воли.

¹ См. об этом: Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. Киев, 1915.

² Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. С. 42.

³ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 227.

⁴ Апполонов А.В. Фома Аквинский о вере и религии (предисловие к публикации) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом: научн. информ.-аналит., культурно-просветительный журнал. 2012. № 1. С. 190–196. URL: <http://www.religion.ranepa.ru/ru/node/80> (дата обращения: 15.07.2019).

⁵ Давыденков О. протоиерей. Догматическое богословие: учеб. пособ. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 120.

⁶ Цит. по: Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. С. 18.

⁷ Мейендорф И., протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Клин, 2001. С. 361.

⁸ Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М.: Канон +, 1997. С. 154.

⁹ Мейендорф И., протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. С. 361.

¹⁰ Цит. по: Жизнь во Христе: Христианская нравственность, аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи / Синодальная библейско-богословская комиссия. М., 2012. С. 264.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 65.

¹³ Там же.

¹⁴ Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Киев, 2006. С. 195.

¹⁵ Райт К. Око за око. Этика Ветхого Завета. Черкассы: Коллоквиум, 2011. С. 32.

Таким образом, в своем теологическом аспекте право являет собой онтологическое единство воли Божией и Правды Божией, открывающейся в гармонии вечных логосов справедливости и любви, милости и суда, истины и блага. Это единство настолько тесное, что «Правда Божия является в сущности одним из свойств Божественной воли»¹.

Будучи по своему источнику трансцендентным тварному миру, являясь Словом Живого Бога, право имеет метафизическую природу, а потому его сущность может быть наиболее адекватно описана лишь языком богословия. Онтологические основы права указывают на то, что только его теоцентрическое осмысление как слова Божия способно открыть подлинный и вечный метаюридический правовой смысл: «На веки, Господи, слово Твое утверждено на небесах» (Пс. 118:89). Для этого, безусловно, требуется непредвзятый поиск и глубокое богословское осмысление онтологических Божественных оснований этих явлений в свете Библейского Откровения и Предания Отцов Церкви. Учитывая постепенность и многоступенчатость Откровения, в подобных изысканиях необходимо исходить из внутреннего понятийного, телеологического и типологического единства текстов Священного Писания Ветхого и Нового заветов. Ведь библейское право представляет по своей сути целостную мировоззренческую систему, основанную на богословской симфонии идей Божественного Откровения.

Обозначенные в данной статье аспекты ставят перед исследователем идей и ценностей, лежащих в основе европейского права, задачу не только юридической, но и прежде всего богословско-исторической реконструкции библейского общества, с учетом общекультурного контекста цивилизации Древнего Востока.

В основе библейского теоцентрического правопонимания и основанного на нем правосознания лежит вечный и абсолютный Божественный идеал, воплощающийся в эмпирической земной реальности в форме юридических норм и законов. И в этом его отличие от законов, которые рождаются в посясторонней реальности, изменяются по своим внешним словесным формам, описывают разнообразные ситуации и отношения между людьми в точном соответствии с той эпохой, к которой принадлежат. В этом смысле они культурно и исторически обусловлены. Теоцентрическому правосознанию, таким образом, свойственна убежденность в существовании идеала справедливости, уверенность в бытии некой правды, которая выше и важнее силы, выгоды, эгоистического интереса индивидуальных либо групповых интересов.

Совсем не страх наказания, а именно подобная убежденность придает внутреннюю силу закону, не позволяя воцариться «праву силы», «закону джунглей». Нематериальность этой внутренней интенции не делает ее слабее. Напротив, являя властную мудрость Верховного Промыслителя, именно по причине своей сверхъестественности она неподвластна времени и обстоятельствам. Нисколько не умаляется она и в своей «правоспособности», ипостазирываясь в то самое «внутреннее убеждение», которым руководствуется правосудие, разрешая юридический казус не по «букве», а по «духу» закона в случаях отсутствия в нем надлежащей нормы.

Другим следствием теоцентризма правового сознания является то, что право и закон в нем различаются. Действуя синергийно, они соотносятся друг с другом, как душа и тело, как идея и материя. Вместе с тем, чтобы принять этот факт, правоведению, как полагает П. Проди, «потребуется пройти долгий путь, на который указывает сохраняющаяся до сегодняшнего дня сложность юридической лексики, различное употребление и наложение друг на друга в разных языках слов “право”, “справедливость” или “правосудие”, “закон”»².

Теоцентризм в исследовании права и правосознания свойственен национальной философии права именно в России, где она обогатила юридическую науку воззрениями таких ученых, как П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев и И.А. Ильин, работавших над концепцией, в которой правосознание понимается не столько как юридическое мышление, сколько как духовно-нравственный выбор³. Такой же точки зрения придерживался Н.М. Коркунов: «Право есть явление не материальной, внешней природы, а продукт духовной деятельности человека»⁴. Следовательно, правосознание в человеке возникает именно вследствие причастности человека к духовной жизни. Идеи справедливости и правосудия тесно связаны с понятием совести и врождены человеку и его сознанию.

В трудах вышеперечисленных правоведов содержатся взгляды на познающую, оценочную и регулятивную функции правосознания, родственные христианским представлениям. По этой причине правовой идеал в их исследованиях не содержит резкого отделения права от нравственности. Он чужд всякого релятивизма и четко устремлен к абсолютным ценностям. Согласно П.И. Новгородцеву, этот идеал заключается в требовании бесконечного совершенствования⁵. Движущей силой здесь признается близ-

¹ Зарин С.М. Указ. соч. С. 196.

² Проди П. История справедливости. От плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 22.

³ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Медиум, 1993; Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999; Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб.: Лань, 1999; Его же. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. С. 19.

⁵ Новгородцев П.И. Кант как моралист // Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 101.

кое к христианскому императиву духовного преображения мира чувство неудовлетворенности наличным порядком. Не только регулятивная сила государственного властвования, но и правосознание, опирающееся на силы любви, жертвенности, служения и подвига, может и должно быть способом усовершенствования общественных отношений, – считает Н.Н. Алексеев¹. Можно признать, что стремление к духовно-нравственному совершенству является важной чертой теоцентрического правосознания. Назначение человека, которое состоит в возрастании в любви, посредством которой личность соединяется с Богом и достигает вечного блаженства предполагает и соблюдение закона. «Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иер. 31:33).

Первоначально до грехопадения правосознание было только теоцентрическим, оно было не замутнено грехом. Исходя из того, что в Священном Писании говорится: «...и я нашел, что Бог сотворил человека правым ... (Еккл.7:29), Адам обладал совершенным правосознанием, не имеющим каких-либо признаков и свойств противления добру. Но полноты свободного самоопределения в нем также не было. Правосознание Адама было преисполнено благодатью и обладало положительно добрым направлением воли². В тоже время, воля человека обладала нравственной свободой. При этом он стремился к добру, но не знал колебаний между добром и злом. Всецелое послушание Богу отличало его поведение, а тело человека представляло собой совершенное и послушное духу орудие.

В результате грехопадения теоцентрическое правосознание оказалось поврежденным эгоистической волей человека, а страстное его состояние создает благоприятные условия для нарушения законов Божиих и общественных со стороны человека. Искаженно воспринимаются сами эти законы в силу испорченности контекста их интерпретации (греховное состояние души также является контекстом понимания внешнего мира), а в случае даже разумного одобрения норм этих законов отсутствует воля к их исполнению: «Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху.... Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих (Рим. 14; 7:19-23).

Правильный ответ на вопрос о причинах кризиса правосознания в современном мире может быть дан только с учетом христианского учения о «страстной» и «эгоистичной» природе современного человека. Как справедливо отмечается в современной педагогике: «Святоотеческое учение рассматривает человека в его «собственно человеческом» измерении, самом сложном для психологии и педагогики – в ценностно-смысловом пространстве человека как личности; в пространстве его свободы, нравственного самосознания (совести), веры, любви, творчества, воли»³. Пора осознать, что святоотеческое учение о страстях, а также борьбе с ними, следует использовать в изучении проблем современной правовой психологии и криминологии. «Вопросы о сущности страсти, видах страстей, психологических механизмах их возникновения, динамики и, наконец, путей преодоления и предупреждения “пагубных” страстей заслуживают серьезного внимания как с научной, так и с практической точек зрения» – отмечают современные психотерапевты и психологи⁴. Речь идет об антропологических и духовно-нравственных наблюдениях, поучениях, наставлениях святых отцов Исаака Сирина, Нила Синайского, Аввы Дорофея и др. Их труды позволяют осознать, что кризис правосознания и рост правового нигилизма является глобальным, и мало кто называет в качестве важнейшей причины – духовный кризис современного человека и постхристианского мира. Именно он лежит в основе кризиса и западной традиции права, как это показал в своем объеме сочинении Г.Дж.Берман – известный правовед современной нам эпохи⁵.

Таким образом, под теоцентрическим правосознанием мы понимаем совокупность внутренних установок правовой сферы духовного мира человека, его убеждений, взглядов, идеалов и ценностей, определяющих восприятие себя и других людей, окружающего мира, в целом, сквозь призму естественного закона и позитивного библейского права, признаваемого и понимаемого в качестве единого закона Божьего, «написанного в сердце». Потенциально каждая личность имеет в себе теоцентрическое правосознание, но руководить поведением человека оно может лишь в той мере и в той степени, в которой человек находится в близости к Богу, в той степени, в которой он находится в состоянии нравственного совершенства. Свойствами теоцентрического правосознания являются: смирение, признание достоинства каждой твари, любовь и желание исполнять свои обязанности по отношению к Богу и людям. Теоцентрическое правосознание может быть как обыденным, не обладающим философско-правовой и богословской рефлексией, так и научно-богословским.

¹ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. С. 201.

² Василий Великий, свят. Беседа 9 о том, что Бог не виновник зла // Василий Великий, свят. Творения. Т.2. С.155-156.

³ Лифинцева Н.И. Святоотеческое наследие как источник формирования смыслового пространства современной педагогики // Вестник ПСТГУ. IV: Педагогика. Психология. 2013. Вып. 3 (30). С. 69-83

⁴ Флоренская Т.А. Святоотеческое учение о страстях и психотерапия // Московский психотерапевтический журнал. 2003. №3. С. 104-113.

⁵ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.

Оксамытный Виталий Васильевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова

Oksamytny Vitaly Vasilyevich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law A. S. Griboyedov Institute of International Law and Economics

E-mail: oksvv@list.ru

Пономарева Вера Павловна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова

Ponomareva Vera Pavlovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law A. S. Griboyedov Institute of International Law and Economics

E-mail: pon-vera@yandex.ru

Становление и развитие юридической науки и образования в России

Formation and development of legal science and education in Russia

---

Аннотация. Рассмотрены процессы формирования научных основ российской юриспруденции, а также дальнейшего развития отечественной юридической теории в дореволюционной России и Русском Зарубежье. Раскрываются факторы, отражающие характерные черты российской юридической науки, ее направленность и приоритеты.

Ключевые слова: право, юридическое образование, юридическая наука, дореволюционная юриспруденция, русское зарубежье

Abstract. In article the authors deal with problems associated with the processes of formation of the scientific foundations of Russian jurisprudence, as well as the further development of the domestic legal theory in pre-revolutionary Russia and Russian Abroad are considered. The factors reflecting the characteristics of Russian legal science, its focus and priorities are revealed.

Keywords: law, legal education, legal science, pre-revolutionary jurisprudence, Russian Abroad

---

Необходимость в освоении и изучении права как общественного явления, придание ему общепринятых форм реально назрели в России более трех столетий тому и напрямую связываются с реформаторской деятельностью Петра Великого. Следует, однако, заметить, что начальные попытки создания профессионального юридического сословия, без чего немислимы реальные правовые реформы и их закрепление в массовом сознании, были сделаны его предшественниками¹.

По словам одного из первых российских ученых-юристов *П. И. Дегая* (1792-1849), уже ввод в действие Уложения Алексея Михайловича (знаменитого Соборного Уложения 1649 г.) свидетельствует о значительной степени образованности русских юристов, если не в отношении формы

---

¹ См.: *Оксамытный В.В.* Общая теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. С. 18-26.

(системы), то, по крайней мере, в обдуманности, точности юридических предметов и ясности их изложения¹.

А в 1682 г. царь Федор Алексеевич «Академической привилегией», данной создаваемому в Москве первому в России высшему общеобразовательному заведению – Элинно-греческой академии (позднее ставшей Славяно-греко-латинской академией), устанавливает обязанность преподавать в ней «*учение правосудия духовного и мирского*», но в действительности этого так и не случилось (судя по всему, из-за отсутствия подготовленных к тому преподавателей).

При первом российском императоре были предприняты попытки донести до просвещенных подданных светские идеи европейской юриспруденции, когда в русском переводе по приказанию Петра I были изданы труды известнейших мыслителей XVII столетия *Гуго Гроция* («О законах брани и мира») и *Самюэля Пуфендорфа* («О должности человека и гражданина по закону естественному»).

В 1724 г. при императорской Академии наук была создана кафедра правоведения («*кафедра права природы и публичного купно с политикой и этикой*»), однако и в этом случае история не зафиксировала каких-либо практических шагов в обучении праву. Тем не менее, сам царь весьма одобрительно высказывался о переведенных трактатах «при собраниях же сенаторов, и в царских своих палатах, и на ассамблеях в домах сенаторских», особенно выделяя Самюэля Пуфендорфа, которого называл «мудрым юриспетом (законодателем)». Петру более других импонировала следующая мысль немецкого правоведа: «Кто на других что налагает, тое и сам ко оным творити должен».

Несколько позднее в Санкт-Петербурге при Академии наук предпринимается также попытка создания юридического факультета с курсом «*institutiones juris*», который должен был излагать профессор «кафедры по нравоучительной философии» *Христиан-Фридрих Гросс* (1696-1742), поскольку ранее он «объяснял на лекциях об обязанностях гражданина и человека по Пуфендорфу»². Однако и это начинание не имеет успеха в виду отсутствия желающих слушать лекции немецких преподавателей, не знавших русского языка.

В реальности собственно российские юридические наука и образование начались с основанием императорского Московского университета (1755)³. В соответствии с Высочайшим указом об учреждении университета, подписанным императрицей Елизаветой Петровной и разработанным при непосредственном участии *М. В. Ломоносова*, в нем учреждались три факультета. И в их числе – *юридический*, где предусматривалось введение следующих профессорских должностей: «*профессора всей юриспруденции, который учить должен натуральным и народным правам и узаконениям Римской древней и новой империи; профессора юриспруденции Российской, который должен знать законоискусство Отечества; профессора политики*». М. В. Ломоносов также обращал внимание на необходимость чтения специальных лекций по истории «для ознакомления с правом народов, что в других местах напрасно относят к ведению факультета философского».

Вначале приоритет отдавался иностранным профессорам. Так, был нанят и с октября 1756 г. в течение десяти лет оставался единственным преподавателем юридических дисциплин *Филипп Генрих Дильтей* (1723-1781), «доктор обоих прав Венского университета и член Майнцской академии», профессор римского, естественного, государственного, гражданского и уголовного права.

Преемником австрийского юриста стал *С.Е. Десницкий* (1740-1789), выпускник университета, получивший европейское образование и, в том числе, ученые степени магистра и доктора права университета Глазго. С 1767 г. ему было поручено читать московским студентам «Римское право по институциям, с применением к русскому праву отдельных законов». После шести лет успешной преподавательской практики Семен Десницкий в качестве «свободных наук магистра, юриспруденции доктора, римских и российских прав профессора» возглавил кафедру российского законоведения.

По словам своих последователей, он и стал «отцом русской юриспруденции» (Н. С. Таганцев), «праотцом русской юридической профессуры» (Н. М. Коркунов), «основателем науки русского правоведения» (Б. И. Сыромятников). Его заслуги и первенство нашли место также и в чтении лекций на русском языке, и в провозглашении необходимости изучать как право римское, так и русское.

Среди изданных С.Е. Десницким трудов выделяются: «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768) и «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства» (1778). А в программном выступлении перед университетскими коллегами («Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», 1766) он призывал учиться законоискусству для «натурального возвышения народов в правлении». Юристу, по мнению первого российского профессора права, совершенно необходимы четыре науки: нравоучительная философия, натуральная (естественно-правовая) юриспруденция, римское право и отечественное право.

¹ *Дегай П.И.* Пособия и правила изучения Российских законов, или Материалы к энциклопедии, методологии и истории литературы Российского права. М.: Тип. А. Семена, 1831. С. 118-119.

² См.: *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1870. С. 214.

³ См. подробнее: *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: учебное пособие. М.: Зерцало, 2019. С.134-185.

По сути, именно С.Е.Десницкий воплотил желание Екатерины II, высказанное в 1767 г., о том, «что в университете пристойнее читать лекции на русском языке, особливо юриспруденцию», чему способствовало и введение кафедрального курса «Юриспруденция российская и внутренние государственные права».

Рамки и предмет статьи не позволяют подробнее изложить исторические и философско-методологические предпосылки формирования оригинальной отечественной юридической теории как науки и учебной дисциплины¹. Назовем лишь имена наиболее известных ее представителей.

В. Т. Золотницкий (1741-1796), первый среди российских ученых-юристов сделал попытку самостоятельного изложения теории естественно-го права в книге «Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы Российского общества» (1764);

З. А. Горюшкин (1748-1821), профессор Московского университета в 1786-1811 гг., автор первого обобщения российского законодательства и его истории («Руководство к познанию российского законодательства», 1811-1816 гг.);

А. П. Куницын (1783-1840), профессор Петербургского университета, обращавшийся к законам внутренней свободы, основным на нравственности, в двухтомном сочинении «Право естественное» (1818);

М. М. Сперанский (1772-1839), объективный идеалист в познании государства и права, обосновывавший необходимость построения правления на законах (в частности, в «Записке об основных законах» (1802) и во «Введении к Уложению государственных законов» (1809);

К. А. Неволлин (1806-1855), профессор Киевского и Санкт-Петербургского университетов, решавший методологические задачи в своей «Энциклопедии законоведения» (1838) и признанный основателем российской философии права.

Понятие «юриспруденция» в России в начальный период формирования обозначалось терминами «законоведение», «законоискусство», «правоведение», «правомудрие». Само развитие российской правовой науки интенсивно продолжалось и в последующие десятилетия. Недаром вторая половина XIX – начало XX вв. в среде отечественных юристов получила название «серебряный век права»². Существенный вклад непосредственно в развитие юридической теории в дореволюционной России внесли:

В. М. Гессен (1868-1920), отстаивавший необходимость реформ в России на основе идеи конституционности («Теория конституционного государства», 1914);

М. Н. Капустин (1828-1899), сторонник углубленной научной подготовки юристов, защищавший науку права в силу ее «строгости и точности» («Теория права. Т.1. Общая догматика», 1868);

Б. А. Кистяковский (1868-1920), проводивший идеи о правовом государстве как высшей форме государственного бытия («Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права», 1916);

Н. М. Коркунов (1853-1904), стремившийся к раскрытию социальных аспектов права («Лекции по общей теории права», 1894);

С. А. Муромцев (1850-1910), развивавший идеи социологического изучения права («Определение и основное разделение права», 1879);

П. И. Новгородцев (1866-1924), утверждавший нравственный идеализм в праве («О задачах современной философии права», 1902);

Л. И. Петражицкий (1867-1931), основатель научной теории правосознания в России и психологии права в целом («Теория права и государства в связи с теорией нравственности», 1909);

Е. Н. Трубецкой (1863-1920), сторонник религиозно-нравственных основ всего правового («Лекции по энциклопедии права», 1907);

Б. Н. Чичерин (1828-1904), виднейший представитель русского либерализма, утверждавший его идеи в отечественном правоведении («Философия права», 1900);

Г. Ф. Шершеневич (1863-1912), видный представитель российского юридического позитивизма («Общая теория права», 1910); и многие другие.

За ними стояли юридические школы и самостоятельные учения о праве и государстве. Ряд идей, выдвинутых ими в области философии права, юридического государствоведения, социологии и психологии права, переросли национальные границы и стали достоянием мировой юридической цивилизации.

В первой половине XIX в. продолжает развиваться *юридическое образование* в Российской империи. Постепенно складывается система подготовки юристов в университетах и в ведомственных учебных заведениях.

Главным центром юридического образования стали *юридические факультеты* императорских университетов (к примеру, Московского, Санкт-Петербургского, Казанского, Киевского, Дерптского, Харьковского и др.). Примером притягательности правоведения для отечественной молодежи служит и такой факт: к концу века 2/5 от общего числа студентов российских университетов учились на юридических факультетах.

¹ См. подробнее: Патриархат российского права. Избранные труды русских правоведов конца XVIII – начала XIX вв. В 2 т. /Сост. В. А. Белов. М.: Юрайт, 2019.

² Крашенинников П. Серебряный век права. М.: Статут, 2017; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века: учебное пособие. М.: Зерцало, 2020.

Помимо высших учебных заведений основы юридического образования также преподавались в академиях, офицерских школах, училищах правоведения, гимназиях. В 1857 г. в двенадцати специальных учебных заведениях России можно было изучать юридические науки. Например, Императорское училище правоведения, основанное при деятельном участии П.И. Дегаля и М. М. Сперанского, за годы своего существования (1835–1918) подготовило около 2 600 юристов¹. Их высокой квалификации способствовало преподавание в училище таких видных российских правоведов, как К.А.Неволин (энциклопедия правоведения и римское право), Ф.Ф. Мартенс (международное право), Н.С.Таганцев (уголовное право), А.Ф. Кони (практическое судопроизводство) и др.

Следует отметить, что среди студентов юридических факультетов и специальных учебных заведений было немало и тех, кто в дальнейшем не связывал свою судьбу с юридической наукой, но прославил страну на других поприщах (среди них были будущие всемирно известные писатели и поэты, драматурги и литературоведы, ученые и врачи, и т. д.).

Примечательными в этой связи находим высказывания Льва Толстого по поводу того, что побудило его покинуть юридический факультет Казанского университета. В 1909 г. в работе «Письмо студенту о праве» он отмечал: «Я ведь сам был юристом, и помню, как на втором курсе меня заинтересовала теория права, и я не для экзамена только начал изучать ее, думая, что найду в ней объяснение того, что мне казалось странным и неясным в устройстве жизни людей. Но помню, что чем более я вникал в смысл теории права, тем все более и более убеждался, что или есть что-то неладное в этой науке или я не в силах понять ее. Проще говоря, я понемногу убеждался, что кто-то из двух должен быть очень глуп: или Неволин, автор энциклопедии права, которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки. Мне было 18 лет, и не мог не признать того, что глуп я, и поэтому решил, что занятия юриспруденцией свыше моих умственных способностей и оставил эти занятия»².

Составители книги, посвященной истории юридического факультета Казанского университета, подчеркивают в этой связи, что последний «очевидно, не может претендовать на большой вклад в формирование личности известного великого русского писателя... Однако важно то, что именно обучаясь на юридическом факультете, Толстой твердо выбрал для себя «область самостоятельного умственного труда», а посредством ознакомления с основами права того периода в нем сформировалось резко критическое отношение к нарушению в нем идеи равенства людей»³.

В российских университетах с введением Общего устава 1835 г. одним из обязательных предметов для всех юридических факультетов становится действующее русское право. Вводится курс «Энциклопедия законоведения и российские государственные законы», который, по сути, отражает постепенно складывающуюся тенденцию к соединению правового материала с изложением норм о государственном строе. Согласно уставу, энциклопедия законоведения как учебная дисциплина включала также как самостоятельные части энциклопедию юридических и политических наук и историю философии права.

По программе общей для всех российских университетов, предлагались такие темы для обучения, студентов: понятие нормы права и ее элементы, соотношение морали и права, определение права и его источников, теории естественного права, происхождение права, право в объективном понимании, субъективное право, юридические факты, частное право, право, как общественный порядок, определение государства, власть и право, применение права, толкование права и т. д.

В соответствии с положениями более поздних общих уставов на юридических факультетах вводились следующие начальные курсы обучения студентов: энциклопедия права; энциклопедия юридических и политических наук; история римского права; римское право; история русского права; история славянских законодательств; история положительных законодательств; общенародное законодательство; основные государственные законы, и т. п.⁴

Во второй половине XIX в. в российском юридическом образовании заметно стремление отойти от простого пересказа содержания юридических актов к теории вопроса, историческому и философскому осмыслению излагаемого законодательства, что вело к закреплению в учебных планах более общих предметов. Так, воздвижение энциклопедии права до уровня самостоятельной науки явилось, по словам Н.М.Коркунова, «в силу сознания неудовлетворительности обыденного ее понимания». Данный процесс определялся потребностью в особом курсе, вводящем в изучение права и устраняющем необходимость начинать прямо с частей неизвестного целого.

Но, с другой стороны, столь же заметно стала проявляться критика пригодности энциклопедии права для сведения огромного материала юридических наук к чисто внешнему единству и его краткого из-

¹ См.: Анненкова Э.Л. Императорское Училище правоведения //Пространство и время. 2013. № 1 (11). С. 216-222; Олимпиева И.В. Особенности процесса обучения и воспитания в Императорском Училище правоведения //Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С.339-346.

² Цит. по: Юридическая наука и образование в Казанском университете /науч. ред. И.А.Тарханов. Казань: Центр инновационных технологий, 2014. С. 34.

³ Там же.

⁴ См.: Гриценко И. С., Короткий В.А. Юридичний факультет університету Святого Володимира. 1834-1920. К.: Либідь, 2009. С. 6-7; 48-49; 96-97.

ложения для предварительного ознакомления и ориентирования. Получить краткое понятие о частях – не значит еще получить понятие о целом: «Из знания отдельных частей, – подчеркивал в этой связи И. В. Михайловский, ученик Б. Н. Чичерина, считавший, что перед энциклопедией права должны быть закрыты университетские двери, – вовсе не вытекает знание целого, как единого организма». А краткое, конспективное обозрение всех частей правоведения как учебного предмета «может принести скорее вред, чем пользу», поскольку юридическая наука, требующая для своего изучения большой работы, будет представляться чрезвычайно легкой, поверхностной (даже «еще менее способной ввести начинающего в изучение права, чем специальное изучение одной какой-нибудь отрасли»)¹.

И в тоже время философия права также оказалась неспособной дать целостное знание о праве, поскольку оставалась универсальной наукой о юридическом мышлении и абсолютных началах права. В данном рассмотрении она должна была занимать в юридической науке права такое же место, какое в каждой специальной науке занимает ее общая часть (следует оговориться, что подобный взгляд на место и роль философии права не был преобладающим, как, впрочем, и в современной юридической науке).

Каков же выход? Он виделся в создании обобщающей области знаний, соединяющей воедино две подготовительные стадии – философию права и энциклопедию права. Ею обоснованно становилась *общая теория права*, которая и должна была стать краеугольным камнем системы правоведения, связывая отдельные дисциплины и их содержание в одно целое. Среди тех, кто поддержал подобные идеи, был профессор Московского университета М.Н.Капустин – автор первого академического издания по теории права².

Несколько позднее, на рубеже столетий, в это целое органически вплелось и *юридическое государствоведение*, придав данной науке и учебному предмету соответствующее звучание в качестве «теории права и государства». Именно в такой последовательности – (а) право; б) государство) – данный курс первоначально и был определен как в специальной литературе, так и в официальных программах университетского образования в России³.

Грань XIX-XX столетий в стране на фоне существенного развития науки, культуры и искусства проявилась и в раздумьях о способах управления общества в новых условиях, о правовых механизмах осуществления государственной власти. Создаваемые учеными-юристами концепции права отразили их живой интерес к судьбам России, ее культуре, роли личности в истории и государстве, проблемам построения государства и права на принципиально новой нравственной основе. Недаром подмечено, что одной из загадок, подаренной миру русской философией, была склонность именно юристов к прояснению тайн русской души, а изучение ими права было неотделимо от исследований человеческой природы и проблем человеческого общества⁴.

Следует также отметить особую заслугу нового поколения российских юристов в подготовке и проведении *общероссийской кодификации* под началом М.М. Сперанского, *правовых реформ* Александра II и *конституционных реформ* начала XX столетия. Последние стали показателем возросшего влияния отечественных юристов, что выразилось в принятии *первой российской конституции* (Основных государственных законов Российской империи) и образовании *российского парламента* в составе Государственной думы и Государственного совета. В 1906 г. в состав первой Государственной думы было избрано более 40 юристов, а профессор римского права Московского университета С.А.Муромцев стал ее первым председателем.

Итогом деятельности российских ученых на ниве отечественной юриспруденции может послужить следующее признание Н.М. Коркунова: в «какие-нибудь полтора столетия мы почти успели наверстать отставшую нас от западных юристов разницу в шесть с лишним столетий», хотя приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы. Русские юристы могли пожаловаться «разве только на малое число людей, посвятивших себя научному изучению права, но никак не на их качество»⁵.

Уникальным явлением XX столетия стало Русское Зарубежье 20-40-х гг., вызванное к жизни революционными событиями 1917 г. в России и последовавшей Гражданской войной, вынудивших огромные массы россиян принять тяжкий крест изгнания⁶. В составе «первой волны» эмигрантов было много юристов-практиков и преподавателей права, представлявших различные научные школы и университеты дореволюционной России. Ученые-правоведы, сохраняя традиции отечественной юриспруденции, активно включались в работу зарубежных университетов и академических центров, откликались на западные правовые новации, оказывали заметное влияние на развитие науки юриспруденции в эмигрантской среде.

¹ Михайловский И.В. Очерки философии права. Т.1. Томск: Изд. кн. маг. В.М. Посохина, 1914. С.1-10.

² Капустин М.Н. Теория права (юридическая догматика). Том 1. Общая догматика. М.: Катков и Ко, 1868.

³ См. в частности: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2 тома. СПб.: «Слово», 1907; Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль: Ярсл. Кредит, 1919; Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М.: Тип. И.Д.Сытина, 1908.

⁴ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999 (переиздание работы 1924 г.). С. 8-10.

⁵ Коркунов Н.М. История философии права. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1906. С. 233.

⁶ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж: Librairie des Cinq Continents, 1971. С. 78.

В начале 20-х годов центрами сосредоточения юридических кадров из России стали Белград, Берлин, Париж, София, Харбин, куда русские правоведаы попадали вместе с эвакуационными волнами из России. Большая группа юристов оказалась на Западе в 1922 г., добравшись из Петрограда на пяти рейсах пассажирских судов, собирательно названных «Философским пароходом»¹.

В отличие от Советской России, в эмиграции сохранялись традиции русского высшего юридического образования, организованного по аналогии обучения в университетах дореволюционного периода. Статус юридических факультетов определялся Общим уставом императорских российских университетов 1884 г.², действовавшим до февраля 1917 г. Вокруг факультетов Русского Зарубежья продолжала развиваться и наука юриспруденция.

В Париже при университете в 1921 г. был открыт русский юридический факультет, который имел полный профессорско-преподавательский состав, хотя, естественно, число профессоров постоянно менялось из-за малого числа слушателей³. Можно назвать известных юристов, которые работали в этом вузе: Г. Д. Гурвич преподавал государственное право; К. О. Зайцев – конституционное право и историю русского права; Б.Э. Нольде – международное право; В. Б. Эльяшевич – гражданское право; В.Д. Кузьмин-Караваев – уголовное право.

Франко-русский институт в Париже⁴, позиционировавший себя как высшую школу социальных, политических и юридических наук, открыл в 1928 г. русское юридическое отделение, диплом об окончании которого, приравнивался к диплому французского вуза, что позволяло выпускникам устроиться на работу во Франции. Соответственно, знание французского законодательства было более актуальным, чем изучение русского права, поэтому большинство русских юридических вузов в Париже, по понятным причинам, существовало не долго.

В 1922 г. в Праге был создан Русский юридический факультет (РЮФ). Его работу поддерживало чехословацкое правительство, которое, в рамках программы «Русская акция», помогало беженцам из России получить высшее образование⁵. Первым деканом РЮФ стал известный юрист П. И. Новгородцев (1866-1924). После его смерти преемником стал профессор римского права, бывший ректор Петроградского университета Д. Д. Grimm. Этот факультет обладал правом присуждать ученые степени и звания, а также заниматься переподготовкой научных кадров. Учебные курсы читали такие известные ученые как Д.Д. Grimm, Н.О. Лосский, Е.В. Спекторский.

Профессора верили, что выпускники факультета, в будущем, вернуться в новую демократическую Россию, где смогут использовать полученные ими знания. В приветственной речи П. И. Новгородцев по случаю открытия РЮФ подчеркивал: «Открытие Русского юридического факультета есть ставка на Россию, на ее будущее и, наконец, ставка на право»⁶.

Однако ориентация на дореволюционную университетскую культуру, соединенная с уверенностью в скором возвращении домой, породила немало трудностей. Главная из них заключалась в том, что юридическое образование, базировавшееся на национальных традициях и национальном праве, за рубежом не смогло быть равноценным знаниям, полученным в местных высших школах. Дипломы Русского юридического факультета не могли быть признаны вне эмигрантской среды⁷.

Сегодня невозможно выяснить, смог ли кто-нибудь из выпускников Русского юридического факультета устроиться по специальности. Вероятно, что они не могли найти такой работы ни в Чехословакии, ни в Европе вообще. Философ Н. О. Лосский в своих воспоминаниях приводил пример, как один из выпускников юридического факультета организовал обучение на краткосрочных малярных курсах. После их окончания дипломированные русские юристы поехали в разные страны, главным образом во Францию, где стали ремесленниками-малярами⁸.

Факультет, кроме подготовки специалистов-юристов, занимался и воспроизводством научных кадров. Но, начиная с 1925 г. политическая ситуация в Чехословакии изменилась, что не замедлило сказаться и на Русском юридическом факультете в Праге. Юридическое образование, базировавшееся на национальных русских традициях, не смогло конкурировать с местной высшей школой. В 1929 г. факультет прекратил образовательную деятельность, выпустив за весь период своего существования 384 дипломированных специалиста. Последующие годы он функционировал как научное и методическое юридическое учреждение. Официально он был упразднен в 1933 г.⁹

¹ Гессен И.В. Годы изгнания. Paris: YMCA-Press, 1979. С. 79-80.

² См.: Глинский Б. Б. Университетские уставы (1755-1884) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб, 1900. Том LXXIX. С.324-351.

³ Ковалевский П.Е. Указ. соч. С. 85.

⁴ Антропов О.К. Париж как культурный центр зарубежья (1920–30-е гг.) [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2001. № 3. Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2001_1/20.shtml.

⁵ Русский юридический факультет (Прага). Отчет о состоянии и деятельности русского юридического факультета в Праге за 1923-24 уч. год. Прага: [Тип. «Легіографія»], 1925. С.350.

⁶ Там же. С.23.

⁷ Русские в Праге, 1918–1928 гг. / Под ред. Постникова С.П. Прага: Воля России, 1928. С. 350.

⁸ Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1968. С. 223

⁹ См.: Русский юридический факультет (Прага). Отчет о состоянии и деятельности русского юридического факультета в Праге за 1923-24 учебный год. Прага: Тип. «Легіографія», 1925. 33 с.

Третьим крупным университетским центром русской эмиграции стал город Харбин. Вопрос о создании высшего учебного заведения возник в связи с невозможностью направлять харбинскую русскую молодежь, окончившую средние учебные заведения, для дальнейшей учебы в охваченную гражданской войной Россию. Местная русская интеллигенция (в большом количестве работающая на китайской восточной железной дороге – далее КВЖД), создала «Комитет по учреждению высшего учебного заведения в г. Харбине» (Комитет). В начале 1920 г. организационные вопросы разрешились с прибытием в Северо-Восточный Китай группы российских эмигрантов-юристов, которая и предложила свои услуги в качестве преподавателей. Начали функционировать «Высшие экономико-юридические курсы» по программе юридического факультета, которые позднее (в июле 1922 г.) были преобразованы в частное высшее учебное заведение «Юридический факультет в городе Харбине» (ЮФК). Следует заметить, что на территории Маньчжурии, в зоне отчуждения КВЖД действовало российское право, и в китайских судебных установлениях (по отношению к русским жителям Маньчжурии) применялось русское дореволюционное право¹.

За образец организации Юридического факультета был взят устав Московского университета, в соответствии с которым создано 12 кафедр. Они вели все обязательные учебные дисциплины, семинары и научные кружки, «сохраняя до конца дней своих программу старых русских университетов»².

Позиция факультета в отношении русского дореволюционного и советского права сформулировал профессор В. А. Рязановский: «Может быть, у некоторых возникает сомнение, зачем на Юридическом факультете преподается старое право в то время, когда вся Россия живет новым правом. В ответ на это скажу, что эти сомнения мне представляются и теоретически неправильными и фактически неверными. Прежде всего, надо отметить, что, строго говоря, нет старого и нового права, а есть единое право, которое живет и развивается; может быть только старое и новое законодательство»³.

Благодаря связи с правлением КВЖД, юридический факультет в Харбине получал от администрации железной дороги материальную помощь, которую использовал для формирования библиотеки, оплаты научных стажировок преподавателей за границу и др. Это позволило в короткий срок подготовить свои научные кадры. В результате, в Испытательной комиссии при Русской Академической группе в Париже защитили свои диссертации: В. В. Энгельфельд (1925 г.) и Г.К.Гинс (1929 г.); в Русской академической группе в Праге – Н.И.Никифоров (1928). Все это дало возможность харбинской профессуре быть в курсе тенденций развития современного европейского права и усиливало научную составляющую в преподавании учебных дисциплин.

Для усиления научной составляющей в преподавании учебных дисциплин, в частности, китайского права, на факультет приглашались профессора-китаеведы из СССР – В. М. Алексеев (Ленинград), А. И. Иванов (Москва), А. В. Рудаков (Владивосток)⁴.

С 1925 года на факультете издавались научные труды преподавателей – «Известия Юридического факультета». В рецензии журнала «Современные записки» (Париж) на третий том «Известий» автор назвал ЮФК «оазисом русской культуры» и выразил убежденность, что ему «предстоит стать на неопределенное время единственным свободным рассадником русского юридического образования»⁵.

При факультете, под руководством профессуры, работали научные кружки: по гражданскому и торговому праву, философский, экономический, по востоковедению и литературный. Основные направления научной деятельности преподавателей юридического факультета сводились к изучению «старого» российского и «нового» советского права, сравнительно-правовому исследованию права стран Восточной Азии, изучению тенденций европеизации китайского права.

Относительно количества студентов в источниках и исторических исследованиях нет однозначных данных. Но, в лучшие годы число студентов (вместе со слушателями подготовительных курсов) доходило до 1000⁶.

В Харбине сформировалась своя научная школа. Ее основателем стал В. А. Рязановский (1884-1968)⁷, профессор юриспруденции, востоковед, проработавший более 14 лет в этом учебном заведении, из них – пять лет в должности декана. Список его научных публикаций по истории и теории права, обычному праву, сравнительному правоведению насчитывает более 80 названий. Французский юрист Паду в своей рецензии на вышедшие на английском языке книги В.А. Рязановского отметил как основную его

¹ См.: Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине за восемнадцать лет существования (исторический очерк) // Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин, 1938. Т. XII. С. 1–84.

² Юридический факультет в городе Харбине. (Историческая справка) // Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Тип. КВЖД, 1925. Т. 1. С. 214.

³ Известия Юридического факультета в Харбине. Т. I. С. 224.

⁴ Известия Юридического факультета в Харбине Т. VII. С. 468.

⁵ Никифоров Н.И. Оазис русской культуры // Рубеж. Харбин, 1934. 18 августа. № 34. С. 19.

⁶ Юридический факультет в городе Харбине. (Историческая справка) // Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Тип. КВЖД, 1925. Т. 1. С. 201-202

⁷ См. Хисамутдинов А. А. Профессор юриспруденции и востоковед В. А. Рязановский // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 136-142.

заслугу тот факт, что Владимир Александрович первым на европейских языках дал систематический обзор и анализ китайского гражданского права¹.

У истоков Юридического факультета стоял и выпускник Московского университета Н. В. Устрялов (1890–1938)². По научным работам и публикациям харбинского периода можно судить о государственно-правовых взглядах профессора Устрялова. В своей работе «Этика Шопенгауэра», исследуя воззрения немецкого ученого на право и государство, Устрялов позиционирует себя как сторонника естественного права, поддерживая вслед за А. Шопенгауэром тезис Г. Гроция о том, что «право есть то, что не есть несправедливость»³. Как ученый и политик Н.В. Устрялов обогатил юридическую науку, исследуя такую разновидность государственного режима, как фашизм. Изучая феномен итальянского и немецкого фашизма, Устрялов объяснял причины его появления социальными и национальными противоречиями, порожденными мировой войной 1914–1918 гг., падением престижа права в мировом сознании и реабилитацией ценностей внеправового и сверх правового порядка, а также неспособностью государств справиться с этим явлением «нормальными» правовыми путями⁴.

Видным представителем ЮФХ был также Г. К. Гинс (1887–1971), проработав в стенах этого учебного заведения от начала и до конца⁵. Сфера научных интересов Георгия Константиновича в харбинский период была обширна – от водного права, исследование которого послужило основой для подготовки его магистерской диссертации, до проблем солидаризма. Для завершения диссертации Гинс получил годичный отпуск и уехал в Париж, где в Испытательной комиссии при Русской Академической группе в 1929 г. состоялась публичная защита его диссертации на тему: «Водное право и предметы общего пользования»⁶.

По возвращению из Европы, Гинс обращается к проблеме солидаризма, с которой познакомился во Франции. В книге «На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму» (1930), а также в более поздних трудах он стремился обосновать идею солидаризма, рассматривая ее как основу гармонизации государственных и индивидуальных правоотношений. Исследуя феномен солидаризма, Г. К. Гинс ввел понятие согласительного, или регулятивного, права, которое, по его мнению, должно было стать основой перехода от одного общественного порядка к другому, основой прогресса⁷.

Окончательно сформировал свою правовую позицию Г.К. Гинс в объемном и информационно насыщенном труде «Право и культура. Процессы формирования и развития права» (1938), в котором анализируются практически все этапы, связанные с формированием, развитием, оформлением и закреплением права, правовых идей и систем⁸.

Будучи учеником Леона Петражицкого, лекции которого Гинс слушал еще студентом Санкт-Петербургского университета, Георгий Константинович, оставаясь на позициях психологической школы права, строил свою концепцию исходя из тезиса, что право это продукт социальной культуры, адекватно отражающий уровень развития любого общества. По мнению Гинса, задача науки юриспруденции заключается в том, чтобы установить связь права с другими явлениями культуры, в частности, социальной психологией и нравственностью. Эта взаимосвязанность права и культуры поможет значительно расширить и углубить понимание процессов развития права, подготовит создание науки политики права и даст возможность обществу руководить правовым прогрессом.

Среди профессуры Юридического факультета заметно выделялся Матвей Николаевич Ершов (1886 – не ранее 1935) – талантливый ученый, внесший весомый вклад в развитие идей философии права и ценности юридического образования.

С осени 1926 г. Ершов начал работать доцентом кафедры энциклопедии права и истории философии ЮФХ⁹. Он читал лекционные курсы «История философии права», «Введение в философию», «Народное хозяйство Китая» и «Церковь и Государство в их взаимоотношениях». Педагогическая деятельность М.Н. Ершова активно переплеталась с плодотворной научной работой. За годы, проведенные в Харбине, Ершовым было напечатано десятки исследовательских трудов, в т.ч. «Ценность юридического

¹ Рязановский В.А. Монгольское право и сравнительное правоведение // Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Отд. Тип. КВЖД, 1929. Т. VII. С. 287–302.

² Официальный отдел. Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Отд. Тип. КВЖД, 1929. Т. VII. С.477.

³ Устрялов Н.В. Этика Шопенгауэра // Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Тип. «Заря», 1927. Т. IV.

⁴ Устрялов Н.В. Германский национал-социализм // Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин: Тип. Н.Е. Чинарева, 1933. Т. X. С. 21.

⁵ См.: Guins, George C. Professor and Government Official: Russia, China and California. An Interview Conducted by Boris Raymond. Berkley: University of California, 1966.

⁶ См.: Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине за восемнадцать лет существования (исторический очерк) // Известия Юридического факультета в Харбине. Харбин, 1938. Т. XII. С. 1-84.

⁷ Гинс Г.К. От либерализма к солидаризму. На путях к государству будущего. Харбин: Тип. Н.Е. Чинарева, 1930.

⁸ См.: Право и культура / Г. К. Гинс; науч. ред. В. М. Баранов. М.: Юрлитинформ, 2012.

⁹ Российское научное зарубежье. Материалы для библиографического словаря. Вып. 4. Юридические науки. XIX – первая пол. XX в. / Авт.-сост. М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 71.

образования», «Политические идеалы А.Д. Градовского», «Борьба в мире идей», «Школа и умственное движение в современном Китае»¹.

На юрфаке в Харбине работал и Георгий Густавович Тельберг (1881 – 1954), преподававший международное право и опубликовавший ряд работ, среди которых: «Судебники великого князя Ивана III и царя Ивана IV», «Идея войны в новом международном праве»².

После оккупации Маньчжурии Японией и образования марионеточного государства Маньчжоу Го, продажи КВЖД и массовым отъездом русского населения из Харбина, число студентов на факультете уменьшилось и тем самым свело на нет перспективы для дальнейшего существования этого учебного заведения. В 1937 г. Юридический факультет в Харбине прекратил свою деятельность окончательно, внося заметный вклад в интеллектуальную жизнь Русского Зарубежья, поскольку дал солидную подготовку целому ряду молодых эмигрантов, которые впоследствии продолжили образование в других странах, главным образом в США. Уровень исследований был столь велик, что вклад факультета в науку сохраняет свою актуальность и по сей день³.

Русское юридическое зарубежье 20-40-х годов прошлого века смогло сохранить и преумножить традиции отечественного высшего юридического образования. Юридическая наука за рубежом продолжала разработку политико-правовых проблем, недоступных для исследователей в Советской России. Более ощутимым было влияние новых течений западной юридической мысли на русскую юридическую эмиграцию, хотя эти веяния ощущались и в самой России. Собственно российская правовая традиция не прерывалась ни на родине, ни в диаспоре, русские правоведы обучали студентов и писали научные труды, основываясь на принципах государственной, психологической, социологической и других школ. Их идеи и публикации легли в основу дальнейшего развития как отечественной, так и зарубежной юриспруденции.

---

¹ См.: Пономарева В.П. Развитие идей естественного права в трудах Матвея Ершова // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 10. С. 148-152.

² Пономарева В.П. Профессор Г. Г. Тельберг как представитель русской зарубежной юридической мысли // История государства и права. 2013. № 5.

³ См.: Пономарева В.П. Юридический факультет в городе Харбине, 1920-1937: учебное пособие для магистратуры. Брянск: РИО БГУ, 2013.

Погодин Александр Витальевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета

Pogodin Alexander Vitalievich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: pgd13@bk.ru

Путинцев Андрей Владимирович

ассистент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета

Putintsev Andrey Vladimirovich

Assistant of the Department of Theory and History of State and Law Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: chiefdom@yandex.ru

**Метод, средство и ресурс в правореализации
(на примере национальной безопасности)**

**Method, means and resource in legal realization
(on the example of national security)**

Аннотация. Предлагается концептуальная переоценка категорий «правовое средство», «метод правового регулирования», «ресурс» через призму правореализации. Авторы отстаивают позицию, согласно которой «средство правового регулирования» должно быть понято как инструмент (социальное явление), относительно степени допустимости или обязательности использования которого субъектами практики (правореализаторами) имеется закрепленное объективным правом (правовым режимом) властное указание. Помимо закрепления самого средства, право закрепляет также способы использования этого средства в качестве диспозитивной нормы или императивной процедуры. Единство статично закрепленного в праве средства и динамики его правомерного использования субъектом правореализации авторами мыслится как метод правореализации, а его закрепление в праве – как метод правового регулирования социальных практик. Предлагается также выделять ресурсы практики, которые представляют собой социальные явления, косвенно влияющие на эффективность правореализации, а также внешние к конкретной социальной практике явления, урегулированные правовыми режимами иных социальных практик. Теоретическая конструкция иллюстрируется примерами из практики противодействия факторам-угрозам национальной безопасности. Также в познавательных целях предлагается классификация правовых средств в сфере национальной безопасности.

Ключевые слова: правовое средство; метод правового регулирования; правореализация; национальная безопасность; механизм правореализации; правовое регулирование; С.С. Алексеев; Ф.Н. Фаткуллин

Abstract. A conceptual reassessment of the categories "legal means", "method of legal regulation", "resource" through the prism of legal implementation is proposed. The authors defend the position according to which a "means of legal regulation" should be understood as an instrument (social phenomenon), regarding the degree of admissibility or obligatory use of which by the subjects of practice (law implementers) there is an imperative enshrined in objective law (legal regime). In addition to securing the means itself, the law also establishes the ways of using this means as a dispositive norm or mandatory procedure. The unity of the means statically fixed in law and the dynamics of its lawful use by the subject of legal realization is considered by the authors as a method of legal realization, and its consolidation in law – as a method of legal regulation of social practices. It is also proposed to allocate practice resources, which are social phenomena that indirectly affect the effectiveness of legal implementation, as well as

phenomena external to specific social practice, regulated by the legal regimes of other social practices. The theoretical structure is illustrated by examples from the practice of countering the factors-threats to national security. Also, for educational purposes, a classification of legal means in the field of national security is proposed.

Keywords: legal means; method of legal regulation; legal implementation; National security; mechanism of law enforcement; legal regulation; S.S. Alekseev; F.N. Fatcullin

Правореализация является неотъемлемым элементом общественно значимой практики. Через правореализацию осуществляется реальное правовое регулирование, формальное правовое регулирование, объективное право, например, практики материнского капитала, выборная практика, практика контртеррористической операции. Результативность правореализации зависит от многих факторов: правосознания субъектов, востребованности объектов-ценностей практики, документооборота, эффективности правоохранителей и государственного управления в целом.

Правовая реальность, рассмотренная с позиции правореализатора, выглядит несколько иначе чем с традиционной для российской юриспруденции точки зрения правотворческих органов¹. Особое место в такой картине правовой реальности занимают средства, методы и ресурсы. Средства-методы и ресурсы характеризуют на что имеет право, что может, не может, обязан использовать тот или иной субъект правореализации, и характеризует материальную, фактическую сторону правового режима, ту социальную действительность, которой нужно придать юридическое значение.

В данной сфере возникает тонкая терминологическая грань, связанная с введенной в юридическую науку С. С. Алексеевым и его сторонниками категорией «правовое средство» как «инструмент правового регулирования»². В этой концепции правовое средство прежде всего представляет собой любое правовое явление (социальное явление, отраженное в юридических конструкциях объективного права), взятое в разрезе вовлеченности в процесс правового регулирования. С точки зрения правотворческих органов такое видение проблемы уместно и имеет практическую ценность. В процессе формулирования государственной воли и ее властного закрепления используются те или иные юридические явления, правовые нормы и правоотношения, формы права как способ внешнего текстуального выражения их содержания, способность обладающих волей и сознанием субъектов к их восприятию, формализованные правила толкования, правотворчества и правоприменения, документарные и конклюдентные способы правореализации и правоприменения, формализованные акты, закрепляющие волю правоприменителей и правореализаторов. Однако по существу эти явления лишь опосредуют способ функционирования тех или иных компонентов механизма правового регулирования. Итоговое регулятивное воздействие на общественные отношения имеет предоставление в распоряжение правореализаторов и правоприменителей тех или иных элементов социальных практик, снабженных властным указанием на возможность, необходимость, недопустимость или степень желательности их использования. Таким образом, правовое средство должно быть понято как пригодное, непригодное, или желательное с точки зрения права к использованию в данной практике явление.

Конечной целью правового регулирования является правореализация, и для правореализатора не имеет большого значения «язык программирования», который использует законодатель для формулирования правового режима. Гораздо важнее правовое закрепление конкретных инструментов, пригодных для использования в своих интересах в конкретной жизненной ситуации. Это тоже можно назвать «правовыми средствами», с некоторыми оговорками, в значении «средства, закрепленные в праве». Что же касается правовых средств в понимании, предложенном С. С. Алексеева, целесообразнее исходя из их содержания использовать термин «средства правового регулирования». Средства, взятые в единстве со способами их использования, можно обозначить как метод, который предписан законодателем для участников той или иной социальной практики, и одновременно именно такое властное указание является, по существу, методом правового регулирования.

Учитывая многообразие социальных практик и их элементов, следует на терминологическом уровне отразить значимость тех или иных элементов для конкретной социальной практики. Необходимо учитывать два обстоятельства: отношение к того или иного явления к практике (внешнее условие или внутренний элемент, урегулировано правовым режимом конкретной практике или только учитывается им) и его значимость для практики (необходимый или желательный элемент). Взятые в разрезе правореализационной практики, социальные явления выполняют определенную функцию, имеют свое целевое предназначение в режиме. Такое предназначение может заключаться как в достижении цели всего правового режима, так и вспомогательный характер. Желательные для использования или внешние по отношению к социальной практике социальные явления, на которые субъект правореализации не может вообще либо напрямую влиять через предусмотренные правовым режимом данной конкретной социальной практики методы, мы предлагаем называть ресурсами практики. Ресурсы могут иметь как объективно-

¹ Решетов Ю.С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. С. 11.

² Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12-19.

социальный (например, объемы доступного бюджетного или внебюджетного финансирования), так и юридический (например, инвестиционный климат, степень эффективности правосудия) характер. Исходя из изложенного, можно в познавательных целях выделять связку средство-метод и ресурс как самостоятельные элементы практики. Рассмотрим применение предлагаемой объяснительной схемы к практике противодействия факторам-угрозам национальной безопасности.

В самом общем виде **средство противодействия** можно определить как социальные явления, в силу своих свойств пригодные для использования компетентными субъектами в целях противодействия факторам-угрозам национальной безопасности. Нужно понимать, что во многих случаях способность противостоять конкретному фактору-угрозе – лишь одно из многих возможных свойств социального явления, используемого в качестве средства противодействия. Статический правовой режим (содержание правовых норм) противодействия конкретному фактору-угрозе национальной безопасности устанавливает соответствие между угрозой и противодействием и вписывает его в правовую материю через средства противодействия – явления, непосредственно используемые для противодействия угрозе национальной безопасности, и ресурсы – факторы, положительно влияющие на процесс противодействия угрозам национальной безопасности, но имеющие иное целевое назначение и урегулированные другими правовыми режимами.

Поясним нашу мысль на примерах. Во-первых, такая угроза национальной безопасности как коррупция характеризуется латентностью коррупционных правонарушений. Невозможность отследить действия или бездействия приводит законодателя к решению отследить возможные последствия коррупционных правонарушений, а именно – незаконно полученный доход. Статья 8 федерального закона «О противодействии коррупции» предусматривает обязанность декларирования – отчета должностных лиц и их близких родственников о доходах¹. Такой отчет является средством противодействия коррупции. Этот инструмент используют уполномоченные субъекты (кадровые службы, которые могут направить материал в правоохранительные органы, кроме того, декларации публикуются в сети «Интернет», с ними может ознакомиться любой заинтересованный гражданин)². Конкретизирующие нормы, инструкции заполнения деклараций могут быть рассмотрены как способ использования данного инструмента (средства). В то же время признание приобретения дохода преступным, как того требует статья 20 Конвенции ООН против коррупции³, непригодно к использованию в законодательстве РФ, поскольку размывает уголовно-правовой принцип презумпции невиновности.

Во-вторых, при осуществлении контртеррористической операции используются специфические технические средства (оружие). Аналогично, специфическая техника используется для профилактики совершения терактов (например, металлоискатели). Данные средства, обеспечивая достижение целей правового режима противодействия соответствующим факторам-угрозам, применяются по определенным алгоритмам-способам (утвержденным в подзаконных актах) и процедурам (закрепленным на законодательном уровне).

Ресурсы также представляют собой социальные явления, используемые в качестве средств противодействия, однако они либо закреплены иным правовым режимом, либо объективно влияют на осуществление режима в качестве условий, только называясь или подразумеваясь правовыми нормами. Например, денежное довольствие военнослужащих напрямую не связано с обеспечением национальной безопасности, по своему социальному назначению обеспечивая возможность физического существования служащего и его семьи, удовлетворения его материальных последствий. Для расчета норм обеспечения довольствием военнослужащих используются методы и способы, предусмотренные служебным правом. Тем не менее сложно отрицать, что в момент правореализации материальная обеспеченность и наличие социальных гарантий влияют на эффективность и решительность действий военнослужащего. Тогда как используемые тактические средства и процедуры напрямую влияют на эффективность реализации правового режима, так же, как и квалификация и личностные качества личного состава. Исходя из изложенного, кадры представляют ресурс обеспечения безопасности. К ресурсам можно отнести и информацию. Так, например, информация представляет собой ресурс, который упрощает выявление проявлений угроз национальной безопасности. Например, в отсутствие информации о деятельности террористической организации этой угрозе можно противодействовать, однако наличие информации играет роль условия, существенно повышающего эффективность противодействия конкретной угрозе национальной безопасности. Также имеет значение наличие или отсутствие необходимой информации (например, о правилах поведения при теракте, о целях введения чрезвычайного положения и т. д.) у иных участников общественных отношений.

Документы в сфере обеспечения национальной безопасности содержат определения средств обеспечения того или иного вида безопасности. Так, например, Концепция общественной безопасности РФ под средствами обеспечения общественной безопасности понимает технологии, а

¹ О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2021).

² *Фаткуллин Ф.Н.* Проблемы теории государства и права. Курс лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 9-11.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2021).

также технические, программные, лингвистические, правовые и организационные средства, включая телекоммуникационные программы и автоматизированные системы управления процессами, используемые для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии общественной безопасности и мерах по ее укреплению (пп.д) п. 5)¹. Тем не менее правовые средства упоминаются в данном определении лишь в ряду других средств, что может быть связано с узкой, теоретической трактовкой правового средства как элемента правового регулирования либо как собственно правовых процедур, завершающихся формированием формально-юридических документов.

Основой **классификации** правовых средств и методов является их природа – то есть природа связанных с ними социальных реалий. Вслед за А. В. Погодиным мы склонны выделять кадровые, информационные, имущественные, экономические, финансовые средства и ресурсы противодействия факторам-угрозам национальной безопасности². Данная классификация в первую очередь затрагивает не юридический, а социально-онтологический аспект правовых средств.

Более значимой для юридического анализа является классификация, согласно которой средства можно подразделить на демократические и авторитарные³.

Для эффективной деятельности недопустимо априорное решение вопроса о выборе правовых средств исходя из отвлеченных идеологических принципов приоритета демократических начал над авторитарными. Очевидно, что правовые средства имеют такой критерий как эффективность. Так, демократические средства эффективны в профилактике угроз в области управления, тогда как авторитарные – в сложной обстановке, требующей принятия оперативных решений. Именно поэтому правовой режим чрезвычайного положения, например, предполагает преимущественное применение императивных, авторитарных средств.

Наконец, правовые средства противодействия факторам-угрозам национальной безопасности находятся во взаимоотношении с другими правовыми средствами (которые могут рассматриваться как ресурсы), в сложном сочетании друг с другом образуя многообразную юридическую практику в области национальной безопасности.

Также понятно, что один и тот же метод может использоваться в правовых режимах противодействия разным факторам-угрозам национальной безопасности в зависимости от степени его конкретизации. Так, например, контроль характерен для противодействия разным угрозам национальной безопасности, однако декларирование – специфичная форма контроля, применяется в противодействии коррупции.

Еще одним подходом к классификации правовых средств противодействия факторам-угрозам национальной безопасности может быть их деление на правомерные и неправомерные. Однозначно решаемые с теоретической точки зрения вопросы правомерности и неправомерности правовых средств в контексте национальной безопасности получают новое звучание. Поскольку национальная безопасность тесно связана с политикой, постольку неэффективность в данной сфере является нежелательной, что создает порой конфликт с правомерностью. Этот конфликт решается по-разному. В каких-то ситуациях создается как бы две пересекающиеся правовые реальности, как это имело место в случае с Гуантанамо, где отношения по получению информации о террористической деятельности как бы выводятся за пределы правового поля. С другой стороны, в некоторых правовых режимах предусматривается точка перехода между правом и политикой. Так правовая, например, оперативно-розыскная деятельность в интересах профилактики и пресечения правонарушений осуществляется на стыке правомерного и неправомерного, в рамках ее осуществления допустимы отклонения от законности, однако собранные в ее результате данные, представляя ценность для органов государства, не могут, тем не менее, использоваться в качестве доказательств, если они были собраны не в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ст. 89)⁴. В каких-то ситуациях, как это имеет место быть, например, со сбиванием гражданского самолета, возможна юридизация сомнительных, но эффективных решений⁵. В этом можно видеть особую правовую природу институтов безопасности.

Таким образом, взятая через призму теории правореализации традиционная концепция правового средства нуждается в коррекции. Изменяют свое содержание категории правового средства (средство-социальное явление, закрепленное в праве и доступное для правореализатора), метод правового регулирования (закрепление сочетания средства и способа его использования), ресурсы (незакрепленные в праве либо урегулированные правовыми режимами других социальных практик факторы-социальные явления, влияющие на эффективность правореализации).

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2021).

² Погодин А.В. Демократически-правовые и авторитарно-правовые методы социально-правового государства (на примере Российской Федерации) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 2. С. 30-39.

³ Погодин А.В. Элементы теории правореализации: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2014. С. 238-239.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.11.2021).

⁵ Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Курс лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 9.

Поляков Сергей Борисович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, адвокат

Polyakov Sergei Borisovich

Doctor of Juridical Science, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Perm State University, lawyer

E-mail: psb59@rambler.ru

Структурный анализ норм права для установления и преодоления коллизий норм права

Structural analysis of legal norms for determination and overcoming legal norm collisions

---

Аннотация. В статье показано использование структурного анализа норм права, предлагаемых участниками юридического дела для взаимоисключающего решения. Сравнение элементов логических норм, противоречиво предлагаемых к применению, установление логического вида соотношений элементов позволяет сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии коллизии между нормами, о виде установленной коллизии и основаниях ее преодоления. Приводятся примеры такого анализа по судебным решениям и получения результатов для углубления представлений о коллизиях норм права, создания рецептов их установления и преодоления.

Ключевые слова: коллизия, норма права, адресат предписания, диспозиция, гипотеза, соотношение понятий

Abstract. In the article, it is shown how to apply a structural analysis of legal norms, which are used for an alternative decision by case participants. Comparison of elements of logical model of legal norms, which are inconsistently suggested for usage, determination of type of logical relation elements, allows to draw a valid conclusion about presence or absence of a collision between norms, the collision type, and grounds for its overcoming. The author gives examples of this analysis application to court decisions and results obtained. The latter can deepen the conception of legal norm collisions and help to create formulae for their determination and overcoming.

Keywords: collision, legal norm, precept recipient, disposition, hypothesis, correlation of notions

---

В юридических делах нередко ситуации, когда стороны ссылаются на нормы права с противоположными исключающими друг друга предписаниями, т. е. утверждают о коллизии норм права. В таких случаях правоприменитель, прежде всего, должен решить вопрос, действительно ли существует коллизия между нормами права, заявленными участниками дела для применения в нем. Мы писали, что о наличии коллизии можно утверждать в двух случаях:

– когда для возникновения тождественных дозволенных, обязательных или запрещенных одному адресату действий (тождество диспозиций) нормы устанавливают разные фактические составы (различие гипотез);

– когда при тождественных фактических составах (тождество гипотез) для одного адресата нормы устанавливают разные действия (противоположность диспозиций): право, а не обязанность на их совершение; запрет, а не право на совершение действий и т. д.

Поэтому для ответа о наличии или отсутствии коллизии норм права необходимо осуществить структурный анализ сравниваемых норм права, а именно вывести из текстов сопоставляемых положений НПА

– характеристики понятий адресата предписаний,
– описание содержащихся в них дозволенных, обязательных, запрещенных деяний тождественных адресатов (диспозиции норм),

– перечень юридических фактов, образующих фактические составы, порождающие, изменяющие, прекращающие предписанное деяние (гипотезы норм).

Если предписания адресованы разным субъектам (несовместимые понятия), то коллизии между такими предписаниями нет¹.

Мы придерживаемся позиции, что «с практической точки зрения решения юридических дел нормативно-правовым предписанием следует считать часть нормы права в виде модели дозволенного, обязательного, запрещенного деяния, адресованного одной стороне правоотношения, в то время как норма права, обладая предоставительно-обязывающим характером, совмещает предписания для обеих сторон правоотношения. Как и норма права, нормативно-правовое предписание может содержаться в разных нормативных правовых актах и их частях и в разных формах права»².

Из структурного анализа сравниваемых норм права рождаются решения по преодолению действительных коллизий норм права. Постоянное использование названного метода при анализе судебных решений по делам, в которых участники дела заявляли о коллизиях норм права, вместо отрывочных представлений о них позволяет определить правильность решений по рассматриваемому вопросу, увидеть варианты коллизий, для которых нет общепризнанных правил их преодоления. Примеры такого анализа и получение результатов для углубления представлений о коллизиях норм права, создания рецептов их установления и преодоления приводятся далее³.

1. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением Челябинского областного суда от 15.01.2019 по делу № 11-599/2019, удовлетворен иск К.А., М.С. к банку о признании кредитной задолженности погашенной, обязательств – прекращенными.

Между заемщиками К.А., М.С. и банком был заключен кредитный договор в размере 770 000 руб. на приобретение квартиры. Обеспечением исполнения обязательств заемщиков по кредитному договору была ипотека (залог) в силу закона указанной квартиры.

Заемщики не выполнили свои обязательства. Решением суда по другому делу удовлетворен иск банка. Взыскана задолженность по кредитному договору в размере 966 034,87 руб., проценты за пользование заемными средствами. Обращено взыскание на квартиру, приобретенную заемщиками за счет кредитных средств.

В связи с тем, что арестованное имущество должника в установленный законом срок не реализовано специализированной организацией, взыскатель (банк) изъявил согласие в принятии нереализованного арестованного имущества в счет погашения долга по исполнительным документам. Нереализованная квартира передана взыскателю по цене 870 000 руб.

К.А., М.С. обратились в суд с исковыми требованиями к банку о признании кредитной задолженности погашенной, обязательств прекращенными. Юридическим основанием иска были положения п. 5 ст. 61 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)" (в редакции, действовавшей на дату передачи квартиры взыскателю): «Если предметом ипотеки, на который обращается взыскание, является принадлежащее залогодатель-физическому лицу жилое помещение, переданное в ипотеку в обеспечение исполнения заемщиком-физическим лицом обязательств по возврату кредита или займа, предоставленных для целей приобретения жилого помещения, обязательства такого заемщика-физического лица перед кредитором-залогодержателем прекращаются, когда вырученных от реализации предмета ипотеки денежных средств либо стоимости оставленного залогодержателем за собой предмета ипотеки оказалось недостаточно для удовлетворения всех денежных требований кредитора-залогодержателя, с даты получения кредитором-залогодержателем страховой выплаты по договору страхования ответственности заемщика и (или) по договору страхования финансового риска кредитора. При этом в случае признания страховщика банкротом обязательства заемщика-физического лица перед кредитором-залогодержателем прекращаются с даты реализации предмета ипотеки и (или) оставления кредитором-залогодержателем предмета ипотеки за собой».

Возражения ответчика были основаны на положениях п. 3 ст. 334 ГК РФ: «Если иное не предусмотрено законом или договором, при недостаточности суммы, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество, для погашения требования залогодержатель вправе удовлетворить свое требование в непогашенной части за счет иного имущества должника, не пользуясь преимуществом, основанным на залоге».

Если сумма, вырученная в результате обращения взыскания на заложенное имущество, превышает размер обеспеченного залогом требования залогодержателя, разница возвращается залогодателю. Соглашение об отказе залогодателя от права на получение указанной разницы ничтожно».

В апелляционном определении было указано, что общие правила о залоге применяются к ипотеке в случаях, когда ГК РФ или законом об ипотеке не установлены иные правила.

¹ Поляков С.Б. Алгоритм определения коллизии норм права в правоприменении // Юридическая техника. Н. Новгород, 2017. № 11. С.271–279; Поляков С.Б., Гилев И.А. Алгоритмы судебного решения. Пермь, 2020. С. 80–115; Поляков С. Б., Гилев И. А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 462–487.

² Трапезникова Е. В. Практический аспект понятия «нормативно-правовое предписание» // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С.26.

³ Проанализированные судебные акты содержатся в СПС «КонсультантПлюс».

На основании п. 3 ст. 1 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" общие правила о залоге, содержащиеся в Гражданском кодексе РФ, применяются к отношениям по договору об ипотеке в случаях, когда указанным Кодексом или настоящим Федеральным законом не установлены иные правила.

В соответствии с общими принципами права в случае коллизии норм, регулирующих одни и те же общественные отношения, применению подлежат нормы закона, принятого по времени позднее, при условии, что в нем не установлено иное. Кроме того, при конкуренции специального и общего законов, регулирующих одни и те же общественные отношения, применению подлежат нормы специального закона.

При конкуренции положений ГК РФ и Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" подлежат применению положения п. 5 ст. 61 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)", как нормы специального закона¹.

Такая аргументация обязывает установить соотношение общей и специальной норм, названных участниками спора.

Сравнительный анализ логических норм, содержащихся в п. 3 ст. 334 ГК РФ и п. 5 ст. 61 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)".

Исходя из предмета иска, следует определить наличие у истца права на прекращение обязательства заемщика, обеспеченного ипотекой (залогом) квартиры.

В п. 3 ст. 334 ГК РФ адресатом предписания о прекращении обязательства указывается залогодатель-должник без характеристик предмета залога.

В п. 5 ст. 61 Закона об ипотеке адресатом предписания о прекращении обязательства указывается заемщик-физическое лицо, передавшее жилое помещение в ипотеку в обеспечение исполнения обязательства (залогодатель).

Понятия адресата в п. 3 ст. 334 ГК РФ и в п. 5 ст. 61 Закона об ипотеке находятся в отношении подчинения: первое – подчиняющее, второе – подчиненное (полностью входит в объем первого). Это является предпосылкой отношения общей и специальной (содержащей подчиненное понятие) нормы.

Диспозиция нормы, названной истцом (1): обязательства заемщика – физического лица перед кредитором-залогодержателем прекращаются (п.5 ст.61 Закона об ипотеке).

Диспозиция нормы, названной ответчиком (банком) (2), не предусматривает прекращение обязательств залогодателя. Право залогодателя на разницу между суммой, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество и размером обеспеченного залогом требования залогодержателя является предписанием для иных условий, чем указаны в первом абзаце п. 3 ст. 334 ГК РФ и в п. 5 ст. 61 Закона об ипотеке.

В диспозициях существует различие.

Гипотезы (юридические факты) норм, названных сторонами:

При недостаточности суммы, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество (п. 3 ст. 334 ГК РФ).

В это понятие полностью входит понятие, содержащееся в п. 5 ст. 61 Закона об ипотеке: вырученных от реализации предмета ипотеки денежных средств либо стоимости оставленного залогодержателем за собой предмета ипотеки оказалось недостаточно для удовлетворения всех денежных требований кредитора-залогодержателя.

Жилое помещение как предмет залога (п.5 ст.61 Закона об ипотеке) полностью входит в понятие «заложенное имущество» (п. 3 ст. 334 ГК РФ)

Поскольку стороны не ссылались на обстоятельства за пределами совпадения перекрещивающихся объемов совокупности юридических фактов («Если иное не предусмотрено законом или договором» – п. 3 ст. 334 ГК РФ; получение кредитором-залогодержателем страховой выплаты по договору страхования ответственности заемщика и (или) по договору страхования финансового риска кредитора; признания страховщика банкротом – п. 5 ст. 61 Закона об ипотеке), в существенных юридических фактах гипотезы тождественны. А указанные соотношения понятий, содержащихся в гипотезах, указывают на специальную норму, содержащуюся в п. 5 ст. 61 Закона об ипотеке.

При различии диспозиций, тождестве в существенных условиях гипотез, соотношении соподчинения в понятиях адресатов и гипотез норм (все подчиняющие понятия в п.3 ст. 334 ГК РФ, все подчиненные понятия в п. 5 ст. 61 Закона об ипотеке) вывод суда о наличии коллизии норм права и определение ее вида представляется верным.

2. Решением Арбитражного суда Свердловской области от 18.10.2016 по делу № А60-35743/2016, оставленным без изменения Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2017 № 17АП-17842/2016-ГК и Постановлением Арбитражного суда Уральского округа от 17.05.2017 № Ф09-1969/17 частично удовлетворены требования Общества о взыскании с УМВД России по г. Екатеринбургу задолженности за поставленную тепловую энергию и теплоноситель, а также неустойки.

Общество полагало ошибочным вывод суда первой инстанции о начислении неустойки за нарушение обязательств в рамках спорных правоотношений на основании п. 5 ст. 34 Федерального закона

¹ Дело для анализа коллизий норм права на занятиях в магистратуре Пермского филиала ВШЭ и проблемные вопросы по нему предложены магистрантом Э.К. Матвеевой.

№ 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (далее – Закон № 44-ФЗ), считало правомерным начисление неустойки на основании п. 9.1 ст. 15 Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ "О теплоснабжении" (далее – Закон о теплоснабжении), устанавливающего больший размер пени.

Согласно ч. 9.1 ст. 15 Закона о теплоснабжении, потребитель тепловой энергии, несвоевременно и (или) не полностью оплативший тепловую энергию (мощность) и (или) теплоноситель по договору теплоснабжения, обязан уплатить единой теплоснабжающей организации (теплоснабжающей организации) пени в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки начиная со следующего дня после дня наступления установленного срока оплаты по день фактической оплаты.

Согласно п. 5 ст. 34 Закон № 44-ФЗ, в случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, а также в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе потребовать уплаты неустоек (штрафов, пеней). Пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения обязательства, предусмотренного контрактом, начиная со дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства. Такая пеня устанавливается контрактом в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы.

Суд первой инстанции указал, что к спорным правоотношениям с учетом статуса их субъектов подлежат применению нормы Закона № 44-ФЗ и удовлетворил требование о взыскании неустойки частично.

Суд апелляционной инстанции признал ошибочными выводы суда первой инстанции о необходимости исчисления неустойки за неисполнение обязательств на основании положений Закона № 44-ФЗ. Апелляционный суд указал, что нормы Закона о теплоснабжении являются обязательными для применения всеми субъектами правоотношений по поставке тепловой энергии, при этом учитывают статус субъектов этих отношений. Но размер присужденной судом первой инстанции неустойки оставил тот же путем применения ст. 333 ГК РФ об уменьшении неустойки, исчисленной по ч. 9.1 ст. 15 Закона о теплоснабжении. Суд кассационной инстанции с этим согласился¹.

Сравнительный анализ логических норм, содержащихся в ч. 9.1 ст. 15 Закона о теплоснабжении и п. 5 ст. 34 Закона № 44-ФЗ в редакциях, действовавших на момент рассмотрения дела.

Адресаты обязанности уплатить неустойку:

1) Потребитель по ч. 9.1 ст. 15 Закона о теплоснабжении. Согласно п. 9 ст. 2 этого закона, потребитель тепловой энергии – лицо, приобретающее тепловую энергию (мощность), теплоноситель для использования на принадлежащих ему на праве собственности или ином законном основании теплопотребляющих установках либо для оказания коммунальных услуг в части горячего водоснабжения и отопления. Согласно ч. 2 ст. 13 этого закона, потребители, подключенные к системе теплоснабжения, заключают с теплоснабжающими организациями договоры теплоснабжения и приобретают тепловую энергию (мощность) и (или) теплоноситель по регулируемым ценам (тарифам) или по ценам, определяемым соглашением сторон договора теплоснабжения.

2) Заказчик по п. 5 ст. 34 Закона № 44-ФЗ. Согласно п. 7 ст. 3 этого закона, заказчик – государственный или муниципальный заказчик либо в соответствии с ч. 1 ст. 15 настоящего закона бюджетное учреждение, осуществляющие закупки. Согласно п. 3 этой же статьи, закупка товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд (далее – закупка) – совокупность действий, осуществляемых в установленном настоящим законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд.

Из приведенных признаков понятий адресатов в сравниваемых нормах права следует, что это совместимые понятия. Это направляет к анализу элементов сравниваемых норм.

Диспозиции предписаний для потребителя и заказчика:

1) обязанность уплатить неустойку в размере 1/130 ставки рефинансирования ЦБ РФ, согласно ч. 9.1 ст. 15 Закона о теплоснабжении;

2) обязанность уплатить неустойку в размере 1/300 ставки рефинансирования ЦБ РФ, согласно п. 5 ст. 34 Закона № 44-ФЗ.

Следовательно, диспозиции содержат различия. Разный размер неустойки означает несовместимость обязанностей (величины размера в нормах – понятия, соподчиненные к понятию неустойка), а не отношение подчиняющего и подчиненного понятий.

Гипотезы тождественные: неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства.

Следовательно, выводы судов о коллизии норм обоснованны. Однако, выводы о виде коллизии и способе ее определения в судебных актах отсутствуют. Формулировка из постановления суда кассационной инстанции: «нормы Закона о теплоснабжении являются обязательными для применения всеми

¹ Дело для анализа коллизий норм права на занятиях в магистратуре Пермского филиала ВШЭ и проблемные вопросы по нему предложены магистрантом С.Г. Петуховым.

субъектами правоотношений по поставке тепловой энергии, при этом учитывают статус субъектов этих отношений», – дает основание считать, что суды апелляционной и кассационной инстанции применили общую норму против специальной, что противоречит общепризнанному правилу преодоления коллизии (конкуренции) общей и специальной норм.

Отношение общей и специальной нормы существует тогда, когда в них содержится подчиняющее (в общей норме) и подчиненное, т. е. полностью входящее в объем первого, понятия (в специальной норме).

«Потребитель тепловой энергии» более широкое понятие, чем «заказчик тепловой энергии» по смыслу Закона № 44-ФЗ, в котором под заказчиком понимаются государственный или муниципальный заказчик. В то время как под потребителями тепловой энергии понимаются не только государственные или муниципальные органы власти и учреждения. При таком соотношении понятий прав суд первой инстанции, определивший специальной нормой (содержащей подчиненное понятие) п. 5 ст. 34 Закона № 44-ФЗ.

С другой стороны, понятие заказчик по п. 5 ст. 34 Закона № 44-ФЗ включает в себя субъектов, осуществляющих закупки не только тепловой энергии, но и других товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. В то время, как «потребитель тепловой энергии» ограничивается приобретением одного вида товара. С этой точки зрения подчиненным является последнее понятие. При таком соотношении правы суды апелляционной и кассационной инстанций, хотя и не определившие явно специальной нормой (содержащей подчиненное понятие) ч. 9.1 ст. 15 Закона о теплоснабжении.

К сожалению, в анализируемых судебных актах нет анализа понятий, содержащихся в нормах, содержащих несовместимые предписания. Может быть, этим объясняется «соломоново решение»: взыскать неустойку по ч. 9.1 ст. 15 Закона о теплоснабжении, но снизить ее до размера по п. 5 ст. 34 Закона № 44-ФЗ, применив ст. 333 ГК РФ. Проанализированные выше судебные акты не предложили судебным прецедентом правила преодоления противоречащих соотношений понятий в коллидирующих нормах права для вывода о том, какая из них содержит специальную норму. А проблема насущная.

3. Постановлением судьи Гуковского городского суда Ростовской области от 18.12.2017 по делу № 5-405/2017 З. привлечен к административной ответственности по ч. 3 ст. 15.15.3 КоАП РФ с наложением административного штрафа.

3. оспаривал привлечение к административной ответственности в связи с истечением срока давности, ссылаясь на ч.3 ст.4.5 КоАП. На момент рассмотрения дела она предусматривала: «За административные правонарушения, влекущие применение административного наказания в виде дисквалификации, лицо может быть привлечено к административной ответственности не позднее одного года со дня совершения административного правонарушения, а при длящемся административном правонарушении – одного года со дня его обнаружения».

Санкция ч. 3 ст. 15.15.3 КоАП РФ предусматривала возможность назначения наказания в виде дисквалификации.

Датой совершения административного правонарушения суд установил 14.12.2016, т. е. на момент вынесения постановления прошел год со дня совершения административного правонарушения.

Суд признал доводы 3. и его защитника несостоятельными по следующим основаниям.

Объектом правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 15.15.3 КоАП РФ, являются общественные отношения, регулируемые бюджетным законодательством. Согласно ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, по делам, связанным с нарушением бюджетного законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, постановление не может быть вынесено по истечении двух лет со дня совершения административного правонарушения.

Анализ ч.3 ст.4.5 КоАП и положений закона, регулирующих порядок исчисления сроков давности привлечения к ответственности, применимо к статье 15.15.3 КоАП РФ свидетельствует о наличии коллизии правовых норм. По смыслу закона, в таких случаях необходимо руководствоваться общепринятыми положениями коллизионного права, согласно которым применению подлежат нормы закона, принятого по времени позднее, при условии, что в нем не установлено иное. Федеральным законом от 30.12.2001 № 195-ФЗ принят Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, содержащий в себе часть 3 статьи 4.5 в редакции, действующей на момент рассмотрения дела. В положения ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ с момента принятия названного Кодекса внесены изменения, касающиеся увеличения сроков давности привлечения к административной ответственности за конкретные категории правонарушений. Федеральным законом от 23.07.2013 № 252-ФЗ "О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации", для реализации принципов соразмерности и неотвратимости наказания, в ч.1 ст.4.5 КоАП РФ внесены изменения, устанавливающие двухгодичный срок давности привлечения к административной ответственности за правонарушения в сфере бюджетных правоотношений. Таким образом, в данном деле об административном правонарушении положения ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, будут являться приоритетными по отношению к положениям ч. 3 ст. 4.5 КоАП РФ.

Итак, суд против ч.3 ст.4.5 КоАП РФ решил применить ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ о сроках давности по делам, связанным с нарушением бюджетного законодательства¹.

¹ Дело для анализа коллизий норм права на занятиях в магистратуре Пермского филиала ВШЭ и проблемные вопросы по нему предложены магистрантом Н.П. Петуховой.

Сравнительный анализ логических норм, действовавших в редакциях ч. 1 и ч. 3 ст. 4.5 КоАП РФ на момент рассмотрения дела.

Адресаты обеих норм определяются с одной стороны – органа, рассматривающего дело об административном правонарушении, в данном случае суд. Здесь очевидно тождество, что направляет к анализу элементов сравниваемых норм.

По «зеркальной обратной связи» дозволений и запретов: либо то, либо другое¹ диспозицию предписания для суда можно определить двояко, тем более из-за употребляемых в ч. 1 и ч. 3 ст. 4.5 КоАП РФ глаголов: как запрет («Постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено» – ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ) либо как право («лицо может быть привлечено к административной ответственности» – ч. 3 ст. 4.5 КоАП РФ) при обратных фактических составах. Для запрета в данном случае необходимы положительные отрицательные факты, для права – отрицательные. Последние формулируются более сложно. Поэтому, а также из-за интереса лица, выражаемого в корреспондирующем суду предписании – право на освобождение от административной ответственности – диспозиция, адресованная суду, формулируется как запрещающая выносить постановление по делу об административном правонарушении по истечении определенного срока.

Диспозиция нормы, определенной судом (1): запрет выносить постановление по делу об административном правонарушении по истечении двух лет.

Диспозиция нормы, на которую ссылался З. (2): запрет выносить постановление по делу об административном правонарушении по истечении года.

Между диспозициями существует различие.

Гипотеза для диспозиции 1: альтернативный юридический факт – правонарушения в сфере бюджетных правоотношений (ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ). Юридические факты, связанные с санкцией за правонарушение не предусмотрены.

Гипотеза для диспозиции 2: любой из юридических фактов, характеризующих объект правонарушения, в том числе в сфере бюджетных правоотношений, + юридический факт, связанный с санкцией за правонарушение: дисквалификация (ч.3 ст.4.5 КоАП РФ).

Таким образом, и между гипотезами существует различие. Следовательно, коллизии нет. Вывод суда о наличии коллизии ошибочен, не аргументирован сравнением содержания норм права.

Следовало применять ту норму права, гипотеза которой соответствовала фактическим обстоятельствам дела, т. е. в соответствии с гипотезой 2 применять диспозицию (2): запрет выносить постановление по делу об административном правонарушении по истечении года.

Ошибочность постановления суда подчеркивается изменением редакции ч. 3 ст. 4.5 КоАП РФ Федеральным законом от 26.07.2019 № 220-ФЗ (после вынесения рассмотренного постановления суда), которая сейчас устанавливает: «Если частью 1 настоящей статьи не предусмотрен более длительный срок давности привлечения к административной ответственности, за административные правонарушения, влекущие применение административного наказания в виде дисквалификации (за исключением административных правонарушений, предусмотренных частью 6 настоящей статьи), лицо может быть привлечено к административной ответственности не позднее одного года со дня совершения административного правонарушения, за административные правонарушения, предусмотренные частью 6 настоящей статьи, – со дня вынесения решения, указанного в части 6 настоящей статьи, а при длящемся административном правонарушении – не позднее одного года со дня его обнаружения)».

Адресаты предписаний, диспозиции, гипотеза 1 не изменились. А гипотеза 2 изменилась. Фактический состав, предусмотренный ею, – обязательная совокупность следующих юридических фактов:

– санкция за правонарушение, к которой привлекается лицо, предусматривает дисквалификацию;

– за правонарушение, к которой привлекается лицо, по признаку объекта правонарушения частью 1 ст. 4.5 КоАП РФ не предусматривается более длительный, чем в ч. 3 ст. 4.5 КоАП РФ, срок давности привлечения к административной ответственности (отрицательный юридический факт для возникновения запрета суду).

Коллизии между нормами, которую называл З. и суд, опять нет. Но фактические обстоятельства дела З. уже не соответствуют гипотезе 2 из-за наличия нового юридического факта, который не был предусмотрен в КоАП РФ на момент рассмотрения дела. Однако, дело З. рассматривалось не по новой редакции ч. 3 ст. 4.5 КоАП РФ, а потому он был привлечен к ответственности незаконно. Судья предвосхитил законодателя в своей аргументации. Притом, что, согласно ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ, лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

Началась ошибка с вывода о наличии коллизии между нормой, согласно которой, по мнению З. должно было быть решено дело, и нормой, гипотеза которой не соответствует фактическим обстоятельствам дела. Но именно последняя применена судом под видом преодоления коллизии норм права.

4. Решением арбитражного суда Челябинской области от 29.03.2021 по делу № А76-466/2021 откано в удовлетворении заявления предприятия (далее – заявитель) о признании незаконным и отмене

¹ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С.57, 66.

постановления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, за нарушение положений ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон № 173-ФЗ) при выплате заработной платы работникам-гражданам КНР (нерезидентам по смыслу Закона № 173-ФЗ) наличными денежными средствами.

Согласно ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, наказуемым является осуществление незаконных валютных операций, то есть валютных операций, запрещенных валютным законодательством Российской Федерации или осуществленных с нарушением валютного законодательства Российской Федерации, осуществление валютных операций, расчеты по которым произведены, минуя счета в уполномоченных банках.

Абзацем первым ч. 2 ст. 14 Закона № 173-ФЗ установлено: «Если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом, расчеты при осуществлении валютных операций производятся юридическими лицами – резидентами через банковские счета в уполномоченных банках, порядок открытия и ведения которых устанавливается Центральным банком Российской Федерации, а также переводами электронных денежных средств». Далее в ч. 2 ст. 14 Закона № 173-ФЗ указано, в каких случаях юридические лица – резиденты могут осуществлять расчеты с физическими лицами без использования банковских счетов в уполномоченных банках. Как указано в судебном решении: «Исчерпывающий перечень случаев, когда юридические лица-резиденты могут осуществлять расчеты с физическими лицами – нерезидентами в наличной валюте Российской Федерации без использования банковских счетов в уполномоченных банках, предусмотрен частью 2 статьи 14 Закона №173-ФЗ. Возможность осуществления такой валютной операции, как выплата резидентом физическому лицу-нерезиденту заработной платы или вознаграждения по договору возмездного оказания услуг наличными денежными средствами без открытия счета в уполномоченных банках валютным законодательством не предусмотрена, в перечень исключений, установленных законом, не входит».

Кроме этого, суд указал следующее.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 1 Закона №173-ФЗ резидентами признаются физические лица, являющиеся гражданами Российской Федерации, постоянно проживающие в Российской Федерации на основании вида на жительство, предусмотренного законодательством Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 1 Закона № 173-ФЗ валютные операции – отчуждение резидентом в пользу нерезидента валюты Российской Федерации на законных основаниях, а также использование валюты Российской Федерации в качестве средства платежа. Следовательно, выплата заработной платы юридическим лицом-резидентом физическому лицу-нерезиденту является совершением валютной операции.

При этом законом устанавливается, что работодатель-резидент вправе выплачивать заработную плату в рублях из кассы (без использования банковских счетов) работнику-иностранцу, постоянно проживающему в России на основании вида на жительство, так как такие работники будут являться резидентами, и такая операция не будет являться валютной (пп. «б» п. 6 ч. 1 ст. 1 Закона № 173-ФЗ), а выплата заработной платы работнику-иностранцу, не имеющему вида на жительство в России, временно пребывающему в РФ, признается валютной операцией (пп. «а» пунктов 7 и 9 ч. 1 ст. 1 Закона № 173-ФЗ, абзац 14 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). В этом случае расчеты с таким работником-нерезидентом необходимо производить только в безналичном порядке (ч. 2 ст. 14 Закона №173-ФЗ).

Заявитель указывал, что трудовое законодательство не содержит обязанности выплачивать заработную плату работникам только с использованием безналичной формы (через банковские счета). В силу этого общество не вправе навязывать иностранным работникам-нерезидентам соответствующую форму выплаты заработной платы, со ссылкой на то, что в ст. 5 Трудового кодекса РФ закреплен формальный приоритет применения указанного кодекса над иными федеральными законами при регулировании трудовых отношений. То есть было заявлено о коллизии между ч. 2 ст. 14 Закона № 173-ФЗ и нормами трудового законодательства.

В судебном решении не указано и неизвестно, назывались ли заявителем конкретные нормы о выплате заработной платы, но к его доводам можно было бы сделать ссылку на ч. 3 ст. 136 ТК РФ: «Заработная плата выплачивается работнику, как правило, в месте выполнения им работы либо переводится в кредитную организацию, указанную в заявлении работника, на условиях, определенных коллективным договором или трудовым договором». В этом положении действительно выплата зарплаты наличными денежными средствами – прямо разрешенное действие, но без указания работника-иностранца, не имеющего вида на жительство в России, временно пребывающего в РФ.

Кроме этого, заявитель мог сослаться на ч. 3 ст. 11 ТК РФ: «Все работодатели (физические лица и юридические лица, независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности) в трудовых отношениях и иных непосредственно связанных с ними отношениях с работниками обязаны руководствоваться положениями трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права».

Суд не усмотрел коллизию норм права, указав: «Само по себе наличие в статье 5 общей нормы о приоритете Трудового кодекса Российской Федерации над иными федеральными законами при регули-

ровании трудовых отношений не означает того, что нормы иных федеральных законов не могут устанавливать иные, специальные правила, поскольку ее применение как коллизионной нормы всегда связано с выяснением конкретного соотношения применимых в конкретной ситуации норм, учитывая, в том числе, и изъятия из указанного общего правила, предусмотренные самим Трудовым кодексом Российской Федерации.

В частности, ст. 11 Трудового кодекса РФ содержит правило, согласно которому на территории Российской Федерации правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, распространяются на трудовые отношения с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций, созданных или учрежденных иностранными гражданами, лицами без гражданства либо с их участием, международных организаций и иностранных юридических лиц, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими федеральными законами или международным договором Российской Федерации.

При этом работодатель должен учитывать не только правила, установленные непосредственно Трудовым кодексом Российской Федерации, но и законодательством о статусе иностранных граждан и лиц без гражданства (абзац 14 пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»), валютным законодательством (статьи 1, 14 Закона № 173-ФЗ).

Возможность осуществить такую валютную операцию как выплата резидентом физическому лицу-нерезиденту заработной платы наличными денежными средствами в валюте Российской Федерации валютным законодательством Российской Федерации не предусмотрена¹.

Сравнительный анализ логических норм, содержащихся в ст. 5, 11, ч. 3 ст. 136 ТК РФ и в ст. 1, ч. 2 ст. 14 Закона № 173-ФЗ.

Адресат предписаний по валютному законодательству, привлеченный к административной ответственности: резидент.

Адресат предписаний по трудовому законодательству: работодатель.

По приведенным характеристикам резидента отношение между понятиями «резидент» и «работодатель» следует определить как перекрещивающиеся. Заявитель по делу – в зоне перекрещивания. Поэтому необходимо для решения вопроса о наличии коллизии анализировать далее диспозиции и гипотезы предписаний работодателю на выплату заработной платы наличными денежными средствами работникам-иностранцам, не имеющим вида на жительство в России, временно пребывающим в РФ.

Диспозиция по ч. 2 ст. 14 Закона № 173-ФЗ: запрет работодателю-резиденту выплату заработной платы наличными денежными средствами работникам-иностранцам, не имеющим вида на жительство в России, временно пребывающим в РФ.

Диспозиция заявителем определена как дозволение трудовым законодательством выплачивать зарплату наличными денежными средствами работникам-иностранцам, не имеющим вида на жительство в России, временно пребывающим в РФ, поскольку в трудовом законодательстве нет такого запрета. Однако, это определение диспозиции сделано без учета бланкетного изложения диспозиции в ч. 5 ст. 11 ТК РФ, указанной судом, что приводит к ч. 2 ст. 14 Закона № 173-ФЗ.

Следовательно, диспозиции тождественны.

Содержание гипотез норм, содержащихся в ст. 1, ч. 2 ст. 14 Закона № 173-ФЗ (запрещающей), и сконструированной заявителем из трудового законодательства (управомочивающей), предопределено соотношением адресатов. Применительно к обстоятельствам дела значение имеет юридический факт выполнения работником-нерезидентом трудовой функции, как основание возникновения обязательств работодателем-резидентом по выплате ему денежных сумм (ст. 15, 56, ч. 1 ст. 129 ТК РФ). Этот факт находится в зоне перекрещивания денежных обязательств работодателя в пользу работника и резидента в пользу нерезидента, за пределами которой находятся, например, денежные обязательства работодателя в пользу работника, предусмотренные разделом VII «Гарантии и компенсации», гл.38 «Материальная ответственность работодателя» ТК РФ, или денежные обязательства резидента в пользу физического лица-нерезидента, предусмотренные абзацами 3 и 6 ч. 2 ст. 14 Закона № 173-ФЗ. Фактическое обстоятельство дела находится в зоне перекрещивания альтернативных фактических составов.

Гипотезы в зоне перекрещивания тождественны.

При тождестве всех элементов сравниваемых норм права коллизии между ними нет. Поэтому вывод суда по этому делу правильный.

Этот пример показывает, что для правильного вывода о наличии / отсутствии коллизии норм права, необходимо точное определение каждого структурного элемента. В данном случае заявителем неверно определена диспозиция называвшейся им нормы права без учета бланкетных положений трудового законодательства, исключающих его коллизию с валютным законодательством по спорному вопросу.

¹ Дело для анализа коллизий норм права на занятиях в магистратуре Пермского филиала ВШЭ и проблемные вопросы по нему предложены магистрантом Н.Д. Митроховичем.

Понкин Игорь Владиславович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ponkin Igor Vladislavovich

Doctor of science (Law), State professor, professor of Department of the state and municipal administration of the Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia) (IPACS, RANEPА)

E-mail: i@lenta.ru

Лаптева Алена Игоревна

кандидат юридических наук, доцент кафедры спортивного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Lapteva Alena Igorevna

PhD (Law), assistant professor of Sports Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University

E-mail: juriste.ap@gmail.com

**Метод экстраполяции как метод научного исследования
и прикладной аналитики, в том числе в сфере права**

**Extrapolation method as a method of scientific research and applied analytics,
including in the field of law**

Аннотация. Настоящая статья посвящена такому методу научного познания, как метод экстраполяции. В статье рассмотрены некоторые вопросы истории развития данного метода в научной деятельности, исследованы существующие научные подходы к определению понятия метода экстраполяции. Авторами сформулировано собственное определение метода экстраполяции. В статье рассмотрены некоторые аспекты применения этого метода в юридической науке.

Ключевые слова: научная методология, научный метод, метод экстраполяции, наука, прикладная аналитика

Abstract. This article is devoted to such a method of scientific knowledge as the extrapolation method. The article discusses some issues of the history of the development of this method in scientific activity, investigates the existing scientific approaches to the definition of the concept of the extrapolation method. The authors have formulated their own definition of the extrapolation method. The article discusses some aspects of the application of this method in legal science.

Keywords: scientific methodology, scientific method, extrapolation method, science, applied analytics

---

Введение

Позиционирование значения и внимание, уделяемые аналитическому ремеслу и промыслу, менялись, как указывает Джим Маркио, на протяжении времен. Объяснение такого прерывистого акцента на аналитическое мастерство может заключаться в изменениях в предпочтениях потребителей и в средств-

вах сбора информации, роли, которую играли и играют отдельные представители аналитического ремесла и промысла¹.

В настоящее время фиксируется всплеск интереса к технологиям прикладной аналитики.

Так, согласно аналитическому центру Gartner Research, к числу основных стратегических технологических тенденций на 2022 год относимы технологии аналитической разведки решений (англ. – «*Decision Intelligence*» (DI)) для структурированного принятия омоложенных решений в целях повышения конкурентных преимуществ: «Компетентность организации в принятии решений может быть значительным источником конкурентного преимущества, но она становится все более требовательной. Разведка решений – это практическая дисциплина, используемая для совершенствования процесса принятия решений путем четких аналитической проработки и осмысления того, как принимаются решения, а также оцениваются, управляются и улучшаются результаты с помощью обратной связи»².

Все более востребованы становятся методы прикладной аналитики и в юридической деятельности.

Перефразируя слова Вашингтона Плэтта³, скажем так: в аналитике нет ничего интересного, только если вы ее не любите.

Одним из научных и прикладных аналитических методов является метод экстраполяции (от лат. – «*extrapolare*» – сглаживать, выправлять; франц. – «*méthode d'extrapolation*»; англ. – «*extrapolation method*»).

Исследовательский метод экстраполяции, экстраполирования является одним из методов научного познания, широко используемых в науке, а также является одним из методов прикладной аналитики как рода интеллектуальной деятельности (не связанной с обретением научно нового или систематизированного научного знания, но, разумеется, основанного на научной методологии).

Нередко исследователи реализуют этот метод, повторяя, копируя некоторый образец и не осознавая (или не придавая артикулированного значения), что во факту применяется именно этот метод.

Метод экстраполяции активно применяется сегодня исследователями и в правовой науке и деятельности.

Объективным фундаментом экстраполяции служит принцип материального единства мира⁴. Одним из самых существенных признаков его единства является наличие у всех его феноменов общих элементов, сторон, свойств⁵.

Признается серьезная эвристическая значимость метода научной экстраполяции, хотя разработанность ее гносеологической сущности остается еще недостаточной⁶. И практически во всех учебниках и энциклопедиях по праву описание этого метода отсутствует.

Представленные в научной литературе дефиниции и интерпретации метода экстраполяции

Обобщенно, суть метода экстраполяции заключается в переносе знаний об одних предметных областях на другие⁷. В устоявшемся понимании, метод экстраполяции позволяет дать оценку значений функции (или математического ряда) вне пределов диапазона известности знаний в том случае, когда закономерности поведения функции в рамках этого диапазона могут быть продолжены, преследуемые за его пределами.

Известный научно-юридический словарь Black's Law Dictionary дает следующее определение: «Экстраполяция: 1. Процесс оценки неизвестного значения или количества на основе известного диапазона переменных. 2. Процесс, с помощью которого суд выводит правовой принцип из другого дела. 3. Процесс размышлений о возможных результатах на основе известных фактов»⁸.

По Г.И. Рузавину, «экстраполяция – в научном познании способ распространения выводов, полученных при исследовании одной части явлений, процессов и систем на неисследованные части и на них в це-

¹ *Marchio J.* Analytic Tradecraft and the Intelligence Community: Enduring Value, Intermittent Emphasis // *Intelligence and National Security*. – 2014. – Vol. 29. – № 2. <<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02684527.2012.746415>>.

² Gartner Identifies the Top Strategic Technology Trends for 2022. Analysts Explore Industry Trends at Gartner IT Symposium/Хро 2021 Americas, October 18-21 // <<https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2021-10-18-gartner-identifies-the-top-strategic-technology-trends-for-2022>>. – 18.10.2021.

³ *Плэтт В.* Информационная работа стратегической разведки: Основные принципы: Пер. с англ. Е.Б. Пескова / Под ред. А.Ф. Федорова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 342 с. – С. 318.

⁴ *Красовский Г.П., Рахманин Ю.А., Егорова Н.А.* Экстраполяция токсикологических данных с животных человека. – М.: Медицина, 2009. – 208 с. – С. 10. *Селиванова В.И.* Этюды об экстраполяции. – М.: Изд-во ВЗПИ, 1992. – 224 с.

⁵ *Кокорин А.А.* Анализ: теория, методология, методика (аксиоматическое эссе). Изд. 2-е, перераб. и дополн. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 292 с. – С. 97.

⁶ *Красовский Г.П., Рахманин Ю.А., Егорова Н.А.* Экстраполяция токсикологических данных с животных человека. – М.: Медицина, 2009. – 208 с. – С. 10. *Селиванова В.И.* Этюды об экстраполяции. – М.: Изд-во ВЗПИ, 1992. – 224 с.

⁷ *Красовский Г.П., Рахманин Ю.А., Егорова Н.А.* Экстраполяция токсикологических данных с животных человека. – М.: Медицина, 2009. – 208 с. – С. 10.

⁸ Black's Law Dictionary. Ninth Edition / Editor in Chief – Bryan A. Garner. – Saint Paul (Minnesota, USA): WEST; Thomson Reuters business, 2009. – xxxi; 1920 p. – P. 666.

лом. В этом смысле все умозаключения, расширяющие наше знание (неполная индукция, статистический вывод от образца к популяции, обобщающая гипотеза) представляют собой экстраполяцию. Так, в неполной индукции, в отличие от полной, исследуя сравнительно небольшое число объектов, выделяют у них некоторое общее свойство или закономерность, которые затем экстраполируют, или распространяют, на другие, не исследованные, объекты или на весь класс в целом. Аналогично этому в статистике производят выборку из генеральной совокупности (популяции), стремясь по возможности обеспечить ее репрезентативность и воспроизвести структуру общей совокупности. После тщательного анализа выборки свойство или закономерность, обнаруженная при ее исследовании, переносится на всю генеральную совокупность. В обобщающей гипотезе свойство, отношение или закономерность, установленная или предполагаемая для некоторых членов класса, распространяются на весь класс в целом. Именно на этом основании математическую гипотезу нередко называют математической экстраполяцией¹.

Согласно В.И. Селивановой, экстраполяция – логико-гносеологическая процедура, применяемая с целью приращения знаний, реализующая следующие функции:

- способность, приводящая к формулировке основных принципов построения философского знания;
- способность строить систему философского знания на основе экстраполяции основных принципов;
- способность логического развития категорий, в соответствии с требованиями основополагающей системы;
- способность к созданию теоретических объектов исследования, не имеющих эмпирических денотатов;
- способность создавать внутренние предпосылки, ведущие к выходу системы за свои собственные границы;
- способность создавать определенные алгоритмы практического поведения социума в соответствии с требованиями системы².

Авторский концепт интерпретации и объяснения метода экстраполяции как метода исследования

Согласно нашей авторской интерпретации, **метод экстраполяции** – это логико-гносеологический метод получения выводного (инференциального) обобщающего или аналогизирующего знания, предусматривающий условный прямой трансфер (перенос) или расширительное распространение (предварительно скорректированные с помощью аналитической функции) известных (выявленных и / или обобщенных), либо гипотетически допущенных (предположенных) ключевых (значимых) свойств, признаков, функциональных зависимостей априори известного (исследованного) объекта на исследуемый (моделируемый) объект исследования или группу объектов, либо априори известной (исследованной) части объекта на весь объект в целом.

Роль и значение метода экстраполяции

Согласно В.И. Селивановой, «экстраполяция присуща всему познавательному процессу и является необходимой предпосылкой построения знания в любых его областях... Общегносеологическая характеристика экстраполяции – соотношение между понятием и предметом в структуре знания – соотношение, качественное своеобразие которого дает нам всю многообразную палитру гносеологической картины мира»³. Согласно В.П. Драпогузу, «экстраполяция – один из древнейших методов научного познания.... Экстраполяция как метод познания может способствовать созданию нового знания в двух основных направлениях. Во-первых, она может создавать новое знание “по нисходящей”, когда из свойств совокупности (системы) выводятся свойства отдельных объектов (элементов). В данном случае экстраполяция является продолжением дедукции, ее конкретным приложением. Во-вторых, экстраполяция может создавать новое знание “по восходящей”, когда из свойств отдельных элементов (объектов) выводятся свойства целого. Чем выше уровень теоретических обобщений, тем более возрастает роль экстраполяции в познавательном процессе»⁴.

Метод экстраполяции применим как весьма релевантный для научного поиска⁵. По Гансу Селье, путем экстраполяции закономерностей во взаимосвязях между фактами возможно делать предсказания по

¹ Рузавин Г.И. Экстраполяция // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+; Реабилитация, 2009. – 1248 с. – С. 1140–1141.

² Селиванова В.И. Экстраполяция в структуре развивающегося знания: Автореф. дис. доктора философ. наук: 09.00.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1993. – 39 с. – С. 5, 6–7.

³ Селиванова В.И. Экстраполяция в структуре развивающегося знания: Автореф. дис. доктора философ. наук: 09.00.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1993. – 39 с. – С. 4–5.

⁴ Драпогуз В.П. Экстраполяция как эвристический метод научного познания и предвидения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3. Ч. II. – С. 89–94. – С. 89, 93.

⁵ Красовский Г.П., Рахманин Ю.А., Егорова Н.А. Экстраполяция токсикологических данных с животных человека. – М.: Медицина, 2009. – 208 с. – С. 10. Андрусенко В.И., Пивоваров Д.В. Методология научного познания: Альтернативность и правильность научной экстраполяции. 2-е изд. – Оренбург: Оренбургский гос. университет, 1995. – 95 с.

поводу того, где именно с наибольшей вероятностью будут найдены представляющие для нас интерес новые факты¹.

Но прежде всего, метод экстраполяции применим в качестве предиктивного (прогностического).

Так, Т.Я. Хабриева обоснованно указывает, что современные прогнозы строятся преимущественно на основе метода экстраполяции².

Действительно, метод экстраполяции выступает своего рода «прекурсором» для целой линейки методов предиктивного (прогностического) анализа³.

По В.М. Баранову и П.В. Ремизову, метод экстраполяции применим в юридическом прогнозировании при критике действующего законодательства⁴.

Во многих экспериментальных задачах актуально определение предстоящей ситуации на основе изучения, анализа и обобщения предыстории предсказываемого явления. Предсказание значений интересующей экспериментатора функции в будущие моменты времени, лежащие вне отрезка наблюдения, широко используется в различных областях человеческой деятельности: экономике (экономическое прогнозирование); геофизике (предсказание погоды, землетрясений, расхода воды в реках); сельском хозяйстве (прогноз защиты растений от вредителей); медицине (прогноз прогрессирующих заболеваний); промышленности (предсказание изменения показателя качества, изменения нагрузки электростанций или энергосистем) и т. д.⁵

В юридической деятельности наиболее часто встречающимся случаем применения метода экстраполяции является выведение судом правового принципа из другого дела в системе прецедентного права⁶.

Кроме того, поскольку этот метод применим для аналогизаций⁷, в какой-то степени в качестве своего рода экстраполяции можно определить расширительное толкование в праве, а также применение норм «по аналогии права» и «по аналогии закона». То есть экстраполяция в полной мере присуща прикладной юридической деятельности.

Метод экстраполяции имеет подмножество суб-методов (его разновидностей).

Так, по Ю.В. Курносову, метод линейной экстраполяции состоит в распространении прошлых и нынешних ситуаций на будущее с помощью графоаналитических построений⁸. Много более сложны методы нелинейной экстраполяции, где присутствуют не только выделяемые основные тренды, но и функции дополнительной, например, периодической модуляции.

Метод экстраполяции сопрягается со множеством других методов.

Согласно Е.В. Васьковскому, этот метод означает для случая заключения на основании полного (реального) тождества, что «определение одного предмета переносится на другой, оказавшийся вполне тождественным с первым»; для случая заключения на основании логического, или относительного, тождества (сходства) – когда «два предмета могут быть более или менее сходны между собой, т. е. обладать большим или меньшим числом одинаковых признаков», «опираясь на такого рода тождество двух предметов, мы можем переносить определение одного на другой, поскольку оно относится именно к той стороне предметов, которая у них тождественна... Такие выводы носят в логике название заключений по аналогии»; для случая заключения от целого к части – когда «один предмет может быть частью другого в двояком смысле: он может являться членом определенной группы или же входит в состав агрегата», «из суждения о группе мы можем переносить сказанное в суждение о каждом члене этой группы... Это – простая дедукция или заключение от общего к частному. Оно очень часто применяется при толковании норм для вывода частных положений из общих юридических принципов»; для случая заключения от всех предметов данной группы к целой группе – «рассмотрев все предметы, составляющие определенную группу, и убедившись, что каждому из них присущ известный признак, мы можем приписать этот признак всей группе, на том основании, что каждая группа представляет собою ни что иное, как совокупность всех образующих ее предметов. Это заключение называется полной индукцией»⁹.

¹ Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым: Пер. с англ. / Общ. ред. М.Н. Кондрашовой и И.С. Хорола; послесл. М.Г. Ярошевского и И.С. Хорола. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с. – С. 258.

² Хабриева Т.Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения (22–24.05.2019, г. Санкт-Петербург). – СПб.: СПбГУП, 2019. – 632 с. – С. 227–231. – С. 228.

³ См.: Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: Учебник. Изд. 2-е, дополн. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». – М.: Буки Веди, 2021. – 567 с. – С. 414, 425, 456, 546–547. <<http://moscou-ecole.ru/2021/01/31/methodology-sci-research/>>.

⁴ Баранов В.М., Ремизов П.В. Критика законодательства (доктрина, практика, техника). – М.: Проспект, 2018. – 384 с. – С. 238.

⁵ Круг Г.К., Сосулин Ю.А., Фатуев В.А. Планирование эксперимента в задачах идентификации и экстраполяции. – М.: Наука, 1977. – 208 с. – С. 133.

⁶ Black's Law Dictionary. Ninth Edition / Editor in Chief: Bryan A. Garner. – Saint Paul (Minnesota, USA): West; Thomson Reuters business, 2009. – xxxi; 1920 p. – P. 666.

⁷ Курносов Ю.В., Конотопов П.Ю. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы. – М.: РУСАКИ, 2004. – 512 с. – С. 122.

⁸ Курносов Ю.В. Аналитика как интеллектуальное оружие. 2-е изд. – М.: Ритм, 2015. – 613 с. – С. 257.

⁹ Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Ч. I: Учение о толковании и применении гражданских законов. – Одесса: Экономическая типография, 1901. – xxii; 376 с. – С. 211, 214–215, 221, 223.

Пределы применимости метода экстраполяции

Как задавался вопросом Анри Пуанкаре: «Мы привыкли экстраполировать, т. е. выводить будущее из прошедшего и настоящего; а так как ценность этого приема нам хорошо известна, то мы и не рискуем впасть в заблуждение относительно надежности тех результатов, которые мы получим с его помощью?»¹

Действительно, применение метода экстраполяции не всегда обоснованно и не всегда возможно. Это зависит от множества факторов и условий, в частности от так называемых коэффициентов неопределенностей, а также от объемной доли несущественного в принимаемой за опору онтологической области, от размерности ее гетерогенности (или напротив – гомогенности), от поведения прогнозируемой системы и мн. др.

Как указывал Роджер Хилсмэн, «стремление людей делать сложные обобщения на ограниченной основе отдельных фактов, использование одного фактического кирпичика для построения теоретического небоскреба оправдывают некоторую настороженность»².

По Гансу Селье, ученый может сталкиваться «ловушкой экстраполяции» – «мыслительной ошибкой, которую мы называем “дутый авторитет обобщающего названия”»³.

По Т.Я. Хабриевой, применение метода экстраполяции становится лишеным смысла в условиях фазового перехода (через т.н. точку сингулярности), так как в качественно новом состоянии системы ранее сложившиеся тенденции, механизмы, закономерности и программы уже не воспроизводятся, а развитие системы происходит согласно новой логике⁴. В этом случае кризис, по Ю.В. Курносову, может выступать как перелом постепенности, когда выявленные умным расчетом тенденции уже более не оправдываются при линейной экстраполяции в будущее – ни в жестком, ни в мягком, ни в оптимальном сценариях⁵.

Обоснованно вести речь о качестве экстраполяции, о погрешностях ее применения, об экстраполируемости («экстраполябельности») научных моделей и подходов.

Заключение

Идея экстраполяции, по словам Клода Брезински и Мичелы Редиго-Залье, весьма естественна для человеческого мышления⁶. Г.В. Мальцев (с отсылками к Еллинеку) писал, о том, что людям свойственно переносить (распространять, или как раз здесь лучше употребить слово «экстраполировать») длительно существующие (в неизменном состоянии) положения дел, факты, условия (воспринимаемые как привычные, нормальные) из настоящего в будущее сознательно и с большим старанием, наделяя таковые силой нормы: «то, что есть, то и будет».

И именно поэтому этот метод имеет весьма широкое применение – в самых разных других науках, направления прикладной аналитики, в прикладных видах деятельности, и в частности – в юридической науке и практике.

¹ Пуанкаре А. О науке: Пер. с франц. – М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. – 560 с. – С. 294.

² Хилсмэн Р. Стратегическая разведка и политические решения: Пер. с англ. К.П. Сониной и О.Е. Зильберберг. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 191 с. – С. 62.

³ Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым: Пер. с англ. / Общ. ред. М.Н. Кондрашовой и И.С. Хорола; послесл. М.Г. Ярошевского и И.С. Хорола. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с. – С. 299.

⁴ Хабриева Т.Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения (22–24.05.2019, г. Санкт-Петербург). – СПб.: СПбГУП, 2019. – 632 с. – С. 227–231. – С. 228.

⁵ Курносов Ю.В. Аналитика как интеллектуальное оружие. 2-е изд. – М.: Ритм, 2015. – 613 с. – С. 374.

⁶ Brezinski C., Redivo Zaglia M. Extrapolation methods: theory and practice. – Amsterdam: Elsevier science publishers, 1991. – 464; vi p. – P. v.

⁷ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма – Инфра-М, 2011. – 800 с. – С. 530.

Ромашов Роман Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов; профессор кафедр теории государства и права Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета,

Romashov Roman Anatolyevich

Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Theory and law enforcement activities St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions; Professor of the Department of State and Law of the Social-Humanitarian Institute of FSBEA in the Murmansk Arctic State University

E-mail: romashov_tgp@mail.ru

Цифровизация политического процесса в условиях digital state*

Digitalization of the political process in the conditions of Digital State

---

Аннотация. Формулируется дефиниция политического процесса как динамического явления задающего внешние параметры и, вместе с тем, составляющего содержательное наполнение политической системы, определяющей институты и принципы организации общества, а также формирования и функционирования публичной власти.

Исследуется содержание политического процесса в контексте линейной и циклической истории государства.

Рассматривается цифровизация политического процесса как объективное свойство современной политической реальности складывающейся в условиях формирования нового мирового порядка – digital state.

Ключевые слова: Политический процесс, публичная власть, линейная история, циклическая история, цифровизация, интернет, патримониальное государство, правовое государство, цифровое государство

Abstract. The definition of the political process as a dynamic phenomenon of the writing external parameters and, at the same time, the constituent content of the political system, which determines the institutions and the principles of the Company's organization, as well as the formation and functioning of public authorities, is formulated.

The content of the political process in the context of the linear and cyclical history of the state is investigated.

The digitalization of the political process is considered as an objective property of the modern political reality in the context of the formation of a new world order – Digital State.

Keywords: Political process, public power, linear history, cyclic history, digitalization, Internet, patrimonial state, legal state, digital state

---

1. Понятие и социальная сущность политического процесса

Политика в наиболее общем ее понимании представляет собой область человеческой деятельности так или иначе связанной с управленческим воздействием (манипулированием) осуществляемом со стороны субъектов власти в отношении субъектов подчинения¹.

Политический процесс – динамическое явление, задающее параметры и, вместе с тем, составляющее субстанциональное наполнение изменяющегося бытия политической системы.

Социальная сущность политического процесса обусловлена двумя основными целеполаганиями публичной власти¹:

---

* Статья выполнена в рамках гранта РФФИ категория А (фундаментальные исследования) «Государственно-правовые системы современного мира» № 20-011-00794 А

¹ См.: Касьянов Г.А. К вопросу об определении понятия «политика» // XVI Царскосельские чтения. Человек – гражданин – гражданское общество – правовое государство. Материалы Международной научной конференции. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; под общей редакцией В.Н. Скворцова. Издательство: Ленинградский государственный университета им. А.С. Пушкина. Санкт-Петербург, 2012. С. 156-161.

– задействованием властного ресурса (административного, финансового, кадрового, правового) в целях обеспечения общего блага, воспринимаемого рядовыми членами общества, в качестве собственного; – использованием власти для достижения, удержания и защиты эгоистических и узкокорпоративных интересов элитарных групп – руководителей подразделений бюрократического аппарата, начальников силовых структур, топ-менеджеров бизнескорпораций с так называемым государственным участием.

В первом случае государство и общество (нация) воспринимаются в качестве феноменов с идентичной социальной сущностью, объединенных взаимной детерминацией². Государство необходимо обществу как гарант мира и стабильности, в свою очередь общество служит государству социальной основой, формирует политическую систему, продуктом которой государство, собственно говоря является. Политика государства «общего блага» направлена на реализацию «генеральной функции» складывающейся из трех основных направлений: обеспечение мира и социальной стабильности; поддержание оптимальной численности народонаселения; создание условий для поступательного позитивного развития в наиболее важных областях общественной жизнедеятельности (образовании, науке и технике, здравоохранении, социальной поддержке и т. п.).

Во втором случае, государство являет собой локальную корпорацию (бюрократическую администрацию – аппарат), отделенный от общества и в своей деятельности руководствующийся прежде всего собственными интересами. При таком понимании государство и общество (народ/нация), воспринимаются как обособленные социальные явления, отношения между которыми могут носить как солидаристский, так и коллизийный характер, при определенных ситуациях способный вылиться в открытый конфликт³. Политика классового (корпоративного) государства направлена преимущественно на обеспечение интересов той социальной группы от имени которой осуществляются властно-управленческие функции. При таком подходе государственная политика носит избирательный характер. В отношении «властвующих» государство выступает как силовой ресурс обеспечивающий безопасность административной элиты⁴ и ее привилегированное положение по отношению к «простым» гражданам, что же касается последних – «подвластных/подданных», то для них государство ассоциируется в большей степени как надзорно-контрольный и карательно-репрессивный орган, отношение к которому выражается в таких эмоционально-чувственных состояниях как опасение и беззащитность.

2. Содержание политического процесса в контексте линейной и циклической типологии государства

Содержание политического процесса непосредственным образом зависит от исторического типа государственной организации общества и механизма публичной политической власти. Понимание типологии государства в советской гуманитарной науке осуществлялось в контексте формационной концепции «линейной истории». Государство представляя собой инструмент классового господства развивается последовательно, минуя стадии рабовладения, феодализма, капитализма, социализма, отмирая как форма социальной организации и публичной власти в условиях коммунистической общественной формации. Политический процесс, в рамках каждой из названных формаций отличается субъектным составом властеотношений, а также средствами и методами властных коммуникаций, в совокупности образующих политический режим. Распад СССР и разрушение мировой социалистической системы, явились наглядным доказательством ошибочности формационного подхода к типологии государства, пониманию и структурированию политического процесса. Кроме того, события XX в. показали, что одинаковая политическая терминология может использоваться для обозначения качественно-отличающихся друг от друга политических процессов. В первую очередь речь идет о демократическом политическом режиме и республиканской форме государственного правления. В политических словарях слова демократия и республика переводятся как народовластие. Но ведь очевидно, что народ как некое абстрактное умо-зрительное целое выступает не как субъект, а как объект властного воздействия. В реальности фактическими властными полномочиями обладает не народ, а те, кто действуют от его имени. Таким образом, сами по себе демократия и республика, в силу абстрактности этих конструкций не могут рассматриваться в качестве универсальных политических идеалов.

Буржуазные демократические республики и конституционные (парламентские) монархии, сформировавшиеся в Западной Европе и Северной Америке и советские социалистические республиканские го-

¹ Термин «публичная власть» получил свое конституционное закрепление вследствие внесенных в 2020 г. поправок в Конституцию РФ. Пункт «Г», статьи 71 относит к предмету исключительного ведения Российской Федерации «организацию публичной власти». Часть 2, статьи 80 определяет, что «Президент Российской Федерации ...обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти».

² См.: Герштейн И.З., Казаков М.А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016, № 6, с. 36–42

³ См.: Тонков Е.Е. Государство и гражданское общество в России: конфликт или диффузия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). С. 118-124.

⁴ См.: Дев Д.Б. Федеральная административная элита России: образовательные характеристики // Мир России. 2016. № 3. С. 76-96; Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. 2016. № 7. С. 45-53.

сударства – это автономные политические образования, руководствующиеся в своей организации и функционировании несводимыми к некоему «общечеловеческому универсуму» ценностными установками и принципами. Соответственно и политические процессы в рамках этих государственных образований качественным образом отличаются друг от друга, что в свою очередь предопределяет различие одноименных политических технологий.

3. Особенности типологизации политического процесса в современной России

Типологизация политического процесса в современном Российском государстве осуществляется под влиянием патриотического тренда, заявленного в качестве «национальной идеи»¹, призванной обеспечить, «братских народов союз вековой» в условиях Российской Федерации, «объединенной тысячелетней историей, сохраняющей память предков, передавших... идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства» (ч.2 ст. 67.1 Конституции РФ). Данная конструкция, предполагает двоякую целевую установку: прежде всего она определяет линейную историю Российского государства, в котором различные исторические этапы, объединены единой политико-правовой формой – Российской Федерацией. Одновременно, осуществляется попытка вытеснить из общественного политического сознания память о «Союзе нерушимом республик свободных», в котором РСФСР являлась пусть и «лучшим среди равных»², но все таки, всего лишь одним пятнадцати субъектов советской федерации, ряд из которых позиционируются в настоящее время в качестве «недружественных» Российской Федерации, претендующей на монопольное занятие места ранее принадлежащего СССР, а до него – Российской Империи, Московскому царству и т. д.

Принятие за основу последующих рассуждений релятивистской концепции государственной истории, позволяет говорить о том, что Российская Империя, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (и как самостоятельное государство (1918 – 1922 гг.), и как субъект Союза ССР (1922-1991 гг.)), Российская Федерация (1992 – по наст. вр.) представляют собой обособленные виды государственно-правовых систем (автономные политико-правовые образования), не связанные друг с другом единой политико-правовой традицией³, и использовавшие в государственном строительстве различные как по форме, так и по содержанию наполнению политические процессы социальной организации и публичной политической власти.

Российская Империя отвергала сами идеи непосредственной и представительной демократии, конституционализма, республиканизма, федерализма. В Советской России эти конструкции получили интерпретацию, качественным образом отличающуюся от буржуазных аналогов. Что же касается современной Российской Федерации, то модель её политико-правового устройства, не приемля исторический опыт советской социалистической демократии, вместе с тем не может быть отнесена к традиционной демократической системе, сформировавшейся в ходе эволюции либерально-буржуазной культуры Запада.

Сложившаяся и существующая на сегодняшний день, российская постсоветская демократия, являясь по форме классической демократией Западного типа – президентской демократической федеративной республикой, предполагает две формы народного представительства: индивидуализированную (глава государства – президент, глава субъекта) и коллективную (федеральный и региональные представительные органы – парламенты, а также органы местного самоуправления). При этом на федеральном парламентском уровне осуществляется представительство субъективных интересов как отдельных граждан и политических партий (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации), так и субъектов федерации и главы государства – Президента России (Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации).

Следует признать, что традиционное представление о демократическом политическом процессе, как о выражаемом в непосредственной (выборы и референдумы) и представительном (представительные органы государственного и муниципального управления) формате осуществления власти народа, нуждается в уточняющей корректировке применительно как к историческому периоду (демократии «древнего (Греческого, Римского), «нового и новейшего» (Европейского, Северо-Американского) времени), так и к особенностям современного государственного устройства современной России, которая перестав быть имперской и советской, вместе с тем, вплоть до настоящего времени, не достигла концептуальной определенности в типологической идентификации, продолжая оставаться переходной политико-правовой системой – «постсоветским» государством.

¹ См. Малков А.Е. Патриотизм как ценностное основание национальной системы России: история и современность // Современная образовательная практика и духовные ценности общества. 2014. № 1. С. 96-107.

² Особый статус РСФСР в системе союзного государства СССР закреплял все тот же советский гимн: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь – курсив мой, Р.Р.», кроме того, словом Россия, в равной степени обозначались как РСФСР, так и СССР.

³ Применительно к рассматриваемой проблематике политико-правовая традиция рассматривается как устойчивая закономерность в области повторяющихся явлений и событий, а также неизменность основополагающих социальных ценностей и принципов политической организации и управления обществом, сложившиеся в трех и более социальных поколениях, т. е. в течение 75 и более календарных лет.

4. Интернет как информационно-правовая основа «digital state»

Современный мир представляет собой сложноструктурированную конструкцию, сформировавшуюся в результате двух глобальных процессов, получивших свое завершённое воплощение в XX-ом веке – разрушения мировой колониальной системы империализма и краха мировой социалистической системы.

На смену мировому порядку, основанному на коммуникации (как конфликтной, так и партнерской) двух основных мировых культур (западной и советской) пришла поликультурная синергетическая система, в рамках которой в настоящее время не удается выстроить устойчивую систему внутрисоциальных и межгосударственных отношений. Мир переживает кризисное состояние и находится на грани перехода в состояние политико-правовой аномии (хаоса). В сложившейся ситуации функциональная роль традиционного государства как формы социальной организации общества и механизма публичной политической власти существенным образом снижается. Большинство людей, как в западном, так и в постсоветском мире дистанцируются от государства, воспринимая его не в качестве среды безопасности и комфорта, а как фактор опасности, столкновение с которой представляет собой такую же объективную угрозу, как и криминальный мир, техногенные и природные катаклизмы, эпидемии и т. п.

Кризис «практического» государства, обуславливает появление многочисленных теоретических рассуждений, связанных с дальнейшими перспективами политической организации общества. На мой взгляд, при анализе государства как социокультурного феномена следует, прежде всего, отказаться от его формационной типологии, основывающейся на концепции линейной истории, и в дальнейших изысканиях руководствоваться теорией цикличности. Новейшая история наглядно показала ошибочность теории смены общественно-экономических формаций, завершающихся формированием бесклассового и безгосударственного мирового коммунистического сообщества.

В настоящее время происходит трансформация традиционных представлений о государстве и праве.¹ Итогом этой трансформации является концептуальное обоснование и практическое воплощение феномена «цифровое государство – digital state». Причем, говоря о «диджитал стейт» следует помнить о том, что английское слово «state», если быть точным, переводится на русский не как «государство», а как «состояние, порядок». В свою очередь, государство, по-английски – это «kingdom» (объект владения государя).

В российской политико-правовой практике на всех ее исторических этапах мы оперируем термином «государство», структурная композиция которого предполагает отделение государственной бюрократии от общества и восприятие последнего не как коллективного носителя государственного суверенитета, а как объекта управленческого воздействия, в своей организации и жизнедеятельности всецело зависящего от государственной воли.

Понимание государства как порядка общественной организации и общественного управления – «state of law», основанного не только на правовой форме и процедуре, но и на воспринимаемой в качестве объективной закономерности, правовой технологии – является более высокой ступенью осознания государственной реальности. На Западе такое видоизменение общественного правосознания связано прежде всего с буржуазной революцией, обусловившей переход феодальных отношений к капиталистическим.

В России начавшийся переход от феодального крепостничества к буржуазной демократии повлек не эволюцию, а революцию, разрушившую традиционную российскую государственность, однако не сумевшую, в конечном итоге, представить конкурентную западной модель государства «нового типа».

Стремление воссоздать «сильную Россию», предпринимаемое нынешним политическим руководством страны, во многом повторяет сценарий разработанный в СССР и предполагающий построение социализма в отдельно взятой стране (группе стран)². Изоляционистская политика, формирование пропагандистского образа «внешнего и внутреннего врага», сырьевая экономика, усиление гонки вооружений, несменяемость политической власти. Эти и другие факторы, которые в 90-х годах XX века обусловили распад СССР, продолжают иметь место в Российской Федерации. Тот факт, что распад СССР, равно как и распад Российской Империи носили быстротечный характер, является свидетельством глобального системного кризиса, преодолеть последствия которого в настоящий период не удастся. Вместе с тем, нельзя говорить о том, что кризис имеет место только в России, вплоть до сегодняшнего дня не перешедшей от организационно-управленческой модели волюнтаристского бюрократического государства к модели state of law.

Глобальный кризис распространяется в том числе на страны традиционных западных демократий, в которых вышеназванная модель state of law присутствует. Все более активной критике подвергаются принципы, положенные в основу Евросоюза, не сумевшего доказать преимущества евроинтеграции по отношению к традиционным национальным государственным формам. В сложившейся ситуации государство и право, являясь продуктами национальной культуры, ограниченной масштабами социо-

¹ См.: Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 15.

² См.: Болоцких В.Н. От идеи перехода к социализму к теории строительства социализма в отдельно взятой стране в условиях «запаздывания» мировой коммунистической революции //Интеэкспо Гео-Сибирь. 2028. № 6. С. 50-58

пространственно-временного континуума, становятся архаичными формами, утрачивающими фактически способность осуществлять эффективную организацию общества и эффективное управление им.

Формирование digital state – это уже не утопия, а реальность. Цифровая правовая среда, основанная на не национальных юридических языках, а на универсальных цифровых кодах, являющихся универсальными, вневременными и вненациональными факторами, существует и оказывает фактическое манипулятивное воздействие на сознание и поведение миллиардов людей независимо от их национальности, вероисповедания, гражданства.¹

Именно digital state, а не мифическое коммунистическое сообщество либо «град небесный», способно стать реальной альтернативой существующему государственно-правовому порядку, который не смотря на разрушение «мирового социалистического лагеря» и переход к мультикультуральной модели, все так же далек от глобального планетарного солидаризма, как далеки от него были патримониальные и бюрократические государства, каждое из которых воспринимало исключительно себя в качестве «центра мироздания», относясь к окружающим субъектам либо как к конкурентам, либо как к врагам в борьбе за обладание «мировым престолом».

5. Политический процесс в условиях формирующегося digital state

Цифровизация политического процесса – процесс трансформации политических отношений в плане их «перевода» с национального языкового формата к интернациональному, собственно цифровому, а также внедрению наряду с избирательными технологиями непосредственного участия, технологий удаленного доступа и электронного голосования.

Ускоряющееся развитие информационно-коммуникационных технологий, традиционно понимаемых как совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и последующего использования информации относящийся как к формальным, так и к содержательным характеристикам и оценочным параметрам политических процессов протекающих одновременно в пространстве юрисдикции национального государства и в области международных отношений, является мощным фактором общественного воздействия, способным оказывать как конструктивное, так и деструктивное влияние на политическое сознание и поведение отдельных граждан, локальных социальных групп (стратов, партий, лоббистских группировок и т. п.), гражданского общества в целом.²

Усиление тенденции цифровизации социальных отношений в области политической организации общества и публичной власти осуществляемой от его имени и в его отношении, обуславливает изменение местоположения государства в политическом процессе. Официальные государственные структуры стремятся одновременно встроиться в систему виртуальных политических отношений в качестве их «сетевого сегмента» и попытаться вернуть себе ключевую роль в области политического управления, регулирования и контроля информационной среды в рамках своей юрисдикции. Для государства, обладающего монополией на законодательное регулирование, правосудие и легальное принуждение, естественным является желание использовать нормативные средства для повышения управляемости цифровой коммуникационной среды и усиления собственных позиций в качестве участника и координатора информационно-коммуникационных отношений в области внутренней и внешней политики.³

Подводя итог и обобщая сказанное следует еще раз подчеркнуть, что рассмотрение цифровизации политического процесса в качестве объективного свойства современной политической реальности складывающейся в условиях формирующегося digital state, актуализирует два аспекта дальнейшего развития. С одной стороны, внедрение новых цифровых технологий может и должно способствовать расширению реальной демократии, открытости и прозрачности выборов, а также большей открытости в процессах функционирования и транзита публичной политической власти. С другой стороны, эти же процессы, могут повлечь недобросовестные манипуляции в отношении избирателей, следствием чего будет являться делигитимация как отдельных злоупотребляющих своими властными полномочиями политиков, так и избирательного процесса в целом.

В каком направлении будет развиваться политический процесс в современной России, как всегда покажет неумолимое равнодушное время. В любом случае в политике, как, впрочем, в любой другой форме социальной жизнедеятельности нет вечных ценностей и незыблемых кумиров. Мы идем по направлению в другое, отличное от современного будущее и остановить это движение не дано никому.

И в заключение: digital state – это всего лишь очередной этап, но не конец истории.

¹ См.: Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 194-221.

² См.: Мушкет И.И., Барышников Д.Н., Букатару И. и др. Цифровизация и выборы. СПб.: Секретариат Совета МПА СНГ, 2021. С. 7.

³ Там же. С. 11.

Сырых Владимир Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия

Syrykh Vladimir Mikhailovich

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Russian State University of Justice

E-mail: 2707xyz@mail.ru

Принципы как основные начала отраслей российского права

Principles as basic the start of the branches of Russian law

Аннотация. Раскрывается юридическая природа принципов права. Обосновывается представление о них как форме мышления, закрепляющей закономерные связи трех видов: 1) между участниками конкретных отношений; 2) между правом и с другими социальными явлениями, воздействующими на процессы воплощения норм права в конкретных отношениях; 3) между составными частями (компонентами) правовых явлений. Дается обзор основных ошибок, допускаемых законодателем в процессе закрепления принципов права в тексте законов. Нередко законодателем устанавливаются нормативные предписания, противоречащие отраслевым принципам права либо проектируется механизм, не обеспечивающий реального воплощения принципов права в конкретных отношениях.

Ключевые слова: норма права, принципы права, закономерности права, законодательство, законодательные ошибки, судебное правоприменение, механизм реализации норм права в конкретных отношениях, экономические отношения, публично-правовые отношения, система права

Abstract. The legal nature of the principles of law is revealed. The idea of them as a form of thinking, fixing the patterns of three types of thinking,

is substantiated: 1) between the participants of the specific relationship; 2) between the right and with other social revelations, affecting the processes of the incarnation of the rules of law in specific relations; 3) between the components (components) of legal phenomena. An overview of the main errors allowed by the legislator in the process of consolidating the principles of law in the text of the lawmaking is given. It is often user-based regulatory prescriptions, contrary to industry principles of law or a mechanism that does not ensure the real embodiment of the principles of law in specific relations.

Keywords: law, principles of law, laws of law, legislation, legislative errors, legal enforcement, mechanism for the implementation of the rules of law in specific relations, economic relations, public legal relations, the system of law

---

В законодательстве РФ принципы широко используются в качестве основных начал отраслей права. Значимость принципов права в этом качестве в тексте законов выделяется заголовками статей, в которых они помещены. Используются три подхода: принципы отрасли права обозначаются как ее основные начала (ГК РФ, Налоговый кодекс РФ, Семейный кодекс РФ), основные положения (Арбитражный процессуальный кодекс РФ), либо основные принципы правового регулирования (ТК РФ). Вследствие особой значимости принципов в системе отрасли права, содержание их зачастую раскрывается посредством легальных определений (УК РФ, УПК РФ, ТК РФ и др.).

Совершенство принципов публичного права, закрепленных в отраслях российского права, хотя и выглядит достаточно внушительной, тем не менее, не все из них имеют надлежащий уровень обоснованности, а правомерность возведения ряда нормативных предписаний на уровень принципа отрасли и во все кажется сомнительной. Налет субъективизма законодателя в определении и формулировании принципов права негативно сказывается на качестве нормативных установлений, закрепляющих ведущие начала отрасли, и порождает ряд устойчивых законодательских ошибок.

В числе таковых, как показывает анализ правовых принципов отраслей российского законодательства, чаще всего выступают предписания, которыми: 1) закрепляются принципы, не подпадающие под предмет соответствующей отрасли права либо сомнительного качества, не обладающие признаками действительного закона; 2) устанавливается пробел, поскольку та или иная совокупность общих принципов, необ-

ходимых по предмету соответствующей отрасли права, не фиксируется в этом качестве; 3) легальные определения принципа не в полной мере соответствуют его действительному содержанию; 4) дублируются принципы других отраслей права; 5) одновременно допускают стилистические погрешности.

Далее, законодатель не уделяет достаточного внимания вопросам закрепления системных связей принципов отрасли права с всеобщими и общими принципами права, предусмотренными Конституцией РФ, актами международного права, а также развитию, конкретизации принципа права в ее нормах и институтах. Допускаются ситуации, когда принцип права, оказывается декларативным, лишенным законодательно закрепленного механизма реализации в конкретных правоотношениях, или, что еще хуже, содержатся нормы прямо противоречащие ему.

Российский законодатель, в частности, не признает эквивалентность в качестве всеобщего принцип права и не включает его в число основополагающих принципов отраслей права. Даже в гражданском законодательстве он весьма редко признается ведущим принципом. Не упоминается он и в ст. 2 ГК РФ, закрепляющей основополагающие принципы гражданских правоотношений. По мнению составителей проекта Кодекса, в число которых входили лучшие представители российской цивилистики, для обеспечения правового характера гражданских правоотношений вполне достаточно, чтобы они осуществлялись на принципах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Эквивалентность же, определяющая правовой характер *содержания* отношения, видимо по их мнению, является частным делом частных предпринимателей. Из содержания ч. 1 ст. 2 ГК РФ, получается, что правоотношения, будучи сплошным надувательством остаются в правовом поле, не противоречат праву, главное, чтобы их сторонами были равноправные, имущественно состоятельные лица, обладающие автономной волей.

Между тем эквивалентность, будучи всеобщим принципом права необходимо присутствует в правовой форме обмена, а как ведущий и необходимый принцип права становится известным еще со времен Древнего Рима: даю, чтобы ты дал. Как справедливо признает Н. С. Романенко, сентенция Цельса Младшего «*jus est ars boni et aequi*» («право есть искусство добра и эквивалента») оказалась в современной цивилистике не востребованной¹. От себя добавим, что в публичном праве законодатель также исключает принцип эквивалентности из числа общих принципов права, подменяя его привлекательным по форме, но ничтожным в правовом смысле принципом «справедливости».

Согласно ст. 6 УК РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступлению, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности преступника. По нашему мнению, наказание, как и иные меры государственного принуждения, применяемые к правонарушителю, никак не могут быть равными и, соответственно, справедливыми. Например, убийцу приговаривают к 15 годам лишения свободы. Где же здесь справедливость? Жизнь, которой лишился потерпевший, ни при каких условиях не может быть приравнена, хотя и длительному, но временному лишению свободы убийцы. Жизнь ему все же сохраняется.

Напомним, что основанный на принципе справедливости талион, согласно которому вред, причиненный виновному в качестве наказания за совершенное преступление должен быть адекватен вреду, причиненный преступлением («око за око, зуб за зуб»), давно преодолен наукой уголовного права как несправедливый принцип. Еще Е. Б. Пашуканис, сто лет назад, обосновывая эквивалентность в качестве ведущего принципа уголовного права, отмечал, что без этого принципа «наказание перестает быть наказанием в юридическом смысле слова».²

Требование современного уголовного права о соответствии меры наказания тяжести совершенного преступления основывается на принципе эквивалентности, т. е. уравнивании заведомо неравного по определенной шкале санкций, установленных законодателем и закрепленных в уголовном законе. Обозначение этого принципа УК РФ термином «справедливость» представляет собой не что иное как законодательную ошибку, обусловленную нечеткостью представлений по этому вопросу представителей науки уголовного права. Другое дело, что сам процесс уравнивания заведомо неравного пока что осуществляется больше на интуитивной, нежели на научно обоснованной основе. Поэтому законодательство не исключает возможности появления, равно как и действия отдельных субъективных санкций, как в сторону необоснованного их усиления, так и в сторону неоправданно низких, либеральных мер наказания.

В ряде случаев основными началами отрасли права признаются общие положения, не обладающие свойствами объективной закономерности и, будучи конкретизированным и в соответствующих институтах и нормах отрасли, приводят к принятию прправоприменительных решений, противоречащих действительным объективным закономерностям. Наиболее ярко подобный результат наблюдается в сфере уголовно-процессуального права. Под влиянием либеральных идеологов, законодатель заменил ведущий принцип уголовного процесса – объективной истины – принципом состязательности сторон.

¹ Романенко Н. С. Эквивалентность в российском гражданском праве. Автореферат кандидатской диссертации. Ростов-на-Дону. 2009. С. 6

² Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права. М., 1980. С. 171.

Суд обязан довольствоваться лишь доказательствами, представленными сторонами, и ему на строго запрещается принимать действия по восполнению, отсутствующих в деле доказательств, но явно необходимых для вынесения правосудного приговора. Удаление из уголовного процесса принципа объективной истины, позволило тем же либералам внедрить особый, упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел по просьбе обвиняемого, без проведения судебного следствия. В результате, обвинительный приговор по большей части уголовных дел ставится российскими судами на основании признательных показаний осужденного, т. е. в том порядке, который применялся военными трибуналами в советском государстве, и который либералы справедливо критиковался как грубейшее нарушение законности и прав советских граждан.

Законодатель традиционно не придает большого значения *системному закреплению принципов соответствующей отрасли права*. Обычно он формулирует несколько общих положений, чаще всего определяющих частные аспекты правоотношений. Сущностная, закономерная основа отрасли в той или иной части остается за пределами закона, образовывая в нем пробел. В отдельных случаях, законы вообще не закрепляют общих отраслевых принципов.

Например, содержащиеся в ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей природной среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ принципы определяют хозяйственную и иную деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, оказывающая воздействие на окружающую среду. Но как известно, подобная деятельность предстает частью, разновидностью производственной деятельности хозяйствующих субъектов и регулируется не правом, а техническими нормами. Право, в том числе и названный закон, могут регулировать лишь связи, отношения, в которые вступают субъекты в процессе осуществления производственной, в том числе и природоохранительной деятельности. Принципов по предмету права, в данном законе, увы, не имеется. Следовательно, целая отрасль российского права по настоящее время действует без законодательно определенной нормативной основы на уровне принципов права.

Небрежение законодателем проблемой полного и точного выявления и закрепления общих принципов отрасли права имеет своим истоком позитивистскую доктрину, основное внимание которой было уделено обоснованию и закреплению конкретных институтов и норм права. Считалось, что качественно совершенные нормы обеспечивают успех принятия юридически значимых решений в индивидуальном порядке и в процессе правоприменения. Принципы права имеют скорее декларативный характер. Статус действенного регулятора правоотношений они получили лишь в последнее время, с приданием Конституции РФ прямого действия и возможности разрешения конкретных дел на основе ее принципов.

Другая распространенная форма небрежения законодателем общими принципами сводится к их закреплению не в точном соответствии с их действительным содержанием. Подобная законотворческая ошибка закралась даже в ст. 43 Конституции РФ, согласно которой в стране действуют принципы *общедоступности и бесплатности* дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, тогда как полное общее образование является платным.

Иными словами, образование в 10-11 классах является платным, а в колледжах, техникумах, иных средних профессиональных образовательных учреждениях – бесплатным для всех без какого-либо исключения. Алогизм полный, но парадокс состоит в том, что в настоящее время нет ни органа правомочного исправить допущенную ошибку, ни порядка изменения второй главы Конституции РФ. Законодатель сумел своей властью поправить Конституцию, установив полное общее образование бесплатным (что он правомочен делать, поскольку устанавливал более высокий по сравнению с Конституцией стандарт). Однако законодатель вышел за пределы своих полномочий, закрепив вопреки Конституции РФ обязательность полного общего образования и допустив платность среднего профессионального образования. А что же Конституционный Суд РФ? По этому вопросу он пока что хранит молчание.

Третья распространенная форма законотворческих ошибок, связанных с закреплением общих отраслевых принципов состоит в небрежной редакции соответствующих нормативных предписаний, допускающих неточные, двусмысленные положения, иные стилистические ошибки. Так, одним из принципов, содержащимся в ст. 2 ТК РФ, гарантируется право каждого работника на справедливые условия труда, в том числе на условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, права на отдых.

Итак, законодатель обязывает работодателей обеспечивать справедливые условия безопасной работы и гигиены и тем самым перекладывает проблему, как говорится, с больной головы на здоровую. Условия труда – это совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье человека. Допустимый уровень действия этих факторов, как известно, определяется техническими нормами и правилами. Законодатель же предписывает использование в этой сфере неких справедливых норм которых в природе не существует.

Справедливость, будучи критерием моральной оценки взаимодействия людей между собой, не может выступать в этой же роли по отношению к результатам действия сил природы и противостоящих им технических средств человека. Формальная истина, признающая справедливым то, что является технически совершенным, не может определить главного в этом отношении, что же из ряда различных мер,

принятых работодателем, является техническим совершенным. Беспристрастным определителем действий человека в данном случае могут выступать только законы природы и основанные на них технические нормы. Законодатель, следовательно, обязывает применять нормы, которые ничего могут дать, кроме убеждения в их полной неспособности определить уровень техники безопасности и состояния гигиены.

Четвертая форма законодательного небрежения общими принципами отрасли права характеризуется тем, что, механизм их реализации зачастую оказывается недостаточно совершенным. В законе время от времени закрепляются нормативные установления, противоречащие отраслевым принципам права, либо механизм реализации определяется неполно, с существенными пробелами.

В числе ведущих, основополагающих принципов Семейного кодекса РФ правомерно признается принцип равенство супругов (ст. 1 СК РФ), логическим следствием которого является равенство прав супругов на нажитое ими в браке имущество. Согласно ст. 34 СК РФ, это право сохраняется за супругом, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода. В то же время ст. 42 СК РФ, предоставляет супругам право своим соглашением изменить установленный законом режим совместной собственности, установив режим долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов.

Законодатель в данном случае противоречит сам себе, придав общему принципу равенства супругов, имеющему общеобязательное, императивное действие, диспозитивную форму реализации. Нормативное установление, действие которого определяется усмотрением участников, как известно, называется рекомендательной нормой. Следовательно, принцип равенства супругов сраженный брачным контрактом, оказался голый декларацией, от императивного веления, как и от известного бабушкиного козлика, остались лишь рожки, да ножки.

Отдельные принципы, закрепленные в кодексах, иных основополагающих законах отрасли, не конкретизируются в ее нормах и не обеспечиваются механизмом реализации в конкретных правоотношениях. Императивный принцип, лишенный нормативно закрепленных способов его реализации, поневоле превращается в декларативный, бездействующий из-за незнания субъектами путей его воплощения в непосредственной действительности. К сожалению, подобные ситуации имеются даже в таких образцовых по юридической технике кодексах, как ГК РФ и ТК РФ. В первом акте декларативным предстает принцип о свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств на территории РФ, а во втором – принцип обеспечения равенства возможностей работников на продвижение по работе, а также на профессиональную подготовку и повышение квалификации. Никаких предписаний о порядке реализации названных принципов, способах защиты вытекающих из них прав заинтересованными лицами в соответствующих кодексах не имеется.

Декларативными признаются принципы отрасли права, дублирующие принципы других отраслей права или неправовых сфер предметно-практической деятельности.

Так, Федеральным законом «Об охране природной среды» одним из принципов природопользования устанавливается ответственность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях. Данное положение не является принципом права, поскольку является чисто декларативным положением, дублирующим положения уголовного и административного законодательства и никого ни к чему не обязывающим. Ответственность за экологические преступления и административные проступки наступает в соответствии с УК РФ и Кодексом РФ об административных правонарушениях и независимо от изложенного принципа.

Множество законодательных ошибок, допущенных в предписаниях, закрепляющих общеобязательные принципы отраслей права, невольно создают впечатление о том, что законодатель, ориентированный позитивистской доктриной в качестве свободного волящего органа, менее всего задумывается о необходимости соотносить свою волю с закономерностями правовой формы. Для него принципы права предстают нечто вроде бантика, который нужно пришивать к вечернему платью потому, что этого требуют интересы моды, а не существа дела.

В философии принцип науки, практически единодушно признается основным положением, исходным пунктом, предпосылкой какой-либо теории, концепции.¹ Подобное понимание принципа правовой науки разделяется и в российской юридической литературе. Еще А.М. Васильев, в 70-х гг. прошлого столетия отмечал, что принципы права носят научно обоснованный характер и входят в состав основного функционального понятийного аппарата правовых категорий теории права.² В то же время, принципы как формы мышления, научного знания существенно отличаются от понятий.

Если понятия отражают общие, повторяющиеся, сущностные признаки любого явления, процесса, свойства, связи, то в форме принципов права отражается устойчивая, необходимая связь между участ-

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971. С. 416.

² Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С.216-225.

никами отношений, а также существенные свойства, которыми должны обладать субъекты и объекты этих отношений. Принцип права, как и всякая иная форма мышления отражает реально существующую действительность, а именно: соответствует тому или иному компоненту правовой формы экономического (частно-правового) или публично-правового отношения. Правомерность этого положения, как было показано ранее, убедительно иллюстрирует К. Маркс на примере правовой формы обмена, последовательно обосновывая всеобщие принципы права реально существующими действиями участников обмена.¹

Суть проектирования не сводится к закреплению первого попавшегося варианта правовой связи субъектов правоотношения, который пришел разработчикам в голову, хотя на практике подобные ситуации время от времени могут встречаться. В частности, по такому сценарию, велась законотворческая деятельность советского государства в первые годы ее существования. Власть российского пролетариата не была искушена в тонкостях законотворческого процесса и «пекла» законы без глубокого осознания содержания отношений, подлежащих законодательному закреплению и достаточного профессионального знания особенностей законопроектной работы. Основная ставка делалась на рабочих и крестьян, как субъектов, вынужденных применять несовершенные, а порой и откровенно глупые законы советского правительства. В подобной практике В.И. Ленин видел один из действенных путей подготовки совершенных законов. Крестьяне, говорил он на У Всероссийском съезде Советов, «когда декрет получают, проверят, примерят, когда скажут нам, как его надо исправить, и мы его исправим».²

В современных условиях законодатель действует на постоянной основе, может использовать достижения современной юридической науки, а также привлекать к проектированию законов высококвалифицированные научные кадры; подготовка *несовершенных* законов, представляет собой худший образец правотворчества. Основопологающим требованием совершенства законов является закрепление правоотношений, которые бы обеспечивали не только беспрепятственную реализацию прав индивидов и иных лиц, но и максимальную меру удовлетворения их потребностей в материальных или духовных благах. « С помощью механизма правоотношения, признает П. П. Серков, становится возможным не только объединить потенциал объективного права и субъективной обязанности, предусмотренных идеальным содержанием правовых норм, но и установить максимально оправданную разумность конкретики справедливости в балансе межличностных отношений, ибо приоритет не отдает ни субъективным правам, ни юридическим обязанностям.»³

Начальным этапом подготовки качественно совершенного закона выступает анализ конкретно-исторических условий, определяемых содержанием правоотношения. При проектировании частноправовых отношений прежде всего важны достоверные сведения о потребительной стоимости объекта правоотношения, способности производительных сил удовлетворить потребности всех субъектов в этом объекте и, с учетом этого обстоятельства, определить правовые способы его распределения между нуждающимися.

В публичном правоотношении первостепенное значение придается публичным интересам в стабильном, устойчивом правопорядке, надлежащем исполнении субъектами права возложенных на них юридических обязанностей, в обеспечении надлежащих условий для реализации прав и свобод граждан, гарантированных конституцией страны. Одновременно требуется определение совокупности социально-экономических, политических и иных факторов, которые будут препятствовать действию принятых норм права, в том числе состояние правонарушаемости, коррупции государственного аппарата, способности органов государственного принуждения вести действенную борьбу за укрепление законности и обеспечение стабильного правопорядка.

Полные и достоверные данные о содержании экономического или публично-правового отношения и условиях его действия образуют необходимую эмпирическую базу для проектирования компонентов его правовой формы. Прежде всего следует установить, круг лиц, способных выступать субъектами отношения, а при необходимости так же и перечень лиц, лишенных правомочий вступать в подобные правоотношения по мотивам несовершеннолетия, душевной психической болезни, состояния здоровья, отсутствия профессионального образования и др. Кроме того, надлежит определить и качества, которыми должен обладать объект правоотношения в части необходимо присущих ему свойств, функций. Заметим, что субъекты и объекты проектируемого правоотношения а также требуемых от них состояния, качества существуют в реальной жизни. Каких либо процедур, связанных с их идеализацией, приписыванием качеств, им не присущих, при проектировании законов не проводится. Более сложным предстает процесс проектирования закономерной связи, определяющей суть и содержание правоотношения.

Во-первых, взаимозависимость между субъектами правоотношения, как и всякая социальная связь, не существует в материальной форме, а действует лишь в виде возможности. Она входит в число самых различных вариантов взаимодействия субъектов, характеризующихся разнообразными последствиями, от позитивных до негативных. Социальная связь проводится в жизнь посредством деятельности индивидов и других лиц. Во-вторых, общество, в связи с различием интересов социальных слоев, классов не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.1 С. 189– 192.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 510.

³ Серков П. П. Правоотношение. Теория и практика современного правового регулирования. М., 2018. С. 433.

способно выбрать оптимальный вариант взаимозависимости, удовлетворяющих в равной мере всех его членов, всегда кто то оказывается обделенным, обойденным, что в свою очередь создает питательную почву для разного рода социальных конфликтов. Решающую роль в этой ситуации играет государство.

На стадии проектирования законодатель должен не только выбрать оптимальную связь участников проектируемого правоотношения, но и обосновать ее, показать, что закрепленная им правовая связь является оптимальной как по форме действия, так и по результатам реализации в конкретных правоотношениях. Ибо не всегда формы действия и наступившие результаты находятся в гармоничном взаимодействии между собой. Создание советским народом развитой индустрии, позволившей выиграть Великую Отечественную войну, не может не впечатлять своими грандиозными успехами, однако, подобные результаты, как известно, были достигнуты за счет грубейших нарушений прав советских граждан, применения широкомасштабного террора, что в значительной мере умаляет значение названных успехов и даже суть социалистического общества в СССР.

Взаимосвязь субъектов правоотношения может быть признана оптимальной, если она приводит к результатам, более полно удовлетворяющим потребности субъектов, по сравнению с другими возможными вариантами. Например, для большинства студентов вузов оптимальной предстает форма обучения на очном отделении и на бюджетной основе, поскольку позволяет получить глубокие знания при минимальных тратах на обучение. Другие формы обучения, в том числе за счет обучающихся или их родителей, признаются менее предпочтительными, и избираются в силу безысходности. Демократически ориентированный законодатель должен закреплять такую взаимосвязь между участниками правоотношения, которая бы для них была доступной, реальной исполнимой и гарантирующей наиболее высокие результаты, по сравнению с другими вариантами.

Но каким же образом можно отличить оптимальную связь от других менее действенных, недостаточно плодотворных результатов? В условиях интенсивного развития правовой науки вполне возможно, что подобная связь может быть выявлена и достоверно обоснована учеными-правоведами. На долю разработчиков законопроектов остается лишь придать научным предложениям общеобязательное значение на уровне закона или иного нормативного правового акта. Однако, чрезмерное доверие рекомендациям ученых, без проверки их обоснованности, чревато поспешными, мало что дающими результатами. Так, в начале 90-х в СССР, и коммунисты, и либералы попали под обаяние доктрины правового государства. Казалось, чего проще, подчиняться действию правового закона и никакого социализма с властью Советов не нужно. Даже в ст. 1 Конституции РФ зафиксировали, что Российская Федерация – есть демократическое правовое государство с республиканской формой правления. Но, в настоящее время оказалось, что несколько поспешили. Правовое государство, часть должностных лиц которого от мала до великого погрязла в коррупции и других неблагоприятных делах, существует только на бумаге и для России явно не подходит.

У законодателя нет иного пути как самостоятельно проверять каждую правовую связь, претендующую на статус оптимальной связи. Для этого ему необходимо, во-первых, выявить всю совокупность факторов, которые будут оказывать позитивное или негативное воздействие на правовую норму, закрепившую оптимальный тип взаимосвязи. Во-вторых, хотя бы гипотетически определить интенсивность воздействия негативных факторов на правовую норму. В-третьих, разработать средства, способные достойно противостоять действию негативных факторов. Средства, как правило, должны носить комплексный многосторонний характер и могут предоставляться участникам правоотношения, предусматривать дополнительные требования к объекту правоотношения и др. В-четвертых, названные средства надлежит закрепить в законе, посредством принципов и конкретных норм права.

Примером рационального обеспечения системой специальных средств действия принципа права может служить глава 2 УПК РФ. Закрепленный ею принцип обоснованности приговора является одним из основных в сфере уголовного правосудия. Поэтому не приходится удивляться тому многообразию правовых средств, которое допускает законодатель в УПК РФ, в целях противодействия факторам, негативно влияющих на достоверность приговора. В их числе можно назвать принципы, наделяющие обвиняемого и подсудимого специальными правами в целях охраны его прав и свобод как человека и гражданина, активного участника судебного процесса. Особое значение имеет презумпция невиновности и невозможности вынесения приговора, основанного на предположениях. Закрепляются также принципы состязательности сторон, свобода оценки доказательств, право на обжалование процессуальных действий и решений суда, прокурора и других участников уголовного процесса. Важной гарантией достоверности приговора и иных решений суда выступает принцип, предписывающий осуществление правосудия только судом.

Системное, комплексное изложение принципов уголовного правосудия служит примером, образцом правильного закрепления основных начал соответствующей отрасли права. Изложенными в главе 2 УПК РФ принципами уголовного судопроизводства системно и достаточно полно определяются правовые начала отрасли уголовного процессуального права. При этом, что особенно примечательно, принципы в своей совокупности дают комплексную характеристику предмета отрасли на уровне его закономерных, сущностных основ. В УПК РФ закреплены не любые, первые попавшиеся принципы, а осознанно, с учетом всей совокупности исходных принципов данной отрасли, предвосхищающей и определяющей ее конкретные институты и нормы права.

Принципами права закрепляется статус суда как единственного органа, правомочного осуществлять правосудие, а также основополагающие его критерии: законности, состязательности сторон, свобода оценки доказательств. Далее содержится комплекс прав и свобод, который призван обеспечить действенную защиту индивида от необоснованных обвинений со стороны органов следствия, прокуратуры и суда. На уровне принципов определены полномочия обвинения и защиты как сторон уголовного процесса, а также право на обжалование процессуальных действий и решений. В результате принципы уголовного судопроизводства, закрепленные главой 2 УПК РФ, выступают нормативной основой, цементирующей, объединяющей конкретные установления отрасли в органически целостный, логически последовательный кодифицированный акт.¹

Комплексное, системное закрепление принципов отрасли в качестве ее основных начал ценно тем, что оно задает единый подход к определению содержания конкретных норм отрасли и их связанности между собой и а также выступает действенным средством преодоления пробелов отрасли на стадии правоприменения. Примером рационального отношения к комплексному закреплению нормативных начал правового регулирования отрасли может служить богатый опыт установления советским государством основ законодательства по всем ведущим отраслям советского права. В названных основополагающих законах решающее значение придавалось детальному регулированию основных начал соответствующей отрасли права, в том числе определению ведущих принципов отрасли. Так, в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, излагались руководящие положения относительно сущности, состава и содержания преступления как основания уголовной ответственности. Основами законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик были установлены принципы организации судостроительства в стране и осуществления правосудия.

В современных условиях отпала необходимость принятия основ законодательства в виде отдельного, самостоятельного акта, но потребность в закреплении основных начал отрасли сохранилась. Поэтому практика небрежения к основным началам, которую допускает законодатель в кодифицированных актах, должна быть решительно преодолена.

Таким образом, под принципом права понимается форма мышления, закрепляющая закономерности правовой формы экономических (частноправовых) и публично-правовых отношений. Как следует из изложенного, принципы права могут отражать: 1) закономерную связь между участниками отношения (принципы, взаимосвязи, эквивалентности, состязательности, обжалования, свободного перемещения товаров, обязанность платить налоги и сборы и др.); 2) качества, которыми должны обладать субъекты в роли участников конкретного правоотношения (равноправие, свобода воли, дееспособность); 3) внешние факторы (законность, доступность, бесплатность); 4) субъективные права и свободы и др.

Следует обратить особое внимание на то, что принципы права отражают не социальные законы функционирования экономики или иных сфер общества, а лишь *необходимые связи правовой формы*. Посредством такой связи придается *правомерный* характер деятельности субъектов в процессе решения конкретных практических задач, переходов материальных благ от одного лица к другому, использования этих благ в производственной деятельности или в целях удовлетворения личных потребностей индивидов. Иную природу имеет закономерная структурная связь состава правовых явлений (правоотношения, правонарушения, механизма правового регулирования, системы права), а также закономерные связи права с другими социальными явлениями и процессами. Подобная связь относится к числу *юридических или социально-юридических закономерностей*, составляющих предмет правовой науки.

Необходимость четкого отграничения юридических принципов от юридических закономерностей состоит в том, что первые как и конкретные нормы права доступны обыденному сознанию и могут успешно формулироваться индивидами не имеющими юридического познания, тогда как познание юридических закономерностей доступно только лицам с юридическим образованием, к тому же владеющими основами методологии научного познания. В отсутствие каких-либо основ юридической науки индивиды на заре цивилизации успешно определили всеобщие правовые принципы, которым должен соответствовать обмен, не утратившие научного значения по настоящее время. Как помним, на протяжении нескольких тысячелетий общество само, без участия государства, разрабатывало нормы своей деятельности, пока владыки государств Древнего мира не прибрали это дело к своим рукам. Однако и в настоящее время, когда государство присвоило себе монопольное право на законотворчество и правотворчество, общества по-прежнему творит свое право и успешно использует его в своей деятельности.²

Иное дело юридические закономерности, поиск и обоснование которых возможны только на строго научной основе, однако эта сермяжная правда представителями позитивистской доктрины не осознает и догматический анализ законодательства воспринимается в качестве альфы и омеги юридического познания. Догматическая наука, признавал Г. Ф. Шершеневич в начале прошлого века, «не более, как по-

¹ К сожалению законодателю не удалось избежать грубейшей ошибки, которая существенно снижает действенность всех закрепленных принципов, открывает широкую дорогу грубейшим нарушениям законности, – исключив принцип объективной истины как необходимого условия вынесения приговора.

² Сырых В.М. Материалистическая теория права. Т.4. М., 2014. С. 175-191.

стоянная часть того материала, который поставляется нормами права для построения системы».¹ Сегодня большая часть российских правоведов по-прежнему видит в догматическом анализе законодательства источник всех своих самых высоких «теоретических» открытий, подменяя анализ научных закономерностей изучением закономерных связей правовой формы, и, по существу, не поднимаясь выше уровня эмпирических обобщений. Характерно, что ошибка российских правоведов в предмете познания имела место в сочинениях философов, экономистов и правоведов XIX века, которая обоснованно критиковалась основоположниками марксизма.

Основную причину подмены юристами экономических отношений юридическими принципами Ф. Энгельс видел в том, что юристы все ставят на голову, решающее значение придают правовым принципам, которые признают априорными положениями и полностью абстрагируются от определяющих их суть и содержание экономических отношений.² Из этого же подхода «происходит иллюзия, будто закон основывается на воле, и при том оторванной от своей реальной основы, свободной воле»,³ от которой до сих пор не могут освободиться российские правоведы, несмотря на то, что значительная их часть даже публично признавала себя верными адептами марксизма.

Следовательно, принципы права, будучи отражением закономерной связи или сущностных признаков субъектов, иных участников правоотношения, средств, призванных обеспечить реальное действие правоотношения, определяются экономическими, публично-правовыми отношениями и могут выступать в качестве нормативного начала кодифицированного акта соответствующей отрасли права. Необходимо отказаться от практики произвольного закрепления правовых принципов, по усмотрению законодателя, стремясь включить в нормативных началах отрасли все необходимые по ее предмету правовые принципы. Комплексное, системное закрепление принципов права в статусе нормативных начал отрасли самым благотворным образом сказывается на результатах правотворческой и правоприменительной деятельности тем, что в процессе проектирования закона обеспечивает единообразное и логически последовательное изложение его норм права, а на стадии правоприменения выступает действенным средством уяснения содержания нормативных установлений и преодоления пробелов.

Небрежение, незнание и отрицание современными правоведом объективного права носят чисто схоластический характер, который грубо искажает сложные, диалектически-противоречивые связи законодательской и правореализационной практик. Одним из необходимых условий преодоления такого подхода, является, творческая, системная разработка проблем комплексного закрепления принципов в качестве закономерной основы отраслей права.

---

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 780.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 63.

Трофимов Василий Владиславович

доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Trofimov Vasily Vladislavovich

Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Research Institute of State Legal Research, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Tambov State University named after G. R. Derzhavin

E-mail: magistr.pocht@yandex.ru

Трофимов Георгий Васильевич

студент магистратуры Высшей школы урбанистики имени А. А. Высокоского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Trofimov Georgy Vasilievich

Master's degree student the Higher School of Urbanism named after A. A. Vysokovsky at National Research University High School of Economics

E-mail: trofimov.hse@gmail.com

**Государственно-правовая политика
в сфере научно-технологического и инновационного развития
в российских регионах: проблемы и перспективы***

**State legal policy in the field of scientific, technological
and innovative development in Russian regions: problems and prospects****

Аннотация. В статье предлагается научно-технологическое и инновационное развитие сделать более управляемым и конструктивным с помощью формата государственно-правовой политики, который предполагает использование для решения тех или иных значимых задач комплекса специальных форм и средств. Рассматриваются проблемные стороны сложившегося законодательного и управленческого опыта достижения целей научно-технологического и инновационного развития в Российской Федерации. Анализируются возможные меры для оптимизации на федеральном и региональном уровнях текущих и перспективных планов научно-технологического и инновационного развития современной России.

Ключевые слова: наука, технологии, инновации, инновационное развитие, научно-технологическое развитие, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, государство, право, управление, государственно-правовая политика, стратегия, тактика, законодательство, правотворческая политика, правореализационная политика, правообучающая политика

Abstract. It is proposed to make scientific, technological and innovative development more manageable and constructive using the format of state and legal policy, which involves the use of a set of special forms and means to solve certain significant problems. The problematic aspects of the existing legislative and managerial experience in

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Тамбовской области в рамках научного проекта № 19-411-680004.

** Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the RFBR and the administration of the Tambov region within the framework of the scientific project No. 19-411-680004.

achieving the goals of scientific, technological and innovative development in the Russian Federation are considered. Possible measures are analyzed to optimize the current and long-term plans for the scientific, technological and innovative development of modern Russia at the federal and regional levels.

Keywords: science, technology, innovation, innovative development, scientific and technological development, Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, state, law, management, state-legal policy, strategy, tactics, legislation, law-making policy, law-enforcement policy, law-teaching policy

Перед регионами России сегодня стоит очень непростая и вместе с тем принципиальная задача – обеспечить развитие и рост своих территорий (в широком смысле, включая население, инфраструктуру, экономику, культуру и пр.), по опыту современной управленческой практики, через механизм проектов, программ, стратегий, концепций, который ориентирует не только на текущие задачи, но на перспективу, при этом никто не отменяет и насущный клубок экономических, политических, социальных и пр. проблем, которых в настоящей жизни любого субъекта РФ немало и которые нужно решать.

Однако в том-то, как представляется, и заключается значение стратегического планирования и программно-целевого подхода, чтобы ориентируясь на будущие цели, в настоящем моменте решать задачи более эффективно, связывая с этими решениями приближение ожидаемого в перспективе результата, либо добиваться достижения тех уровневых показателей, с которыми более глобальные планы могут стать действительно реалистичными. Этот стиль управления страной в целом и ее регионами при всех возможных дефектах и издержках в общем неплохо зарекомендовал на опыте различных стран. Это в некотором смысле наиболее оптимальный и цивилизованный метод управления большими социальными системами. Кроме того, как справедливо замечают в своей книге, посвященной государству и регионам В. Н. Лексин и А. Н. Швецов, «этот тот законный путь решения некоторых региональных проблем, которым не только целесообразно, но и (что более важно) можно пользоваться», имея в виду также тенденцию «постепенного улучшения качества программ»¹.

Иными словами, в любых документах стратегического планирования заложен важный стимулирующий посыл, благодаря которому движение становится более целенаправленным, оптимальным и быстрым. В регионах, где часто наблюдается излишний консерватизм подходов и некая опасливость в связи с любыми изменениями и амбициозными проектами, роль таких документов нельзя недооценивать – она высока. И стоит отметить, что на сегодняшний момент времени таких документов набирается очень внушительное число, при этом регионы вынуждены учитывать не только собственные «стратегии» подобного рода, но также – федерального центра.

Есть, наверное, и некий отрицательный момент от перманентного воспроизводства таких стратегий и пр. подобных документов – порой за масштабам всевозможных планов власть может переставать видеть реальный перечень проблем, стремясь «уйти» от них в заоблачные высоты различных стратегических планов и показателей, часто, что называется, «для галочки» принимая решения, проводя те или иные мероприятия, осуществляя другие действия, имитируя во многом движение в рамках реализации стратегий, «осваивая» большие объемы средств, при этом не предоставляя обществу (населению региона) качественных результатов². Эти аспекты, конечно, требуют контроля со стороны общественности, прокуратуры, правоохранительных органов и др. ведомств с тем, чтобы негативные проявления в рамках стратегических решений были минимальны, иначе это может девальвировать все благие начинания.

Приведем лишь в качестве примера следующий перечень документов подобного рода, которыми определяются как общие контуры стратегического (проектного) подхода в управлении, так и конкретные стратегические направления:

А. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³.

В. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁴.

С. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁵.

Д. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы»⁶.

¹ Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 2014. С. 293.

² В. Н. Лексин и А. Н. Швецов отмечают, что «лихорадка» программ 70–80 гг. XX в. во многом показала, как может быть искажена в целом благая идея программно-целевого метода, поэтому остается надеяться, что нынешнее «второе пришествие» принесет более ощутимые положительные результаты. – См.: Там же. С. 293–359.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

Е. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.»¹.

Ф. Распоряжение Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р (ред. от 29.11.2014) «О государственной программе “Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий”»².

Г. Включая собственно региональные стратегии, например, в Тамбовской области, это: Закон Тамбовской области от 4 июня 2018 г. № 246-З «О Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года» (принят Тамбовской областной Думой 30 мая 2018 г.)³.

Как сегодня принято говорить, на современном этапе для Российской Федерации необходимы точки роста, фокусировка на которых способна будет повести за собой все иные сферы развития. Предметные области, определяемые в названных и других стратегиях и программах, и представляют собой те самые точки роста, обладающие «локомотивным» потенциалом. Об этих сферах и нужно рассуждать в первую очередь, констатируя либо результативность, либо нерезультативность осуществляемых здесь государственных и правовых мер.

Одной из таких точек роста (как показывает реальный опыт, небеспроблемных) является сфера научно-технологического и в частности инновационного развития Российской Федерации, имея в виду не только общефедеральный, но и субъектно-федеративный (региональный) уровень реализации данной стратегической линии.

Развитие страны в этом направлении можно считать крайне значимым, так как от этого в конечном итоге может зависеть будущее суверенное положение нашей державы в контексте мирового масштаба. Интеллект сегодня рассматривается как главное орудие государства в острой конкурентной схватке за первенство и за свое место на международной арене. И именно в силу данной причины этому аспекту в передовых странах в настоящее время уделяется особое внимание. В 2009 г. в Послании Президента Российской Федерации Д. А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации довольно убедительно было сказано: «Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы. По моему убеждению, это вопрос выживания нашей страны в современном мире»⁴.

Закономерно, что одной из важнейших программных задач по управлению страной Президент Российской Федерации В. В. Путин видит именно этот аспект. «Нам нужна новая экономика, с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг, с эффективным сельским хозяйством. Экономика, работающая на современной технологической базе»⁵.

Безусловно, в стране это осознается, но вопрос, насколько глубоко, остается в зоне сомнений. При том, что декларации о намерениях строить развитие экономики страны, прежде всего, на основе интеллектуальных инновационных разработок были сформулированы довольно давно (речь шла о так называемой «умной экономике», о пяти «И» – институты, инвестиции, инфраструктура, инновации, интеллект), говорить о том, что все цели достигнуты, а задачи решены, пока не приходится, в особенности, имея в виду региональный срез развития. (Для справки: Впервые о стратегии четырех «И» Д. А. Медведев, будучи первым заместителем Председателя Правительства РФ, высказался в феврале 2008 г. на V Экономическом форуме в Красноярске «Россия 2008–2020. Управление ростом»⁶. Затем уже в рамках Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ в ноябре 2008 г. им была добавлена пятая составляющая – интеллект⁷).

Российское государство с конца 90-х гг. целенаправленно проводит курс на усиление инновационной составляющей социально-экономической сферы жизни общества⁸.

Федеральный уровень государственно-правовой активности в области оптимизации инновационного развития российского государства в относительном плане заметен. В правотворческом плане сделано немало не-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 7 (часть II). Ст. 702.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1226.

³ Тамбовская жизнь (спецвыпуск). № 40 (1888). 2018. 15 июня.

⁴ <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

⁵ Из статьи В. В. Путина «О наших экономических задачах» в газете «Ведомости» // <http://premier.gov.ru/events/news/17888>.

⁶ См.: Медведев Д. А. Стенограмма выступления первого заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008–2020. Управление ростом» // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 2 (7). С. 138–149.

⁷ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. М., 2008. 6 ноября. С. 3–5.

⁸ См.: Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы, утвержденная постановлением Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 32. Ст. 3886; Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 30 марта 2002 г. № Пр-576) (Приложение № 2 к приказу Госстроя РФ от 3 июня 2002 г. № 92) // <http://base.garant.ru/12127915>; Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года (утв. Правительством РФ от 05.08.2005 г. № 2473 п – П 7) // <http://sci-innov.ru/law/base/586>; Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике при Министерстве образования и науки Российской Федерации (протокол от 15.02.2006 г. № 1)) // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=101907>; Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 1. Ст. 216.

обходимых шагов. Так, в частности, приняты и действуют: Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹, которым определяются основные параметры научной деятельности и научной политики в Российской Федерации, регулируются отношения между субъектами научной и научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и научно-технической продукции (редакцией данного закона от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» сформулированы понятия инновации и инновационной деятельности, а также смежные с ними понятия инновационного проекта и инновационной инфраструктуры²); Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации»³ (законом определяется правовое положение наукоградов – муниципальных образований с градообразующим научно-производственным комплексом, в рамках которого осуществляются приоритетные для данного наукограда направления научной, научно-технической, инновационной деятельности); Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»⁴ (определяет возможности бизнес-структур осуществлять инновационные научные проекты в рамках деятельности центра); Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»⁵ (комплексный законодательный акт, регулирующий отношения между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, органами государственной власти Российской Федерации, органами местного самоуправления при формировании и реализации промышленной политики); Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ (регулирует отношения, возникающие при создании инновационных научно-технологических центров и обеспечении их функционирования в целях реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации); и др.

Из числа подзаконных нормативных актов особо следует отметить принятый в декабре 2016 г. на общероссийском уровне такой значимый в этой предметной области документ, как «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Стратегия НТР РФ), которым «определяются цель и основные задачи научно-технологического развития Российской Федерации, устанавливаются принципы, приоритеты, основные направления и меры реализации государственной политики в этой области...» (п. 1)⁷. Также интерес представляет Распоряжение Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р (ред. от 29.11.2014) «О государственной программе “Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий”»⁸. Все это, по идее, должно задавать управленческий тон как для федерального уровня властных полномочий, так и для уровня регионального.

Вместе с тем, сегодня все более очевидно то, что основную инициативу как в части воспроизводства самой идеи научно-технологического развития Российской Федерации, так и в части ее практической реализации (в том числе на основе соответствующих правовых мер: правотворческих, административно-правовых и пр.) принимает на себя именно федеральный центр, регионы в этом смысле проявляют меньшую активность (по разным, в том числе «уважительным», причинам (нехватка финансов, демографические проблемы), но факт остается фактом). Один из видных специалистов в области региональной политики О. В. Кузнецова справедливо замечает, что обратиться к рассмотрению региональных аспектов федеральной инновационной политики заставляет «отсутствие сколько-нибудь явно выраженной инновационной составляющей непосредственно в региональной политике. Само по себе это можно считать негативной характеристикой региональной политики...»⁹.

¹ Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

² Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4602.

³ Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 15. Ст. 1750.

⁴ Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 40. Ст. 4970.

⁵ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

⁶ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4765.

⁷ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887. До 2020 г. действовала Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 1. Ст. 216.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р (ред. от 29.11.2014) «О государственной программе “Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1226.

⁹ Кузнецова О. В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М., 2015. С. 328.

И эта ситуация, естественно, нуждается в исправлении в связи с тем, что от субъектов Российской Федерации в этом плане немало зависит. Как верно отмечается в литературе: «Подсистемами национальной инновационной системы выступают отдельные регионы, поэтому устойчивое развитие национальной системы представляет, в некотором роде, совокупный результат развития каждого из них»¹.

На уровне регионов должны изыскиваться возможности для осуществления более целенаправленной работы в этом направлении. Кстати, в Указе Президента РФ, утверждающем Стратегию НТР РФ, прямо указывается: «3. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации руководствоваться положениями Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации при осуществлении своей деятельности в этой сфере, предусмотрев внесение необходимых изменений в государственные программы субъектов Российской Федерации»².

В свою очередь известный майский 2018 года Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина по национальным целям и стратегическим задачам в числе прочего дополнительно настойчиво обращается к проблеме научно-технологического развития России, поручая Правительству РФ обеспечить «ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа», причем эту работу по активному воздействию на инновационный сектор предписывается осуществлять «совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации»³.

На уровне федерального законодательства указывается, что субъекты РФ призваны содействовать (главным образом, в формате поддержки и стимулирования) формированию инновационного (научно-технологического) климата в стране. Этот аспект четко обозначен в Федеральном законе Российской Федерации «О науке и государственной научно-технической политике» (п. 1 ст. 16.2 «Субъекты и формы предоставления поддержки инновационной деятельности»), где в числе соответствующих субъектов непосредственно указаны российские регионы, которым закон рекомендует более активно влиять путем поддержки на данный сектор общественных отношений: «Государственная поддержка инновационной деятельности может осуществляться субъектами государственной поддержки, к которым относятся Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, органы исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также соответствующие организации, через которые может осуществляться такая поддержка, либо способами, предусмотренными законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации». При этом к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации закон относит в том числе «право принятия законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации о поддержке инновационной деятельности; право принятия и реализации программ и проектов субъектов Российской Федерации, направленных на поддержку инновационной деятельности» (п. 2 ст. 16.3)⁴. Это говорит о том, что региональным властям отводится прямая прерогатива оказывать поддержку инновационной деятельности и разрабатывать в этих целях комплекс правовых и властно-управленческих решений / мероприятий, иными словами, на своем уровне осуществлять правотворческую политику в области инновационного развития субъектов Российской Федерации⁵.

Все это позволяет более определенно двигаться к намеченным целям и достигать необходимые результаты. Вместе с тем, вопрос еще заключается в том, каким будет искомое движение, насколько оно будет оптимальным, динамичным, плодотворным. Очевидно, что решение задачи по активному переходу российского общества на вектор инновационного (целенаправленного научно-технологического) развития не может осуществляться произвольным образом, спорадически или бессистемно. Это должна быть плановая и организованная работа по всем направлениям, с которыми связано осуществление социально-экономической модернизации, и на различных государственно-правовых уровнях (федеральном, региональном). Если с этих позиций вести речь о государственно-правовом сопровождении, то государственное управление и юридическое регулирование в этой области также должно отвечать признакам научной обоснованности, системности, планомерности, последовательности, предсказуемости, ожидаемой эффективности и пр.

К такому настрою правовой системы, всех ее основных и вспомогательных компонентов, призван особый вид юридической деятельности, получивший в науке права название «правовая поли-

¹ Белякова Г. П., Кочемаскин А. Н. Проблема управления научно-технологическим развитием экономики России: соотношение национального и регионального уровней // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 7–1. С. 135.

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887.

³ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

⁴ Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4602.

⁵ См., например: Трофимов В. В. Региональный уровень государственно-правовой политики в сфере инновационного развития современной России (проблемы реализации правотворческой формы) // Право интеллектуальной собственности. 2018. № 1. С. 37–41.

тика»¹, которая задает для юридической активности целый ряд критериев и важных ориентиров, или несколько шире – «государственно-правовая политика» как *высококультурно организованный вид социально значимой деятельности публичной власти (включая участие гражданского общества) в российском государстве, осуществляемой на основе и посредством права, связанной с определением тактики и стратегии государственно-правового развития, разработкой, принятием и реализацией целенаправленных, системных, научно обоснованных государственно-правовых решений высокой степени эффективности действия*².

При этом государственно-правовая политика рассматривается нами как более широкое явление по сравнению с правовой политикой³, включающее наряду с собственно правовой политикой политику государственного управления, таким образом, выражая своего рода их функциональный синтез.

Синтез государственной (публично-властной) и правовой политики во многом объективно предначертан: проектируемые и принимаемые государственные (федеральные и региональные, на соответствующем уровне – также муниципальные) решения рано или поздно получают выражение в правовой форме. Вместе с тем, чтобы гармония государственных замыслов и права была очевидной и не случайной, необходимо четкое следование алгоритму компетентных действий, заложенному в формате государственно-правовой политики. Только в этом случае, пожалуй, можно рассчитывать на то, что задачи, стоящие перед современным социумом, могут быть решены своевременно, а имеющие место глобальные вызовы (как правило, угрожающего характера) будут нивелированы, общее развитие человечества будет переведено на позитивно-прогрессивное русло, в искомом развитии будет найден правильный вектор.

В комплексе это будет, на наш взгляд, выражать реализацию базовых элементов общего алгоритма государственно-правовой политики в современной России, то «рабочее состояние», при котором фундаментальные основания для ее проведения в виде правотворчества, государственного управления, учета роли науки и гражданского общества в этих процессах, приведены в должную форму и могут быть работоспособными. То, что именно такой механизм действия крайне необходим в современных условиях (внутренних и внешних вызовов) очевидно, с его помощью станет возможным достичь так называемого «прорывного» роста для страны – Российской Федерации.

Это непосредственно может быть отнесено к проблеме научно-технологического, в том числе инновационного развития России, что собственно мы и наблюдаем последние годы, замечая в федеральном законодательстве все новые нормативные правовые акты, которые направляются на регулирование тех или иных аспектов инновационной и в целом научно-технологической практики современной жизни⁴. Вместе с тем, уже назрела пора более решительных мер в этой области, и право как форма государственной политики должно предоставить все необходимые условия для более интенсивного развития науки, технологий, инноваций, инновационного предпринимательства в стране.

Только в этом формате допустимо в современных сложных условиях социально-экономического развития проводить правотворческие и иные мероприятия по воздействию на научно-технологический климат в стране, в том числе на уровне регионов (субъектов Российской Федерации), в особой степени – в плоскости поддержки и стимулирования инновационной активности.

Субъекты Российской Федерации не должны оставаться в стороне от воздействия на научно-технологическую, инновационную активность. Это притом, что на конституционном уровне у субъектов Российской Федерации, для того чтобы проявлять необходимую активность, формировать и проводить соответствующую инновационно-правовую политику есть все необходимые возможности в виде тех предметов ведения и правовых полномочий, которые закреплены за субъектами Российской Федерации в Основном законе страны (ст. 72–73 Конституции Российской Федерации)⁵.

Конституционные положения дают возможность проявлять довольно широкий творческий конструктивный подход к созданию системы правовых регуляторов для поддержки и стимулирования различных сфер региональной социально-правовой жизни, в том числе – в области научно-технологического, инновационного развития современной России. Однако эту возможность следует использовать умело и профессионально, в частности, в рамках *правотворческой формы* региональной инновационной правовой политики, где наиболее принципиальным шагом могла бы стать разработка специальных комплексных законов, регламентирующих вопросы государственной поддержки научно-технологического и инноваци-

¹ См.: Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. – Подробнее о сущности, содержании и критериях современной правовой политики см.: Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012; см. также: Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград, 2009.

² См. об этом подробнее, например: Трофимов В. В. Государственно-правовая политика современной России: от доктрины к практике реализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3 (72). С. 79–87.

³ См. об этой категории подробнее: Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012; Малько А. В., Трофимов В. В. Правовая политика в современной России: проблемы доктринального понимания и формирования // Государство и право. 2013. № 2. С. 5–13.

⁴ См., подробнее: Трофимов В. В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. 2017. № 3. С. 5–14.

⁵ Конституция Российской Федерации 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. № 144. 2020. 4 июля.

онного развития в субъекте Российской Федерации¹. И пусть пока такого акта мы не наблюдаем на федеральном уровне, региональная инициатива здесь могла бы стать опережающей, что вполне характерно для федеративного государства.

В отдельных регионах такие акты уже существуют (Архангельская, Волгоградская, Орловская, Рязанская, Свердловская области и др.²), однако они также не всегда близки к совершенству, не всегда имеют комплексный характер (ограничиваются рядом статей без четкого определения механизма поддержки инноваций в регионах). Вместе с тем, сам опыт подобного законодательства следует более активно развивать и распространять по другим российским регионам.

Это было бы особо приемлемо, например, для Тамбовской области, где пока еще не в полной мере налажен инновационный климат (хотя для этого имеется серьезный потенциал (производственные заводские мощности, научные университетские кадры и пр.)). При этом нельзя сказать, что на Тамбовщине ничего в этом плане не осуществлялось. Нет, определенные меры, конечно, предприняты, и некий регулятивный климат для рассматриваемой сферы в той или иной степени налажен. Так, еще с 2003 г. в Тамбовской области действует Закон от 25 апреля 2003 г. № 119-З «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области»³, который регулирует отношения между субъектами научной, научно-технической, инновационной деятельности и органами государственной власти Тамбовской области и направлен на реализацию государственной научно-технической политики, научной и инновационной деятельности, создание условий развития и функционирования субъектов научно-технической и инновационной деятельности на территории области, причем последней в законе нередко уделяется отдельное место.

По своей идеологии указанный региональный акт во многом воспринял логику федерального закона в области науки и научно-технической политики, который также помимо собственно аспектов регламентации научной и научно-технической деятельности включает в себя нормы, направленные на инновационный компонент. Но то, что такой синтетический подход проводится на общероссийском уровне, вовсе не означает, что он безупречен. Интегрируя в одном законодательном акте несколько разные по природе общественные отношения (наука – это культурное достояние государства, которое следует поддерживать при любых условиях, инновации – это технологии, которые должны быть коммерциализованы, т. е. получить рыночную привлекательность), порождаются проблемы реализации данного законодательства на практике и претензии к его эффективности, поэтому резоннее выводить законодательное регулирование инновационных отношений на отдельный самостоятельный уровень, приняв соответствующий специальный закон о поддержке инноваций на региональном уровне (не говоря уже об уровне федеральном). Кроме того, если обратиться к тексту закона Тамбовской области, можно в определенном смысле констатировать, что регулятивный механизм предоставления мер государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности мог быть прописан более отчетливо и детально.

В связи с этим оправданным следует считать шаг по разработке проекта закона Тамбовской области «О государственной поддержке инновационной деятельности в Тамбовской области», который внесит на рассмотрение главы администрации области (законопроект был рассмотрен на специально организованном Межведомственном совете по научно-технической и инновационной политике Тамбовской области⁴, заседание которого состоялось 13 марта 2020 года⁵). В этом смысле регион приближается к тем положительным примерам, которые встречаются в целом ряде других регионов Российской Федерации, и думается, в определенном плане учитывает их опыт (правда, в какой мере, нужно смотреть внимательнее).

Предметом регулирования подобных комплексных законов в сфере инновационной деятельности могут становиться отношения по поводу государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности в регионах, которые возникают между субъектами Российской Федерации и государством

¹ Медведев Д. А.: «Законодатели примут все решения для комплексной поддержки духа новаторства во всех сферах общественной жизни, создания рынка идей, изобретений, открытий, новых технологий». Медведев Д. А. Россия, вперед! // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения – 04.06.2021).

² См.: Закон Архангельской области от 29 октября 2012 г. № 567-34-ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов пятого созыва. 2012. № 34; Закон Орловской области от 5 июня 2015 г. № 1794-ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Орловской области» // Орловская правда. 2015. № 60; Закон Рязанской области от 09 ноября 2012 года № 85-ОЗ «О государственной поддержке инновационной деятельности в Рязанской области» // Рязанские ведомости. 2012. № 210.

³ Закон Тамбовской области «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области» от 25 апреля 2003 г. № 119-З (с изм. и дополн.) // Тамбовская жизнь. № 96-98 (22790-22792). 2003. 16 мая.

⁴ Северин Т. В Тамбовской области создан межведомственный совет по научно-технической и инновационной политике. URL: <https://www.tambov.gov.ru/news/archive/v-tambovskoj-oblasti-sozdan-mezhvedomstvennyj-sovet-po-nauchno-tehnicheskoy-i-innovacionnoj-politike.html> (дата обращения – 03.04.2021).

⁵ Состоялось заседание межведомственного совета по научно-технической и инновационной политике области. URL: <https://urr.tmbreg.ru/novosti/sostoyalos-zasedanie-mezhvedomstvennogo-soveta-po-nauchno-tehnicheskoy-i-innovacionnoj-politike-oblasti> (дата обращения – 03.04.2021).

в лице Российской Федерации, муниципальными образованиями, субъектами инновационной деятельности, включая субъектов инновационной инфраструктуры (научно-технологические центры и пр.). Закон должен определять объекты, субъекты, направления, виды и формы государственной региональной поддержки инновационной деятельности, особенности отдельных видов и форм государственной региональной поддержки, порядок оказания поддержки субъектам инновационной деятельности в регионе, а также права и обязанности участников инновационных отношений в регионе.

Думается, такого рода кодифицированные акты регионов в сфере инноваций могут стать наиболее оптимальной формой законодательного регулирования инновационных отношений, четко определив правила взаимодействия между всеми участниками инновационных процессов.

Целесообразно на уровне каждого субъекта РФ иметь Стратегию инновационного (научно-технологического) развития (кстати, это было предусмотрено и федеральной Стратегией инновационного развития до 2020 г.). Далеко не во всех регионах подобные Стратегии инновационного (научно-технологического) развития приняты. Однако есть и примеры положительного в этом отношении опыта. Так, отдельные регионы поняли необходимость планомерной реализации инновационного развития и разработали соответствующие стратегии (Томская область, Новосибирская область и др.) или концепции (Нижегородская область, Кемеровская область и др.).

Также не менее важно наладить как на общефедеральном, так и на региональном уровнях систему эффективной реализации принятых законодательных (правовых) положений в области регулирования инновационной деятельности. И это уже почва для проведения *правореализационной политики* в сфере научно-технологического (инновационного) развития. Основная ее цель – достижение на практике результатов правовой политики в области науки, технологий и инноваций (от принятых решений к их осуществлению). Должен быть создан такой действенный механизм, при котором с помощью правовых средств получали бы развитие инновационные идеи, новые технологии, научные разработки, инновационные проекты. Для этого, главным образом, следует сформировать качественные правовые основы функционирования инфраструктуры основных участников инновационных процессов и посредников, обеспечивающих создание научно-прикладных инновационных продуктов, финансовую и иную поддержку инновационных проектов (имеются в виду, прежде всего, корпорации, специализирующиеся на коммерциализации инновационных разработок, в том числе венчурные фирмы¹ и пр.).

Еще одним значимым направлением работы является правовое просвещение участников инновационных отношений. Это должно осуществляться в рамках *правообучающей формы* государственно-правовой политики в сфере науки, технологий и инноваций. Ее целью является создание условий для эффективного воспроизводства научных кадров и закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий, сохранения преемственности поколений в науке и образовании, подготовка кадрового состава специалистов в области инновационного права, а также обучение научных кадров соответствующим правовым компетенциям. Проведение правообучающей политики может быть связано с внешением корректив в систему юридического образования в части усиления учебно-методической составляющей, сопровождающей предметы инновационного цикла (право интеллектуальной собственности, право промышленной собственности и пр.), разработкой новых учебных курсов, отвечающих стратегии инновационного развития (например, курс подготовки патентных поверенных² и пр.)³.

В общем можно отметить, что государственно-правовая политика в сфере научно-технологического (инновационного) развития – это комплексная и вместе с тем специально ориентированная властная и прежде всего юридическая, а равно – управленческая деятельность, направленная на организационное и правовое обеспечение процессов развития науки, технологий и инноваций. Все, что связано непосредственно с государственными решениями и правовой политикой в этой области общественных отношений (правотворчество, правореализация, правовое обучение), должно находиться в единой системе, быть внутренне согласованным, разрабатываться и проводиться в жизнь на основе глубокого научного обоснования, в рамках единой тактики и стратегии, взаимосвязанным и синхронизированным образом осуществляться на федеральном и региональном уровнях. От этого во многом будет зависеть успешное решение задачи в сфере инновационного (научно-технологического) развития современной России, российских регионов и одновременно – способность своевременного и адекватного реагирования Российской Федерации на существующие глобальные экономические и иные не менее серьезные вызовы.

¹ В западных странах (США, Англия, Франция) венчурное предпринимательство является одной из развитых сфер экономики; именно в его рамках проводится основной массив инновационных разработок, которые затем внедряются в промышленное производство. – См. подробнее, например: Гаврилова Ж. Л. Государственное регулирование венчурного инвестирования: мировой и российский опыт // Проблемы современной экономики. 2011. Вып. 3. С. 137–141.

² См.: Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных» // Российская газета. № 4824. 2008. 31 декабря.

³ Трофимов В. В. К проблеме формирования и реализации правообучающей политики в сфере научно-технологического развития современной России (общефедеральный и региональный уровни) // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: материалы III Международной научно-практической конференции. 24–25 мая 2019 года: в 2 т. Т. 2 / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]; отв. ред. В. Ю. Стромов. Тамбов, 2019. С. 470–474.

Червонюк Владимир Иванович

*доктор юридических наук, профессор Московского университета МВД
России имени В. Я. Кикотя*

Chervonyuk Vladimir Ivanovich

*the doctor of jurisprudence, the professor of the Moscow University of the
Mia of Russia named after V. Ya. Kikot*

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

**Киберпространство (цифровая среда) как инновационный объект
правового регулирования: трансграничный
и внутригосударственный контекст**

**Cyberspace (digital environment) as an innovative object of legal regulation:
cross-border and domestic context**

Аннотация. Интернет, без преувеличения можно сказать, образует новое сообщество – IT-среду, или совместно с иными видами цифровых массовых технологий – киберпространство – социотехническую систему, включающую в себя не только блоки информации (технические устройства, базы данных), но и пользователей, подключающихся к этой распределенной сети и интерактивно взаимодействующих между собой. Формирующаяся и постоянно раздвигающая границы своего влияния IT-среда вовлекает в орбиту своего влияния едва ли не каждого человека, множество людей разных возрастных групп, национальностей, верований, культур, социального статуса, при этом существенно изменяя характер межличностных коммуникаций, воздействуя на психику отдельного человека и больших групп людей. Подчиняя интересы и мотивацию людей своему воздействию, не желая действовать в границах права и морали, интернет-среда формирует образы и стандарты человеческих действий и поступков, которые принципиально отличны от общепринятых и социально допустимых в современном социуме. Одновременно с появлением Интернета, развитием иных видов цифровых массовых технологий появилось и раздвигает свои границы пространство, «незаконное» правом: это новый тип пространства, притом характерный для сетевых обществ XXI века; он обладает сущностным своеобразием: виртуальностью, сетевым характером функционирования, многомерностью, нелинейностью, изменчивостью, возможностью быть «вместилищем» для публичных и частных интересов и одновременно пространством и базой для конструирования сетевой идентичности. Несколько пренебрегая методологическими строгостями, можно вести речь о тождественности понятий киберпространства и цифровой среды (не сводя при этом последнюю исключительно к среде «цифры, или киберфизическому пространству).

В этой связи возникает ряд принципиально новых для национального законодателя вопросов: в каких пределах киберпространство может быть частью действия права, и в каких оно недоступно для него; как цивилизовать возникающие в данной сфере отношения, снизить порог конфликтности сталкивающихся в нем различных интересов; применимы ли традиционные средства регуляции для упорядочения разнообразных информационно-коммуникационных отношений или же нужен поиск инновационных регуляторов; можно ли рассматривать киберпространство (интернет-среду) как целостный объект правового регулирования или же оно поддается правовому опосредствованию на локальных участках. Формирование отвечающей духу времени конструкции правового регулирования IT-среды предполагает уяснение ряда базовых положений, в частности: субъектного состава киберпространства, типологии интересов взаимодействующих в IT-среде субъектов, особенностей регулятивно-охранительного инструментария, привлекаемого для регулирования IT-отношений, определение пределов государственного вмешательства в IT-сферу и др.

Ключевые слова: цифровые массовые технологии, виртуальная реальность, сетевое общество, нормативные общности трансграничного действия, IT-среда, цифровая среда, субъектный состав киберпространства, коммуникативные связи в IT-среде, юрисдикция в сфере киберпространства

Abstract. The Internet, without exaggeration, can be said to form a new community – the IT environment, or together with other types of digital mass technologies – cyberspace – a socio-technical system that includes not only blocks of information (technical devices, databases), but also users connecting to this distributed network and interacting interactively with each other. The emerging and constantly expanding boundaries of its influence, the IT environment involves almost every person in the orbit of its influence, many people of different age groups,

nationalities, beliefs, cultures, social status, while significantly changing the nature of interpersonal communications, affecting the psyche of an individual person and large groups of people. By subjecting people's interests and motivation to their influence, which does not want to act within the boundaries of law and morality, the Internet environment forms images and standards of human actions and actions that are fundamentally different from generally accepted and socially acceptable in modern society. Simultaneously with the advent of the Internet, the development of other types of digital mass technologies, a space "unfilled" by law has appeared and is pushing its borders: this is a new type of space, moreover, characteristic of network societies of the 21st century; it has an essential peculiarity: virtuality, network nature of functioning, multidimensional, nonlinearity, variability, the ability to be a "place" for public and private interests, and at the same time a space and base for designing network identity. Somewhat neglecting methodological rigors, we can talk about the identity of the concepts of cyberspace and the digital environment (without reducing the latter exclusively to the environment of "numbers, or cyber-physical space). In this regard, a number of fundamentally new questions arise for the national legislator: to what extent cyberspace can be part of the operation of law, and to what extent it is inaccessible to it; how to civilize relations arising in this sphere, reduce the threshold of conflict of various interests facing it; Whether traditional regulatory tools are applicable to streamline diverse information relationships or whether the search for innovative regulators is necessary; whether cyberspace (the Internet environment) can be considered as a holistic object of legal regulation or whether it is amenable to legal mediation in local areas. The formation of a time-appropriate design of legal regulation of the IT environment involves understanding a number of basic provisions, in particular: the subjective composition of cyberspace, the typology of interests of subjects interacting in the IT environment, the features of regulatory and protective tools involved in regulating IT relations, determining the limits of state intervention in the IT sphere, etc.

Keywords: digital mass technologies, virtual reality, network society, regulatory communities of cross-border action, IT-environment, digital environment, subject composition of cyberspace, communication links in the IT-environment, jurisdiction in the field of cyberspace

---

Постановка проблемы

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовался широким распространением цифровых массовых технологий; Интернет действительно приобрел планетарное значение и не без основания квалифицируется мировой информационной сетью. Как глобальная информационно-телекоммуникационная сеть, связывающая информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального адресного пространства, Интернет, без преувеличения можно сказать, образует новое сообщество – IT-среду, или совместно с иными видами цифровых массовых технологий – киберпространство – социотехническую систему, включающую в себя не только блоки информации (технические устройства, базы данных), но и пользователей, подключающихся к этой распределенной сети и интерактивно взаимодействующих между собой¹. Исследователи проблемы справедливо отмечают, концепт «киберпространство» как раз и получает свое практическое применение для описания «онлайн мира», или виртуальной реальности, в которой интеракции, коммуникация индивидов и групп осуществляются посредством электронных сетей, соединенных средствами информационно-коммуникационных технологий. В этом смысле, как тонко замечено, возникает «коммуникационный гибрид», сводящий воедино места в физическом пространстве и киберпространстве². Безусловно, киберпространство – это новый тип пространства, притом характерный для сетевых обществ XXI века; он обладает сущностным своеобразием: виртуальностью, сетевым характером функционирования, многомерностью, нелинейностью, изменчивостью, возможностью быть «вместилищем» для публичных и частных интересов и одновременно пространством и базой для конструирования сетевой идентичности³.

Следует особо акцентировать внимание на следующем, методологически значимом обстоятельстве: киберпространство несводимо к пространству Интернета, являясь продуктом функционирования любых информационно-коммуникационных технологий, включая и Интернет. В тоже время киберпространство нельзя отождествлять и с виртуальной реальностью, посредством которой коммуницирующие субъекты «погружаются» в киберпространство. Несколько пренебрегая методологическими строгостями, можно вести речь о тождественности понятий киберпространства и цифровой среды (не сводя при этом последнюю исключительно к среде «цифры, или кибер-физическому пространству»). Формирующаяся и постоянно раздвигающая границы своего влияния IT-среда, вовлекает в орбиту своего влияния едва ли не каждого человека множество людей разных возрастных групп, национальностей, верований, культур, социального статуса, при этом существенно изменяя характер межличностных коммуникаций, воздействуя на психику от-

---

¹ Как отмечается в специальной литературе, и пространство, и время трансформируются под совместным влиянием информационно-коммуникационной парадигмы и социальных форм и процессов, вызванных текущим процессом исторических изменений (Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 354).

² Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.

³ См.: Червонюк, В. И. Идея права и право в идеях: монография : в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права / В. И. Червонюк. М.: Юстицинформ, 2021. С. 837 – 845.

дельного человека и больших групп людей. Подчиняя интересы и мотивацию людей своему воздействию¹, не желающая действовать в границах права и морали, среда функционирования информационно-коммуникационных технологий формирует образы и стандарты человеческих действий и поступков, которые принципиально отличны от общепринятых и социально допустимых в современном социуме.

Очевидно, что как национальные правовые системы, так и нормативные общности трансграничного действия не могут оставаться безучастными к этим процессам, не рискуя утратить накопленные человечеством за длительные периоды его эволюции общечеловеческие ценности и приоритеты. С этой точки зрения охранительно-принудительный потенциал действия права должен быть использован как можно более эффективно для подавления деструктивных процессов киберсреды. Одновременно киберсреда создает и такие модели поведения, которые отвечают прогрессивному характеру развития современного общества и вследствие этого требуют содействия государства и его институтов, а, следовательно, юридического признания и придания им свойства конституционности. Соответственно, использование регулятивных возможностей права в этом случае будет благоприятствовать развитию конструктивных процессов в киберсреде.

Одновременно с появлением Интернета, развитием иных видов цифровых массовых технологий, появилось и раздвигает свои границы пространство, «незаполненное» правом. То обстоятельство, что киберпространство в том числе охватывается сферой действия права становится все более очевидным. Однако вопрос о том, как эта специфическая, и до сих пор непознанная сфера правового регулирования может и должна быть урегулирована правом, остается открытым. В этой связи возникает ряд принципиально новых для национального законодателя вопросов: в каких пределах киберпространство может быть частью действия права и в каких оно недоступно для него; как цивилизовать возникающие в данной сфере отношения, снизить порог конфликтности сталкивающихся в нем различных интересов; применимы ли традиционные средства регуляции для упорядочения разнообразных информационных отношений или же нужен поиск инновационных регуляторов; можно ли рассматривать киберпространство (интернет-среду) как целостный объект правового регулирования или же оно поддается правовому опосредствованию на локальных участках.

Для правильной оценки природы киберпространства примечательно следующее обстоятельство. Природа киберпространства, не может быть понята вне его связи с современным человеком. В этом смысле киберпространство есть новая среда существования современного человека. Именно в этой среде не только отдельные индивиды, но и общности людей реализуют себя, удовлетворяют свои интересы и потребности, обусловленные фактором информационного (сетевого) общества. Можно сказать, что пространство для взаимодействия является одной из титульных особенностей киберпространства, в значительной мере отражает его суть. В новейших условиях примеры такого взаимодействия многочисленны: интернет-банкинг, гейминг, социальные сети, электронные торги, новости, онлайн-шоппинг, поисковые системы, электронное правительство, краудсорсинг и др. При этом спектр форм кибервзаимодействий постоянно расширяется. В указанном смысле киберпространство предстает как уникальный социокультурный феномен².

Особенности киберпространства как объекта правового регулирования

Нельзя сказать, что право и Интернет оказались полностью несовместимыми. Однако попытка решения проблемы с позиции традиционных представлений о правовом регулировании, его механизме здесь «не срабатывает»³. Очевидно, что требуется инновационный подход к оценке правового регули-

¹ Безусловно, правы те исследователи, которые постулируют, что Сеть стимулирует появление характерной для нарождающихся коммуникационных сообществ (интернет-сообществ) новой ментальности, вследствие чего формируется мировоззренческая открытость, а потребление все новой и новой информации становится насущной потребностью человека, притом что интерактивность дает ему средства для информационного действия, взаимодействия, противодействия, в конечном счете утверждения своего Эго и себя в киберсреде.

² С указанной точки зрения вряд ли можно согласиться с тем, что сущность киберпространства заключена в том, что «оно представляет собой принципиально новый вид семиотического пространства, в котором операции со знаками осуществляются при помощи современных компьютерных технологий» (Вылков Р. И. Киберпространство как социокультурный феномен, продукт технологического творчества и проективная идея : автореферат дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2009. С. 6). Может быть, приверженцы «старой» философии в предложенном обобщении и усмотрели бы отражение сущности «первого порядка». Однако на исходе первой четверти XXI в. такого понимания киберпространства явно недостаточно.

Более точен автор в том случае, когда отмечает, что «киберпространство выступает как средство для поиска возможностей выявления и понимания новых путей достижения общечеловеческих целей» (Вылков Р. И. Указ. раб. С. 7).

³ Это вопрос более общего характера. Как на это обращают внимание исследователи сетевых обществ, новая социология должна иметь дело с различными видами мобильностей, носителями которых являются живые организмы, предметы материального мира и информация. Соответственно, понятие «общество» как релевантное современной социологии предлагается заменить термином «мобильность» (Урри Дж. Мобильности. М., 2012. С. 306 – 307).

В указанном смысле идея мобильности охватывает систему виртуальной природы, по-другому обозначаемой киберпространством, которое представляет собой неотъемлемую часть природного фона современного сетевого общества (Добринская Д. Е., Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1).

рования киберпространства, базирующийся на принципиально иной парадигме: киберпространство (цифровая среда) есть относительно обособленная область действия права, отличающаяся субъектным составом, юридическими фактами и возникающими на их основе связями, имеющими сугубо информационный характер, содержанием правового поведения участников таких связей, трансграничной и внутригосударственной сферами действия, качественно иными пределами государственного регулирования (вмешательства), сочетанием «мягких» и жестких средств правовой регуляции, имеющих целью обеспечение баланса свободы и безопасности в сети Интернет.

Формирование отвечающей духу времени конструкции правового регулирования интернет-среды предполагает уяснение, по меньшей мере, следующих базовых положений:

Во-первых, субъектного состава киберпространства. Характер, интенсивность, сферы правового регулирования киберпространства обусловлены составом взаимодействующих в киберсреде субъектов, которые с учетом двух типов сталкивающихся в этой среде интересов можно подразделить на две большие группы: (1) пользователи информационно-коммуникационных технологий – основные акторы киберпространства (в мире насчитывается свыше 2 миллиардов, в Российской Федерации более 40 млн пользователей Интернет) и (2) лица (физические и юридические), оказывающие интернет-услуги. При этом следует иметь в виду, что интегрированный в ту или иную социальную сеть или иным образом участвующий не только в потреблении, но и в производстве информации, индивид буквально «обрастает» новыми контактами, которые увеличиваются едва ли не в геометрической прогрессии (некоторые из таких пользователей Сети превращаются в своего рода кибернавта, некоего Иктиандра мирового информационного океана). Следовательно, *первую группу* составляют физические и юридические лица, использующие цифровые технологии для удовлетворения своих интересов; при этом в составе данной группы, можно выделить две категории субъектов, интересы которых направлены на совершение действий: а) имеющих предпринимательский (коммерческий) характер и б) отличающихся иной целевой направленностью. В отличие от первой категории субъектов, представляющей главным образом участников осуществления различных сделок, вторая группа весьма неоднородна. Это: а) участники межличностных коммуникаций, преследующих исключительно удовлетворение собственного (личного) интереса, при этом не имеющего коммерческой направленности; б) преследующие тем или иным образом удовлетворение публично значимых интересов (обращения в органы публичной власти, реализация избирательных прав (например, посредством дистанционного электронного голосования), участие в законотворческой деятельности и др.).

Соответственно, *вторая группа субъектов* киберсреды представлена отдельными лицами и организациями, тем или иным образом обеспечивающими интернет-коммуникации: обладатели информации, владельцы сайтов в сети Интернет и провайдеры хостинга (блогеры), операторы информационной системы, различные саморегулируемые организации, а также юридические лица, организующие функционирование электронных площадок, физические или юридические лица, поддерживающие техническое обеспечение систем, необходимое для электронного взаимодействия и др.

Своего рода *особую группу субъектов* права образует государство, его органы и публичные должностные лица, призванные создавать правовой режим деятельности и соответствующий уровень безопасности в киберпространстве.

Во-вторых, специфику киберпространства отображает типология интересов субъектов, взаимодействующих в цифровой среде. Для каждой из выделенных групп субъектов киберсреды присущ свой, специфический только для нее, тип (класс) интересов, которые по своей направленности и отношению к праву могут иметь позитивную, конструктивную направленность или оказывать деструктивное влияние на цифровую среду; выявление, систематика и описание таких интересов имеет важное значение для осуществления эффективной юридической политики государства, научно обоснованной оценки им предмета правового регулирования киберсреды¹.

При этом обращается внимание на то обстоятельство, что киберпространство предрасполагает индивидов, общности людей к реализации самых разнообразных интересов коммуницирующих субъектов. В этой связи исследователи (к примеру, Барри Уэллман) рассматривают киберпространство в качестве посредника, благодаря которому люди организуют свои дела и заполняют время между встречами. Отмечается, что киберпространство предоставляет ряд несомненных преимуществ: индивиды могут общаться онлайн именно с теми, с кем они хотят. Соответственно, наряду с физическим пространством,

¹ С отмеченным связана более общая проблема – переоценка представлений о предмете правового регулирования, который уже давно не отвечает сложившимся правовым реалиям; применительно к правовому регулированию процессов информационного общества это в особенности становится очевидным. Обобщенно говоря, это означает, что на место бессодержательной абстракции «общественные отношения», необходимо «поставить» концепт «интересы». Тем самым становится возможным тоньше и точнее подойти к выбору правовых средств регулирования, определению правомерного и неправомерного поведения, определения стимулов и негативных санкций обеспечения такого поведения (см.: Червонюк В. И. Механизм и закономерности правообразования (действия позитивного права) в современной России: юридическая конструкция и правовая реальность (в 6-ти выпусках). Вып. 2. Правообразование и правообразующие интересы // Вестник Московского университета МВД России. Специальный выпуск. 2013. № 1. С. 20–26).

продолжающим сохранять свое важное значение, киберпространство становится совокупностью кибермест (cyberplace), благодаря которым индивиды находят или создают новые сообщества, получившие название «виртуальные сообщества»¹.

В-третьих, титульной особенностью киберпространства является поведение, интерактивность субъектов интернет-общения, возникающие на этой основе многочисленные связи, «киберотношения», которые в своей совокупности образуют «киберпорядок». В первом приближении, как верно замечено (М. А. Федотов), миллионы интернет-сайтов и тысячи больших и малых сетей образуют хаос. Однако, если основываться на «теории хаоса», то следует прийти к тому выводу, что именно из хаоса естественным путем рождается порядок – структура правил и система устойчивых интеракций («отношений») между структурами. Соответственно, внутри каждого коммуникационного сообщества постепенно, в процессе информационного взаимодействия субъектов, вырабатываются общие для всех участников правила поведения. Презюмируется, что если эти правила соответствуют ожиданиям субъектов, то появляется доверие внутри сообщества, которое можно определить как возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами поведения². Помимо прочего, сказанное означает, что киберсреда как особое окружение отдельно взятого индивида и социальных общностей вырабатывает присущий ей регулятивный инструментарий. Очевидно, что как национальный, так и международный законодатель не могут пренебрегать такими регуляторами, не рискуя породить в киберсреде высокий уровень негэнтропийности.

В-четвертых, титульной особенностью киберпространства следует считать специфику регулятивно-охранительного инструментария, привлекаемого для регулирования «IT-отношений», или складывающихся в цифровой среде коммуникативных связей, имеющих правовой характер. С учетом отмеченного, правомерным будет вывод о том, что каждому из выделенных типов интересов киберсреды соответствует особый тип (принцип) правового регулирования, соответственно: общедозволительный и общеразрешительный. Отсюда, если действия, поступки пользователей интернет-услугами должны регулироваться на основе общедозволительного типа (принципа), то действия владельцев сайтов, провайдеров хостинга и др. субъектов данной группы должны регулироваться на основе общеразрешительного типа. В рамках отмеченных типов регулирования, применительно к отдельным категориям субъектов (дифференцированных внутри каждой из типологических групп), формируются специфические режимы правового регулирования. Таким образом, специфика субъектного состава киберпространства, присущий каждой из выделенных групп тип интересов (а равно соответствующий им характер правового поведения) объективно предопределяет специфику и состав правового регулирования, выбор публично –и частноправовых методов регуляции, применение особенных правовых режимов, сочетающих комбинации «мягких» и «жестких» средств правовой регуляции.

Разнообразии субъектов киберпространства, многообразии их действий диктуют особый стиль и характер правового регулирования. Так, очевидно, что применительно к правовому регулированию поведения пользователей Интернета в законодательстве может найти закрепление презумпция добросовестности, или добросовестного поведения участников интернет-общения (цифровых коммуникаций), имея в виду, что такая законодательная презумпция предполагает опровержимый характер. В то же время очевидно, что необходимость эффективной борьбы с неправовым поведением (злоупотреблением) в киберпространстве, в том числе как со стороны пользователей интернет-услугами, так и субъектов, организующих предоставление такого рода услуг, предполагает использование охранительно-принудительного потенциала права. Отмеченное в особенности актуально для борьбы с незапрошенными электронными сообщениями (спамом), различного рода кибератаками, причиняющими вред охраняемым законом интересам; в этом случае юридически обязанным поведением компетентных публичных властей должно стать использование «жестких» императивных мер воздействия.

Отмеченное указывает на то, что методологическим ориентиром для выбора государством специфики (типа, метода, правового режима) правового регулирования участников среды должно стать положение, имеющее по своему значению характер юридической аксиомы: степень жесткости правового регулирования в сфере киберпространства предопределена природой реализуемых в данной сфере (и/или затрагиваемых в той или иной мере) основных прав и свобод; одновременно характер мягкости правовой регуляции соизмеряется необходимостью предотвращения злоупотреблений в данной сфере, существующими на момент регулирования задачами обеспечением безопасности личности, общества и государства.

В-пятых, уяснение вопроса о юрисдикции, или о субъекте правотворческого воздействия в киберпространстве и, соответственно, об управляющих возможностях государства в данной сфере. Существующие в теоретической и практической юриспруденции подходы к решению данной проблемы

¹ Wellman B. Physical place and cyberplace: the rise of personalized networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25 (2). P. 247; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 386.

² Лессиг Л. Свободная культура. Как медиаконцерны используют технологии и законы для того, чтобы душировать культуру и контролировать творчество : пер. с англ. М., 2007.

нельзя признать удовлетворительными. Так, «теория национальной юрисдикции» (суверенитет над национальным сегментом Интернета принадлежит той стране, на территории которой он (сегмент) размещается) не учитывает то обстоятельство, что правовое регулирование виртуального пространства, находясь вне территориальных пределов национальных государств, может лишь отчасти быть урегулировано национальным законодательством. Остается открытым вопрос относительно тех ситуаций, когда принадлежность к определенному сегменту Интернета остается не вполне определенной. Предложение об использовании в правовом регулировании аналога визового режима для коммуникации между сегментами выглядит убедительным в проекте и совсем неочевидна его реализуемость в юридической практике. Отличающаяся, на первый взгляд, значительной новизной идея «четвертого интернационального пространства»¹ выглядит привлекательной в теории. На практике же дистанцирование государства от решения возникающих в сфере киберпространства проблем чревато серьезными последствиями. Видимо, поэтому внутригосударственное регулирование такого рода проблем в юридической практике современных государств становится все более очевидным. Это соответствует и международным обязательствам национальных государств: обусловленное международными стандартами положение об обеспеченности каждого эффективными средствами правовой защиты (ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) требует от национальных публичных властей предоставления пользователям основных прав и свобод достаточных правовых средств для эффективного и беспрепятственного пользования информационными ресурсами, без риска умаления принадлежащих им прав и свобод.

Очевидно, что решение проблемы требует поиска «золотой середины – рационализации усилий как национальных государств, так и поиска оптимальных моделей правового регулирования на наднациональном уровне. Решение данной проблемы по аналогии с гуманитарным правом здесь представляется наиболее приемлемым»².

В связи с отмеченным принципиально важно правильное понимание таких ключевых характеристик киберпространства, как его трансграничность и динамизм «киберпроцессов». Трансграничность – это такой признак, который не позволяет применить к оценке правового регулирования классические постулаты этой теории, поскольку известные принципы действия права в пространстве здесь или не срабатывают, или их применение возможно со значительными оговорками.

Динамизм «киберпроцессов» предъявляет особые требования к правоприменению в киберпространстве, вследствие чего, к примеру, применение закона по месту нахождения ответчика (в гражданском праве) или совершенного деликта (в публичном и частном праве) не актуально. Если применительно к оценке территории в ее классическом понимании, недвижимое всегда находится на той или иной территории, а значит, она всегда локализована, то информация в киберпространстве, напротив, постоянно движется. Совершая какие-либо действия (вербального характера) в отношении пользователя Сети, находящегося в границах территории Российской Федерации, сам же контрагент такого правопользователя может пребывать в любой точке мира, формально-юридически оставаясь недоступным для государства и его агентов, включая суды. В этом случае суд может обязать, в частности, хостинг-провайдера, но только находящегося под юрисдикцией национального суда, совершить определенные действия в пользу истца (потерпевшего). В ином случае решения суда может иметь только идейно-мотивационное значение.

Отсюда и вопрос о том, какое законодательство должно быть применено, при распространении российским гражданином информации на сайте, расположенном на сервере другого государства, остается открытым. Таким образом, остающийся актуальным при оценке действия законодательства вопрос о территории государства, в рассматриваемой ситуации не решает проблемы. Хотя, конечно, судебная и правоприменительная практика связана действием принципа национальной принадлежности сайта (т. е. юрисдикция государства распространяется на сайты, имеющие адреса, соответствующие адресному пространству России в сети Интернет). В этом смысле с развитием глобальной Сети понятие территории, не утрачивая своего методологического значения в механизме правовой регуляции, уступает место более общему понятию – пространства.

В шестых, *при оценке регулирующего воздействия в Сети (Интернете) принципиально важно учитывать происходящие трансформации в ней*. В отличие от начального этапа развития Сети, характеризовавшегося обеспечением доступа к информации (его обозначение Web 1.0), последующих этапов, соответственно Web 2.0 (вовлечение пользователей в формирование контента) и Web 3.0 (эпоха социальных сетей и мессенджеров), современный, новейший этап связан с тенденцией подключения к Сети не только огромного количества людей, но и иных устройств (IT-вещей – Internet of Things), а также развитием технологий виртуальной или «дополненной» реальности (Virtual Reality – VR, Augmented Reality –

¹ Данный подход обоснован в работе Даррела Менте «Теория интернациональных пространств (см.: Darrel Menthe, Jurisdiction In Cyberspace: A Theory of International Spaces 4 Mich. Tel. Tech. L. Rev. 3 (April 23, 1998).

² См.: Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в 9-ти выпусках). Вып. 8. Гуманитарное право как проявление мультиструктурных преобразований в современных правовых семьях // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 55–62.

AR). Как отмечается в экспертном сообществе, указанные технологии качественно влияют на реализацию и возможность нарушения фундаментальных прав человека. Компетентная литература исходит из того, что в новейших условиях значительную часть контента в Интернете составляет «пользовательский» контент, что предопределяет необходимость радикального пересмотра существовавших в эпоху «статического» Интернета подходов к правовому регулированию, включая адресное применение принудительно-охранительного потенциала, в том числе установление ответственности в IT-среде.

В-седьмых, знаковым для понимания природы киберпространства является уяснение вопроса о пределах государственного вмешательства в сферу правового регулирования процессов в сфере киберпространства. Прежде всего, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: границы киберпространства несводимы к границам физического пространства, они подвижны и изменчивы. В указанном смысле киберпространство «рассеяно повсюду, и одновременно оно не отображено ни на одной карте мира». Киберпространство едино и неделимо границами национальных государств, представляет собой бесконечные возможности для коммуникации. Оно есть потенциал, реализуемый каждым, кто в него погружается и кого оно «захватывает» помимо собственного желания. Понятно, что для исследователя киберпространство представляет интерес с точки зрения внутренних отношений – новые формы социализации, а также его соотнесение с реальным географическим, физическим пространством.

При оценке данной проблемы наблюдаются две тенденции. С одной стороны, в условиях формирующегося глобального информационного общества государство обязано следовать в своей политике существующим стандартам в данной сфере (ст. 3 Окинавской хартии глобального информационного общества, подписанной представителями государств «Большой восьмерки» 22 июля 2000 г.); в этой связи должны быть обеспечены внутрисударственные гарантии для реализации прав и свобод в киберпространстве и, прежде всего, как представляется, признания права на доступ в Интернет – фундаментального права¹, содержательный контекст которого дает основание отнести его к числу прав четвертого поколения. Этим обстоятельством обусловлены и корреспондируемые данным правом обязанности государства (обеспечить каждому возможность подключения к сети, минимальную скорость соединения и др.). Понятна в этой связи озабоченность интернет-сообщества относительно попыток ограничения свободы слова в рамках пользования сетью Интернет, законодательное закрепление в связи с этим процедуры блокировки интернет-сайтов.

С другой стороны, с развитием интернет-технологий, иных информационно-телекоммуникационных технологий неизмеримо возросло значение защиты права на неприкосновенность частной жизни в информационной сфере, остро напоминает о себе дилемма «раскрытие информации – защита частной жизни»; обеспечение безопасности личности, общества и государства от различного рода кибератак в контексте разворачивающейся информационной войны, угроз со стороны кибертеррористов и киберпреступников диктует необходимость «присутствия» в определенных законом пределах государства в данной сфере и связанного с этим эффективного использования им охранительного потенциала права.

В-восьмых, специфика киберпространства предопределяет целесообразность принятия унифицированного международно-правового акта в сфере правового регулирования «интернет-отношений». Специфический состав участников интернет-общения, экстерриториальный характер такого рода действий и, соответственно, сложный характер правового регулирования виртуального пространства указывает на то, что для организации цивилизованного поведения участников интернет-общения, защиты Интернета и других информационно-коммуникационных сетевых технологий от угроз и уязвимости национальных средств регуляции недостаточно. В этой связи идея унификации норм, издание кодифицированного международного нормативного правового акта, регулирующего интернет-отношения, представляется более чем убедительной, ее реализация позволила бы избежать трудностей с вопросами юрисдикции, следовательно, применением санкций за правонарушающие действия в киберпространстве. Позитивные примеры реализации данной идеи на региональном уровне существуют. Так, для борьбы с киберпреступностью Советом Европы разработан и принята «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации» («Convention on Cybercrime»). Участниками этого международного договора являются как члены Совета Европы, так и иные государства – Аргентина, Австралия, Канада, США, Япония и др. Что касается универсального уровня, то таким актом мог бы стать Кодекс информационной безопасности – проект «Правил поведения в области обеспечения международной информационной безопасности», инициированный к рассмотрению в рамках ООН четырьмя государствами – членами ООН – КНР, Российской Федерацией, Таджикистаном и Узбекистаном (сентябрь 2011 г.).

В этой связи можно согласиться и с идеей разработки международной конвенции, которая бы установила: а) зоны национальной юрисдикции; б) общие правила локализации норм национального законодательства в киберпространстве, в том числе во времени и по кругу лиц; в) правила соблюдения в Интернете международных конвенций о правах человека, а также других международных конвенций.

¹ Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 2 / В. И. Червонюк. 2-е изд., дополн. и перераб. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 453 – 460; Его же: Идея права и право в идеях. В 2-х т. Том II: Теория конституционного права: страноведческий и сравнительно-правовой анализ : монография / В. И. Червонюк. М.: Юстицинформ, 2021. С. 345 – 351.

Проблема правового регулирования интеракций, интернет-контактов, информационных и иных связей и коммуникативного общения в киберсреде

Общепризнанным является тот факт, что в современных условиях единой концепции регулирования различного рода связей («интернет-отношений») как следствия коммуникативных интеракций, реализующихся в информационной среде глобальных компьютерных сетей, в цифровой среде в целом («киберрегулирования»), не существует, притом как на уровне отдельно взятого государства, так и на наднациональном уровне; конвенциональное право универсальных международных актов слабо проникает в данную сферу. Возможности саморегуляции в киберпространстве хотя и привлекаются, они, несомненно, оказывают регулятивный эффект, однако этого явно недостаточно для динамично развивающейся сферы взаимодействия как отдельных индивидов, так и их объединений. Достаточно сказать, что осуществляемая в интернет-среде деятельность, отвечающая всем признакам предпринимательской деятельности, лишь в некоторой степени является объектом налогообложения, а отсутствие четких границ (пределов) поведения различных акторов интернет-общения нередко сопряжено со злоупотреблением правом, ущемлением прав и интересов иных лиц, равно как и публичных интересов государства. Государственное регулирование сферы оказания услуг потребителей товаров, работ или услуг, предоставляемых в электронной форме с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иных цифровых инструментов, явно недостаточно опосредуются правом, следствием чего выступает правовая незащищенность и невозможность получения таких услуг.

Не отличаются правовой определенностью имеющие конституционное значение такие права и свободы, как право на доступ в Интернет, право электронного голосования, право на забвение и др. Использование публичными властями информационно-коммуникационных технологий также часто входит в противоречие с основными правами и свободами как отдельных граждан, так и их объединений.

Как отмечалось, принципиально важен вопрос о возможностях регулятивного и охранительно-принудительного потенциала права в рассматриваемой сфере, равно как и о пределах государственного регулирования (вмешательства в пространство Сети).

Определение роли правового инструментария в регулятивных процессах, касающихся киберпространства, предполагает знание относительно иных социальных регуляторов в данной сфере. По утверждению американского ученого, профессора Лоуренса Лессига, «киберпространство неминуемо будет регулироваться четырьмя социальными регуляторами: законом, этическими нормами, формируемыми интернет-сообществом, законами рыночной конкуренции и, наконец, программным кодом»¹. Очевидно, что первые из трех регуляторов не являются специфичными исключительно для сферы киберпространства; таковым специфичным регулятором, прежде всего, является «программный код». По мнению, исследующего данную проблему М. А. Федотова, функции кода в киберпространстве весьма разнообразны: это программные средства, ограничивающие поведение пользователей наложением определенных условий, которые пользователи должны соблюдать для пользования диалогового режима; следование требованию пароля доступа, о запрете анонимного посещения или множественности адресов электронной почты, о возможности шифрования, о допустимости фильтрации содержания, в частности со стороны родителей, и т. д. Словом, значение программного кода как особенного, технико-правового регулятора существенно: он позволяет лицам, не являющимся носителями власти, закреплять правила, влияющие не только на выбор информационных услуг, но и на поведение человека в киберпространстве в целом².

И все же, при общей недооценке роли закона (правовых регуляторов в целом) в новых условиях, что в особенности касается сферы киберпространства, уяснению подлежат вопросы сущностного характера: о выборе метода (методов) и способов правового регулирования, определении юридических форм правового воздействия, их пределах и др.

Очевидно, что утверждение о том, что здесь традиционный (классический) инструментарий права не работает, отличается сильным преувеличением. Точно так же следует считать методологическим заблуждением утверждение о том, что «в интернет-среде понятие «пространство» лишается однозначной географической определенности, понятие «время» не привязано ни к какому часовому поясу, а понятие «круг лиц» включает не физических и юридических лиц, а компьютеры и другие устройства, участвующие в сетевом взаимодействии и идентифицируемые по их адресам и другим технологическим деталям»³. Если бы это было так, как это представляется не только цитируемому автору, то тогда исключалась бы возможность какого-либо правового воздействия на акторов интернет-пространства. Однако достаточно обратиться к действию целого ряда положений Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», чтобы убедиться в обратном.

¹ Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. NY. : Basic Books, 1999. P. 2 ; Idem. Code. Version 2.0. NY. : Basic Books, 2006. P. 338.

² Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. Т. 10. № 1. С. 4 – 24.

³ Там же. С. 4 – 24.

Следует критично отнестись и к распространенным оценкам роли правового инструментария в регулировании «киберпроцессов». Позиция, основывающаяся на том, что классические методы и способы правового регулирования в данном случае неприменимы, требует серьезной коррекции, в связи с чем предложение о целесообразности использования «особого» метода информационно-правового регулирования¹ представляется малопродуктивным. Специфическими инструментами является комбинация правовых средств, порождающая необходимость использования в киберпространстве особенных правовых режимов. Законодательное установление таких правовых режимов находится в зависимости от множества факторов, среди которых, как показывает анализ проблемы, на первый план выступают факторы метаюридического порядка.

Структура права и «право киберпространства»

Общий вывод исследователей проблемы сводится к тому, что «развитие глобальных компьютерных сетей обусловило в зарубежных странах и в Российской Федерации необходимость формирования соответствующей специальной отрасли права, призванной урегулировать общественные отношения, возникающие и формирующиеся в процессе использования сети Интернет, характеризующейся наличием самостоятельного предмета и специфического метода правового регулирования»². Как представляется, такой вывод входит в противоречие с общими закономерностями развивающейся структуры права³. С учетом отмеченного, очевидно, можно считать «право киберпространства» в качестве внеотраслевой нормативной общности. При этом, безусловно, речь идет и о развитии данного образования внутри уже устоявшихся отраслей права – административного гражданского, уголовного, процессуального и др.

---

¹ Тедеев А.А. Теоретические основы правового регулирования информационных отношений, формирующихся в процессе использования глобальных компьютерных сетей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7 – 8.

² См., например: Тедеев А. А. Теоретические основы правового регулирования информационных отношений, формирующихся в процессе использования глобальных компьютерных сетей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9 – 10.

³ Червонюк В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в 9 вып.). Выпуск третий. Структурные уровни, ряды права. Правовые общности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 3. С. 11–16; Его же: Структура права: закономерности формирования и развития (в 9 вып.). Выпуск четвертый. Параотрасли в структуре отечественного права // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. № 4. С. 156–161; Его же: Идея права и право в идеях: в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права : монография / В. И. Червонюк: монография. М.: Юстицинформ, 2021. С. 357 – 377.

Шафиров Владимир Моисеевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Shafirov Vladimir Moiseevich

doctor of law, professor, professor, honored worker of higher school of the Russian Federation

E-mail: vshafiroff@gmail.com

Правоприменение и мораль

Administration of law and morals

Аннотация. В научной и учебной литературе подчеркивается важность взаимосвязи права и морали. На органичное их сочетание ориентируют профессиональные этические кодексы. Но в правоприменении моральные принципы нередко не рассматриваются как руководство к действию. Это ведет к содержательным ошибкам. Во многом этому способствует – доминирование в теории и на практике позитивного (часто узконормативного) формального понимания права. Делается вывод, что нужно сменить парадигму правопонимания. Практику должно направлять конституционное понимание права. Конституция не только юридический, но нравственный документ. Решать по-человечески предназначение и морали, и права.

Ключевые слова: право, Конституция, конституционное правопонимание, права и свободы, правоприменение, мораль

Abstract. Importance of correlation between law and morals is emphasized in scientific and course books. Professional codes of ethics focus on their seamless balance. But in administration of law moral principles are rarely regarded as guidelines for action. This causes significant mistakes. To a great extent supremacy of positive (statutory) formal understanding of law in theory and in practice contributes to it. The conclusion is made that the paradigm of legal understanding should be replaced. Practice must /be led by constitutional legal understanding. Constitution is not only legal but also moral document. The intent of both moral and law is to make the decisions humane.

Keywords: law, constitution, constitutional legal understanding, rights and freedoms, administration of law, morals

---

Право и мораль важнейшие социальные феномены, мегарегуляторы. Исследованию различных аспектов их взаимовлияния друг на друга посвящены в отечественной научной литературе многочисленные работы (монографии, статьи в журналах, сборниках), неоднократно проводились научно-практические форумы. Отдается этой проблеме должное внимание в учебниках, учебных пособиях, как по теории права и государства, так и по отраслевым дисциплинам. Не стоит в стороне и юридическая практика. Для углубления взаимовлияния права и морали в правоприменительном процессе обновлены профессиональные этические кодексы: Кодекс судейской этики, Кодекс этики прокурорских работников, Кодекс этики и служебного поведения полицейских, Кодекс профессиональной этики адвоката, Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих и т. д.

Так, в Кодексе судейской этики установлено: «Судебная защита прав и свобод человека может быть обеспечена только компетентным и независимым правосудием, осуществляемым на началах справедливости и беспристрастности. Такое правосудие предполагает соблюдение каждым судьей правил профессиональной этики, честное и добросовестное исполнение своих обязанностей, проявление должной заботы о сохранении как своих личных чести и достоинства, так и достоинства и авторитета судебной власти (преамбула); «соблюдение Кодекса судейской этики должно быть внутренним убеждением судьи, правилом его жизни, должно способствовать укреплению доверия общества к судебной системе, его уверенности в том, что правосудие осуществляется компетентно, независимо, беспристрастно и справедливо» (ч. 3, ст. 4); «судья должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи» (ч. 1, ст. 6).

Увы, в правоприменительной практике принципы и нормы этических кодексов часто не рассматриваются как руководство к действию. Дело в том, что профессиональное правосознание большинства отечественных юристов закладывалось в рамках юридического позитивизма, его важнейшего направления – нормативной школы правопонимания. Это довольно жесткий (государствотрицентристский подход), который сформировал образ строго, формального, чисто внешнего, ограничивающего свободу, безучастного по отношению к справедливости, обязательно-принудительного права. Право не рассматривается как свойство личности, наоборот, ей отводится малозаметная, подчиненная роль. Приоритет отдается институциональным ценностям (государству, законам, подзаконным актам, нормам). Единственным источником права является государство. Право – это приказы, предписания государства. В основе их реализации лежит принцип формальной законности, требующий строгого и неукоснительного соблюдения государственно-властных, обязательных юридических норм. Стали аксиоматичными слова: закон суров, но это закон; пусть рухнет мир, но торжествует закон; даже законы, содержащие величайшую глупость надо соблюдать; закон, пусть даже несовершенный лучше, чем его отсутствие.

Мораль же воспринимается иначе: выводится из природы человеческого общества, рассматривается в качестве общечеловеческой ценности. Она предполагает свободу выбора поведения, добросовестность и добровольность реализации своих принципов и норм, ориентирует на достижение блага, добра, справедливости, равенства, лежащих в основе интересов отдельного человека и всех людей.

Итак, если мораль обязывает решать дела справедливо, во благо, разумно, по-человечески, то для права с позиции юридического позитивизма (в жестком варианте) достаточно сделать это формально правильно.

Этому есть и философское обоснование, и, прежде всего, этика И. Канта. Особенность этики Канта в том, что мораль и право он рассматривает в аспекте обязанности. И. Кант различал обязанности правовые и моральные. Первые Кант называет внешними, вторые внутренними. Учение о праве и учение о добродетели (морали) отличаются друг от друга не столько своими разными обязанностями, сколько характером законодательства, связывающего с законом разные мотивы. По сравнению с этическим законодательством юридическое законодательство допускает и иной мотив, а не саму идею долга. Таким подходящим мотивом юридического законодательства является внешнее принуждение. Юридическое законодательство (строгое право) «...должно принуждать, а не быть привлекательной приманкой»¹. Поэтому право и правомочие принуждать одно и то же.

В соответствии с взглядами И. Канта была выработана философом В.С. Соловьевым формула: «право низший предел нравственности, равно для всех обязательный». При этом В.С. Соловьев считал, что «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в царство божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад»².

Изложенная выше позиция на соотношение права и морали оказала влияние не только на нормативную школу понимания права. По мнению, В.С. Нерсисянца – создателя либертарно-юридической теории («либертарный» от лат. *libertas* – свобода): «...1) право и мораль – принципиально различные социальные явления, нормы, регуляторы; 2) специфическим принципом права (в его различении с законом) является принцип формального равенства; 3) с точки зрения юридического правопонимания, принцип морали есть принцип автономной саморегуляции личностью отношения к себе и к миру, своего поведения; 4) соотношение права и морали – это соотношение разных принципов; 5) закон (позитивное право) должен быть правовым, но не моральным... Морализация закона столь же ошибочна и вредна, как и узаконение (огосударствление) морали»³.

Бесспорно, вредны как морализация права, так огосударствление морали. Но это две крайности. Несовпадение между правом и моралью, безусловно, существует, но из этого вовсе не следует, что право и мораль принципиально различные социальные явления. Более значимо другое: право и мораль два самостоятельных, но одинаково ценных для личности нормативных регулятора. От их взаимосвязи, взаимодополнительности во многом зависит благополучие человека. Суждения о праве как строгом явлении, сфере только внешней свободы, «минимуме нравственности», что праву не свойственна саморегуляция личностью своего поведения, следует признать ошибочными. Здесь не учитывается, что в праве ведущую роль играют права человека и гражданина. Механизм их реализации схож с механизмом действия морали. Главная сближающая черта такого механизма – ориентированность на свободную личность, ее волеизъявление, субъективную сторону поведения, на достижение справедливости, равенства, поддержку добросовестных, несущих благо, добро людей.

Внешняя, формальная организация осуществления прав и свобод со стороны публичных органов власти искажает природу, сущность и миссию права, вырабатывает формализм или формальный подход к применению принципов и норм права. Непонимание данного факта ведет к тому, что у

¹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч.2. С. 126.

² Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск, 2001. С.42.

³ Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право 1998. № 8. С. 116.

значительной части практиков складывается устойчивая психологическая установка, а, именно, безопаснее для карьеры не выйти за рамки, добиваться только формального соответствия действий и решений юридической норме. Это есть та цель, тот результат, к которым надо стремиться. Другие цель и результат (справедливость, добросовестность, гуманизм и т. п.) в сфере правовой действительности считаются абстрактными, почти или вообще недостижимыми. Такой психологический настрой формирует и соответствующее ему поведение. Приобретается привычка (и тем более это закономерно), поступать соблюдая лишь внешнюю сторону дела, не вникая в его суть. Иными словами, содержательная сторона дела затеняется формализмом, благодаря чему, он во многих случаях становится просто нужной формальностью. Соответственно определяющая роль отдается обязательным юридическим нормам. Их надо в первую очередь соблюдать, защищать. Гражданин, его права, интересы в подобных обстоятельствах уходят на дальний план. Да, и желание обратиться к моральным ценностям, кодексам профессиональной этики вряд ли возникает. Ведь нужно работать нестандартно, не по схеме, а всякая не шаблонность, новизна для таких правоприменителей равносильны хождению «по минному полю». Все это ведет к существенным профессиональным ошибкам, число которых растет. Примеров игнорирования значения морали в правоприменительной сфере предостаточно. Вот лишь три из них.

Пример первый. Судами разных инстанций удовлетворен иск ООО "Газпром трансгаз Москва" к гражданину Т. об устранении нарушений в охранной зоне газораспределительной станции. Суды пришли к выводу о наличии оснований для сноса спорных построек (дом, теплица, два хозяйственных строения и ограждение) за счет ответчика. Гражданин Т. обратился с жалобой в Конституционный Суд РФ о проверке соответствия Конституции РФ положений пункта 6 части четвертой статьи 392 ГПК РФ, пункта 1 статьи 222 ГК РФ и статьи 32 Федерального закона "О газоснабжении в Российской Федерации", поскольку, по его мнению, оспариваемые нормы не позволяют судам пересмотреть по новым обстоятельствам его дело. Конституционный Суд постановил, что обжалуемые нормы не противоречат Конституции. Вместе с тем, Высший Суд сформулировал для правоприменительной практики очень важные и обязательные положения.

«Ограничения права собственности, продиктованные публичными интересами, требуют достижения баланса личных и общих интересов при неукоснительном соблюдении конституционно обоснованных принципов справедливости, разумности и соразмерности...

Конституции Российской Федерации закрепляет, что в России создаются условия для взаимного доверия государства и общества, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность...

При этом действующее законодательство исходит из принципа защиты добросовестных участников гражданского оборота, проявляющих при реализации своего права добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность...

Следовательно, при введении ограничений права собственности на земельные участки баланс частных и публичных интересов достигается в том числе тем, что собственники участков должны иметь возможность знать об ограничениях их прав. Именно наличие такой возможности обуславливает допустимость привлечения лица, осуществившего постройку с нарушением ограничений, к ответственности в виде ее сноса за его счет...

Рассмотрение судами требований о сносе постройки по причине нарушения ограничений в использовании земельного участка, на котором она расположена, в любом случае подразумевает обязательность выяснения того, знало ли осуществившее постройку лицо и могло ли знать о наличии ограничений. Если это лицо не знало и не могло знать о наличии ограничений, возведенная им постройка не может быть признана самовольной и на него не может быть наложена санкция в виде обязанности снести ее за свой счет и без возмещения. Причем при оценке поведения лица, осуществившего постройку, действующее законодательство исходит из принципа защиты добросовестных участников гражданского оборота. Его проявлением выступает и рассматриваемое регулирование, запрещающее относить к самовольным постройки, возведенные с нарушением тех ограничений, о которых это лицо не знало и не могло знать.

Конституционный Суд Российской Федерации, в свою очередь, не раз подчеркивал взаимосвязь добросовестности с надлежащей заботливостью и разумной осмотрительностью участников гражданского оборота... Добросовестный правообладатель земельного участка не станет возводить постройки в зоне действия ограничений, запрещающих эти постройки, если наличие таких ограничений – с учетом фактических обстоятельств – очевидно для лица, действующего с надлежащей осмотрительностью и заботливостью о собственных интересах...

Цели юридического оформления ограничений на возведение построек в настоящее время призвана служить система государственной регистрации прав на недвижимое имущество, в которой согласно части 3 статьи 1 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости" отражаются признание и подтверждение ограничений этих прав. Институт государственной регистрации прав на недвижимое имущество введен законодателем как призванный обеспечивать правовую определенность в сфере оборота недвижимости, с тем чтобы участники правоотношений имели возможность в разумных преде-

лах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей»¹.

Пример второй. Фиктивная регистрация по месту пребывания или месту жительства отнесена уголовным законом к преступлению. Количество таких преступлений не мало. Но формальный подход в таких случаях не допустим. Об этом напомнил в своем постановлении Верховный Суд РФ. В п.18 разъяснено: «При правовой оценке действий, заключающихся...в фиктивной регистрации (постановке на учет) по месту пребывания или месту жительства, судам необходимо принимать во внимание положения части 2 статьи 14 УК РФ о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. При решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, судам необходимо учитывать, в частности, мотив и цель, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), его отношения с лицом, в связи с которым были нарушены положения миграционного законодательства (например, при фиктивной регистрации близкого родственника по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации)»².

Следовательно, если гражданин фиктивно регистрирует в своем доме, квартире близкого родственника (взрослого, ребенка) бескорыстно, от доброй души желая помочь пройти квалифицированное лечение или поступить в вуз, колледж, специализированную школу и т. п., то такие действия, хотя и формально содержат признаки преступления, но уголовной ответственности не влекут. Данное разъяснение Верховный Суд дал в целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об уголовной ответственности при фиктивной регистрации, рекомендуя учитывать, не только юридическую, а и нравственную сторону поведения. Это позволяет избежать ошибок при рассмотрении уголовных дел, связанных с фиктивной регистрацией, не допустить ограничения прав человека и гражданина.

Пример третий. Гражданин Д. Донецким городским судом Ростовской области осужден за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза табачных изделий к 3 годам лишения свободы. Приговор был обжалован. Однако апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда, определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции приговор оставлен без изменения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрев в судебном заседании кассационную жалобу адвоката в защиту осужденного Д. пришла к выводу, что приговор подлежит изменению по следующим основаниям.

«В силу ст.6 УК РФ наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного...

...Из материалов дела усматривается, что незаконное перемещение табачных изделий через Таможенную границу Таможенного союза не носило систематический характер... Д. свою вину признал, в содеянном раскаялся, подробно пояснил об обстоятельствах перемещения табачных изделий через таможенную границу, в том числе о причине, побудившей совершить его это преступление, о том, что он ранее незнакомому ему мужчине, сообщил, что ему трудно трудоустроиться в городе и содержать своих детей, но у него имеется моторная лодка, на что мужчина предложил ему перевезти через границу на реке сигареты за денежное вознаграждение, заверив, что в его действиях максимум будет административный штраф за хозяйственную деятельность вблизи границы... В ходе судебного разбирательства также было установлено, что Д. проживает совместно с супругой, которая не работает, а также с двумя малолетними детьми и престарелыми родителями, сам Д. работал грузчиком... и ежемесячный размер его заработной платы составлял 8 000 рублей...

...Суд при наличии вышеуказанных обстоятельств, которые могли послужить основанием для применения положений ст. 73 УК РФ не привел мотивов, по которым он пришел к выводу об их недостаточности для назначения осужденному наказания без изоляции его от общества... Суд лишь формально сослался на степень общественной опасности содеянного, не приведя конкретных обстоятельств преступления, которые бы свидетельствовали о высоком уровне общественной опасности содеянного им...»³.

Судебная коллегия, исследуя выявленные судом при рассмотрении уголовного смягчающие обстоятельства приходит к выводу о их достаточности и возможности исправление осужденного без ре-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2021 г. N 48-П "по делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона "О газоснабжении в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Ю.В. Тихонова".// Российская газета 2021, 26 ноября.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. N 18 г. Москва "О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией". // Российская газета 2021, 17 июля.

³ Определение суда кассационной инстанции г. Москва 16 сентября 2021 г №41-УД21-28-К4 <https://vsrf.ru/stor.php?id=2038062>

ального отбывания наказания. Приговор был изменен. Д. было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на три года условно, с испытательным сроком на два года.

Свою позицию против формализма при разбирательстве уголовных дел выразил Конституционный Суд РФ: «Исходя из принципов равенства перед законом и судом, справедливости...

...Суд не должен во избежание искажения сути правосудия ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона...»¹.

Конечно, из чего не вытекает, что содержательные ошибки имеют место лишь в судопроизводстве. Они выявляются также в работе полиции, следственного комитета, прокуратуры, органов исполнительной власти и т. д. Их наличие показывает не способность правоприменительной практики в целом, построенной на односторонне позитивистском (узко нормативном) восприятии права преодолеть формальный подход к решению дел. Даже тогда, когда, казалось бы, все формально по закону, но справедливости с правовой и с моральной точки зрения нет, права человека нарушаются и он ставится в невыносимые условия.

Более успешно преодолевать формализм будет возможно, если организующая деятельность публичных органов власти начнет строиться на применении не только юридических, но и нравственных принципов и норм, на учете их взаимодополнительности. Думается, для этого разрабатывались и принимались профессиональные этические кодексы. На взаимодействие права и морали ориентирует Конституция РФ, поправки к ней, принятые в ходе Общероссийского голосования 4 июля 2020 года. В Основном правовом документе страны красной нитью проходит человеческое измерение или человекоцентризм: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст.2). Данное нормативное положение объективно требует усиления согласования взаимовлияния, взаимодополнительности права и морали во всех видах юридической деятельности, включая и применение права. В человекоцентризме органично соединены нравственные и правовые начала. Ведь их объединяют общие ценности – человек, его права, свободы, обязанности. Защита нравственности отнесена к числу основных приоритетов главного правового документа страны (ч.3. ст. 55).

Чтобы право-нравственный механизм эффективно работал следует изменить парадигму правопонимания. И для этого есть теоретический и нормативный фундамент. При построении Конституции были четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся не только на положениях юридического позитивизма, но и «...на естественно-правовом подходе к пониманию права»². Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст.18); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). Содержание права составляют права и свободы человека и гражданина (а не формальные нормы), они являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст.18). Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный естественно-позитивный характер.

Следовательно, Конституция не только юридический, но и нравственный документ. Верховенство права есть, прежде всего, верховенство Конституции, в которой органично соединяются начала права и морали.

К сожалению, настоящий исторический факт официального нормативного закрепления в Конституции новой доктрины правопонимания остался до конца еще недооцененным, недостаточно востребованным, и в теории, и на практике. Соответственно медленно меняется отношение к морали. Она часто не воспринимается в качестве нужного (дополнительного) регулятора правоотношений. Без ее применения затруднительно преодолеть формальный подход к правам, интересам личности. Отсюда надо всячески поддерживать, пропагандировать, стимулировать каждый случай право-нравственной деятельности органов власти. Положительные факты такой деятельности есть в каждом регионе страны. Вот один из них.

Не мало историй с малолетними детьми, которые страдают редкими заболеваниями. При этом по жизненным показаниям такие дети из-за отсутствия альтернативных неинвазивных препаратов нуждаются в приеме дорогостоящего лекарственного препарата, курс лечения которым на год может составлять более 100 млн рублей. Для спасения умирающего ребенка никакие благотворители и жертвователи собрать такую сумму не смогут. Зато это может сделать государство. Однако нередко спасение детской жизни зависит от чиновника регионального уровня, который боится или просто не хочет обращаться на федеральный уровень. Так произошло в Кировской области, где родителям мальчика с очень редким смертельным заболеванием в министерстве здравоохранения области формально отказали в покупке дорогостоящего лекарства (120 млн рублей на год) из-за того, что оно не зарегистрировано в России.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова» от 15 июня 2021 г. N 28-П. Российская газета 2021, 23 июня.

² Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 53.

Чтобы восстановить права несовершеннолетнего, прокуратура Кировской области направила в суд исковое заявление с требованием о возложении обязанности на региональный минздрав обеспечить его лекарством в необходимом объеме. Суд требования прокуратуры удовлетворил в полном объеме. Кроме того, в связи с угрозой жизни и здоровью ребенка решение суда обращено к немедленному исполнению¹. Следует заметить, что Минздрав области отказав в обеспечении необходимым лекарственным препаратом, одновременно, нарушал действующее законодательство, Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, Кодекс профессиональной этики медицинского работника.

Таким образом, конституционное правопонимание должно направлять правоприменительную практику. Тогда сработает эффект «взаимодополнительности»: станет привычным руководствоваться как правовыми принципами и нормами, так и нравственными, исходить из требований: гуманизма, справедливости, равенства, разумности, блага, добросовестности, социальной ответственности и т. п. Внутреннее принятие данных требований обеспечит содержательное решение дел, внимательное отношение к людям, их нуждам. Аксиомой станет положение, что решать по-человечески предназначение не только морали, но и права. Этот императив вытекает из смысла Главного правового документа России.

---

¹ См.: Егоров И. Прокуроры в Кирове добились покупки лекарства смертельно больному ребенку// Российская газета 2021, 25 октября

Историко-правовой дискурс

Биюшкина Надежда Иосифовна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Byushkina Nadezhda Iosifovna

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Тюленева Марина Александровна

преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Tyuleneva Marina Aleksandrovna

Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: tyuleneva_ma@mail.ru

Право подсудимого ходатайствовать о допросе новых свидетелей в суде по Судебным уставам 1864 года и коллизионная практика Правительствующего Сената

The right of the defendant to petition for the interrogation of new witnesses in court under the Judicial Statutes of 1864 and the conflict of laws practice of the Governing Senate

---

Аннотация. Предметом изучения выступают особенности правового регулирования процедуры вызова новых свидетелей в суд и сложившаяся в этой связи коллизионная правоприменительная практика в пореформенный период Российской империи. В работе продемонстрировано значительное влияние правовых позиций Правительствующего Сената в отношении буквального толкования смысла норм процессуального права. Также авторами представлена дискуссия, развернувшаяся в пореформенный период, среди видных ученых-правоведов по изучаемому вопросу.

Ключевые слова: норма права, Правительствующий Сенат, коллизия, уголовное судопроизводство, свидетели, толкование норм права

Abstract. The subject of the study is the peculiarities of the legal regulation of the procedure for summoning new witnesses to court and the conflict-of-laws law enforcement practice that has developed in this regard in the post-reform period of the Russian Empire. The paper demonstrates the significant influence of the legal positions of the Governing Senate in relation to the literal interpretation of the meaning of the norms of procedural law. The authors also present a discussion that unfolded in the post-reform period among prominent legal scholars on the issue under study.

Keywords: rule of law, Governing Senate, conflict, criminal proceedings, witnesses, interpretation of legal norms

---

В процессе доказывания по уголовному делу показания свидетелей имеют зачастую решающее значение. В условиях состязательного судопроизводства стороны обвинения и защиты должны обладать равными правами на вызов и допрос свидетелей. Переход к состязательности в уголовном процессе был произведен в результате проведения Судебной реформы 1864 года. Однако широкие возможности подсудимого по вызову в суд новых свидетелей, декларированные положениями Устава уголовного судопроизводства, на практике подверглись значительному ограничению. В середине XIX века в Российской империи Правительствующий Сенат являлся не только судебным органом кассационной инстанции, но и в значительной степени являлся толкователем положений законодательства, формируя тем самым судебную практику.¹ В этой связи интерес представляют правовые коллизии между предписаниями норм действовавшего законодательства о праве вызова в суд для допроса новых свидетелей и их толкованием в решениях Правительствующего Сената.

Применительно к судопроизводству в окружных судах статьей 574 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) декларируется правило, что «председатель суда не может отказать участвующим в деле лицам, за исключением случаев, в законе определенных, в вызове свидетелей, сделавших показания при предварительном следствии».² При этом вопрос о возможности вызова новых свидетелей, не допрошенных при проведении предварительного следствия, разрешался коллективным составом суда с целью оценки основательности «представляемых к тому причин и важность обстоятельств, подлежащих разъяснению»³ (ст. 575 УУС). При этом отказ в вызове свидетеля не препятствовал участвовавшему в деле лицу в течение недели «заявить о том, что оно принимает вызов их на свой счет»⁴ (ст. 576 УУС). В этом случае не может быть отказано в вызове свидетеля, в качестве альтернативы заявитель мог привести свидетеля в суд самостоятельно.

Однако содержание правила ст. 576 УУС в значительной степени ограничивалось в правоприменительной практике суда кассационной инстанции. Так, решением уголовного департамента Правительствующего Сената по делу Веры Засулич (№ 34, 1878) предусматривалось, что «просьба подсудимого о вызове новых свидетелей, основанная на 576 ст. у.у.с., должна быть разрешена постановлением суда, а не единоличную властью председателя. Если председателем вызваны собственной властью такие свидетели, в вызове коих уже было отказано судом не по несущественности показаний свидетелей, а потому, что показания их не относятся к делу, то решение присяжных и приговор суда подлежат, по жалобе прокурора, отмене, хотя бы прокурор своевременно и не возражал против допроса свидетелей». Этим решением также указывалось, что если новые свидетели, о допросе которых ходатайствует подсудимый в порядке ст. 575 УУС, «имеют показывать об обстоятельствах, не составляющих предмета дела, а равно, что показания их не могут разъяснить мотива преступления, то к таким свидетелям не может быть применяема 576 ст. у.у.с., т.-е. суд не обязан удовлетворить требование подсудимого о вызове этих свидетелей на его счет, или о разрешении ему пригласить их в суд от себя». Таким образом, Правительствующий Сенат значительно ограничил безусловное право обвиняемого на вызов новых свидетелей за свой счет.

Вместе с тем, возможные коллизии в основаниях отказа в вызове свидетелей по ст. 575 и 576 УУС Правительствующим Сенатом признавались существенным нарушением указанных статей. Так, в решении по делу Шульца и Кравцова (№ 6, 1888) в качестве подобного несоответствия указывалось на отказ в вызове свидетеля по ст. 575 УУС в связи с несущественностью показаний и последующий отказ в вызове этого же свидетеля на основании ст. 576 УУС в связи с тем, что показания не относятся к делу.⁵

При этом следует признать, что в некоторых случаях Правительствующий Сенат предусматривал определенные гарантии прав подсудимого. Так, «не могут быть признаны не имеющими никакого отношения к делу такие свидетели, о вызове которых ходатайствует подсудимый по 575 и 576 ст. у.у.с., которые выставлены в опровержение указаний обвинительного акта на его, подсудимого, предосудительные занятия» (Дело Кравцова и Шульца № 6, 1888, Дело Вельяшева, № 17, 1890).⁶

В решении по делу Вельяшева (№ 17, 1890) Правительствующий Сенат обязал суд мотивировать решение о предоставлении подсудимому права пригласить свидетеля по добровольному с ним согла-

¹ Биюшкина Н. И. Правительствующий Сенат Российской империи: вопросы правотворчества и правоприменительной практики (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Актуальные проблемы судебной деятельности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 29 октября 2020 г.) / под ред. В. А. Терехина, П. А. Гука. Пенза: Изд-во ПГУ, 2020. С. 85 – 93.

² Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1. 2-е изд., доп. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 219.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Трахтенберг Г. И. Алфавитный указатель вопросов, разрешенных уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената, 1878-1893. Изд. 6-е, доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. С. 215.

⁶ Там же.

шению, а не вызов свидетеля за счет подсудимого. При этом «суд должен не упускать из виду, что приглашение свидетелей подсудимым, по добровольному с ними соглашению, часто является крайне затруднительным, а иногда и вполне невозможным, напр., приглашение свидетелей из далеких местностей при затруднительном положении свидетелей получать средства на переезд от обвиняемых, приглашение лиц, находящихся на службе, лиц, заключенных под стражу и т. д. В большинстве таких случаев предоставление подсудимому пригласить свидетеля по добровольному с ним соглашению в действительности равносильно отказу, и нет сомнения, что установление в 576 ст. у.у.с. двойного способа допущения на суд свидетелей, указанных подсудимым, не могло иметь в виду, при практическом его осуществлении, замену действительного права правом неосуществимым».¹

О невозможности реализации права на защиту указал Правительствующий Сенат в случае, когда «суд не удовлетворил ходатайства подсудимых о вызове на их счет в судебное заседание свидетелей, а предоставил приглашение этих свидетелей самим обвиняемым, которые, в виду содержания их под стражей, лишены были возможности воспользоваться предоставленным им правом, последствием чего и была неявка этих свидетелей» (Дело Максимова и др. № 4, 1892).²

В решении по делу Колесниковых от 6 апреля 1899 года уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената было подтверждено не только право, но и обязанность суда «отклонять (конечно мотивированным определением) просьбы участвующих в деле лиц, заявленные на основании 576 ст. уст. угол. суд., если признает, что указанные в тех просьбах свидетели не подлежат допросу в силу самого закона (т. 704 уст. угол. суд.), или что обстоятельства, подлежащие разъяснению чрез тех свидетелей, не только не могут иметь для дела полезного значения, но вовсе к делу не относятся (реш. 1893 г. № 22) и являются излишним загромождением судебного следствия побочными данными, способными повредить ясности дела (реш. 1878 г. № 34) или даже прямо несоответствующими основной цели правосудия (реш. 1895 г. № 17)».³

Относительно судопроизводства в Судебной Палате, статьей 879 УУС предусмотрена возможность вызова свидетелей в случае, когда Судебная Палата признает в этом необходимость, а также в случае ходатайства об этом сторон процесса при условии отсутствия препятствий для удовлетворения указанного ходатайства.⁴ Как указывал Правительствующий Сенат в решении по делу Минцес (№ 20, 1888) данная норма распространялась только на «свидетелей, допрошенных при судебном следствии в окружном суде, и притом таких, показания которых внесены в протокол судебного заседания (839 ст. у.у.с.), в противном же случае, т.е. если показание не записано в протокол, вызов их в палату, по ходатайству сторон, обязателен».⁵ Если же поступило ходатайство о вызове новых свидетелей, то этот вопрос решался по правилам, установленным в ст. 575-577 УУС.

Если вызов свидетелей в Судебную Палату был обусловлен нарушением закона о вызове свидетелей Окружным судом, то свидетели вызываются в обязательном порядке. Если был необходим передопрос свидетеля, или поступило ходатайство о допросе новых свидетелей, то разрешение этого вопроса оставалось на усмотрение Судебной Палаты (реш. № 27, 1881 по делу Агабека – Гаджи – Бек – Оглы – Меликова).⁶

Значительное ограничение положений законодательства о возможности вызова для допроса новых свидетелей обратило на себя внимание представителей юридической общественности и даже способствовало возникновению полемики между правоведом В. Д. Спасовичем и юристом К. Д. Анциферовым. В. Д. Спасович результаты своих научных изысканий по указанному вопросу выразил в докладе под названием: «О вызове свидетелей к судебному следствию в обыкновенных судах»,⁷ который подвергся критике со стороны К. Д. Анциферова. Являясь присяжным поверенным, В. Д. Спасович всегда стоял на позициях защиты прав подсудимого. В связи с этим, он крайне негативно относился к происходившему «сужению положений закона судебной практикой».⁸

¹ Трахтенберг Г. И. Алфавитный указатель вопросов, разрешенных уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената, 1878-1893. Изд. 6-е, доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. С. 216.

² Там же.

³ Шрамченко М. П. Вопросы, разрешаемые уголовным кассационным департаментом Правительствующего Сената в 1899 г. // Журнал Министерства юстиции. 1899. Т. 8. С. 169.

⁴ Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1. 2-е изд., доп. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 321.

⁵ Трахтенберг Г. И. Алфавитный указатель вопросов, разрешенных уголовным кассационным и общим собранием кассационных департаментов Правительствующего Сената, 1878-1893. Изд. 6-е, доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. С. 217.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Спасович В. Д. О вызове свидетелей к судебному следствию в обыкновенных судах / В. Д. Спасович // Сочинения В. Д. Спасовича: в 10 т. Т. III. Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1890. С. 337 – 357.

⁸ Там же. С. 339.

Относительно толкования положений ст. 879 УУС В. Д. Спасович отмечал противоречивость позиций Правительствующего Сената. Так, по делу крестьянки Ивановой (№ 611, 1874) судебный орган признал, что «если показание допрошенного в первой инстанции свидетеля не внесено по своему содержанию в протокол, то этот свидетель должен быть вызван по требованию о том сторон и передопрошен».¹ Однако, как указывал В. Д. Спасович, «целым рядом кассационных решений, сенат закрепил противное прямому смыслу закона начало, что вызов свидетелей не обязателен для судебной палаты, рассматривающей дело в качестве апелляционной инстанции (1869 г. № 607 дело Девлатбегова, 1870 г. № 672 д. Гориновича и др.), что этот вызов предоставлен вполне и безусловно усмотрению палаты, хотя бы к вызову этих свидетелей или приводу их стороною в суд не имелось никаких решительно препятствий».²

С точки зрения В. Д. Спасовича «допущением вызова всяких свидетелей на счет подсудимого предупреждена была бы часто встречаемая ныне возможность для суда, под видом неотносящегося к делу, устранить из дела обстоятельство и относящееся к делу, и весьма существенное, но считаемое судом по субъективному взгляду и чувству неважным и несущественным. В большинстве случаев, свидетели, таким образом устраняемые, были бы на суде выслушаны и принесли бы свою долю пользы для более полного и всестороннего раскрытия истины».³

При всем негативном отношении В. Д. Спасовича к указанным коллизиям, он не считал, что действовавшее уголовно-процессуальное законодательство направлено на ограничение прав подсудимого и активно возражал по этому поводу К. Д. Анциферову, который стоял на позиции того, что Устав уголовного судопроизводства значительно ограничивал права подсудимого и что невозможно допускать безусловное право подсудимого на вызов в суд новых свидетелей. Оппонент В. Д. Спасовича отмечал, что его толкование ст. 576 УУС уничтожало весь смысл основного закона об ограничении прав подсудимого и что «по характеру самой идеи, лежащей в основании учения законодателя, закон (о вызове свидетелей) не допускает иного, кроме ограничительного толкования».⁴ В ответ на это замечание В. Д. Спасович отметил, что подобным утверждением К. Д. Анциферов отрицал 576 статью УУС.⁵ В свою очередь В. Д. Спасович активно поддерживал указанную норму и отрицательно относился к сужению ее буквального смысла со стороны судебной практики.

В. Д. Спасович, несмотря на присущее ему в целом либеральное мировоззрение, в своем ответе на размышления К. Д. Анциферова проявил некоторый консерватизм. Он отмечал, что не отрицает, «что весь уголовный процесс есть ничто иное, как компромисс между двумя противоположными интересами: государства, стремящегося к раскрытию преступления и частного лица, оправдывающего себя и защищающегося от применения к нему уголовного закона. Уголовный процесс немислим без допущения стеснений и ограничений свободы действий подозреваемого в преступлении лица, без принятия со стороны государства мер, чтобы это лицо не бежало и не скрывало следов преступления. Но эти вытекающие из необходимости стеснения свободы частного лица в уголовном процессе никогда не выдавались за осуществление коренной идеи законодателя об ограничении по возможности прав подсудимого...».⁶

Таким образом, в результате исследования можно прийти к выводу, что по вопросу о возможности вызова в суд новых свидетелей в изучаемый период сложились определенные коллизии между положениями действовавшего законодательства и позициями правоприменителя в лице Правительствующего Сената. Он настаивал на ограничении права вызова недопрошенных ранее свидетелей усмотрением суда отказать подсудимому. Сенат отстаивал позицию, что право подсудимого на вызов новых свидетелей не должно превращаться в фикцию из-за того, что подсудимый, находясь под стражей, не имел фактическую возможность привести свидетеля. Высший судебный орган империи утверждал, что суд должен индивидуально рассматривать вопрос о привлечении недопрошенных ранее свидетелей и мотивировать свое решение.

Коллизионные проблемы, возникшие между буквой закона и толкованием Сената, не могли не волновать ведущих ученых-правоведов Российской империи. Так, В. Д. Спасович подчеркивал необходимость отставания буквального толкования норм права и невозможность их ограничительной интерпретации. В полемике со своими оппонентами В. Д. Спасович отмечал, что определенные ограничительные меры в отношении подсудимого необходимы. Вместе с тем, он придерживался мнения о том, что не следует ими злоупотреблять, ложно полагая, что уголовный процесс должен носить обвинительный характер. Отсюда следует, что коллизионный вопрос о вызове в суд новых свидетелей, недопрошенных на предварительном следствии, представлял собой одно из важных аспектов, характеризующих развитие процессуального права пореформенной России.

¹ Спасович В. Д. О вызове свидетелей к судебному следствию в обыкновенных судах / В. Д. Спасович // Сочинения В. Д. Спасовича: в 10 т. Т. III. Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1890. С. 348.

² Там же.

³ Там же. С. 345–346.

⁴ Там же. С. 351.

⁵ Там же. С. 355.

⁶ Там же. С. 353.

Болдырев Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России

Boldyrev Sergey Nikolaevich

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,

E-mail: Bsn510@mail.ru

Концептуальные основы юридической техники в историко-теоретическом дискурсе

Conceptual foundations of legal technology in historical and theoretical discourse

---

Аннотация. В содержании статьи рассматривается проблема возникновения и начала формирования юридической техники, как одной из основных концепций историко-теоретических знаний. Обращается внимание на необходимость разграничения становления юридической техники как правового и социального феномена и процесса возникновения первой терминологии юридической техники, формирования теоретических и прикладных знаний. Обосновывается положение о том, что неразрывно связаны и взаимообусловлены между собой стадии развития права и стадии развития юридической техники.

Ключевые слова: юридическая техника, законодательная техника, правопонимание, правовое регулирование, правовая семья, правотворчество, правоприменение

Abstract. The content of the article examines the problem of the emergence and the beginning of the formation of legal technology, as one of the main concepts of historical and theoretical knowledge. Attention is drawn to the need to distinguish between the formation of legal technology as a legal and social phenomenon and the process of the emergence of the first terminology of legal technology, the formation of theoretical and applied knowledge. The article substantiates the statement that the stages of development of law and the stages of development of legal technology are inextricably linked and interdependent.

Keywords: legal technique, legislative technique, legal thinking, legal regulation, legal family, lawmaking, law enforcement

---

Юридическая техника, как правовой и социальный феномен, возникает и начинает формироваться с возникновением самого права. При этом определение, сформулированное понятие «юридическая техника», получило свое признание только в XIX веке вследствие процесса закономерного изменения доктрины формально-юридического исследования формы и структуры права и в первый раз в юридической науке было проанализировано в работах Р. Иеринга¹. Но в период становления права, юридическая техника находится в монолите с нормативной системой, отдельного и самостоятельного социального регулятора юридическая техника еще собой не представляет. Но в определенный момент развития право обособляется от нормативной системы и вместе с тем юридическая техника начинает выступать в роли правового регулятора, придавая праву четкую структурированность и системность.

Многие правоведы прошлого века предполагали, что в зачатках права при раннем формировании общества, право того времени настолько примитивным, что не содержало в себе юридической техники. Конечно, при изучении архивов право того времени мы понимаем, что в них отсутствуют элементарные правовые понятия, специальные регуляторы, которые решали бы вопрос спора, отсутствуют различия между уголовными и гражданскими делами. Но данная простота и примитивность говорит лишь о том, что юридическая техника имела место быть, но существовала в крайне низком уровне развития.

Юридическая техника при формировании права была довольно специфична, ведь право в большей степени было формальным, несло собой отпечатки первобытно-ритуального характера. Из-за этого воз-

---

¹ Иеринг Р. Дух римского права. СПб., 1875; Юридическая техника. СПб., 1906.

никали некоторого рода особенности, ведь юридическая техника сначала формировала процедурные и интерпретационные аспекты юридической техники. Но на данный момент стало понятно, что при рассмотрении юридической техники необходимо изначально формировать письменное оформление правовых норм. Приемы письменного оформления правовых норм развивались постепенно и поэтапно, по мере появления первых письменных источников права¹.

Первоначальной сферой применения юридической техники выступало толкования и изречения, которые применялись к конкретному случаю написания норм. Таким образом, данного рода толкования и изречения существовали в виде пословиц, поговорок, народных приданий, традиций и племенных устоев². По этой причине на ранних стадиях юридической техники особую роль в формировании юридической техники сыграл язык. Далее главенствующую роль в формировании юридической техники берет на себя письменность.

Согласно гипотезе А. И. Пигалева, язык в обществе изначально играет роль регулятора. Ведь это и не удивительно, потому что право по своей исторической концепции, является феноменом созданным языком³. Язык породил собой первые правовые нормы, и произошло с появлением первых табуированных правил. По этой причине умение управлять языком права считается основополагающей идеей юридической техники. При рассмотрении стадий формирования юридической техники можно сказать, что их характеризует в первую очередь развитие языка, ведь таким образом появлялись первые юридические понятия и категории, появлялись навыки, которые отвечали за формулирование и интерпретацию правовых предписаний.

Неразрывно связаны и взаимообусловлены между собой стадии развития права и стадии развития юридической техники. Это объясняется тем, что одно без другого не может существовать и функционировать. Появляются обычаи, изначально они передаются из уст в уста, из поколения в поколение, затем данные обычаи получают письменные закрепления, для того, чтобы эти сведения были доведены до широких масс. Затем с момента начала записи обычаев, начинают формироваться специальные органы, которые следили и контролировали процесс закрепления обычаев и доведения их до общества. Все это непременно является свидетельством того, что право и юридическая техника развивались рука об руку в одном направлении.

Постепенно с накоплением навыков юридической техники, происходит переход, в котором с одной стороны рассматривается примитивный уровень развития права в государствах Древнего Востока, до высокоразвитой правовой культуры Римской империи. Нередки случаи, когда накопленный правовой опыт используется не только в самом государстве, но и за его пределами. Так изначально Римское право получило широкое распространение не только потому, что оно было развито и структурировано для своего времени, но и потому что Римская империя, завоевывая новые земли, насаждало на их территории свои правовые устои. Римские юристы, оставив большое наследие в сфере права, его терминологии и систематики, «не произвели на свет и зачатка теории юридической техники, – отмечал Р. Иеринг, – ни прообраза ее цели и задач, не разъяснили их, даже не упоминая ее положения»⁴. Лишь начиная с XVI – начала XVII веков с появлением научных исследований Ф. Бэкона (1561–1626 г.), юриста и философа, появляется систематическое изучение юридической техники. В работах Ф. Бэкона ставится проблема техники законодательства, используемого при составлении законов языка, форм систематизации законодательства, одной из которых – инкорпорации – он уделяет особое внимание. Философ на уровне исследования закономерностей выясняет механизмы составления законов посредством извлечения из законодательного массива устаревших норм и нормативно-правовых актов, которые уже утратили силу, предлагая критерии их классификации⁵.

Исследователи норм Русской правды, приходят к выводу, что именно в данном правовом сборнике меньше всего проявляется казуальность, чем в других архаических источниках права. Это в первую очередь было связано с тем, что использованные юридические приемы в Русской Правде были заимствованы с римского права. Заимствования заключались в том, что в Русской Правде использовались такие способы кодификации норм и правил, как юридический тракт. При составлении данного правового источника прослеживалось стремление к рассуждению, обоснованию решений, что в свою очередь было характерно для правовых источников римского права. По этой причине отталкиваясь от данных правовых заимствований можно сделать вывод, что юридическая техника является достижением не отдельных стран, а именно достижением мировой цивилизации.

Как утверждает Г. И. Муромцев, процесс становления права и в том числе юридической техники шел двумя путями⁶. В первом случае право и юридическая техника начинали свое развитие в общест-

¹ Шафиров Владимир Моисеевич Правопонимание и юридическая техника // Юридическая техника. 2016. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoponimanie-i-yuridicheskaya-tehnika>.

² Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / пер. И.А. Базанова; под ред. Ю.С. Гамбарова. М., 1897.

³ Пигалев А. И. Культурология. Волгоград, 1999. С. 40-53

⁴ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1906. С. 4.

⁵ Цит. по: Люблинский П.И. Техника, казуистика и толкование уголовного кодекса. Пг., 1917. С. 10.

⁶ Муромцев Геннадий Илларионович Юридическая техника на заре культуры // Юридическая техника. 2016. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-tehnika-na-zare-kultury>.

венных отношениях, а дальше через них шел процесс обобщения и типизации, что в итоге приводило к формированию системы. Но данный способ был типичен для ранней стадии развития права и юридической техники, в дальнейшем же процесс развития приобретает совсем иной виток развития. Но все равно, для начального периода формирования права было свойственно спонтанное выработка технических приемов, только в дальнейшем после накопления определенной юридически-технической базы, путем обобщения правовая система начала структурироваться. В дальнейшем после становления базы юридической техники правовые нормы становятся источником доктринального изучения.

Другой путь становления права и юридической техники прослеживается в процессе перехода от правовой доктрины к юридической практике. Данный путь развития прослеживается все же больше на поздних этапах, так сам процесс такого перехода требовал наличия четко установленного правового фундамента. Рецепция частного римского права в данном случае является хорошим примером, так как в истории европейского права оно получило широкое развитие. Данному пути становления права и юридической техники соответствуют также нормы мусульманского права, ведь вначале они формируются как непредписанные доктринальные нормы, выражающиеся в идеальном виде, но с процессом развития данного права оно принимает практический метод деятельности, который отражается в правовых предписаниях.

Существует страны, которые относятся к различным правовым семьям, по этой причине будет актуален вопрос особенности юридической техники в данных странах. В первую очередь стоит заявить, что особенности юридической техники будут обусловлены спецификой нормативных предписаний. Если мы будем рассматривать юридическую технику как особый способ создания и совершенствования права, то ее черты будут определяться тем, как формируется правовая система в той или иной стране, каким образом она отражается не только в законодательной сфере государства, но и на его социальном аспекте формирования жизнедеятельности. По этой причине будет уместно рассмотреть разные правовые концепции не только с юридической, но и исторической точки зрения.

Так в каждой правовой семье прослеживается свой правовой стиль, прослеживаются такие особенности права как: формальные, технико-юридические, ментальные и исторические особенности.

К примеру, право в странах входящих в англосаксонскую правовую семью, не носит предписанный характер, а формируется на прецедентной основе, это значит, что судебный процесс выступает средством формирования права¹. Из этого можно сделать вывод, что становление и дальнейшее развитие юридической техники в странах англоязычной правовой системы ориентировалось на стадии развития форм судопроизводства, способов доказывания и методов рассмотрения дела. В данных странах шел процесс преобладания социологической концепции правоприменения, в ходе которого господствующая правовая доктрина обуславливала ее содержание. По этой причине в странах англосаксонских правовых семей юридическая техника начала твердо ассоциироваться со всей деятельностью юриста².

В странах романо-германской правовой семьи источником права является законодательная деятельность. По этой причине развитие юридической технике в романо-германской правовой семье прослеживалось с развитием способов изложения воли законодателя на предписанных актах, правильного и структурированного оформления нормативных сведений. В законодательных актах должно было прослеживаться логическая структура и концепция, в которых бы не наблюдалось внутренних и внешних противоречий с другими нормативными предписаниями. В большей части право и юридическая техника в данной правовой семье носит собой научно-обоснованные черты. По этой причине научное выражение романо-германской семьи находят свое отражение в концепции юридического позитивизма. По этой причине понятия и юридическая терминология в европейской правовой доктрине формируется на основе юридического позитивизма. В данном случае внимание к юридической технике обуславливается тем, что в романо-германской семье главным источником права будет являться закон и его предписания. Можно заявить, что правоведа в странах романо-германской семье рассмотрели проблемы юридической техники в своем ключе, через эмпирический путь. Ведь шел процесс рассмотрения и анализа позитивного права, с его структурой, формами и качеством.

Основным регулятором общественных отношений в странах романо-германской семьи выступает право, также оно признается универсальной ценностью. В данном случае право всегда рассматривается в четкой разграниченной структуре от норм религии и морали и при этом играет главенствующую роль, чем они. По этой причине нормам права в обществе уделяется отдельное значение. В таких обществах отдельное внимание уделяется деятельности юристов, а также других людей, чья профессиональная деятельность тем или иным образом связана с юриспруденцией.

Если в праве стран романо-германских семей верховенство принадлежало закону, то в мусульманском праве все предстояло совсем иначе. Мусульманское право принимало совсем иной, доктринальный виток развития права. Поэтому и системные задачи создания права в мусульманском праве не играет главенствующей роли, это обусловлено тем, что право уже существует и свое от-

¹ См.: A New English Dictionary. Oxford, 1914. Vol. 5. P. 635–636.

² Соловьев Олег Геннадиевич О видах юридической техники // Юридическая техника. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vidah-yuridicheskoy-tehniki>.

ражение оно находит на страницах священной книги – Корана. В данном случае развитие права не подразумевает собой создание новых сводов законов, которые бы отвечали последним социальным требованиям, а наоборот, здесь важнее понять и познать божественную суть, интерпретировать ее для того чтобы реализовывать ее в современном обществе. Поэтому преобладающим источником права становится священная книга – Коран, выступающий в данном случае доктринальным источником права¹. Но если задаваться вопросом развития юридической техники в странах, где преобладающую роль занимает мусульманское право, можно понять, что оно не зависит от различных законов, которые принимаются, время от времени, а зависит интерпретации имеющихся доктринальных предписаний.

В любом случае, в рамках каких-либо правовых семей мы бы не рассматривали значение юридической техники, можно с уверенностью заявить, что во всех случаях оно всегда одинаковое. По этой причине будет логично рассматривать юридическую технику не только в рамках одной определенной правовой семье, но при общем анализе, попытаюсь выявить ее универсальные черты, которые прослеживаются во всех без исключения правовых семьях.

Понятие юридической техники получает широкое распространение на рубеже XIX-XX века, именно тогда данное понятие входит в категориальный аппарат юридической науки. Г. И. Муромцев объясняет данное явление двумя причинами:

- получает развитие и распространение доктрина юридического позитивизма;
- юридическое мировоззрение укрепляет свои корни в управленческом аппарате во многих европейских странах.

Но стоит понимать, что становление и развитие юридического мировоззрения в управленческом аппарате европейских стран связан лишь опосредственно. Ведь как мы знаем, что широкое развитие юридическое мировоззрение получило в период буржуазных революций в странах Европы. По этой причине, при рассмотрении возникновения понятия юридической техники и становления юридического мировоззрения может наблюдаться большая временная промежуток. Но стоит заметить, что юридическое мировоззрение, безусловно, повлияло на становление многих европейских правовых концепций, в том числе и на становление юридического позитивизма. По этой причине, юридическое мировоззрение повлияло потому, что явилось отправной точкой для формирования юридического позитивизма. Юридический позитивизм в свою очередь привлек большое внимание к проблемам юридической техники, став в дальнейшем теоретическим фундаментом исследовательской базы юридической техники.

Континентальная особенность в первую очередь обуславливается тем, что исследовательская структура понятия юридической техники касалась не правил составления и оформления нормативных актов и их дальнейшей трактовки, а исключительной законодательной техники². Отталкиваясь от нового времени и рассматривая источники правовой техники, мы можем столкнуться с работами Аристотеля, Платона, Цицерона. В их работах указывалось, что принимаемые законы не всегда могут быть идеальными и соответствовать реалиям общества, а порой требуют тщательных доработок и правок.

Говоря о теории законодательной техники, стоит быть упомянутым И. Бенхамом, который считается основоположником данной техники, ведь именно он выдвинул идею о создании новой науки номографии, которая специализировалась на законодательном искусстве³. То, что определенные правоведы подходили к проблематике изучения юридической техники с разных сторон, и послужило отправной точкой к тому, что в юридической литературе начинают уделять большое внимание феномену юридической техники. Так Г. И. Муромцев предоставляет на обозрение пять классификаций юридической техники, составленные бельгийским ученым Ж. Дабеном⁴:

- первый подход состоял в том, что производился процесс противопоставления двух понятий, а именно юридической техники и юридической науки. Данное противопоставление они объясняли тем, что эти два понятия отличаются тем, что юридическая наука в первую очередь необходима для изучения абстрактных принципов, тогда как юридическая техника представляет собой определенного рода искусство, которое направлено на воплощение юридических принципов в жизнь. Данный процесс воплощения всегда проходит через процесс правотворчества и провозмещения и без них не представляется возможным;

- второй подход рассматривал значение юридической техники в ключе развития правовых предписаний в концептуальном формате, где прослеживалась бы четко структурированная логическая систематизация. По этой причине второй подход противоречит первому и с ним согласовывается, так как в данном случае два понятия, такие как юридическая техника и юридическая наука рассматриваются с одной неразрывной позиции;

¹ Иващенко Екатерина Александровна История дискуссии о соотношении понятий "юридическая техника", "законодательная техника", "юридическая технология" // Скиф. 2018. №4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-diskussii-o-sootnoshenii-ponyatii-yuridicheskaya-tehnika-zakonodatel'naya-tehnika-yuridicheskaya-tehnologiya>.

² Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.

³ Бенхам И. Тактика законодательных собраний. СПб., 1907.

⁴ Муромцев С. О консерватизме римской юриспруденции. Опыт по истории римского права. М., 1875.

– третий подход рассматривал юридическую технику не в рамках практической юридической деятельности и не в рамках одной науки, а сопоставлял его с самим понятием права. Юридическая техника рассматривалась как совокупность прав и процедур, направленных на реализацию права;

– рассматривая четвертый подход понимания юридической техники, предложенный Р. Иерингом, не стоит рассматривать данное понятие, не связывая ее обществом и его потребностями. В юридической технике видят средство перевода, в котором потребности общества переводятся на язык права, идет процесс создания норм, которые бы отвечали требованиям общества и создавали бы в нем необходимый порядок. При рассмотрении юридической техники с данной позиции становится понятно, что оно рассматривается как определенная форма права, которой свойственно самостоятельность и способность к саморазвитию;

– пятый подход один из самых нестандартных, так как строится на том, что идет практического отрицание необходимости понятия юридической техники. Это обуславливается тем, что само существование понятия юридической техники не соответствует адекватности и значимости права¹. Факт существования такого понятия уменьшает значимость права и его роль в человеческой деятельности.

Широкое развитие юридическая техника при советской власти получает в 20-ые годы XX в., именно тогда широкое распространение получают рассмотрение вопросов проблематики языка права и технике законодательства. Однако стоит заявить, что на проблематику рассмотрения данных вопросов в сфере юридической техники влияли не доктринальные принципы, требующих пересмотра, а скорее стремление развития советского законодательства, ведь необходимо было создание новой системы законодательства, отвечающим требованиям нового политического строя. Но сам термин «юридическая техника» не получает широкого распространения на тот момент.

В послевоенные периоды юридическая техника приобретает иной виток развития, все более заметным становится роль официальной идеологии, которая все больше находит свое отражение в технико-правовых исследованиях. Утверждалось, что законодательная техника имеет классовое содержание, по этой причине данное понятие всех странах определялось сущностью формы государства и правящей элиты. Законодательная техника рассматривалась, не как средство отражения воли общества, а как способ реализации желаний правящей элиты через законодательные акты. В Советском союзе дело обстояло иначе, законодательная техника была необходима для реализации идей социализма, а далее и коммунизма. Имелся и другой подход к рассмотрению сущности законодательной техники, при ее рассмотрении можно было сделать вывод об уровне мастерства законодателя и его правовой деятельности. Другая точка зрения была в том, что законодательная техника рассматривалась в совокупности учений, направленных на понимание определенных правил, которые определяют содержание закона и его место в правовой системе всего государства. Как мы видим, в послевоенные периоды точки зрения советских правоведов резко отличались друг от друга². На тот период только И. Л. Брауде предложил наиболее широкое рассмотрение понятия законодательной техники³. В его понимании законодательная техника была основана на теории права, и неотъемлемой частью правовой науки будет являться законодательная техника. В данном случае законодательной технике отводились отдельные значения. Она была необходима для разграничения отраслей права, для классификации имеющихся и готовящихся нормативно-правовых актов, и для выбора форма, в которой будет публиковаться новый нормативно-правовой акт. В общем понимании, каждая трактовка законодательной техники имела свои подходы к пониманию сущности правотворчества и при этом не затрагивала другие перечни подходов. Наличие таких разных подходов к пониманию законодательной техники определялось тем, что в советском праве господствовала позитивистская концепция правоприменения, которая в свою очередь была необходима для определения проблематики правовых исследовательских работ.

---

¹ Законодательная техника в Англии // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1906. № 9–10.

² Овчинникова Олеся Дмитриевна, Шаганян Аннета Михайловна К вопросу об истории становления феномена юридической техники // Философия права. 2020. №1 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-stanovleniya-fenomena-yuridicheskoy-tehniki>.

³ Брауде И.Л. Очерки законодательной техники. М., 1958.

Кодан Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник управления научных исследований, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, член экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по праву

Kodan Sergey Vladimirovich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific Research, Professor of the Department of Theory of State and Law Ural State Law University member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission at Ministry of Science and Higher Education Of the Russian Federation by law

E-mail: svk2005@yandex.ru

Источниковедческая культура в юридической науке и образовании*

Source culture in legal science and education

Аннотация. В статье на фоне характеристики места и роли научной культуры в научной деятельности в целом, представляется авторское понимание источниковедческой культуры как основы работы с носителями социальной информации, показаны ее функции и принципы. Особое внимание акцентируется на нормах, требованиях и значении научного этоса как основе научной добросовестности и честности ученого. Автор анализирует субъектный состав, отношения и формы источниковедческой культуры. Подчеркивается, что взаимодействие общей и источниковедческой культуры в преломлении через личностные качества и опыт научной деятельности ученого формирует этические и профессиональные ориентиры, необходимые для плодотворной научной работы и получения нового достоверного научного знания.

Ключевые слова: наука, научная деятельность, научная культура, этос науки, юридическая наука, юридическое образование, источниковедческая культура

Abstract. In the article, against the background of the characteristics of the place and role of scientific culture in scientific activity as a whole, the author's understanding of source culture as the basis for working with social information carriers is presented, its functions and principles are shown. Special attention is focused on the norms, requirements and importance of the scientific ethos as the basis of scientific integrity and honesty of a scientist. The author analyzes the subject composition, relations and forms of source culture. It is emphasized that the interaction of general and source culture in the refraction through personal qualities and experience of scientific activity of a scientist forms ethical and professional guidelines necessary for fruitful scientific work and obtaining new reliable scientific knowledge.

Keywords: science, scientific activity, scientific culture, ethos of science, legal science, legal education, source culture

---

Источниковедческая культура исследователя выступает тем «оселком», который высвечивает личностные и профессиональные качества ученого, его навыки работы с носителями государственно-правовой информации. При этом данная проблематика, занимая одно из ведущих мест в социально-гуманитарных науках и науковедении, недостаточно освещена в юриспруденции. В связи с этим актуализируются проблемы преломления научной культуры через призму источниковедения и рассмотрения источниковедческой культуры как ее специализированной части, определения места и роли этоса науки в практиках изучения носителей социальной информации и источниковедческой подготовки исследователей в рамках аспирантуры и адъюнктуры, а также значения отдельных ученых, научного сообщества и научных школ в формировании и поддержании научной культуры в исследовательских практиках.

---

* Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

1. Научная культура как основа источниковедческой культуры в юриспруденции

Формирование и поддержание источниковедческой культуры в научно-исследовательской деятельности является актуальной проблемой получения качественного научного знания и связана с личностным фактором его обеспечения. В этом ракурсе весьма важно замечание В. В. Лазарева: «Наука всегда представлялась как особого рода деятельность особой породы людей, творящих... концептуализированную совокупность верифицируемых знаний о том, что есть и что может быть в мире идей и мире вещей в пространственно-временном и субъектном измерении»¹. И эти знания опираются на источниковую базу научного исследования, которая не есть некая «обезличенная субстанция», а непосредственно связана с личностными характеристиками исследователя – основывается на его интеллектуальной добросовестности, честности, теоретических знаниях, опыте предшественников и собственных научных наработках. В результате общество получает или качественно выполненную научную работу, или в лучшем случае видимость таковой. В. В. Лазарев подчеркивает, что последние «исследования» следует рассматривать «в свете своего рода "социальной алхимии" со всеми теми плюсами и минусами, которые свойственны алхимии вообще. Да, усилия ее тружеников нацелены на творчество, на поиск своего "золота", своего "философского камня", но усилия эти бесплодны... алхимию юридической науки характеризует емкое русское слово "словоблудие"»¹.

Источниковедческая культура в структуре юридического источниковедения выступает как специализированная часть научной культуры, которая в общем плане «представляет собой совокупность знаний, убеждений, ценностей, моделей поведения, этических норм, юридических установлений, которые характерны для того или иного общества на определенной стадии его культурного развития»². В данном контексте важным элементом научной культуры является ученый как субъект научной деятельности и совокупность ученых как научное сообщество, которые и обеспечивают функционирование науки как социального института и как составной части культуры общества. М. К. Мамардашвили, указывая на понимание пространства взаимоотношений культуры и наук, подчеркивает, что «культурой наука является в той мере, в какой в ее содержании выражена и репродуцируется способность человека владеть им же достигнутым знанием универсума и источниками этого знания и воспроизводить их во времени и пространстве, т. е. в обществе, что предполагает, конечно, определенную социальную память и определенную систему кодирования. Эта система кодирования, воспроизводства и трансляции определенных умений, опыта, знаний, которым дана человеческая мера или, вернее, размерность человечески возможного, система, имеющая прежде всего знаковую природу, и есть культура в науке или наука как культура»³.

Особо отметим, что научная культура связана с личностными качествами ученого, ориентирована на них и требует от исследователя следовать ее требованиям. На это особое внимание обращает французский психоаналитик и философ Жан Лакан, который отмечает: «соотнося человека с его собственными поступками, нравственный опыт как таковой – а именно опыт, опирающийся на санкции, позволения, – выступает не просто в качестве закона, а в качестве направления, тенденции, в качестве блага, наконец, которое он стремится стяжать – что и порождает, в итоге, определенный идеал поведения»⁴. На этом строится и способность ученого к анализу и оценке личных исследовательских качеств, собственных научных результатов, взаимоотношений с коллегами и др. и, которые формируют культуру работы с носителями информации на персональном уровне исследователя.

Источниковедческая культура непосредственно связана и определяется культурой научной деятельности как многопланового явления, объединяющего комплекс системно связанных между собой ее элементов, которая рассматривается как «процесс научной и исследовательской деятельности, в содержании которого преобладают духовно-нравственные ценности»; «деятельность по созданию, сохранению и передаче знаний, направленная на созидание, гуманизацию общества и гармонизацию мира и содержащая в своей основе традиции и соответствующие морально-нравственные установки»; «творческая деятельность человека, результатом которой являются материальные и духовные ценности, обогащающие человека и общество»; «система ценностей и представлений научного сообщества, личности, на основе которых осуществляется формирование отношения к объектам и предметам окружающей среды»⁵.

Источниковедческая культура непосредственно соединена и с продуктом научной деятельности – научным знанием. В ракурсе этого необходимо учитывать, что «знание получает статус научного, когда оно производится в процессе научной деятельности и оформляется в структурах, закрепляющих

¹ Лазарев В. В. Поиск науки о праве и государстве (научно-публицистическое эссе) // *Lex russica*. 2013, № 4. С. 350.

² Саберова М. Ш. Понятие и функции научной культуры // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. № 1. С. 38.

³ Мамардашвили М. К. Наука и культура // *Методологические проблемы историко-научных исследований*. М., 1982. С. 42.

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн. 7: Этика психоанализа. М.: 2006. С. 9.

⁵ Шабатура Л. Н., Набиуллина Ф. Р. Понятие и сущность культуры научной деятельности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 13. С. 143.

познавательный опыт, выражающих закономерности развития и функции самого знания. В своей данности научное знание структурируется в формах адекватного описания и объяснения, происходящих в действительности процессов и явлений, предсказания возможных событий и состояний. Важнейшим качеством этих форм является способность к накоплению, систематизации, кумулятивности и обобщению научных знаний» – подчеркивает П. Ф. Йолон¹. Соответственно качество научного знания определяется системой культурно-этических и методологических установок исследователя, собирающего и использующего источники социальной информации для своего научного труда, и следование им при создании научных произведений требования и норм, выработанных и поддерживаемых научным сообществом.

Целевые установки источниковедческой культуры связаны с профессиональной научной деятельностью, поскольку познающий социальную действительность «почерпает свое знание о ней из источников (в широком смысле); но для того, чтобы установить знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение; не будучи уверенным в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным и в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии»².

Функциональная направленность источниковедческой культуры может быть представлена в научно-исследовательской деятельности в нескольких планах:

– в мировоззренческом плане источниковедческая культура направлена на определение своих целевых установок, функционального назначения, этических оснований и требований к исследователю и интеллектуальному продукту его изысканий – научному труду;

– в плане профессиональной научной деятельности источниковедческая культура нацелена на приобретение исследователем совокупности специализированных источниковедческих знаний и опыта их реализации в исследовательской работе;

– в плане преемственности источниковедческой культуры ориентирует исследователя на поиск опоры для собственных научных изысканий в трудах предшественников, на учет их эмпирических, теоретических и методологических наработок при изучении источников познания государства и права;

– в плане научной традиции источниковедческая культура выступает как система связей настоящего с прошлым, которая обеспечивает для исследователя отбор средств и стереотипизацию накопленного в социально-гуманитарном и юридическом источниковедении опыта работы с носителями государственно-правовой информации, которые воспроизводятся и обогащаются в современных исследовательских практиках;

– в прикладном плане источниковедческая культура направлена на формирование умений исследователя оперировать знаниями и отбирать из них именно те, которые необходимы в конкретных исследовательских практиках на уровне использования методологического инструментария, исследовательских техник и информационных технологий³.

Принципы источниковедческой культуры определяются и основываются на требованиях к надлежащему поведению исследователя при изучении носителей социальной информации. Заметим, что еще 23 ноября 1974 года на 18 сессии ЮНЕСКО «Рекомендация о статусе научно-исследовательских работников», в которой особое внимание обращается на необходимость максимального обеспечения объективности в научных исследованиях и подчеркивалось, что «эффективные научные исследования требуют от научно-исследовательских работников честности и зрелости, объединяющих высокие моральные и интеллектуальные качества» и особо указывалось на развитие такого качества ученого, как «интеллектуальная честность». Особое внимание обращается и на интеллектуальную добросовестность⁴. Комплекс требований к поведению ученого определяет «Декларация об этических принципах научной деятельности» государств–участников СНГ от 17 мая 2012 года, которая базируется на мировом опыте регулирования отношений в научной сфере⁵.

Прикладное значение положений этоса науки проявляет в их преломлении и закреплении на уровне конкретных научных сообществ. Так, например, «Нормы научной этики», принятые 24 ноября 2000 года Сенатом (общим собранием) Общества Макса Планка (Германия), в предисловии указывают: «Научная честность и соблюдение принципов научной этики очень важны для научной деятельности, целью которой является расширение границ нашего знания и завоевание общественного признания. Принципы на-

¹ Йолон П. Ф. Наука и рациональность // Йолон П. Ф., Крымский С. Б., Парахонский Б. А. Рациональность в науке и культуре. Киев, 1989. С. 170–171.

² Источниковедение. М., 2015. С. 8.

³ Быховская И. М. Прикладная культурология: знания в действии // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований. М., 2010. С. 7–33.

⁴ См.: Рекомендация о статусе научно-исследовательских работников. Принята на 18 сессии ЮНЕСКО 23 ноября 1974 г. П. 10-12. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902084640> (дата обращения: 27.10.2021).

⁵ Декларация об этических принципах научной деятельности (Принята на тридцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ): постановление от 17 мая 2012 г. № 37-6. URL: https://zakonrb.com/npa/o-deklaracii-ob-eticheskikh-principah-nauchnoy#Заг_Прил (дата обращения: 27.10.2021).

учной этики могут быть нарушены различными способами – от небрежного применения научных методов или невнимательного документирования данных до серьезных научных преступлений, таких как умышленная фальсификация или обман. Подобные нарушения противоречат сути науки как таковой – систематического процесса исследований, направленного на получение знаний, основанных на верифицируемых результатах. Кроме того, они подрывают веру общества в надежность научных результатов и разрушают взаимное доверие ученых, которое является важнейшим условием научной работы в наши дни, когда сотрудничество и разделение труда стали нормой». В указанном документе выделяются «нормы, регулирующие повседневную научную деятельность», которые включают: «точное соблюдение правил получения и отбора данных, действующих в конкретной научной дисциплине; надежная организация защиты и хранения первичных данных; ясное и полное документирование всех важных результатов; правило "систематического скептицизма": открытость для сомнений, даже по поводу своих собственных результатов и результатов работы своего коллектива; осмысление неявных, аксиоматических предположений; бдительное отношение к попыткам принять желаемое за действительное, вызванным личной заинтересованностью или даже причинами этического характера; осторожное отношение к вероятности неверного столкновения в результате методически ограниченной возможности установления объекта исследований (сверхгенерализация, чрезмерное обобщение)»¹.

Культура научной деятельности, включая и ее источниковедческую составляющую, опирается на основополагающие принципы, которые выработаны научным сообществом в процессе исторического развития науки определяют главные общие требования, обряженные к ученому как главному субъекту морально-этических отношений в науке. При этом личностный фактор в науке является решающим, но именно определенные в обществе и научном сообществе нормы морали и идеалы поведения в науке формируют понимание значения «научной совести», на основе которой и реализуются главные принципы научной культуры как требования к ученому: интеллектуальная честность, интеллектуальная добросовестность и научная объективность. В указанном плане выделим и охарактеризуем эти три основополагающих принципа научной культуры, профилирующие источниковедческую культуру исследователя.

Интеллектуальная честность как принцип научной деятельности обращается к личным качествам исследователя. Требование интеллектуальной честности, как замечает Макс Вебер, находится в плоскости «осознания того, что установление фактов, установление математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния, ... ответ на вопрос о *ценности* культуры и ее отдельных образований» может дать «соответственно ответ на вопрос о том, как следует действовать в рамках культурной общности»². Как личностное качество ученого, интеллектуальная честность определяется тем, что он как личность, который обладает способностью «мыслить и действовать по совести и долгу», является «надежным в слове» и имеет репутацию знающего и добросовестного человека, сознательно избегающего обмана и самообмана. Интеллектуальная честность проявляется в познавательной активности, которая связана с постоянным обновлением и осмыслением знаний, новых идей, концепций в сфере профессиональной деятельности на основе самообразования; в стремлении к объективности в научной деятельности, которая основывается на беспристрастном осмыслении социального опыта без его апологетики и искажений; в осознании чувства собственного достоинства, которое опирается на самоуважение, компетентность, следование нравственным принципам и личную ответственность за сказанное и сделанное, а также на уважение других людей, корректное и критическое отношение к иному научному мнению; в способности к рефлексии, в основе которой лежат анализ и оценка личных исследовательских качеств и собственных результатов научной деятельности, взаимоотношений с коллегами³.

Интеллектуальная добросовестность как принцип научной деятельности определяется принятым в мировом научном сообществе императивом: «Делать хорошую науку и получать полезное и надежное знание». Особое внимание уделяется двум сторонам добросовестности: интеллектуальной – «уважение истины» и нравственной – соблюдение «этических принципов науки»⁴. Основу принципа добросовестности составляет «добрая воля на совершение действий честно, без обмана, что напрямую зависит от нравственных установок исследователя, его научного руководителя, научного консультанта» – отмечают Н. А. Куркова и Т. В. Шершень. Они также раскрывают и его содержание – «Научная добросовестность как важнейший принцип научной деятельности заключается в необходимости учета преемственности в

¹ Нормы научной этики. Приняты Сенатом Общества Макса Планка 24 ноября 2000 г. Публ. подготовил В. Д. Ермиков // Наука в Сибири. 2002. № 4–5. С. 8.

² Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 722.

³ См.: Днепров Т. П. Интеллектуальная честность как основа исторического образования // Историко-педагогические чтения. 2007. № 11. С. 417–419; Романов Р. Е. Интеллектуальная саморефлексия как метод генерирования нового исторического знания // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 233–240.

⁴ Виноградова Т. В. Тезисы четвертой международной конференции по проблеме добросовестности в исследованиях (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. Реферативный журнал. 2017. № 1. С. 57–79.

развитии науки, бескорыстном служении истине, искреннем стремлении раскрыть сущность изучаемых явлений. Объективность, обоснованность, доказательность, достоверность, верифицируемость и непротиворечивость полученных выводов, их эвристический потенциал, согласованность нового знания с фундаментальными положениями науки могут быть отнесены к элементам научной добросовестности»¹. Интеллектуальная добросовестность непосредственно связана с местом и ролью науки в обществе, ожидающем от исследований таких результатов, к которым можно относиться с доверием, на которые можно опираться. Иначе «ставится под сомнение авторитет науки в целом, который в современном российском обществе, увы, и так уже находится не на высоте. Борьба за добросовестное, ответственное проведение исследований, включая активное противостояние попыткам представить в качестве новых научных достижений то, что на деле является результатом подлога, фальсификации или плагиата, жизненно важна для утверждения этого авторитета» – подчеркивает Б. Г. Юдин².

Научная объективность как принцип научной деятельности выступает как требование к ученому и научному сообществу получения максимально беспристрастного знания и нацеленности их на получение объективно-истинного знания. В социогуманитаристике объективность рассматривается как непредвзятость представленный исследователя о предмете исследования, всесторонность его изучения и стремление к получению результатов максимально независимых от политических, групповых и других пристрастий ученого. При этом «верность объективной науке предполагает следование определенным этическим нормам, таким как честность, личная скромность, беспристрастность, незаинтересованность. Особая значимость такого качества, как объективность, связана с тем, что оно легитимизирует ученого как в эпистемологическом, так и в социально-политическом отношении» – подчеркивает Т. В. Виноградова³. Одновременно следует учитывать особенности реализации принципа объективности в научных исследованиях, на который опирается научное сообщество и обеспечивается посредством участия субъектов научной коммуникации в режиме интересубъектности как возможности проверки полученного знания. Эвандро Агацци отмечает, что когда «некоторый произвольный субъект может захотеть проверить гипотезу, что данное конкретное свойство существует, он должен (в принципе) быть способен это сделать и (в принципе) получить тот же самый результат» и тогда «интерсубъективное согласие достигается через проверяемость, любой субъект должен в принципе при такой же проверке получить тот же результат»⁴.

Реакция на девиантное поведение исследователей получает широкий резонанс и эти вопросы находятся в центре внимания научного сообщества, общества и государства. Именно общество «ожидает от исследований таких результатов, к которым можно относиться с доверием, на которые можно опираться», но «первой жертвой недобросовестного проведения исследований является сама наука, которая перестает выполнять свою основную миссию получения достоверных научных знаний и, с неизбежностью, теряет доверие общества. Среди других жертв недобросовестной науки – все те, кто выступают в качестве потребителей ... новых технологических продуктов и процессов, широкие круги общественности, теряющие надежную ориентацию в мире и становящиеся жертвой мистицизма и мракобесия всевозможных сортов, а также политические деятели, которым приходится действовать на основе недостоверной информации и необоснованных рекомендаций» – отмечает Б. Н. Юдин⁵. В. А. Толстик констатирует: «Масштабы распространения девиантного, в том числе делинквентного, поведения в науке весьма значительны», анализируя их различные проявления и ставит вопрос о необходимости развития правовых и этических форм реагирования общества, государства и, особенно, научного сообщества на отклоняющееся поведение в исследованиях⁶.

В 1980–1990-е годы проблемы девиантного поведения ученых становились предметом особого внимания как мирового научного сообщества, так и широких кругов общественности, что было связано с лавинообразным ростом обнаруженных случаев плагиата, фальсификаций и фабрикация научных результатов. Этому способствовали и скандалы по поводу «списанных» диссертаций, в которых с избытком присутствуют «некорректные заимствования», фальсификация статистических и социологических данных, что получило широкий общественный резонанс в различных странах. При этом в большинстве из них отставка чиновника и лишение возможности преподавания для плагиаторов выступает как сама собой разумеющаяся реакция на подобное поведение. Также выяснилось, что традиционные механизмы противодействия недобросовестности в науке борьбы не всегда дают эффект, нередко и сами ученые склонны к попустительству в случае таких проявлений, отсутствует должная принципиальность и требование реакции на исследователей, нарушающих нормы научной этики.

¹ Куркова Н. А., Шершень Т. В. О принципе добросовестности в научных исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Т. 1. № 1. С. 252, 264.

² Юдин Б. Г. О добросовестности в исследованиях // Наука. Инновации. Образование. 2010. № 9. С. 57, 63.

³ Виноградова Т. В. Добросовестность в научных исследованиях: анализ. обзор. М., 2017. С. 4.

⁴ Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. М., 2017. С. 114, 119.

⁵ Юдин Б. Г. О добросовестности в исследованиях // Наука. Инновации. Образование. 2010. № 9. С. 57.

⁶ См. Толстик В. А. Девиантное поведение в науке и пути его преодоления // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 54–63.

Для решения проблем девиантного поведения ученых во многих странах появились специально созданные государственные или общественные структуры. В Великобритании в 2006 году была создана служба по добросовестности в исследованиях (UKRIO – UK Research Integrity Office), которая в качестве независимого консультативного органа занимается вопросами обеспечения честности и практики в борьбе с ненадлежащим исследовательским поведением. В ФРГ действует Совет по научным исследованиям и созданный им независимый комитет омбудсмана по научным исследованиям. Во Франции данной проблематикой ведает Комитет по этике Национального центра научных исследований. Аналогичные органы имеются и в ряде других стран.

Одновременно были определены на официальном уровне три основные формы недобросовестного проведения исследований, которые определяют их следующим образом: *фальсификация* – «манипулирование исследовательскими материалами, оборудованием или процессами, либо изменение или невключение данных или результатов, вследствие чего искажаются материалы исследования», а также невключение критических данных и результатов»: *фабрикация* (подлог, мошенничество) – «выдумывание данных или результатов и запись их в сообщениях»; *плагиат* – «несанкционированное использование или близкое к тексту воспроизведение языка и мыслей другого автора и представление их в качестве собственной оригинальной работы»¹.

В контексте рассмотренных проблем не является исключением в этом отношении и Россия. Борьба с плагиатом в диссертациях, активно начавшаяся внутри российского научного сообщества с основанием в 2013 году Вольного сетевого сообщества «Диссернет», стала предметом внимания СМИ и общества, стимулировала выявление недобросовестных заимствований в текстах защищенных диссертаций и принятие решений Высшей аттестационной комиссией по лишению «плагиаторов» ученых степеней. В итоговом документе прошедшей 26 сентября 2018 года в Российском государственном гуманитарном университете научно-практической конференции «Проблемы качества научной работы и академический плагиат» констатируется, что «фальсификация научных исследований, производство фальшивых диссертаций и публикация научных статей, содержащих плагиат, в России приняли угрожающие размеры, разрушая национальную систему академической аттестации и дискредитируя российскую научную периодику. С 2013 года выявлено около 8000 диссертаций и 5000 научных статей с плагиатом, вскрыты "диссеродельные фабрики" – диссертационные советы, на счету которых по несколько сотен фальшивых диссертаций, найдены "мусорные журналы", опубликовавшие десятки статей с плагиатом»². В России явно назрела необходимость создания государственного или государственно-общественного органа по проблемам девиантного поведения в науке и определение нормативной основы оценки его проний.

В итоге необходимо констатировать, что проблемы источниковедческой культуры в теории и практиках научно-исследовательской деятельности выдвигаются в число системообразующих и, в преломлении через личностные качества и опыт научной деятельности ученого. В этом плане особо значимыми представляются три составляющих источниковедческой культуры, которые включают: этические ориентиры – нормы этоса науки, которые формируют нормы научной деятельности и механизмы их обеспечения; осознание основных источниковедческих рисков нарушения требований к научной деятельности и их последствий для общества науки как сфере научной деятельности и социального института; во внедрение в образовательные практики подготовки кадров высшей квалификации в рамках аспирантуры/адъюнктуры специализированных учебных курсов источниковедческой направленности.

2. Этические основания и нормы научного этоса в научной и источниковедческой культуре

Источниковедческая культура, как и культура научной деятельности, в своей основе базируется на личности ученого, входящего в различных формах коммуникативного взаимодействия в составе научного сообщества. В связи с этим в научном пространстве сложились и поддерживаются научным сообществом этические нормы;

Этические нормы в научной культуре вытекают из общего понимания этоса науки как образца поведения ученых, состоящего в наборе социальных норм, реализация которых обеспечивается научным сообществом и функционированием науки в качестве социального института. В современной науке этот комплекс норм рассматривается как этос науки – «нормы, которых придерживаются ученые в своей деятельности и которые способствуют формированию социального института науки. Этические ценности науки воспроизводятся от поколения к поколению и являются обязательными для ученого. Этос очерчивает круг допустимого поведения в рамках науки как социального института»³. Нормы научного этоса и в источниковедческом плане выступают в качестве универсальных предписаний, определяющих поведение исследователя в работе с носителями социальной информации. Поэтому этические нормы в источниковедческой культуре как разделе юридического источниковедения выступают в качестве системообразующего начала

¹ Юдин Б. Г. Доклад // О добросовестности в научных исследованиях. Материалы круглого стола. М., 2015. С. 16–17.

² Итоговый документ научно-практической конференции «Проблемы качества научной работы и академический плагиат». РГГУ. 26 сентября 2018 г. URL: <https://trv-science.ru/about/> (дата обращения: 27.10.2021).

³ Островский Э. В. История и философия науки. М., 2017. С. 49–50.

в научной деятельности, формируются и поддерживаются научным сообществом от уровня научной корпорации, проходя через формы научной коммуникации, до уровня отдельного ученого.

Следует заметить, что в современной юридической науке проблематика этоса, безусловно, присутствует, но наличествует преимущественно в виде отдельных замечаний и сюжетов в монографиях или статьях. Между тем вопрос является злободневным в контексте сохранения идеалов и ценностных ориентаций в научной деятельности, поддержания традиций российской юридической науки, непрерывности в деятельности сложившихся и новых научных школ и особенно обеспечения добросовестности, качества и культуры научных исследований в сфере юриспруденции. Интересные аспекты были представлены рядом ведущих российских ученых относительно различных аспектов этики в науке в публикациях круглого стола «Этос юридической науки: идеалы и реалии научно-исследовательских практик», который был организован редакцией «Российского юридического журнала» и материалы которого были опубликованы в этом журнале¹.

Положения об этосе науки как «аффективно окрашенном комплексе ценностей и норм, считающемся обязательным для человека науки», в начале 1940-х годов сформулировал американский социолог Роберт Кинг Мертон. Ряд описанных им норм появились у него «как реакция на фашистскую практику и теорию превосходства арийской расы, травлю в Германии многих знаменитых ученых-"неарийцев" и "лысенковщину" в СССР. Мертон был убежден, что наука может успешно функционировать только при демократическом строе, он не принимал тоталитаризм ни в обществе, ни в науке» – отмечает М. Г. Лазар². Р. Мертон выступил как основоположник «поведенческого подхода» в изучении науки: «Нормы выражаются в форме предписаний, запрещений, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей. Эти императивы, передаваемые наставлением и примером и поддерживаемые санкциями, в различных степенях интернализируются ученым, формируя тем самым его научную совесть». Р. Мертон обращает особое внимание на деятельностный и инструментальный характер этоса науки: «Нравы науки имеют методологическое рациональное оправдание, однако обязывающими они являются не только в силу своей процедурной эффективности, но и потому, что считаются правильными и хорошими. Они в такой же степени моральные, в какой и технические предписания»³. Р. Мертон сформулировал ряд императивов, которые определяют ценностно-нормативную структуру науки и которыми должен руководствоваться исследователь. В их число входил ряд предписаний по поводу того, что должен делать ученый и представлен в качестве четырех императивов:

– *универсализм* – ученый отказывается от личных симпатий и руководствуется исключительно универсальными критериями и процедурами обоснованности знания при оценке труда коллег;

– *всеобщность* – результаты научной деятельности выступают как продукт общих усилий и сотрудничества исследователей, а их использование является достоянием научного сообщества;

– *незаинтересованность* – деятельность исследователя основывается на беспристрастности, объективности, бескорыстии, честности и сопротивлении обману и подлогу в науке, а также признанию обоснованных научных фактов в качестве таковых при их противоречии собственным убеждениям;

– *организованный скептицизм* – исследователь придерживается установок на критичность научного знания независимо от авторства полученных результатов – собственного или других ученых⁴.

В указанные положения Р. Мертон в 1957 году добавил еще два императива: «оригинальность» – уникальность полученных в науке результатов и «скромность». Но, пожалуй, не менее существенным стало представленное Р. Мертоном в 1958 году видение не только того, что ученый должен делать, но и то, что он реально делает. В основу анализа и дополнений его концепции была положена идея «социологической амбивалентности» как характеристика двойственности и противоречивости мотивов и реального поведения ученого. Он привлек в рассмотрение этоса науки также и проявления «патологии» науки: конкуренцию, подозрительность, зависть, скрытый плагиат и т. п. Главный тезис Мертона, как подчеркивает Е. З. Мирская, «состоит в том, что в своей повседневной профессиональной деятельности ученые постоянно находятся в напряжении выбора между полярными императивами предписываемого поведения». Р. Мертон «прекрасно понимал, что поведение каждого ученого в любой ситуации определяется в первую очередь его характером, личным опытом, научной и социальной интуицией и т. п. Реальные действия противоречивы, и всегда найдется одна из двух противоположных формулировок, которая ретроспективно подтвердит правильность избранного пути (если он приведет к успеху) или его ошибочность (если он приведет к неудаче)»⁵.

В результате своих наблюдений Р. Мертон сформулировал свои положения относительно *социальной амбивалентности ученого* в контексте понимания им реальной двойственности его поведения в на-

¹ См.: Российский юридический журнал. 2020. № 5.

² Лазар М. Г. Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 4. С. 127.

³ Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. Пер. с англ. М., 2006. С. 769.

⁴ Мертон Р. К. Указ. соч. С. 769–780; Мирская Е. З. Р. К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. 2005. Т. 11. Этос науки на рубеже веков. С. 11–28.

⁵ Мирская Е. З. Р. К. Мертон и этос классической науки. С. 16–17.

учной деятельности и представил их в следующих попарно сгруппированных по принципу «должен – не должен» противоречивых («амбивалентных») норм. По его мнению, ученый:

- *должен* как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но он не должен торопиться с публикациями;
- *должен* быть восприимчив к новым идеям, но не должен поддаваться интеллектуальной «моде»;
- *должен* стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но работать он должен, не обращая внимания на оценки других;
- *должен* защищать новые идеи, но не должен поддерживать опрометчивые заключения;
- *должен* прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;
- *должен* быть крайне тщательным в формулировках и деталях, но не должен углубляться в педантизм, ибо это идет в ущерб содержанию;
- *должен* всегда помнить, что знание универсально, но не должен забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;
- *должен* воспитывать новое поколение ученых, но не должен отдавать обучению слишком много внимания и времени;
- *должен* учиться у крупного мастера и подражать ему, но не должен походить на него¹.

Американский социолог Б. Бабер внес свои коррективы в положения Р. Мертон: заменил «организованный скептицизм» на «индивидуализм» и добавил два новых императива: «рациональность» – вера в моральную добродетель разума, поскольку «мораль науки имеет тенденцию проходить во все эмпирические области» и «стремление достигнуть этой цели основано на моральной ценности того, что все вещи должны быть поняты на максимально возможном абстрактном и общем уровне», и «эмоциональная нейтральность» – запрет на использование ученым при решении научных проблем эмоций, личных симпатий и антипатий, поскольку «ученому следует избегать такого эмоционального вовлечения в свою работу, при котором он не может принять новый подход или отвергнуть старый, даже когда его поиски приводят к необходимости это сделать»².

Сложившиеся положения относительно этоса науки образуют ядро идеалов культуры научной деятельности и, конечно же, существует проблема их реализации. Согласимся с мнением Е. З. Мирской, что «было бы, пожалуй, слишком смело утверждать, что мертоновские нормы научного этоса продолжают существовать в сознании современных ученых именно потому, что когда-то Р. Мертон "открыл" совокупность этих императивов. Подавляющее большинство сегодняшних ученых не только не знают классических формулировок этоса науки, но, вероятно, никогда даже не слышали имени Мертона. Однако это не умаляет его вклада в понимание и оптимизацию функционирования науки. Главная заслуга Р. Мертона – четкая экспликация основополагающих ценностей науки и соответствующих им идеальных принципов научной деятельности, а также непоколебимая уверенность в их действительности. Эта уверенность постепенно вошла в коллективное сознание научного сообщества и до сих пор составляет важную часть менталитета людей, искренне преданных науке, прежде всего – как творческому поиску нового знания»³.

Современное состояние науки как социального института показывает противопоставление «должного и сущего» идеалы для научного сообщества просто необходимы. На это обращает внимание М. Г. Лазар и справедливо подчеркивает: «Конечно в современной науке – больше погони за деньгами и прочими формами материального поощрения, чем в середине XX в. Однако предложенные «новые» нормы являются, по нашему мнению, лишь констатацией расхождения между нравами современной науки (т. е. «сущим» на языке этики) и требованиями норм, выражающих этическое «должное» в профессии ученых. Именно это «должное», без которого наука не может функционировать, и выражают нормы-идеалы этоса науки Р. Мертона. Видимо, Мертонову уже тогда следовало сделать крайне важное уточнение, о том, что его «эмос науки» – это не повседневные нравы, не практика современной или прошлой науки, а «этическое должное» в науке»⁴.

Соответственно и современной юридической науке общенаучный этос в преломлении через ее специфику как этоса юридической науки последний продолжает оставаться именно системой взглядов и набором инструментов поддержания этических оснований научной деятельности и практической деятельности. «Применительно к современной российской юридической науке в понятие этоса включаются нравственные основания восприятия права как объекта познавательной и практической деятельности реальных людей, руководствующихся различными, преимущественно инструментальными, взглядами на бы-

¹ Указанные положения приведены в переводе Е. З. Мирской Р. К. Мертон и этос классической науки. С. 16) по кн.: Merton R. K. The Ambivalence of Scientists. Science and Society / ed. N. Kaplan. Chicago: Rand McNally Publ., 1965.

² Демина Н. В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 11.

³ Мирская Е. З. Р. К. Мертон и этос классической науки. // С. 26–27.

⁴ Лазар М. Г. Социальный контроль и самоконтроль в современной науке // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2012. Вып. 23. С. 226.

тие правовой материи. В таком понимании этос юридической науки может быть охарактеризован как система взглядов, отражающих индивидуальные и корпоративные представления научного юридического сообщества о профессиональной этике в исследовательской и практической (правотворческой и правоприменительной) деятельности» – отмечает Р. А. Ромашов¹.

В современных исследованиях особо акцентируется внимание на значение и соотношение этоса науки с профессиональной подготовкой и способностью к инновациям в сфере научных исследований. «На первый план здесь выходит вопрос о подготовке субъекта-исследователя, способного генерировать инновационные идеи, профессионала, осознающего глубинные закономерности устройства права и правовой реальности. Такой специалист способен в рамках нормативных границ этоса правовой науки оказывать существенное влияние на вектор развития мышления, а в конечном итоге – на отношения в обществе. Спектр условий профессионального успеха в сфере юридических научных изысканий включает в себя обширные фундаментальные знания, умения и навыки исследовательской деятельности, компетентность и умение выстраивать коммуникацию в профессиональной юридической среде и вне ее. Особую значимость обретает стремление правоведа к самосовершенствованию, критическое восприятие достижений правовой науки и юридической практики – подчеркивает М. В. Баранова².

В итоге необходимо отметить, что современная научная культура как в целом, так и в ее источниковедческом контексте, опирается на сложившиеся нормы этоса науки как систему ориентиров для ученого в его научной деятельности. Научный этос, при всех трансформациях науки как социального института и специфике научной деятельности в сфере юриспруденции, как *этические основания и нормы продолжают определять систему координат поведения ученого. Положения научного этоса носят и инструментальный характер: показывают проявления отклоняющейся от его требований формы и на конкретных примерах и обобщениях практики противодействия девиантному поведению в науке* показывают пути и механизмы развития контроля. В контексте последнего особую роль играет активная позиция научного сообщества на всех уровнях его функционирования от деятельности отдельного исследователя до национального и международного пространства научных коммуникаций ученых.

3. Субъекты, отношения и формы научной и источниковедческой культуры

Формирование и поддержание научной культуры в целом, как и в ее источниковедческом контексте, проявляется в достаточно сложной системе взаимоотношений субъектов научной деятельности от отдельного ученого до научного сообщества в целом на его национальном и международном уровнях. Важное значение в обеспечении научной культуры имеют формы, в рамках которых происходит (происходило) закрепление и реализация установок и инструментов по поддержанию этических требований и норм деятельности на уровне отдельного ученого и различных конфигураций их взаимодействий и отношений в рамках научной среды и взаимоотношений с обществом и государственными структурами. Указанные элементы являются системообразующими и составляют пространство научной культуры как пространства взаимодействия субъектов научного сообщества на уровне различных форм и отношений.

Ученый как первичный субъект научной деятельности является представителем «научной профессии» – то есть «в широком смысле тех специалистов, чья основная деятельность связана с хранением, передачей и умножением формальных знаний (то есть фиксированных и кодифицированных знаний)» – отмечают американские социологи Толкотт Парсонс и Норман Сторер. Научная профессия, по их мнению, задает определенную систему координат положения ученого как на индивидуальном уровне, так в рамках научного сообщества характеризует определенные качественные характеристики, которые включают прежде всего «профессиональную ответственность за хранение, передачу и использование специализированной суммы знаний и часто за расширение этих знаний как в эмпирическом, так и в теоретическом направлениях». Указанное требует соединенные профессиональной научной деятельности «с высокой автономностью профессии в области привлечения новых членов, их подготовки и контроля их профессионального поведения. Поскольку главный объект ее внимания – это совокупность знаний, достоверность и полезность которых не зависит от качеств отдельных индивидов, то о профессионалах судят не по таким вещам, как манеры, место рождения или политические убеждения, а по их владению соответствующими знаниями и степени участия в их умножении. Поскольку по этим критериям профессионала могут оценивать только коллеги, профессия должна либо отвоевать для себя значительную автономию, либо в конце концов совершенно распаться». Также возникает и потребность во внешних связях научной профессии, установлением с «общественным окружением таких отношений, которые обеспечивали бы ей поддержку, а равно и охрану от непрофессионального вмешательства в ее главные интересы», как и потребность в «такого рода вознаграждении, которое служило бы достаточным стимулом для профессионалов, будучи в то же время подконтрольно не столько посторонним, сколько самой про-

¹ Ромашов Р. А. Трансформация этоса юридической науки в контексте циклогенеза // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 27.

² Баранова М. В. Новизна юридических исследований в контексте норм этоса науки // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 71.

фессии»¹. Указанные характеристики научной профессии определяют основные характеристики положения ученого в обществе, на которые он опирается, конкретизирует в рамках своей научной деятельности, и которые определяют содержание индивидуальных исследовательских практик.

Ученый, будучи включенным в систему связей и взаимодействий в научной культуре, находится в различных ситуациях, требующих морального выбора и соответствующей модели поведения морально-этического характера. М. Г. Лазар систематизирует и выделяет ряд блоков таких обстоятельств и, соответственно, необходимости ориентации на сложившиеся требования нормы этоса науки, в которые включается: «этика научного исследования, связанная с проблемами мотивации прихода в науку и выбора профессии исследователя, области и темы исследований, с выбором методов и средств проверки и экспертизы»; «этика научной публикации (проблемы и нормы соавторства, цитирования, составления библиографии по теме и другие)»; «этика научной дискуссии, полемики – устной или письменной, очной или заочной»; «этика отношений в научном коллективе (между начинающим ученым и научным руководителем, между разными поколениями в науке, между административным руководителем научного учреждения и подчиненными ему сотрудниками и другие)»; «этические аспекты взаимоотношений "ученый – общество", кристаллизованные в проблеме нравственной и гражданской ответственности ученого в современном мире»².

Научное сообщество как коллективный субъект научной деятельности представляет «совокупность ученых-профессионалов, организация которой отражает специфику научной профессии» и «ответственно за целостность науки как профессии и ее эффективное функционирование, несмотря на то, что профессионалы рассредоточены в пространстве и работают в различном общественном, культурном и организационном окружении»³. И именно это объединение ученых, «придерживающихся общих теоретических оснований, принципов и методов решения исследовательских задач заинтересовано в формировании и поддержании личностных качеств исследователя, его научной состоятельности, готовности к самостоятельной работе и ответственности за ее результаты»⁴. Научное сообщество на различных уровнях взаимодействия субъектов обеспечивает свое функционирование в качестве социального института. Такими уровнями могут быть: микроуровень – аспирант и научный руководитель; средний уровень – кафедра, отдел, исследовательская группа и научная школа; макроуровень национальное и мировое научное сообщество.

В пространстве функционирования научного сообщества при участии субъектов научной деятельности складываются три основных типа нравственных отношений научной деятельности в проекции этоса науки, включающие: «нравственные отношения, выражающие позицию субъекта познания к объекту исследования, к процессу исследования (отношения "субъект – объект исследования" или "ученый – предмет научного труда"); "субъект – субъектные отношения", т. е. "ученый – ученый", или "ученый – научное сообщество", отражающие специфику научного общения и научных коммуникаций; отношения управления и контроля, являющиеся во многом внешними для науки отношениями. Этот тип отношений связан с организацией научной деятельности, планированием, с социальным применением результатов науки. Данные отношения сегодня приобретают особую нравственную окраску, заостряя проблему морального выбора, долга, ответственности и пр. в силу положения науки в современной России» – отмечает М. Г. Лазар⁵.

Научная среда представляет коммуникативное пространство, в котором происходит взаимодействие ученых и которая выступает как «специфическая форма профессионального общения людей, основанная на обмене научной информацией, значимой для участников интеллектуального взаимодействия при решении исследовательских задач в процессе научной деятельности» и обеспечивает «профессиональное общение между субъектами, которые участвуют (или намерены участвовать) в совместной (коллективной) научной деятельности». Научные коммуникации «охватывают совокупность видов и форм профессионального общения исследователей и являются одним из главных механизмов развития и популяризации науки, способа активизации интеллектуального взаимодействия ученых и поиска новых решений научных проблем, продвижения результатов научной деятельности и обмена новыми знаниями, экспертизы полученных научных результатов посредством различных каналов, средств, форм и институтов» – отмечают Э. Г. Скибицкий, Е. Т. Китова⁶. В структуре научных коммуникаций выделяются непосредственное общение и личные связи субъектов научной деятельности – научные семинары, конференции, симпозиумы, личные беседы и другое и опосредствованное взаимодействие ученых через

¹ Парсонс Т., Сторер Я. Научная дисциплина и дифференциация науки // Научная деятельность: структура и институты. Сб. переводов. М., 1980. С. 27–29.

² Лазар М. Г. Этика науки как новое направление в социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3. С. 151.

³ Мирский Э. М. Научное сообщество // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М., 2010. Т. 3. С. 35–36.

⁴ Кузнецова В. Ф. Научное сообщество // Современный философский словарь; Под общей ред. В. Е. Кемеровы. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск, 1998. С. 546.

⁵ Лазар М. Г. Этика науки как новое направление в социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3. С. 151.

⁶ Скибицкий Э. Г., Китова Е. Т. Научные коммуникации. М., 2019. С. 11.

научные публикации монографии, научные журналы, сборники научных трудов и материалов конференций и др.¹ Особое значение в условиях современного информационного общества приобретает указанные формы общения ученых, опосредованные виртуальным пространством сети Интернет, которые не только представляют возможность распространения научной информации, но и позволяют обратиться в сети к проблемам научной этики и фактам их нарушения².

Особо следует подчеркнуть, что именно научная среда, в которой происходит формирование ученого, через различные формы коммуникации (научные мероприятия: семинары, круглые столы, конференции, обсуждение статей, диссертаций и т. п.) и особенно научные школы обеспечивает трансляцию, демонстрацию и поддержание как научного этоса в целом, так и требований к научно-исследовательской деятельности. Именно такая среда с принципиальной и объективной оценкой работы и начинающего, и известного ученого формирует личностные качества исследователя, его научную состоятельность и готовность к самостоятельной работе. Вместе с тем снисходительность к качеству исследования ввиду молодости аспиранта, авторитета научного руководителя и т. п., а тем более чрезмерное уважение к должностному статусу исследователя в ущерб характеристикам работы приводят к обратному эффекту – разрушению сложившегося и поддерживаемого научным сообществом этоса науки. Подобные отступления от требований честности, добросовестности и научной объективности исследователя, к сожалению, становятся характерными чертами для современного этапа развития юридической науки.

Формы формирования источниковедческой культуры достаточно хорошо проработаны в науке. Основные из них включают: взаимодействие исследователей на различных уровнях функционирования научного сообщества. Выделяют три основные формы, в рамках которых преимущественно поддерживается и формируется культура научного исследования и поддерживается научный этос – реализация образовательных программ.

Реализация образовательных программ по источниковедению в рамках аспирантуры/адъюнктуры безусловно представляет основную форму и главное направление формирования научной и источниковедческой культуры исследователя и создает предпосылки для введения основ культуры научного исследования в сферу работы с носителями государственно-правовой информации. В ее рамках особое внимание уделяется необходимости руководствоваться в научной деятельности принципами и этическими нормами использования источников, содержащих результаты исследований других авторов, и избегать неправомерного заимствования. Именно поэтому в данной монографии представлены материалы раздела, освещающего авторские наработки по вопросу преподавания курса «Юридическое источниковедение» в Уральском государственном юридическом университете (см. разд. 1, гл. 2–1).

Индивидуальное общение аспирант – научный руководитель в формировании у молодого ученого морально-этических ориентиров, источниковедческой культуры и приобщении к научной профессии выступает важнейшей предпосылкой обеспечения качества работы с носителями юридической информации. В режиме «ученичества» научный руководитель своим наставлением и примером именно как учитель прямо или косвенно обучает, передает ученику – аспиранту, адъюнкту, соискателю, стажеру – свои знания, инструментальные наработки и опыт научной деятельности (при условии их наличия). Представляется, что у каждого ученого всегда имеются «люди и места», которые определили их судьбу в науке, и каждый из них испытывает на себе влияние учителей через представленные ими этические и познавательные ориентиры, придерживается этих ориентиров в научной деятельности (порой на подсознательном уровне). Это возлагает на ученого одну из главных его обязанностей – сохранение полученных от учителей ценностных ориентаций, знаний и опыта научной деятельности, обеспечение развития научно-мемориальных практик и поддержание интереса к научному юридическому наследию.

Научный руководитель, обладающий опытом исследовательской деятельности и авторитетом в научном сообществе, всегда оказывает личностное воздействие на формирующегося молодого ученого, а их индивидуальное общение выступает важнейшей предпосылкой передачи личностных знаний именно как «неявных» знаний и опыта научной деятельности. При этом заметим, что проблему изучения личностного знания и его трансляции обозначил еще в 1950-е годы М. Полани, который рассматривал научную деятельность как совокупность «личностных актов познания» и считал, что «наука создается искусством ученого» и, «осуществляя свои умения, ученый формирует научное знание»¹. Именно он обратил внимание на то, что знания могут существовать в двух формах. *Явные знания* выступают в виде информации, зафиксированной в письменной форме и представленной на уровне как относительно обезличенных знаний (учебники, энциклопедии, справочники и др. издания), так и знаний персонализированного характера (монографии, статьи и др.). *Личностные знания* связаны непосредственно с ученым и его опытом научной деятельности, они получены в ходе исследовательских практик ученого и выступают как результат работы его «творческой лаборатории», персонализированы в его научных трудах и отражают личность ученого – его интуицию, мотивы, эмоции. Такие знания не всегда могут быть зафиксированы и

¹ См.: Мирский Э. М. Коммуникация в науке // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М., 2010. Т. 2. С. 281–282.

² См.: Богданова И. Ф. Онлайн-пространство научных коммуникаций // Социология науки и технологий. Т. 1. № 1. С. 140–161.

переданы обычными способами, а требуют личного контакта и постоянного общения с учеником. «Писанные правила умелого действия могут быть полезными, но в целом они не определяют успешность деятельности; это максимы, которые могут служить путеводной нитью только в том случае, если они вписываются в практическое умение или владение искусством. Они не способны заменить личностное знание» – подчеркивает М. Полани¹.

Личностные знания, транслируемые от учителя к ученику, являются важной составляющей в формировании научного этоса и профессионализма молодого ученого. Научный руководитель, обладающий опытом исследовательской деятельности и авторитетом в научном сообществе, всегда оказывает личностное воздействие на формирующегося молодого ученого, а их индивидуальное общение выступает важнейшей предпосылкой передачи личностных знаний именно как «неявных» знаний и опыта научной деятельности. Мой собственный опыт «вхождения в науку» в аспирантуре в Институте государства и права АН СССР показывает, что личностные знания моих учителей В. С. Нерсисянца, Е. А. Скрипилева, Л. С. Мамута, В. Г. Графского, личное общение с корифеями науки, наблюдение за их научной работой, анализ трудов и выступлений, понимание методологии и методики их «действия» подтверждают актуальность тезиса М. Полани: «Учиться на примере – значит подчиняться авторитету. Вы следуете за учителем, потому что верите в то, что он делает, даже если не можете детально проанализировать эффективность этих действий. Наблюдая учителя и стремясь превзойти его, ученик бессознательно осваивает нормы искусства, включая и те, которые неизвестны самому учителю»². При этом именно полученные от моих учителей личностные знания на интуитивном уровне позволяют не только опираться на их авторитетные суждения и искать в них поддержку своим идеям, но и, обращаясь к ним в собственной памяти и сохраняющимся в ней чувственно-наглядным образом совместной работы, использовать известные или конструировать в собственных исследовательских практиках познавательные подходы, методы и методики. Так, например, В. С. Нерсисянец и Е. А. Скриплев нередко в наших беседах акцентировали внимание на уважении к предшественникам в науке, необходимости критического отношения к источникам и одновременно аргументации на их основе научных положений. В результате появились три правила работы с носителями юридической информации, которые я и сейчас обозначаю аспирантам при чтении курса «Юридическое источниковедение»: 1) уважайте предшественников – их вклад в науку создал основу для ее развития и составляет историографическую базу вашего исследования; 2) всегда проверяйте источники публикации – автор мог непроизвольно, в силу обстоятельств, или умышленно исказить содержание или неполно представить содержание источника; 3) четко аргументируйте новые положения – обоснование строится на анализе источников информации и глубоко эшелонированной системе источниковой аргументации. Эти императивы, хотя тогда еще не осознавались на уровне таковых, были положены в основу требований работы с источниковой базой диссертационного исследования в период моего обучения в аспирантуре.

Научная школа в источниковедческой культуре выступает одним из важных направлений формирования культуры работы с источниками социальной информации³. «Научная школа – это сообщество исследователей, интегрированных вокруг ученого генератора идей, обладающего особыми исследовательскими и, что также важно, человеческими качествами. При таком ученом объединяется группа соратников и учеников, которые разделяют его научные идеи и общие теоретические принципы, методологию исследования. Как правило, все эти исследователи совместно выполняют определенную исследовательскую программу, разработанную и предложенную данным ученым или возглавляемой им группой ученых. В ходе выполнения научной программы конкретного коллектива идет интенсивный обмен мнениями и результатами» – отмечает В. К. Криворученко, обобщая подходы к определению этой формы объединения ученых⁴. Научная школа выступает как неформальное объединение ученых (преимущественно учеников ее руководителя) и обеспечивает работу по изучению одной исследовательской проблемы и/или реализации научной программы. Объединение ученых в рамках научной школы, безусловно, способствует и поддержанию научного этоса при производстве научного знания⁵. При этом заметим, что обращение к анализу деятельности отдельных ученых как научных руководителей, объединений исследователей показывает их значение и как организаторов науки и дает интересный материал для изучения личностно-организаторских качеств, и вносит интересные штрихи к научной биографии ученого.

Интересным направлением в развитии научных школ в условиях новейших информационных реалий является создание сетевых научных школ, которые позволяют увеличить эффективность научного общения и передачи информации, оперативно обсуждать различную проблематику исследовательского пространства науки и реагировать на проявления нарушения этических требований исследователями.

¹ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Пер. с англ. М., 1985. С. 82–83.

² Там же. С. 87.

³ См. комплекс исследований: Школы в науке, М., 1977.

⁴ Криворученко В. К. Научные школы // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 2. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/> (дата обращения: 27.10.2021).

⁵ Тихонова С. В. Роль научных школ в воспроизводстве этоса юридической науки // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 39–48

Подобная научная школа, как показывает практика ее формирования в Уральском государственном юридическом университете, не требует административной формализации и работает преимущественно в рамках периодически проводимых научных мероприятий (семинаров и круглых столов), публикаций по источниковедческой тематике, преподавания специальных курсов по программе аспирантуры, а также реализации научных грантов. Тем самым обеспечивается развитие юридического источниковедения с включением в исследовательские практики проблематики культуры работы с носителями социальной информации. В последнее время указанная научная школа функционирует как сетевая под названием «Источниковедение и историография в юриспруденции»¹.

В итоге необходимо отметить, что формирование поддержания научной культуры и научного этоса в сообществе ученых представляет многоаспектный процесс самоорганизации научного сообщества, которое на всех субъектных уровнях – отдельных ученых, научных коллективов и научного сообщества в целом в различных формах научной коммуникации – обеспечивает получение нового достоверного знания. Сложная система общественных отношений в науке нередко ставит ученого и научные коллективы в ситуации, требующие морального выбора и опоры на отработанные поколениями ученых и признанные научным сообществом нормы и лучшие образцы поведения в сфере научной деятельности. Именно в научной среде, в ее коммуникативном пространстве и в различных формах объединения и профессионального общения закладывается и поддерживается необходимый для развития науки, научного сообщества и общества уровень научной культуры.

* * *

Подводя итоги, отметим, что взаимодействие общей и источниковедческой культуры в преломлении последней находит преломление через личностные качества и опыт научной деятельности ученого, формирует этические и профессиональные ориентиры, необходимые для плодотворной научной работы и получения нового достоверного знания. Такие качества ученого, как интеллектуальная честность и добросовестность, научная объективность и порядочность, являются системообразующими в формировании и поддержании научной и источниковедческой культуры, они дают опору на нормы и лучшие образцы поведения, выработанные и отработанные многими поколениями ученых и признанные научным сообществом в сфере научной деятельности.

---

¹ Сетевая научно-образовательная школа «Источниковедение и историография в юриспруденции». URL: <https://www.facebook.com/groups/721918278751590> (дата обращения: 27.10.2021).

Кожеева Марина Анатольевна

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Kozhevina Marina Anatolyevna

Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kozhevina1@rambler.ru

**Некоторые методологические особенности исследования истории
научной юридической дисциплины
(на примере истории права и государства России)**

**Some methodological features of the study history of scientific legal discipline
(on the example of the history of law and the state of Russia)**

Аннотация. В статье определяются современные требования к изучению истории юридической науки и юридической научной дисциплины, показаны преимущества науковедческого, историко-научного, институциональных научных подходов в познании истории права и государства России, раскрыт познавательный потенциал метода периодизации истории науки, определено содержание предмета истории научной дисциплины.

Ключевые слова: юридическая наука, научная дисциплина, история науки, методология науки, история права и государства России

Abstract. The article defines the modern requirements for the study of the history of legal science and legal scientific discipline, shows the advantages of historical and scientific, institutional scientific approaches in understanding the history of law and state of Russia, reveals the cognitive potential of the method of periodization of the history of science, defines the content of the subject of the history of the scientific discipline.

Keywords: legal science, scientific discipline, history of science, methodology of science, history of law and state of Russia

---

История права и государства России как научная дисциплина эволюционировала вместе с отечественной научной юриспруденцией. Являясь социокультурным феноменом, она играет ключевую роль в изучении российской правовой действительности и как средство познания, и как форма юридического знания, и как важнейшее условие развития историко-правовой науки. Это особая сфера юридического знания, отличающаяся от иных своим пограничным, междисциплинарным характером, который проявляется как во внешнем взаимодействии с другими науками, прежде всего историей, социологией и политологией, так и во внутреннем, когда предмет познания науки истории права и государства соотносится с предметной областью теоретико-правовых и отраслевых наук, указывая ретроспективные связи с историческим опытом. Обозначенный аспект заметно влияет на выбор познавательного инструментария и форм популяризации полученных научных результатов, возникает потребность не только в поиске наиболее эффективных форм адаптации историко-правового знания к реалиям современности, сколько в познании процесса становления и развития истории права и государства с науковедческих позиций. Науковедческий подход актуализируется задачами постнеклассической науки, когда научная рациональность проявляется не только в объективно-субъективном восприятии окружающей действительности, но и чутко реагирует на социальный заказ, активно вовлекающий научное сообщество в политику и практику.

Науковедение современниками рассматривается в качестве особой исследовательской сферы, где обосновываются закономерности становления и развития науки, определяется ее структура и направленная деятельность, выявляются взаимозависимые коммуникации науки с другими социальными институ-

тами, материальной и духовной жизнью общества. Для самой науки (отрасли, дисциплины) оно выступает средством саморефлексии, формой самосознания науки, инструментом ее изучения и основой для прогнозирования отношений с государством и обществом¹. Таким образом науковедческий подход к изучению истории научной дисциплины позволяет сформировать комплексный взгляд на сложившийся опыт, который может быть экстраполирован в современность в качестве источника дальнейшего эффективного развития.

В этой связи для понимания вопроса важно уяснить значимые дефиниции, а также выявить наиболее эффективные средства изучения самого предмета познания – истории научной дисциплины. Что есть научная дисциплина и каким образом она генерируется? Присоединимся к мнению о том, что научной дисциплине принадлежит «фундаментальная роль», так как посредством дифференциации она позволяет отграничить совокупность определенных знаний, оформить ее в специфическую область, отличающуюся по сравнению с иными, своим предметом и методологией познания. В рамках научной дисциплины теоретическое и эмпирическое знание приобретают системность в соответствии с исторически сложившимися социокультурными нормами и идеалами науки².

Научная дисциплина зарождается и «вызревает» в рамках научной отрасли, в нашем случае история права и государства России как наука формируется в недрах юридической науки на основе специализации историко-правового знания, то есть в недрах истории права как общего направления. Вместе с тем она находится в историко-генетических связях с другими сферами гуманитарного знания, поэтому ее детерминация определяется многофакторностью внутреннего и внешнего взаимно направленного воздействия, обуславливается как внутренними потоками в развитии юридической науки, нацеленными на автономизацию историко-правовых знаний, так и внешними – социальной и политической востребованностью. «Научная дисциплина образует инвариантную, относительно устойчивую структуру знания»³, что обеспечивает целостность процесса развития и преемственного знания разных поколений ученых. Следует подчеркнуть, что феномен научной дисциплины неразрывно связан с феноменом самой науки, который включает в себя наряду с познавательными (когнитивными) и социальные (организационные, коммуникативные) признаки⁴.

Поэтому обратимся к современной интерпретации понятия науки. Наука определяется как «сложная среда общественной деятельности (курсив наш – М. К.), результатом которой является *система развивающегося знания*, выступающего как *всеобщий духовный продукт* общественного развития... Научное знание, деятельность познающих субъектов, отношения, возникающие в процессе производства и использования нового знания, и система организации научной деятельности в своем единстве образуют *социальный институт науки*»⁵. Наука «*порождается обществом*, чтобы обслуживать его нужды и потребности, поэтому *выполняет ряд социальных функций*: познавательную (в том числе и прогностическую), производственно-практическую (в том числе и социально-управленческую), культурно-мировоззренческую»⁶.

Таким образом, выделяются характерные признаки науки, наличие которых является основанием признания науки в качестве социального института. Науку следует рассматривать как систему взаимосвязанных подсистем (отраслей науки, научных дисциплин и т. п.). Метод экстраполяции в части выявления признаков (наличие или отсутствие отдельных из них) будет свидетельствовать о том, в каком состоянии формирования находится определенная область знаний (отрасль науки, научная дисциплина и т. п.) – на стадии протонауки (преднауки) либо в состоянии генезиса, либо уже проявляется как полноценная наука (отрасль, дисциплина). Процесс развития науки историчен. Поэтому можно выделить несколько его стадий: стадию складывания предпосылок или донаучную (протонаучную), стадию генезиса и стадию развития. Последняя может включать несколько этапов, раскрывающих эволюцию науки. В этой связи возможности науковедческого исследования расширяются за счет такой научной дисциплины как история науки⁷, которая позволяет расширить спектр познавательного объекта. История науки отражает развитие предметного содержания конкретных наук, развитие научных идей, теорий и т. п., что сближает и одновременно выводит ее за рамки предмета и задач науковедения.

В ракурсе нашей темы с позиций историко-научного подхода представляется возможным полноценно решить ряд познавательных задач. Во-первых, когда и каким образом складывались условия для развития научной дисциплины, а именно: общественные и политические отношения, уровень развития общественных и других наук, степень их взаимовлияния, преемственность в научных теориях и практике. Во-вторых, не менее значимым является анализ уровня развития источниковой базы исследований,

¹ Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 7.

² Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование: автореферат дис. ... доктора философских наук. М., 1990. С. 3

³ Там же.

⁴ Огурцов А.П. Указ соч. С. 3.

⁵ Основы науковедения. М., 1985. С. 3.

⁶ Там же. С. 5-7.

⁷ Там же. С.21.

выявления широты диапазона проблематики, соотношения общих и частных аспектов истории права и государства России. В-третьих, важно понять, что изучалось, с каких позиций, кем изучалось и как изученное стало достоянием других? Таким образом определить факторы, повлиявшие на развитие науки. Среди них внешние условия, формирующие «социальность» науки, и внутренние, связанные с самим научным сообществом, имеющим свою организацию, принципы и нормы существования. Важна и сама личность ученого в процессе его творчества. Поэтому историю научной дисциплины нельзя рассматривать лишь в рамках кумулятивной модели развития. Необходимо раскрыть ее историческую целостность и в вертикальном срезе (хронологически), и в горизонтальном (специфику существования юридического сообщества в каждом отдельно взятом периоде)¹. Поэтому постановка проблемы в контексте эволюции науки истории права и государства России позволит сформировать комплексные представления о научной дисциплине.

В этой связи приобретает научную ценность институциональный подход. Институционализация связана с формированием различных типов социальной деятельности в качестве социальных институтов². Относительно обозначенной темы институционализацию следует рассматривать как сложный многоступенчатый процесс: первая ступень связана с обособлением юридической научной деятельности от практической юриспруденции, вторая – со структуризацией юридической науки и выделением в самостоятельное направление научного познания отраслей юридической науки, на третьей ступени происходит дифференциация научного пространства и формирование научных юридических дисциплин.

Различается два взаимодополняющих направления институционализации научной дисциплины. Когнитивная институционализация является основным «каналом социализации специализированного научного знания». Научное сообщество объединяется не только под воздействием цели научного поиска, но и консолидируется, образуя различные формы совместного существования и решения исследовательских задач (создает кафедры, институты и т. п.), которые позволяют сохранить сформированный «корпуса знаний», обеспечить его трансляцию и дальнейшее развитие. В рамках этого объединения возникают формальные и неформальные коммуникации между учеными, (научные публикации, трибуны научных форумов, учебники и иные форматы системы образования), которые способствуют установлению в рамках научной дисциплины норм взаимоотношений членов сообщества, определению «стандартов и культурных образцов научной деятельности» (формированию этоса науки). Вместе с тем определяются критерии познавательного процесса, среди них: научность, основанная на принципах объективности, предметности, воспроизводимости, проверяемости, дисциплинарная парадигма, система понятий, терминологический язык, стандарты поиска и т. д.³ Вместе с тем определяется структура социальных ролей внутри исследовательского сообщества (к примеру, идеологи, теоретики, критики науки, практики и т. д.), формируются исследовательские группы, научные школы, «невидимые колледжи» и т. п.⁴

Детерминирующим фактором когнитивной институционализации научной дисциплины, для нас науки истории права и государства России, является научный интерес к решению конкретной познавательной задачи. Он рельефно проявляется тогда, когда вся совокупность объективных и субъективных факторов, необходимых для понимания общественной востребованности научного знания об определенном объекте (истории права), сложилась и находится во взаимодействии с общественным интересом. Следует отметить, что интерес к истории науки, по мнению ведущих социологов и историков науки⁵, наибольшей активностью отличается во время научного кризиса. Однако это не упадок науки, а предпосылка дальнейшего эффективного развития. Происходит смена одних познавательных моделей (парадигм) другими⁶. Исторический опыт науки в такие периоды наиболее ценен.

Когнитивная институционализация дополняется социальной институционализацией, которая опосредует социальные стандарты в познавательной деятельности. В ходе социальной институционализации формируются социокультурные условия детерминации научной дисциплины, механизм взаимоотношений с государством и обществом, а также установления общественного контроля над научной деятельностью, создаются организационно-правовые и образовательные формы подготовки новых поколений ученых и популяризации научного знания. Одновременно она является «способом идентификации ученых с научным сообществом, формой отождествления себя и своих профессиональных занятий с социально признанной областью знания»⁷.

Наука история права и государства России эволюционировала вместе с отечественной юридической наукой, но в тоже время в своем развитии имела специфику, выделяющую ее среди других юриди-

¹ Подробнее см.: Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. Омск, 2013. – 198 с.

² См.: Российская социологическая энциклопедия/ Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М., 1998. С. 160.

³ Огурцов С. П. Указ. соч. С. 6.

⁴ Огурцов С.П. Указ соч. С. 2.

⁵ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С 109-111; Лакатос Имре. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – М., , 1978. С. 203-235.

⁶ Кун Т. Структура научных революций. С 109-111.

⁷ Огурцов С.П. Указ соч. С. 7.

ческих научных дисциплин. Эволюция любого объекта определяется как внутренняя система социальных изменений, как процесс усложнения форм посредством дифференциации и интеграции различных тенденций, совершающихся не в силу процессов извне либо действия причин внутренних, носящих случайный характер, либо колебаний, временной приостановки или поворота вспять, а под воздействием общих законов (принципов) общезначимых процессов, ведущим к обновлению объекта. Эволюция сложных объектов представляет совокупность простых эволюционных процессов, то есть «с одной стороны единство объекта, к которому в каждом отдельном случае применяется понятие эволюции, а с другой – сведение самой эволюции к изменениям, совершающимся» в отдельных предметных автономиях¹.

Такое понимание эволюции науки истории права и государства России влияет на выбор критерия ее периодизации. Периодизация – это метод научного познания, строго организованный целенаправленный сложный, включающий последовательную операционность и процедурность. Проблема периодизации в науках исторического профиля в настоящее время, по сравнению с временем советским, приобрела наибольшую дискуссионность в силу того, что периодизация истории Российского государства как основной критерий утратила свою актуальность². Развитие различных социальных объектов не может рассматриваться с тождественных позиций, «временные потоки и ритмы» развития каждого из них (в нашем случае таких как: наука, государство, право и т. п.) разнятся. В этой связи периодизации как метод упорядочивания научного материала будет носить условный характер и соотноситься с предметом познания.

Следовательно, критерий периодизации не может быть произвольными, он должен соответствовать цели исследования, «выделяемые периоды должны объединять события и процессы, которые рассматриваются как типологически однородные и отличаются по каким-то существенным признакам от событий и процессов как предшествующего, так и последующего этапов развития. При этом должны быть категорически исключены случаи, когда каждый период имеет свой периодизируемый объект и свои критерии вычленения»³. В качестве основного критерия периодизации истории науки или научной дисциплины (истории права и государства России) следует определить базовые ценности, «те значения и смыслы, которые сплавляют людей в данный «момент» развития»⁴. Следуя указанному выше, предложим свое видение периодизации эволюции науки истории права и государства России.

В качестве критерия периодизации определим процесс институционализации отечественной юридической науки, а затем и научной дисциплины. Этот процесс связан с особенностями научной деятельности, а именно: с возникновением и осознанием научных проблем, с развитием эмпирической базы, с творчеством и инновациями, с юридическим образованием и профессионализацией научной юридической деятельности, с развитием индивидуального и коллективноначал, с этосом науки, с организацией и управлением научной деятельностью, с популяризацией научного знания о праве, с социокультурной, политической, экономической и иной обусловленностью научной деятельности.

На основе критерия институционализации можно последовательно осуществить периодизацию на двух уровнях. На первом, условно обозначим его внешним или общим, выделим три периода в истории отечественной юридической науки: дореволюционный (XVIII – начало XX вв.); советский (1917 г. – конец XX в.); современный (рубеж XX – XXI вв. – настоящее время), соотнося их с качественными политическими, социально-экономическими, культурными и иными изменениями в общественной жизни, повлиявшими на условия существования науки как социального института. Второй уровень периодизации, назовем его частным или внутренним, который позволит в рамках каждого большого периода осуществить периодизацию самостоятельных временных потоков, связанных с формированием и развитием истории права и государства России как научной дисциплины. Вместе с тем важно внутри каждого периода обозначить этапы развития научной дисциплины, указывая особенности и преемственные связи, отмечая постепенное приращение характерных признаков научной дисциплины.

Наука «История государства и права России», развиваясь вместе с отечественной юридической наукой, в своем становлении преодолела все выше указанные периоды. Однако в силу специфики предмета познания имеет свою хронологию и периодизацию. Мы бы выделили несколько этапов внутри каждого периода. В дореволюционный период обозначается три самостоятельных этапа. Первый ограничивается XVIII – началом XIX веков – это время преднаучного (или протонаучного) развития, по меткому замечанию Г. С. Фельдштейна – «эмбрионального» состояния. Это время зарождения предпосылок возникновения науки истории права, пробуждения интереса к истории русского права как предмету познания. История права пока выполняет роль познавательного инструмента в практической юриспруденции и юридическом образовании. Первая третья XIX века и вплоть до 1960-х гг. – следующий этап, когда

¹ Эволюция// Новейший философский словарь. Минск, 1999 / <https://www.phildic.ru/evolyuciya/> (время обращения 01.11.2021).

² Гуревич А. Я. Из материалов круглого стола «Периодизация истории», проведенного в институте всеобщей истории РАН. Вступительное слово // Одиссей. Человек в истории. 1998. М.: Наука, 1999. С. 255.

³ Там же.

⁴ Данилевский И. Н. Тупики периодизации или периодизация в тупике // Одиссей. Человек в истории. 1998. М.: Наука, 1999. С. 268.

история права становится частью отечественной юридической науки и отечественной исторической науки, определяется предмет и методология науки. Вторая половина XIX столетия – начало XX века завершающий этап – этап обособления науки истории русского права в самостоятельное научное направление отечественной юриспруденции.

В советском периоде высвечивается тоже три самостоятельных временных отрезка. Время сразу после революции 1917 г. и до середины 1930-х гг. мы бы определили как дискретный этап, когда прерывается определенная связь между традициями познания права предшествующего и последующего периодов. Для науки истории права и государства России – это время стагнации. Она вновь приобретает в силу объективной потребности познания юридической материи – поиска новой парадигмы пролетарского (социалистического) права, роль опосредованного познавательного инструмента. Середина 1930-х – конец 1950-х гг. – следующий этап, когда происходит восстановление историко-правового компонента сначала в структуре образования юристов, а затем в виде отдельного научного направления. На этом этапе в среде немногочисленных ученых историков права происходят серьезные дискуссии о влиянии дореволюционной школы на формирование доктрины советского права. Но самым важным было то, что из предметной области отечественной юридической науки вычленяется самостоятельный предмет историко-правовой науки – государство и право в хронологических и территориальных рамках Российской империи и СССР. 1960-е – 1980-е годы – являются логическим продолжением предшествующего этапа и характеризуются признанием в полной мере преемственности в изучении отечественного права на основе единственно возможного научного подхода – классового, расширением предмета науки за счет исследования отраслевого права, но в большей степени институтов государства.

Современная историко-правовая наука, начиная с 1990-х годов, в познании права и государства России наметила новые тенденции, которые, как нам кажется, аккумулируют дореволюционный и советский опыт отечественной юридической науки. В начале периода, с одной стороны, отмечалась некоторая скованность в выборе научных подходов, сохранялась инерция формационного познания права и государства, с другой стороны, отрицалась научность этой методологии, в связи с чем проявлялось ощущение глубокого кризиса науки. Звучали даже опасения – сумеет ли российское правоведение стать полностью адекватным не только текущим (ситуативным) социальным запросам, но и идеалам современной науки¹. Со временем нигилистические настроения стали угасать, наука истории права и государства России начала входить в русло активного научного поиска. Сегодня наиболее востребованным становится ее междисциплинарный потенциал, расширяется тематика исследований, формируются новые направления, такие как, история отечественной юридической науки, юридическое источниковедение и историография, возникла неотъемлемая потребность в развитии юридического науковедения, в рамках которого роль науки истории права высока.

Таким образом современный взгляд на методологию истории науки и научной дисциплины позволяет сформировать комплексное видение эволюции науки истории права и государства России, выстроить фактологию и показать специфику формирования отдельной юридической научной дисциплины, перспективы ее развития.

---

¹ Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 8.

Королев Борис Иванович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Korolev Boris Ivanovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of Law, state and judiciary of the Volga branch of Russian Academy of Justice

E-mail: korolev-boris@yandex.ru

**Конституционные представления нижегородского земского деятеля
А. А. Остафьева в годы русских революций начала XX века**

**Constitutional representations of the nizhnygorod zemsky worker
A. A. Ostafieva in the years of russian revolutions in the beginning
of the XX century**

Аннотация. В статье представлен анализ конституционных идей и представлений (представлений о конституции, народном представительстве, выборах и гражданских свободах) нижегородского земского деятеля А.А. Остафьева в годы русских революций (1905-1907, 1917 гг.), его роль в распространении данных идей и представлений.

Ключевые слова: революция, конституционные идеи, конституционные представления, Государственная Дума, Учредительное Собрание, выборы, гражданские права, Нижегородская губерния

Abstract. The article presents an analysis of constitutional ideas and views (ideas about the constitution, popular representation, elections and civil liberties) of the Nizhny Novgorod zemstvo leader A.A. Ostafiev during the Russian revolutions (1905-1907, 1917), his role in the dissemination of these ideas and ideas.

Keywords: revolution, constitutional ideas, constitutional views, State Duma, Constituent Assembly, elections, civil rights, Nizhny Novgorod province

---

Обращение к истории развития политико-правовой мысли провинции, к конституционным идеям и представлениям земских деятелей Нижегородской губернии (идеи относительно конституции, законодательного органа, избирательного права и других прав граждан, получивших преломление в сознании конкретных персоналий), заимствованных из западноевропейской правовой мысли, теории и практики, полезно и актуально. Отношение людей к конституции, основанное на комплексе чувств, взглядов, идей и знаний о ней составляют конституционное правосознание. Причинами к обсуждению конституционных представлений на региональном уровне послужили решения земских съездов, революции 1905-1907 и 1917 годов, реакция на революционные процессы, русско-японская и первая мировая война. В правовом отношении выделим уступки, на которые пошла историческая имперская власть – в условиях революционного давления «снизу» разработала Положение о выборах в Государственную Думу 1905 г., издала манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г., избирательный закон 11 декабря 1905 г., Учреждение Государственной Думы и Учреждение Государственного Совета от 20 февраля 1906 г., издала Основные Законы 23 апреля 1906 года, изменило избирательный закон 3 июня 1907 года. Революционные события 1917 года стали переломными в истории развития государства и права России: произошел переход от монархии к республике. С точки зрения деятельности Государственной Думы четырех созывов подчеркнем важность и полезность накопленного опыта парламентской работы, формирования и воспитания депутатского корпуса в традициях законодательной деятельности. Это способствовало распространению конституционных идей и их осознанию адептами в форме конституционных представлений. Последнее способствовало зарождению и развитию правовой культуры и правосознания либеральной общественности.

Рассмотрение конституционных идей и выработка на их основе конституционных представлений невозможно без учета влияния субъективного личностного фактора. Обращение к данным событиям в нижегородской провинции, мнениям о них общественного и политического деятеля, представителя земского самоуправления А.А. Остафьева актуально. Являясь непосредственным очевидцем и участником революционных процессов, комментируя их на разных «общественных площадках», он выражал свои позиции относительно текущих событий и будущего России.

Александр Алексеевич Остафьев (годы жизни – 1856-1932 гг.) выражал конституционные идеи и представления как земский деятель, представитель региональных органов местного самоуправления (возглавлял нижегородскую уездную земскую управу), как участник общероссийских земских съездов (коалиционный земский съезд в мае и съезд земско-городских деятелей в июле 1905 года); как потомственный дворянин (являлся надворным советником, избирался предводителем нижегородского уездного дворянства) и «средний» помещик – собственник земли в губернии (имел в собственности 339 десятин земли). Он обладал высшим образованием: закончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию.¹

Начало революции 1905-1907 годов поставило вопрос о необходимости созыва народного представительства, организации выборов, провозглашения гражданских прав подданных.² Участвуя в земских съездах 1905 года, А.А. Остафьев призывал к ответственности должностных лиц, за организацию выборов через земские учреждения, участие женщин в выборах, понижение избирательного ценза, введение ценза оседлости. По Остафьеву народное представительство само должно определить систему выборов и форму представительства, он подчеркивал несостоятельность правительства. На ноябрьском земском съезде 1905 года при обсуждении вопросов о выборах и статусе будущей Думы А.А. Остафьев примкнул к «шиповскому «неославянскому» меньшинству» участников съезда. В конце 1905-начале 1906 годов он был близок к местным, нижегородским, октябристам («Союз 17 октября»), делегатом был направлен на съезд партии в январе 1906 года. Однако в дальнейшем Остафьев занял межпартийную позицию между октябристами и кадетами, призывая к объединению всех прогрессивных, либеральных партий. По итогам выборов он был избран депутатом I Думы по спискам нижегородского комитета умеренно-прогрессивной партии.³

А.А. Остафьев к функциям Думы относил необходимость издания новых законов, контроль над бюджетом, ответственность министров перед Думой, контроль над административными властями на местах. Монарху при этом им отводилось право отлагательного «veto». Относительно гражданских свобод он выступал сторонником равенства всех перед законом, неприкосновенности личности и жилища, свободы собраний, союзов, совести, слова и печати, отмены цензуры, свобода передвижения, ликвидации сословий. Вопрос о выборах он рассматривал осторожно: либо ратовал за сословные выборы; не всеобщие, не прямые, за трехступенчатые для крестьян (на Западе нет всеобщих выборов, в России для них не хватало политического воспитания народа, народ не образован, а всеобщее избирательное право передаст «власть темным силам»); либо систему выборов решит сама Дума; либо открыто не высказывался о системе и форме избрания представителей в Думу, однако, главной тенденцией для него было расширение круга избирателей в дальнейшем.⁴

Представления о конституции увязывались с манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 года. Акту А.А. Остафьев придавал следующее значение: манифест о конституции, переходный этап, начало конституционного государства, так как царь стал «конституционным», т. е. верховная власть монарха разделена с народом – такое правление «конституцией» называется, отмена самодержавия. Он подчеркивал, что абсолютная монархия заменяется конституционной, что у нас царь не зависит от партий.⁵ Положения манифеста разъяснялись крестьянам в воззваниях при участии Остафьева: возможность участвовать в выборах, предоставлении гражданских свобод (свобода слова, печати, собраний, союзов и другие).⁶ В ноябре 1905 года в обращении к крестьянам нижегородского уезда он разъяснял различие между манифестами 6 августа и 17 октября: изменен статус представительства с законосовещательного на законодательный, расширен круг избирателей, высказался против Учредительного Соб-

¹ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае 1905-1917гг. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2001. – С. 11-12.

² Волгарь. 1905. 09 января.

³ Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. / Сост. Д.Б. Павлов. – Сборник документов земского освободительного движения. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 231, 240, 474; ГКУ ЦАНО (Государственное Казенное Учреждение Центральный Архив Нижегородской области). Ф.1831. Оп.1. Д.58. Л.92; ГОПАНО (Государственный Общественный Политический Архив Нижегородской области). Ф.1866. Оп.1. Д.155. Л.Л.1-25; Волгарь. 1905. 23, 27 октября; 13, 30 ноября, 31 декабря; Нижегородский листок. 1905. 27 мая, 10, 11, 23 октября; Нижегородская земская газета. 1905. 23 апреля, 21 октября.

⁴ Нижегородский листок. 1905. 18 июня, 23, 10 октября, 3 ноября; Волгарь. 1905. 23, 27 октября, 13, 30 ноября, 2 декабря; Нижегородская земская газета. 1905. 21 октября.

⁵ Нижегородский листок. 1906. 20 марта.

⁶ Волгарь. 1905. 31 октября.

рания.¹ В связи с манифестом потребовал от власти гарантий свободы. На собрании межпартийного умиротворительного комитета 27 октября Остафьев согласился, что «манифестом фактически не дано ничего, предстоит борьба за осуществление выраженных в манифесте начал», признав, что положено начало конституционному государству. Он выступал за конституционную монархию, однопалатный представительный орган; в Думу, по его мнению, обязательно должны быть избраны крестьяне, рабочие и интеллигенция.²

После издания манифеста Остафьев призывал к мирной жизни, высказывался за скорейший созыв законодательной Думы, необходимость гарантий провозглашенных прав человека и гражданина; по вопросу организации выборов: он высказывался против всеобщих выборов.³

Сторонником выработки рациональных законов, «конституционных гарантий» деятельности Думы, объединения конституционных партий на основе манифеста, А.А. Остафьев провозгласил себя в статье «о желательности объединения всех прогрессивных партий» (в основе единство «основных конституционных положений» у прогрессивных партий). В качестве программы объединения он предлагал: курс на укрепление конституционной монархии с ответственностью министров перед Думой; законодательные функции Думы для обеспечения прав и свобод человека и гражданина; Дума сама должна решить вопрос о своем статусе, форме и системе выборов; распространение избирательного права на различные категории населения, законодательное закрепление гражданских прав населения.⁴

В 1906 году, в связи с роспуском I Думы, деятельностью Остафьева в Думе, появляется «Краткий очерк конституционного движения в России» (доклад был представлен на заседании нижегородского уездного земского собрания). В «очерке», посланном в ЦК «Союза 17 октября», он выступил противником фракционной подготовки законопроектов, считал необходимым разрабатывать реформы по частям.⁵

Причинами реформ 1905-1906 гг. он считал поражение России в русско-японской войне и революцию 1905 года. Вину за наличие данных причин возлагал на бюрократию и чиновничество, подчеркивал нежелание власти проводить реформы, вынужденный характер уступок; констатировал ужесточение контроля государства над обществом за последние десятилетия. При этом Остафьев характеризовал уступки, как первый шаг от бюрократического, олигархического управления страной к народному управлению.

После избрания депутатом I Думы и издания Основных законов 23 апреля 1906 г., он высказал отношение к законам. А.А. Остафьев возложил ответственность на правительство за отношение к Думе, за издание Основных законов, за отмену манифеста: «Дума должна защищать конституционные права, дарованные русскому народу». В I Думе, как представитель губернии, он состоял в думской комиссии по местному самоуправлению.⁷

Подчеркивая, что не приняты законы во исполнение положений манифеста 17 октября 1905 года, Остафьев указывал, что народ ждет законов, а не воззваний.⁸ В докладе о деятельности Думы он уточнял: «надежда на законодательную деятельность не оправдалась, правительство не внесло никаких серьезных законопроектов, Дума работает сама по себе, а правительство само по себе, результатом этого является отсутствие продуктивности работ». Указав, что Дума не желает революции, он одобрял решение представителя взять на себя выработку законопроектов.⁹ А.А. Остафьев надеялся на расширение прав Государственной Думы: статус законодательного собрания должен быть учредительным с ответственностью министров, бюджетным правом, гарантиями прав гражданина, правом определения системы выборов.¹⁰

После роспуска I Думы А.А. Остафьев поддержал преемственность деятельности депутатов путем созыва новой Думы. Он сравнил нашу конституцию с японской, указал на завершение революции, стремление партий не потерять голоса избирателей, необходимость перехода от революционных методов борьбы к законным.¹¹ В октябре 1906 года на уездном земском собрании Остафьев подчеркнул, что манифест 17 октября 1905 г. остался лишь на бумаге, I Дума стояла на «чисто конституционной почве», нет ее вины в роспуске.¹² Представления о конституции увязывались им с манифестом 17 октября 1905 года, он поддерживал законодательный статус Думы. Относительно выборов А.А. Остафьев выступал за не прямые выборы в I Думу и ратовал за прямые выборы в будущем. В дальнейшем Остафьев

¹ ГА РФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф.555. Оп.1. Д.516; Нижегородский листок. 1905. 23, 29 октября, 10 ноября; 1906. 16 января, 20 марта; Волгарь. 1905. 23, 27, 28 октября, 12, 28 ноября, 31 декабря.

² Волгарь. 1905. 23 октября.

³ Волгарь. 1905. 23 октября, 13, 30 ноября; Нижегородский листок. 1905. 23 октября, 3 ноября; Нижегородская земская газета. 1905. 21 октября.

⁴ Нижегородский листок. 1906. 16 января, 5 марта; Волгарь. 1905. 27 октября, 31 декабря.

⁵ ГА РФ. Ф.555. Оп.1. Д.521; ГКУ ЦАНО. Ф. 72. Оп.20. Д.1242. Л. 75 (С. 1-25).

⁶ Нижегородский листок. 1906. 8, 9 июня, 26 сентября; 8, 9, 10, 11, 23 октября.

⁷ Листок Нижегородской Группы конституционно-демократической партии. 1906. 16 апреля; Нижегородская газета. 1906. 19 апреля; Нижегородский листок. 1906. 23 июня.

⁸ Нижегородский листок. 1906. 5-6 июля.

⁹ Нижегородский листок. 1906.8, 9, 23 июня; ГКУ ЦАНО. Ф. 72. Оп.20. Д.1242. Л. 75 (С. 1-25).

¹⁰ Нижегородский листок. 1906. 24 января, 5, 20 марта, 8, 9 июня, 8, 9 октября; Волгарь. 1907. 17, 18 января.

¹¹ Нижегородский листок. 1906. 24 января, 5, 20 марта, 8, 9 июня, 8, 9 октября, 29 ноября; Волгарь. 1907. 17, 18, 19, 24 января.

¹² Нижегородский листок. 1906. 8,9 октября, 1907. 24 января; Волгарь. 1907. 17 января.

сосредоточился на земской деятельности: организационной, хозяйственной, образовательной и т. д. Как нижегородский уездный предводитель дворянства и председатель уездной земской управы, он участвовал в организации по уезду выборов в Государственную Думу всех четырех созывов, состоял в уездной и губернской избирательных комиссиях, которые рассматривали жалобы на организацию и проведение выборов (1906 г., 1907 г., 1912 г.). Этой деятельностью он способствовал повышению политической культуры населения Нижегородского уезда губернии.

Избирательный закон 1905 года, учреждение Государственной Думы и выборы изменили характер конституционных представлений: вместо комплексной разработки основных конституционных идей и их выражения нижегородские деятели комментировали недостатки избирательного закона и положение Думы. Представители местной общественности выразили отрицательное отношение к роспускам Думы в 1906 и в 1907 годах. Спад и завершение революции привели к тому, что центр дискуссий окончательно переместился в Думу, в губернии произошло падение интереса к ней в связи с реакцией на революцию.

В дальнейшем, в 1917 году, надежды, аналогичные прежним, А.А. Остафьев возлагал не только на Думу, но и на Учредительное Собрание. События февральской революции 1917 года привели к новому всплеску обсуждения необходимости перехода к новым основам государственности после падения монархии в России. Так, на заседании Городской думы Нижнего Новгорода 14 февраля 1917 года гласный А.А. Остафьев предложил направить IV Государственной Думе приветственную телеграмму с надеждой на деятельность депутатов для «мирного строения государственной жизни и победы над врагом».¹ После февральской революции 1917 года А.А. Остафьев был назначен комиссаром Нижегородского уезда, поддержал Временное правительство, оставаясь избранным председателем уездной земской управы.

Как председатель последней, он организовал собрание выборных представителей от волостей Нижегородского уезда для обсуждения организации нового строя, собрание приветствовало новую власть: граждане поддерживали «новое правительство», ожидали созыва Учредительного собрания, которое «выразит волю всего народа».²

В обращении 29 апреля 1917 года к этим же органам уезда он указал, что «старое самодержавное правительство низвергнуто всеми слоями населения..., потому что десятки лет шло против воли всего народа, против неотъемлемых прав его на непосредственное участие в государственном управлении». Самодержавие пошло против интересов населения, попрало законы, поэтому погибло. «Народу пришлось взять в свои руки управление страной,... передать государственную власть в руки Временного правительства и поручить ему выработку будущих законов,... подготовку выборов в Учредительное Собрание на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». Остафьев обращал внимание, что «только одно Учредительное Собрание правомерно установить новые государственные законы, порядок, новые формы управления Россией, новые земельные отношения...». Он утверждал, что «старое правительство... внесло разруху во все области государственной и местной жизни». Учредительное Собрание он считал «выразителем воли народа», обращая внимание, что «все сословия, получив одинаковые права, должны принимать участие в управлении государством».³

В связи с открытием чрезвычайного нижегородского уездного земского собрания 19 августа 1917 года председатель уездной земской управы Остафьев в качестве причин февральской революции указал «близорукое антигосударственное и антипатриотическое поведение прежнего правительства», сами февральские события называл «великим переворотом», в результате которого пало прежнее правительство.⁴

В обращении к волостным земским управам уезда перед выборами в Учредительное Собрание 12 ноября 1917 года Остафьев выразил надежду на скорейший его созыв, как единственный выход из кризиса и спасение России. Он призвал волостное земство «звать на выборы» население, охранять свободу выборов, не допускать насилия и произвола над личностью избирателя, следить за нарушениями.⁵

На всеобщих выборах в Учредительное Собрание, которые проходили в губернии с 12 по 28 ноября 1917 года, он возглавил избирательный список № 9 «Общественных деятелей земцев-государственников прогрессистов-демократов». Его единомышленниками выступили Д.В. Старцев, Л.Г. Иорданский, К.П. Алексеев и другие. Выборы данная политическая сила проиграла: за них проголосовал всего только 641 избиратель губернии из 579897 избирателей, принявших участие в выборах.⁶

Позиции А.А. Остафьева более соответствовали позитивистской концепции понимания права. Его комментарии выражали конституционные идеи и надежды земской деятельности провинции, умеренных либералов, которые приветствовали свержение монархии в России, однако, не поддержали в октябре 1917 года новую власть большевиков. Не приняв Советскую власть большевиков, А.А. Остафьев эмигрировал из России во Францию, где и скончался в 1932 году.

¹ ГКУ ЦАНО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 28, 31, 57-59-оборот, 61, 275.

² ГКУ ЦАНО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-4-оборот, 7-7-оборот, 11, 12-13-оборот, 16.

³ ГКУ ЦАНО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 1-4, 5-6-оборот, 7-8-оборот, 9-9-оборот, 12-13-оборот, 14-18, 19-20-оборот, 21-26.

⁴ ГКУ ЦАНО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 1-4, 5-6-оборот, 7-8-оборот, 9-9-оборот, 12-13-оборот, 14-18, 19-20-оборот, 21-26.

⁵ ГКУ ЦАНО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 1-4, 5-6-оборот, 7-8-оборот, 9-9-оборот, 12-13-оборот, 14-18, 19-20-оборот, 21-26.

⁶ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1028. ЛЛ. 6-6а; ГОПАНО. Ф.1866. Оп. 4. Д. 376.

Небратенко Геннадий Геннадиевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России

Nebratenko Gennady Gennadievich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: gennady@nebratenko.ru

**«Великий Туран»
как государственно-правовая доктрина неопантюркизма**

«Great Turan» as a state legal doctrine of neopanturkism

Аннотация. В теории и истории права и государства, а также истории учений о праве и государстве научное исследование проблем развития тюркских народов, а также идеологических доктрин, предопределяющих соответствующие процессы, имеет место быть. Однако прежде проблемам развития тюркского государства и права уделялось недостаточное внимание, причем, в силу объективных причин, связанных с существованием до 1991 г. единственного международного признанного тюркского государства – Турецкой Республики. Однако после разрушения СССР их численность увеличилась за счет получения суверенитета союзными республиками Средней Азии, Казахстаном и Азербайджаном. Появление в 2009 г. Организации тюркских государств, а также итоги «арабской весны», открывшие для Турецкой Республики новые возможности по усилению своей роли на международной арене, актуализировали проблематику исследования государственно-правовых доктрин, непосредственно связанных с концептуализацией категорий «пантюркизм», «неопантюркизм» и «Великий Туран». Их историко-правовому исследованию посвящена настоящая научная статья.

Ключевые слова: пантюркизм, национальная безопасность, Великий Туран, государство и право тюрков, татары, этнология права, история государства и права России, исламское государство, зороастризм, тенгрианство

Abstract. In the theory and history of law and state, as well as the history of doctrines about law and state, scientific research of the problems of the development of the Turkic peoples, as well as ideological doctrines that predetermine the corresponding processes, takes place. However, in the past, insufficient attention was paid to the problems of the development of the Turkic state and law, moreover, due to objective reasons associated with the existence of the only internationally recognized Turkic state – the Republic of Turkey – until 1991. However, after the destruction of the USSR, their numbers increased due to the gaining of sovereignty by the union republics of Central Asia, Kazakhstan and Azerbaijan. The emergence in 2009 of the Organization of Turkic States, as well as the results of the «Arab Spring», which opened up new opportunities for the Republic of Turkey to strengthen its role in the international arena, actualized the problems of studying state and legal doctrines directly related to the conceptualization of the categories «Pan-Turkism», «Neo-Pan-Turkism» and «Great Turan». This scientific article is devoted to their historical and legal research.

Keywords: Pan-Turkism, national security, Great Turan, state and law of the Turks, Tatars, ethnology of law, history of state and law of Russia, Islamic state, Zoroastrianism, Tengrianism

---

Категории «этнос, этничность или этническая принадлежность» относятся к разряду терминов, используемых в гуманитарных науках, реже в юриспруденции, исключая междисциплинарную «этнологию права», являющуюся частью «этнологии». Однако эти категории напрямую связаны с теорией и историей права и государства, определением и признаками государства, непосредственно – с народом, который считается носителем суверенитета и единственным источником власти¹. Важность этничности прослеживается в названии государства, отражая его форму, государственную символику и национальную принадлежность, параллельно указывая на государственно-образующий этнос: Древнее Русь или Вели-

---

¹ Статья 3 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М., 2021.

кое княжество Русское; Русское царство; Российская империя и, наконец, Российская Федерация (РСФСР и СССР).

Обретение Россией современного облика, воплощенного в ее Евразийском настоящем, непосредственно сопряжено с деятельностью первого русского царя Ивана IV: при Грозном была устранена угроза, проистекавшая от Астраханского, Казанского и Сибирского ханства, являвшихся тюркскими «осколками» Золотой орды, имевшая характер непримиримой борьбы равных соперников и объективно закончившаяся в пользу Русского царства. В результате за более чем столетие казаки-землепроходцы, поморы-мореплаватели, русские крестьяне и чиновники освоили Западную и Восточную Сибирь, а затем добрались до Дальнего Востока и, преодолев Берингов пролив, на Североамериканский континент, открыли для современников Аляску, создав условия для появления этно-топонима «Русская Америка», актуального до 1867 года¹.

Между тем, если формирование Древнерусского государства на просторах Восточно-Европейской равнины было связано с интеграцией славянской и финно-угорской этничности, то возникновение Евразийской России обуславливалось вовлечением тюркских и прочих аборигенных народов в орбиту публичных интересов Русского царства и миграционными процессами. При этом историко-правовой вектор государственного развития восточнославянской и тюркской цивилизации имел разностороннюю направленность: Россия расширяла пространство общеевропейской цивилизации, частью которой всегда являлась, с Запада на Восток, вплоть до Тихого океана. Тюркская же государственность имела тенденцию к распространению с Севера на Юг: от берегов Средней Волги, Уральских гор и Сибири (Северной Азии) через Туркестан (Среднюю Азию) до Ближнего Востока (Передняя Азия).

Тюркские народы на протяжении веков демонстрировали этническую стабильность, зародились как результат пассионарности скифо-сарматской культуры, обособившись в период Великого переселения народов, запущенного в V в. н.э. гуннскими племенами во главе с их предводителем Атиллой. К этому периоду относится происхождение этнонима «тюрк», обозначающего одно из крупнейших алтайских племен, из ареала которого произошло проникновение в Сибирь и на Волгу; на Кавказ, Балканы и в Восточную Европу; в Персию, Малую Азию, Аравию и Египет; в Индию, Китай и на Дальний Восток. Поэтому Алтай может рассматриваться прародиной многих народов, относящихся к тюркской языковой группе.

Первым государством, созданным автохтонами в Центральной Азии, стал Великий тюркский каганат (VI-VII вв.), по времени существования сопряженным с Великим переселением народов. Каганат стал одним из крупнейших государств, когда-либо существовавших в мире, расположенным от Западной Манчжурии до Карпатских гор, в свое время конкурирующим с Персией за господство в Центральной Азии и в этом снискавшим поддержку Восточной Римской империи. В итоге древние тюрки получили контроль над частью Великого шелкового пути, приносящего кагану и его приближенным весомую прибыль.

Впрочем, Тюркский каганат, являвшийся раннефеодальной монархией, не смог пережить феодальной раздробленности, что в целом характерно для многих государств, основанных выходцами с Алтая. Распад в начале VII столетия крупного тюркского государства на два независимых каганата (Восточный и Западный) дал начало последующим государственно-правовым трансформациям, одна из которых в лице Хазарии оставила след в истории государства и права Древней Руси. Будущее величие последней начиналось с ликвидации даннической зависимости от хазар двух из трех существовавших к IX столетию восточнославянских протогосударств (союзы союзов племен): Куябы и Артании².

Начав объединение соплеменников с Новгородской земли (Славии), Рюриковичи в лице великих князей Олега и Святослава прекратили существование Хазарского государства, продолжавшего контролировать часть Великого шелкового пути. Контроль над торговой артерией усиливал международное региональное значение каганата, позволяя соединять капиталы государств Средиземноморского бассейна с товарами из Индии и Китая. Другой специфической особенностью Хазарии стал переход ее знати к иудаизму, впрочем, не ставшему общегосударственной религией, что породило усобицы и ослабило сопричастность каганата внешним угрозам.

Дальнейшее знакомство Великого княжества Русского с «осколками» Великого тюркского каганата было связано с нападениями на южные рубежи печенегов (IX в.), половцев (IX-XIII вв.) и, наконец, ордынцев, основная масса которых была представлена именно тюркскими этносами. Ведь монголов в Золотой орде по численности было меньше татар. Однако изначально этноним «татарин» относился только к тюркско-тунгусо-монгольским народам, проживавшие на пространстве от Восточного Забайкалья до Манчжурии. Первыми кого покорили объединенные Чингисханом монгольские племена, оказались именно «татары», получившие от кочевников статус союзников. В XIII-XIV столетиях каждое покоренное оседлое тюркское племя, становившееся союзным, по аналогии получало от монголов этноним «татарин». Поэтому изначально в его смысловом значении было больше социального, поскольку в Золотой орде татары олицетворяли оседлых союзников монголов, разговаривающих на тюркском наречии, при этом обладавших самоназванием, например, «булгарин», и таким образом появились астраханские, казанские, крымские и сибирские татары, в идентичности которых присутствует топоними-

¹ Литвинова Ю. И. История Русской Америки. Ростов н/Д, 2019.

² Исаев И. А. История государства и права России. М., 1994. С.10.

ческая нота. Хотя большинство тюркских народов, сохранили присущий им этноним, например, башкиры, гагаузы или чуваш¹.

В тоже время ни золотоордынский период этногенеза, ни более раннее принятие иудаизма хазарской знатью, ни признание ислама в Волжской Булгарии не изжили монотеистического зороастрийского культа средневековых тюрков. «Тенгризм» укоренился у весомой части тюркско-монгольского населения не только на Волге и в Сибири, но и в Туркестане, а также в Дунайской Болгарии, сформированной булгарами, в VII столетии вышедшими из Северного Причерноморья и Приазовья². Атавизм «тенгрианства» для обоснования национальной идентичности используются даже в современности, например, на государственных флагах Казахстана и Киргизии, где читается символ бога неба «Тенгри», а также эмблема «Шанырака» (многовекторный крест в круге), олицетворяющая самую верхнюю сквозную часть юрты, через которую человек общается с космосом.

Впрочем, дальнейшее развитие тюркского государства и права, оказавшее зримое влияние на мировую историю, происходило в западной части расселения представителей данной языковой группы, официально принявших ислам. Еще в начале XI столетия тюрки-сельджуки, откочевавшие из Древней Туркмении, в течение нескольких столетий осуществили завоевание Персии, Южного Кавказа, Северной Аравии, Египта и значительной части Малой Азии, серьезно утеснив азиатские владения Византийской империи. Раннефеодальное сельджукское государство оказалось достаточно крупным и пестронациональным, в котором завоеватели по численности уступали населению поработанных народов, поэтому оно распалось в период своей раздробленности в XIII столетии под натиском Золотой орды (с востока) и крестоносцев (с запада).

Между тем к началу XIV столетия на северо-западе распавшейся сельджукской державы оформился небольшой султанат Османа-бея, непосредственно граничивший с Византийской империей, имевший жизнеспособное централизованное устройство, приспособленное к обороне и последующей колонизации. В основе будущей Османской империи лежала прежде невиданная толерантность, заключенная в даровании всем желающим монаршего подданства, возможности сохранения национальных традиций и обычаев, запретных в классическом исламе, прагматичном отношении к иноверцам, облакдываемым дополнительными налогами, не обязанным исламизироваться или эмигрировать.

За пару столетий тюрки-османы сформировали крупное государство на землях, где не были автохтонами и изначально находились в агрессивном для себя окружении. Одновременно приветствовалось появление новых диаспор из представителей не обязательно тюркских, но единоверных народов, а у завоеванных, особо сопротивлявшихся туркам, на воспитание периодически изымали детей, становившихся верными султану сынами (янычарами). В семейном быте доминировала полигамия: брак мужа с несколькими женами, а также официальное сожителство с наложницами, предопределявшая небывалую рождаемость. Максимальное количество жен устанавливалось по Корану (не более четырех), а рабынь – неограниченно, в зависимости от имущественного положения мусульманина, имеющего возможность содержать такую семью.

В течение XIV столетия были захвачены вся Малая Азия и Южные Балканы, и на Востоке султанат также ждала удача, впрочем, купированная великим эмиром Тамерланом – Тимуром, оставившим свой топонимический след на Нижнем Дону (в названии его притока – Темерника). Оттоманская Порты стала империей «нового типа», оформившей особый статус в 1453 г. захватом Константинополя и переносом в него столицы западно-тюркского государства, а с покорением Аравии и Палестины турецкий султан стал считаться защитником всех правоверных, контролируя не только магометанские, но и ветхозаветные, а также новозаветные святыни. Наконец, после захвата Северной Африки, где проживали арабы, копты-христиане, сложились условия для появления нового этатистского символа: три серебряных полумесяца на красном полотнище, олицетворяющего османское господство в Европе, Азии и Африке. Впрочем, вне политического влияния Порты оставались исторические земли тюрков-огузов и тюрков-алтайцев, а также единоплеменные татарские ханства.

Объединение завоеванных владений с исконным ареалом обитания тюрков, туркменов и татар позволило бы создать «Великий Туран» как самое крупное в мировой истории государство, превосходящее по территории существовавший в VI-VII в. н.э. Великий тюркский каганат. Однако путь к практическому воплощению этой задачи преграждала восстановившаяся Персия, а также Россия.

Взаимоотношения Блистательной Порты с Российским государством развивались драматично, сопровождались двенадцатью войнами, проходившими в период с 1568 г. по 1918. Несложно заметить, что начало военно-политического противостояния относится к периоду правления Ивана Грозного, ставшего первым царем, и что важно, после падения Византии, единственным защитником православных христиан, часть которых томилась под властью османов. Захват турками Константинополя считался в России трагедией, реакцией на которую стала актуальная идеологема: «Москва – Третий Рим и четвертому – не

¹ Небрятенко, Г. Г. Парадоксы этнического политико-правового самоопределения (на примере татар и казаков) // Философия права. 2005. № 2(14). С. 73-76.

² Кодар А. Тенгрианство как монотеистическая религия в системе религий раннего средневековья // Bulletin d'EUROTALENT-FIDJIP. 2017. № 4. С. 5-11.

бывать», сформулированная старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем и дарованная великому князю Василию III¹. Таким образом, если османы оказались материальными «наследниками античного мира», то русские – духовными, и этот антагонизм стал символом непримиримости Турецкой и Российской государственности².

Непосредственно поводом к затяжному конфликту послужило умиротворение Иваном IV Васильевичем расположенных в Поволжье Астраханского и Казанского ханства (1552 и 1556), длительное время истощавших силы приграничных русских княжеств, в первую очередь Нижегородского и Рязанского. Спустя более десятилетия за единоверных татар вступился султан Сулейман I, задумавший даже строительство Волго-донского канала, соединяющего турецкий Азов и Нижний Дон с Волгой и стоящими на ней Астраханью и Казанью, но неудачно; в результате сокрушительного поражения Поволжья осталось закрыто для Турции. В тоже время поход крымского хана Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. привел к уничтожению ее предместий, и, пожалуй, именно Крымское ханство, остававшееся непокоренным до 1783 г., являлось генератором большинства российско-турецких конфликтов. Ведь для османов более чувствительным являлось обеспечение ее национальных интересов на Западе: на Балканах, в Румелии, а также в Аравии и Палестине, поскольку основной символ этой империи, представленный в виде трех серебряных полумесяцев, можно прочесть также как господство над святынями мусульман, иудеев и христиан, которые населяли Оттоманскую Порту.

В этом смысле для православного Русского царства в 1573 г. произошла недооцененная современниками по своей значимости битва при Молодях, в которой сокрушительную победу одержало русское войско над объединенной армией турок, крымских и ногайских татар. Эта победа по праву должна почитаться в одном ряду с Куликовским, Полтавским и Бородинским сражениями, продемонстрировала невозможность возрождения даннической зависимости времен Золотой орды, закрепившая суверенитет над вновь приобретенными тюркско-татарскими землями, а в перспективе предопределившая обретение Евразийского статуса, открывшего для многих азиатских народов дорогу к классической континентальной культуре и образованию³. В дальнейшем периодические войны с Турцией стали частью международной повестки дня, ибо интересы обоих государств жестко пересекались, но в итоге под властью Российской империи оказалось тюркское население Сибири, Дальнего Востока, Кавказа, Крыма и Бессарабии, а также Туркестана, причем, большинство перешли в русское подданство добровольно.

Начиная с великого правления Екатерины II и до Николая II, периодически маячила возможность реставрации православной империи и на Балканах с переходом под контроль России проливов Босфор и Дарданеллы, с чем не были согласны представители Великобритании и континентальных монархий Европы. Хотя Османская империя не реже воевала с ними, и в Новое время этим усугубляла свое международное положение. Театром военных действий становилась не только Европа, но и Африка, и Азия, к примеру, само появление термина «Туран» определялось как антипод категории «Иран»⁴.

Вооруженные конфликты с персидским шахом подогревались существованием в исламе двух основных толков: суннитского и шиитского, причем, эта особенность до сих пор влияет на развитие группы мусульманских правовых систем в рамках семьи религиозного права. Поэтому дальнейшая культивация научных идей, связанных с интеграцией тюрко-язычных народов на основе этнической и культурной идентичности в единое политическое пространство, скорее, являлась реакцией на деградацию самой Порты и неизбежное крушение ее «лоскутной» государственности.

Османскому господству в трех частях света уже в XIX столетии приходил конец, и тюркская научная мысль видела выход в следовании этническому, лингвистическому и культурному единству, верность которому в XX столетии стала основой строительства светского национального государства – образованной в 1923 г. Турецкой республики во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком (отцом тюрков)⁵. Однако многие родоначальники пантюркизма, разрабатываемого во второй половине XIX – начале XX вв., были подданными именно Российской империи: Али Гусейнзаде (азербайджанец), Зия Гекальп (туркмен), Исмаил Гаспринский (крымский татарин), Юзуф Акчуры (казанский татарин). Тюркские просветители публично обсуждали вопросы исторической судьбы, настоящего и будущего своей нации, по сути, формулируя государственно-правовую парадигму (новый Туран) с учетом сложившейся этнополитической реальности.

Гуманитарные науки при условии разумного использования их синергетического потенциала обладают прикладной мощью, и плодами научного пантюркизма на практике воспользовалась Турецкая Республика, где творили собственные идеологи светской национально-языковой идентичности, отказавшиеся от

¹ Мамонов А. Н. Формирование философской концепции «Москва – Третий Рим» в «Послании старца Филофея Василию III» // Молодой ученый. 2012. № 2. С. 170-172.

² Гордиевский А. Пантюркизм без России // Россия и мусульманский мир. 2007. № 3. С. 78-80.

³ Веретенников А. М. Два набега на Русь // Международная жизнь. 2021. № 5. С. 92-101.

⁴ Гасанзаде Д. Г. Некоторые вопросы истории взаимоотношений сефевидского государства с Османской империей (конец XVI – начало XVII вв.) // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 11-7(31). С. 57-60.

⁵ Сулейманов А. В. Политическая идеология Ататюрка // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 2(30). С. 35-43.

примата религиозной, но, как ни странно, пантюркизм оказал влияние на национально-территориальное устройство еще и РСФСР. Последняя в рамках перехода от унитарного государства к федеративному учредила целый ряд автономных республик (автономных областей) на основе тюрко-язычной коренизации, а в составе СССР появились союзные республики, где также укоренились представители тюрко-язычных этносов: Азербайджанская, Казахская, Киргизская, Туркменская и Узбекская ССР.

В первые годы существования Советского государства и светской Турции между ними поддерживались особо тесные контакты. Большевицкая Россия нуждалась в международном признании, а Турецкое государство боролось за сохранение самой государственности, воюя с Грецией в 1919-1922 гг., на стороне которой выступила Антанта. Борясь с империализмом, РСФСР оказала неоцененную должным образом помощь «Народной партии» во главе с Ататюрком, которому в Стамбуле в 1928 г. была посвящена монументальная экспозиция «Республика», и вместе с «Отцом тюрков» там представлены ростовые фигуры его главных сподвижников, в том числе Клементия Ворошилова и Семена Аралова. Хотя еще в 1925 г. Турецкая Республика по примеру СССР перешла к однопартийной политической системе, запретив коммунистическую партию (и все остальные), охладев к Советскому государству и одновременно разрывнув сотрудничество со странами Антанты.

Долгие годы Турецкая Республика оставалась единственным международно-признанным субъектом, сохраняющим верность идеалам пантюркизма, прагматично следуя собственным национальным интересам. Во Вторую мировую войну предусмотрительно не вступала, объявив о своем нейтралитете, который оказался вооруженным, поскольку на государственной границе с СССР были сосредоточены внушительные вооруженные силы, сковавшие часть подразделений РККА в Закавказье. В случае потери Сталинграда в 1942 г. и вступления нацистов на Южный Кавказ, вероятно, предполагался ввод турецких войск на советскую территорию. Но ничего такого не случилось, и в этом смысле стойкость и мужество защитников Сталинграда, а также советского Кавказа позволила избежать серьезных проблем. Однако Иосиф Сталин не забыл «вооруженного нейтралитета» и уже в 1945 г. предъявил Турции ряд исторически обосновываемых территориальных претензий. Кроме того, советское правительство потребовало допустить РККФ к совместному контролю над Дарданеллами и Босфором. Эти условия ожидаемо не нашли поддержки у Великобритании и США, и уже в 1952 г. Турция вступила в НАТО, а позже дала согласие на размещение на своей территории американского ядерного оружия, что в 1962 г. стало поводом к началу Карибского кризиса. Под тем же «зонтиком» оказалась близкая России по духу Греция, хотя ее противоречия с Турцией никуда не исчезли. Зато в 1991 г. для Анкары сложились условия к дальнейшему воплощению на практике идей пантюркизма, причем, даже к более агрессивной их интерпретации¹.

После развала Советского Союза на международной арене появилась семья тюркских государств, а автономные республики в составе Российской Федерации получили статус государств². Новые возможности по своему развитию по-разному были восприняты представителями тюркских народов России. В настоящее время вызывают озабоченность препоны в приведении конституционного законодательства Республики Татарстан в соответствие с федеральным: статьи о государственном суверенитете; о гражданстве республики; об обязательном изучении татарского языка; о сохранении наименования главы республики президентом Татарстана.

Российское законодательство не запрещает официальных международных контактов глав республик, входящих в составе Российской Федерации, с лидерами иностранных государств, и, конечно, слово «президент» подчеркивает высокий статус политического деятеля, содержит гораздо больше смысла, чем «глава». К примеру, 24 июня 2021 г. президент Турецкой Республики Реджеб Эрдоган официально провел переговоры с президентом Республики Татарстан Рустамом Миннихановым, находившимся в Анкаре с рабочим визитом, в рамках которого были подписаны документы о сотрудничестве.

«Арабская весна», направленная на устранение традиционалистских светских политических режимов Ближнего Востока и Северной Африки, начавшаяся в 2011 г., открыла дорогу для восстановления военного и политического влияния Турции в ряде исторических для себя регионов, в первую очередь в Ливии и Сирийской Арабской Республике. Однако эти возможности уже выходят за пределы классического пантюркизма, и с учетом современных реалий следует констатировать появления новой его редакции в виде «неопантюркизма»³.

«Неопантюркзм» для своего воплощения на практике имеет международно-правовые инструменты: 12 ноября 2021 г. Совет сотрудничества тюрко-язычных государств (Тюркский совет) трансформировался в «Организацию тюркских государств», в которую вошли четыре среднеазиатские и одна закавказская республика, прежде входившие в состав СССР. Даже Туркмения, на международном уровне деклари-

¹ Рожков Д. Е. Турецкая экспансия в эпоху постмодерна – от Средиземноморья до Черноморско-Каспийского региона // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Краснодар, 2021. – С. 525-529.

² Статья 5 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М., 2021.

³ Уразова Е. И. Совет сотрудничества тюркских государств (Тюркский Совет) – новое интеграционное объединение в Евразии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 429-436.

рующая нейтралитет, приняла на себя обязательство страны-наблюдателя. Участники международно-правовой организации подписали «Стратегию Тюркского мира – 2040». На повестке дня стоят уже не только вопросы языка, культуры, этнической взаимности, но и интеграции экономики, гражданской обороны и миграционной политики. Впрочем, военно-политическое сотрудничество осуществляется на уровне прямых межгосударственных контактов, например, Азербайджана и Турции, при этом последняя исторически и по факту является лидером в создаваемой международно-правовой реальности. Используя научные разработки Исламской Республики Пакистан, Турция развивает собственную ядерную программу, стремится в клуб держав, обладающих ядерным оружием.

Таким образом следует констатировать, что воплощаемая в настоящее время доктрина «Великого Турана» заключается в создании на практике блока тюрко-язычных государств, а также иных стран и регионов на основе исторической, культурной и религиозной общности, предопределяющая интеграционные процессы в общегуманитарной сфере, и даже в области обмена научными технологиями, а также обороны. Данная доктрина имеет государственно-правовой характер, поскольку продвигается рядом стран, имеющих явного лидера с историко-правовым опытом строительства трансконтинентального империализма. Идеи построения «Великого Турана» на просторах Евразии, очевидно, в среднесрочной перспективе угрожают национальной безопасности Российской Федерации в части касающейся ее территориальной целостности. Они представляют собой государственно-правовую доктрину неопантюркизма, поскольку классический пантюркизм уже исчерпал стоявшие перед ним задачи, достигнув поставленной цели: получение суверенитета тюркскими народами и их коммуникативное взаимодействие на международной арене.

Отличительной особенностью неопантюркизма является использование в его основе исламского фактора для обеспечения интеграционных процессов, поскольку он призван объединять в «Великий Туран» не только тюрко-язычные государства и народы, но и некоторые другие имеющие исторические и конфессиональные связи с канувшей в лету Османской Портой. Соответственно, принцип светскости государства, который лежал в основе Турецкой Республики, учрежденной Атюрком, приобрел в современности факультативный характер. Между тем более точным наименованием неопантюркизма, отражающем его суть, является «пантюранизм», приобретающий вполне осязаемые черты. В этой связи тематика «Великого Турана» как государственно-правовой доктрины неопантюркизма заслуживает пристального внимания науки и практики.

Раздел II

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алексеева Надежда Анатольевна

кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой земельного и экологического права по учебным и воспитательным вопросам, старший преподаватель Российского государственного университета правосудия

Alekseeva Nadezhda Anatolyevna

PhD in Law, Deputy Head of the Department of Land and Environmental Law for Educational and Educational Issues, Senior Lecturer at the Russian State University of Justice

E-mail: knadege@yandex.ru

Некоторые аспекты правового регулирования возобновляемых источников энергии в рамках вопросов климатических изменений

Some aspects of the legal regulation of renewable energy sources within the framework of climate change issues

---

Аннотация. Настоящая статья раскрывает особенности правового регулирования в области возобновляемых источников энергетики (далее – ВИЭ) в Российской Федерации и соотношение международного правового регулирования по вопросам изменения климата, адаптационных усилий государства и адаптационный потенциал Российской Федерации в указанном направлении. Автором сделаны выводы о задачах, которые ставятся перед альтернативной энергетикой в Российской Федерации, в частности, использование так называемых неисчерпаемых ресурсов для получения энергии. В настоящей статье раскрыты вопросы снижения энергетической эффективности при использовании традиционных источников энергии, опережающее экономическое развитие в этой области других государств, постепенное истощение природных ресурсов, экологическая ответственность за негативное воздействие на окружающую среду и высокий углеродный след большинства производств России, необходимость перестраиваться на другие, «зеленые» рельсы для достижения целей экономии ресурсов и соответствия требованиям в области изменений климата и последствий таких изменений, принятым на себя в силу подписания Парижского соглашения.

Ключевые слова: Renewable Energy Sources, развитие отрасли возобновляемой энергетики; политика и законодательство в области электроэнергетики; изменение климата

Abstract. This article reveals the features of legal regulation in the field of renewable energy sources (hereinafter RES) in the Russian Federation and the relationship between international legal regulation on climate change, the adaptation efforts of the state and the adaptation potential of the Russian Federation in this direction. The author draws conclusions on the challenges of alternative energy in the Russian Federation, in particular, the use of so-called inexhaustible resources for energy generation. This article reveals the issues of decreasing energy efficiency when using traditional energy sources, outstripping economic development in this area by other states, gradual depletion of natural resources, environmental liability for negative impact on the environment and high carbon footprint of most industries in Russia, the need to reorient to other, "green" rails to achieve resource saving goals and compliance with climate change and the consequences of such changes

Keywords: Renewable Energy Sources, renewable energy industry development; electricity sector policy and law; climate change

---

Российская Федерация является одной из стран, которая оставляет значительный углеродный след в результате выбросов, причем, как промышленных, так и в результате естественных процессов, происходящих в окружающей среде (например, выбросы имеются даже в тундре, не говоря уже о газе метан, высвобождающемся из вечной мерзлоты). Указанный углеродный след настолько велик, что даже с учетом поглощающей способности компонентов окружающей среды, является существенным. Опуская вопросы о технологиях поглощения углекислого газа, а также о том, являются ли процессы глобального потепления очередным витком циклического процесса развития Земли, укажем, что общеизвестно, что выбросы влияют на климат. «Россия в полной мере осознаёт остроту вызовов в этой сфере... среднегодовая температура повышается быстрее глобальной более чем в 2,5 раза»¹.

Одним из путей снижения углеродного следа – переход на возобновляемые источники энергии далее – (ВИЭ), что не только позволит притормозить необратимые климатические процессы, в частности, глобальное потепление, но и поможет снизить потребление ископаемого топлива для тепловой энергетики.

В последние десятилетия вопросы истощения минеральных ресурсов планеты становятся все более актуальными. Очевидно, что если в самое ближайшее время вопрос энергетических ресурсов и полезных ископаемых не будет решен, то дальнейшие последствия будут необратимы. Все это делает чрезвычайно востребованными и перспективными исследования в сфере энергосбережения, разработки и внедрения альтернативных способов получения энергии, создания возобновляемых источников топливно-энергетических ресурсов, от которых напрямую зависят изменения климата.

Главной задачей альтернативной энергетики является использование так называемых неисчерпаемых ресурсов для получения энергии. Отчасти управляемые реакции, которые протекают в ядерном реакторе, соответствуют указанной выше цели. Однако, из-за целого ряда причин: повышенная опасность, нерентабельность, негативное воздействие на климат планеты, большинство стран мира уже отказалось от использования ядерных реакторов. Тем самым, одной из задач альтернативной энергетики должно стать исключение факторов, которые негативно воздействуют на окружающую среду².

Указанное отмечалось также и в реакции международного сообщества в форме договоров и соглашений, касающихся климатических изменений, красной нитью в которых проходит необходимость сотрудничества по решению проблемы изменения климата³, в частности, в рамках Парижского соглашения ООН⁴, принятого взамен Киотского протокола к Рамочной конвенции об изменении климата⁵ в декабре 2015 года. Конечной целью которого является содействие устойчивому развитию и обеспечение адекватных мер по адаптации (ст. 2). Адаптационные меры как постепенный переход в рамках энергетического сектора раскрывается на примере производства сжиженного природного газа (далее – СПГ), которое к 2035 году будет увеличено до 140 миллионов тонн в год⁶ (вспомним о геополитических особенностях, когда уже сегодня СПГ является основным грузом для Северного морского пути).

Вопрос о достаточности адаптационных усилий в рамках принимаемых государством мер будет зависеть от его так называемого адаптационного потенциала, то есть от его уязвимости к изменению климата и способности адаптироваться к негативным последствиям этого явления. Между тем, говорить о возможности принятия адаптационных мер без снижения углеродного следа невозможно.

Адаптационные меры – постепенный переход к конечным требованиям, закрепляемым в рамках Парижского соглашения. Возможность принятия таких мер в рамках энергетического сектора – достаточно трудоемкий и тяжело продвигающийся процесс для страны, которая «сидит на нефтяной игле», что связано с наличием значительного количества полезных ископаемых при значительной протяженности территории, политических аспектах и лоббировании интересов, экономических реалиях и сложившимся особенностям всех производств в Российской Федерации. Между тем, запасы полезных ископаемых исчерпаемы, и в какой-то момент придется отказаться от постоянного их использования, сделать это необходимо раньше момента, когда придет осознание того, что экономика страны не имеет дальнейших ресурсов для развития. Кроме того, надо учитывать общую ориентированность мира на отказ от истощения природных ресурсов и переход при производстве товаров на «зеленые рельсы», использование ВИЭ, в частности, на последнем этапе указанное видно на ярком примере ввоза пошлин за товары, произведенные с высоким углеродным следом. Понимание необходимости если не отказа на данный момент от прежнего пути развития, то хотя бы необходимости налаживания новых путей, с отказом от использования углеводорода приведет к последующей возможности взаимодействия в экономическом плане с другими государствами. Между тем, как отказ от параллельного развития ВИЭ может оставить

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/66916>, (дата обращения: 28.11.2021 г.)

² Семенович К.С. Правовое регулирование альтернативной энергетики в России // EESJ. – 2020. – №5-4 (57). – С. 45-49.

³ Vukovsky, V. (2017). International legal regulation of combating global warming and the approaches of Russia and CIS countries to ratify the Paris agreement on climate change 12.12.2015. International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law, 1, 100–108.

⁴ Парижское соглашение. Заключено в г. Париже 12 декабря 2015 г. // Бюллетень международных договоров. 2020. N 4.

⁵ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Заключена в г. Нью-Йорке 09.05.1992) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ <http://kremlin.ru/events/president/news/66916>

страну на «экономической обочине», без возможностей для дальнейшего развития. Влияние отказа от загрязняющих технологий мы видим уже сейчас, когда постепенное введение новых пошлин на указанные выше товары влияют на конечную стоимость таких товаров и отражаются на потребителях.

При постепенном исчерпании ресурсов необходимо обратиться к статистике потребления того, для чего они используются. Так, полезные ископаемые используются для производства электрической энергии, потребление которого постепенно, но растет¹. Попытка их замены является возможным путем не только сократить использование ресурсов, но и снизить углеродный след, оставляемый при производстве электрической энергии за счет традиционных способов, следовательно, положительно повлиять на изменение климата.

Рассмотрим возможности использования ВИЭ. Традиционно такие источники использовались в странах с имевшейся для этого потенциальной возможностью, а именно: выходом к водным объектам (для использования силы приливов и отливов, течение рек), наличие геотермальных источников, использование силы ветра, и т. д., а в настоящее время растет использование солнечной энергии.

На сегодняшний день альтернативная энергетика – это самостоятельная отрасль энергетики, которая охватывает все наиболее перспективные способы добычи энергии из неисчерпаемых и возобновляемых источников, использование которых не наносит вреда окружающей среде.

В числе стран, занимающих лидирующие позиции, в сфере разработки и активного инвестирования средств в использование возобновляемых источников энергии, можно отметить Китай, США, Германию, Индию и Бразилию. «Наиболее системные и масштабные усилия по разработке гармоничного механизма внедрения возобновляемых источников энергии предпринимаются в экономически развитых странах. Так, довольно активно возобновляемая энергетика развивается в Китае, Голландии, США, Австралии, Испании, Германии, Японии. В Дании 25% энергии производится с использованием ветровых турбин². По итогам 2020 года по данному показателю (ВИЭ в целом) Россия занимала 59 место в мире³.

Российская Федерация наряду с ведущими государствами, активно участвует в разработке и внедрении прогрессивных экологически безопасных производств на основе наилучших доступных технологий. Одним из важных рассматриваемых вопросов является возможность перехода на «зеленую» экономику для урегулирования снижения темпов роста температур и климатических аспектов в этой связи.

Указанные вопросы получили свое дальнейшее развитие в Климатической доктрине РФ⁴, утвержденной в 2009 году Распоряжением Президента РФ. Климатическая доктрина закрепила основные задачи политики Российской Федерации в области климата, в том числе такие как: «разработка и реализация оперативных и долгосрочных мер по смягчению антропогенного воздействия на климат»; «участие в инициативах международного сообщества в решении вопросов, связанных с изменениями климата и смежными проблемами». О необходимости реализации мер, предусмотренных ею, указывалось в Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁵. Во исполнение распоряжения Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. N 861-рп 25 апреля 2011 г. утвержден комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года (Распоряжение Правительства N 730-р). Климатическая доктрина России была обновлена в 2021 году после одобрения изменений межведомственной комиссией Совета безопасности РФ по экологической безопасности. Изменения связаны с необходимостью учета изменений климата в качестве одного из ключевых долговременных факторов национальной безопасности страны.

С одной стороны, Климатическая доктрина представляет собой документ, содержащий цели, принципы, содержание и пути реализации политики Российской Федерации внутри страны и на международной арене по вопросам, связанным с изменением климата и его последствиями. С другой, можно было бы сказать, что направления деятельности, закрепленные в ней, являются декларативными. Между тем, указанные декларативные меры претворяются путем издания иных подзаконных актов, приводящих в жизнь установки Доктрины. Так, для ВИЭ такие установки оказались совсем не декларативными и нашли дальнейшее развитие в многочисленных подзаконных актах.

С 2007 года, года принятия Федерального закона «Об электроэнергетике» (по сути, года образования такого кластера как кластер ВИЭ в энергетическом секторе), принято более 20 подзаконных актов Правительства Российской Федерации, Министерств и ведомств для внедрения ВИЭ в энергетический сектор России. Перечислять список подзаконных актов нет смысла, разумнее указать, что именно было

¹ <https://minenergo.gov.ru/node/532> (дата обращения – 30.11.2021)

² Краснова И.О. Зарубежный опыт правового регулирования использования возобновляемых источников энергии // Экологическое право. 2019. N 4. С. 23–29.

³ Renewables 2020. Global status report Renewable Energy Policy Network for the 21st Century (2020). www.ren21.net/publications. Google Scholar (доступ от 26.11.2021 г.)

⁴ Распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 N 861-рп "О Климатической доктрине Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ "Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года" (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

ими закреплено на законодательном уровне: нормы, раскрывающие понятие ВИЭ, дающие квалификацию генерирующих объектов и требований для прохождения процедуры квалификации, вопросы подключения к электросетям, целевые показатели степени локализации и требования о сертификации генерирующих объектов ВИЭ, целевые показатели степени локализации ВИЭ, базовые предельные величины капитальных затрат на возведение определенной установленной мощности объектов, вопросы стимулирования развития ВИЭ, микрогенерации на основе ВИЭ, вопросы договоров поставки мощности (далее – ДПМ), заложена основа для ДПМ-2¹ и так далее. Указанные акты являются основой решения только задач этапа создания ВИЭ в России, когда набором действий в области законодательного регулирования были созданы не только предпосылки для создания отрасли или технического кластера – ВИЭ, но и предпосылки для его дальнейшего развития. Действительно, на этом пути было много ошибок (например, законодательное регулирование вопросов финансирования с 2007 года по 2011 год пришлось пересматривать для возможности дальнейшего введения, когда было принято решение о возложении бремени оплаты на конечного промышленного потребителя). Между тем, пример создания кластера ВИЭ в энергетической промышленности России можно считать положительным, когда за достаточно короткий промежуток времени образована законодательная база и дан толчок для развития целой отрасли промышленности. Следующей задачей является дальнейшее развитие ВИЭ и подключение к основным электросетям и вопросы электросетевого хозяйства, а также дальнейшая проработка законодательства в данной области.

Начало работы рассматриваемого кластера является значительным шагом как с точки зрения экономических аспектов, так и в области охраны окружающей среды, поскольку ВИЭ относится к так называемой «зеленой» экономике, и способствует уменьшению количества потребляемых полезных ископаемых и топлива для производства электроэнергии. Также внедрение ВИЭ влияет на количество выбросов в атмосферный воздух, снижая их², в связи с чем можно говорить и о снижении углеродного следа конкретной страны, следовательно, и о мерах, принимаемых для обеспечения соблюдения требований международных договоров в области изменений климата и последствий таких изменений, принятым на себя в силу подписания Парижского соглашения.

---

¹ Vasileva, E., Viljainen, S., Sulamaa, P., & Kuleshov, D. (2015). RES support in Russia: Impact on capacity and electricity market prices. *Renewable Energy*, 76, 82–90.

² <https://minenergo.gov.ru/node/21596> (доступ от 30.11.2021 г.)

Ашенова Торгын Мухамедьяровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России

Ashenova Torgyn Mukhamedyarovna

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law

E-mail: torgyn@bk.ru

Цуканов Даниил Николаевич

курсант 3 курса Омской академии МВД России

Tsukanov Daniil Nikolaevich

3rd year cadet of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: torgyn@bk.ru

**Влияние современных технологий на развитие демократии
и гражданского общества**

**The impact of modern technologies on the development of democracy
and civil society**

Аннотация. Современные информационные технологии в настоящее время стали частью нашей повседневной жизни: телефоны, смартфоны, планшеты – ими уже никого не удивишь. Цифровые технологии шагнули настолько вперед, что сегодня назрел актуальный вопрос: какое влияние оказывают технологии на государственную политику? Каким образом государство готово их использовать и внедрять? Ведут ли они к демократизации или наоборот позволяют установить тотальный контроль над обществом? В нашей статье мы решили проанализировать современную ситуацию и дать оценку процессу расширения цифровизации на современном этапе в России и мире.

Ключевые слова: информационные технологии, научный прогресс, цифровизация, технологическая стагнация, трансгуманизм, государство-киберконцлагерь, демократизация, система социального кредитования, пандемия

Abstract. Modern information technologies have now become a part of our daily life: phones, smartphones, tablets – you will not surprise anyone with them. Digital technologies have stepped forward so much that today an urgent question has arisen: what impact does technology have on public policy? How is the state ready to use and implement them? Do they lead to democratization or, on the contrary, allow to establish total control over society? In our article, we tried to analyze the current situation and assess the process of expanding digitalization at the present stage in Russia and the world.

Keywords: Information technology, scientific progress, digitalization, technological stagnation, transhumanism, state-cyber concentration camp, democratization, social credit system, pandemic

---

По мере развития человечества, оценка роли и важности науки и технологий в общественной жизни систематически менялась. Сциентизм XIX в., всеобщая надежда на научно-технический прогресс в первой половине XX в., казалось бы, постепенно начинает снижаться с появлением невиданных ранее глобальных проблем. Однако, в середине XX в. мы наблюдаем коренную перестройку технических основ всего материального производства, основанного на науке, как ведущем факторе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. В настоящее же время мы можем конста-

тировать, что информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого. И это несмотря на заявления о «технологической стагнации» XXI в., рубежной вехой которой стала Великая рецессия 2007-2009 гг., В. В. Лукашевич и С. Ф. Сутырин анализируя последствия и причины которой подчеркивают, что этот «кризис стал первым в новейшей истории кризисом формирующейся глобальной экономики знания»¹. Тем не менее, человек еще никогда до этого не был столь зависим от технологий как сейчас.

В данной статье мы решили ответить на вопрос: какое влияние оказывают современные технологии на политический процесс, на функционирование и развитие гражданского общества? Ждать ли нам трансгуманистического процветания или же впереди лишь перспектива государства-киберк-онцлагеря?

Практически все страны за прошедший год в той или иной степени понесли убытки в связи с пандемией. Довольно своеобразным, но действенным способом борьбы с новым вирусом отличилось руководство Сингапура. Внедренная с 2020 года система цифрового отслеживания контактов через сигналы мобильных телефонов (digital contact tracing) отслеживает все контакты пользователя через его мобильное устройство². Власти с помощью данного приложения легко следят за каждым гражданином, и быстро находят с кем из зараженных контактировал каждый конкретный гражданин. Стоит отметить, что это далеко не первый случай использования государственными структурами современных технологий для установления подобного уровня контроля над своим населением. С 2020 года в стране вводится система удостоверения личности-идентификация по лицам, которая будет позволять гражданам получать доступ к банковским и государственным услугам³. Помимо этого в стране существует огромное количество камер наружного наблюдения и прочих средств видео и цифрового контроля. Сингапур – одна из быстроразвивающихся стран востока. Доля электронной промышленности в производственном секторе страны составляет около 48% от общей промышленной продукции. Активно применяя достижения науки и техники, государственная власть практически полностью контролирует все стороны жизни общества, обеспечивая тем самым фактическое существование тотального контроля над обществом.

Примером эффективного применения технологий государством против интересов демократии служит «Система социального кредита» (рис.1) в Китайской Народной Республике, официально узаконенная новым гражданским кодексом 1 января 2021 г. Система оценивает данные о каждом конкретном гражданине и присваивает ему индивидуальный рейтинг, который, в свою очередь будет привязан к внутреннему паспорту. Вице-премьер России Максим Акимов заявил: «Правительству президент поставил задачу по цифровой повестке обеспечить максимальную защиту прав личности, максимальную защиту прав людей. Путь социального рейтинга для нас неприемлем, он несет гораздо более разрушительные последствия с точки зрения социального доверия». По его мнению, китайская система социального рейтинга граждан на основании их персональных данных – это ужасный опыт⁴.

Конечно, можно возразить, что не стоит брать в пример лишь страны с жесткой авторитарной властью, однако примеры нарушения гражданских прав и свобод можем наблюдать и в развитых западных демократиях. Ярким примером послужило разоблачение массовой слежки в 2013 году, когда от бывшего агента ЦРУ журналистам была передана информация о том, что властями США, Франции и Великобритании велась разведывательная деятельность как за иностранными государствами, так и за своими гражданами⁵.

Использование достижений научно-технического прогресса органами госбезопасности, попутно наступая на позиции гражданского общества – общемировая тенденция, особенно с усугублением положения в мировом хозяйстве. Чудодейственное воздействие, которые многие возлагали на интернет, на деле же оборачивается против простых пользователей. Ситуацию усугубляет также тот факт, что в условиях повсеместного индивидуализма и внедрением информационной сети, политическая активность граждан снижается. Легкость получения политической информации и выражения своего мнения при помощи новых информационных технологий не стимулирует к активной политической жизни, а отпугивает, более того, увеличение информационно-коммуникативных возможностей общества привело к росту недоверия граждан к политике и падению интереса к ней.

¹ Мальцев А.А. Источники и последствия «технологической стагнации» глобальной экономики // Вестник СПбГУ. Сер.5. Вып.4. С.67-68.

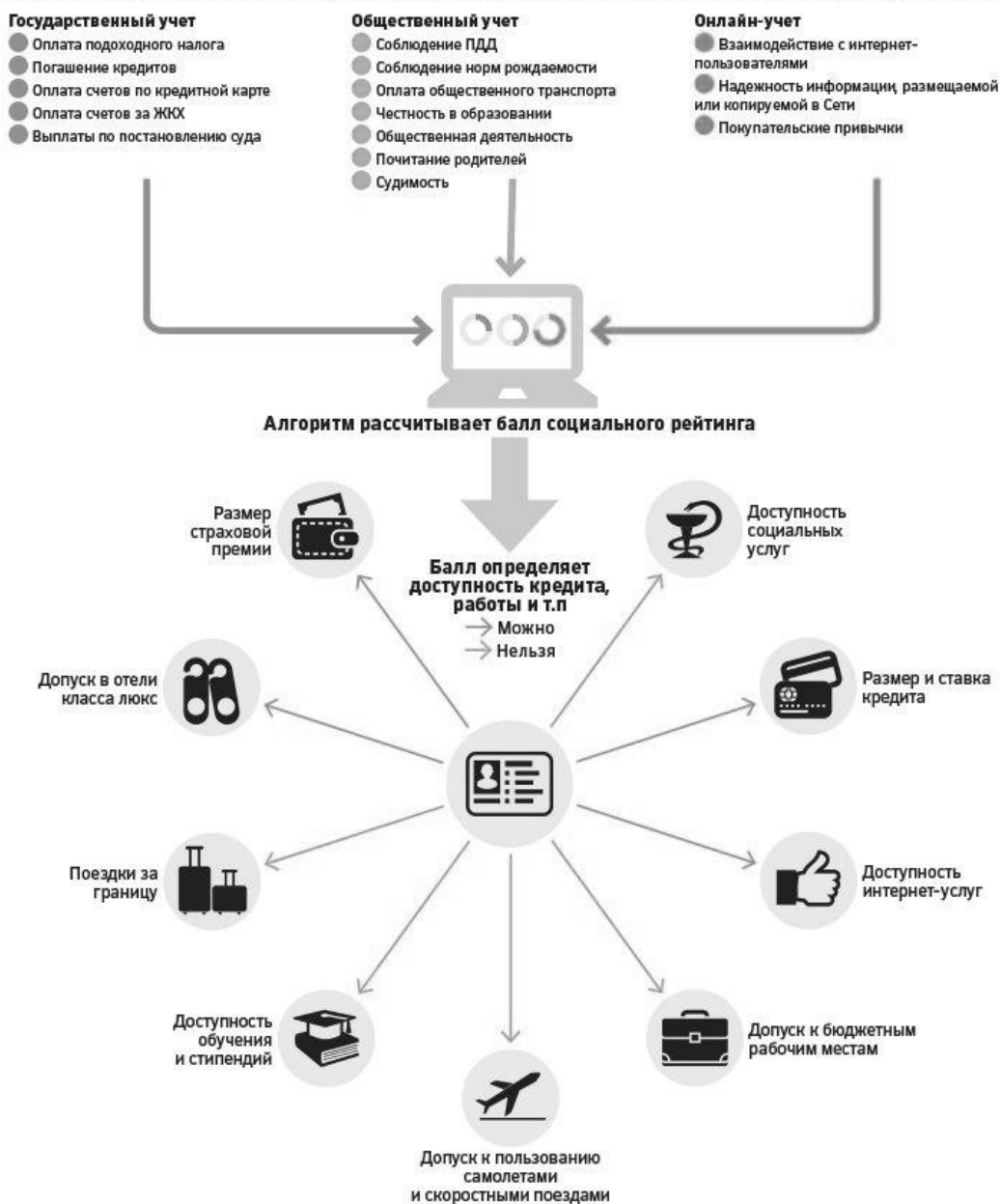
² Власти Сингапура планируют выдать всем жителям устройства для отслеживания контактов [электронный ресурс] // URL <https://tass.ru/obschestvo/8654587> (дата обращения 15 июля 2021 г.)

³ Сингапур внедряет проверку лица в национальную схему идентификации [электронный ресурс] // URL <https://promrating.ru/news/singapur-vnedryaet-proverku-licza-v-nacziionalnyu-shemu-identifikaczii/> (дата обращения 15 июля 2021 г.)

⁴ «Научим Родину любить»: как работает китайская система социального рейтинга [электронный ресурс] // URL <https://ria.ru/20190519/1553583356.html> (дата обращения 15 июля 2021 г.)

⁵ Суд в США признал массовую слежку АНБ за гражданами незаконной [электронный ресурс] // URL <https://www.dw.com/ru/sud-priznal-nezakonnoj-razoblachennuju-snoudenom-programmu-anb/a-54805271> (дата обращения 15 июля 2021 г.)

Как работает Система социального рейтинга в Китае

Источник: The Wall Street Journal

(рис. 1. Как работаете система социального рейтинга в Китае)

Открытость информации, активизация различных политических сил в социальных сетях, привели к тому, что российское государство также стало включаться в процесс регулирования общественных процессов, предусматривающего создание национальной системы маршрутизации интернет-трафика, инструментов централизованного управления Рунетом и пр. Еще на стадии внесения законопроекта в Государственную Думу вызвал дискуссию о регулировании интернета в России¹.

Из всего выше сказанного, однако, совершенно не следует, будто внедрение достижений научно-технического прогресса есть процесс, всегда носящий контрпрогрессивный и антидемократический характер. Их преимущество и бесценная польза в том, что они многократно увеличивают производительные способности человека, что в свою очередь может сыграть на пользу развитию демократизма. Дос-

¹ Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тижения науки и техники в значительной степени упрощают документооборот, снижает излишний бюрократизм. Политическая информация, ранее доступная только из одного источника, с развитием интернета стала доступнее, что способствует развитию идеологического плюрализма. Интернет-площадки стали местом для дискуссий и онлайн обсуждений. Также необходимо вспомнить о таком феномене, как интернет-петиции. Несмотря на то, подобного рода сборы подписей на многих платформах просто не имеют юридической силы и по большей части остаются простым привлечением общественного внимания, тем не менее, некоторые из таких петиций все же оказали значительное влияние на реальное положение дел, в частности петиция на сайте «Российская общественная инициатива» о возможности сохранения номера телефона при переходе от одного сотового оператора к другим¹. Сбор голосов в итоге привел к внесению поправок в Федеральный закон «О связи» и Налоговый кодекс РФ².

Развитие глобальных электронных систем и систем искусственного интеллекта имеет реальную перспективу положить конец бюрократии и исключить коррупционную составляющую в целом, путем полной автоматизации и исключения человеческого фактора из системы государственного управления. Коррупция, лоббизм, действия в личных интересах, все это может навсегда исчезнуть из политики. Прогрессивные в этом направлении имеются уже сегодня³. С одной стороны, стоит понимать, что любая, даже самая прорывная и невероятная технология не сможет заменить процессы социализации, коммуникации человек-человек или решить все общественные проблемы.

Таким образом, в настоящее время информационные технологии стали частью нашей повседневной жизни – мобильные устройства, смартфоны, смарт-часы, QR-коды. Этими инструментами активно пользуются и государственные структуры и органы. И в этом процессе важно найти золотую середину – используя их для всеобщего блага, не забывая о первостепенности неприкосновенности частной жизни. Мы считаем, что для сохранения демократизма в современном обществе, необходима настоящая гражданская солидарность и активная политическая позиция всех членов общества, так как в противном случае, прорывные технологии будут служить не делу политической свободы, а делу ее уничтожения.

---

¹ <https://www.roi.ru/401/> (дата обращения 1 октября 2021 г.)

² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и статьи 33333 и 33334 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Алпатова И. Чат-бот для государства // Российская газета. № 259 [электронный ресурс] URL <https://rg.ru/2020/11/17/v-rabotu-rossijskih-vedomstv-vnedriat-iskusstvennyj-intellekt.html> (дата обращения 15 июля 2021 г.)

Боброва Наталья Алексеевна

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета

Bobrova Natalya Alekseevna

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Togliatti State University

E-mail: bobrovana@mail.ru

«Родовая травма» российского конституционализма^{*}

«Birth trauma» of Russian constitutionalism^{**}

Аннотация. В статье анализируются конкретные условия, в которых принималась Конституция РФ 1993 г., предопределившие ее недостатки. Применяются диалектический, исторический, сравнительный и другие методы. Изучены научные труды, посвященные Конституции РФ и российскому конституционализму. Делается вывод, что политический механизм властвования в России полностью соответствует тексту Конституции. В своей сущности Конституция РФ абсолютно реальна: Конституция закрепила полномочия сверхсильного президента и зависимость от него слабого парламента. Реальна Конституция РФ и в части защиты сверхдоходов олигархов: в Конституции частная собственность стоит впереди государственной, а народная собственность отсутствует. При такой Конституции всякое ее реформирование зависит только от президента, что мы и видим на примере нескольких реформ, каждая из которых усиливала власть Президента, в том числе реформа Конституции РФ 2020 года.

Ключевые слова: сущность конституции, политический механизм властвования, реальность Конституции РФ, частная собственность, имитация народовластия, конституционные реформы 2008, 2014, 2020 годов

Abstract. This article analyzes the specific conditions in which adopted the Constitution of the Russian Federation-1993, responsible for its shortcomings. Apply dialectical, historical, comparative and other methods. Studied scientific works dedicated to the Constitution of the Russian Federation and Russian constitutionalism. It concludes that the political mechanism of Dominion in Russia fully complies with the text of the Constitution. The Constitution of the Russian Federation in its essence is absolutely real: the Constitution enshrines the powers of super-high President and dependence on him a weak Parliament. Real Russian Constitution and in part protect windfall oligarchs: private property in the Constitution stands ahead of the State and people's property is missing. With such a Constitution, any reform depends only on the president, which we see in the example of several reforms, each of which strengthened the power of the President, including the reform of the Constitution of the Russian Federation of 2020.

Keywords: the essence of the Constitution, political mechanism for Dominion, the reality of the Russian Constitution, private property, imitation of democracy, конституционные реформы 2008, 2014, 2020 годов

Введение. Советский и российский режиссер Станислав Сергеевич Говорухин в своей книге «Великая криминальная революция» (правда, известной значительно меньше, чем его документально-публицистический фильм «Так жить нельзя»¹) писал: «Ждали «румянцевской» Конституции, дождались – «бультерьерской»². В этой книге, как и во многих интервью 90-х годов, С.С. Говорухин признавал свою

---

^{*} Статья выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-28-01797

^{**} Published with the support of RSF (Russian Science Foundation), project № 22-28-01797

¹ Этот антисоветский фильм назван документально-художественным советско-западногерманским фильмом (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%BA_%D0%B6%D0%B8%D1%82%D1%8C_%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D1%8F). Слово «западногерманским» в данном случае многое объясняет и является символическим: когда-то Ленин приехал делать революцию в России в германском вагоне, а 73 года спустя на германские деньги совершена, по словам американского политолога Стивена Коэна, «советская контрреволюция» (Коэн Стивен. Парламент – мать демократии // Парламентская газета, 4.10.2000).

² Говорухин С.С. Великая криминальная революция. Москва. 1994. С. 27-28.

вину за развал Советского Союза («Я тоже раскачивал эту лодку»¹), имея в виду, прежде всего, свой фильм «Так жить нельзя», который во всех кинотеатрах СССР посмотрели миллионы советских людей, которым вдруг «открыли глаза», в какой плохой и дикой стране они живут (показаны очереди за водкой, опустившиеся люди ит. д., расхваливалась жизнь в американской Аляске по сравнению с жизнью на Сахалине).

И вот ведь что удивительно: прошло всего три года со времени снятого на западногерманские деньги фильма до выхода книги «Криминальная революция» одного и того же автора. Но каково запоздалое прозрение! Говорухин – не единственный прозревший интеллигент, ибо большинство советских людей в эту переломную эпоху оказались в такой же ситуации обмана и самообмана.

Даже советские диссиденты, в свое время изгнанные из СССР (Владимир Максимов, Владимир Букковский, Александр Зиновьев, Перт Абовин-Егидес, Александр Солженицын), ужаснулись тому, что произошло с Советским Союзом и что произошло в России осенью 1993 года. Каждый из них по-своему выразил свое отношение к развалу СССР и краху советской власти. Так, видный философ-диссидент Александр Зиновьев первым назвал горбачевскую перестройку «катастрофой»². А диссидент Петр Абовин-Егидес, приглашенный из Франции в Конституционный Суд РФ в качестве свидетеля по «делу КПСС», причем приглашенный стороной Президента Б.Н. Ельцина (которую представляли адвокат Андрей Макаров, ныне депутат Государственной Думы, и руководитель ГПУ Администрации Президента РФ С.М. Шахрай), еще в 1992 году говорил, обращаясь к стороне Президента Б.Н. Ельцина: «Мы не хотели развала СССР, а вы вместе с водой выплеснули ребенка»³.

Однако даже слова советских диссидентов уже не могли остановить бушующую советскую контрреволюцию, начатую Декларацией о суверенитете РСФСР, явившейся началом конца СССР⁴, и завершившуюся принятием Конституции 1993 года. Всего лишь за несколько лет удалось так изменить все прежние ценности и сломать все прежние устои, что возврат к ним оказался уже невозможен, ибо пройдена «точка невозврата» (летный термин, применяемый ныне и в социальных науках).

Конституция России 1993 года как «точка невозврата». Именно такой точкой невозврата к социалистическим формационным отношениям явилось принятие Конституции 1993 года. Только после расстрела Дома Советов и принятия Конституции 1993 года произошло мучительное прозрение той части интеллигенции, которая вовсе не желала уничтожения советской власти, а желала лишь исправления ее недостатков. Но в победителях оказались те, которые желали именно советской контрреволюции, причем любыми средствами⁵.

Содержание всякой конституция несет в себе отпечаток той конкретно-исторической ситуации, в которой она принималась. Особенности российского конституционализма predeterminedены условиями его рождения в результате перманентной «советской контрреволюции» 1990-1993 гг., что есть «родовая травма» российского конституционализма. Поэтому память всегда будет возвращать нас к событиям этих лет, когда разрабатывалась новая конституция.

Конституция РФ 1993 принималась в чрезвычайных условиях последнего этапа советской контрреволюции, озаменованного Указом Президента Б.Н. Ельцина № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и расстрелом 4 октября 1993 г. Дома Советов⁶.

Знаменем политической борьбы со «старым» парламентом – Верховным Советом, который-то, по сути, и привел Ельцина к власти в результате «перманентной парламентской революции», был лозунг замены старой, «брежневской» Конституции, якобы мешающей прогрессивному развитию страны, на новую конституцию, демократическую. Между тем, уже до этого в результате на Съездах народных депу-

¹ Говорухин С.С. Великая криминальная революция. Москва. 1994. С. 27-28.

² Книги А.А. Зиновьева «Катастрофа» и «Русская трагедия»: https://royallib.com/author/zinovev_aleksandr.html

³ Дело Конституционного Суда РФ о проверке конституционности Указа Президента РФ Б.Н. Ельцина от 20.07.1991 г. (о ликвидации всех первичных организаций КПСС и КПРФ по месту работы и учебы), Указа от 22.08.1991 г. (о приостановлении деятельности КПРФ) и указов от 6 ноября 1991 г. (о запрете деятельности КПРФ и деятельности КПСС на территории Российской Федерации и передаче их собственности в собственность государства) // Стенограмма заседаний Конституционного Суда РФ, 17.04.1992. См. также: Рудинский Ф.М. Дело КПСС в Конституционном Суде. М., 1999. 790 с.

⁴ Декларация о суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. // Сов. Россия. 14.06.1990 (пункт 5 Декларации гласил, что Конституция Союза Советских Социалистических Республик и законы СССР действуют лишь в той мере, в какой не противоречат Конституции РСФСР и законам РСФСР, что означает разрушение единого правового пространства Советского Союза и, как следствие, разрушение самого Советского Союза).

⁵ В т. ч. ценой краха великой державы и выбрасывания на свалку истории нескольких поколений советских людей, эту державу построивших. См. об этом: Воцанов Павел. Ельцин как наваждение. Записки политического проходимца. М. 2017 (в феврале 1992 г. из-за растущих разногласий с Ельциным его пресс-секретарь Воцанов подал в отставку; он приводит подробности фантастического взлета Ельцина, рассказывает о людях в России и за рубежом, поддержавших опального поначалу политика и поднявших его на вершину власти, говорит о причинах растущего влияния Ельцина и его победы в 1991 г. <https://www.labyrinth.ru/books/765533/>).

⁶ Первая научная и смелая оценка расстрела Дома Советов была дана великим российским конституционалистом, заведующим кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова: Авакьян С.А. Создан прецедент. Неконституционная власть не имеет перспективы // Независимая газета. 15.10.1993.

татов СССР и Съездах народных депутатов РСФСР-РФ была узаконена частная собственность, институт президентуры и другие нормы, которые вкуче с ликвидацией статьи о КПСС как ядре советской политической системы ничего уже не оставили от «брежневской» конституции.

Но политическая система по-прежнему имела советские представительные органы, которые команде Ельцина¹ теперь уже очень мешали, ибо они, пользуясь конституционной контрольной функцией и депутатскими запросами, мешали проводимой приватизации, требовали отчета о деятельности исполнительной власти и ее главы – Президента РФ. Иными словами, сильный и самостоятельный парламент президентской власти был уже не нужен: пока он существовал, в любой момент могли быть приняты законы о пересмотре актов приватизации, которая осуществлялась в России с января 1992 г., причем практически бесконтрольно (по одному из указов Б.Н. Ельцина прокуратура была отстранена от надзора за процессами приватизации)².

Причины того, почему команда Ельцина была кровно заинтересована в принятии новой конституции, состояли в том, чтобы: 1) легализовать итоги приватизации и не допустить их пересмотра в будущем; 2) закрепить победу Ельцина над советским парламентом путем голосования за новую Конституцию, т. е. устранить последний бастион народной власти руками самого народа.

Всякая конституция, рождающаяся в политических битвах, есть запись итогов этих политических битв, закрепление власти победителя. В данном случае победителем был Ельцин и его Семья, и их победу оставалось лишь записать на бумаге и легализовать народным голосованием, проведенным для гарантированной результативности не по действовавшему на тот момент Закону о референдуме, а по облегченному варианту – специальному Положению, утвержденному Указом Президента РФ³.

Названные причины принятия новой «демократической» Конституции народу, конечно же, не говорились, а тем, кто о них догадывался и понимал их цинизм, слова в эфире не давали. Хотя критические публикации в некоторых СМИ появились уже тогда, однако в силу ограниченного времени между опубликованием проекта (10 ноября 1993 г.) и днем голосования и нарастающего абсентеизма принятие новой Конституции было предопределено.

В новой Конституции уже не было должности вице-президента, поскольку по «старой» Конституции вице-президент вступал в права президента в случае принятия последним антиконституционного акта. Полномочия самого президента по новой конституции таковы, что он становится фактически избранным монархом: сам Николай II в период после принятия Манифеста 1905 года позавидовал бы тому объему полномочий Президента по Конституции 1993 г. Полномочия же Думы предельно ограничены и в законодательной, и в бюджетной, и в контрольной функции. Депутатский запрос и другие контрольные полномочия представительной власти в новой Конституции отсутствуют. Формирование Правительства РФ по новой Конституции зависело от Президента, а возможность роспуска Думы в случае троекратного неодобрения кандидатуры председателя Правительства, предложенной Президентом, подчеркивает имитационный характер конституционной нормы о даче согласия Думы на назначение премьер-министра. По первоначальному тексту Конституции прокуратура тоже должна была исчезнуть: ее должны были заменить полномочные представители Президента РФ в субъектах Российской Федерации.

О том, каким чудом в самый последний момент перед опубликованием проекта Конституции Генеральному прокурору РФ А.И. Казаннику удалось убедить Ельцина сохранить прокуратуру, в литературе написано⁴. Статью о прокуратуре втиснули в главу «Судебная власть», не изменив названия главы.

Конституционный строй как особая форма завуалированной власти капитала. Красивая идея конституционного строя, начиная с первых буржуазных революций, использовалась рвущимся к власти капиталом как самая изощренная форма властвования – от имени народа, но не для народа. Это изначально удобная и циничная форма имитации: чем больше изощренности в оперировании понятием «демократия», тем идеальнее конституционный строй.

¹ В то время возник даже термин «Семья», означавший близкое окружение Ельцина, нагретое руки на приватизации и образовавшее новый класс крупных собственников – российский олигархат.

² О том, как проводилась приватизация и как Ельцин расправился с парламентом, противостоящим приватизации, написано, например: Лучин В.О. «Указное право» в России. М. 1996; Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993). М.: Изд-во МГУ. 2000. С. 101-147; Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2002. С. 138-231; Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003; Лукьянов А.И. Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики). М.: Норма: ИНФРА-М. 2010. С. 80-104.

³ «Червоточина нелегитимности» Конституции 1993 г. тоже является ее родовой травмой: помимо нелегитимного способа голосования, фактов вбросов и фальсификации итогов голосования, бюллетени были уничтожены через полгода после него (вместо положенного по закону года). См. об этом: Исаков В.Б. Председатель Совета Республики: Парламентские дневники 1990-1991. М. 1996. С. 93-111; Лучин В.О., Мазуров А.В. Указы Президента РФ. М. 2000. С. 115-119; Лукьянова Е.А. Российская государственность... С.148-161.

⁴ Блохина Н.А., Власова М.А. Ответственность Президента и прокуратуры за целостность и безопасность государства // Правоприменение. № 2021. Т. 5. № 2. С. 86-96; Власова М.А. Загадка главы 7 Конституции РФ, или О том, кто спас российскую прокуратуру от ликвидации в 1993 году // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 61-64.

В новой Конституции провозглашено «идеологическое многообразие», а также записано, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ч. 1 и ч. 2 ст. 13 Конституции РФ). Сами эти нормы возникли как следствие «конституционного страха» перед возможностью коммунистического реванша. И хотя практически сразу было очевидно, что ни одно государство без идеологии существовать не может, на тот период власть нуждалась как раз в завуалированности своей подлинной идеологии, которая заключалась в стремлении вовсе не к демократии, а к собственному обогащению и легализации итогов указной приватизации.

Поэтому главная идеология новой власти и новой конституции – это идеология частной собственности. Эта идеология закреплена в статье 8 и статье 9 Конституции РФ. Всякое «идеологическое многообразие» поглощается идеологией частной собственности, способной победить любую идеологию.

«Фигура умолчания» – тоже важный инструмент новой Конституции, в которой нет главы «Избирательная система», ибо ее творцы-основатели понимали, что каучуковое избирательное законодательство, изменяемое к каждому новым выборам в интересах власти, позволит удерживать ее максимально долго. В Конституции нет упоминания о наказаниях избирателей, исчезло само понятие «народный депутат», потому что императивный мандат заменен свободным, и представлять интересы народа как-то стало необязательно.

Само понятие «народ» есть в определенном смысле фикция, хотя и красивая фикция. Поэтому обвинять власть в том, что она имитирует конституционный строй, это то же самое, что обвинять хамелеона в том, что он постоянно меняет цвет. По сути, чем более изощренности в конституционном строе, тем он более идеален. Идеального же конституционного строя, как и идеальной конституции, на самом деле нет нигде. Как метко заметил Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «идеальная конституция – на небесах, у Бога»¹. Там, где многие видят конституционный строй и демократию, на самом деле просто высокий уровень жизни, а это экономическая категория².

Во всех странах существует тенденция усиления исполнительной власти в ущерб представительной власти парламента, просто в России это накладывается еще и на особенности российского менталитета, в силу чего авторитарная власть приобретает черты некоего социального заказа общества, особенно при харизматичной личности Главы государства.

«Родовой травмой» российского конституционализма является то, что он рожден в условиях отсутствия парламента и закрепляет механизм авторитарной власти. А если авторитарные элементы получают закрепление в Конституции, то они тоже развиваются, ибо имеют конституционную основу для такого развития. Поэтому лукавят те авторы, которые считают, что конституционный строй развивается исключительно в демократическом направлении.

Основные недостатки Конституции 1993 г. автором этих строк описаны³. Однако на том основании, что конституционалисты говорят об этих недостатках, нельзя приписывать им неояльность власти. Может, именно те ученые, которые не замалчивают недостатков Конституции, являются не только самыми последовательными конституционалистами, но и самыми последовательными государственниками, помогаая власти отвечать на вызовы времени.

Авторы, обращающие внимание на авторитаризм как «родовую травму» российского конституционализма, отнюдь не утверждают, что это обстоятельство несет в себе исключительно отрицательное начало. Нет, в авторитаризме есть и положительное начало. Не все так однозначно. Наша критика российского конституционализма, обусловленного его «родовой травмой», исходит не из того, что у нас все плохо, а за рубежом, мол, лучше, а из того, чтобы предостерегать власть от непоправимых ошибок.

О недопустимости противопоставления социального государства и патернализма. Одной из таких «ошибок», исправленных В.В. Путиным, было противопоставление социального государства и патернализма. Такой же ошибкой, если не преступлением, была и ельцинская обструкция патриотизма.

Начиная с 90-х годов, когда Борис Ельцин вслед за своими советниками употреблял термин «красно-коричневые» и подверг обструкции слово «патриотизм», многие политики и ученые стали противопоставлять понятия «социальное государство» и «патернализм». При этом первое употреблялось в положительном смысле, поскольку вошло в текст Конституции в качестве одной из основ конституционного строя (хотя и не гарантированной до сих пор основы⁴), а второе понятие – патернализм – употреблялось лишь в критическом ключе. Между тем, ничего плохого в патернализме нет и быть не может. Ведь патернализм означает отеческую заботу государства (от слова "pater" – отец). Да, наш народ привык к со-

¹ Зорькин В.Д. Идеальная Конституция на небесах, у Бога // «Огонек», 23-29.02.2004.

² Две трети обывателей зарубежных стран даже не ходят на выборы. Лишь 1/3 избирателей выборами более-менее интересуется. Но почему-то считается, что за рубежом есть гражданское общество, а в России его нет.

³ Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33-38; Боброва Н.А. Двадцать лет и двадцать недостатков Конституции России // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 1. С. 21-28 (перепечатка статьи по решению редакционного совета журнала в связи с ее особой актуальностью в свете инициированной В.В. Путиным 15.01.2020 г. конституционной реформы).

⁴ В.Д. Зорькин спрашивает: «Можем ли мы сказать, что записанное в седьмой статье Конституции социальное государство на самом деле есть государство Россия? Язык не повернется» (Зорькин В.Д. Указ. соч.).

ветскому патернализму, но он в тысячу раз лучше «субсидиарного» государства подачек, в котором нет законов, которые бы способствовали уменьшению децильного коэффициента и беспрецедентного социального расслоения общества. Надо принимать прогрессивный налог или хотя бы НДС (налог на дополнительные доходы), сверхдоходы нефтяных и газовых компаний. Но это власти не по зубам, а она пугает тем, что при переходе к прогрессивному налогу прибыль предпринимателей уйдет в тень¹.

И вот тут мы подошли к самому главному вопросу – кто же реальная власть в нашей стране: власть или деньги? Король или туз?

О соотношении фактической и юридической конституции в России, или О конституционных основах авторитаризма. Сущностью любой конституции является устройство власти. В российской Конституции наблюдается тождество фактического и юридического устройства власти, прежде всего, президентской власти, являющейся стержнем вертикали и горизонтали власти. Фактическая власть Президента РФ предопределена его юридическими полномочиями, в т. ч. частью 3 ст.80 Конституции РФ, в соответствии с которой основные направления внутренней и внешней политики определяет Президент РФ. Соответствует ли реальный механизм власти этой формуле? Полностью соответствует.

Участвует ли парламент России в формировании внутренней и внешней политики? Участвует по мере внесения законодательных инициатив, инициированных в большинстве своем Президентом и Правительством. Более того, есть и внеконституционные формы влияния Президента РФ (не записанные в Конституции, но легализованные Конституционным Судом подразумеваемые полномочия Президента РФ) на законодательные и другие органы власти.

Степень значимости парламентских законодательных инициатив по сравнению с президентскими и правительственными минимальна, да и многие из них лишь юридически вносятся парламентариями, а на самом деле разработаны в Администрации Президента РФ либо по ее заказу. Такая «фактическая конституция» полностью соответствует Конституции РФ, которая, в противоречие конституционному принципу разделения власти, на первое место среди субъектов права законодательной инициативы ставит не депутатов, а Президента РФ. Поэтому никакого противоречия между фактической и юридической Конституцией не наблюдается. В смысле своей сущности – устройства власти и отношения к частной собственности – в России реальная Конституция. В направлении персонифицированного авторитаризма она и развивается, поскольку развивать авторитарные элементы позволяет сама Конституция с ее суперпрезидентской формой правления². Нами выведена следующая формула российской формы правления и российского конституционализма: в российской Конституции из классической президентской формы правления взято все то, что усиливает президента, а из парламентской – все то, что ослабляет парламент.

Более того, согласно ч.2 ст.80 Конституции РФ Президент РФ является гарантом Конституции РФ, в результате чего он становится вторым конституирующим центром наряду с самой Конституцией. Поэтому своей личной властью и вполне конституционно Президент РФ инициирует изменения в самом сердце конституционного строя – избирательной системе, в результате чего последняя превращена из демократического средства формирования власти в каучуковой инструмент политики.

Согласно той же ч.2 ст.80 Конституции РФ Президент РФ является также и гарантом прав и свобод человека и гражданина, хотя такой Президент, как Ельцин, совершил конституционный переворот, издав Указ № 1400 и своей властью издав приватизационные указы. Б.Б. Чубайс подчеркивает, что приватизация была законной. Но она была не законной, а указной, причем олигарх Михаил Ходорковский в интервью Дудю 8 августа 2017 г. не отрицал, что «приватизация была в определенном смысле мошеннической»³.

Конституция 1993 г. создавала второе конституирующее начало в виде юридически сверхсильного президента, именно в этом направлении конституционный строй и развивается. И его реформирование зависит от Президента, ибо «дух фактического властвования сегодня составляет доминанту социально-экономического и политического развития»⁴. Записанные же в Конституции цели и демократические принципы изначально рассматривались командой Ельцина как необходимый «демократический декор», некое «великое обещание», «программа на будущее»⁵. Многие конституционные обещания так и остались на бумаге⁶.

Итак, основные проблемы и недостатки российского конституционализма изначально предопределены условиями его рождения в результате перманентной буржуазной революции в виде поправок к

¹ Медведева poslali za nagodom // Коммерсантъ. 17.06.2017.

² Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М.: Институт права и публичной политики. 2008. 232 с.

³ Ходорковский – об олигархах, собственности и тюрьме <https://www.youtube.com/user/khodorkovskyyru/Дудя>

⁴ Кабышев В.Т. Конституционные ожидания // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 25.

⁵ См. об этом: Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М. 2003. С. 176-210; Боброва Н.А. Конституционализация позитивного права или политизация конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 10. С. 3-7.

⁶ Кабышев В.Т. Конституция новой России (к 25-летию Саратовского проекта Конституции России) // Государство и право. 2016. № 6. С. 35.

Конституции СССР 1989-1991 гг. и завершённой осенью 1993 г., что является «родовой травмой» российского конституционализма. Конституция 1993 г. – продукт тяжелейшего конституционного кризиса 1992-1993 гг., противостояния исполнительной и законодательной власти, завершившегося низвержением последней.

С.М. Шахрай в интервью гл. редактору «Аргументов недели» признал, что «конституцию не получилось принять в результате общественного согласия, она явилась актом принуждения к общественному согласию»¹. В том же интервью он с гордостью заявил, что «в 2000 году впервые в истории нашей страны новый лидер не переписал «под себя» действующую Конституцию (...)»². Между тем, любой президент, пришедший после Ельцина, если он не политический самоубийца, вряд ли стал бы переделывать президентский механизм власти. В этом-то и кроется специфика российского конституционализма, что он выгоден любому авторитарно властвующему президенту. Имитация демократии, расхождение между ожиданиями народа и развращённостью бюрократии, зависящей вовсе не от народа, а от «одного человека, которого все боятся», игра в выборы, правила в которых зависят не от народа – все это следствия установленного конституцией механизма власти, его «родимые пятна».

Иными словами, именно «родовая травма» предопределяет персонифицированный режим политического властвования в России. И в этом мы видим не только минусы, но и плюсы, когда хороший Президент. Но если президентом вдруг на каком-то этапе станет авантюрист наподобие «демокрадов» Горбачева и Ельцина, то не поздно ли будет махать руками после драки, делая вид, что мы не хотели такой концентрации власти в руках одного человека? Поэтому В.В. Путин, сам воспользовавшийся словом «подряд» и избравшийся дважды по два срока, в результате конституционной реформы-2020 исключил это слово из части 3 ст. 81 Конституции РФ, и новый претендент на эту должность сможет быть президентом максимум два срока. А попутно той же поправкой ужесточены требования к кандидату на должность Президента РФ.

Необходимость исправления недостатков действующей Конституции. Вопрос о реформировании конституционного механизма власти в сторону повышения реальной ответственности парламента за результаты властвования в стране, усиления парламентского контроля – назревшая проблема, если мы не хотим революционного слома конституционного строя. Ни за что реально не отвечающий парламент – это ведь тоже элемент декора, имитации.

Когда лидеры двух оппозиционных (или псевдооппозиционных?) партий С.М. Миронов и В.В. Жириновский пафосно рассказывают об очередном «судьбоносном» законе, начинает казаться, что депутаты приняли закон о прогрессивном налоге или иной закон, способствующий уменьшению социального расслоения. Но депутаты продолжают заниматься мелкотемьем наподобие законов против коллекторов, изображая из себя народных заступников. Сначала будто не замечали изощренного навязывания нищим людям кредитов, а потом вдруг опомнились, заодно ударив и по добросовестным кредиторам.

Лидер ЛДПР, чувствуя политическую конъюнктуру, заявляет: «ЛДПР давно предлагает ограничить сверхдоходы, ввести налог 80%, как за рубежом. Заработал 100 млн. – будь добр, отдай 80 млн. государству»³. За рубежом прогрессивный налог от 30 до 70%, да и тот нашей власти не по зубам.

И тут мы опять возвращаемся к главному вопросу – кто же реальная власть в нашей стране: власть или деньги? Король или туз? Туз-то как раз и символизирует деньги, которые выше политической власти, выше «короля».

В.В. Путин летом 2018 г., т. е. сразу после инаугурации, объявил пенсионную реформу. Обосновывая ее необходимость, он в очередной раз говорил о нецелесообразности прогрессивного налога, подчеркнув при этом, что годового налога на богатых народу хватит всего на 6 дней. Логика, видимо, такова: ничего вам, дорогие россияне, не дадут эти 6 дней. Поэтому нет смысла вообще говорить о прогрессивном налоге. Забудьте о нем на все времена. Но кто эти советники, которые дают такие цифры В.В. Путину? Выходит, россияне так «прозорливы», что им прогрессивного налога на богачей хватит лишь на 6 дней? А как же быть с тем, что 1% населения страны принадлежит 80% ее национальных богатств? Никита Михалков однажды верно заметил, что «проблемы в нашей стране не в том, что мы не можем накормить бедных, а в том, что богатые не могут нажраться»⁴.

Когда наши корифеи-конституционалисты пишут о том, что «реальность оказалась неадекватна конституционным ценностям» и что «...достаточно проанализировать любой ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ, чтобы убедиться: состояние субъективных прав и свобод человека в России с каждым годом ухудшается», надо, помимо прочих, задать и вопрос о том, а какие конкретно ценности имеются в виду? Идеал, записанный в ст.2 Конституции РФ? Или зацементированные в ст. 8 и ст. 9 Конституции РФ ценности, поставившие частную собственность впереди государственной собственности и «забывшие» про «народную собственность», «народное достояние», которые были в Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г.? Конституция 1993 г. в полной мере оправдала ожи-

¹ Угланов Андрей. Незнакомая Конституция. Интервью с С.М. Шахраем // Аргументы недели. 27.06.2013.

² Там же.

³ Жириновский В.В. Как сделать народ богаче? // АиФ, 27.04 – 02.05.2017. С. 7.

⁴ https://vk.com/wall305119509_530 (дата обращения – 03.11.2021).

дания класса частных собственников. Нельзя говорить о реальном народовластии в условиях, когда народ лишен материальной гарантии народовластия – народного достояния. Земля, недра, газ, нефть, алмазы – в частных руках. Не случайно слова «власть» и «владеть», «обладать» – однокоренные. У кого собственность, у того и реальная власть.

Всякая свобода слова меркнет перед свободой собственности. «Цензуры нет, есть наворованные бабки и боязнь их потерять», – заявил Михаил Задорнов в интервью «Московскому комсомольцу»¹. Сатирик, возможно, сам того не ведая, вскрыл потаенный смысл части 5 ст. 29 Конституции РФ, которая гарантирует свободу массовой информации, а цензуру запрещает. На деле же оказалось, что экономическая цензура страшнее Главлита. Это признает и сатирик Аркадий Инин²: «Политическая цензура в советские времена – детский сад по сравнению с нынешней цензурой денежного мешка»³.

Первым это обстоятельство сформулировал еще в 1994 году Леонид Филатов, актер, режиссер, поэт: «Нынешние идеологические законодатели вколачивают в мозги людей свои мысли еще более активно, чем коммунисты»⁴. В его «Сказе про Федота-стрельца, удалого молодца» есть гениальные строки:

Чтобы нашего Царя не хулили почем зря,
ты все сделай по закону, то есть сделай втихаря!

Многие серьезные нововведения, даже конституционные поправки, и в самом деле реализуются «втихаря» либо с аргументацией, которая полностью скрывает реальный смысл инициативы. Так было, например, с отменой строки «против всех» и избирательного залога, который оставался единственной возможностью регистрации независимых кандидатов в условиях беспрецедентных требований к регистрации по подписям. Так было и с мораторием на смертную казнь, который нам якобы навязал Европарламент. На самом же деле в моратории на смертную казнь были заинтересованы, говоря словами Задорнова, «наворовавшие бабки», и страх понести за это ответственность решил судьбу смертной казни в России, народ которой, если бы этот вопрос был вынесен на референдум, проголосовал бы за отмену моратория на смертную казнь.

Парламент как сердцевина и критерий конституционализма. По мнению Стивена Коэна, «подлинная стабильная конституция вырастает лишь из общего согласия, а не из текста, одобренного лишь четвертью расколотого в противоречиях общества. Сейчас у вас новый парламент. Но настоящий ли он? Этот орган создан в ужасных условиях (...). Это как приемный сын, который не может претендовать на все законные права при рождении (...). Нет реального парламента, а посему нет и политической системы. Только Президент со своей неограниченной властью, который руководит с помощью указов. Каждый день – указы, указы, указы. *Это не демократия. Имена тех или иных политических лидеров еще не значит демократия.* Выборы – тоже еще не демократия. Демократия – это система законов, она строится сильным и стабильным парламентом. Только парламент создает законы, на которых основывается демократия (...). Без сильного парламента не может быть демократии ни у вас в России, ни у нас в США. Парламент – мать демократии»⁵.

Недостатки российского парламентаризма и слабость российского парламента заложены в самой Конституции России. А ней нет реальных форм парламентского контроля над деятельностью Правительства. Правда, одновременно с увеличением срока полномочий Президента с 4 до 6 лет появился институт ежегодного отчета Правительства РФ в Государственной Думе. Данный институт обставлен жесткими регламентными процедурами: думская фракция могла задать не более трех вопросов, направленных в Правительство не позднее, чем за 30 дней до его отчета в Государственной Думе (в Госдуме VII созыва количество вопросов фракции увеличено с трех до пяти). Несомненно, отчет Правительства перед Государственной Думой – важный институт демократии, но нельзя забывать, что само его появление обусловлено некой уступкой федеральному парламенту из опасения, что будут жаркие споры по поводу увеличения срока президентской легислатуры в полтора раза. Одновременное увеличение срока полномочий депутатов Госдумы с 4 до 5 лет обусловлено этой же причиной и представляет собой некую форму политического подкупа по принципу «do ut des» (даю, чтобы ты дал).

На пресс-конференции в декабре 2019 г., как бы подготавливая общественное мнение к грядущей реформе Конституции, Президент РФ от речей о незыблемости текста Конституции перешел к другой риторике, подчеркивая, что за время действия Конституции России в нее вносилось уже порядка пятнадцати поправок⁶. Действительно, если посчитать референдумы по укрупнению некоторых субъектов Федерации, повлекшие соответствующие изменения в главу 3 Конституции РФ, а также крымский рефе-

¹ Портнов Георгий. «Цензуры нет, есть наворованные бабки и боязнь их потерять». Интервью Михаила Задорнова // Московский комсомолец, 26.11-3.12.2014. С. 16.

² Аркадий Инин – автор сценария фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», в котором Костя Иночкин олицетворяет инакомыслие, а начальник пионерского лагеря Дынин в исполнении Евстигнеева – заботливую, наивную и карикатурно высмеиваемую советскую власть.

³ Инин Аркадий. Эссе «Утро России» // Россия, 03.05.2008.

⁴ Филатов Л. Время работает против меня // Новая ежедневная газета, 22.01.1994.

⁵ Коэн Стивен. Парламент – мать демократии // Парламентская газета, 4.10.2000.

⁶ Российская газета. 20.12.2019.

рендум и другие поправки в главы 3-7 Конституции РФ, то действительно полтора десятка поправок на считается. Однако новая риторика Главы государства интересна именно желанием представить грядущую конституционную реформу в качестве точечного изменения конституции, каковая не потребует пересмотра или изменения ее самой. Именно поэтому в Послании Президента Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 года¹ прозвучали слова «потенциал конституции не исчерпан». При этом реформа преподносилась как увеличение полномочий российского парламента и придание конституционного статуса Государственному совету. О президентской власти говорилось лишь в части ужесточения требований к кандидатам на президентский пост, хотя реформа, как впоследствии стало ясно, была инициирована ради решения проблемы «транзита власти» в 2024 году².

Этапы реформирования действующей российской конституции. Если говорить о значимых изменениях Конституции, то есть таких, которые затрагивают статус органов государственной власти, то до реформы 2020 года их было три³, причем они прошли как-то незаметно, если не сказать «втихаря», без особого обсуждения, разве что постфактум итоги каждой такой реформы обсуждались на юридических форумах и конференциях.

Речь идет о первой значимой реформе, озвученной в декабре 2008 года в Послании Президента Д.А. Медведева. Она выразилась в увеличении срока полномочий Президента до 6 лет, Государственной Думы – до 5 лет, а также введении ежегодного отчета Правительства РФ перед Государственной Думой. Это была реформа, инициированная в интересах следующего Президента, ибо увеличение срока президентской легислатуры в полтора раза распространялось не на действующего Президента, а на правоотношения, возникающие после очередных президентских выборов (2012 г.). Всем уже тогда было ясно, кому принадлежало авторство этой инициативы. Вряд ли нужно доказывать и то обстоятельство, что увеличение срока президентской легислатуры в полтора раза есть усиление статуса Президента. При этом увеличение срока полномочий Государственной Думы отнюдь не означает ее аналогичного усиления. Политическая логика здесь обратно пропорциональная: чем реже избирается парламент, тем дальше он от народа и еще более усиливается зависимость каждого отдельного парламентария от своего высокого индемнитета (высокая зарплата, служебные кабинеты и квартиры, транспорт и иное государственное обеспечение, особое медицинское и санаторное обслуживание ит.. п.). Иными словами, увеличение срока полномочий парламентариев было своеобразной формой их подкупа и политической сделки, призванной парализовать их политическую волю при голосовании за увеличение президентской легислатуры.

Вторая значимая реформа состоялась в феврале 2014 г. и заключалась в ликвидации Высшего Арбитражного Суда РФ и наделении Верховного Суда РФ функцией высшей инстанции и для арбитражных судов. Реформа позволила Администрации Президента пересмотреть поименный состав обеих высших судебных инстанций (освободиться от подозреваемых в коррупции судей), а также еще более увеличить зависимость судебной власти от Президента РФ (одновременно федеральным законодательством установлен пожизненный статус председателей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ). Усиление президентской власти, таким образом, несомненно.

В июле 2014 года состоялась очередная реформа, исправившая, наконец, наименование главы 7 Конституции РФ «Судебная власть» на более правильное – «Судебная власть и прокуратура». Но не ради этого нового наименования она была задумана и без всякого обсуждения реализована. Реформа задумана с целью очередного усиления президентской власти в ее влиянии на формирование прокуратуры: изменен порядок назначения и освобождения от должности заместителей Генерального прокурора и прокуроров субъектов Федерации; кроме того, появился институт назначаемых Президентом сенаторов, что также прошло без обсуждения институтами гражданского общества.

Итак, все три реформы связаны с увеличением полномочий Президента, и четвертая реформа 2020 года отнюдь не является исключением.

Конституционная реформа-2020 как подтверждение авторитарного потенциала Конституции 1993 года. Президент презентовал данную реформу как реформу по увеличению полномочий обеих палат Федерального Собрания⁴. Между теми, устройство власти Президент оставил неизменным, лишь укрепив собственный статус. В этом смысле Конституция России действительно не исчерпала свой потенциал суперпрезидентской республики, в которой из классической президентской модели то, что усиливает президента, а из парламентской – то, что ослабляет парламент. В соответствии с этой формулой Президент и усилил собственные полномочия, осуществив это ювелирно – под видом расширения пол-

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 г. // Российская газета. 16.01.2020.

² Боброва Н.А. Конституционная реформа-2020 как решение проблемы «транзита власти» – 2024 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2. С. 3-9.

³ С.А. Авакьян образно называет этапы реформирования российской Конституции «раундами»: Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 года // РГ. 16.01.2020.

номочий обеих палат парламента. Это преподносилось как совершенствование «баланса полномочий» органов государственной власти и принципа разделения властей¹.

Государственной Думе предоставлено право согласования кандидатур министров, за исключением министров силового блока. При этом Президент обязан назначить министрами те кандидатуры, которые предложила Дума. Об этом много говорилось в рамках агитационной кампании за поправки. Между тем, если до реформы Президент обладал правом отправить в отставку Правительство целиком, то в результате реформы Президент получил право отправлять в отставку отдельно премьер-министра и любого министра, причем в любое время. Это нивелирует увеличение полномочий Думы.

Далее. Раньше Президент мог распустить Думу лишь в случае троекратного неодобрения кандидатуры премьер-министра, а теперь появилось еще одно основание: «После троекратного отклонения Государственной Думой представленных (...) кандидатур заместителей председателя Правительства РФ, федеральных министров Президент РФ вправе назначить заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров из числа кандидатур, представленных Председателем Правительства РФ. если после троекратного отклонения Государственной Думой представленных (...) кандидатур более одной трети должностей членов Правительства (...) остаются вакантными, Президент РФ вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы».

С момента принятия Конституции РФ много было споров относительно того, входит ли Президент в исполнительную власть. С.А. Авакьян подчеркивает, что «Правительство в Российской Федерации с самого начала было Правительством Президента, т. е. преданным ему органом»; в стране существует вертикаль исполнительной власти, и «вершиной этой пирамиды является Президент РФ»². То, что Президент фактически руководит исполнительной властью, реформа легализовала: «Президент РФ осуществляет общее руководство Правительством РФ» (п. «б» ст. 83 Конституции).

Иными словами, дополнена изначально взятая за основу российской модели власти французская модель, по которой премьер-министр является «рабочей лошадкой» президента, фактически и юридически возглавляющего пирамиду исполнительной власти (от реализации конституционного права председательствовать на заседаниях правительства до вторжения в сферу компетенции правительства в режиме «ручного управления», что под силу только мобильному и харизматичному президенту).

Е.Ю. Киреева, Л.А. Нудненко и Л.А. Тхабисимова также считают, что «вывод о повышении роли Думы в формировании Правительства РФ представляется не соответствующим действительности, как, собственно, и вывод о расширении полномочий обеих палат Федерального Собрания»³.

Усиление полномочий Совета Федерации также носит декоративно-имитационный характер. Совету Федерации предоставлены полномочия не только по согласованию кандидатур на должности судей Конституционного Суда, Председателя Конституционного Суда и его заместителей, но и право их отставки. Однако инициатором и той, и другой процедуры является Президент (во втором случае – это тоже новое конституционное право Президента). При этом Совет Федерации – в значительной степени зависимый от Президента орган власти. Получается, что новые функции Совета Федерации играют роль ширмы, за которой скрывается фактическое усиление Президента РФ.

Зависимость этой палаты от Президента обусловлена тем, что если раньше в ее составе представителей законодательной и исполнительной⁴ властей было поровну, то начиная с 2014 года, когда была введена «президентская квота» (право Президента назначать 10 сенаторов), усилилась президентская часть.

Президентская квота в Совете Федерации в любом случае обеспечивает перевес влияния Президента РФ на Совет Федерации.

Конституционная реформа-2020 не только увеличила эту квоту в 3 раза, но и ввела монархический институт пожизненных сенаторов, которые еще более усиливают гарантии стабильности президентской власти.

Увеличение полномочий Конституционного Суда в результате последней конституционной реформы также номинально, декорируя завершение его зависимости (возможность отставки судьи, председателя КС РФ и зампреда КС РФ по решению Совета Федерации по предложению опять-таки Президента РФ).

¹ Власова М.А. Принцип разделения властей в свете конституционной реформы-2020 // Енисейские политико-правовые чтения. Сборник научных статей XIII Всероссийской научно-практической конференции. Красноярск. 2020. С. 54-65.

² Авакьян С.А. Конституционное право России: уч. курс в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 2. М.: Норма: ИНФРА-М. 2014. С. 356-357.

³ Киреева Е.Ю., Нудненко Л.А., Тхабисимова Л.А. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 39.

⁴ Представительство глав регионов, по сути, является президентским, поскольку главы субъектов Российской Федерации от ЕР не избираются без одобрения их кандидатуры Президентом. Выборы глав регионов с так называемым муниципальным фильтром – это, по сути, плебисциты по доверию выдвиженцам Президента с заранее предсказуемым результатом. Сбой встречаются редко, да и то в случае победы оппозиционера его, чаще всего, под тем или иным предлогом рано или поздно убирают с губернаторской должности.

Выводы: 1) содержание Конституции РФ предопределено конкретно-историческими условиями, в которых она принималась, и причинами, обусловившими насущную потребность в ней команды Президента РФ Б.Н. Ельцина, что и образует понятие «родовой травмы» российской Конституции и всего российского конституционализма; 2) причинами, обусловившими нуждимость ельцинской власти в новой конституции, является необходимость легализации победы этой власти после антиконституционного переворота 1993 года (Указ № 1400 и расстрел Дома Советов) и легализации проводимой с января 1992 года приватизации; 3) классовая сущность Конституции 1993 года предопределена статьями о частной собственности, поставленной на первое место перед государственной и иными формами собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ), в том числе частной собственности на землю и другие природные ресурсы (ч. 2 ст. 9 Конституции РФ); 4) все четыре конституционные реформы, проведенные в России, были очередным увеличением полномочий Президента РФ, хотя в силу харизматичности личности В.В. Путина этот процесс можно рассматривать и как социальный заказ общества; 5) в Конституции РФ реализована тенденция на низведение роли парламента до некоего совещательного органа при Президенте, демократической декорации, призванной прикрывать видимостью народного представительства механизмы реальной авторитарной власти; 6) принцип разделения власти, и без того своеобразный по первоначальному ее тексту, с каждой новой конституционной реформой усиливал полномочия Президента РФ и, в конечном счете, завершился внеконституционным институтом поручений Президента РФ Государственной Думе со всеми вытекающими последствиями авторитарного «порученческого права»; 7) противоречия, накопившиеся в тексте Конституции РФ в результате ее реформ, исчерпали ее реформаторский потенциал и диктуют необходимость принятия новой конституции, что может произойти в любой момент по воле Президента РФ, в т. ч. в форме Конституции объединенного Союзного государства России и Беларуси.

Власов Константин Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск)

Vlasov Konstantin Aleksandrovich

Candidate of law, associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Khabarovsk)

E-mail: vka-mail@mail.ru

Беликов Александр Павлович

кандидат юридических наук, Ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (г. Москва)

Belikov Aleksandr Pavlovich

Candidate of law, Scientific secretary of the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow)

E-mail: a.belikov13@mail.ru

**Общая характеристика установленного порядка управления
как объекта административно-правовой охраны**

**General characteristics of the established management procedure
as an object of administrative and legal protection**

Аннотация. В статье на основе анализа действующего законодательства, современной и ставшей фундаментальной научной литературы рассматриваются вопросы, связанные с пониманием сущности института порядка управления в качестве объекта охраны административными средствами.

Дана характеристика сущности порядка управления как правового феномена, исследованы понятия его охраны и защиты. Приведены свойства административной ответственности за покушение на государственный порядок управления, подчеркивается ее двойственный характер.

Ключевые слова: государственное управление, порядок управления, административная ответственность, наказание, охрана, защита

Abstract. Based on the analysis of the current legislation, modern and now fundamental scientific literature, the article discusses issues related to understanding the essence of the institution of the management order as an object of protection by administrative means.

The characterization of the essence of the management order as a legal phenomenon is given, the concepts of its protection and protection are investigated. The properties of administrative responsibility for an attempt on the state management order are given, its dual nature is emphasized.

Keywords: public administration, management procedure, administrative responsibility, punishment, security, protection

---

Необходимость административно-правовой защиты общественных отношений, связанных с государственным управлением связана со значимостью для государства, общества и отдельного гражданина, наличия устойчивой, упорядоченной системы правоотношений, посредством которых реализуются права и обязанности всех субъектов. Установление и поддержание данной системы в определенном состоянии, то есть заключение некоего баланса интересов между интересами общества, госу-

дарства и личностью, есть основная задача государства. Таковой баланс выражается в определении формы и содержания каждого правоотношения, оптимально выбранного средства и метода правового регулирования, способа охраны. Это не только статическая функция, но и динамическая, поскольку работоспособность любой системы определяется не теми общими правилами и принципами, а тем как они фактически реализуются и какой результат получают субъекты в результате соблюдения и выполнения властных предписаний.

Государственное управление является неотъемлемой частью современной социальной системы, которая регулируется нормами административного права. В науках управленческого цикла управление понимается как «деятельность по руководству чем-либо, основное предназначение которой заключается в обеспечении сохранения и функционирования определенной структуры, реализации ее жизнедеятельности»¹.

В теории государственного управления сложилось несколько теорий, раскрывающих основы государственного управления (тейлоризм, бюрократическая модель Макса Вебера, теория человеческих отношений, системный менеджерский подход). Каждая из них позволяет оценить с различных позиций роль государственного управления в жизнедеятельности современных государств. Но следует принять за основу лишь тот факт, что государственное управление не следует сводить к организационно-распорядительной деятельности, придающей определенным действиям желаемую и необходимую направленность, а рассматривать его как комплексное государственно-правовое явление и соответственно изучать не с механистического, инструментального, технологического подходов, а с позиции юридической науки. И в данном случае следует обратиться к административному праву, как к юридической науке об управлении.

Конечно, нормы права, как таковые, все предназначены для установления и поддержания определенного порядка. Но необходимость административно-правового регулирования установленного порядка осуществления власти, по поводу установления и поддержания общей модели поведения (государственного управления) вызвана тем, что в результате принятия специальных правовых актов формируется ясность и стабильность правовых отношений между органами управления и гражданами, разрешаются возникающие административные споры (в широком смысле) и устанавливается баланс интересов. В условиях формирования системы социального контроля за соблюдением дисциплины и поведением граждан, перед органами государства ставится задача снижения конфликтных ситуаций, формирование упорядоченности общественных отношений. В результате сложившейся упорядоченной системы отношений создаются определенные правовые и фактические детерминанты обуславливающие удовлетворение потребностей субъектов правоотношений, устанавливается четкость их правового положения в порядке возможных действий.

Профессор Г. В. Атаманчук, определял институт государственного управления как воздействие государства через его органы на общественную и личную сферы жизни людей. Выделяя при этом характеристики такого воздействия. Оно должно организовывать (то есть определять систему и роли), регулировать (устанавливать правила поведения) и фактически оказывать воздействие (достижение конкретного результата в правовой действительности). Целью управленческого воздействия видел в придании жизни людей желаемого порядка (определенного состояния или его изменения) обеспечиваемого государственной силой².

Профессор Ю. Н. Стариков предложил узкий смысл понимания – как исполнительную и распорядительную административную деятельность осуществляемую уполномоченными органами государства и в широком смысле как собственно регламентационную деятельность государства как такового³.

Обращаясь к самой формулировке понятия установленный порядок управления, следует указать на существование трех подходов к пониманию правового института государственного управления. Опираясь на проведенный анализ М. В. Костенковым, А. В. Куракиным и А. В. Павлюком⁴ можно констатировать, что в административном праве государственное управление понимает как «целенаправленное упорядочивающее воздействие, реализуемое в связях между субъектом и объектом и осуществляемое непосредственно субъектом управления, в качестве которого выступает исполнительная власть и ее органы»⁵. Административное право придает сфере государственного управления легитимные основы основных инструментов правового обеспечения. А следовательно, под порядком государственного управления следует понимать регламентационную организацию нормами материального и процессуального права деятельности государственных органов (законодательно закрепленную, обеспечиваемую и охраняемую модель деятельности).

---

¹ Кодзокова Л.А. Понятие управления как сферы применения норм административного права // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 120.

² Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления. М., 2014. С.62.

³ Административное право: Учеб. для вузов /Д. Я. Бахрах, Б. В. Российский, Ю. Я Стартов. М., 2005. С.29-30.

⁴ Костенников М.В., Куракин А.В., Павлюк А.В. К вопросу о понятии и методах государственного управления в административном праве // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2014. № 2. С.43-65.

⁵ Братановский С.Н., Братановская М.С. Правовые основы управления. М., 2016. С.187.

В нормативных правовых актах понятие государственного управления не нашло своего отражения. В Конституции РФ понятие государственного управления соотносится с понятием исполнительной власти, т. е. ветви государственной власти, осуществляющей деятельность по управлению делами государства и общества, включающая в себя систему государственных органов, наделенных распорядительными полномочиями¹.

В ст.3 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» дано такое определение: «Государственное управление – деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»².

Для понимания сущности порядка управления в исследуемой сфере рассмотрим категории «порядок» и «государственное управление».

Интересно мнение И. И. Корякина, К. Д. Корякина, что государственное управление это основной предмет административного права, представляющий собой деятельность государственных органов, носящая исполнительно-распорядительный характер по организации социальных процессов в обществе³. Указание на предмет права констатирует, что данная исполнительная деятельность полностью подчинена закону, то есть представляет собой государственную функцию материализующуюся в виде упорядоченной правом системы обязательных действий определенных правовыми актами и выполняемых уполномоченными лицами.

Порядок государственного управления, Ю. Н. Демидовым, воспринимался как упорядоченный комплекс публично-правовых институтов, гарантирующих надлежащее функционирование государственной власти⁴. В свою очередь, А. М. Харланова, продолжая его размышления, под порядком государственного управления понимает систему политико-правовых институтов, обеспечивающих нормальное функционирование государственной власти, поддержание ее статуса (авторитета власти), а также реализацию прав и законных интересов всех субъектов общественных отношений⁵.

Отметим, что сущность такой категории как «порядок», в словарной литературе упоминается как «ясная и четкая организация какой-либо сферы деятельности». В качестве правовой категории «порядок», в первую очередь это состояние, «положение вещей» обозначающий статическое и динамическое выражение регулятивной функции права.

Для административного права важно представление о «порядке» как о способе или методе упорядочении действий, связанными с осуществлением государственного управления.

Порядок управления в его содержательном отношении отражает механизм функционирования государственной власти, регламент выполнения отдельных процедур (государственная регистрация по месту жительства, выдачи и замены паспортов, регистрации транспортных средств и др.).

В понятие порядка управления следует присовокупить и поддержание высокого авторитета органов государственной власти. Тоже касается всей организации власти как публичной системы. То есть это система органов и организаций, должности (совокупность полномочий, прав и обязанностей), права граждан, право (как модель регуляции) и т. д.

В административном праве порядок управления следует рассматривать как объект административно-правовой охраны и защиты. В главе 19 КоАП РФ⁶ охраняемым объектом выступает порядок управления.

Правовое (юридическое) обеспечение охраны и защиты порядка управления средствами административного права состоит в возможности воздействия на систему государственного управления административно-правовыми средствами. При этом важно разграничить сущность понятий «охраны» и «защиты» установленного порядка управления, поскольку отечественное право по-разному их трактует.

Охрана порядка управления представляет собой обеспечительный правовой механизм, представляющий собой совокупность гарантированных государством стимулирующих и ограничивающих средств (юридических инструментов), позволяющих участнику правоотношений беспрепятственно пользоваться определенным социальным благом в рамках правомочий дозволительного характера, составляющих содержание прав, свобод и законных интересов⁷. Для реализации охранительных мер, органы исполни-

¹ Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.

² Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

³ Корякин И.И., Корякин К.Д. Административное право. Якутск, 2018. С.8-12.

⁴ Административная деятельность ОВД: учебник для среднего профессионального образования / М. В. Костеников [и др.]; ответственные редакторы М. В. Костеников, А. В. Куракин. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. С.309.

⁵ Харланова А.М., Чернышова А.С. Административные правонарушения против порядка управления // Проблемы государственно-правового строительства в современной России: анализ, тенденции, перспективы: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ. Курск, 2019. С.293.

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁷ Субочев В.В., Шериев А.М. Юридические дозволения и особенности их правового обеспечения в современной России. // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3(36). С.180-187.

тельной власти создают такой механизм управления, который способствует беспрепятственной реализации прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц¹.

Основная цель охраны государственного управления состоит в обеспечении беспрепятственного удовлетворения субъектом своих интересов способами, предусмотренными дозволительным правовым инструментарием.

Задачами охраны государственного управления являются:

а) обеспечение требуемого, адекватного ситуации регулятивного правового воздействия на общественные отношения, отвечающего общественным задач и потребностям отдельной личности;

б) обеспечение результативности «прочих» юридических средств, используемых в механизме правового регулирования. Охрана достигается, к примеру, принятием административных регламентов, законных мер профилактики правонарушений².

Защита установленного порядка управления административно – правовыми средствами представляет собой обеспечительный правовой режим существования юридических дозволений, заключающийся в деятельности компетентных (управомоченных) лиц либо органов, способствующей реализации субъективных прав, свобод и законных интересов в случаях, когда они нарушаются, оспариваются, либо существует реальная угроза нарушения последних, а также связанный с восстановлением нарушенных прав, свобод и законных интересов либо добровольным удовлетворением требований обязанными субъектами. К способам защиты можно отнести административную ответственность за нарушение установленного порядка управления³.

Административная ответственность в отношении лиц, нарушающих государственный порядок управления, наделяется следующими признаками:

1. это государственное принуждение, базирующееся на организованной государственной силе известного объема, пределов реальных методов и средств воздействия к посягающим на установленный порядок управления⁴;

2. обусловленное позитивным правом, а именно только за определенные виды деяний и только в строго определенном процессуальном порядке⁵.

3. в силу принятой федеративной формы государственного устройства, государственное управление осуществляется на двух уровнях, следовательно, нормы устанавливающие ответственность будут содержаться не только в общефедеральных актах (КоАП РФ), но и в законах субъектов Российской Федерации, в пределах разграничения предметов ведения и индивидуальных особенностей регионов.

4. обязанность применять меры защиты, в том числе путем привлечения к административной ответственности, возложено на органы исполнительной власти и суд. Органы исполнительной власти, уполномоченные осуществлять контроль и надзор в административном праве, уполномочены осуществлять правозащитные меры.

Среди органов исполнительной власти можно выделить органы внутренних дел, которые уполномочены осуществлять охрану и защиту установленного порядка управления в достаточно широком спектре сфер жизнедеятельности общества⁶. Суд не только рассматривает дела о нарушении установленного порядка управления, но и административные споры в этой сфере.

5. Целями административной ответственности в сфере порядка управления являются:

– карательную (как некую штрафную публичную реакцию общества в лице государства за причиненный вред);

– превентивную (как информационно-воспитательную, оповещает наличием санкции об охране правоотношения, размером и видом наказания определяет значимость правомерного поведения, заставляя понять ценность существующего порядка, заложенные в норме, одуматься и принять общественную волю как собственную);

¹ Егоров В.Ю., Желтобрюх А.В. Причины и условия, способствующие совершению правонарушений, посягающих на общественный порядок, общественную безопасность и установленный порядок управления // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 2 (18). С.125.

² Субочев В.В., Шериев А.М. Юридические дозволения и особенности их правового обеспечения в современной России. // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3 (36). С. 180-187.

³ . Авдейко А.Г., Газизов Д.А. Реформирование законодательства об административных правонарушениях // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 454.

⁴ Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С.106.; Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1977. С.23.

⁵ Административное право / Под ред. Ю.М. Козлова. -М., 1968. С.97; Якуба О.М. Административная ответственность. М., 1972. С. 71.; Ямпольская Ц.А. Об убеждении и принуждении в советском административном праве // В сб.: Вопросы советского административного и финансового права. М., 1952. С.167-169.; Россинский Б.В. Административная ответственность. Курс лекций. 2-е изд. М.: Норма, 2009. С.13.

⁶ Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7614.

- правосстановительную (реализация охраны правоотношений восстанавливает баланс);
- правокомпенсационную (компенсация ущерба причиненного деликтом)

Наличие в совокупности всех этих целей у административной ответственности в сфере обеспечения порядка управления создает необходимые гарантии реализации и защиты законных прав и интересов участников административно-правовых управленческих отношений.

6. Административная ответственность в сфере обеспечения порядка управления имеет двойственный характер: с одной стороны, она может рассматриваться как самостоятельный правовой институт, а с другой – как составная часть, элемент системы организации управления и контрольно – надзорных отношений¹.

Таким образом, порядок управления выступает объектом административной правовой охраны и защиты. Применительно к административному праву можно утверждать, что речь идет, прежде всего, о ясной и четкой организации государственного управления, в том числе и о способе (методе) осуществления (реализации) управленческой функции органов государственной власти. Для охраны и защиты в административно-деликтном законодательстве сформирован комплекс норм, позволяющих привлечь к ответственности лиц, препятствующих выполнению органами исполнительной власти задач государственного управления.

---

¹ Пантелеев В.Ю. Проблемы повышения эффективности применения административного законодательства в профилактике правонарушений. М., 2018. С.129.

Денисов Сергей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета г. Екатеринбург

Denisov Sergey Alekseevich

candidate of Legal Sciences, Associate Professor Associate Professor of the Human Rights Department of the Faculty of Law of the Humanitarian University of Yekaterinburg

E-mail: Sa-denisov@yandex.ru

Иновации в административных правовых системах

Innovations in administrative legal systems

Аннотация. Административные правовые системы оказывают сопротивление внедрению в них таких институтов, как республика, демократия, правовое государство. Они имитируют инновационные процессы. Внедрение техники здесь направлено на усиление контроля административного класса за населением. Право административного общества мешает развитию экономики страны. Юридическая наука должна искать средства и приемы внедрения инноваций в правовую систему.

Ключевые слова: административная правовая система, инновации, имитация инноваций, препятствия инновациям, внедрение инноваций

Abstract. Administrative legal systems resist the introduction of such institutions as the republic, democracy, and the rule of law. They mimic innovation processes. The introduction of technology here is aimed at strengthening the control of the administrative class over the population. The right of administrative society hinders the development of the country's economy. Legal science should look for means and techniques for introducing innovations into the legal system.

Keywords: administrative legal system, innovation, imitation of innovation, obstacles to innovation, introduction of innovations

---

Административными автор называет правовые системы, обеспечивающие власть административного класса в экономической, политической и духовной сфере жизни общества¹. Эти системы возникают в административных обществах² и поддерживаются административным государством³.

Термин «инновации» возник в экономике для выявления причин, способствующих ее подъему⁴. Его можно применять для изучения динамики правовых систем, но после некоторой адаптации. В данной статье под инновациями в правовой системе понимается процесс внедрения в правовую систему новых институтов (норм и отношений). Инновации могут быть также в организации юридической деятельности: правотворчестве, систематизации права, его реализации. Видом инноваций является внедрение техники (например, компьютерной) и технологий в юридическую жизнь. Й. Шумпетер обращал внимание на то, что в инновации важно не изобретение, а внедрение его в практику и получение от этого внедрения реальных результатов. На макроуровне это ведет к переходу на новый уровень развития общества⁵.

Для конституционалиста первейшее значение имеют инновации, заключающиеся во внедрении в общественную жизнь конституционных институтов: политического плюрализма и многопартийности, демократии, республики, федерации, правового государства. На макроуровне эти конституционные инновации означают переход к конституционному строю, а именно к социократии и верховенству прав и свобод человека и гражданина. Европа с большим трудом внедряла у себя эти институты на протяжении XIX – XX веков. Переход к этим институтам административного общества означает отказ от администра-

---

¹ Денисов С. А. Административизация правовой системы. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2005. 544 с.

² Денисов С. А. Административное общество. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. С. 24–39.

³ Денисов С. А. Общая теория административного государства. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2010. С. 147–164.

⁴ Шумпетер Йозеф. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шумпетер,_Йозеф (дата обращения: 07.08.2020).

⁵ Шумпетер Йозеф. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шумпетер,_Йозеф (дата обращения: 07.08.2020).

тивной правовой системы и замену ее гражданской. Административное общество стремится к самосохранению и подменяет инновационную деятельность ее имитацией¹.

Подделки под инновации (симулякры) могут выглядеть лучше, чем реальные инновации. Так, Англия ввела у себя республиканскую форму правления и власть парламента, внешне оставаясь монархией. Административные государства, наоборот, провозглашают в основном законе республику, но в действительности, сохраняют свою средневековую монархическую форму правления.

Имитация инновации чаще всего производится с помощью «приклеивания» новых названий к старым политико-правовым институтам. Монарха называют президентом, но власть его по-прежнему передается по наследству от отца к сыну (Азербайджан, Северная Корея, Сирия), или завоевывается в ходе внутриаппаратной борьбы (Туркмения). Совет при правителе (в исламских странах – шура) получает название «парламент». Органы расправы, формируемые правителем, получают название «органы правосудия», репрессивные органы – правоохранительные. Старое, как мир, патерналистское государство теперь называют социальным.

Для обозначения перехода от господства государства над обществом к господству общества над государством почти во всех странах приняты нормативные акты под названием «конституция». Зачастую, это неконституционные или мнимо конституционные нормативные акты², не соответствующие идеалам конституционализма. Это означает, что они не предоставляют свободы обществу и ограничивают права его членов. Это проявляется в том, что они не мешают одному человеку пожизненно править страной. Они могут декларировать разделение властей, и одновременно содержать нормы, его устранившие.

Видимость модернизации правовой системы создается путем принятия формального конституционного акта, нормы которого не имеют юридической силы. Это пустые декларации, обещания, которые не исполняются или исполняются формально либо дозированно. Эти нормы не имеют прямого действия и легко нейтрализуются с помощью особого механизма нейтрализации норм права³.

Представляется, что правовая система идет по пути инноваций, помогает «служилая интеллигенция». Она может уверять всех наблюдателей (внешних и внутренних), что страна уже решила все инновационные задачи: перешла к демократии, республике, правовому государству, при этом вуалируя реальную правовую жизнь общества и выдавая имитационные институты за работающие.

Для имитации инновационной деятельности могут производиться определенные действия, например, с целью демонстрации политического плюрализма в стране могут создаваться несколько «партий-подсадок», обозначающих наличие оппозиции. В рамках имитационной деятельности следует выделять дозированную и ритуальную реализацию норм права⁴. Например, для изображения свободы массовой информации в стране может допускаться несколько действительно независимых СМИ, не имеющих значительной аудитории (нечто вроде показательных колхозов в СССР). При ритуальной реализации норм соблюдаются внешние процедуры деятельности в отсутствии их содержания. Представительные органы делают вид, что самостоятельно принимают законы страны, внешне соблюдая процедура соблюдается, при этом фактически всего лишь оформляют волю правителя в виде нормативных правовых актов. Подобного рода «ритуальной» деятельностью могут заниматься избирательные комиссии, суды, прокуратура.

Правящий класс административного общества стремится к заимствованию в современных странах техники и технологий, но не системы отношений в обществе. Отсюда следует узкое понимание понятия «инновация» как внедрение технических (сегодня, компьютерных) устройств во все сферы жизни⁵. При этом игнорируется то, что инновации включают в себя обновление сфер жизни, переход к новым общественным отношениям. Европейский мир стал передовым не в силу внедрения у себя технических устройств, а в силу перехода к новой буржуазной системе отношений с ее рынком и конкуренцией. Техника в нем появилась как результат конкуренции между производителями.

Административные страны не покидают мечта заимствовать на западе только результаты капитализма, но ни в коем случае не допускать у себя внедрение общественной системы, дающей эти «плоды». Встречаются высказывания, что «руководители административных государств хотят иметь молоко, но не желают заводить коровы, его дающей»⁶. В результате административные правовые и обществен-

¹ Денисов С. А. Имитация конституционного строя: в 4 кн. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018–2019.

² Денисов С. А. Неконституционные нормы конституционных актов // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2013. № 1. С. 4–14.

³ Денисов С. А. Реальное государственное право современной России: монография: в 3 т. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. Т. 3. С. 338–348.

⁴ Денисов С. А. Ритуальная и дозированная реализация прав человека при имитации конституционного строя // Верховенство права: человек в государстве: сб. науч. ст., докладов преподавателей, ученых, практиков – участников Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф., 20 апреля 2017 г.: в 2 ч. Ижевск: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. Ч. 1. С. 96–101.

⁵ Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право в сфере инноваций и информационных технологий. URL: <https://poisk.ru/s56207t9.html> (дата обращения: 05.08.2020)

⁶ Почему в России так хорошо изобретают и так плохо внедряют инновации. URL: https://yandex.ru/video/preview/?filmId=9368157936483636942&p=1&reqid=1596885214549845-750402745900430651100108-vla1-1426&suggest_reqid=404767270148372253652778392696804&text=общие+проблемы+внедрения+инноваций (дата обращения: 08.08.2020)

ные системы могут обеспечить лишь догоняющее развитие, в связи с чем они не могут стать двигателями мирового прогресса.

Служилая интеллигенция административных обществ по старинке надеется на государство, которое должно заставить всех внедрять новую технику и технологии. Уроки застоя в СССР ее ничему не научили¹. С помощью норм права государство обяывает подчиненные им субъекты заниматься инновационной деятельностью или создает стимулы для нововведений. В результате, как показывает практика, предприятия и организации имитируют инновационную деятельность, чтобы освоить выделенный на инновации бюджет или получить выгоды (например, налоговые), предусмотренные стимулирующими нормами. Результат таких инноваций может быть нулевой или даже отрицательный.

Правители административных государств произносят правильные слова о необходимости инновационного развития страны, но по факту только обозначают деятельность в этом направлении. В СССР о научно-техническом прогрессе постоянно говорилось на съездах КПСС². Элементы данного пути можно обнаружить в некоторых документах современной России³.

Заимствованная техника должна укреплять власть административного класса, служить эксплуатации и подавлению общества. Подобным образом в императорской России поступал Петр I. Он построил заводы по образцу западных стран, но прикрепил к ним крепостных крестьян. В советское время Сталин произвел индустриализацию страны, но прикрепил рабочих к заводам. В настоящее время в России идет активный процесс заимствования западных технологий и иногда их использование (может быть, и без специального намерения) ограничивает права граждан путем определения места их пребывания по гаджетам⁴, через контроль за протестующими (внедрение технологии распознавания лиц)⁵. Освоение репрессивными органами компьютерных технологий позволяет эффективно выявлять лиц, решивших воспользоваться свободой слова для критики системы и отдельных лиц.

Либеральная общественность надеялась, что с приходом интернета рухнут все авторитарные системы, но правящая группа успешно использует каналы связи для навязывания людям выгодной ей идеологии. Государственный аппарат пытается заполнить информационное пространство в сети «нужной» информацией. Для этих целей выделяются платные тролли, которые маскируются под выразителей общественного мнения⁶. Как следствие внедрение интернета привело к увеличению плотности общения населения между собой.

Электронные технологии могут обеспечивать имитацию демократии, вводить высокотехнологичные «свистки для выпуска пара». Население, как известно, может обращаться к руководству страны с петициями в электронном виде⁷, не выходя на улицу.

Ряд электронных технологий, используемых в конституционных странах для удобства населения, в административных правовых системах используются в достижении прямо противоположенных целей. Электронное голосование в демократических странах увеличивает возможности граждан участвовать в принятии решений, что в административных обществах может быть использовано для упрощения фальсификации результатов голосования.

Заимствованным в демократических странах институтам в административных правовых системах придается иное значение. Так, в демократических странах печать, радио, телевидение использовались для роста информированности граждан о жизни общества, в то время как в административных государствах эффективно использовались для создания тоталитарных обществ, для навязывания населению единой идеологии. Система образования в демократических странах служила укреплению прав человека, росту его способности защищать свои права, а в административных правовых системах образование направлено на индокринацию населения, формированию верноподданных.

Иногда право используется административным классом для открытого воспрепятствования проникновения в страну отдельных новых технологий передачи информации. Так, например, в Северной Корее запрещено использование интернета⁸; в Китайской Народной Республике (далее – КНР) – система

---

¹ Устинова Г. Х. Инновационный путь развития России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-put-razvitiya-rossii-2> (дата обращения: 05.08.2020).

² XVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет: в 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 1. С. 30, 46–51.

³ Переход на инновационный путь развития по оценке В. В. Путина. URL: <https://vikent.ru/enc/6667/> (дата обращения: 05.08.2020).

⁴ Не спрятаться, не скрыться. URL: https://zen.yandex.ru/media/news_hot/ne-spriatatsia-ne-skrytsia-novyj-zakonoproekt-odobrennyi-gosdumoi-5d9631f82f1e4400ae8ea2ab (дата обращения: 05.10.2019).

⁵ Придут ли Россия и Запад к тотальному электронному контролю над населением, по примеру Китая. URL: <https://www.kp.ru/daily/27062.5/4130449/> (дата обращения: 08.08.2020)

⁶ Платный троллинг. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Платный_троллинг (дата обращения: 30.12.2018).

⁷ О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

⁸ Интернет в закрытой стране: Опыт Северной Кореи // <https://habr.com/ru/company/ua-hosting/blog/247395/> (дата обращения: 29.11.2019).

Firewall¹, государствах Центральной Азии² введена жесткая цензура. Людям не доступна значительная часть информации, имеющаяся в мировой паутине. Отдельные технологии по контролю за информацией, поступающей из сети, внедряются в России³. Здесь также могут появляться препятствия для анонимного финансирования деятельности оппозиции путем краудфандинга⁴.

Нельзя отрицать, что некоторые технические инновации в юридической сфере реально обеспечивают реализацию интересов населения. К этому, например, относится большая открытость судов, возможность электронной переписки с аппаратом. Но нововведения никак не изменяют характер судебной системы, встроенной в единый административный государственный аппарат. Крупные предприниматели не верят в беспристрастность судов административных государств и продолжают обходить их стороной, разрешая свои конфликты в судах Англии. В отношении членов оппозиции суды и при электронном документообороте работают как репрессивная машина. Такая инновация, как независимый суд в административной правовой системе все еще не внедрена. Органы, не подконтрольные обществу и независимому суду, раньше осуществляли отписки по обращениям через почту, а теперь в электронном виде.

Правящая группа на деле пожертвовала интересами средней бюрократии. Введение электронного правительства лишает коррупционного дохода огромное количество мелких чиновников. При этом это не снижает коррупции в верхних эшелонах власти. Население, освобожденное от мелких поборов со стороны чиновников, начинает больше доверять правящей группе, представителей которых она видит только по телевизору.

Административные правовые системы могут похвастаться инновационными приемами сокрытия старых институтов. Большевики первыми придумали назвать возврат к азиатскому способу производства, типичному для Древнего Востока, революционным прорывом к социализму. Фактически они осуществили консервативную революцию. Их инновацию затем внедрились у себя в несколько усовершенствованном виде в Италии, Германии, Испании, Португалии. Данная инновация хорошо приживалась в отсталых странах Азии и Африки. Эта базовая инновация в защите административного строя для мира представляется как инновационный тупик. Она имела значительный отрицательный эффект, стоивший человечеству несколько миллионов жизней убитых, замученных в лагерях.

Заслугой идеократической правовой системы (подвид административной правовой системы) является внедрение идеологии вместо старой религии. Вместо рая на небесах обещание построить рай на земле. Вместо Бога – объективные законы развития общества. Но в основе та же вера, тот же фатализм, то же беспрекословное подчинение «апостолам» и борьба с отступниками (еретиками).

Инновация, которая заслуженно принадлежит России, создание такого политико-правового института, как партеобразное объединение бюрократии и ее клиенты (ПОБиК), получившее название «партии нового типа»⁵. Эта инновация позволила продлить жизнь административной правовой системе почти на целое столетие. Она была успешно внедрена во многих странах Азии и Африки и по-прежнему дает свои плоды в КНР.

Можно привести инновации в области государственного права более мелкого масштаба. В средневековые нормы права откровенно закрепляли пожизненную власть монарха. Инновацией XX века является декларация республики и продление власти правителя через систематически проводимые плебисциты доверия ему. Глава Республики Беларусь со свойственной ему прямотой отменил ограничение сроков своего пребывания на должности Президента Беларуси. Э. Рахмон правит Республикой Таджикистан уже 26 лет, имея в Конституции ограничение сроков его пребывания у власти. Он просто время от времени вносит изменения в Конституцию Республики Таджикистан, в соответствии с которыми срок пребывания на должности Президента обнуляется.

Со времен СССР правящая группа «рисует» в качестве результатов проводимых управляемых выборов колоссальную явку избирателей и абсолютную поддержку представителей правящей группы (иногда 99 %). Однако в современных условиях от имитаторов конституционного строя требуется создание видимости наличия в стране многопартийности, политического плюрализма. Потребовалось внедрение инновации в технологию подведения итогов управляемых выборов. В качестве идеального результата

¹ Межсетевой экран. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%8D%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%BD (дата обращения: 29.11.2019).

² Интернет в Туркмени. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82_%D0%B2_%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 29.11.2019).

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 1 мая 2019 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. Ст. 2214.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: федеральный закон от 2 августа 2019 № 264-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4423.

⁵ Денисов С. А. Функции партеобразного объединения бюрократии и ее клиенты // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 26 апреля 2019 г.). Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2019. С. 112–118.

правитель в ходе плебисцита доверия должен набирать 60–70 % голосов избирателей. При этом он имитирует наличие демократии и оппозиции в стране. Эта инновация внедрена уже во многих административных государствах.

Успешно действующей инновацией в политике и государственном праве является организация власти в КНР, где олигархическая группа приняла решение усовершенствовать немецкий путь развития, сохранив политическую и идеологическую власть над обществом, искусственно введены буржуазные отношения в экономической сфере. Результатом является экономическое чудо. Еще в 1970-е годы уровень благосостояния граждан КНР был очень низок, измученной бесплодными коммунистическими экспериментами. За 50 лет инновационной политики китайской олигархии объем внутреннего валового продукта КНР вырос до объема США.

Новаторство в административных обществах проявляют консерваторы. Они ищут свой особый путь, который позволил бы им сохранить милый их душе «вчерашний день», изобретают новые формы старой административной правовой системы и ее элементов (социалистическая демократия, африканская демократия, суверенная демократия).

Для административных правовых систем характерна неконституционная экономика, где право препятствует развитию бизнеса. Вместо гражданского права доминирует административное. При этом гражданское право трансформируется в хозяйственное с существенным элементом действия метода субординации, с субъектом в виде государства. Государство здесь остается основным хозяйствующим субъектом. Частная собственность, как при феодализме, носит условный характер: ее развитие наблюдается только при согласии корпорации бюрократии.

В целом административное государство является главным врагом развития экономики, в том числе инноваций в ней, подавляя развитие инвестиционных проектов бизнеса на своей территории.

В связи с этим наблюдается тенденция к выводу полученной предпринимателями прибыли за границу как легальными, так и незаконными способами. Оно убивает желание бизнеса вкладывать деньги на территории, которую контролирует. Отсутствие уверенности в том, что сегодняшние собственники сохраняют свой бизнес завтра, ведет к экстенсивной форме эксплуатации существующих предприятий и природных ресурсов. «Отечественные фирмы практически не обращаются к научным организациям и вузам как к источникам информации об инновациях» – констатируют исследователи России¹.

Этатисты требуют, чтобы государство создавало правовые льготы для тех, кто инвестирует в инновации. Но этими льготами пользуется в основном клиентела бюрократии. Они поддерживают неэффективный бизнес, подавляя естественные процессы рынка, а вместе с ним – стимулы к инвестициям вообще, а не только в инновации. Через налоги государство отнимает у предпринимателей заработанное. А без денег не может быть и инноваций. Этатисты ссылаются на то, что в развитых государствах налоги больше, чем в развивающихся, и это не мешает их инновационному развитию.

Капитализм с его конкуренцией на рынке и частной собственностью систематически отбраковывает старое и вводит новое. В административном обществе это можно делать только в ручном режиме. Поэтому инновации хорошо идут в области вооружения, которому административные государства уделяют большое внимание, но не могут систематически и стихийно проходить в других отраслях. В России создан ряд государственных корпораций, которые должны заниматься инновационной деятельностью. Примером является государственная корпорация «Ростехнологии»². Эти корпорации эффективно осваивают бюджетные средства, но успехами в инновациях похвастаться не могут. Так, в 2001 году принято постановление Правительства от 29 декабря 2000 года № 1021 «О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке и платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации», утвердившее Федеральную целевую программу «Развитие гражданской авиационной техники России на 2002-2010 годы и на период до 2015 года». На реализацию программы потрачены миллиарды рублей³. К сожалению, не все поставленные задачи удалось выполнить.

Инновации рождаются в конкурентной среде. Административные государства могут декларировать запрет монополизации рынков (например, ч. 2 ст. 34 Конституции Российской Федерации), но в действительности способствуют укреплению монополий, связанных с властными субъектами. Известно, что предприятия монополисты, поставленные вне конкуренции, не заинтересованы в развитии производства путем инноваций. Их прибыль формируется за счет ножиц цен. Крупные монополии, ориентирующиеся на экспорт, постоянно лоббируют снижение курса национальной валюты и за счет этого снижают свои затраты.

Особые проблемы с инновациями возникают в сырьедобывающих странах. Административное государство поддерживает сырьедобывающие компании, искусственно увеличивая их прибыли путем рос-

¹ Кузнецова Т. Е. Институциональные реформы в секторе исследований и разработок в России: снова в начале пути? // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. М., 2011. Кн. 3. С. 575.

² О государственной корпорации «Ростехнологии»: федеральный закон от 23 ноября 2007 г. № 270-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48 (2 ч.). Ст. 5814.

³ Цена независимости. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/01/21/ssj/> (дата обращения: 20.09.2020)

та тарифов на производимые ими продукты¹. От этого страдают перерабатывающие отрасли, которые в основном и занимаются инновациями.

В мире продолжается борьба двух систем: частнособственнической (конституционной) и административной (доконституционной или мнимо конституционной). Буржуазные страны, производящие основную долю инноваций в мире, не собираются делиться ими со своими противниками. Международное право стоит на защите авторских прав. Общества, отказывающиеся от конституционных преобразований, обрекают себя на вечное отставание в своем развитии.

Изучение административных правовых систем показывает: право не может оторваться от характера общества и государства. Конституция может закрепить в стране демократию. Но если члены общества не желают стать гражданами своей страны, а ищут опекуна, который будет решать все их проблемы, то правовая система только внешне будет выглядеть цивилизованной. С помощью конституционного акта она просто скроет средневековый характер общества. Если государство продолжает носить авторитарный характер, то закрепление в конституции страны прав и свобод человека, не сделает их реальностью. Декларация верховенства конституции и ее прямого действия не может отменить ее декларативного характера.

Из теории инноваций известно, что их инициаторами, как правило, является меньшинство – элита – люди способные мыслить. В то время как масса обычно консервативна: «Сопrotивление слишком быстрым переменам является естественным свойством человеческой психологии», – пишет А. Ю. Сунгуров². Старое и знакомое рассматривается как более безопасное, чем новое, хотя и привлекательное, так как пугает своей неизвестностью. Стремительное развитие, быстрые перемены в образе жизни и повседневной деятельности сопровождаются стрессами, напряжением и усталостью. Люди чувствуют растерянность и страх перед грядущим. В наибольшей степени сопротивляются всяким инновациям традиционные общества. Консерватизм возрастает в связи с неудачно проведенными реформами. Наиболее инновационные для России 1990-е годы негативно вспоминаются населением.

Тяжело проводить инновации, касающиеся общественных отношений, в странах, переживающих постимперский синдром. Элиты и масса с ностальгией вспоминают имперское величие страны и вместо того, чтобы двигаться вперед, прилагают массу бесплодных усилий, чтобы вернуться назад.

Консерваторы сакрализуют прошлое. Они объявляют его цивилизационной ценностью, особенно – нации, которую надо хранить, как подвенечное платье. Они надеются, что старые способы выживания только временно перестали приносить успех, оправдывая неверным их использованием, необходимостью смены власти. Общественные отношения, не приводящие к эффективному результату, объявляются несущими особую духовность и имеющими нравственное превосходство. Иногда доказываются, что ряд инноваций в общественной жизни нельзя внедрить в некоторых странах. Например, в России в конце XIX – начале XX веков доказывалось, что народ не может жить без царя.

Инновации кому-то приносят успех, а кого-то делают несчастными. Внедрение новых технологий в подготовку юридических документов с помощью роботов делают безработными массу мелких юридических клерков. Инновации в общественную жизнь, регулируемое конституционным правом, лишают высокого социального статуса старые элиты и приводят к власти новые. Переход к рынку оставляет не у дел огромную армию чиновников, которые ранее занимались распределением общественного продукта и слыли кормильцами общества. Внедрить инновацию в практическую деятельность гораздо труднее, чем сделать само открытие.

На основании вышеизложенного следует вывод, что судьба правовых инноваций в административных обществах не такая простая. Необходимо ясно осознавать, что сторонникам инноваций приходится выступать против правящей группы, которая не желает расстаться со своими привилегиями. Переход к гражданской правовой системе – это превращение независимого от общества административного класса в прослойку бюрократии, служащую обществу. Кто же добровольно откажется от своего высокого статуса и привилегий?

Главными противниками административной правовой системы являются конституционалисты. Й. Шумпетер выделял особую группу творческих людей, склонных к инновационной деятельности. Он называл их предпринимателями (новаторами), которых следует отличать от менеджеров и капиталистов, занятых рутинной работой³. Наука конституционного права совместно с политологией должна выработать приемы и методы внедрения конституционных инноваций в общественную жизнь. Необходимо найти группы общества, заинтересованные в конституционных инновациях. Как минимум подданные должны превратиться в граждан своей страны и захотеть стать ее хозяевами.

Основой конституционных инноваций с точки зрения материалистической философии являются изменения в экономической и социальной жизни страны. Настоящие, а не фиктивные конституции прини-

¹ О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке и платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2000 г. № 1021 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 175.

² Сунгуров А. Ю. Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям: учебное пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ Санкт-Петербург, 2012. С. 156.

³ Шумпетер Йозеф. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Шумпетер,_Йозеф (дата обращения: 07.08.2020)

маются после буржуазных революций, в ходе которых буржуазия становится не только экономически, но и политически господствующим классом. Во многих странах мира, в том числе в России, этой буржуазно-демократической революции все еще не произошло. Административный класс допустил существование частной собственности и предпринимательства, но держит буржуазию под своим неусыпным контролем. Он не позволяет ей создать собственные партии, использовать конституционные свободы. Как правило, класс управленцев выращивает свою клиентистскую буржуазию, которая получает долю средств, перераспределяемых через государственный бюджет. В обмен на это клиента поддерживает власть административного класса, помогает ему имитировать переход к конституционализму и не допускать внедрения конституционных инноваций на деле.

Каждая страна имеет свои особенности и путь перехода от средневекового доконституционного права к конституционному у каждой страны будет своим. В связи с этим требуется внедрение инноваций.

Решать эти проблемы внедрения конституционных инноваций предлагается в рамках науки – конституционная девиантология, предметом исследования которой являются не только отклонения от норм конституционного права, но и факторы, приводящие к этим отклонениям¹. Одной из основных задач является выработка путей, приемов, методов внедрения конституционных институтов в реальную жизнь. Это междисциплинарная наука, которая должна объединить конституционалистов, политологов, социологов, культурологов, экономистов, психологов и философов.

Изучение инноваций в правовой системе требует использования определенных методологических подходов. Для разоблачения лжеинноваций в правовой жизни необходимо использовать наряду с методологией юридического позитивизма социологический подход к праву, при котором правом считаются не те нормы, которые продекларированы в нормативных правовых актах, а те, что в практической деятельности реализуются.

Узкое представление об инновациях дает методология позитивизма. Преимущественно позитивист имеет дело только с нормами, закрепленными в актах, и перед ним стоит задача их реализации, систематизации и использования. Инновации в правовую систему предлагают философы (идея разделения властей, правового государства), политологи (развитие демократии), экономисты (сочетание государственного и частного в экономике, например, кейнсианство) или социологи. Юристам-позитивистам остается рутинная работа – оформить эти идеи в виде непротиворечивого текста, состоящего из прав, обязанностей и запретов. Внедрение инноваций в правовую систему может осуществляться только с использованием аксиологического подхода к праву. Он позволяет юристам вырабатывать правовые идеалы и с помощью них оценивать существующие нормы позитивного права как реального, так и официально декларируемого.

С развитием международных отношений административным государствам все сложнее совершать правонарушения в области международного права. Современные технологии позволяют отслеживать места хранения капиталов, похищенных правителями административных государств, выявлять легализованную недвижимость, раскрывать преступления, совершенные властными субъектами административных государств, вводить и успешно осуществлять санкции против отдельных лиц, компаний и государств. Современные способы и методы способствуют выводу капитала за границу легальным путем, где для его хранения имеются наиболее благоприятные условия. В связи с этим даже богатые страны с административной правовой системой не могут эффективно развивать свою экономику.

Свободное движение трудовых ресурсов как одна из инноваций XX века приводит к «утеканию мозгов» из стран с низкоэффективной системой защиты прав человека.

Таким образом, укрепление международной правовой системы, которую используют цивилизованные страны, оставляет все меньше надежд на выживание для административных правовых систем.

Внедрение IT-технологий частными фирмами осуществляется быстрее, чем административным государством. Это, например, позволяет снизить затраты и ускорить юридическую помощь клиентам, вступающим в конфликт с административным государством². Частные лица быстрее осваивают компьютерные средства засекречивания переписки и обхода разного рода запретов, установленных административным государством.

Итак, административные правовые системы следующим образом относятся к инновациям: во-первых, наблюдается сопротивление их внедрению; во-вторых, создается видимость их принятия; в-третьих, новые технологии, внедряемые в правовую жизнь, используются для защиты старых основ существования административного общества и государства. Вместе с тем под напором международного сообщества и усиления давления внутри страны административные правовые системы вынуждены изменяться, ослабляя механизмы защиты интересов административного класса.

¹ Денисов С. А. Предмет науки «конституционная девиантология» // Уральский форум конституционалистов. Екатеринбург, 5-9 октября 2015 года. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2016. Вып. 1. С. 35–43.

² Дробышев П. Инновации в юриспруденции: обзор достижений и тенденций в области IT-технологизации юридического бизнеса в англоязычных юрисдикциях. URL: https://zakon.ru/blog/2017/12/16/innovacii_v_yurisprudencii_obzor_dostizhenij_i_tendencij_v_oblastiit-tehnologizacii_yuridicheskogo_b_71828 (дата обращения: 04.08.2020).

Михеева Ирина Вячеславовна

доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

Mikheeva Irina Vyacheslavovna

Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod)

E-mail: irinarap@mail.ru

Ограничительный режим в условиях COVID-19 и административное усмотрение губернаторов

Restrictive regime in the conditions of COVID-19 and the administrative discretion of the governors

---

Аннотация. Статья посвящена административному усмотрению губернаторов при выборе вида административного акта, используемого для введения и конкретизации содержания ограничительного административно-правового режима повышенной готовности в условиях COVID-19. Высказывается суждение о том, что вариативность и как следствие отсутствие ясности в обосновании такого выбора могут быть связаны с нечеткостью нормативной регламентации системы административных актов на уровне РФ и ее субъектов¹.

Ключевые слова: административное усмотрение, административный акт, режим повышенной готовности, ограничения, губернаторы, COVID-19

Abstract. The article is devoted to the administrative discretion of the governors for choosing the type of administrative act used to introduce and specify the content of the high-alert regime in the conditions of COVID-19. The judgment is expressed about the variability and lack of clarity in the justification of such a choice, which may be due to the vagueness of the regulatory regulation of the system of administrative acts in the constitutional entities of the Russian Federation.

Keywords: administrative discretion, administrative act, high alert mode, restrictions, governors, COVID-19

В современных условиях распространения новой коронавирусной инфекции Corona Virus Disease 2019 (далее – COVID-19) особую роль приобретает комплекс мер государственного регулирования, вводимых с целью предотвращения разрушительного для государства и общества действия различного рода факторов. Как правило, возникновение таких факторов требует быстрого реагирования с использованием специального инструментария, осуществления властных организационно-правовых трансформаций, применения эффективных для достижения поставленных целей методов, что в совокупности составляет «механизм государственного реагирования в определенных условиях» и охватывается общим понятием режим².

Видовая вариативность инструментов управленческой деятельности позволяет разнообразить использование диспозитивных и императивных методов. В то же время ограничительные режимы, устанавливаемые и охраняемые в рамках реализации нормотворческой, контрольно-надзорной и правоприменительной функций органов исполнительной власти субъектов федерации, реализуются с помощью императивных методов. Последние используются для формирования ограничений и запретов, свойст-

---

¹ Выражаю благодарность М.А. Ласкавой за поиск и представление региональной нормативной базы, регламентирующей введение и установление ограничительных требований режима повышенной готовности. Этот материал наряду со Справочной информацией: "Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором", подготовленной специалистами КонсультантПлюс, лег в основу некоторых обобщений автора представленной статьи.

² Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика: монография. М., 2017. С. 20.

венных региональным административно-правовым режимам. Пандемия COVID-19 обозначила новые тенденции в развитии чрезвычайного правового регулирования всех уровней публичной власти. Особую значимость обретает «пограничный» режим *повышенной готовности (РПГ)*, который находится на стыке ординарного и чрезвычайного функционирования единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС).

Заметим, что в отечественной доктрине внимание ученых направлено в основном на правовое регулирование в обычных, ординарных условиях или же на исследование института чрезвычайного положения. В то же время режим повышенной готовности до 2020 г. не был столь заметен в правовом дискурсе. Вместе с тем содержание данного правового режима, а главное – полномочия органов публичной власти по введению и реализации этого режима в действие, представляются крайне актуальными в контексте предоставленного региональным органам (прежде всего высшим должностным лицам субъектов РФ) широкого диапазона усмотрения. Актуальность проблематики привлекла внимание исследователей, но не исчерпала на сегодня необходимость обобщения постоянно пополняемой практики правовой регламентации введения и функционирования ограничительного режима на территории субъектов Российской Федерации. Современные исследователи рассматривают, как правило, его содержание через призму законности и соответствия Конституции РФ. Анализируется растущий массив судебной практики по оспариванию принятых ограничений. Эти вопросы, безусловно, приоритетны в актуальной повестке административного ограничительного нормотворчества. Вместе с тем хотелось бы обратиться не столько к содержанию, сколько к форме, представив виды административных актов, используемые в субъектах изначально для введения режима повышенной готовности и наполнения его содержанием.

В России (как и в любой другой стране сегодня) установление ограничений, вводимых в связи с распространением коронавирусной инфекции в отношении разных групп субъектов, вызывает не всегда однозначное общественное восприятие сложившейся в рамках борьбы с пандемией административной управленческой модели. Между тем идет апробация нового опыта государственного управления, на уровне регионов в том числе. Это предопределяет интерес к полномочиям региональных органов по созданию ограничительных норм в правотворческой практике субъектов Российской Федерации.

Дело в том, что в основе предупреждения распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в Российской Федерации и ликвидации угрозы санитарно-эпидемиологическому благополучию населения лежит правовой инструментарий режима повышенной готовности. Заметим, что в рамках действия РПГ речь идет о целом комплексе ограничительных мер временного характера (сроки введения, ограничения времени работы учреждений и предприятий, вводимый в некоторых местностях комендантский час для физических лиц и мн. др.), субъектного характера (вводится в отношении групп физических и юридических лиц, иногда в конкретной сфере) и пр. Основная роль в административно-правовой защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций при этом отводится единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Остовом ее функционирования являются три правовых режима, одним из которых является режим повышенной готовности (при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации)¹. Приоритетным при этом является защита личности, общества, государства от чрезвычайных ситуаций как важнейшей составляющей национальных интересов государства².

Общественные отношения в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения является предметом регулирования как федерального, так и регионального законодательства, включая «законы и иные «нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации»³. Кроме того, органам государственной власти субъектов РФ предоставлены полномочия по установлению обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности (подп. «м» п. 1 ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ)⁴. В силу этого есть некоторые отличия в механизме введения РПГ и соответствующих ему ограничительных и поощрительных мер на разных территориях, обусловленные в определенной степени региональными особенностями выстраивания системы и структуры органов исполнительной власти в субъектах РФ и их полномочий. Заметим, что эффективность современного государственного управления во многом определяется системой, структурой, функциями исполнительных органов. В свою очередь присутствующая конкурентность их компетенции, неопределенность форм государственного управления создают порой нечеткость в выявлении факторов, определяющих эффективность их деятельности⁵.

¹ Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. N 794 "О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций"(п. 28) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 2. Ст. 121.

² Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание Законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

³ Федеральный закон "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения" от 30 марта 1999 N 52-ФЗ (ст. 3) // Собрание Законодательства РФ. 1999. № 14 (ч. II). Ст. 1650.

⁴ Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 1994. N 35. Ст. 3648.

⁵ Подробнее: Михеева И.В. Органы исполнительной власти субъектов РФ: разрешительные функции и государственные услуги // Право. Журнал ВШЭ, 2013. № 3. С. 49-60.

Актуальным для рассмотрения на данный момент является ограничительный административно-правовой режим повышенной готовности (далее – РПГ). В соответствии пп. «б» п.6 ст.4.1 ФЗ о чрезвычайных ситуациях это режим функционирования РСЧС и органов управления, основной целью которого является предупреждение возможности возникновения чрезвычайных ситуаций. При этом порядок деятельности органов управления во время введения указанного режима устанавливается Правительством РФ¹. Режим повышенной готовности, по сути, предшествует режиму чрезвычайной ситуации и является его «облегченным» вариантом. Вместе с тем, правовой акт о введении РПГ должен в обязательном порядке включать в себя указание на те обстоятельства, рассматриваемые в качестве основания для необходимости его введения, границах территории действия, перечень принимаемых мер, ответственных за это должностных лиц и многое другое.

Указанные обстоятельства определяются с учетом фактической ситуации и классификации, закрепленной в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 года № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Исходя из этого, вполне законным основанием введения РПГ на территории субъектов РФ является эпидемия коронавирусной инфекции. Потому к середине марта 2020 года для всей территории РФ было принято соответствующее решение.

Термин «режим повышенной готовности» (РПГ) чаще всего упоминался в СМИ, с ним было связано и введение регионами необходимых для соблюдения ограничений. Законом установлено, что при РПГ в пределах конкретных территорий может ограничиваться доступ людей и транспортных средств, устанавливаться порядок использования средств связи и оповещения, приостанавливаться деятельность организаций, оказавшейся в такой зоне. Почти во всех субъектах России население столкнулось с необходимостью соблюдения совершенно новых, непривычных для него правил и ограничений. Для обеспечения соблюдения этих запретов был внесен ряд изменений в охранительное законодательство.

Так, уже 1 апреля 2020 года Кодекс об административных правонарушениях претерпел изменения – новая статья 20.6.1. предусматривала наказание для лиц, не соблюдающих правила поведения при РПГ в виде штрафа до 30.000 рублей, а если такое неповиновение причинило вред здоровью или имуществу – до 50.000 рублей. Увеличение коснулось и штрафов в области нарушения санитарно-эпидемиологического законодательства, сумма которых, в соответствии с ч.2 ст.6.3 КоАП, составила для граждан от 15 000 до 40 000 рублей. Это стало поводом для обсуждения законности действий исполнительной власти в период РПГ: кто-то назвал такие меры «охотой» на граждан, кто-то посчитал их недостаточными и ратовал за установление режима ЧС.

Заметим, что в регулировании отношений, которые складываются в случае угрозы безопасности общества и государства, задействован ряд наделенных нормотворческими полномочиями субъектов (ст. 1 ФКЗ №3 «О чрезвычайном положении»). Ограничительные мероприятия на основании Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ, Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239, постановления Правительства Российской Федерации от 19 августа 2005 г. № 529², постановлений Главного государственного санитарного врача Российской Федерации устанавливаются нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Соответственно полномочиями по введению и реализации РПГ наделены и высшие должностные лица субъектов, роль усмотрения которых в определении содержания РПГ оказалась во многом определяющей.

Присутствие усмотрения в государственном управлении признавалось еще дореволюционными учеными – правоведами и рассматривалась и как позитивное, и как негативное явление³. В современной юридической литературе эта категория исследуется активно. Называется судебное, административное, политическое усмотрение. Больше внимания уделяется усмотрению в правоприменении, реже в нормотворчестве. Единого подхода к пониманию административного усмотрения как научной категории в юриспруденции не сложилось⁴. Ю. А. Тихомировым административное усмотрение определяется как гарантированная возможность *выбора* для принятия правомерных решений и совершения действий управомоченным субъектом в рамках его компетенции для выполнения управленческих и иных задач⁵.

Одним из проявлений управленческого усмотрения в рассматриваемом контексте может быть признание складывающейся эпидемиологической ситуации в качестве форс-мажора как обстоятельства не-

¹ Постановление Правительства РФ № 794.

² Указ Президента РФ от 02.04.2020 N 239 "О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)" // Собрание законодательства РФ. 2020. N 14 (часть I). Ст. 2082; Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2005 г. № 529 «Об организации и контроле за введением и отменой ограничительных мероприятий (карантина) по предписанию территориального органа, осуществляющего государственный санитарно-эпидемиологический надзор» // Собрание законодательства РФ. N 34. Ст. 3518.

³ Подробно см.: Михеева И.В. Правотворчество министерств Российской империи в XIX – начале XX века. Москва, 2012.

⁴ Правовое администрирование в экономике: монография / коллектив авторов; под ред. Ю.А.Тихомирова. М.: ЮСТИЦИЯ, 2018. С. 180-196.

⁵ Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М. 2001. С. 264.

преодолимой силы, освобождающего от исполнения обязательств. Например, такое решение принято в Нижегородской¹ и Ленинградской областях², в Республиках Бурятия, Карелия, Крым и др. Однако, не все регионы использовали эту практику, в некоторых из них форс-мажорные обстоятельства приняты по внимание не были – в частности, в Краснодарском крае, в Свердловской области, в Хабаровском крае, в Санкт-Петербурге и др.³

В то же время можно предположить, что огромная площадь российского государства обусловила вариации состояний эпидемиологической ситуации от субъекта к субъекту РФ. Кроме того, эпидемиологическая ситуация по-разному развивалась в каждом субъекте, что делало невозможным установление единого порядка и организации деятельности органов государственной власти на местах. В этой связи региональным властям был предоставлен широкий диапазон нормотворческих полномочий по определению содержания РПГ и форм его закрепления административными актами как важнейшим инструментом нормативно-правового регулирования наряду с законами. При этом отсутствие единого федерального закона о нормативно-правовых актах в осуществлении подзаконного нормотворчества, с одной стороны, позволяет ориентироваться на Постановление Правительства № 1009, где обозначены возможные виды нормативных административных актов федеральных органов исполнительной власти⁴. С другой стороны, наличие региональных законов, регламентирующих наряду с Уставами субъектов полномочия по изданию нормативных административных актов, заставляет принимать во внимание вариативность видов административных актов органов исполнительной власти, уполномоченных в том числе и наполнять содержанием региональные режимы повышенной готовности. В соответствии с Уставами высшие должностные лица субъектов РФ часто совмещают пост председателя регионального правительства, но не всегда. Разные системы организации региональной публичной власти предполагают разные модели нормативного закрепления ограничительных мероприятий в подзаконных административных актах. Самостоятельность регионов в этой области дает опыт некоторого разброса и в формально-юридической подаче т.н. «ковидных» ограничений. Приведем несколько примеров.

Систему нормативных правовых актов Пермского края составляют: Устав Пермского края, законы Пермского края, указы губернатора Пермского края, постановления Правительства Пермского края, нормативные правовые акты органов исполнительной власти Пермского края (Ст. 29)⁵. При этом не упоминается такой вид акта как распоряжение, что позволяет нам исключить его из системы нормативных актов. Это приводит к некой метаморфозе, когда режим повышенной готовности, обеспечивающий государственную и общественную безопасность, вводится в действие видом акта, который по форме не является нормативным – Распоряжением Председателя Правительства Пермского края⁶, в то время как ограничительные мероприятия в соответствии с Уставом края – традиционным Указом губернатора⁷.

Интерес представляет лаконичная технико-юридическая модель введения ограничений в Москве. Указом мэра Москвы вводится режим повышенной готовности и соответствующие ограничительные мероприятия⁸. Похожую схему можно увидеть в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (ХМАО), где губернатор совмещает должность председателя правительства (Ст. 48 Устав ХМАО). Режим повышенной готовности и ограничительные меры были введены двумя Постановлениями Губернатора ХМАО– Югра⁹. Решения губернатора оформлены единообразно – постановлением.

¹ Указ Губернатора Нижегородской области от 13.03.2020 №27 «О введении режима повышенной готовности»

² Постановление Правительства Ленинградской области от 13 марта 2020 N 117 «О введении на территории Ленинградской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Ленинградской областной подсистемы РСЧС и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 на территории Ленинградской области».

³ Справочная информация: "Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором" (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349932/ (дата обращения: 30 ноября 2021г.).

⁴ Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 № 1009 "Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации" // Собрании законодательства РФ. 1997. N 33. Ст. 3895.

⁵ Устав Пермского края от 27 апреля 2007 г. N 32-ПК (с изменениями и дополнениями).

⁶ Распоряжение председателя правительства Пермского края от 14.03.2020 №5-рпп «О введении для органов управления и сил территориальной подсистемы РСЧС Пермского края режима функционирования «Повышенная готовность».

⁷ Указ губернатора Пермского края от 19.03.2020 № 18 «О мероприятиях, реализуемых в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Пермском».

⁸ Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ "О введении режима повышенной готовности".

⁹ Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 марта 2020 года № 20 «О введении режима повышенной готовности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»; Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 31 марта 2020 г. № 24 «О дополнительных мерах по предотвращению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной COVID-2019, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре».

В Орловской области губернатор так же возглавляет региональное правительство, совмещая полномочия. Режим повышенной готовности введен Постановлением Правительства Орловской области¹, а ограничительные мероприятия – Указом губернатора². Такая модель предполагает непосредственно введение РПГ коллегиальным органом, а ограничений как содержательных инструментов режима – Губернатором.

В Еврейской автономной области полномочия высшего должностного лица субъекта и председателя регионального правительства совмещаются. Интересно что, если в Уставе Орловской области специально указано на почти традиционный индивидуальный характер распоряжения (ст. 68, п. 3.), то в соответствии с Уставом ЕАО в систему нормативных актов области входят как постановления, так и распоряжения губернатора и правительства (ст. 39)³. При этом для введения РПГ правительством выбран такой вид административного акта как распоряжение⁴, а губернатором для введения ограничительных мер – постановление⁵.

Схожая до наоборот ситуация с выбором соответствующей правовой формы для ведения и реализации РПГ сложилась в Республике Татарстан (РТ). Дело в том, что в соответствии с Законом РТ «Об исполнительных органах государственной власти Республики Татарстан» за Президентом РТ закреплено полномочие по изданию указов «по вопросам формирования и функционирования системы исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан» (ст. 4), а за кабинетом министров – нормативных постановлений и ненормативных распоряжений (ст. 28)⁶. Режим повышенной готовности введен Распоряжением Президента Республики Татарстан, хотя содержание его, даже судя по названию, касалось системы исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан и соответствовало такому виду административного акта как указ⁷. Ограничительные меры – Постановлением кабинета министров Республики Татарстан⁸. В данном случае работает логика, отличная от предыдущих моделей: РПГ вводится единолично губернатором, а перечень ограничительных мер коллегиально правительством. В этом смысле речь идет об усмотрении в выборе не только видов (формы) административного акта, но и связанного с ним характера содержания, что представляет определенный интерес с точки зрения обоснования такого выбора. Заметим, что распоряжением губернатора режим повышенной готовности был введен в Чукотском автономном округе, Еврейской автономной области, в Челябинской, Тверской, Саратовской и ряде других областей⁹.

Единство видовой наполненности правовых форм государственного управления делает последнее более ясным для понимания и определения ответственных за принимаемые нормативные решения. Правительство – коллегиальный орган, поэтому принятие решения о введении РПГ на территории субъекта оправданно может оформляться его нормативным актом, основным видом которого традиционно является постановление, а не распоряжение. Что касается введения перечня ограничений, выбора их видов, а также групп субъектов, в отношении которых они вводятся, то они могут содержаться в нормативном решении высшего должностного лица/ губернатора/ главы субъекта, принявшего на себя ответственность за благополучие населения вверенной ему территории. Хотя разумной и логически оправданной может быть и другая модель, где непосредственное введение РПГ обосновывается в нормативном административном акте высшего должностного лица субъекта, а наполняет режим ограничительным инструментарием региональное правительство как коллегиальный орган, способный учесть больше нюансов в упорядочении императивных мер на территории субъекта.

В условиях пандемии приобретает опыт императивного, экстраординарного, исключительного управленческого воздействия на общественные отношения. При этом наблюдается отсутствие системности в формах административно-правового регулирования, субъектах и используемых ими видах ад-

¹ Постановление Правительства Орловской области от 19 марта 2020 года № 155 «О мерах по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Орловской области».

² Указ губернатора № 156 от 3 апреля 2020 г. «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Орловской области в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

³ Устав Еврейской автономной области от 8 октября 1997 г. N 40-ОЗ.

⁴ Распоряжение Губернатора Еврейской автономной области от 5 февраля 2020 г. N 14-рг "О введении режима повышенной готовности на территории Еврейской автономной области".

⁵ Постановление Губернатора Еврейской автономной области от 20 марта 2020 г. N 57 "О введении ограничительных мероприятий (карантина) на территории Еврейской автономной области".

⁶ Закон РТ от 6 апреля 2005 года N 64-ЗРТ «Об исполнительных органах государственной власти Республики Татарстан».

⁷ Распоряжение Президента Республики Татарстан от 19 марта 2020 г. №129 «О введении режима повышенной готовности для органов управления и сил территориальной подсистемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Республики Татарстан» .

⁸ Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19 марта 2020 № 208 «О мерах по предотвращению распространения в Республике Татарстан новой коронавирусной инфекции».

⁹ Справочная информация: "Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором" (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349932/# (дата обращения: 30 ноября 2021г.).

министративного нормотворчества. В одних случаях РПГ вводится региональным правительством, а в других – высшим должностным лицом субъекта. Коллегиальные органы в разных регионах могут использовать постановления и распоряжения, а губернаторы (главы республик, мэр Москвы) – указы или постановления и распоряжения. Думается, такая вариативность оформления высшими органами исполнительной власти и высшими должностными лицами субъектов своих решений по жизненно важным вопросам функционирования общества и государства, пусть даже закрепленная в компетенционном блоке каждого субъекта подзаконного нормотворчества, все же требует упорядочения. Тем более, что в доктрине не раз обращалось внимание на необходимость системного подхода к видовому оформлению подзаконного нормотворчества. Думается, такое единство необходимо сформировать для более четкого и ясного понимания вводимых ограничительных мер всеми субъектами управленческих отношений.

Сегодня административное усмотрение получило широкое распространение в определении и наполнении содержания режима повышенной готовности в каждом регионе. В этом контексте представляется важным привести в систему формы подачи решений уполномоченных органов исполнительной власти субъектов РФ по жизненно важным вопросам общества и государства, унифицировать виды подзаконных актов как базовых инструментов административно-правового регулирования. Системность последнего придает не только устойчивость социальному взаимодействию в крайне непростых условиях пандемии, но и позитивность нормотворческому административному усмотрению, вызывая адекватный поведенческий отклик участников управленческих отношений, нацеленных на защиту интересов личности, общества и государства.

Петров Александр Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

Petrov Alexander Vasilyevich

PhD in Law, associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Lobachevsky state University

E-mail: avpetrov@unn.ru

Домнина Анастасия Валерьевна

старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Domnina Anastasia Valeryevna

Senior Lecturer at the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: anastasiy-domnina@yandex.ru

**Участие Конституционного Суда РФ в проверке поправок
к Конституции РФ**

**Participation of the Constitutional Court of the Russian Federation
in the review of amendments to the Constitution of the Russian Federation**

Аннотация. Статья посвящена изучению процедуры включения Конституционного Суда в процесс принятия законов о поправке к Конституции.

Ключевые слова: конституция, Конституционный Суд Российской Федерации, поправки к Конституции РФ, предварительный конституционный контроль, полномочия Конституционного Суда Российской Федерации

Abstract. The article is devoted to the study of the procedure for including the Constitutional Court in the process of adopting laws on amendments to the Constitution.

Keywords: constitution, constitutional court of the Russian Federation, amendment to the constitution of the Russian Federation, preliminary constitutional control, the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation

---

Конституцией РФ 1993 года предусмотрены три различных режима преобразования ее текста. Наиболее реализуемым и эффективным является изменение текста Конституции путем внесения в нее поправок. Однако при внесении поправок следует придерживаться следующим правилам: поправки должны быть продуманы, соответствовать необходимости их принятия, не должны быть частыми и многочисленными¹. Соблюдение данных правил гарантирует обеспечение стабильности текста Конституции.

Вопрос о проверке конституционности законов, вносящих поправки в текст Конституции в зарубежных странах, решается по-разному.

В некоторых странах проверке на соответствие Конституции проверяются только поправки, которые были внесены определенными субъектами законотворческой инициативы. В отдельных странах конституционные суды считают, что в случае отсутствия прямого запрета на проведение проверки законов о

---

¹ Колесова В.П. К вопросу об условиях и порядке внесения поправок в Конституцию РФ и ее пересмотра // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2012. – №1 (24). – С. 123.

поправке к конституции такая проверка может проводиться ими по собственной инициативе (ФРГ, Болгария, Австрия, Литва).

В соответствии с принятым Законом Российской Федерации 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» были расширены полномочия Конституционного Суда РФ. Теперь Конституционный Суд Российской Федерации *по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации.*

Контроль может затрагивать *содержательные (материальные) пределы поправок*¹, т. е. затрагивать непосредственно содержание поправки и касаться проверки соответствия внесенного положения Конституции и *формальные пределы поправок.*

Начнем с материальных пределов поправок. Во-первых, они не могут противоречить положением, закрепленным в 1 главе Конституции РФ. Во-вторых, они должны быть в гармонии с положениями главы 2. В-третьих, поправка всегда должна соответствовать исходному предметному содержанию глав 3-8. В-четвертых, структура Конституции не подлежит изменению путем принятия поправок к ней, поскольку поменяется иерархия ценностей. Таким образом, внесение новых глав означает принятие новой Конституции².

Формальные пределы – установлены в ч. 3 ст. 92, ч. 5.1 п. «а» ст. 125, ст. 134, ст. 136 Конституции РФ и законодательстве о поправках. К ним можно отнести требование, согласно которому изменение нескольких статей Конституции возможно при наличии их внутренней взаимосвязи.

На наш взгляд, Конституционный суд должен проверять соблюдение как материальных, так и формальных пределов. Материальных, поскольку содержание нормы прямым образом влияет на дальнейшее развитие конституционного законодательства, и превышение содержательных пределов непосредственно сказывается на качестве и эффективности применения Конституции. Формальные пределы должны быть поднадзорны Конституционному Суду в целях обеспечения прав участников законотворческого процесса, гарантированных главой 9 Конституции. Так, необходимо узнать волеизъявление всех субъектов РФ даже в случае, если необходимое количество голосов уже собрано для обеспечения права голоса оставшихся субъектов.

Со времени принятия ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» прошло много времени и как мы можем увидеть в нем отсутствуют содержательные и формальные ограничения для принятия поправок к Конституции РФ, что на практике приводит к известному разбросу, неясности в содержании предлагаемых поправок и недостаточной определенности процесса их принятия.

Полагаем, во-первых, что в этом законе необходимо еще раз прописать, как это предусмотрено ст.134 Конституции Российской Федерации субъектов законодательной инициативы при внесении поправок, подчеркнув, что депутаты Государственной Думы и сенаторы Совета Федерации могут внести инициативы в этом отношении только от имени соответствующей Палаты Федерального Собрания, либо от групп депутатов численностью не менее одной пятой депутатов Государственной Думы или сенаторов.

Во-вторых, полагаем целесообразным, во избежание фактической ревизии глав первой и второй Конституции Российской Федерации, введение в рассматриваемый закон положений о недопустимости противоречия поправок, вносимых в Конституцию Российской Федерации, содержанию и смыслу глав первой и второй Конституции Российской Федерации.

Поскольку смысловое значение поправок вопрос достаточно деликатный и может вызвать различные толкования, считаем возможным уже на стадии принятия к рассмотрению Федеральным Собранием внесенных в порядке законодательной инициативы поправок подключение к процессу их принятия Конституционного Суда Российской Федерации. Его задача – дача заключения о соответствии или несоответствии внесенных поправок содержанию и смыслу глав первой и второй к Конституции Российской Федерации, влекущего за собой либо возможность продолжения законодательного процесса, либо снятие вопроса о поправке с рассмотрения.

На наш взгляд, Конституционный суд должен проверять соблюдение как содержательных (материальных), так и формальных пределов. Содержательных (материальных), поскольку содержание нормы прямым образом влияет на дальнейшее развитие конституционного законодательства, и превышение содержательных пределов непосредственно сказывается на качестве и эффективности применения Конституции. Формальные пределы должны быть поднадзорны Конституционному Суду в целях обеспечения прав участников законотворческого процесса, гарантированных главой 9 Конституции.

¹ Кряжков В.А. Поправки к Конституции Российской Федерации: правовые основы, пределы и их обеспечение // Государство и право. – 2016. – №1. – С. 7.

² Дерхо Д.С. К вопросу о динамике Конституции Российской Федерации и содержательных пределах конституционных поправок // Сибирский юридический вестник. – 2016. – №1 (72). – С. 35-36.

РАЗДЕЛ III

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Айдарова Лилия Альбертовна

*руководитель юридической службы Союз медицинского сообщества
«Национальная Медицинская Палата»*

Aydarova Liliya Albertovna

*Head of Legal Service Union of the medical community «National Medical
Chamber»*

E-mail: lilai@mail.ru

Врачебная тайна в российском здравоохранении

Medical secrecy in Russian healthcare

Аннотация. Статья посвящена раскрытию понятия «врачебная тайна», условий ее разглашения, в том числе изменениям 2020, 2021 года, связанным с посмертным раскрытием врачебной тайны, описанию условий, при которых медицинские работники обязаны предоставить медицинскую документацию пациенту и иную информацию о его здоровье, последствиям отказа в предоставлении такой информации.

Ключевые слова: врачебная тайна, врачебная ошибка, уголовная ответственность, медицинские работники, медицинские преступления, медицинская помощь

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the concept of "medical secrecy", the conditions for its disclosure, including the changes in 2020, 2021 related to the posthumous disclosure of medical secrets, to a description of the conditions under which medical workers are required to provide medical documentation to the patient and other information about his health, the consequences of refusal to provide such information.

Keywords: medical secrecy, medical error, criminal liability, medical professionals, medical crimes, medical care

---

Режим врачебной тайны определен Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее также – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»).

В соответствии частью 1 статьи 13 этого закона сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. Не допускается разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти человека, лицами, которым они стали известны при обучении, исполнении трудовых, должностных, служебных и иных обязанностей, за исключением случаев, установленных частями 3 и 4 статьи 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» (часть 2 статьи 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»).

Помимо статьи 13, законодатель говорит о врачебной тайне в контексте основных принципов охраны здоровья – соблюдение врачебной тайны является принципом охраны здоровья (пункт 9 статьи 4 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»), в контексте прав пациента – в соответствии с пунктом 7 части 5 статьи 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» пациент имеет право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну, и обязанностей медицинского работника – медицинский работник обязан соблюдать врачебную тайну (часть 2 статьи 73 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»).

Режим врачебной тайны является базовым принципом охраны здоровья, который дополнительно реализован в правах пациента и обязанностях медицинских работников. Этим законодательно подчеркивается важность и неприкосновенность сведений, относимых к врачебной тайне.

Разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, допустимо в случаях, определенных статьей 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», в частности, согласно части 3 статьи 13 разгла-

шение сведений, составляющих врачебную тайну, другим гражданам, в том числе должностным лицам, в целях медицинского обследования и лечения пациента, проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе или в иных целях допускается с письменного согласия гражданина или его законного представителя. Согласие на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, может быть выражено также в информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство.

Далее в части 4 статьи 13 законодатель указывает исчерпывающий перечень лиц, которым медицинскими работниками могут быть раскрыты сведения о пациенте, составляющие врачебную тайну, без его согласия.

Нужно сказать, что долгое время со статьей 13 и режимом врачебной тайны не происходило никаких изменений, несмотря на то, что ситуация вокруг предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, в отношении умерших пациентов, требовала иного разрешения, чем это было предусмотрено ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан».

Нормы частей 1-3 статьи 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», ограничивающие право получение информации письменным согласием пациента, прекращают возможность получения такого согласия в момент смерти и прямо указывают на невозможность получения этих сведений после смерти человека. Это обстоятельство крайне негативно воспринималось супругами, членами семьи, близкими родственниками пациентов особенно в случаях, когда летальным исходом заканчивалось оказание пациенту медицинской помощи, в том числе в результате ее оказания в медицинской организации.

В таких случаях отказ медицинских работников предоставить копии медицинской документации воспринимается родственниками умершего пациента как доказательство вины врачей в смерти пациента, как желание скрыть следы некачественно оказанной медицинской помощи, приведшей к смерти. Отказ провоцирует конфликт, за защитой своих прав, за поиском справедливости граждане обращаются с жалобами и заявлениями в правоохранительные органы.

Это обстоятельство, как фактор, провоцирующий рост заявлений и жалоб в Следственный комитет РФ, не однократно отмечал в своих выступлениях заместитель руководителя Криминалистического центра Главного управления Следственного Комитета Российской Федерации Анатолий Иванович Сазонов.

Аналогичную позицию высказывали и представители Главных территориальных управлений Следственного комитета Российской Федерации во время выступлений с докладами на конференциях «Юридическая ответственность медицинских работников за нарушения законодательства в сфере здравоохранения» из цикла «Школа правовой грамотности для медицинских работников», организованных Союзом медицинского сообщества «Национальная Медицинская Палата», в городах Нижний Новгород 19 марта 2021 года, Петрозаводск 25 мая 2021 года, Ростов-на-Дону 4 июня 2021 года, Краснодар 25 июня 2021 года, Саранск 16 июля 2021 года.

Изменения в сфере правового регулирования режима врачебной тайны произошли в начале 2020 года, когда Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 13 января 2020 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» (далее также – Постановление) взаимосвязанные положения частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации постановил Федеральному законодателю внести в действующее правовое регулирование изменения, которые позволят нормативно определить условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента, а также впредь до внесения в законодательство необходимых изменений, вытекающих из настоящего постановления, медицинским организациям надлежит по требованию супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) умершего пациента, лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, предоставлять им для ознакомления медицинские документы умершего пациента, с возможностью снятия своими силами копий (фотокопий), а если соответствующие медицинские документы существуют в электронной форме – предоставлять соответствующие электронные документы. При этом отказ в таком доступе может быть признан допустимым только в том случае, если при жизни пациент выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну.

В данном постановлении Конституционный Суд РФ разрешил многолетние конфликты между медицинскими организациями и супругами, близкими родственниками умерших пациентов, предусмотрев право и возможность супругу (супруге), близким родственникам (членам семьи) умершего пациента, либо иным лицам, указанным в информированном добровольном согласии пациента, раскрывать данные, составляющие медицинскую тайну, в части предоставления им медицинской документации об умершем.

Конституционный Суд РФ в Постановлении сделал два исключения:

– сведения не предоставляются в том случае, если при жизни пациент выразил запрет на раскрытие сведений о себе, составляющих врачебную тайну;

– сведения не предоставляются лицам, не являющимся супругом (супругой) или близким родственником (членом семьи), если они не были указаны в информированном добровольном согласии пациента на медицинское вмешательство.

Федеральным законодателем соответствующие изменения в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» были внесены в июле 2021 года Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которые вступили в силу 2 июля 2021 года.

В соответствии с предписаниями, изложенными в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2020 г. № 1-П, Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлено:

– закрепление за пациентом права на получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, в том числе после его смерти (пункт 5 части 5 статьи 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 315-ФЗ);

– указание на возможность фиксации согласия на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти гражданина, в информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство (часть 3 статьи 13 в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 г. №315-ФЗ);

– закрепление права пациента (его законного представителя) при оформлении информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство определять лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, в том числе после его смерти (часть 7 статьи 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»);

Новеллой Федерального закона от 2 июля 2021 г. №315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» стало:

– появление нового документа – письменного согласия на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, в том числе после смерти гражданина (часть 3.1 статьи 13, части 4, 5 статьи 22 в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 г. №315-ФЗ);

– определение круга близких родственников, которым по их запросу могут быть предоставлены сведения, составляющие врачебную тайну, после смерти гражданина, таковыми признаются дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушки, бабушки (часть 3.1 статьи 13, части 4, 5 статьи 22 в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 315-ФЗ).

Необходимо отметить, что право пациента на соблюдение врачебной тайны коррелирует с другими правами пациента, такими как право на получение информации о своих правах и обязанностях, состоянии своего здоровья, выборе лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья, в том числе после его смерти (пункт 5 части 5 статьи 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»).

Этому праву пациента и, как следствие, обязанности врача на предоставление информации о здоровье, посвящена в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» статья 22 «Информация о состоянии здоровья».

В соответствии с данной статьей каждый пациент имеет право получить в доступной для него форме имеющуюся в медицинской организации информацию о состоянии своего здоровья, в том числе сведения:

- о результатах медицинского обследования;
- наличии заболевания;
- об установленном диагнозе и о прогнозе развития заболевания;
- методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске;
- возможных видах медицинского вмешательства, его последствиях и результатах оказания медицинской помощи.

Информация о состоянии здоровья предоставляется пациенту лично лечащим врачом или другими медицинскими работниками, принимающими непосредственное участие в медицинском обследовании и лечении.

На основании частей 4, 5 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» (в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 315-ФЗ) пациент либо его законный представитель имеет право непосредственно знакомиться с медицинской документацией, отражающей состояние его здоровья, и олучать на основании такой документации консультации у других специалистов.

Супруг (супруга), близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушки, бабушки) либо иные лица, указанные пациентом или его законным представителем в письменном согласии на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, или информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, имеют право непосредственно знакомиться с медицинской документацией пациента, в том числе после его смерти, если пациент или его законный представитель не запретил разглашение сведений, составляющих врачебную тайну. Порядок ознакомления с медицинской документацией пациента устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Пациент, либо его законный представитель, имеет право по запросу, направленному в том числе в электронной форме, получать отражающие состояние здоровья пациента медицинские документы (их копии) и выписки из них, в том числе в форме электронных документов. Супруг (супруга), близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушки, бабушки) либо иные лица, указанные пациентом или его законным представителем в письменном согласии на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, или информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство, имеют право получать медицинские документы (их копии) и выписки из них, в том числе после его смерти, если пациент или его законный представитель не запретил разглашение сведений, составляющих врачебную тайну. Порядок и сроки предоставления медицинских документов (их копий) и выписок из них устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Казалось бы, вполне понятные и логичные нормы. Есть пациент, у него есть право знать все о его здоровье, знакомиться со всеми медицинскими документами и получать их копии. Почему же на практике мы сталкиваемся сплошь и рядом с нежеланием медицинских работников не только предоставить копии документов, но и в полной мере устно ответить на все вопросы пациента о его здоровье?

Нежелание это продиктовано с одной стороны незнанием медицинских работников о таком праве пациента и такой обязанности медицинского работника, с другой стороны – нежеланием посвящать пациента в медицинскую документацию, особенности оказания медицинской помощи.

И это незаконное противодействие выливается в конечном итоге в недоверие пациента к выбранной тактике лечения, порождает в нем сомнения в правильности оказываемой ему медицинской помощи, что в конечном итоге выливается в конфликт между пациентом и медицинским работником, медицинской организацией. В результате пациент пишет жалобы, обращается в правоохранительные органы с требованием проверить правильность оказанной ему медицинской помощи, подает иски в суд.

Таким образом, абсолютно незаконный отказ на просьбу пациента сфотографировать результаты его анализов, или получить копию информированного добровольного согласия, или заключения специалиста, или копию иной медицинской документации, провоцирует стремительный рост жалоб пациентов и, как следствие, рост уголовных дел в отношении медицинских работников, что отмечают, как указано выше, представители Главного управления Следственного комитета Российской Федерации и территориальных управлений Следственного комитета Российской Федерации.

Безусловно, медицинским работникам необходимо знать и помнить, что сведения о состоянии здоровья пациента и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют тайну для всех, кроме него самого.

Его просьба и требование законны, а обязанность врача предоставить эти сведения бесспорна и утверждена статьями 4, 22 и 73 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», а также Порядком и сроками предоставления медицинских документов (их копий) и выписок из них (утв. приказом Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 789н) и Порядком выдачи медицинскими организациями справок и медицинских заключений (утв. приказом Министерства здравоохранения РФ от 14 сентября 2020 г. № 972н).

Так, например, в соответствии с пунктами 7, 8 Порядка и сроков предоставления медицинских документов (их копий) и выписок из них (утв. приказом Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 789н) к медицинским документам (их копиям) и выпискам из них могут прилагаться аналоговые изображения (рентгенограммы, флюорограммы, фото-, киноизображения, микрофиши) или цифровые изображения на цифровых носителях (магнитных лентах, CD- и DVD-дисках, магнитно-оптических дисках), в случае указания на необходимость их предоставления в запросе, и при условии наличия в медицинских организациях соответствующих архивных данных.

Максимальный срок выдачи медицинских документов (их копий) и выписок из них с момента регистрации в медицинской организации запроса не должен превышать сроков, установленных требованиями законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации.

В случае нахождения пациента на лечении в стационарных условиях или условиях дневного стационара, выписка из медицинских документов, копии медицинских документов предоставляются пациенту либо его законному представителю в суточный срок с момента обращения.

Информация пациенту не предоставляется только в том случае, если он этого не хочет. Поскольку в соответствии с частью 3 статьи 22 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» информация о состоянии здоровья не может быть предоставлена пациенту против его воли.

При этом в случае неблагоприятного прогноза развития заболевания информация должна сообщаться в деликатной форме гражданину или его супругу (супруге), одному из близких родственников (детям, родителям, усыновленным, усыновителям, родным братьям и родным сестрам, внукам, дедушкам, бабушкам), если пациент не запретил сообщать им об этом и (или) не определил иное лицо, которому должна быть передана такая информация.

Остроумов Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Ostroumov Nikolay Vladimirovich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Faculty of Law of the National Research University Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: uf_nngu@mail.ru

**Смарт-контракты: перспективы развития законодательства
и риски правоприменения**

**Smart contracts: prospects for the development of legislation
and the risks of law enforcement**

Аннотация. В статье автор анализирует понятие и основные признаки смарт-контрактов, сферы их применения и перспективы применения, действующее и перспективное правовое регулирование применения смарт-контрактов.

Ключевые слова: смарт-контракты, блокчейн, машиночитаемые коды

Abstract. In the article, the author analyzes the concept and main features of smart contracts, their scope and prospects of application, current and prospective legal regulation of the use of smart contracts.

Keywords: smart contracts, blockchain, machine-readable code

В связи с развитием цифровых технологий, необходимости ускорения бизнес-процессов и снижением их издержек возникает необходимость в появлении новых механизмов оформления правовых отношений. Таким механизмом стал смарт-контракт, т. е. автоматически исполняемый контракт, существующий в форме программного кода.

Впервые концепция смарт-контрактов была изложена в 1996 году в работе Ника Сабо "Smart contracts: building blocks for digital markets". Согласно его определению, смарт-контракт представляет собой компьютерную программу, проводящую сделки и контролирующую их исполнение с помощью алгоритмов – программного кода¹.

Распространение смарт-контрактов вызвано необходимостью снижения расходов на осуществление операций за счет избавления от необходимости подтверждать исполнение контрактов с помощью сотрудников департаментов или посредников, в первую очередь, в сфере банковских услуг. Кроме того, широкое применение смарт-контрактов связано с осуществлением операций с криптовалютой, пик интереса к которым пришелся на 2017 год².

Сегодня применение смарт-контрактов отождествляют с технологией блокчейн – распределенного реестра, которая используется при работе с криптовалютой³.

В научной литературе встречаются различные представления о том, что же представляет собой смарт-контракт: договор, способ заключения договора или способ обеспечения обязательств.⁴

---

¹ Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets. 1996. // URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 05.11.2021).

² Что происходит с криптовалютой: от подъема и падения до государственного признания. // URL: <https://nangs.org/news/markets/currency/chto-proiskhodit-s-kriptovalyutoj-ot-podema-i-padeniya-do-gosudarstvennogo-priznaniya> (дата обращения: 05.11.2021).

³ Аграновская М.А., Кицмаришвили Д.Э. Юридические аспекты применения смарт-контрактов в цифровой экономике: российский и мировой опыт // Ученые записки Международного банковского института. 2019. №4(30). С. 156-180

⁴ Примак Т.К., Казакова Г.В. Смарт-контракты-настоящее и будущее // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2020. №2 (60). С.69-72

На наш взгляд, смарт-контракт представляет собой договор, заключенный в форме машиночитаемого кода, обязательства по которому исполняются сторонами в автоматическом порядке при наступлении указанных в договоре условий.

Квалифицировать смарт-контракт как отдельный вид договора позволяет наличие у него специальных признаков, отличающих его от традиционных договоров. К таким признакам относятся:

форма смарт-контракта – машиночитаемый код. При этом для стороны такого договора его содержание является неочевидным в силу особенностей восприятия информации – для стороны смарт-контракта важно согласование условий его исполнения;

условие исполнения смарт-контракта, лишенное оценочных суждений (исполнение смарт-контракта можно описать по логической формуле "если – то");

автоматическое исполнение контракта при наступлении указанного в нем условия.

Некоторые авторы¹ считают безотзывность смарт-контрактов (т. е. невозможность отказа от исполнения смарт-контракта) одним из их обязательных признаков, однако полагаем, что данный признак не может быть отнесен к контрактам, заключенным между организациями и потребителями (физическими лицами).

Применение смарт-контрактов оправдано в тех сферах, которые предполагают совершение периодических действий или платежей: аренда, кредитные договоры, договоры поставки энергетических или коммунальных ресурсов.

Федеральным законом "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" от 18.03.2019 N 34-ФЗ² внесены изменения в часть 1 статьи 160 Гражданского кодекса, предусмотрев возможность заключения сделок с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки. Следовательно, указанными изменениями расширена сфера применения смарт-контрактов в тех областях, в которых заключение договора возможно только в письменной форме, в том числе в области электроэнергетики.

В настоящее время наблюдается расширение сферы применения смарт-контрактов, что вызвано различными факторами:

1. Применение смарт-контрактов в области электроэнергетики.

Применение смарт-контрактов в данной области позволяет исключить из цепочки посредников, что в конечном счете приведет к уменьшению стоимости отпускаемой электроэнергии. Отдельные случаи введения смарт-контрактов при расчетах за потребленную электроэнергию имеются уже сейчас: в декабре 2019 года ПАО "Россети Урал" и компания SAP представили пилотный проект взаимодействия поставщиков электроэнергии, сетевых организаций и потребителей на основе смарт-контрактов и использования блокчейн-технологий.

Кроме того, зарубежный опыт применения смарт-контрактов позволяет говорить о широком потенциале их применения при расчетах за электроэнергию, выработанную с использованием возобновляемых источников электроэнергии (далее – ВИЭ).

С 28 декабря 2019 года в ФЗ "Об электроэнергетике" внесены изменения, на законодательном уровне закрепившие статус мини-электростанций, в том числе работающих от возобновляемых источников электроэнергии (микрoгенерация согласно терминологии, использованной в законе), закрепив право владельцев таких объектов продавать излишки произведенной электроэнергии. Полагаем, что в данной области также имеется потенциал для применения смарт-контрактов.

2. Применение смарт-контрактов в сферах взаимодействия с потребителями-физическими лицами.

Расширение применения смарт-контрактов в данной сфере обусловлено широким распространением телефонных приложений, с использованием которых можно совершать сделки.

В качестве простейшего примера прототипа смарт-контракта в сфере торговли, можно назвать автоплатеж для пополнения баланса сотового телефона.

Также смарт-контракты применяются агрегаторами, такими как Uber и Яндекс.Такси. Агрегаторы играют роль посредника и арбитра, который обеспечивает выполнение соглашения между водителем такси и клиентом: клиент выражает согласие оплатить поездку по стоимости, заранее определенной системой-посредником (агрегатором), а водитель, в свою очередь, обязуется выполнить услугу по перевозке клиента до заранее определенного места.

Классическим прототипом смарт-контракта является сервис защиты покупателя на Aliexpress (и не только на этой торговой площадке) – escrow служба. При оплате товара сумма сразу списывается с покупателя, но продавец не получает этих денег до тех пор, пока не выполнится одно из двух условий, либо покупатель подтвердит получение товара, либо с момента проведения сделки пройдет определенное

¹ Аграновская М.А., Кицмаришвили Д.Э. Юридические аспекты применения смарт-контрактов в цифровой экономике: российский и мировой опыт // Ученые записки Международного банковского института. 2019. №4(30). С. 156-180

² Федеральный закон "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" от 18.03.2019 N 34-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 05.11.2021)

время. После выполнения любого из этих условий произойдет автоматическое перечисление средств на счет продавца. Существуют и условия внутри смарт-контракта:

– продление защиты покупателя – в этом случае срок ожидания подтверждения получения товара увеличивается на какое-то время;

– сообщение покупателя о нарушении условий сделки (неполучение товара, товар не соответствует описанию или ненадлежащего качества) – в этом случае автоматическая работа смарт-контракта прерывается и сотрудниками Aliexpress осуществляется рассмотрение сути претензии и вынесение решения, после чего это решение вновь становится входной информацией для смарт-контракта для возврата денег (части денег) или их перечисления (возможно частичного) на счет продавца.

Однако применение смарт-контрактов связано и с различными рисками.

В первую очередь, это риск ошибки в программе, обеспечивающей исполнение смарт-контрактов. В этой части возникает закономерный вопрос об ответственности лица, разработавшего соответствующую программу, за причиненные убытки (ст. 15 ГК РФ). Однако применение правовой конструкции возмещения убытков предполагает доказывание вины разработчика в возникновении убытков у пользователя, что осложняется отсутствием у пользователя доступа к программному коду, отсутствием специальных познаний, а также наличием у разработчика возможности вносить изменения в программный код (например, обновление приложений, если смарт-контракт исполняется в мобильном приложении). Кроме того, сложно доказать сам факт возникновения убытков.

Серьезным риском при исполнении смарт-контрактов является возможная утечка данных клиента, а также возможность взлома программы и внесения изменений в условия смарт-контрактов посторонними лицами. Нередки случаи утечки личных данных пользователей мобильных приложений, в том числе данных платежных документов и карт. К этой же группе риска можно отнести утрату доступа пользователя к системе в результате действий третьих лиц или собственных неосторожных действий пользователя.

Что касается правового регулирования смарт-контрактов, то некоторые юристы отмечают отсутствие необходимости принимать отдельные правовые акты до формирования в обществе устойчивой потребности к применению смарт-контрактов и их широкому распространению, предлагая до принятия специального регулирования применять действующее нормы по аналогии¹. С этим мнением сложно согласиться, поскольку применение смарт-контрактов уже началось, а значит, уже имеется потенциальная угроза нарушения прав сторон таких договоров. Поэтому полагаем разумным ввести рамочное регулирование особенностей применения смарт-контрактов, закрепив основные принципы взаимодействия сторон контракта, а также основные параметры ответственности как сторон, так и разработчиков программного обеспечения.

Говоря о концепции развития правового регулирования смарт-контрактов, нельзя обойти вопрос разработки правовых норм в машиночитаемой форме, т. е. в виде программных кодов. В РФ существует проект Automated Law, разрабатываемый юристами и программистами юридической компании А. М. Вашкевича "Симплоер". В 2018 году проект о разработке машиночитаемых и самоисполняемых норм права был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований, однако до настоящего времени (ноябрь 2021 года) информация о реализации проекта и каких-то результатах не размещена ни на официальном сайте Симплоера <http://automated.law/>², ни на сайте РФФИ.

По нашему мнению, несмотря на быстрое развития как цифровой экономики в целом, так и LegalTech, до момента практической реализации идеи машиночитаемых норм права пройдет еще очень много времени, поскольку, как указывает команда А. М. Вашкевича в описании проекта Automated Law, для перевода привычного юридического языка на машинный следует в первую очередь упростить сами правовые нормы и исключить их двусмысленность. Разработка машиночитаемых норм требует с одной стороны, разработки особой юридической техники, а с другой – внесение изменений в действующие правовые нормы, т. е. нормы, записанные обычным текстом, поскольку, по нашему мнению, разработка машиночитаемых норм не должна привести к упразднению текстового формата существования норм права, поскольку субъекты правоотношений должны иметь источник для ознакомления с их содержанием.

В сентябре 2021 года Правительством РФ была утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права³, согласно которой при текущем уровне развития технологии нормы машиночитаемого права дополняют, а не заменяют нормы права в привычном виде, при этом авторами концепции про-

¹ Сделка с последствием: перспективы и риски применения смарт-контрактов в России // URL: <https://rg.ru/2020/02/11/sdelka-s-posledstviem-perspektivy-i-riski-primeneniia-smart-kontraktov-v-rossii.html> (дата обращения: 05.11.2021)

² Междисциплинарное исследование об автоматизации права // URL: <http://automated.law> (дата обращения 05.11.2021)

³ "Концепция развития технологий машиночитаемого права" (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 N 31) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения 05.11.2021)

гнозируется преобладание норм машиночитаемого права и их параллельное существование и равная юридическая сила с нормами в обычном, текстовом формате.

Таким образом, в области права и правового регулирования происходит "технологическая революция", которая приведет как к изменению формы оформления правоотношений и все большему распространению смарт-контрактов, так и, возможно, к изменению самой формы норм права, замены существенной их части на машиночитаемые нормы, что имеет как свои плюсы, так и определенные риски.

Юдин Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, профессор кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии

Yudin Andrey Vladimirovich

Doctoral degree in law, professor, head of Department of Civil Procedural and Business Law, Faculty of Law, Samara National Research University, Professor of the arbitration process Department of the Saratov state law Academy

E-mail: udin77@mail.ru

Инициатива суда в собирании доказательств по гражданскому делу в контексте оснований для отмены или изменения судебных актов

The initiative of the court in collecting evidence in a civil case in the context of grounds for cancellation or amendment of judicial acts

---

Аннотация. Аксиоматично признаваемая ценность принципов процессуального права, прежде всего, принципов состязательности и процессуального равноправия, позволяет поставить вопрос о последствиях отступления от данных принципов с позиций последующей стабильности судебного акта. В статье разбирается достаточно распространенная, и порожденная отчасти объективными причинами, ситуация, при которой суд проявляет чрезмерную, и выходящую за рамки руководства процессом, инициативу в собирании доказательств. Парадоксально, но по ряду анализируемых автором причин судебный акт вряд ли может быть отменен или изменен по указанному основанию; напротив, судебный акт с большей вероятностью может быть отменен если суд не проявит такой инициативы. Нарушение принципа состязательности может быть квалифицировано в качестве т.н. условных нарушений норм процессуального права, влекущих отмену судебного акта при условии, что они привели или могли привести к принятию неправильного решения, однако выполнение судом функций по собиранию доказательств может, напротив, поспособствовать правильности судебного акта. Такое решение может оказаться правильным по существу спора, однако несправедливым по отношению к одной из сторон. В работе обосновывается взгляд на нарушение принципа состязательности, сводящегося к собиранию судом доказательств по собственной инициативе, как на процессуальное нарушение и нарушение норм Конституции РФ (с учетом принадлежности принципа состязательности к числу конституционных принципов), которое не может оставаться без реакции судов проверочной инстанции. Подобное реагирование могло бы сводиться если и не к применению санкций ничтожности, то к вынесению частного определения в адрес суда, допустившего нарушение.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, собирание доказательств, представление доказательств, запрос на получение доказательств, инициатива в собирании и представлении доказательств, состязательность, процессуальное равноправие

Abstract. The axiomatically recognized value of the principles of procedural law, first of all, the principles of adversarial and procedural equality, allows us to raise the question of the consequences of deviation from these principles from the standpoint of the subsequent stability of the judicial act. The article deals with a fairly common, and partly generated by objective reasons, situation in which the court takes the initiative in collecting evidence. Paradoxically, for a number of reasons analyzed by the author, the judicial act can hardly be canceled or changed on the specified basis, but it may well be canceled if the court does not show the necessary initiative. Violation of the adversarial principle can be qualified as so-called conditional violations of procedural law, entailing the cancellation of a judicial act, provided that they led or could lead to the adoption of an incorrect decision, however, the adoption by the court of the functions of collecting evidence may, on the contrary, contribute to the correctness of the judicial act. That is, the decision may be correct on the merits of the dispute, but unfair to one of the parties. The paper substantiates the view of the violation of the adversarial principle, which amounts to the collection of evidence by the court on its own initiative, as a procedural violation and violation of the norms of the Constitution of the Russian Federation (taking into account the affiliation of the adversarial principle to the number of constitutional principles), which cannot remain without the reaction of the courts of the verification instance. Such a reaction

could be reduced, if not to the application of sanctions of nullity, then to the issuance of a private ruling to the court that committed the violation.

Keywords: evidence, proving, collecting evidence, presenting evidence, request for evidence, initiative in collecting and presenting evidence, adversarial, equality

В учебной и научной литературе, в правоприменительных актах высших судебных инстанций неизменно подчеркивается важность принципов гражданского процессуального и арбитражного процессуального права, в частности, принципа состязательности.¹ Придание основополагающего значения принципам процесса дает все основания полагать непреложность таких принципов, когда отступление от них способно обусловить ничтожность процессуальной деятельности, протекавшей в противоречие с тем или иным принципом.

Справедливость данного суждения следует, в частности, из некоторых оснований реестра т.н. безусловных процессуальных оснований для отмены судебного акта (часть 4 статьи 330 ГПК РФ, часть 4 статьи 270 АПК РФ). Можно констатировать, что нарушение принципа независимости судей, принципа языка гражданского судопроизводства, гласности и других – действительно способны повлечь (и влекут) отмену судебного акта, безотносительно к правильности решения по существу спора.

Однако данное непреложное правило не всегда проводится последовательно; не все возможные нарушения принципов процесса в равной степени обеспечены санкциями отмены судебных актов или вообще какой-либо законодательно нормированной негативной реакцией со стороны вышестоящих судебных инстанций.

Иллюстративным в этом отношении является принцип состязательности, обуславливающий собирание и представление доказательств сторонами спора, а не судом (статья 12, часть 1 статьи 57 ГПК РФ, статья 9, часть 1 статьи 66 АПК РФ), при том, что роль последнего заключается в оказании содействия лицам, участвующим в деле, в осуществлении их процессуальных прав. Закономерно, что доказательственная пассивность сторон, как форма отступления от состязательного принципа, может повлечь наступление неблагоприятных последствий (часть 2 статьи 35 ГПК РФ, часть 3 статьи 41 АПК РФ), но неочевидно, *может ли повлечь наступление неблагоприятных последствий другое отступление от состязательного начала, а именно собирание судом доказательств по собственной инициативе в той или в иной форме, превышающее допустимую активность суда в руководстве процессом?*

Отступление от начал состязательности может иметь разные формы; все они сводятся к действиям суда, выходящим за пределы предоставленной ему нормами процессуальных кодексов активности. Например, самостоятельный запрос фактического материала; выдача стороне запроса на получение доказательства без заявленного ходатайства и без судебного заседания, в котором бы разрешался вопрос об истребовании доказательств; прямое адресованное стороне предписание о необходимости представления конкретных доказательств; многократное отложение заседаний с целью стимулирования сторон к представлению доказательств, на которых настаивает суд и пр.

Реалии судебной практики подсказывают *отрицательный ответ на вопрос относительно вероятности наступления неблагоприятных последствий сбора доказательств судом по собственной инициативе с точки зрения последующей стабильности судебного акта*. Скорее, неблагоприятные последствия может повлечь недостаточная активность суда, приведшая к неполноте материалов дела и возможной необоснованности судебного акта, то есть основанием к отмене судебного акта выступит скорее «недоработка» суда в наполнении дела доказательственным материалом, чем его «переработка» в этом вопросе.

В обоснование можно привести несколько суждений.

1) Суд проверочной инстанции скорее констатирует неполноту фактического материала дела с сопутствующими этому последствиями, чем будет исследовать причины, повлекшие такую неполноту. Грань между непринятием судом мер по определению предмета доказывания, не разъяснением стороне прав и обязанностей в сфере доказывания, не постановкой на обсуждение дополнительных обстоятельств дела, не предложением стороне представить дополнительные доказательства, что действительно составляет неисполнение процессуальных обязанностей органом судебной власти, приведшее к неполноте материалов дела, и разумным бездействием суда, оправданным состязательным началом процесса, настолько эфемерна, что может оказаться неразличимой перед лицом суда проверочной инстанции, и привести к отмене судебного акта.

2) Неполнота материалов дела и фактическая необоснованность решения на фоне объективно существующих доказательств, не представленных своевременно стороной, вполне наглядны для любого лица, призванного составить представление о законности и обоснованности судебного акта, тогда как

¹ См.: Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982; Шишкин С.А. Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 1997; Демичев А.А., Исаенкова О.В. Принципы и источники гражданского процессуального права Российской Федерации: Учебное пособие. Н. Новгород: НА МВД России, 2005; Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Городец, 2009 и др.

недолжное состязательное поведение стороны, как правило, неочевидно, и всегда может быть объяснено различными причинами.

В этой ситуации суду рациональнее явно или неявно проделать работу сторон, избавившись от возможных претензий, чем проявить предписанную состязательным началом пассивность и столкнуться с рисками возможной отмены или изменения судебного акта.

3) В справедливости приведенных суждений убеждают и правовые позиции судебной практики. Так в абзаце 5 пункта 26 утратившего ныне силу Постановлении Пленума ВАС РФ от 28.05.2009 № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» давалось следующее разъяснение: «принятие дополнительных доказательств судом апелляционной инстанции не может служить основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции; в то же время непринятие судом апелляционной инстанции новых доказательств при наличии к тому оснований, предусмотренных в части 2 статьи 268 Кодекса, может в силу части 3 статьи 288 Кодекса являться основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции, если это привело или могло привести к вынесению неправильного постановления».

Подобное разъяснение говорит само за себя – принятие новых доказательств судом второй инстанции, даже при всей сомнительности невозможности их представления в суде первой инстанции, не несет никаких рисков, такой судебный акт будет защищен от возможной отмены; и, напротив, их непринятие выглядит куда более рискованным. Выбор, который сделает суд при такой неравной альтернативе, скорее всего, предопределен.

В последующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» категоричность предлагаемого разъяснения была отчасти сглажена: «мотивированное принятие дополнительных доказательств арбитражным судом апелляционной инстанции в случае, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными, а также если судом первой инстанции было отклонено ходатайство об истребовании доказательств, не может служить основанием для отмены постановления арбитражного суда апелляционной инстанции; в то же время немотивированное принятие или непринятие арбитражным судом апелляционной инстанции новых доказательств при наличии к тому оснований, предусмотренных в части 2 статьи 268 Кодекса, может в силу части 3 статьи 288 Кодекса являться основанием для отмены постановления арбитражного суда апелляционной инстанции, если это привело или могло привести к принятию неправильного постановления» (абзац 5 пункта 29). Видно, что мотивированное принятие новых доказательств по-прежнему застраховано от возможной отмены; только лишь немотивированное принятие новых доказательств несет в себе некоторые риски.

4) Еще одной возможной причиной «ненаказуемости» отступления суда от принципа состязательности является некая логическая и юридическая незавершенность ситуации, которая возникла бы при последовательном позиционировании недопустимости подмены судом функций сторон. Обнаружив нарушение суда первой инстанции в виде разумной сдержанности при доказывании, суд проверочной инстанции будет вынужден в той или в иной форме дезавуировать постановленное (возможно правильное по существу!) решение на основе собранных судом доказательств, рассмотреть дело как бы в отсутствие таких доказательств, и постановить решение другого содержания.

Такая, своего рода жертва правильным решением, постановленным на основе объективно имеющихся доказательств, была бы воспринята как неоправданно жестокая мера по отношению к стороне, чью работу проделал суд первой инстанции; при том, что сторона при производстве в первой инстанции могла оказаться в подобных льготных условиях не по своей воле, а по неуместной активности самого судебного органа; в конечном счете, нарушение, допущенное одним субъектом, экстраполировалось бы на правовую сферу другого субъекта; имеющие у стороны доказательств оказывались бы лишены юридической силы вследствие акта чрезмерной судейской активности, что само по себе не свидетельствует об их недопустимости или получении с нарушением требований закона.

5) В качестве продолжения предыдущего тезиса отметим, что не способствует укреплению состязательности и закрепление оснований для отмены или изменения судебных актов, при которых отмена по мотиву нарушения норм процессуального права может иметь место только при условии, что такое нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения (часть 3 статьи 330 ГПК РФ, часть 3 статьи 270 АПК РФ); при этом оговаривается, что правильное по существу решение не может быть отменено по одним лишь формальным соображениям (часть 6 статьи 330 ГПК РФ).

Хотя, разумеется, не так наглядна связь между нарушением закона и определительной частью решения, «когда дело идет о нарушении форм и обрядов судопроизводства. ...нельзя сказать во всех случаях, что так как решение постановлено за упущением этого обряда, то оно основывается на этом упущении... мы должны будет допустить, что причинная связь между несоблюдением обрядов и форм процесса и решением дела, если не всегда существует в действительности, то всегда возможна и, в видах охранения правильного порядка судопроизводства, даже следует предполагать ее, пока в деле не откроются обстоятельства, доказывающие противное. Предположение это вполне естественно, потому

что обряды и формы процесса считаются гарантиями правосудия и, где суд отнял эти гарантии у тяжущихся, там возникает сомнение в законности и правильности самого решения».¹

Сбор судом доказательств по собственной инициативе – это нарушение, которое далеко не во всех случаях может обусловить неправильность судебного акта; скорее наоборот, такая помощь суда может способствовать правильности решения; суд прибегает к подобного рода активным полномочиям с тем, чтобы восполнить недостаточность фактической позиции стороны по спору, а с учетом того, что он и является субъектом, принимающим итоговый судебный акт, никто другой не чувствует так остро нехватку доказательственных материалов дела. Таким образом, решение, вынесенное при нарушении принципа состязательности, может оказаться правильным, и это внешне покрывает допущенное нарушение процессуального закона, однако подобное решение не будет справедливым по отношению к одной из сторон.

Но при определенных условиях, диктат суда в собирании доказательств может не позволить другой стороне полноценным образом осуществить свои права в сфере доказывания, и именно это приведет к принятию неправильного итогового судебного акта. Возможно такую неправильность, при нарушенном балансе состязательности, следовало бы возвести в разряд презумпций, полагая неправильным решение суда, которое было постановлено при рассматриваемом нами отступлении от принципа состязательности. Если фактически имело место «состязание» стороны не со своим оппонентом – другой стороной спора, а с судом, то говорить о равенстве процессуальных возможностей здесь не приходится.

Однако инерция описанной ситуации такова, что многим рациональным представляется сохранение status-quo, когда проделанная судом работа, завершившаяся вынесением решения по полному установленным обстоятельствам дела, то есть имевшая позитивный результат, не должна пропасть впустую, не должна быть перечеркнута отступлением от процессуальных формальностей.

В конечном итоге, поставленная дилемма – это определение приоритета между содержанием и формой, между правильностью результата процессуальной деятельности по существу и условиями, формой осуществления такой деятельности.

Сложившаяся ситуация не способствует упрочению принципов состязательности и процессуального равноправия, что требует выработки сбалансированного подхода к пониманию последствий отступления от данных принципов.

Принципиальными представляются следующие моменты.

1) Всякое отступление от принципа состязательности, как в сторону недостаточной активности суда, так и в сторону превышения допустимой активности, нормированной законом, представляет собой не только процессуальное нарушение, но и с учетом принадлежности принципа состязательности к конституционным принципам – также нарушение норм Конституции РФ (часть 3 статьи 123). В этом смысле, исключается всякое ранжирование нарушений на допустимые или недопустимые ит.. п.

2) Собирание доказательств судом в нарушение принципа состязательности, хотя и не отнесено к числу «безусловных» нарушений норм процессуального права, может и должно позиционироваться в качестве нарушения нормы процессуального права, влекущего необходимость отмены или изменения судебного акта при установлении причинно-следственной связи между допущенным нарушением и правильностью судебного акта по существу спора.

Характерно, что в разъяснениях высшей судебной инстанции нарушение принципа состязательности прямо названо в качестве основания для возможной отмены судебного акта (абзац 3 пункта 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»; абзац 4 пункта 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции»).

Собирание судом доказательств может сопровождаться умалением прав на собирание и представление доказательств другой стороны, что позволит констатировать нарушение норм процессуального права, влекущее необходимость отмены судебного акта.

3) Возвращаясь к описанной выше ситуации нелогичности положения, при котором суд вынужден был бы отменять решение, постановленное с нарушением принципа состязательности, и, несмотря на наличие необходимых доказательств, констатировать нарушение порядка их собирания и представления, принимать иное решение, либо (в зависимости от уровня инстанции) передавать дело на новое рассмотрение, заметим следующее.

Санкция ничтожности не является единственной в процессуальном праве; суд проверочной инстанции не лишен права вынести частное определение (статья 226 ГПК РФ, статья 188.1 АПК РФ) в адрес суда, допустившего превышение своих полномочий, безотносительно к правильности судебного акта по существу спора.

Такое частное определение, хотя и не сопряженное с отменой или изменением судебного акта, будет достаточно мощным индивидуальным принудительным и профилактическим средством, содержа-

¹ Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. Том второй. СПб., 1875. С.290.

щим ясно выраженное осуждение имевшего место порядка процесса и лица, допустившего нарушение, вполне достаточным для предотвращения таких нарушений в будущем.

4) Предотвращение описываемых нарушений возможно только при активной роли стороны, «против» которой допускается описываемое нарушение (разумеется, можно допустить ситуации, при которых сторона и в «пользу» которой допускается нарушение, может возражать против излишней судебной опеки). Такая сторона может использовать весь арсенал процессуальных средств, предоставленных законом: возражать против действий председательствующего (часть 2 статьи 156 ГПК РФ); заявлять отводы при наличии оснований (глава 2 ГПК РФ, глава 3 АПК РФ); ссылаться на получение доказательств с нарушением требований закона (часть 2 статьи 55 ГПК РФ, часть 3 статьи 64 АПК РФ) и пр.

Такие действия, фиксация их результатов, реакция на них суда – в последующем создадут необходимую процессуальную и доказательственную базу имевшего место отступления от состязательно-го начала.

И, напротив, при отсутствии какой-либо внятной реакции, последующие утверждения лица о проявленной судом первой инстанции инициативе не будут столь убедительны перед судом вышестоящей инстанции.

5) Орган судебной власти, который (по его мнению) объективно вынужден восполнять доказательственные упущения стороны, мог бы быть избавлен от этой лишней работы при условии более последовательного отражения хода процесса и его результатов в процессуальных документах, по которым в последующем будет осуществляться проверка законности и обоснованности судебного акта.

Так, обращенные к лицам требования суда о представлении доказательств, сведения о разъяснении им процессуальных прав и обязанностей в данной сфере, могли бы быть отражены в определениях, выносимых по ходу разбирательства и в протоколе судебного заседания. Констатации относительно неисполнения доказательственных обязанностей и сопутствующие выводы об актуализации неблагоприятных последствий допускаемого бездействия вполне органично вошли бы в содержание итогового судебного акта. В большинстве решений можно встретить описание и оценку доказательств, но не указание на источник его получения или причины непредставления доказательств.

При отсутствии подобного акцента даже имевшее место бездействие сторон становится неотличимым от неизвинительного бездействия суда, и позволяет суду вышестоящей инстанции выдвигать в его адрес соответствующий упрек.

РАЗДЕЛ IV УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Абдуллаев Ямудин Джамалдинович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Дзержинский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Yamudin D. Abdullaev

candidate of sciences (law), associate professor, associate professor of the department of humanities and legal disciplines Dzerzhinsk Branch of Nizhny Novgorod Lobachevsky State University

E-mail: abdullaevyam@yandex.ru

Дягилев Андрей Аркадьевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России

Andrey A. Daygilev

Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Department of Operational and Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: musasi2008@yandex.ru

Экономические предпосылки криминальной эксплуатации человека: ретроспективный анализ и современное состояние.

Economic prerequisites of criminal exploitation of a person: a retrospective analysis and the current state.

Аннотация. В настоящее время во всем мире имеют место факты криминальной эксплуатации человека. Казалось бы ушедшие в прошлое торговля людьми, рабство и схожие с ним состояния получили новое развитие. В представленной статье рассматриваются экономические причины указанных явлений, а также ретроспективный анализ и современное состояние общественных отношений, связанных с криминальной эксплуатацией человека и нарушением его права на личную физическую свободу.

Ключевые слова: рабство, работорговля, торговля людьми, криминальная эксплуатация человека, теневая экономика, организованная преступность, преступления против свободы человека

Abstract. Currently, there are facts of criminal exploitation of a person all over the world. It would seem that human trafficking, slavery and similar conditions that have gone into the past have received a new development. The presented article examines the economic causes of these phenomena, as well as a retrospective analysis and the current state of public relations related to the criminal exploitation of a person and violation of his right to personal physical freedom.

Keywords: slavery, slave trade, human trafficking, criminal exploitation of a person, shadow economy, organized crime, crimes against human freedom

---

Современное международное и российское законодательство, основываясь на гуманитарных началах, в рамках концепции правового государства признает абсолютный приоритет прав и интересов личности по отношению к интересам государства¹. Наряду с признанием основных прав и свобод человека с момента его рождения, оно содержит в себе указание на отдельные их виды, среди которых можно выделить: личную свободу и неприкосновенность, свободу от рабства, свободу передвижения и выбора места жительства; свободу использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; право на труд – запрет принудительного труда и др.² Как справедливо указывают ученые «свобода – антитеза криминальной эксплуатации человека, в основе которой лежит состояние бесправия, «несвободы» человека. Истоки криминальной эксплуатации – в легальной или нелегальной возможности (свободе) одних распоряжаться свободой других»³.

Анализируя вопросы, связанные с посягательством на свободу человека и его эксплуатацией, мы видим, что появление и существование в различные исторические эпохи, указанных явлений во многом обусловлено экономическими причинами. Так, для первых государств древнего мира рабство составляло основу их экономик. В большинстве своем количество рабов пополнялось в результате войн и набегов. Однако имел место и перевод в зависимое положение своих сограждан, как правило, по причине совершения ими преступления или невозможности возвращения взятого долга. Интенсивное развитие рабовладения, существование двух резко противостоящих друг другу классов потребовали теоретического обоснования. Античная философия, признавая противоположность свободного человека и раба, была озабочена тем, чтобы придать свободе реальный статус, делая из рабства одних условие действительной свободы других⁴. Так, например, Аристотель обосновывая превосходство эллинов над всеми другими народами, указывал, что «сама сущность варваров способствует тому, чтобы они подчинялись и были рабами эллинов, которые и выступают в роли властителей»⁵. В дальнейшем данные идеи получили свое развитие в Древнем Риме, где сформировалась экономико-правовая парадигма, согласно которой имело место равенство граждан в республике и абсолютная власть отдельного гражданина над всем, что принадлежало ему, в том числе над рабом, низведенным в категорию имущества свободного человека. «Раб был вещью, одной из тех вещей, на которые римлянин сохранил за собой право наиболее полной собственности, *res mancipi*.... Это право было столь абсолютным, что раб, попавший в руки врага и бежавший из плена, в случае возвращения на римскую территорию снова возвращался в прежнее состояние рабства, как если бы он никогда из него не выходил»⁶. Со временем правовое положение рабов несколько поменялось. В позднеримских юридических источниках содержатся многочисленные законы, существенно облегчающие процедуру освобождения раба, а также защищающие представителей данного сословия от тех или иных беззаконий⁷. Причины произошедших изменений связаны как с необходимостью снижения протестных настроений среди рабов, составляющих значительную часть населения подконтрольных Риму территорий, так и с необходимостью стимулирования рабов на повышения эффективности производительности их труда⁸. При этом, несмотря на некоторое смягчение, рабство как институт отменено не было.

Подневольное состояние, связанное с ограничением личной свободы человека было хорошо известно и в Древней Руси. В специальной литературе отмечается, что XX-XII веках рабство у славян было достаточно распространено. Так, «раб, забитый в колодки, был привычным товаром. Торговля пленниками-рабами стала настолько обыденным и массовым явлением, что сложилась какая-то средняя («челядинная цена») за каждую штуку живого товара»⁹. Основными потребителями живого товара выступали Восточная Римская империя и мусульманский Восток. Как отмечают исследователи, именно но русы, согласно восточным источникам, стали основными поставщиками живого товара на Волжском

¹ См.: Агафонов М.В. Теоретические и правовые аспекты становления и развития принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина / Вестник Уральского юридического института МВД России № 1 2020 С. 57-61

² Абдуллин А.И. 70 лет Всеобщей декларации прав человека / Вестник экономики, права и социологии. – Казань. – 2018. С. – 291-293. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения 01.11.2021).

³ Коваленко В.И. Теоретические и прикладные проблемы противодействия криминальной эксплуатации человека (криминологическое исследование) / Коваленко Вера Ивановна // дис... д-ра юрид. наук. – М., 2017. – С. 6.

⁴ Завьялова Г.И. Становление категорий ответственности и свободы в античной философии / <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-kategoriy-otvetstvennosti-i-svobody-v-antichnoy-filosofii/viewer> (дата обращения 12.06.2021)

⁵ Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. – М.: Изд-во «Мысль», 1983. С. – 377

⁶ См. Валлон А. История рабства в античном мире. ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ, М., 1941 г. перевод с франц. С.П. Кондратьева. Под редакцией и с предисловием проф. А. В. Мишулина. С. – 359

⁷ См. Шевченко А.А. К вопросу об освобождении рабов в Римской империи в IV-VI вв. на основании юридических источников <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osvobozhdenii-rabov-v-rimskoy-imperii-v-iv-vi-vv-na-osnovanii-yuridicheskikh-istochnikov/viewer> (дата обращения 29.10.2021)

⁸ См. например: Нуреев Р.М. Античное общество - первый опыт экономической и политической демократии <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18784669> (дата обращения 17.10.2021)

⁹ Фроянов И.Я. Зависимые люди древней Руси. С.Пб., 2010.С. – 43,46.

пути. Другим важным региональным политическим игроком в первой половине IX столетия стали мадьяры¹. Со временем в силу появления и накопления рабов в русском обществе возникла необходимость в юридическом определении и закреплении данного класса и его соотношения со свободными людьми. Как и в римском праве, имел место вещный подход по отношению к зависимым категориям населения (холопам, закупам и др.), рассматривающий их как имущество хозяина, обладающее определенным материальным эквивалентом².

Кроме того, необходимо отметить, что существенное влияние на вопросы правового закрепления личной свободы человека в средние века оказали теологические воззрения того времени. Как отмечают исследователи, в указанный период в мировых религиях сложилось идеологическое оправдание рабства. Буддизм объяснял рабское положение человека его кармой, христианство – наказанием за грехи, ислам рассматривал рабство как проявление воли Аллаха, который может вознести или уничтожить человека. В иудаизме рабство рассматривалось как проявление воли Божьей: верующий иудей до сих пор в своей молитве благодарит Бога за то, что тот не создал его рабом³. Со временем данная позиция была несколько скорректирована. По мере своего развития основные религии стали декларировать негативное отношение к порабощению единоверцев. Однако, как отмечают специалисты, указанное правило носило скорее рекомендационный характер, служило морально-нравственным ориентиром и могло быть проигнорировано в угоду корыстным интересам. Так, например, «с XIII в. существовала монополия кафинских генуэзцев на всю причерноморскую работорговлю ... европейские купцы тем успешнее могли вести свое дело, что не были сдерживаемы, как мусульмане, запретом на торговлю единоверцами. Для итальянцев этих проблем не существовало после того, как известный писатель эпохи Возрождения Ф. Саккети и не менее авторитетный пастор, архиепископ флорентийский Антоний, не сговариваясь, провозгласили, что «крещение не освобождает от рабства»⁴.

Эпоха Возрождения и следующее за ней Новое время привнесли значительные изменения в различные сферы жизни общества. В это время формируются основы концепции правового государства и естественного права, согласно которым свобода провозглашается высшей ценностью в обществе, однако рассматривается не в качестве абсолютного понятия. Свобода одного человека ограничивается свободой другого. Необходим общественный договор, определяющий правила их взаимодействия, в том числе, пределы реализации своей свободы без ущерба свободе иных участников. Так, принятая во Франции в 1789 году Декларация прав человека и гражданина закрепила, что: «Люди рождаются свободными и равными в правах, цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека, свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению». Данный тезис корреспондирует с утверждением Декларации независимости США о том, что принявшие ее исходят из «самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»⁵.

Однако, несмотря на декларативное закрепление естественных прав на личную физическую свободу, признавались они далеко не за всеми категориями лиц. В угоду экономическим требованиям, обусловленным появлением в результате колониальных экспансий значительных территорий, требовавших своего освоения, вновь была возрождена практика порабощения представителей других рас и народов с целью их последующей эксплуатации. Так, например, «вплоть до 1670 г. работорговля во Франции была под запретом. И лишь тогда, когда во французских колониях в Вест-Индии обнаружилась все нарастающая потребность в рабочей силе, королевский интендант Ж.-Б. Кольбер, министр финансов в правительстве Людовика XIV, потребовал у депутатов Государственного совета легализации торговли живым товаром. Незадолго до этого, в 1664 г., Кольбером была создана Французская Вест-Индская компания, получившая право распоряжаться в течение 40 лет всеми французскими владениями на атлантическом побережье Африки и Америки, а также исключительное право торговли с Америкой и Вест-Индией, в том числе – (с 1670 г.) африканскими рабами. ... Достаточно быстро оформился печально известный «большой круг» или, иначе, «система треугольной торговли». Из Европы отправлялись в Африку суда, груженные дешевыми промышленными товарами. На Гвинейском побережье Африки их обменивали на рабов, которых переправляли через Атлантику в Вест-Индию и

¹ См. Шорохов В.А. Предпосылки развития восточноевропейской работорговли в IX первой половине Хв. (по данным восточных источников) Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета 2013 (12) С. – 195-205

² См. например: Чистяков О. И. Российское законодательство X-XX веков / в 9-ти томах под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984 С.105. [Электронный ресурс] <http://www.studfiles.ru/preview/2164888/> (дата обращения 15.10.2021)

³ См. Иноземцева Е.И. Рабство в средневековом Дагестане в контексте религиозных воззрений <https://cyberleninka.ru/article/n/rabstvo-v-srednevekovom-dagestane-v-kontekste-religioznyh-vozzreniy/viewer> (дата обращения 15.10.2021)

⁴ См. Лучицкий И. В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV–XV вв. Киев: Университетская типогр., 1886. 56 с. Цит. по: В.Е. Возгрин Рабство в странах Черного моря (позднее Средневековье – Новое время) <https://cyberleninka.ru/article/n/rabstvo-v-stranah-chemogo-morya-pozdnee-srednevekovie-novoe-vremya/viewer> (дата обращения 23.07.2021)

⁵ Яковлева Л.И. Французская декларация прав человека и гражданина 1789 года: история принятия, предпосылки, уроки / <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsuzskaya-deklaratsiya-prav-cheloveka-i-grazhdanina-1789-goda-istoriya-prinyatiya-predposylki-uroki/viewer> (дата обращения 02.08.2021)

Америку, а там обменивали на золото, серебро, сахар, табак, хлопок, кофе и ром. Все это везли на рынки Европы: круг, таким образом, замыкался»¹.

Таким образом, мы видим, что возможность извлечения сверхприбыли явилась побудительным мотивом к массовому нарушению прав целых народов на личную свободу, к их порабощению, лишению правосубъектности и низведению к категории говорящих орудий труда. Как верно заметил по этому поводу английский публицист и общественный деятель Томас Джозеф Даннинг: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами»².

В угоду экономическим интересам, наряду с изменением законодательства, формировалась и философско-идеологическое обоснование необходимости и его возможности рабства при наличии определённых условий. Обратимся к одному из наиболее известных трудов Ш.Л. Монтескье – «О духе законов», в котором автор, декларируя в целом отрицательное отношение к рабству, все же допускает его существование. «Оно (*рабство – прим. наше*) дурно по самой своей природе; от него нет пользы ни рабу, ни господину... но есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму..., область естественного рабства должна быть ограничена лишь некоторыми отдельными странами земного шара»³.

Масштабы торговли людьми были столь велики, что для борьбы с ней потребовалось принятие специальных международных норм. В XIX веке международное сообщество приняло «Декларацию Венского конгресса 1815 года» и «Декларацию Аахенского конгресса 1818 года», объявившие преступной торговлю неграми; «Договор 1841 года между Англией, Францией, Россией, Австрией и Пруссией», приравнивавший работорговлю к пиратству; «Генеральные акты Берлинской конференции» - 1885 года и Брюссельской конференции – 1890 года, запрещавшие работорговлю и предусматривавшие конкретные шаги, направленные на предотвращение работорговли⁴. Кроме того легализация в указанный период проституции – одной из самых распространенных форм сексуальной эксплуатации женщин, как в Российской империи, так и на территории других государств, привела к новому всплеску торговли женщинами. Распространение данного явления были таково, что оно даже получило отдельное название – «торговля белыми рабынями» или «белое рабство». «Пользуясь тем, что сама проституция почти повсюду перестала быть наказуемой, многочисленные агенты домов терпимости, в особенности из стран, где ощущался недостаток женщин (Аргентина, Бразилия, Турция и пр.), свободно раскинули свою сеть для вовлечения в разврат девушек, ищущих заработка. Под предлогом предоставления места в отдаленной стране или рисуя перспективы богатого замужества, они увозили намеченную жертву из ее родной страны, ставили в безвыходное положение в стране, куда она привозилась, или даже прямо продавали ее в дом терпимости»⁵. Вместе с этим, соглашаясь Е.Б. Мизулина, необходимо отметить, что указанные международно-правовые акты, были «направлены на пресечение работорговли, но не ликвидацию рабства как такового. Лишь в XX веке появились международно-правовые акты, запрещающие не только работорговлю, но и рабство, как социальное явление»⁶.

Ситуация с обеспечением личных свобод человека и гражданина изменилась в период существования СССР. В настоящее время нет единой позиции в вопросе обеспечения личных свобод советских граждан. Некоторые исследователи считают, что «в истории человечества был кратковременный (по историческим меркам) период, когда рабство, а также институты и обычаи, сходные с ним, были фактически искоренены. Это произошло в Советском Союзе и странах социалистического содружества, где уничтожение частной собственности, на средства производства, ликвидировало коренную причину рабства и подневольной эксплуатации одним человеком другого. Поэтому в подавляющем большинстве регионов, где реально действовала советская (народная) власть, рабство было практически ликвидировано. Исключение составляли лишь некоторые отдаленные, периферийные территории (например, Северного Кавказа, Средней Азии), где ограниченно и скрытно действовали отдельные родоплеменные и сходные с ними от-

¹ Филиппов В.Р. Филиппова Е.И. Работорговля в истории Гваделупы <https://cyberleninka.ru/article/n/rabotorgovlya-v-istorii-gvadelupy/viewer> (дата обращения 23.07.2021)

² Dunning T.J. Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention. London: Published by the author, and Sold by M. Harley, No 5, Raquet court, Fleet street, E.C. 1860. P. 35–36. (Цит. по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. М.: Изд-во полит.лит-ры, 1960. С. – 770).

³ См. Монтескье Ш. Л. О духе законов. Электронный ресурс URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf>

⁴ См. например: Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. – М.: Юрист, 2006. С. – 37.

⁵ См. Люблинский П.Ю. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925 С. 195 Цит. по.: Федорович Д.Ю. Оперативно-розыскное обеспечение предупреждения и раскрытия торговли людьми. М. 2010. С. – 15.

⁶ См. Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. – М.: Юрист, 2006. С.37.

ношения, в том числе и связанные с принудительными социальными институтами (пережитками местных обычаев), как то: организация семейных, брачных отношений»¹. Кардинально иной позиции придерживается профессор Ю.М. Антонян, указывающий, что «со дня октябрьского переворота вся Россия была превращена в страну рабов – и в архипелаге ГУЛАГ, и в колхозных деревнях, жители которых не имели права покидать свои колхозы и были лишены паспортов. Городские жители тоже не чувствовали себя совершенно свободными, и не только потому, что в любое время могли быть арестованы, но ещё и потому, что не имели права самовольно менять место работы или увольняться из учреждений и предприятий»².

Не вдаваясь в научную полемику в данном вопросе, отметим, что истина вероятнее всего находится где-то посередине. Действительно имели место исторически подтвержденные факты подавления властью в Советском союзе прав и свобод граждан и их объединений. Интересы государства всегда преобладали над интересами отдельного человека. Вместе с тем в СССР не имелось ярко выраженного ограничения в правах и свободах по расовому признаку, которые вплоть до второй половины XX века наличествовали в США и ряде колониальных стран Западной Европы. Лишь в 1960 году, в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН 1514 о предоставлении независимости колониальным странам и народам, было официально признано, что колониальное господство является отрицанием основных прав человека и противоречит Уставу ООН³. Кроме того, в Советском союзе, учитывая господствующую в нем политико-экономическую формацию, не имелось возможности личного обогащения в результате проведения криминальных сделок, предметом которых является человек, либо в результате эксплуатации его труда. Это нашло свое отражение в официальной позиции государства, которая сводилась к тому, что в Советском Союзе отсутствуют социальные условия, порождающие торговлю людьми. В этой связи во всех уголовных кодексах РСФСР – 1922, 1926, 1960 годов отсутствовали нормы, устанавливающие ответственность за действия, связанные с торговлей людьми и использованием рабского труда.

Кардинальным образом ситуация изменилась после распада Советского Союза. В нашей стране и на всем постсоветском пространстве произошел рост преступлений посягающих на личную свободу человека. И вновь, как это уже не раз было в истории, причины произошедшего корнями уходили в экономику. Государство и общество оказались не готовы к переменам, захлестнувшим нашу страну в девяностые годы XX века. В условиях «дикого капитализма» появился спрос на дешевый подневольный труд. Первыми на это отреагировали представители организованной преступности, обеспечившие соответствующее предложение и организовавшие каналы поставки «живого товара» из России по всему миру. Экономические и политические потрясения захлестнувшие страну, массовая безработица привели к тому, что в виду тяжелого материального положения повысилась виктимность населения, многие граждане соглашались на заманчивые предложения работы и по факту попадали в зависимое положение, схожее с рабством и были вынуждены заниматься подневольным трудом. Одновременно с этим разгул организованной преступности выразился также в росте количества похищений людей в целях вымогательства денежных средств и иных материальных благ, для расправы и устрашения и т. п. Участились захваты заложников.

Государство было вынуждено реагировать на новые угрозы, со стороны, казалось бы, ушедших в прошлое преступных проявлений. Происходит изменение уголовного законодательства, действовавший на тот момент уголовный кодекс дополняется новыми составами преступлений, в том числе, закрепляется ответственность за торговлю людьми и использование рабского труда⁴. Вместе с тем, несмотря на законодательный запрет нарушения права на личную свободу человека, подобные преступления не искорены до сих пор. Вновь прослеживается историческая закономерность, выражающаяся в том, что, во многом, рост подобных преступлений обусловлен социально-экономическими причинами, в частности, их высокой рентабельностью, наличием спроса на «живой товар», одновременно со значительным числом потенциальных жертв данного вида преступлений, относительно низкими, по сравнению с другими противоправными деяниями, рисками быть избранным в их совершении⁵.

¹ См. Торбин Ю.Г., Арутюнов Г.К. К вопросу о противодействии торговле людьми (исторический анализ явлений) [Электронный ресурс] «Миграционное право», 2009, N 4// СПС Консультант Плюс. URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=40712> (Дата обращения 25.08.2019).

² См. например: Антонян Ю.М., Кургузкина Е.Б., Полянская Е.М. Современное рабство Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция 2017 № 1 С. – 50-62. Национальное и международно-правовое регулирование противодействия торговле людьми и рабству в их современных формах : монография / Т.Я. Хабриева, А.С. Автономов, В.Ю. Артемов [и др.] ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А.С. Автономов. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019 — 392 с.

³ Сазонова К.П. Ответственность государств за колониальную эпоху как важнейшая тенденция современного международно-правового дискурса <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-gosudarstv-za-kolonialnuyu-epohu-kak-vazhneyshaya-tendentsiya-sovremennogo-mezhdunarodno-pravovogo-diskursa/viewer> (дата обращения 12.08.2021)

⁴ См. Например: Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 N 162-ФЗ (последняя редакция) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ дата обращения (12.07.2021 года)

⁵ См. Курсаев А.В. Криминологические и социально-правовые аспекты феномена использования рабского труда в современной экономике Пермский юридический альманах 2020 (3) Пермь Пермский государственный национальный исследовательский университет С. – 624-638

Как отмечают исследователи, по уровню доходности такие преступления как торговля людьми и использование рабского труда сопоставимы, а по некоторым оценкам и превышают такие деликты, как торговля оружием или наркотиками. «Накладные расходы низки - вам нет необходимости покупать машины или оружие. Наркотики вы продаете лишь раз... Женщины могут приносить деньги в течение долгого времени»¹. По предварительным данным Управления ООН по наркотикам и преступности в период с 2017 по 2018 год в более чем 110 странах мира было выявлено 74514 жертв торговли людьми, 70% которых составляют женщины, в свою очередь 77% из них являются объектами торговли в целях сексуальной эксплуатации, 14 % — в целях принудительного труда, а остальные — для других форм эксплуатации (принудительного и подневольного брака, детских браков, принудительной беременности и др.)². По оценкам Международной организации труда (далее – МОТ), «торговля людьми во всем мире ежегодно приносит незаконный доход в размере 150 млрд. долларов США, из которых порядка 99 млрд. долларов США получены благодаря торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации и 51 млрд. долларов США в результате торговли людьми в целях трудовой эксплуатации»³. Это объясняется высокой доходностью данного бизнеса: если в среднем в мире на каждой из жертв секс-индустрии зарабатывают по 21,8 тыс. долл. США в год, то в странах Центральной и Восточной Европе и странах СНГ – по 42 тыс. долл. США в год, на Ближнем Востоке – уже по 55 тыс., а в развитых странах, в том числе в Европейском Союзе – по 80 тыс. долл. США ежегодно. Самой же проститутке может доставаться не более 500 долларов»⁴.

Рассматривая вопросы сексуальной эксплуатации человека, необходимо обратить внимание на двойственность ситуации, когда государства, прежде всего Западной Европы, декларируют приверженность нормам международного права, устанавливающим запрет на торговлю людьми и эксплуатацию человека, однако, действуя в своих экономических интересах, создают условия, способствующие совершению данного вида преступлений. В данном случае речь идет, прежде всего, о сексуальной эксплуатации в форме занятия проституцией, которая легализована в некоторых из них и представляет собой вид официальной трудовой деятельности, нуждающейся в привлечении новых человеческих ресурсов. Кроме того указанные страны продвигают, порой весьма агрессивной, идеологию, фактически оправдывающую сексуальную эксплуатацию человека. Насаждаемые ультралиберальные ценности, подрывают традиционные культурные устои. Путем манипуляции сознанием через средства массовой информации, популярные интернет ресурсы, формируется культ вседозволенности, происходит популяризация гедонистического образа жизни, который предполагает получать от жизни все и сразу. Общество утрачивает культурные традиции. Предпринимаются активные попытки упразднить либо извратить институт семьи и брака, супружеской верности. Имеют место попытки вынесения в плоскость общественного обсуждения темы о снижении возраста согласия вступления в сексуальные отношения, приоткрывая, тем самым, «окно Овертона» в вопросе легализации педофилии. Из средств массовой информации мы видим, что в странах западного мира подобное замещение ценностей фактически произошло. В настоящее время активная идеологическая экспансия осуществляется на территорию России и постсоветское пространство. В результате среди населения, особенно его молодой части, формируется идеология терпимости к различным формам девиантного поведения – сексуальной распушенности, педофилии и проституции. Как следствие этого упрощается вовлечение в первую очередь женщин и детей в сексуальную эксплуатацию. При этом зачастую сама эксплуатация происходит за пределами Российской Федерации в ряде стран Западной Европы, Ближнего Востока и Турции, законодательство которых признает проституцию и как явление, и как профессию, ответственность наступает не за организацию или за занятие проституцией, а за нарушение порядка осуществления такой деятельности. Например, за занятие ей в запрещенных местах⁵. Вовлечение жертв торговли людьми в занятие проституцией в зарубежных странах, наряду с нарушением прав конкретных лиц, дополнительно негативно отражается на образе России в целом, формируя у иностранцев ложное мнение о доступности и распушенности русских женщин и неспособности государства защитить их законные интересы. Так, по данным СМИ: «в сентябре 2021 года Посольство России в Испании потребовало немедленно убрать социальную рекламу одной из НКО, на которой размещена фотография «меню» с ценами на девушки с русскими именами. На рекламных баннерах организации, которые появились на автобусных остановках в ряде регионов Испании, больше всего в Кантабрии, – фотография «меню», на котором написано:

¹ Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под общ.ред.: Ерохина Л.Д., Тюрюканова Е.В. - М.: Academia, 2002. С. 15.

² См. Доклад Генерального секретаря Организации объединенных наций (далее – ООН), озвученного на 75 сессии 7 августа 2020 года <https://www.undocs.org/ru/A/75/289> (дата обращения 15.09.2021)

³ См. Экономика принудительного труда: МОТ утверждает, что принудительный труд приносит ежегодную прибыль в размере 150 миллиардов долларов США ILO, Profitsand Poverty https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_243201/lang--en/index.htm (дата обращения 15.09.2021)

⁴ См. Курсаев А.В. Экономические детерминанты использования рабского труда. Вестник экономической безопасности. 2020(5) С. –133-140.

⁵ Подробнее см: Станская А.А. Проституция несовершеннолетних – социальная и правовая проблема общества / науч. ред. докт. юрид. наук, профессор С.Ф. Милуков. – СПб.: 2005. С. – 78-82. Петрянина О.А. Проституция как сфера теневой экономики: уголовно-правовой анализ, квалификация, причины и предупреждение: монография / О.А. Петрянина. – Н.Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2016. С. – 36.

«Меню дня. Особое блюдо: русская девственница + кокаин – 50 евро». В качестве «основного блюда» следует перечисление русских женских имен и указан их возраст – от 17 до 35 лет. В качестве «дополнения» – марихуана без презерватива или кокаин с изнасилованием за 20 евро».¹ Указанные стереотипы используются, в том числе, в механизме информационной войны, развязанной в отношении России. Так, например, в ежегодном докладе Государственного департамента США по данной проблеме особо подчеркивается на недостаточные, по их мнению, усилия нашей страны по борьбе с торговлей людьми. Российская Федерация в документе отнесена к третьей категории государств, действия которых, по версии США, не отвечают стандартам борьбы против торговли людьми². Ранее, в июне 2013 года, наличие подобных проблем, рассматривалось американскими властями в качестве повода для введения санкций против нашей страны³. При этом стоит согласиться с Б.Б. Ахмедовым, который указывает, на проблему «двойных стандартов». Так, обвиняя другие страны, в частности, Российскую Федерацию, в недостаточном, по их мнению, уровне усилий по борьбе с размариваемым видом преступлений, сами США руководствуясь принципом, «Максимум прибыли при минимуме затрат» или «Все средства хороши для достижения цели», широко используют труд полулегальных и нелегальных мигрантов, который стал неотъемлемой частью экономики. Однако указанные мигранты не имеют ни правового статуса, ни каких-либо прав на территории страны проживания, кроме того, над ними висит угроза выдворения, что делает их вполне управляемыми и контролируемыми⁴.

Принимая во внимание возможность извлечения сверхприбыли, торговля людьми не могла остаться вне поля интересов организованной преступности. Террористические группы (организации) и организованные преступные формирования принимают на себя близкие друг к другу действия, такие как: торговля оружием, наркобизнес, захват заложника, похищение человека, торговля людьми, использование рабского труда и т. д.⁵ Наряду с традиционными формами эксплуатации жертв (трудовой и сексуальной), в последнее время активно развиваются: нелегальная трансплантация органов и тканей человека в медицинской отрасли; эксплуатация в сфере репродуктивных технологий (суррогатное материнство, принудительная беременность, принуждение к аборту с целью получения ценного «биоматериала»); эксплуатация в антиобщественной (попрошайничество) и криминальной деятельности (наркотрафик, незаконный оборот оружия, экстремизм, терроризм). При этом особую тревогу вызывает тот факт, что указанные преступления все чаще совершаются международными преступными группами, в отношении наиболее уязвимых граждан. Можно констатировать, что в настоящее время рассматриваемый вид преступной деятельности трансформировался в высокодоходную организованную индустрию криминальной эксплуатации человека, имеющую мощную коррупционную поддержку⁶.

Также нельзя оставить без внимания крупные транснациональные корпорации, заинтересованные в притоке дешевой рабочей силе, для уменьшения издержек производства. Имеющиеся у современных транснациональных корпораций возможности позволяют им вмешиваться в национальную политику, экономическую сферу и внутреннее устройство целых государств, приводя к утрате ими контроля над перемещением ресурсов, в том числе и потере своей значимости в процессе мировой интеграции⁷.

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на законодательный запрет, криминальная эксплуатация человека, выражающаяся, как в неприкрытом рабстве, так и схожих с ним состояниях, нигде не исчезли из жизни современного общества. Указанные противоправные деяния являются экономически привлекательными, как для представителей организованной преступности, так и для представителей теневой экономики. Криминальная эксплуатация человека позволяет получать сверхприбыли при минимальных затратах и относительной безопасности для ее организаторов. При этом необходимо согласиться с профессором Ю.М. Антоняном в части того, что «актуальность глубоких научных исследований в этой сфере, не говоря уже о необходимости разработки мер предупреждения данных преступлений, в нашей стране еще не достаточно осознана»⁸. В связи с чем, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание борьбе с указанным видом преступных посягательств на основные, естественные права человека, присущие ему с рождения. При этом как показывает история, никакая экономическая привлекательность и целесообразность не является достаточной причиной для лишения человека указанных прав и свобод.

¹ См. Посольство России в Испании требует убрать "меню с русскими проститутками" - РИА Новости, 28.09.2021 <https://ria.ru/20210927/banner-1752085724.html> (дата обращения 13.10.2021)

² См.: например: США сочли недостаточными усилия России в борьбе с торговлей людьми Москва. 25 июня. INTERFAX.RU – <https://www.interfax.ru/world/714732> (дата обращения 13.11.2021)

³ См. Деловая газета «Взгляд» [Электронный ресурс] URL: <http://www.vz.ru/news/2013/6/20/637941.html> (Дата обращения 20.10.2021).

⁴ См. Ахмедов Б.Б. Торговля людьми: проблемы противодействия / Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 2 (15). С. 155–159.

⁵ См. Емельянцева А.Г. Терроризм как один из видов деятельности организованной преступности / Российский следователь. N 24. 2009. С. 16–22.

⁶ См. Коваленко В.И. Теоретические и прикладные проблемы противодействия криминальной эксплуатации человека (криминологическое исследование) / Коваленко Вера Ивановна // дис... д-ра юрид. наук. – М., 2017. – С. 6.

⁷ См. Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2005. – 246 с.

⁸ Антонян Ю.М. Вечность рабства (поиск причин) : монография. – Юрлитинформ, 2019 С. – 51

Гаврилов Борис Яковлевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

Gavrilov Boris Yakovlevich

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

E-mail: profgavrilov@yandex.ru

**Мифы и реалии современного уголовного судопроизводства
(к XX-летию УПК РФ)**

**Myths and realities of modern criminal proceedings
(to the XX anniversary of the Criminal Procedure Code
of the Russian Federation)**

Аннотация. В статье анализируется современное уголовно-процессуальное законодательство с позиции его эффективности с учетом внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК, Кодекс) за 20 лет действия более, чем 280 федеральными законами изменений как в отдельные процессуальные нормы, так и целые институты, включая процессуальные правила о возможности производства на этапе проверки сообщения о преступлении более 10 следственных и иных процессуальных действий, о введении в Кодекс нормы-принципа о разумном сроке судопроизводства, о форме предварительного расследования в виде сокращенного дознания и ряда других нововведений. Автором приводятся результаты мониторинга с учетом статистических данных о деятельности органов предварительного следствия, включая Следственный комитет Российской Федерации, и органов дознания в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Кроме того, с учетом мнения ведущих российских процессуалистов и практикующих сотрудников в лице следователей и дознавателей сформировано авторское видение поступательного развития российского уголовно-процессуального законодательства, а не подготовки нового УПК РФ, на чем настаивают отдельные ученые-процессуалисты.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, прокурор, суд, уголовное дело, процессуальные сроки, стадии уголовного процесса, формы предварительного расследования

Abstract. The article analyzes the modern criminal procedure legislation from the standpoint of its effectiveness, taking into account the amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter – The Code of Criminal Procedure, the Code) for 20 years of operation of more than 280 federal laws have amended both individual procedural norms and entire institutions, including procedural rules on the possibility of conducting more than 10 investigative and other procedural actions at the stage of verifying a crime report, on the introduction of a norm-principle of a reasonable period of legal proceedings, on the form of a preliminary investigation in the form of a shortened inquiry and a number of other innovations. The author presents the results of monitoring, taking into account statistical data on the activities of the preliminary investigation bodies, including the Investigative Committee of the Russian Federation, and the bodies of inquiry in terms of ensuring the rights and legitimate interests of participants in the criminal process. In addition, taking into account the opinions of leading Russian processualists and practitioners in the person of investigators and interrogators, the author's vision of the progressive development of Russian criminal procedure legislation has been formed, and not the preparation of a new Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which some processualists insist on.

Keywords: investigator, investigator, prosecutor, court, criminal case, procedural terms, stages of criminal proceedings, forms of preliminary investigation

---

Современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства автором¹ рассматривается с учетом эффективности его деятельности по реализации положений ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства, призванной обеспечить защиту прав и законных интересов как лиц и организаций, пострадавших от преступлений, так и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Особое внимание автором уделяется дискуссионности содержания, как отдельных правовых норм, так и ряда уголовно-процессуальных институтов. Внесение в Кодекс за 20 лет столь значительного количества, безусловно, не свидетельствует об идеальном законе, что, в свою очередь, дает почву для многочисленных критических высказываний в адрес УПК со стороны ученых-процессуалистов и практикующих юристов.

В частности, профессор Л.В. Головкин, характеризуя принятый в 2001 г. УПК, отмечает, что Кодекс «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его «размыл» и дестабилизировал. При этом объяснение «эффекта размывания» неким «динамизмом», присущим нашему времени, по его мнению, вряд ли может быть воспринято, поскольку оно далеко от истины, как далеки от нее и сами претензии на какой – то особый динамизм нашего времени»².

Однако с данным утверждением Л.В. Головкин автору настоящей публикации согласиться не представляется возможным, в том числе и по причине того, что к вопросам законотворческой деятельности ему приходилось обращаться еще в конце 80-х гг. прошлого века, когда процесс подготовки и принятия законопроектов «занимал годы». Объяснение причин внесения в уголовно-процессуальное законодательство столь значительного количества изменений видится, с одной стороны, в значительно возросших потребностях правоприменительной практики в части совершенствования процессуальных правил предварительного расследования и судебного разбирательства, подтверждение чему приведено далее в тексте публикации, а, с другой стороны, стремительном развитии в качестве реалий сегодняшнего дня правоотношений в сфере уголовного судопроизводства.

В качестве классического примера внесения в УПК РФ изменений, обусловленных потребностями правоприменительной деятельности, следует привести принятие Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ³, согласно положениям которого следователи прокуратуры были выведены из подчинения прокуроров, и в этой связи процессуальные полномочия по руководству следствием были переданы от прокурора руководителю следственного органа с сохранением в полном объеме его надзорной функции. С учетом приведенных ниже статистических данных о результатах рассмотрения уголовных дел отрицать это, как и необходимость внесения ряда других изменений, на наш взгляд, нет достаточных оснований.

Также Л.В. Головкин отмечает, что всякая кодификация прекращает действие старого юридического порядка и дает рождение новому, которое связано с качеством самой уголовно-процессуальной кодификации, но последняя крайне эклектична и неудачно пытается копировать априори несочетаемые с российской системой права англо-американские подходы, которые стремятся представить уголовный процесс в виде рыночного «состязания» государства со своими гражданами⁴.

Приведенный тезис, поддерживаемый рядом российских ученых, представляется весьма неоднозначным. Одна из причин подобных высказываний со стороны представителей научного сообщества в том, что они не принимали непосредственного участия в подготовке УПК, хотя действительно по предложению одного из членов рабочей группы в проект Кодекса включена норма (ч. 6 ст. 234 УПК в редакции 2001 г.), заимствованная из американского законодательства, о невозможности удовлетворения заявленного стороной защиты в ходе судебного разбирательства ходатайства о вызове следователя для установления алиби подсудимого, если данное ходатайство заявлялось на предварительном следствии и было отклонено. Но эта норма из УПК вскоре была исключена.

Одновременно автор соглашается с мнением С.Б. Россинского, который о законодательных тенденциях высказывается, что они направлены нередко на «гиперформализацию уголовно-процессуального права, в стремлении «узаконить» (в узком смысле) более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем требует здравый смысл, превращая УПК в некий административный регламент»⁵.

¹ До 2007 года Б.Я. Гаврилов занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России, с 1997 г. входил в состав рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации по подготовке проекта и принятию УПК РФ, а также в его мониторинге.

² Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 3-5.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 28-30.

⁴ Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 3-5.

⁵ Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: возрождение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 42.

Вместе с тем, анализ роли УПК в жизни российского общества позволяет утверждать, что его принятие обеспечило реализацию конституционных установлений в части построения в России правового государства, институты которого направлены на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства.

При этом, анализ изменений, которые претерпел Кодекс за 20 лет его действия, позволяет утверждать, что основанием для многих из них была необходимость выполнения решений Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), и еще в большей степени – востребованность, как отмечено выше, со стороны правоприменителей.

Вместе с тем, автор публикации абсолютно согласен с частью критических высказываний, поскольку отдельные изменения в УПК выражали популистский характер их авторов, представляющих, в первую очередь органы законодательной власти, а отдельные из поправок, в том числе внесенные высшей судебной инстанцией страны, носили характер контрреформ в силу их противоречивости ряду основополагающих положений принятого УПК, например, о порядке изложения доказательств в обвинительном заключении, о фактическом расширении института возвращения уголовного дела прокурору¹. По сути аналогичные претензии высказал профессор В.П. Божьев и в адрес Конституционного суда РФ².

Анализируя внесенные в Кодекс поправки, возможно также утверждать, что одна из причин заключалась в компромиссных решениях законодателя в процессе подготовки и принятия УПК. Более того, при его подготовке не были реализованы и предложения членов указанной выше рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы в части дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, об изменении процессуальных правил начала расследования, о введении в досудебное производство такого участника уголовного процесса как начальник подразделения дознания и ряда других, а также имел место отказ от реализации предложенных еще в тот период времени мер по реформированию целых процессуальных институтов, что законодатель был вынужден реализовывать в последние годы³.

К факторам, обусловившим внесение в УПК столь значительного количества изменений, автор считает возможным отнести и не последовательную позицию законодателя, принявшего переходные положения, предусматривавшие сохранение за прокурором до 1 января 2004 г. права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, в том числе и заключение под стражу⁴, а также представление Генеральному прокурору РФ и его заместителям права на продление до 1 года срока содержания обвиняемых под стражей⁵.

Давая правовую оценку указанным переходным положениям, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 14 марта 2002 г. № 6-П⁶ признал не соответствующими ст.ст. 21, 22, 23, 25 Конституции РФ положения Федерального закона от 18.12.2001 № 177-ФЗ об отложении вступления в действие норм УПК, предусматривающих реализацию с 1 июля 2002 г., с момента вступления в действие Кодекса, положений о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, об ограничении иных конституционных прав граждан по судебному решению, что потребовало от законодателя внесение в УПК РФ еще до вступления его в действие целого блока соответствующих изменений⁷.

В качестве еще одного из факторов внесения в УПК существенных изменений выступила необходимость выполнения Российской Федерации ряда решений Европейского Суда по правам человека. Так, Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ в Кодекс включена норма-принцип – ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства»⁸, чем реализованы решения ЕСПЧ по делу «Бурдов» и «Бурдов-2 против Российской Федерации»⁹. В этой связи, говоря об обоснованности внесения в УПК

¹ Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1. – С. 22-28.

² Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. - 2000. - № 10. - С. 9-11

³ Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2021. – № 6. – С. 4-14.

⁴ О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. Ч. 1. – Ст. 4924.

⁵ О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Федеральный закон от 29.12.2001 № 183-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 53. – Ст. 5019.

⁶ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14.03.2002 № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Мартынова и С.В. Пустовалов».

⁷ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2027.

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 18. – Ст. 2145.

⁹ Решение от 15.01.2009 по делу «Бурдов против Российской Федерации (№2)» (жалоба № 33509/04) // Европейский Суд по правам человека [электронный ресурс]: <https://europeancourt.ru/citatrik/burdov-protiv-rossii-n-2-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 26.11.2021).

многочисленных изменений, автор отмечает, что только в данную норму (ст. 6.1 УПК) были внесены изменения 5-ю федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков, что свидетельствует о реальной необходимости многих изменений.

По мнению автора публикации, абсолютное большинство изменений в УПК были внесены по причине необходимости реализации, как отмечено выше, потребностей правоприменительной практики. Конкретно это нашло отражение в принятых Государственной Думой законах.

Так, Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ следователи, как отмечено выше, были выведены из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета РФ с одновременной дифференциацией полномочий между прокурором и руководителем следственного органа с передачей последнему полномочий по процессуальному руководству предварительным следствием с одновременным сохранением за прокурором надзорной функции за деятельностью следователей. О необходимости этого неоднократно высказывалось представителями научного сообщества, а накануне данной реформы руководством Генеральной прокуратуры РФ была признана необходимость такого разграничения при докладе Президенту РФ В.В. Путину с предложением это реализовать путем возложения указанных полномочий на двух заместителей Генерального прокурора РФ. Однако это потребовало бы реализации этого предложения до районного уровня, что не представилось возможным и повлекло отказ от данного предложения еще на уровне подготовки Генпрокуратурой России соответствующего приказа.

Этим же законом из УПК исключены полномочия прокурора по согласованию постановления должностного лица органа предварительного расследования или органа дознания о возбуждении уголовного дела. Действие в течение 5-ти лет данного положения оказало негативное влияние на деятельность следователя, дознавателя по своевременному возбуждению уголовного дела и ограничивало возможности по собиранию доказательств в целях раскрытия преступлений по «горячим» следам, а также изъято право прокурора на возбуждение уголовного дела, которое, как свидетельствует правоприменительная практика, он использовал в единичных случаях.

Не вызывает сомнений об обоснованности реформирования досудебного производства указанным законом № 87-ФЗ досудебного производства свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод о более высоком уровне процессуального контроля, что выразилось:

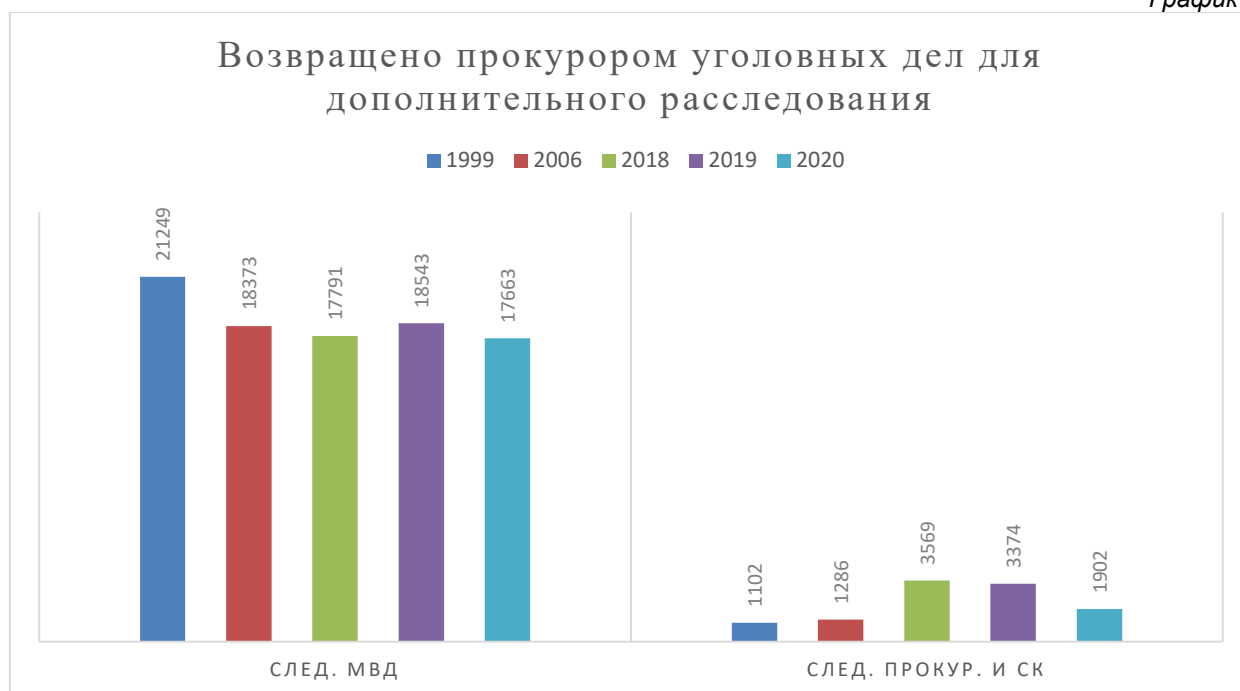
а) в улучшении показателей законности в деятельности органов предварительного расследования, что нашло отражение в значительном сокращении числа лиц, оправданных судами, в том числе содержащихся под стражей (см. график 1);

График 1

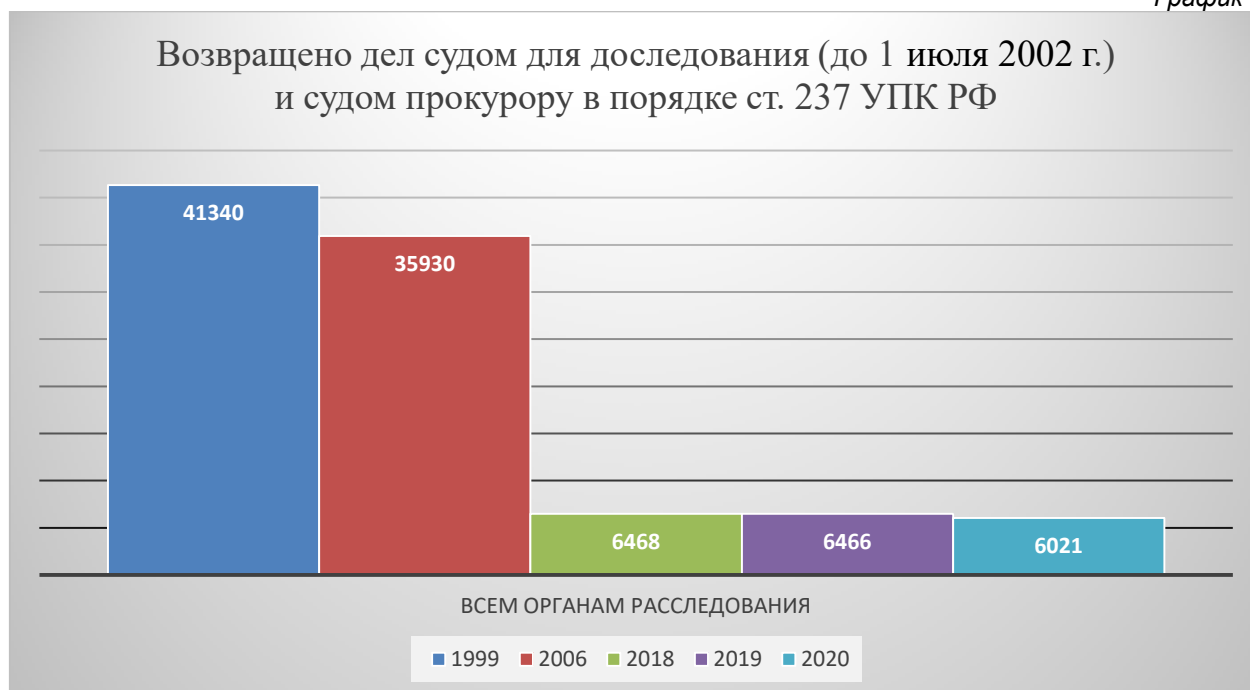
б) одновременно, об усилении надзорной деятельности прокурора к качеству расследования, что выразилось в увеличении количества уголовных дел, возвращенных прокурором следователям как органов внутренних дел, так и следователям СК РФ (см. график 2);

График 2

в) обеспечило многократное сокращение количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (см. график 3)¹.

График 3

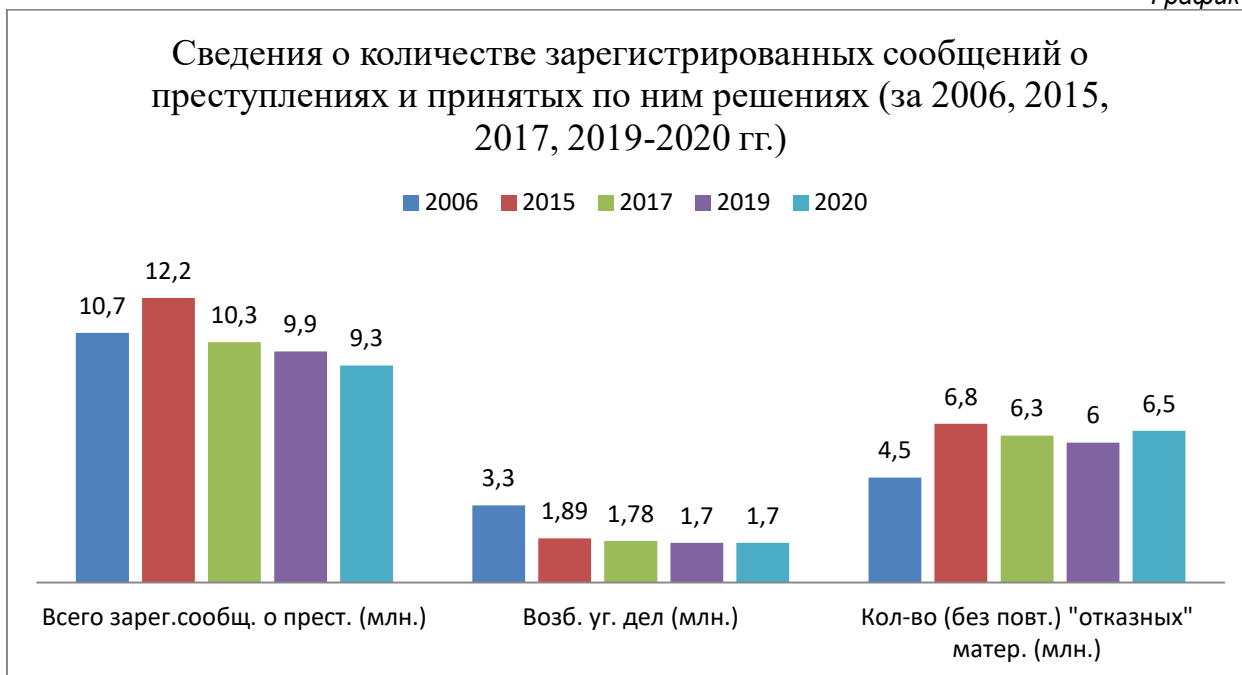

Публикации как автора, так и других ученых и практикующих юристов свидетельствуют о необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло двукратное снижение в 2020 г. по отношению к 2006 г. количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн. количества процессуальных решений следователя, дознавателя, органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела при незначительном снижении числа зарегистрированных

¹ Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1. – С. 22-28.

заявлений и сообщений о преступлениях¹. Указанная процессуальная деятельность фактически ограничивает право граждан на их доступ к правосудию и возмещению причиненного им совершенным преступлением ущерба (ст. 52 Конституции РФ) (см. График 4).

График 4

Предложения об исключении ст. ст. 146 и 148 УПК РФ вносятся автором с учетом решений Конституционного Суда РФ² и позиции Верховного Суда РФ, отмеченную В.В. Кожокарём³, в соответствии с которыми судебная практика должна исходить из необходимости возбуждения в рамках расследуемого уголовного дела самостоятельного дела по каждому вновь выявленному факту преступной деятельности или в отношении выявленного в ходе расследования нового соучастника преступления, что противоречит ранее принятым решениям данных судебных органов, а также многолетней практике судопроизводства по уголовным делам и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении 60 лет нормы о возбуждении уголовного дела.

В последующие годы, по настоянию правоприменителя Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ⁴ был значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно в ходе проверки заявления, сообщения о преступлении, к которым законодатель отнес: получение объяснения и образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов, назначение и производство судебной экспертизы и ряд других, что предоставляет сегодня следователям, дознавателям, иным должностным лицам органов дознания право собирания доказательств в стадии возбуждения уголовного дела. Федеральным законом № 23-ФЗ в досудебное производство введена также сокращенная форма дознания, предусматривающая возможность расследования в более сжатые сроки и собирания доказательств в объеме, достаточном для осуществления судопроизводства по уголовному делу.

Существенная роль в обеспечении качества расследования уголовных дел в форме дознания в общем порядке и дознании, сокращенной форме принадлежит положениям Федерального закона от

¹ Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74-78.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 г. № 343-О // [электронный ресурс]: <http://sudbiblioteka.ru/ks> (дата обращения 07.09.2021).

³ Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20-22.

⁴ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 9. - Ст. 875.

06.06.2007 № 90-ФЗ¹, которым в качестве участника уголовного процесса в УПК был введен начальник подразделения дознания, а в последующем и начальник органа дознания. В Кодекс также введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве и внесены ряд других изменений.

Наряду с досудебным производством существенные изменения претерпело и судебное производство. Так, с 1 января 2013 г. апелляционный порядок пересмотра приговоров был распространен и на федеральные суды, с 1 июня 2018 г. подсудность суда присяжных распространена на федеральные суды районного, городского уровня, а с 31 октября 2019 г. в судебную систему включены пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции, что имеет своей целью повышение уровня обеспечения прав и законных интересов участников производства по уголовному делу.

Вместе с тем, при построении модели современного УПК представителям научной общественности и правоприменителям и соответственно законодателю не удалось преодолеть сложившиеся еще в рамках действия УПК РСФСР заформализованность и забюрократизированность российского уголовно-процессуального закона, прямым следствием чего является низкая эффективность досудебного производства, вывод о чем автором сделан на том основании, что количество направленных, например, следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных сократилось более чем на треть (с 36 в 1991 г. до 22 % в 2020 г.)².

Примером этого негативного для юриспруденции состояния российского уголовно-процессуального законодательства может служить приговор в отношении З., который 23 августа 2015 г. в дневное время, будучи в состоянии опьянения, путем разбития стекла похитил с витрины магазина три упаковки туалетной бумаги стоимостью 197 руб., не обращая внимание на сделанное ему замечание проходящим мимо гр-ном М. За совершенное преступление З. был осужден по ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 5 месяцам лишения свободы. При этом, расследование и судебное разбирательство по данному делу осуществлялось почти 5 месяцев, в течение которых обвиняемый содержался под стражей. По делу проведена судебно-товароведческая экспертиза по оценке похищенного. Содержание приговора изложено на 14 страницах³. По самой минимальной оценке на судопроизводство были затрачены финансовые в тысячи раз превосходящие сумму причиненного преступлением ущерба.

Такое состояние уголовного судопроизводства профессор А.С. Александров⁴ оценивает как коренной порок отечественной правовой модели, предлагая отказаться от предварительного следствия с переходом на «прокурорское» дознание. С этим утверждением возможно следовало бы согласиться, если бы, во-первых, к этому была готова судебная система; во-вторых, в условиях России такие революционные преобразования способны только разрушить систему предварительного следствия, без которой судьи система останутся «без работы». По этой же причине не получили одобрения и предложения о введении адвокатского (параллельного) расследования, к чему, по мнению Г.М. Резница, адвокатское общество не готово.

В этой связи представляется возможным согласиться с позицией профессора Л.А. Воскобитовой, согласно которой решение проблем уголовного судопроизводства в современных условиях носит междисциплинарный характер, предполагает привлечение к развитию уголовно-процессуальной науки достижений смежных наук, а также переход от аналитико-критического анализа к методам проактивного прогноза и социального проектирования⁵.

Необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства обусловлена, как отмечено выше, тем, что эффективность в целом уголовного судопроизводства не соответствует требованиям сегодняшнего дня, что подтверждается приведенными выше в статье статистическими данными о состоянии законности и качестве расследования уголовных дел, что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о необходимости реформирования его основных институтов. При этом, учитывается, что определяющим здесь является обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

С учетом этого и ряда факторов, приведенных в изложенных выше и иных публикациях, авторская позиция заключается в широком обсуждении в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением до законодателя предложений, предусматривающих внесение изменений не только в конкретные процессуальные нормы, но пересмотр отдельных процессуальных институтов.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2007. № 24. - Ст. 2833.

² Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. - 2019. - № 3 (8). - С. 98-102; он же. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017 - № 2. - с. 19-26.

³ Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2016 1-124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1-1/2016 [электронный ресурс] // режим доступа: URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 07.09.2021).

⁴ Александров А.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. - 2015. - № 5 (5). - С. 7-10.

⁵ Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Уголовное судопроизводство. - 2021. - № 2. С. 6-17.

Эти изменения должны быть направлены на:

– пересмотр положений ст. 162 УПК РФ, предоставляющей органам предварительного следствия право продления срока предварительного следствия без его ограничения, что противоречит норме - принципу (ст. 6.1 УПК) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11-П¹, не должен превышать по уголовным делам четырех лет. Требуется пересмотр и положения ч. 1 ст. 162 УПК о 2-х месячном первоначальном сроке расследования, перешедшего в действующий процессуальный закон из УПК РСФСР, 1922 г.;

– увеличение первоначального (два месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из положений ч. 1 и ч.1.1 ст.221 УПК РФ, входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч.1 ст. 227 УПК РФ. Данное предложение учитывает и опыт государств с устоявшейся системой правосудия. В целом в государствах Европы первоначальный срок содержания лица составляет от 120 до 180 дней, а по УПК Италии первоначальный срок ареста составляет 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению прокурора или стороны защиты;

– принципиальный пересмотр процессуальных правил, регламентирующих институт предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. В этой связи следует учитывать, что с принятием указанного выше Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ участие адвоката-защитника сегодня предусмотрено с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, то есть еще до возбуждения уголовного дела. Один из аргументов реформирования данного института заключается в фактическом отсутствии в действующем УПК различий в правовом положении подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47) за исключением этапа окончания уголовного дела;

Существенным доводом автор признает то обстоятельство, что в суд за годы действия УПК без «классического» предъявления обвинения направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания. При этом никто из осужденных не обратился ни в Конституционный Суд РФ, ни в Европейский Суд по правам человека (автору о таких фактах не известно) с жалобой об ограничении его права на защиту от обвинения. При обосновании данного предложения автор учитывает и позицию ЕСПЧ по делу Экле² и ряда других решений Европейского суда, сущность которых заключается в том, что обвинение есть обоснованное подозрение позволяющее осуществлять от имени государства уголовное преследование.

О полномочиях суда по изменению обвинения. На протяжении десятков лет основным средством устранения ошибок и недостатков предварительного расследования по УПК РСФСР выступал институт судебного доследования (ст.232), негативным результатом действия которой было ежегодное возвращение судом от 45 до 56 тыс. уголовных дел следователям, дознавателям для производства по ним дополнительного расследования, которое нередко заключалось в проведении судебной экспертизы, очной ставки и производстве отдельных следственных действия, а также в перепредъявлении обвинения на более тяжкое. При этом, по каждому второму делу до возвращения на доследование судебное разбирательство продолжалось от трех до шести месяцев, а по отдельным уголовным делам – от 1,5 до 2-х лет.

При разработке предложений по совершенствованию данного института автор исходит из того, что непосредственное исправление в суде дефектов и несоответствий установленным фактам допускается законодательством и судебной практикой Англии, Уэльса и Шотландии и других государств. Например, в Италии³ в ходе судебного следствия прокурор при соблюдении права обвиняемого на защиту и других условий вправе изменить исходное обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального путем дополнительного уведомления или нового изложения деяния (ст. ст. 517,519 УПК). Согласно ст.732 Уголовно-процессуального закона Испании⁴ изменение предварительной квалификации стороны обвинения является самостоятельным этапом судебного разбирательства, в котором для необходимости усиления обвинения предусмотрено отложение слушания дела по просьбе защиты для подготовки доказательств в опровержение измененного обвинения. Возможность изменения в судебном

¹ Пересмотр положений ст. 162 УПК РФ, предоставляющей органам предварительного следствия право продления срока предварительного следствия без его ограничения, что противоречит норме - принципу (ст. 6 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11-П, не должен превышать по уголовным делам четырех лет. Требуется пересмотр и положения о 2-х месячном первоначальном сроке расследования, перешедшего в действующий процессуальный закон из УПК РСФСР, 1922 г.

² Решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. М.: Норма, 2000.

³ Tonini P. Manuale di procedura penale. Milano. 2017.

⁴ Catena V.: Domingues V. Derecho proceso penal. Valencia. 2019; Martinez M. Derecho proceso penal. Madrid. 2019; Sendra V. Manual de Derecho proceso penal Madrid. 2015; Lopez M. Derecho proceso penal./ Director Mellado J. Valencia. 2019.

разбирательстве обвинения на более тяжкое без возвращения уголовного дела прокурору предусмотрено ст. 301 УПК Республики Беларусь и ст. 340-341 УПК Казахстана.

С учетом особенностей российского уголовного судопроизводства, полагаем, что общая схема судебной процедуры изменения обвинения на более тяжкое может быть реализована следующим образом. Заявление государственного обвинителя об изменении обвинения на более тяжкое может быть реализовано путем представления суду в письменном виде формулировки нового обвинения, после чего следует предъявление прокурором обвиняемому нового, в том числе обвинения в более тяжком преступлении, чем оно предъявлено органом предварительного расследования, и разъяснение его сущности. Затем объявляется перерыв в судебном заседании и стороне защиты предоставляется время, необходимое для подготовки к защите от нового обвинения, после чего судебное разбирательство продолжается в пределах нового обвинения.

Непременными условиями соответствия предлагаемой процедуры принципам судопроизводства должны быть: инициирование изменения обвинения на более тяжкое исключительно стороной обвинения и создание достаточных гарантий обеспечения права обвиняемому на защиту от нового обвинения. Предлагаемые процедуры изменения прокурором обвинения на более тяжкое непосредственно в ходе судебного производства с правом представить суду дополнительные доказательства видятся в следующем: • уголовное дело остается под контролем суда и исключается его разрешение несудебными органами; • движение уголовного дела сохраняет поступательный характер и как следствие существенно сокращаются сроки производства по делу; • не ограничивается право участников уголовного процесса на их доступ к правосудию; • налицо процессуальная экономия: отпадает необходимость в производстве дополнительных процессуально-следственных действий и повторного судебного рассмотрения дела; • в большей степени реализуется право государственного обвинителя на свободу оценки доказательств, повышается объективность его позиции в деле; • суд не втягивается в осуществление обвинительной функции, не нарушается принцип состязательности судопроизводства; в большей степени обеспечивается объективность и беспристрастность суда.

– замену дознания в сокращенной форме, которое как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств ничем сегодня не различается с дознанием в общем порядке и даже превосходит его по количеству принимаемых дознавателем решений. Вместо указанного дознания автором предлагается протокольная форма предварительного расследования, производимого в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования, по нашему мнению, не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела. Предлагается также законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего или свидетеля (при отсутствии потерпевшего) совершенного преступления. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 часов, необходимых для осуществления судебного разбирательства.

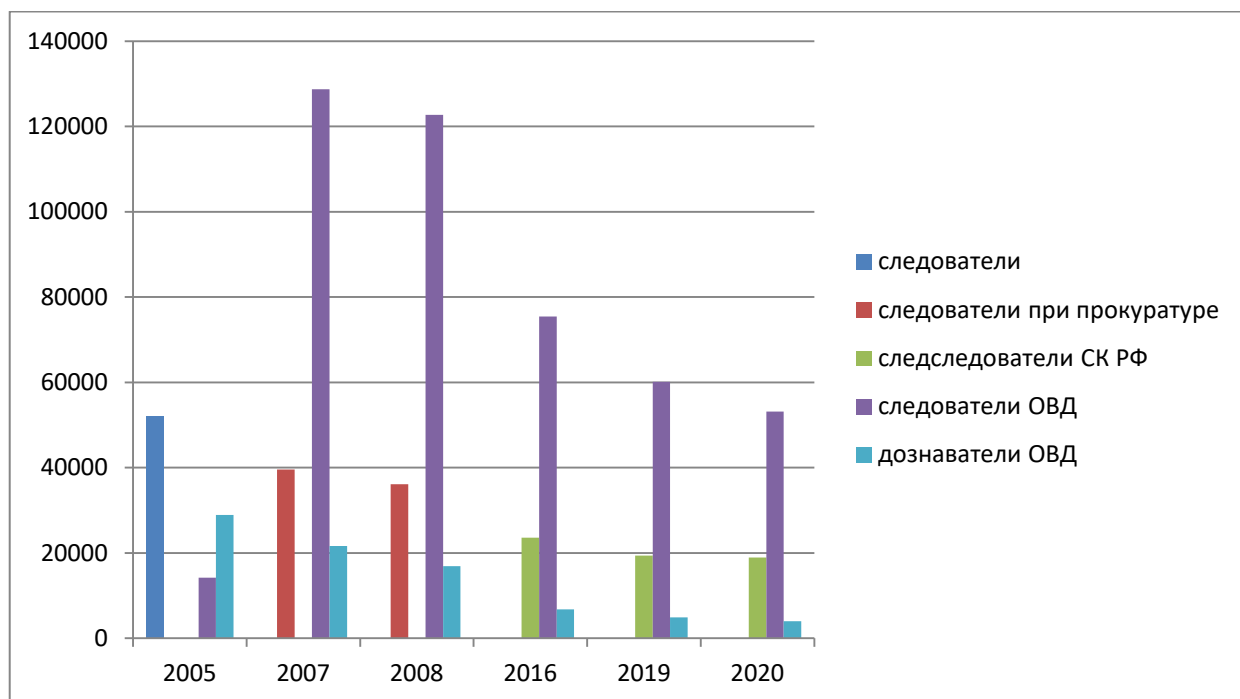
Относительно обсуждаемой сегодня проблемы возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела следует уточнить, что для ее разрешения достаточно лишь изменить редакцию пункта 4 части 1 статьи 140 УПК РФ, установив, что «По постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (п. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3-6).

В качестве самостоятельного некоторыми представителями научной общественности¹ выдвигается требование о возвращении прокурору полномочий по согласованию обращений следователей в суд о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу, поскольку передача этой функции руководителю следственного органа, якобы, повлекла рост нарушений законности. По мнению автора, о необоснованности этих требований можно судить через приведенные статистические данные о значительном сокращении с передачей этих полномочий от прокурора руководителю следственного органа числа ежегодно заключаемых под стражу граждан, что отражено в Графике 5.

Кроме того, в числе аргументов за возвращение прокурору полномочий по процессуальному руководству следователями (для объективности следует указать, что Генеральный прокурор РФ И.В. Краснов заявил о достаточности этих прав для обеспечения должного уровня надзора за следствием) представители научной общественности нередко выдвигают тезис о том, что следователи как органов внутренних дел, так и Следственного комитета РФ нередко игнорируют требования прокуроров, заявленные в соответствии п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия.

¹ Александров А.И. Выступление на круглом столе в Совете Федерации 19 ноября 2020 г. «Проблемы законодательного регулирования правового положения прокурора и адвоката уголовном процессе» // <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/?date=19.11.2020> (дата обращения 12.09.2021).

Сведения о числе заключенных под стражу подозреваемых, обвиняемых по ходатайству следователя, дознавателя (за 2005-2008 гг., 2016-2020 гг.)

Однако по данным Генпрокуратуры России (отчет по форме 555) в 2017-2020 гг. прокурорами в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направлено следователям Следственного комитета РФ от 42 тыс. до 46 тыс. требований, из которых было удовлетворено 97-98 % этих требований. Из выявленных прокурорами от 105 тыс. до 125 тыс. за этот же период нарушений федерального законодательства по уголовным делам, расследованным следователями органов внутренних дел, удовлетворено 99 % требований прокуроров об их устранении. По органам дознания в системе МВД России удовлетворено более 99 % таких требований.

Предложения автора по совершенствованию современного досудебного производства не представляются столь одиозными, как могли бы показаться без их восприятия и поддержки в целом среди ученых и практиков. Исходя из чего, задача состоит не в создании нового уголовно - процессуального кодекса, а в разработке доктрины досудебного производства, призванной отразить произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше уголовно процессуальных институтов, не позволяющих обеспечить эффективность современного уголовного судопроизводства.

Гирько Сергей Иванович

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России

Girko Sergey Ivanovich

doctor of law, professor, honored scientist of the Russian Federation, chief researcher of the FSU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

E-mail: syvorina959134@mail.ru

Проблемы ускоренного досудебного судопроизводства в исследованиях зарубежных специалистов

Problems of accelerated pre-trial proceedings in the research of foreign specialists

---

Аннотация: в последнее время поиск ускоренных и упрощенных форм досудебного производства, как в России, так и за рубежом является проявлением тенденции процессуальной экономии и гуманизации уголовного процесса. Однако анализ позиций ученых-процессуалистов, высказанных в научной литературе, рассмотренный через призму «международных стандартов» полицейского дознания не дает окончательного ответа о целесообразности проведения дознания в сокращенной форме. Решение существующей проблемы автор видит в приведении отечественных практик в соответствие с международными стандартами процедур полицейского дознания, осуществляемого в зарубежных странах. Характерные признаки, которыми оно обладает, просматриваются через призму научных исследований зарубежных специалистов. Рассмотрение их позволяет оценить «реперные» точки дознания в сокращенной форме, введенного в российское уголовное судопроизводство, и отражение его конструкции в неких обобщенных рекомендациях, которые нами именуется «международными стандартами». Исследование показало, что, несмотря на дискуссии ученых, модель ускоренного дознания, введенная в УПК РФ, в целом, соответствует международным практикам. Результаты исследования расширяют знания о закрепленной в УПК РФ унифицированной процедуре и способствуют ее дальнейшему совершенствованию. Важно в этом плане также понимать и тренды, взгляды зарубежных специалистов, отраженные в выводах конкретных исследований.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное регулирование, сокращенная форма дознания, международные стандарты, полицейское дознание, ускоренное досудебное производство, модель ускоренного дознания, организационные меры МВД России, масштабы применения ускоренного дознания

Abstract: recently, the search for accelerated and simplified forms of pre-trial proceedings, both in Russia and abroad, is a manifestation of the trend of procedural economy and humanization of the criminal process. However, the analysis of the positions of process scientists expressed in the scientific literature, considered through the prism of international standards of police inquiry, does not give a definitive answer about the expediency of conducting an inquiry in an abbreviated form. The author sees the solution to the existing problem in bringing domestic practices in line with international standards of police investigation procedures carried out in foreign countries. The characteristic features that it possesses are viewed through the prism of scientific research by foreign specialists. Consideration of them makes it possible to evaluate the "reference" points of the inquiry in an abbreviated form introduced into Russian criminal proceedings, and the reflection of its design in international standards. The study showed that despite the discussions of scientists, the model of accelerated inquiry introduced in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in general, corresponds to international practices. The results of the study expand knowledge about the unified procedure enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and contribute to its further improvement. It is also important to understand the trends and views of foreign experts reflected in the conclusions of specific studies.

Keywords: criminal procedure regulation, abbreviated form of inquiry, international standards, police inquiry, accelerated pre-trial proceedings, accelerated inquiry model, organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the scope of application of accelerated inquiry

---

Отметим, что в ноябре 2001 года сорок три государства подписали Конвенцию Совета Европы о киберпреступности, направленную на повышение кибербезопасности посредством развития международного сотрудничества и оптимизацией следственных механизмов¹. Приоритетным направлением в деятельности большинства стран остается тенденция следования процессам либерализации и гуманизации уголовного правосудия. Комитет министров Совета Европы 17 сентября 1987 года подписал Рекомендацию «Об упрощении уголовной юстиции» NR (87)18, в которой указано на ограничение предварительного следствия, причем в некоторых случаях отмечена его необязательность². Однако международные стандарты в сфере уголовного судопроизводства и процессы сближения континентальной и англосаксонской правовых систем затронули преимущественно судебный процесс и в меньшей степени досудебные стадии.

Исследуя различные аспекты ускоренных досудебных процедур в российском праве, изучая отечественный опыт дифференциации процессуальных форм досудебного судопроизводства, важно анализировать опыт зарубежных исследователей, которые также проводят научные разработки в поисках наиболее оптимальных и эффективных процедур осуществления «полицейского дознания».

Приходится констатировать тот факт, что ученые зарубежных стран проходят практически тем же путем, что и отечественные специалисты и в ходе исследований сталкиваются с теми же проблемами, которые образуются и на пути российских правоведов.

Так, оценивая ускоренные производства, введенные в 2019 году в турецкий уголовный процесс, Е. Yağar (Турция, 2020 г.) пишет о том, что, отказавшись от полноценного доказывания, законодателем не были усилены процессуальные гарантии прав участников ускоренных производств³. Беатрис Коскас-Вильямс и Михаил Альберштейн в научном докладе юридического факультета Университета Бар-Илан (Израиль, 2019 г.) пишут о допустимости упрощенного уголовного производства для ограниченного перечня составов преступлений с учетом обязательного наличия фактических предпосылок, определенных в законе⁴.

Ученые D. Johnson, D. Vanoverbeke (Япония, 2020) обозначают транспарентность расследования преступлений как основную цель реформирования уголовного процесса Японии. По их мнению упрощенные процедуры уголовного преследования возможны если только наказание за преступление, в связи с которым осуществляется уголовное преследование, не превышает штраф в размере одного миллиона иен. В докладе отмечается, что в отличие от большинства государств общеправовой и континентальной правовых семей уголовное преследование в Японии осуществляют исключительно органы прокуратуры. При этом за ходом расследования прокуратуры наблюдает Комиссия по рассмотрению деятельности прокуратуры, представляющей собой орган гражданского контроля⁵.

Проведенный анализ научных источников по теме исследования за 2016-2021 гг. позволил сгруппировать их в три группы, каждая из которых акцентирует внимание на определенных аспектах современного состояния института ускоренного дознания.

Первая группа источников связана с проблемой поиска эффективных форм разрешения уголовно-правового конфликта посредством решения задачи уголовного судопроизводства по обеспечению доступа к правосудию и в целом реализации концепции гуманизации уголовного процесса.

К указанной группе, например, относятся представители ташкентской правовой школы D. B. Vazarova (Узбекистан, 2016 г.), которая отмечает, что в век информационных технологий эффективность уголовного правосудия зависит от целерантности, предполагающей разрешение уголовных дел в более короткие сроки⁶.

F. S. Farmonovich, которая обсуждая в своей публикации вопросы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности органов дознания делает акцент еще и на таком факторе как экономия государственного бюджета⁷.

¹ См.: Convention on Cybercrime No. ETS 185 от 23.XI.2001 URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest_17_conv_budapest_en.pdf (Дата обращения 05 мая 2021).

² См.: Recommendation No. R (87) 18 of the committee of ministers to member states concerning the simplification of criminal justice1 (Adopted by the Committee of Ministers on 17 September 1987 at the 410th meeting of the Ministers' Deputies) URL: <http://rm.coe.int/16804e19f8> (Дата обращения 05 мая 2021).

³ См.: Yağar, E. (2020). Accelerated Proceedings in Turkish Criminal. *Adalet Dergisi*. 65. 255-299. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1467957> (дата обращения 05 мая 2021).

⁴ См.: Coscas-Williams, B., Alberstein, M. (2019). Accelerated Proceedings in Continental Criminal Justice systems. *Int J Educ Technol High Educ*, 22 (4), 585-617. URL: <https://doi.org/10.1525/ndr.2019.22.4.585> (Дата обращения 05 мая 2021 г.).

⁵ См.: Johnson, D., Vanoverbeke D. (2020). The Limits of Lay Participation Reform in Japanese Criminal. *Hastings journal_crime_punishment*, 1 (3), 439 URL: https://repository.uchastings.edu/hastings_journal_crime_punishment/vol1/iss3/8 (дата обращения 05 мая 2021 г.).

⁶ См.: Vazarova, D. B. (2016). Procedural safeguards in investigating and adjudicating criminal cases by summary procedure. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 12 (44), 34-37. doi: 10.15863 / TAS.2016.12.44.7

⁷ См.: Farmonovich, F. S. (2019). Saving the State Budget by Improving the Criminal Procedure Activities of Bodies of Inquiry. *Religación*, 4 (5), 70-73 URL: <http://revista.religacion.com/index.php/religacion/article/view/276> (Дата обращения 05 мая 2021 г.).

Такие исследователи приходят к однозначным выводам, что решение проблемы повышения эффективности досудебного производства состоит в избавлении от излишней заформализованности и за бюрократизированности.

Большая часть авторов, занимающихся проблемой реализации упрощенных форм уголовного судопроизводства отмечают, что указанные процедуры существенно экономят время и ресурсы правоохранительных органов.

Вторую группу научных источников составляют работы зарубежных авторов, по-разному оценивающих проблему перспективности введения целерантных (от лат. быстрый, стремительный) процедур в уголовное судопроизводство государств. Такие специалисты оценивают современное состояние дознания в сокращенной форме с криминалистической точки зрения. Исследования данного аспекта представлены такими зарубежными авторами, как, W. Chen, Al-Asaad Faisal¹, L. Soubise, A. Vasko, D. Johnson, D. Vanoverbeke.

Следует заметить, что ученые, представляющие указанное направление, констатируют тот факт, что качество расследования в упрощенном производстве существенно ниже.

Weidong Chen (Китай, 2021 г.), к примеру, опираясь на последние открытия юридического сообщества, представил текущие тенденции ускоренных производств в уголовно-процессуальном праве Китая. Отсутствие разделения процессуальной формы предварительного расследования в Китае обусловлено менее длительными сроками производства по уголовному делу, упрощенной процедурой санкционирования применения мер процессуального принуждения и производства следственных действий².

Профессор Ливерпульского университета Лорен Субиз (Великобритания, 2021 г.) в рецензии на книгу Ж. Ходжсон «Метаморфоза уголовного правосудия – сравнительный отчет» пишет о фундаментальных изменениях в уголовном правосудии Англии и Уэльса. Например, лицо, совершившее преступление, согласно его данным, может быть немедленно доставлено в магистратский суд без досудебной подготовки и письменного обвинительного акта (устная формулировка обвинения). В случае признания обвиняемым своей вины другие доказательства виновности судом не исследуются³.

Адриан Вашко (Словацкая Республика, 2020 г.) изучал криминалистические особенности использования разведывательных данных в сокращенных формах уголовного судопроизводства. Сокращенное расследование в Словакии должно быть окончено в течение двух месяцев с момента вынесения обвинения. При сокращенном расследовании составляется протокол сокращенного производства. Автор приходит к выводу, что использование разведывательной информации в уголовном судопроизводстве влияет на сокращение сроков и оправдано прецедентной практикой Европейского суда по правам человека⁴.

В государствах – участниках СНГ (Казахстан, Беларусь, Молдова) был выбран подход к ускоренной форме досудебного производства, позволяющий только сократить его срок. Так, А. А. Прокопова (2019 г.) отмечает, что в Республике Казахстан уголовно-процессуальное законодательство предусматривает четыре самостоятельных ускоренных производства (ускоренное досудебное расследование; протокольная форма досудебного расследования; процессуальное соглашение в форме сделки о признании вины; приказное производство), идентичных между собой и более того, ставящих под угрозу уголовно-процессуальные гарантии прав человека⁵.

Широкая распространенность в зарубежных странах целерантных уголовных судопроизводств позволяет выявить к ним интерес со стороны иностранных авторов научных статей. Научный сотрудник лаборатории по разрешению судебных конфликтов юридического факультета Университета Бар-Илан В. Coscas-Williams и профессор юридического факультета Университета Бар-Илан, главный следователь лаборатории судебного разрешения конфликтов М. Alberstein (Израиль, 2019) изучив развитие гибридных моделей уголовного правосудия в двух континентальных юрисдикциях (на примере Франции и Италии) сделали выводы относительно перспектив развития ускоренного досудебного производства. Франция и Италия имели разные эффективности уголовного судопроизводства начиная от элементов состязательности и, заканчивая инквизицией. Французская система, долго оставалась следственной по своей природе, однако в последнее время стала меняться в сторону исчезнувшего расследования. Итальянская система, с другой стороны, объявила о радикальном преобразовании в состязательную структуру

¹ Egbert, S., Leese, M. (2021) Predictive Policing and Everyday Police Work. 242 p. doi: 10.4324 / 9780429328732

² См.: Chen, W. (2021). Theory and Exercise of the Power of Investigation. In: Reform and Development of Powers and Functions of China's Criminal Proceedings. 551 p. URL: <https://doi.org/10.1007/978-981-15-8431-24> (Дата обращения 05 мая 2021).

³ Soubise, L. (2021). Book Review: The Metamorphosis of Criminal Justice – A Comparative Account. Social & Legal Studies, 1-5. URL: <https://doi.org/10.1177/0964663921990720> (Дата обращения 05 мая 2021).

⁴ Vasko, A. (2020). Intelligence information within criminal proceedings. DUNAL: Law, Economics, and Social Issues Review. 10 (3). 267-283. doi: 10.2478 / danb-2019-0014.

⁵ Прокопова, А. А. (2019). Сравнительный анализ ускоренных досудебных производств в уголовном процессе Республики Казахстан. Труды Академии управления МВД России, 3 (51), 122-128 URL: <file:///C:/Users/S-IIXD/Downloads/sravnitelnyy-analiz-uskorennyh-dosudebnyh-proizvodstv-v-ugolovnom-protsesse-respubliki-kazahstan.pdf> (Дата обращения 05 мая 2021).

судебного разбирательства, но при этом применяя в основном процедуры без судебного разбирательства. Этот сдвиг не привел к исчезновению явления судебного разбирательства¹. Во Франции данный вид дознания в целом оценивается положительно поскольку он позволяет быстро установить факт преступления, задержать преступника и закрепить доказательства, пока они не исчезли. Чаще всего досудебное производство ограничивается дознанием очевидных преступлений. А в Италии практика соглашений о признании вины как сокращенная досудебная процедура была введена УПК еще 1998 году². В странах англо-саксонской правовой системы, таких как США, Великобритания, Австралия упрощенная процедура как правило связана с заключением сделки с правосудием и на стадии расследования и на стадии судопроизводства³.

Проводя итоговое различие между тем, что уже сделано, и тем, что необходимо сделать, отмечаем с одной стороны многообразие научных подходов в научных исследованиях, проведенных зарубежными учеными, к сокращенным процедурам уголовного судопроизводства, а с другой стороны необходимость их законодательной доработки до требований «международных стандартов». Соответственно становится очевидным, что указанная проблематика требует дальнейшей исследовательской разработки, а если быть еще точнее, то именно вопросы оптимизации деятельности органов дознания по осуществлению уголовно-процессуальных производств, включая все элементы названной процедуры, требуют универсализации и закрепления в международном аспекте посредством введения «международных стандартов».

---

¹ См.: Coscas-Williams, B., Alberstein, M. (2019). Accelerated Proceedings in Continental Criminal Justice systems. *Int J Educ Technol High Educ*, 22 (4), 585-617. URL: <https://doi.org/10.1525/nclr.2019.22.4.585> (Дата обращения 05 мая 2021).

² Гирько, С. И. (2019). Стандарты ускоренного досудебного производства в полицейской практике за рубежом и возможности их имплементации в Российской Федерации. *Colloquium-journal*, 18 (42), 29-40. doi: 10.24411/2520-6990-2019-10604.

³ См.: Манилкин, Н. В., Быкадорова, Е. В., Болдырев, Н. В. (2021). Английская форма уголовного судопроизводства, как одна из основных исторических форм уголовного процесса. Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий, 138-140 URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44776505> (Дата обращения 05 мая 2021).

Голик Юрий Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Golik Yuri Vladimirovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: ygolik@list.ru

Нужна ли философия уголовному праву

Does the philosophy of criminal law need

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимодействия философии и уголовного права, влиянию этого взаимодействия на борьбу с преступностью. Специально отмечается, что в современный период времени без использования основ философии невозможно ни создать современное законодательство, ни организовать должным образом борьбу с преступностью. При написании работы автор использовал работы отечественных и зарубежных философов.

Ключевые слова: философия, философия права, философия уголовного права, уголовное право, уголовный закон, ответственность, борьба с преступностью

Abstract. The article is devoted to the study of the interaction of philosophy and criminal law, the impact of this interaction on the fight against crime. It is specially noted that in the modern period of time, without the use of the foundations of philosophy, it is impossible either to create modern legislation or to properly organize the fight against crime. When writing the work, the author used the works of domestic and foreign philosophers.

Keywords: philosophy, philosophy of law, philosophy of criminal law, criminal law, criminal law, responsibility, fight against crime

---

Слова, вынесенные в заголовок статьи, не содержат знака вопроса, хотя, казалось бы, он там напрашивается. Это сделано специально, дабы изначально таким образом подчеркнуть позицию автора: философия нужна науке уголовного права, учебной дисциплине уголовного права и всей сфере борьбы с преступностью.

Как мы знаем философское осмысление мира началось много тысячелетий назад, сразу при появлении науки. Если мы попробуем вчитаться под этим углом зрения в текст Библии, то найдем там массу примеров, подтверждающих правоту этих слов. Так уж устроен человек: он все хочет понять и познать.

В.И. Вернадский (1863-1945) – великий русский ученый и мыслитель, когда-то писал: «Положение философии в структуре человеческой культуры очень своеобразно. Оно связано с религиозной, социально-политической, личной и научной жизнью неразрывно и многообразно»¹. Для того, чтобы ни у кого не возникла отторжения от занятия философией или ее использования, он указывает: «Можно быть философом, и хорошим философом, без всякой ученой подготовки, надо только глубоко и самостоятельно размышлять обо всем окружающем, сознательно жить в своих собственных рамках. В истории философии мы видим постоянно людей, образно говоря, «от сохи», которые без всякой другой подготовки оказываются философами»². Таким образом, философские размышления доступны каждому думающему человеку. Остается добавить, что написано это было еще в 1938 г. в его незаконченной, к сожалению, работе «Научная мысль как планетное явление». Уже в этом названии автор подчеркивает, что наука охватывает всю планету и всех людей, вне зависимости от их местонахождения, рода занятий, цвета кожи и так далее. Наука – это прежде всего мысль, а мысль бесконечна.

Конечно же, В.И. Вернадский был не одинок в своих устремлениях возвысить роль философии в нашей жизни. Считаю необходимым указать на то, что известный русский религиозный философ XIX века В.С. Соловьев (1853-1900) свое первое крупное философское произведение, оставшееся незакон-

---

¹ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 105.

² Там же. С. 105-106.

ченным, озаглавил очень символично «Философские начала цельного знания» (1877)¹. Если отвлечься от его религиозных изысканий, то в сухом остатке останется то, что он признавал философию основой цельного знания. Не фрагментарного, отрывочного, специального и даже не системного, а именно *цельного*. Именно цельность знания позволяет видеть всю картину окружающего мира полностью, объемно, со всеми выпуклостями и шероховатостями, со всеми достоинствами и недостатками. И криминальная тематика сюда полностью вписывается, ибо позволяет отражать важный сегмент нашего бытия – болезненный, ненужный, но на данном этапе развития человечества, к сожалению, неизбежный.

Что такое цельность? Сам автор начинает свой труд фразой, много объясняющей: «Первый вопрос, на который должна ответить всякая философия, имеющая притязание на общий интерес, есть вопрос о цели существования».² Иными словами, мы должны понимать цельность как нацеленность, исходить из цели. Именно цель должна являться исходной точкой отсчета.

Однако русский язык богат и многогранен. Цельность можно понимать и как целостность. И В.С. Соловьев прекрасно это знал и использовал и то, и другое значения, не всегда акцентируя на этом внимание. Особенно заметно это проявляется в ч. III «Начала органической логики: характеристика цельного знания. – Исходная точка и метод органической логики». Как правило, такое использование цельности в смысле целостности он применяет при описании истины и человека. Это позволяет нам использовать эти два понятия как синонимы. Они нам пригодятся в обоих значениях. Более того, их использовать надо вместе. Цельная целостность. Это позволит более глубоко проникнуть в суть проблемы. Недаром очень многие философы очень высоко ценили способность правильно судить о целом. После развала Советского Союза многие бывшие республики Союза утратили свою полноценность и не могут ее восстановить до сих пор.

В праве целостность имеет особое значение. Например, ст. 158.1 УК РФ и ст. 7.27 КоАП РФ, предусматривающие ответственность за мелкое хищение, не составляют единого целого, что порождает излишние теоретические споры и сложности при правоприменении. Технологи (нормрайтеры) могли бы достаточно легко устранить существующую проблему. Исписаны сотни страниц на эту тему, но законодатель глух к этим призывам, ибо он просто не понимает сути проблемы.

Философия – это прежде всего мысль. Существует бесчисленное количество высказываний самых известных мыслителей по этому поводу. Но и право следует рассматривать как мысль. Гегель в своей фундаментальной «Философии права» писал, что надо «стремиться понять и право как мысль»³. Иными словами, философия и право здесь сливаются в одном мысленном потоке. Они при этом отражают реальную жизнь, но отражают совсем по-разному.

Мысль присуща только человеку. Точнее, человеческому сознанию. И именно человеческая мысль на каком-то этапе своего развития породила правовую среду. И эта среда, право в целом, стала неотъемлемой частью существования всего общества. Попробуйте изъять правовую составляющую из нашего бытия. – Не получится. Мы срослись с этим явлением намертво. Иногда доводя многие вещи до абсурда. И борьба с преступностью полностью вписывается сюда. Недаром С.А. Бочкарев специально отметил: «Из истории философии известно, что философская мысль никогда не упускала из виду уголовный вопрос и всегда предусматривала для него место в конструируемых картинах мира. Без него они оставались и считались незавершенными»⁴. То есть, так было издревле. Это важно.

Мысль должна быть инструментальной и нацелена на повышение статуса человека (в самом широком смысле этого слова). В этой связи важен еще один тезис Гегеля: «Мысль о праве не есть нечто такое, чем каждый обладает непосредственно; лишь правильное мышление есть знание и познание предмета, и поэтому наше познание должно быть научным»⁵. Жаль, что это простая мысль не коснулась голов наших депутатов.

Философское осмысление жизни продолжается постоянно. Каждый новый период развития выдвигает новые проблемы, которые требуют своего всестороннего изучения и описания.

Так, сейчас у всех на слуху проблема цифры. Происходит тотальная цифровизация нашей жизни. Что это такое и к чему это приведет? Философии цифровизации пока не появилось, ученые только присматриваются к проблеме, хотя работы по этой проблеме уже появляются.

Однако уже сегодня очевидно, что появились и еще появятся во множестве новые явления, имеющие отношение к праву и правому регулированию. Сегодня многие из них, если не большинство, даже не имеют адекватного наименования, простого названия. Уже сегодня суды сталкиваются с проблемой легализации переписки через электронные сети. Это доказательство или не доказательство? Как эту переписку отфиксировать и задокументировать, чтобы затем приобщить к делу? Практика наощупь ищет правильный путь.

Таких случаев много. Что-то из происходящего коснется и уже касается уголовного права (та же самая переписка через Интернет в случае ее фальсификации). Мы не можем предвидеть, что конкретно

¹ Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1990. С. 139-288.

² Там же. – С. 139.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 58.

⁴ Бочкарев С.А. Гносеология уголовного права. – М.: Блок-Принт, 2021. – С. 64.

⁵ Гегель. Указ. раб. – С. 58.

будет, но мы хотя бы должны понимать, что что-то будет. Необычное и непривычное. Надо быть хотя бы морально и интеллектуально к этому готовыми, чтобы не позволить застать себя врасплох.

Следует заметить, что цифровизация по сути дела затмила массу других проблем, порожденных жизнью. Такими проблемами являются конвергентные технологии (нанотехнологии, биотехнологии, информационные и коммуникационные технологии и когнитивные технологии). Т.Я. Хабриева посвятила этому специальную статью и пришла к выводу о неготовности права к открытой встрече с грядущими изменениями¹. Это не значит, что надо опускать руки. Надо элементарно готовиться. Предупрежден – значит вооружен.

Казалось бы, причем здесь философия? На этот вопрос великолепно ответил академик В.И. Вернадский: ученый, работающий в новых областях знания, «вынужден ждать и должен оставлять в стороне в большинстве случаев суждения философов, не охвативших анализом необозримое количество по существу новых фактов, явлений и эмпирических обобщений, научных теорий и научных гипотез, непрерывно создаваемых научным творчеством. Для ученого совершенно ясно, что, не проделав указанную работу над новым материалом, философ должен приходить к искаженным выводам». При этом «ученый не может не считаться с работой философа, должен использовать его достижения, но не может придавать ей того же значения, какое он придает основной части своего знания»². Сегодняшняя наша жизнь блестяще подтверждает этот простой, казалось бы, вывод.

Как к необходимости использовать философию в своих научных поисках относятся сами специалисты по уголовному праву и криминологии? Чтобы не перегружать небольшую работу ссылками и цитатами, сделаю небольшое экспертное заключение, основанное на своих многочисленных беседах с коллегами.

Если упростить ситуацию, то выделяется две группы. Первая – это те, кто считает необходимым использовать философскую основу для исследования и конструирования своих теорий. Ко второй относятся те, кто считает это совершенно излишним. Достаточно изучать закон и судебную практику и на этой основе комментировать закон и правоприменительную практику. Этого вполне будет хватать. Таких меньшинство, но они есть и отмахиваться от их мнения мы не имеем права.

Как бы то ни было, но последнее время появляется все больше и больше работ, посвященных анализу философии и ее роли в исследовании уголовного права³. Судя по всему, их количество будет неуклонно расти. И это вполне объяснимо. Дело в том, что каждое время выдвигает свои проблемы и заставляет их по-новому осмысливать. Значит, необходимо будет искать и новые правовые решения старых проблем. Тем более необходимо будет искать такие решения для появившихся новых проблем.

Что касается уголовного права, то огромную роль в этой связи имеет изучение методологии уголовного права. К сожалению, этот аспект как-то не привлекает особого внимания исследователей. На это специально обратил внимание В.Д. Филимонов⁴. И здесь без философии уже никак не обойтись, ибо в основе методологии в данном случае лежит осмысление действительности и описание путей ее преобразования.

Есть еще одно направление, лежащее на стыке философии, права, социологии, политологии и ряда других смежных дисциплин. Наиболее выпукло его показал и описал Пино Арлакки⁵. Будучи в 1997-2002 гг. заместителем Генерального секретаря ООН, он добился создания, создал и пять лет возглавлял Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП). Это Управление сделало много реального в деле борьбы с наркоугрозой в мире. В книге автор рассматривает так же военные преступления, убийства, терроризм и многое другое. Чем больше мы будем проникать в эту материю, тем более ясно сможем описать цели и задачи современного уголовного права, включая установление уголовной ответственности за те или иные преступления. В определенном смысле к этой работе примыкают и работы Джульетто Кьеза – известного итальянского журналиста, писателя и общественного деятеля (1940-2020)⁶, в которых названные проблемы описываются с другой стороны, но выводы мы получим те же самые.

Несколько лет назад Ю.М. Антонян выпустил книгу «Бегство от цивилизации»⁷, в которой собрал воедино наиболее болезненные проявления поведения человека: от терроризма до педофилии и убийства детей. При этом он проводит читателя через историю проявления этого явления в общественной жизни. Очевидно, что относиться к этим актам человеческого поведения сегодня нельзя так, как относи-

¹ Хабриева Т.Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 138-152.

² Вернадский В.И. Указ раб. – С. 108.

³ Вот только несколько монографических работ: Александров А.И. Философия зла и философия преступности. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013; Бачинин В.А. Философия права и преступления. – Харьков: Фолио, 1999; Философия уголовного права. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004; Бочкарев С.А. Философия уголовного права: постановка вопроса. – М.: Норма, 2019; Его же. Гносеология уголовного права. М.: Блок-Принт, 2021; Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013; Его же. О нравственности наказания. – СПб.: Юридический центр, 2016 и др.

⁴ Филимонов В.Д. Исходные начала методологии уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2021.

⁵ Арлакки П. Обман и страх: Миф глобального хаоса. М.: Кучково поле, 2018.

⁶ Кьеза Д. Мир на пороге войны. Размышления европейца. – М.: Книжный мир, 2015; Его же. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? – М.: Издательство «Э», 2016 и др.

⁷ Антонян Ю.М. Бегство от цивилизации. – М.: Юрлитинформ, 2017.

лись двести или триста лет назад. А как? Что мы можем и должны сделать именно сегодня, например, с убийствами школьников, о которых нас периодически информируют средства массовой информации? Одним усилением ответственности проблему решить невозможно.

В детских садах охрана, в школе уже усиленная охрана, но это не спасает от гибели детей. К каждому ребенку охранника не поставишь, а потом возникнет естественный в такой ситуации вопрос: «А кто будет сторожить самих сторожей?». Надо искать причины такого неадекватного поведения выродков и искоренять именно эти причины. Без философского осмысления ситуации здесь явно не обойтись.

Так же требует своего осмысления и действие «пятой колонны». Этот термин появился меньше ста лет назад, но достаточно прочно вошел в нашу жизнь, хотя не все, его употребляющие, даже понимают о чем идет речь. К сожалению, монографических исследований по этой проблеме практически нет. Исключение составляет работа Л.В. Голоскокова¹. Не стоит успокаивать себя тем, что у нас этого нет, и нас это не коснется. Во-первых, есть. Вспомните хотя бы многочисленные публикации об агентах влияния и об иностранных агентах (этот термин уже появился в нормативных документах). Во-вторых, уже коснулось и коснулось заметно (достаточно вспомнить некоторые митинги, шествия, демонстрации последних лет). Более того, есть основания полагать, что процесс развития и размножения этого явления будет продолжаться. Он будет развиваться внутри страны и за ее пределами. Ненависть к России со стороны отдельных групп, как ни странно, последние годы усиливается. Это родилось не вчера. Этой тенденции не одна сотня лет. Похоже, она родилась вместе с русскими и Россией. Можно привести сотни и тысячи высказываний на этот счет. Позволю себе ограничиться лишь одним.

Уильям Юарт Гладстон (1809-1898) – известный политический деятель Великобритании. Был 41-м, 43-м, 45-м и 47-м Премьер-министром этой страны. В свое последнее пребывание в этой должности (1892-1894) он заявил, что «ни одна страна мира не причинила столько зла человечеству, сколько Россия»². Были и другие его нелюбезные высказывания о России и не только о России. Даже королева назвала его «полоумным».

Он был не одинок, и эта линия по очернению России продолжается вплоть до наших дней, чему мы все являемся свидетелями. Глубинная задача всех этих наветов и очернений проста – подорвать ситуацию изнутри: ослабить веру народа в свою власть, в действенность законов, в свои собственные силы в конце концов. Народ должен либо взбунтоваться, либо опустить руки и ничего не делать. Именно поэтому резким нападкам подвергаются едва ли не любые наши попытки защитить с помощью уголовного закона общество и государство. И не только уголовного. Достаточно вспомнить реакцию Запада на наши изменения в нашу же Конституцию, одобренные общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. Европарламент умудрился даже специальную резолюцию по этому вопросу принять, суть которой была предельно ясна: немедленно отменить, ибо эти изменения противоречат нашим взглядам. А при чем здесь ваши взгляды? Разве это вы живете в России?

Конечно, мы тоже допускаем ошибки, но мы их и признаем. Признаем и исправляем. Последнего наши недоброжелатели не замечают принципиально.

Нельзя такие действия оставлять без ответа. В противном случае многие поколения самых разных людей будут уверены в том, что так оно и есть. Мы должны уметь защищаться!

Нельзя обойти вниманием еще одну проблему, требующую философского осмысления. Это прецедент и его использование в уголовном праве. Очень многие мои коллеги категорически против такого использования. А, собственно говоря, почему? Да, у нас не прецедентное право и не надо его реформировать в прецедентное.

Но это не значит, что прецедент, как правовое явление должен быть под запретом. В конце концов прецедент, в отличие от закона, более гибок, более мобилен. Он эффективнее и быстрее реагирует на нужды практики, подталкивает теорию к развитию. На это никак нельзя закрывать глаза.

При оценке возможности использования прецедента мы должны исходить не из нормативных предписаний, а из объективной реальности, окружающей нас. В Древнем Риме считалось, что юристы не создают и не формируют право, а открывают его. Это принципиальный момент, и именно он поможет нам разобраться в тех изменениях, которые вот-вот посыпятся на нас. Речь идет об изменениях в мире, а не об изменениях в законодательстве, которые должны быть производными от глобальных изменений.

Конечно, мы знаем и откровенно глупые, даже противозаконные прецеденты. Однако вышестоящие судебные инстанции вмешиваются и исправляют глупости нижестоящих судов. Ничего страшного в этом нет.

В данной работе очерчен совсем небольшой круг проблем уголовного права, требующий философского осмысления. На самом деле их значительно больше. Да все современное уголовное право требует своего осмысления. Меняется жизнь, меняется роль права в нашей жизни, и уголовное право сегодня уже не может исполнять свои функции так, как это происходило раньше. Если мы этого не поймем, мы не сможем сдвинуться с места в своем развитии. А двигаться нам в ближайшее время придется много и быстро. Жизнь усложняется и становится все более стремительной. И это радует. Любое движение вперед продлевает жизнь.

¹ Голоскоков Л.В. Пятая колонна как социальный, правовой и криминальный феномен. – М.: РУСАЙНС, 2021.

² Цит. по: Небренчин С.М. Медиаасмыслы гибридных войн. – М.: АНО ЦСОиП, 2021. – С.8

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: gen7976@yandex.ru

Преступление и наказание как категории научных дисциплин уголовно-правового блока (криминологический аспект)

Crime and punishment as categories scientific disciplines of the criminal law unit (criminological aspect)

Аннотация. Излагается авторский взгляд на некоторые аспекты криминологического осмысления преступления и наказания как социально-юридического явления и как единого предмета изучения научных дисциплин противопреступного цикла, проблему взаимопонимания в уголовно-правовом сообществе, более тесной связи теории и практики предупреждения преступлений, в особенности правовыми средствами и в частности наказания.

Ключевые слова: родственные науки; формально-логический; социальный конструкт; преступление, признаки, наказуемость, наказание; междисциплинарные связи; юридическая поговорка; функциональность; коррупционная преступность

Abstract. The author's view on some aspects of criminological understanding of crime and punishment as a sociolegal phenomenon and as a single subject of study of scientific disciplines of the anti-criminal cycle, the problem of mutual understanding in the criminal law community, closer connection of the theory and practice of crime prevention, especially by legal means and in particular punishment, is presented.

Keywords: related sciences; formal-logical; social construct; crime, signs, punishability, punishment; interdisciplinary connections; legal proverb; functionality; corruption crime

---

Уголовно-правовой блок – это новая специальность, в утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 номенклатуры научных специальностей, а именно *специальность 5.1.4 – уголовно-правовые науки*, в которой (и без этого, исторически) объединены: во-первых, *основные* теории – уголовного права, уголовно-процессуального права, уголовно-исполнительного права; во-вторых, *специальные* теории – криминологии, криминалистики, экспертологии (криминологической в том числе), оперативно-розыскной деятельности.

Криминология в этом сообществе родственных дисциплин изначально проявила себя как общетеоретическая дисциплина, которая могла продуктивно осуществлять научное «посредничество» во взаимодействии уголовной теории и практики, главным образом, в предупреждении преступлений.

Функциональность современной криминологии как *специальной теоретико-прикладной* дисциплины выражается в следующих направлениях криминологических исследований: а) теории криминологии; б) преступности; в) личности преступника; г) детерминантов преступности, отдельных ее видов и преступлений; д) стратегии (общего характера, неконкретизированной программы), охватывающей длительный период времени, а также принципы, методы достижения перспективных целей противодействия преступности с применением *специальных*, т. е. *уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных, уголовно-исполнительных, криминологических* мер в целях предупреждения преступлений, выявления, раскрытия, расследования преступлений и реализация мер уголовной ответственности – во всем этом верховенствует *криминологическая идея предупреждения*¹.

---

¹См.: Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки.pdf // URL: file:///C:/Users/user/Downloads/Проект-паспорта-научной-специальности-5.1.4.-Уголовно-правовые-науки%20(1).pdf

Оставляя вопрос о спорности-беспорности порожденной министерской волей специальности, представляется очевидным тот факт, что основывается эта новая специальность на «единокровности» дисциплин уголовно-правового блока, точнее было бы сказать противопреступных дисциплин. Как бы ни спорили между собой «научные родственники», разделившиеся согласно своим убеждениям на *нормативистов* и *социологизаторов* уголовной теории, но время (начиная с исторического XVIII в.) выражает неизбежную потребность рассматривать преступление (с его наказуемостью) как *социальное явление*, или *неправо одетое в тюремную робу* уголовным законодательством (перефразируя известное изречением проф. В. О. Мушинского о системах права, одетых в мундир законодательства). Явление, важно заметить, подчиняющееся диалектическим закономерностям взаимосвязи формы и содержания как двух сторон единого целого, т. е. отношения формы и содержания образуют единство, доходящее до перехода их друг в друга¹.

Признание исторически сложившегося «родства» данных наук *ориентирует* специалистов в области уголовной юстиции, *во-первых*, на общую исследовательскую сущность (содержание) наук этого блока, которая выражается главным образом в *предмете* научного интереса – *преступления и методов* (средств) предупредительного воздействия на него, *методологии* научного познания и взаимодействии усилий (энергий) родственных научных дисциплин; *во-вторых*, на всесторонне продуманное наполнение стратегии и тактики (т. е. политики) противодействия преступности энергией выработанной коллективной мысли.

К сожалению, «ориентирует» не означает «убеждает» специалистов к «диалектическому» консенсусу во взглядах на преступление и наказание.

Российский ученый проф. Ю. М. Антонян, размышляя о взаимосвязях криминологии с другими науками, считает, что этот аспект ее изучения представляет собой большое теоретическое и методологическое значение. Продуктивное развитие этой науки, вышедшей из уголовного права, ученый видит только в сообществе других наук, прежде всего – противопреступного цикла. «Криминология – юридическая наука, – пишет Антонян, – она создана юристами и «соседствует» с науками уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминалистической, оперативно-розыскной деятельности», и образование криминолога «должно включать в себя освоение достижений и методов других юридических и неюридических наук, важных для решения криминолога»².

Размышляя над проблемой преступности, проф. П. Н. Панченко приходит к мысли о возможности выработки в будущем *общей теории борьбы с преступностью*³.

Собственно, основы такой теории сегодня представлены в концепции проф. А. И. Долговой. Борьбу с преступностью Азалия Ивановна определяет как целенаправленную системную деятельность общества и государства, которая представляет собой три подсистемы: а) общую организацию борьбы с преступностью; б) предупреждение преступности и в) правоохранительную – карающую и праввосстановительную – деятельность⁴.

В свою очередь, проф. В. Ф. Цепелев как специалист в области уголовной политики рассматривает концепцию борьбы с преступностью, разработанную А. И. Долговой, как будущую отрасль знаний, которая «сформируется в некие криминологические основы по борьбе с преступностью»⁵. В этой концепции ученый видит формирование новой отрасли знаний – *криминальной политологии*.

Идею солидаризации научной мысли в изучении и противодействии преступности разделяет проф. В. В. Лунеев. Ученый усматривает в этом особую роль уголовного права и криминологии. «Взаимосвязь криминологии с уголовным правом и другими отраслями права, на основе которого осуществляется борьба с преступностью, – пишет Виктор Васильевич, – не объяснима из их соподчиненности, поскольку это *два аспекта одного и того же явления*, которые развиваются взаимосвязанно и параллельно друг другу»⁶.

К системному единству в научном изучении преступления можно идти разными путями, т. е. определяясь в том или ином аспекте исследования указанной взаимосвязи. При этом любой выбранный аспект исследования непременно высветит и ту самую область, в которой выражена соподчиненная, а, точнее, органическая взаимосвязь отраслей уголовно-правового блока.

Такие возможные аспекты определяет, как уже отмечалось выше, проф. Ю. М. Антонян в той самой замечательной статье «Криминология будущего: междисциплинарные научные связи». Уже само это на-

¹ См.: Форма и содержание // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/7576/ФОРМА (дата доступа: 26.11.2021).

² Антонян Ю. М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №4(30). С. 68.

³ См.: Панченко П. Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовного права. М.: ИД «Юриспруденция», 2014. С. 159.

⁴ Долгова А.И. Борьба с преступностью // Российская криминологическая энциклопедия / под общ. редакцией А. И. Долговой. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М, 2000. С. 80.

⁵ «Какая криминология сегодня нужна стране? (Проблемы преподавания и практического применения)». Стенограмма. С. 38 // URL: <https://www.hse.ru/data/2011/06/24/1215541055/Стенограмма-1.doc> (дата доступа: 07.11.2016).

⁶ Лунеев В.В. Криминология: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2013. Серия: Бакалавр. Углубленный курс С. 14.

звание предполагает те основные аспекты научного изучения, которые заключают в себе определенное направление систематизации знаний (осмысление, понимание, объяснение) о целях, задачах, принципах и т. п. криминологического познания предмета через призму уголовного материального, процессуального, исполнительного права или другой дисциплины.

Надо сказать, что настойчивость и убежденность российских правоведов, в том числе представителей критической криминологии, в отстаивании принципа научности в борьбе с преступностью, вроде бы, начинают побуждать власть к пониманию бесперспективности ненаучной политики в борьбе с преступностью. Хотя какая может бесперспективность у того, чего в реальности не существует?

Некоторый оптимизм вызывают прошедшие в Совете Федерации парламентские слушания «Уголовная политика – дорожная карта (2017 – 2025 годы)», где обсуждался проект Концепции уголовной политики в России. В частности основной докладчик, профессор НИУ ВШЭ Г. А. Есаков, констатируя разрозненность между «ключевыми игроками» на поле уголовного законодательства, объяснил это тем, что на этом поле нет общего понимания заинтересованных игроков того, как должна строиться уголовная политика¹. И особенно в подходе к осмыслению преступления как объекта и *ядрового* элемента межотраслевого юридического изучения преступности. «Объект» означает, казалось бы, понятное всем нам *существующий объективно*, т. е. независимо он нашего сознания.

Однако в этом убеждены не все. Например, проф. Я. И. Гилинский полагает, что «преступность» и «преступление» в реальности не существуют, эти «понятия *релятивные* (относительные), конвенциональные (как договорятся законодатели). Они суть *социальные конструкты*»², т. е. творчески (умозрительно) сконструированные образы реальности. При этом ученый опирается на распространенность подобного «западного» понимания, в частности цитируя Л. Хулстмана («Преступление не онтологическая реальность. Преступление не объект, но продукт криминальной политики»); М. Робинсона (...Преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. Преступность не существует в природе, это выдумка (invented) людей»³. Правовед Ю. В. Голик утверждает: «Право и нравственность – продукты творчества человека, в природе их нет, как нет и преступления»⁴.

Даже больше того, можно добавить: не только право – продукт человека, но и государство тоже. Как пишет проф. А. И. Бачинин, «позитивное право – искусственное создание, сотворенное людьми, преданными интересам такого искусственного формообразования, как государство»⁵.

Если так же «формально-логически» подойти к данным утверждениям, то можно сделать не менее креативные (т. е. творческие, направленные на создание принципиально новых идей, отличных от традиционных схем мышления⁶) выводы. Например, продукт человеческой деятельности – уголовное право порождает аналогичный продукт – преступление. В этом утверждении нет ничего удивительного: мы функционируем в ирреальном мире, т. е. внутреннем, полностью сотворенном из мыслей и ими же наполнены. И этот наш мир, взаимосвязанный с миром внешним, реальным, наполняет его новыми красками, в частности – самовыражения и творческих решений. Так и хочется выразиться «цифровым языком»: мир теоретических роботов. И если мыслить дальше, то вполне можно предположить (как уже это делается в современных суждениях), такие «роботы» способны, пожалуй, поработить человеческий разум, сотворивший их.

Хотя в этом проявляется особенность науки: в ней *движения* мысли свободны, и порой настолько, что переходят в захватывающий полет, с высоты которого реальность плохо просматривается, а то и просто о ней остается только догадываться.

Однако следует признать: в приведенных суждениях заключена правильная формально-логическая теория, и в них заложен позитивный вызов. *Во-первых*, действительно, закон, в силу своего несовершенства по «недосмотру» законодателя, ввиду политических соображений (политизации законотворчества) и т. п., может оказаться криминогенным, а то и преступным. Подробно об этом можно прочитать в работах проф. Д. А. Шестакова, в которых он представляет разрабатываемую им теорию криминологии закона, в частности понятия преступного (в юридическом и криминологическом смысле) закона. Напри-

¹ См.: В Совете Федерации состоялись парламентские слушания по вопросам развития уголовного законодательства // URL: <http://council.gov.ru/events/news/79098/> (дата доступа: 31.01.2019)

² Гилинский Я.И. Криминология сегодня: достижения, проблемы, перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1 (18). С. 66.

³ Там же: С. 66 – 67.

⁴ Голик Ю.В. О значении философии для познания преступления и наказания в современный период (вместо предисловия) // Преступление и наказание. Философия наказания. О нравственности наказания. Материалы конференции в формате Круглого стола, посвященной презентации книг доктора юридических наук, профессора И.М.-о. Рагимова. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2016. С. 3. – 3 – 4 с.

⁵ Бачинин В.А. Антитеза естественного и позитивного права: философско-культурологический анализ // Общественная наука и современность. 1999. № 6. С. 77. С. 76 – 87.

⁶ См.: Креативность (от англ. creative – творческий) // URL: <https://yandex.ru/search/?text=креативный+это&clid=2289563&banerid=0401004833%3ASW-2e5b00555d79&win=467&lr=47> (дата доступа: 24.11.2021).

мер, допущение в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных с помощью пыток или разрешение на ведение агрессивной войны США)¹.

Еще Ч. Беккария «обвинял» закон в криминализации таможенных отношений: «Преступление контрабанды создается самим законом, так как при повышении таможенных пошлин растет и прибыль от контрабанды и соответственно соблазн заняться ею»².

Например, русская пословица «если бы не закон, не было бы и преступника» применяется к «плохим» законам, а также к тем, кто применяет закон (судьи, следователи, прокуроры, адвокаты), искажая дух и смысл закона³.

Во-вторых, в идее порождения преступления уголовным законом видится образность многовекового обычного права – «в форме устных преданий, живущих в виде рассказов о примерных делах, в волю выражающих (конклюдентных) действиях и т. п., или же является точно и определенно сформулированными в виде юридических пословиц и поговорок»⁴.

Например, что такое «пословица»? В словарях читаем: «Меткое образное изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее обычно назидательный смысл»⁵. Древнеримское изречение *um crimen sine lege* (нет преступления без закона) вошло в юридическую пословицу (а позднее возведено в принцип). Очевидно, что данный феномен представляет собой *мыслительный образ желаемой действительности*.

Например, в свое время в Англии преступление определялось не по его юридическому существу, а по фактической степени опасности, т. е., исходя из «очевидности преступления»: схвачен преступник на месте совершения преступления или убийца с ножом в руках, задержан ли вор с поличным, он подлежал «праву инфангифа (*infangthief*)», т. е. праву полисмена, шерифа или лица, имеющего документ на право суда, на передачу задержанного тотчас к наказанию – без всякого разбирательства⁶.

Увы, (социальные) преступления без закона существуют и ныне, в том числе и небезосновательно. Так, у Н. С. Таганцева читаем: «Норма права сама по себе есть формула, понятие, созданное жизнью, но затем получившее самостоятельное, отвлеченное бытие. Норма может получить жизненный облик, стать реальным элементом юридической жизни, но не всегда существуют необходимые для этого условия, а между тем *преступное деяние есть всегда и безусловно жизненное явление* (выделено мной – авт.)»⁷.

В связи с этим уместно обратиться к такой норме УК РСФСР 1922 года: «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса» (ст. 10). То есть имеется тот самый случай, когда норма еще не стала «полноправным» элементом юридической жизни, а преступление (*неправомерно, но закономерно*) уж существует в реальной жизни.

В этом отношении представляет интерес, например, феномен давности совершения преступления: закону «не известно» о преступлении, но оно разумно предполагается как неизбежно существующее. И в зависимости от тяжести преступления в статусе «социального преступления» (де-факто) он может находиться под угрозой уголовной ответственности, т. е. перевода его в статус де-юре до 15 лет, а в ряде случаев – без сроков давности (ст. 78 УК РФ).

В-третьих, и это наиболее ценная ремарка, анализируемая теория отвечает *принципу фальсифицируемости* утверждений, или *опровергаемости* (критерий, предложенный философом и социологом К. Поппером). По убеждению ученого, *науке не дано иметь дело с истиной*, поскольку функциональность научно-исследовательской деятельности заключается в выдвижении гипотез и предположений, догадок о мире, построению гипотетических теорий, законов. И на этом общем пути познания реальности и формирования представлений (трансформации сознанием человека явлений действительности в чувственно-наглядные образы о ней). Поэтому было бы, мягко говоря, несерьезно какие-то из этих представлений принимать за истинные⁸. Особенно, когда подобная креативная мысль просматривается через отнюдь не креативную правоприменительную практику, озабоченную выявлением (патентных), раскрытием, расследованием (выявленных) *преступлений*, их квалификацией и крими-

¹ См.: Шестаков Д.А. Преступный закон как парадокс уголовного закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 1 (20). С. 18. – 16 – 29 с.

² Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Фирма «Стелс», 1995. С. 203. – 303 с.

³ Бабило Т. Крылатые выражения о праве и его представителях // URL: <https://ilex.by/news/krylatye-vyrazheniya-ograve-i-ego-predstavitel'nyah/> (дата доступа: 23.11.2021).

⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общ.: В 2 т. / Сост. и отв. ред. Загородников Н.И.; РАН. Ин-т государства и права. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 68. - 380 с.

⁵ Значение слова «пословица» // UEL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/пословица> (дата доступа: 24.11.2021).

⁶ См.: Уголовное право Англии в кратком очертании. Сочинение Джемса Фиц-Джемса Стиффена. Пер. с англ. В. Спасовича. Санктпетербург: издание В. Ковалевского, 1865. С. 16.

⁷ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 29.

⁸ См.: Фальсифицируемость Поппера как научный критерий // URL: <https://4brain.ru/blog/фальсифицируемость-поппера/> (дата доступа: 22.11.2021)

нологическим осмыслением сущностной стороны, главным образом закономерностей механизма преступления...

Возвращаясь к анализу преступления, подчеркнем доминирующую функциональность его социальной сущности, «юридическая форма» которой подбирается (меняется, а то и отбрасывается – при декриминализации) позже. «Гораздо раньше запрещения его законодателем, оно осознается многими, как явление несовместимое с общественным порядком»¹, – писал В. Д. Спасович. Другой российский юрист Н. С. Таганцев также утверждал эту, казалось бы, очевидную истину, указывая на то, что «преступное деяние есть всегда и, безусловно, жизненное явление»². И поэтому, как фактическое явление, оно находится за пределами уголовного права. Существует, можно сказать, в криминологическом смысле.

Именно в таком определении предлагает проф. Д. А. Шестаков понятие преступления, т. е. как «деяние, представляющее для человека и общества значительное зло, безотносительно к признанию такого деяния в качестве преступления законом»³. Но, представляется, в этом определении целесообразно подчеркнуть категорию не безотносительности, а, наоборот, соотносительности, т. е.: *деяние, признаки которого указывают на его возможную уголовную противоправность*.

Известный российский правовед, криминолог проф. Н. Ф. Кузнецова утверждала: «Материальное понятие преступления означает раскрытие его *социальной сущности*»⁴. В частности, Н. Ф. Кузнецова рассматривала некоторые признаки преступления именно через призму социального, а не юридического: а) *деяние* как социальное действие или бездействие; б) *общественную опасность* преступления как его важнейшее социальное свойство; в) *вину* как психическое отношение лица к совершенному им деянию.

И только два признака, или свойства преступления ученый рассматривала как юридические – уголовную противоправность, т. е. запрещенность деяния уголовным законом и органически связанная с ним наказуемость.

Уголовный кодекс РФ предусматривает и другие (пока не изученные) признаки преступления: *совершенность, запрещенность, предусмотренность, наконец, преступность деяния*, который можно назвать «синергетическим» признаком преступления.

Исторически складывались два подхода к изучению *преступности* как свойства преступления, а именно *преступность деяния* и *преступность деятеля*. Например, проф. И. Я. Фойницкий рассматривал в качестве предмета уголовного права не преступление, а *преступность* т. е. состояние лица, совершившего преступление, а само преступление представляло интерес поскольку в нем находит выражение *преступность*. Ученый «определяя уголовное право как науку о личном состоянии преступности, в его выражениях — преступных деяниях, в его условиях—космических, общественных, индивидуальных, и в его последствиях — наказаниях, указывая затем, что "преступность", а не "преступление" должно быть и объектом карательной деятельности государства»⁵.

Противоположную позицию занимал Н. С. Таганцев, считая, что «предметом уголовного права и центром изучения является преступное деяние, а не "преступность", деятельность личности, а не сама личность»⁶.

«Преступность» как признак деяния предусмотрен в Уголовном кодексе РФ. Так, в ч. 1 ст. 3 УК РФ «Принцип законности» закреплено: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Определяются они, надо полагать, в соответствии с признаками преступления, указанными в ч. 1 ст. 14 УК РФ, прежде всего с признаками, относящимися к его объективной стороне, а именно акту осознанно-волевого поведения человека, повлекшего общественно опасные последствия.

Таким образом, преступление представляет собой *социально-юридическое* явление, причем юридическая составляющая имеет меньший удельный вес. Между тем все эти признаки являются равновеликими, равнозначными свойствами преступления⁷. То есть преступление как частный случай проявления преступности содержит в себе те же ее основные социально-юридические свойства.

Следовательно, в преступлении проявляется одна из форм жизни. Как писал проф. Л. И. Спиридонов, преступление выступает как форма социальной жизни вне зависимости от того, будет ли она запрещена уголовным законом или нет⁸. Убийство останется убийством как общественно опасным поступком человека, хотя в определенных случаях и одобряемое обществом. Преступление, по мнению социолога и юриста П. А. Сорокина, не является определением теоретическим, поскольку *оно изучается не с*

¹ Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. 1 (Выпуск второй), Санктпетербург: в типографии Ио-сифа Огирзко, 1863. С. 84.

² Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 29.

³ Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. 2-е изд., испр. и доп. / Предисл. Г.Н. Горшенкова. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. С. 30–31.

⁴ Кузнецова Н. Ф. Понятие преступления. Категории преступлений // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. С. 168.

⁵ Цит. по: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 15.

⁶ Там же.

⁷ См.: Там же. С. 181.

⁸ См.: Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 103. – 236.

точки зрения сущего, а с учетом практической необходимости и потому преступление есть «определение практическое, исходящее из принципа долженствования и отвечающее на вопрос: что должно считаться преступлением, а не на вопрос: что есть преступление и чем оно вызвано»¹.

Хотя ответ на второй, «этиологический» вопрос должен лежать в основе ответа на вопрос «юридический», ибо именно в «юридическом» ответе прежде всего предполагается средство воздействия на причину, преследующее цель предупреждения. В этом видится системная связь между установлением преступления как поведенческого акта, оценкой его как юридического факта, избранием, а затем назначением и, наконец, исполнением меры наказания, преследующей допустимое возможное превентивное «переустройства» механизма преступления (его внутренней стороны).

Применительно к тому далекому времени, когда общественное устройство не знало ни государственности, ни права, все бесчинства следовало рассматривать как «преступления не в юридическом их понимании, поскольку сама юрисдикция возникла вместе с государством, а преступления в фактическом смысле, то есть творимые среди населения убийства, воровство, грабежи и прочие бесчинства»². Если, разумеется, не принимать во внимание допускаемые в обществе исключения.

Сложность развивающихся общественных отношений обуславливает и сложность ценностного понятия – применимого к личности, обществу или государству. Возникла *естественная необходимость* оценки *преступности* как признака явления, что связывалось с *политической целесообразностью*.

В общем целом преступление как определенный акт человеческого поведения является категорией оценочной. С одной стороны, такая оценка дается обществом; с другой стороны, – государством. Таким образом, действуют две системы оценки: общественная Мораль и государственное Право.

Известно же, напомним, что добро и зло легко поменять местами; и вовсе не манипулируя этим, а добросовестно усматривая в том и другом случае – подвиг и преступление – долг и превосходное намерение (по Гегелю), например, намерение истребить дурное (зло). В этом случае субъект, совершающий убийство, находит в нем «удовлетворение чувства своей правоты, права вообще, и уверенность в дурных свойствах другого, его неправоты по отношению ко мне или к другим, по отношению к миру или народу вообще»³. И в таком убийстве «исчезает» всякое различие между добром-подвигом и злом-преступлением.

«То, что законодатель оценивает как преступление, – пишет Л.И. Спиридонов, – никак не влияет на характер запрещаемого деяния, не придает ему никаких новых свойств и потому не может сделать его ни преступным, ни непроступным ...и процесс уголовно-правовой оценки есть не что иное, как определение реальной общественной опасности того или иного возможного посягательства на установленный общественный порядок»⁴.

Нынешний повсеместный, в том числе и в юриспруденции, плюрализм мнений, в том числе и в отношении преступного, обращает внимание правоведа на необходимость формирования в себе упомянутого выше экспертного уровня правосознания, а еще лучше правовой культуры в целом. Это нужно для того, чтобы следовать курсом, позволяющим определять правильные ориентиры в криминологическом обосновании уголовного закона, его реализации, в целом в государственно-правовой политике предупреждения преступлений как закономерных явлений в общественной жизни.

Закономерность преступлений очевидна (но трудно постигаема), и это, в свою очередь, наводит на мысль, что преступления, в которых находит выражение преступность как объективное социальное явление, играют неоднозначную роль в общественной жизни, выполняют определенные функции. Очевидно, общим назначением преступности, или крайней формы выражения «неправа», можно определить такое ее отношение к праву, которое имеет место в ряду отношений «сдержек и противовесов» (ослабления, уравновешивания и т. п.) в социальной системе управления. Согласно Гегелю, право и преступность как «неправо» – две стороны целостного (в настоящем контексте преступно-противопреступного – *авт.*) явления, они как «отрицательное и положительное ...абсолютно соединены в субстанционной необходимости»⁵.

Эта сущностная необходимость и проявляется в функциях преступности (преступлений). Например, проф. В. А. Бачинин, анализируя общую деструктивную направленность преступлений, указывает на их функциональное значение, которое они выполняют внутри цивилизованной системы. Ученый выделяет следующие социальные функции преступлений.

Во-первых, преступления позволяют определенным категориям людей (движимых потребностями самоутверждения, острых ощущений, избытком агрессивности и т. д.) реализовать их трансгрессивные наклонности.

¹ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Соколова: Пер. с англ. М., 1992. С. 66. – 543.

² Поздняков Э. М. Философия преступления. М.: Издательско-полиграфическое Предприятие «Интурреклама. Полиграф-Сервис», 2001. С. 337. – 576.

³ Гегель, Г. В. Ф. Философия права. М.: Издательство «Мысль», 1990. С. 188. – 524.

⁴ Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 104.

⁵ Гегель, Г. В. Ф. Наука логики: В 3-х томах. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 106. – 248 с.

Во-вторых, преступления испытывают на прочность нормативно-ценностные структуры социума, стимулируют в нем процессы укрепления и развития общественных институтов, в том числе – правоохранительной системы.

В-третьих, преступления маркируют недолжные, девиантные линии общественного развития, обна- руживают нежелательные, но возможные трансформации, скрытые в обществе¹, иными словами, вы- полняют индикаторную, или симптоматическую функцию.

Помимо названных социальных функций преступления можно выделить и специальные функции, которые хорошо «просматриваются» в частности через его наказуемость. Деятельное свойство наказуе- мости выражено в так называемых целях наказания. Однако статья 43 УК РФ «Понятие и цели наказа- ния», хотя и содержит термин «цели», но в части второй употреблен другой термин: *в целях* – восста- новления социальной справедливости, а также *в целях* исправления осужденного и предупреждения со- вершения новых преступлений».

Достаточно, опираясь на школьные знания русского языка, проанализировать термин «в целях». Это не *самостоятельная, полнозначная* часть речи, которой является слово «цель», или предполагае- мый результат, а «всего лишь» предлог, *служебная, несамостоятельная* часть речи, т. е. выражающая зависимость между (полнозначными) словами: «для чего», «ввиду какой необходимости», «для дости- жения какой цели».

В термине «в целях» закреплено определенное назначение, смысл принуждения (исправление, предупреждение...), а это и есть *деятельное свойство (функциональность)* наказания как меры, уси- ливающей государственное принуждение.

Функциональность как внутренняя энергия органически предполагает целесообразность, или на- правленность к чему-то, т. е. к цели. Но важно иметь в виду, что цель – это *умозрительная модель ре- зультата*, или его воображаемый образ. А результат может *совпадать* или *не совпадать* с желаемым образом.

Кстати, размышляя над функциональностью наказуемости преступления на стадии исполнения на- казания, условия, в которых это реализуется, возникает мрачная картина дисфункциональности наказа- ния. *Дисфункция* есть нарушение функциональности, некорректное выполнение функции, вплоть до её противоположности².

Такого рода обратный эффект наблюдается с далеких исторических времен и по сей день. В част- ности, на него указывали Ч. Беккариа, видевший в неверном соотношении награды и наказания «проти- воречие, вследствие которого преступления порождаются наказанием»³; Ф. Лист, который находил одну из главных причин повторной преступности именно «в современной системе наказаний, девиз которой может быть сформулирован следующим образом: «Наказание, способствующее преступлению!»⁴. Лист объяснял это в основном тем, что (цитируя Эмиля Готье) «тюрьма отравляет, делает зверем, обезличивает и портит»⁵.

Что касается условий возникновения обратного эффекта наказуемости, то они «хорошо» сохра- няются и сегодня. Как свидетельствует министр юстиции РФ А. В. Коновалов, «пребывание за колю- чей проволокой... производит необратимое калечащее действие на психику человека, превращая его либо в волка, либо в собаку». И это, по мнению министра, может привести к тому, что, если и дальше так продолжится, то люди «будут ежегодно выходить из мест лишения свободы в таком волче-собачьем состоянии, пополняя население России, мы в очень скором времени придем не только к коллапсу во всех сферах деятельности государства и общества, но к очень большому кро- вопролитию»⁶.

На функциональность преступлений указывал еще Э. Дюркгейм, и сегодня ряд ученых находит в преступлениях определенное социальное назначение. В криминологической литературе можно встре- тить описание ряда социальных функций, которые реализуются через преступление. И этим во многом объясняется их «живучесть» преступлений.

Примером тому может служить коррупционная преступность, а именно ее *деятельное свойство*, или *функциональность*. Это свойство можно определить как *совокупность возможностей* (потенциал) *деструктивного воздействия* на государственное и муниципальное управление, коммерческую и иную сферу, особенно его кадровое обеспечение; устойчивость и развитие экономики; морально- нравственный и в целом социальный климат в обществе.

¹ См.: Бачинин, В.А. Философия преступления: классические парадигмы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 4 (5). С. 29. С. 26 – 42.

² См.: Дисфункция // URL: https://yandex.ru/search/?text=дисфункция+это&lr=47&clid=2289563&win=467&suggest_reqid=469037612163644206696235986681180 (дата доступа: 26.11.2021).

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. С. 87.

⁴ Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Сост. и предисл. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М. 2004. С. 40. – 110 с.

⁵ Там же.

⁶ Глава Минюста: в колонии человек превращается в волка: URL: http://actualcomment.ru/glava_minyusta_v_kolonii_chelovek_prevrashchaetsya_v_volka.html (дата доступа 18.11.2021).

Опять же диалектический подход позволяет дифференцированно рассмотреть функциональность коррупции и выделить в ней, с *одной стороны, деструктивные* функции, а, с *другой* (как бы ни парадоксально кому-то это казалось) – функции *конструктивные*, мягче сказать *конструктивно-иницирующие*.

Деструктивные функции очевидны; они реализуются в производных от них отношениях, которые порицаются обществом и которые можно условно разделить на три группы (по аналогии с моделью мотива поступка в теории известного русского философа и литературоведа С.А. Левицкого¹. К *первой группе* отнесем функции, посредством которых коррупция продуцирует отношения *противоправного* характера – дисциплинарные, гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые и т. п.; к *второй группе* – функции *внеморальные*, т. е. корыстолюбивые, честолюбивые, властные, контактные (от лат. *contagiosus* – заразительный, заразный и др.); к *третьей группе* – функции *аморального* характера, т. е. деморализующие общество, формирующие привычно терпимое отношение людей к так называемому коррупционному поведению.

Очевидно, нет необходимости описывать мерзопакостную сторону функциональности, а посвятить внимание другой, менее замечаемой ее конструктивной особенности.

Конструктивно-иницирующие функции. Смысл предлагаемой категории определяется значением соответствующих слов: «*конструктивная*», т. е. созидательная, плодотворная и «*иницирующая*» (от лат. *inijcere* возбуждать, вбрасывать) – вызывающая какую-либо ответную реакцию, принятие мер.

Надо сказать, в ученом мире (да и не только в нем) существуют довольно распространенные взгляды на *полезность* коррупции. Например, Н. В. Ярмоленко определяет в коррупции как неформальном институте (системе так называемого коррупционного управления) ряд социальных (управленческих) функций, а именно: *упрощение* отношений управленческого характера в органах власти; *обеспечение оперативности и простоты* принятия управленческих решений; *урегулирование* в неформальных правилах статусных ролей и отношений субъектов коррупционных отношений².

Разумеется, к *конструктивно инициирующей* составляющей функциональности коррупции следует относиться с большой долей условности. Правильно замечает С. А. Левицкий, обращаясь к народной мудрости: если не бывает худа без добра, то это вовсе не означает, что надо ставить в заслугу «худу» долю того *невольного добра*, которая из него была получена³ (т. е., куплена). Это тот отрицательный случай, когда «цель оправдывает средства», например, *правовое* решение, добытое путем неправового средства, например, в виде коррупционной сделки в форме стимулирующей взятки.

По другой аналогии, коррупция (в образе угрозы национальной безопасности) сравнивается с врагом государства⁴, что, с известного рационального подхода к оценке противостоящей вражеской силе, определяет принцип «учиться у врагов» (как учился Петр I у шведов в войне с ними).

В этом отношении уместно обратиться к мудрости Далай-ламы XIV, который в одном из интервью сказал так: «В определенном смысле предполагаемый враг более полезен, чем друг. Потому что враг учит терпению и другим полезным качествам... Поэтому мы должны испытывать благодарность своим врагам, ибо именно они могут наилучшим образом помочь успокоить наш ум!»⁵.

Что конструктивного инициирует коррупция?

Коррупция как системное явление, *инициирует поиск политических, управленческих решений и действий, обеспечивающих системный характер противодействия коррупции*. Коррупция, рассматриваемая как социальный деструктивный институт (негативный феномен неформальной институционализации, вытесняющий формальные институты неформальными правилами⁶, естественно, «наводит» на мысль о настоятельной необходимости ее деинституционализации.

Очевидно, что в этом процессе необходимо переосмысливать уголовную политику, в частности не переоценивать уголовно-правовые меры принуждения, ибо эти меры бесперспективны, поскольку *направлены на «борьбу с прошлым»*. А в настоящем они представляют те самые «кавалерийские атаки».

В этом видятся *заблуждения* политиков. С *одной стороны*, наблюдается переоценка возможностей добиться эффективности прежде всего правоохранительного механизма государственного управления,

¹ См.: Левицкий С.А. Свобода и ответственность: Основы органического мировоззрения и статьи о солидаризме / Составление, вступительная статья и комментарии В.В. Сапова. Москва: Посев, 2003. С.190. URL: <https://predanie.ru/book/111205-svoboda-i-otvetstvennost/#/toc51> (дата доступа: 21.02.2021).

² См.: Ярмоленко Н. В. Коррупция как вид неформального института. URL: <http://www.radnews.ru/коррупция-как-вид-неформального-инст/> (дата доступа: 28.04.2021).

³ Левицкий С. А. Свобода и ответственность: Основы органического мировоззрения и статьи о солидаризме / Составление, вступительная статья и комментарии В. В. Сапова. Москва: Посев, 2003. С.190. URL: <https://predanie.ru/book/111205-svoboda-i-otvetstvennost/#/toc51> (дата доступа: 21.02.2021).

⁴ См.: Чибис А. Коррупция – враг государства. URL: <https://www.tv21.ru/news/2020/02/21/andrey-chibis-korrupciya-vrag-gosudarstva> (дата доступа: 30.03.2021).

⁵ Иванова С. Учиться у врагов. URL <https://story.ru/istorii-znamenitostej/obstoyatelstva-zhizni/uchitsya-u-vragov/> (дата открытия: 20.03.2021).

⁶ Наронская А. Г. Политическая коррупция: институциональный аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017. Т. 12, № 1 (161). С. 67–72.

делая ставку на принуждение и особенно уголовно-правовыми средствами, ужесточение наказания. В умах политиков и управленцев витает известная идея *бескомпромиссной* борьбы с коррупцией. С *другой стороны*, естественно, недооцениваются преимущественные возможности «мирных средств» – экономических, социальных, воспитательно-профилактических, организационно-управленческих и множества иных мер. И, что особенно важно, учитывая ментальность коррупции, продумать адекватные ментальные как наиболее «мирные» и надежные средства противодействия коррупционным преступлениям.

И именно эта, не карающая, а созидающая система противодействия коррупции имеет несомненные перспективы в ее деинституционализации. В стратегическом и тактическом отношении реализации ее антикоррупционного потенциала бесспорно правильна, ибо ориентирована не на «*борьбу с прошлым*», а на «*предупреждение будущего*» коррупции.

Из сказанного можно сделать как минимум следующие выводы.

1. Нуждается в разработке концепция преступления как предмета междисциплинарного исследования. Преступление как предмет межотраслевого изучения (дисциплинами уголовно-правового цикла) – это прежде всего социальное явление, воспринимаемое в данном обществе и времени как деяние, признаки которого указывают на его возможную уголовную противоправность, либо уже зарегистрированное в установленном едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, а также в его окончательно юридическом статусе в соответствии с вступившим в силу обвинительным приговором суда.

2. Междисциплинарное изучение преступления – явление инновационное и сложное, учитывая отраслевые особенности теоретико-практического познания, задач, методов их решений, с применением специальных – *уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных, уголовно-исполнительных, криминологических* мер в целях предупреждения преступлений, предупредительном воздействии следственно-оперативных, криминалистических и иных правовых мер. Чрезвычайно сложный инновационный характер междисциплинарного механизма познания требует новых подходов к его разработке, методологическому обеспечению, технологии взаимодействия и т. п. Одним из таких подходов представляется достаточно эффективным и перспективным системно-синергетический подход.

3. В то же время возникает необходимость дифференцированного подхода в этом сложном познавательном процессе, в соответствии с которым структурируется предметная сфера преступления (преступности). В зависимости от предметного интереса, целей, задач и особенностей методов исследования формируются соответствующие концепции, или теории:

– *преступления* (как социально-юридического явления, его механизма – в уголовно-правовом и криминологическом аспекта, его механизма, причинности);

– *преступника* (как субъекта преступления, как личность, с «био-психо-социального» подхода);

– *наказания* (как меры репрессивной, превентивно, как межотраслевого института предупредительного воздействия на преступность);

– *причинности* (как причинной связи в механизме преступления и как разной сложности системы связей, или детерминации социально-юридического явления преступления);

– *пострадавшего* («юридического» потерпевшего, «криминологической» жертвы);

– *преступности* (как свойства социального организма, социальных подсистем и свойство деяния и др.);

– *предупреждения* (особенно специального – с использованием комплекса междисциплинарных правовых мер);

– *политики* противодействия преступности (в ее приоритетных направлениях относительно той или иной уголовно-правовой отрасли);

– *безопасности* (личной, общественной, государственной) и др.

Настоящее экспозе выражает собой своеобразный криминологический эскиз, концептуальный набросок, в котором предложены некоторые идеи для размышления, конструктивной критики и, вполне возможно, ответных публикаций под грифом научной новизны.

Иванов Никита Георгиевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста Российской Федерации

Ivanov Nikita Georgievich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation

E-mail: puasson2008@yandex.ru

Зависимость наркологического генеза и пределы её уголовно-правового регулирования

Dependence of narcological genesis and the limits of its criminal law regulation

---

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования применения репрессивных мер к лицам, совершившим преступления, характеризующихся наркологической зависимостью как в определённой мере психической предопределённостью, которая фатально влияет на поведенческие реакции. Рассматриваются вопросы применения принудительных мер медицинского характера к лицам, болезненно зависимым от ПАВ (психоактивных веществ) с анализом проблем, созданных на уровне законодательной регламентации участи таких лиц. Важное место уделено вопросам психических аномалий, которые неоднозначно оцениваются психологами и психиатрами с предложением алгоритма единого решения по выработке формулы аномалийного состояния.

Ключевые слова: психоактивные вещества, уголовная ответственность, принудительные меры медицинского характера, наркологическая зависимость

Abstract. The article is devoted to the issues of legal regulation of the use of repressive measures against persons who have committed crimes characterized by drug addiction as a certain extent a mental predetermination that fatally affects behavioral reactions. The issues of applying coercive measures of a medical nature to persons painfully dependent on surstants (psioactive substances) are considered with an analysis of the problems created at the level of legislative regulation of the fate of such persons. An important place is given to the issues of mental anomalies, which are ambiguously assessed by psychologists and psychiatrists with the proposal of an algorithm for a single solution to develop a formula for an anomalous state.

Keywords: psychoactive substances, criminal liability, coercive measures of a medical nature, drug addiction

---

Предупреждение: рассматривая наркологическую зависимость с позиций общественной опасности её, я позволил себе сделать акценты лишь на тех вопросах в рамках заявленной темы, которые я отношу к категории проблемных.

Прежде всего, позволю себе заметить, не опасаясь казаться тривиальным, что наркология определяется пускай не всеми исследователями как раздел психиатрии, в рамках которого медики занимаются изучением проявлений наркомании, токсикомании и алкоголизма. Это замечание я сделал вовсе не для того, чтобы дать хорошо известную специалистам характеристику наркологии, а исключительно только в качестве вводной части в основной «нарратив», который будет посвящён вопросам регулирования в уголовном праве или, правильнее – в уголовном законодательстве вопросов наркологической зависимости как в определённой мере психической предопределённости, которая фатально влияет на поведенческие реакции.

Ещё одна тривиальность: психические аномалии и болезни безусловно, на мой взгляд, определяют фактуру поведенческих реакций. Об этом факторе, в частности, свидетельствует преамбула ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» от 02.07.1992 № 3185-1, где сказано, что: «психическое расстройство может изменять отношение человека к жизни, самому себе и обществу». А отношения человека к окружающим его ценностям социального плана непременно требуют вклю-

чения в это отношении нормативных вариантов поведенческого регулирования, поскольку отношению присуща поведенческая объективация. Своим поведением человек показывает своё отношение и к жизни, и к обществу, и к отдельным индивидам, и к самому себе. Я сейчас не стану говорить о сублимированных вариантах отношения к социальным ценностям. Это тема отдельной беседы. Имею ввиду так сказать «фронтальное», явное, ничем не прикрываемое отношение человека к окружению, которое подлжит оценке через его поведенческие откровения.

Наркологическая зависимость, а именно об этой степени корреляции будет в основном идти речь, представляет собой болезнь, которая выражается в расстройстве адаптивных возможностей организма и поведенческих реакций, нарушении возможности поддерживать гомеостаз. Наличие такого рода заболевания, которое означает психическую дезадаптивность или, проще говоря, психическое расстройство, означает, во-первых, что этот недуг нуждается в лечении. И это естественное следствие констатации заболевания – больного нужно лечить. Гиппократ подчёркивал, что лечение должно быть направлено не на болезнь, а именно на больного с учётом его индивидуальных биологических особенностей и психофизиологических нюансов. Поэтому главным принципом, основным направлением обращения с больным человеком – лечение прежде всего. Все остальные варианты воздействия на него должны быть второстепенны. Данный принцип нашёл отражение в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, где в качестве основного принципа охраны здоровья ст. 4 ФЗ выделяет приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи.

Во-вторых, наличие психического заболевания может быть угрозой социальной гармонии, в связи с чем оно нуждается в нормативном регулировании, но с учётом приоритета лечения прежде всего. Нормативное регулирование отношений к людям, страдающим наркозависимостью, воплощается в установлении правил обращения с ними, а сами правила такого рода могут быть представлены в различных правовых отраслях в зависимости от того, каков может быть финал дезадаптации больного. Если человек совершает деяние, формально подпадающее под признаки преступления, он должен отвечать, соблюдая незыблемый принцип ответственности – преступил-претерпи. И даже с человека, который болен, не снимается бремя претерпевания, поскольку социуму необходимо быть уверенным в том, что, невзирая ни на какие причины и условия, гармоничная жизнь будет обеспечена или, по крайней мере, иметь иллюзию обеспечения. Такую иллюзию предлагает нормативный материал и, в частности, УК РФ, регулируя вопросы отношений государства и наркологически зависимых лиц, совершивших деяния, формально содержащие признаки преступления. И такая иллюзия необходима, в частности, для того, чтобы процесс энтропии, сопровождающий развитие любого общественного формирования, не вступил в фазу бифуркации. Уголовный кодекс современной России регулирует отношения, складывающиеся в результате совершения деяния, содержащего признаки преступления, лицами, поработоченными наркологической зависимостью. Однако регулирует довольно своеобразно.

В Уголовном кодексе предусмотрено несколько нормативных позиций, регулирующих отношения по поводу лиц, совершивших преступление, но оказавшихся «наркологически уязвимыми». Это, в частности, ст.72.1 УК РФ, где речь идёт о том, что лицу, признанному больным наркоманией, при назначении основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осуждённого обязанность пройти лечение от наркомании медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель ведёт речь только о больных наркоманией и ничего не говорит, например, о лицах, страдающих алкогольной зависимостью. Но ведь такие люди также составляют категорию больных и как все лица, такую категорию составляющие, нуждаются в лечении. То же самое касается токсикомании, которая означает зависимость человека от принимаемых им психоактивных веществ (ПАВ) и характеризуются, как и другие наркологические зависимости, психическими и соматическими расстройствами, влекущими за собой изменение личности. В этой связи не совсем понятно, почему законодатель ограничил возможности принудительного излечения только наркоманов, игнорируя иные заболевания наркологической зависимости.

В ст.72.1 УК законодатель предложил такой лексический вариант принудительного излечения больного наркологической зависимостью: «суд может возложить». Это означает, что такая возможность – вовсе не является обязанностью суда. Суду предоставляется самому решать вопрос о принудительном лечении. Что означает такой лексический оборот в практической юриспруденции? Он означает, что суд, несмотря на болезнь человека, может и не назначить ему обязательное лечение по собственному усмотрению, которое конечно же будет аргументированным, но аргументированным так, чтобы отстоять свою позицию. А между тем в законе (ст.72.1 УК) речь идёт не о недомогании, не о пристрастии, а о болезни, когда недомогание и пристрастие переросли фазу возможности добровольного отказа от наступившей кабалы от ПАВ и вступили в фазу практики не преодолимой самостоятельной зависимости. В таких ситуациях только медикаментозное вмешательство способно дать положительный эффект, а для уголовного права этот эффект является наиболее актуальным. Ведь в случае, если больного не вылечить от заболеваний, в основе которых лежит психический дисбаланс, тогда вряд ли можно быть уверенным, что он не совершит очередных преступных деяний в период отбывания назначенного наказания.

Я понимаю, что творцы закона видимо имели ввиду стадии развития пристрастия к ПАВ, которые включают в себя и такие периоды, особенно начальных опытов, когда зависимости ещё нет. Но тогда нет и заболевания. А мы ведём речь исключительно о болезненном состоянии, когда начальные стадии уже пройдены. В этой связи конечно же необходимо дополнить ст.72.1 УК, во-первых, положением о том, что обязательное лечение должны проходить не только больные наркоманией, но и алкозависимостью и токсикоманией.

Во-вторых, учитывая, что законодатель ведёт речь о болезни, когда без медицинского вмешательства никак не обойтись, необходимо убрать факультативный вариант назначения обязательного лечения, обязав суд делать это непременно. Такой императив необходим для того, чтобы, во-первых, отношение к лицу, преступившему закон, в полной мере соответствовало принципу гуманизма, являющемуся не только уголовно правовым принципом, но и конституционным, который постоянно эксплуатируется российским законодателем, обосновывая нововведения в УК. Практически в каждой пояснительной записке, сопровождающей законодательные новеллы, на принципе гуманизма делается неременный акцент.

Во-вторых, предлагаемый императив необходим для исключения вероятности причинения вреда другим лицам или создания ситуации виктимности психически аномальной личности, в рамках которой вред может быть причинён больному. А такая вероятность имманентна психическим отклонениям.

Далее. В ст.72.1 УК возложить обязанность на осуждённого пройти курс лечения суд может только в тех случаях, когда назначены в качестве основных перечисленные в норме наказания, перечень которых исчерпывающий. При назначении иного вида наказания такая обязанность на осуждённого не возлагается. Почему? – возникает недоумённый вопрос. Почему такая обязанность не предусмотрена в случаях назначения лишения свободы, принудительных работ, содержания в дисциплинарной воинской части, учитывая болезненное состояние осуждённого?

Назначение принудительного лечения в случае назначения наказания в виде лишения свободы и других наказаний, не вошедших в перечень ст.72.1 УК, законодатель облёк в норматив уголовно-исполнительного права, предусмотрев таким образом обязательное лечение в процессе отбывания наказания, а вовсе не в процессе его назначения. В ч.3 ст. 18 УИК РФ содержится такой императив: «К осужденным к наказаниям, указанным в части первой настоящей статьи, больным алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфицированным осужденным, а также осужденным, больным открытой формой туберкулеза или не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания, учреждением, исполняющим указанные виды наказаний, по решению медицинской комиссии применяется обязательное лечение». А в ч.1 ст.18 в качестве наказаний, которые позволяют назначить принудительное лечение, как раз и названы наказания, отсутствующие в перечне ст.72.1 УК.

Сопоставляя императивы ст.72.1 УК и ст.18 УИК, исследователь вынужден озаботиться недоумением по поводу того, что в рамках УК обязательное лечение касается только наркоманов, приговорённых к перечисленным в статье видам наказаний. Алкоголиков, которым назначены эти виды наказаний, принудительно не лечат. Зато их лечат в рамках УИС, но лишь в случае назначения иных видов уголовной репрессии. Странная ситуация с учётом того непреложного факта, что, по выражению Шекспира, «роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет», т. е. болезнь остаётся болезнью, нуждающейся в излечении, как её не именуешь – наркотизм или алкоголизм.

Возложение обязанности лечить алкоголиков на УИС означает, прежде всего явное снижение уровня процессуальных гарантий больных алкоголизмом, поскольку такое лечение осуществляется не по решению суда, а по заключению медицинской комиссии. Такое заключение должно быть вне всякого сомнения, но оно должно быть оформлено судебным решением по той простой причине, что суд обладает гораздо более обширными полномочиями по контролю за справедливостью, а выражаясь в современных понятиях – за эффективностью назначенного лечения, чем УИС. Законодатель наделил судебную власть полномочиями контроля за законностью исполнения отдельных функций ветвей государственной власти; защиты прав и свобод граждан, соблюдения законности и справедливости при исполнении и применении законов и иных нормативных актов; обеспечения реализации предусмотренных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина. Всего этого УИС не имеет. Поэтому справедливо и разумно перевести императив излечения и от алкоголизма, и от токсикомании в рамки УК, снабдив его судебной эгидой.

В УК РФ предусмотрена также возможность отсрочки отбывания наказания лицу, страдающему от наркозависимости. Основаниями такой отсрочки является назначение только одного вида наказания – лишения свободы, назначение этого наказания впервые, назначение этого наказания за совершение одного из трёх разновидностей преступлений, входящих в систему наркотических деяний. Это ст.ст.228, 231 и 233. Все три основания, которые дают возможность применить отсрочку отбывания наказания, вызывают серьёзные сомнения. Прежде всего – о трёх преступлениях, совершение которых даёт надежду на отсрочку, хотя в системе наркотических деяний УК содержатся масса иных преступных деяний, которые вполне «по плечу» наркоману. По логике законодателя, которая, как мне представляется, заключается в том, что больной наркоманией чаще всего способен на совершение преступлений, связанных с оборотом наркотиков, следовало бы включить в систему оснований отсрочки все преступления из этой сферы. Но законодатель дал понять, что у него другая логика, рационально обосновать которую я не в состоянии. Но даже несмотря на алогичность решения законодателя по поводу системы преступлений,

за совершение которых назначенное лишение свободы может быть отсрочено, вызывает сомнение само решение, основанное только на совершении преступлений «наркотического генеза». Рефрен, который будет постоянно сопровождать мои рефлексии на заявленную тему, а именно то обстоятельство, что мы ведём речь о болезни, заставляет подвергнуть сомнению такое законодательное решение. Если предоставлять отсрочку отбывания назначенного наказания, то этот факт не должен быть связан с совершением какого-либо определённого преступления, а должен учитывать только и исключительно факт заболевания. В противном случае такого рода законодательное решение, которое представлено в ст.82.1 УК вряд ли можно назвать гуманным и справедливым.

То же относится и к другому основанию предоставления отсрочки –назначение лишения свободы впервые. Болезнь – вот главная причина, основание и условие предоставления всяческих возможностей, предполагающих ресоциализацию и излечение больного. Всё остальное – от лукавого. Назначение наказания в виде лишения свободы впервые не ориентировано на болезнь. Более того, такое основание выглядит как издевательство над страдальцем, потому что копирует сюрреалистические сюжеты, свойственные таким модернистам, как Малевич и супрематисты – ничего не понятно: почему суд должен ограничиваться только впервые назначенным наказанием, когда речь идёт о болезни? Кроме того, субъект может совершить сколько угодно преступлений из представленной в ст.82.1 УК системы, но к ответственности он привлекается впервые и впервые получает наказание в виде лишения свободы. Но ведь он так и останется больным даже в том случае, если лишение свободы ему назначается вторично, разумеется при условии, если он не лечился или не вылечился.

В ст.82.1 УК представлены те же упущения, о которых шла речь при анализе ст.72.1 УК – ограничение предоставления отсрочки только в случае заболевания наркоманий при игнорировании других видов ПАВ (алкоголизм, токсикомания) и факультативная вероятность отсрочки. Последнее обстоятельство, строго говоря, вовсе способно скомпрометировать возможность отсрочки отбывания наказания, поскольку такое решение зависит не от объективных обстоятельств, а исключительно от мнения судьи.

Статья 82.1 УК содержит, кроме всего прочего, императив части 2, где указано, что в случае, если субъект отказался от прохождения курса лечения или уклонялся от него, то суд отменяет отсрочку и направляет осуждённого для отбывания наказания. И здесь вновь приходится сталкиваться с сюрреалистическим парадоксом – человек так и остался больным, но отсрочка, данная ему для лечения, отменяется и в итоге общество получает потенциально опасный «эйдос», от которого можно ожидать всего что угодно. Разумеется, можно предположить, что в системе исполнения наказаний субъект получит лечение, но очевидно, что лечение в системе УИС отличается от системы минздрава и не в лучшую сторону (нехватка всего – и врачей, и оборудования, и необходимых препаратов). В конце концов УИС создана для обеспечения исполнения наказания, тогда как система здравоохранения ориентирована исключительно на излечение больного.

В системе УК предусмотрена ещё одна возможность императивного назначения курса лечения, в которой представлены все три вида заболевания – алкоголизм, наркомания, токсикомания. Это условное осуждение, в процессе которого, согласно п.5 ст.73 УК, суд возлагает на условно осуждённого соответствующие обязанности, в том числе и обязанность прохождения курса лечения. Это прекрасная законодательная ремарка. Но весь этот позитив отменяется в случае, если условно осуждённый систематически не выполнял возложенные на него обязанности (п.3 ст.74 УК). Вновь возникает неприменный рефрен наших сюжетов – человек остаётся больным. В данном случае не учитывается фатальность принятия решения больным человеком об уклонении от возложенных на него обязанностей.

В этой части повествования я не стану утруждать читателя или слушателя пространными рассуждениями о мотиве поведения, который и определяет его социальную значимость, не стану долго и пространно говорить о системе афферентного синтеза, предваряющего принятие решения совершить конкретный акт поведения, разработанную академиком Анохиным П.К., напомним лишь о тезисе Фридриха Шиллера о том, что «цель природы по отношению к человеку есть блаженство, хотя бы сам человек в своей моральной деятельности не знал этой цели, не усомнится, конечно, никто, если вообще допускать в природе какую-либо целесообразность»¹, который поддержали и развили великие психологи и психиатры современности, утверждая, что главным побудителем любого поведения, т. е. доминантным мотивом, является удовольствие или удовлетворение потребностных состояний². Скажу лишь в качестве утверждения, что, определяя варианты своего поведения, наркологический больной руководствуется той доминантой, которая является итогом его аномальной психики и, учитывая подсознательный характер такого диктата, человек вряд ли в состоянии справиться с импульсом, который превратился в доминанту, определяющую парадигму поведенческой реакции. Данное фатальное обстоятельство не учитывается законодателем, который принимает решение прервать начатое лечение, от которого субъект уклонялся, неминуемо подчиняясь фатальной доминанте, ибо, как отмечал В.К.Виллюнас, а вслед за ним и

¹ Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 т. Т.6. М. 1957. С.26.

² См., например, Джеймс У. Психология. М. 1991, с.342; Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб. 1999. С.79, 80; Батуев А.С. Физиология высшей нервной деятельности и сенсорных систем. СПб.: Питер. 2010. С.171; Виллюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М. 1985. с.48 и др.

другие исследователи мотивационного фатализма «побуждение к некоторому предмету-цели, порождаемое механизмом потребностей, выступает перед субъектом психического отражения как своего рода приказ, происхождение, обоснование, необходимость которого ему остаются неизвестными... Психика сохранила подчинённость механизмам потребностей у человека»¹.

Предложив рассуждения о фатализме доминантной мотивации в принятии решения действовать (совершить поведенческий акт), я, естественно, помянул аномалийную психику, которой характеризуются наркологические больные. Позволю себе вспомнить истину, хорошо известную психиатрам, о том, что наркологические больные принимают чаще всего неадекватные решения на основе психических расстройств, не исключая вменяемости. В период заболевания их когнитивные потенции искажены (правда сюрреалисты, включая модернистов, могут мне возразить, утверждая, что всё не так и когнитивные потенции искажены как раз у среднестатистического бюргера, который чётко соблюдает социальные шаблоны. Так, Сальвадор Дали широко рекламировал свой метод в искусстве, который он называл параноидально-критическим и получал, помимо восхищения, огромные гонорары за свои произведения), что свидетельствует о их потенциальной опасности для общества. В этой связи законодатель принял две очень важные нормы в УК. Это ст.22 УК, которая называется «Уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключая вменяемости» и п. «в» ч.1 ст.97 УК, которая устанавливает возможность назначения судом принудительных мер медицинского характера лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключая вменяемости. Статья 22 УК носит абстрактный характер, поскольку лишь в общем плане говорит о возможностях правоприменителя, оценивающего влияние аномалийных процессов на принятие субъектом социально значимого решения. Это, прежде всего, законодательное заявление о том, что данное состояние учитывается судом при назначении наказания. Но каким образом это происходит, закон умалчивает. А между тем такой учёт возможен и в ракурсе ухудшения положения субъекта преступления, поскольку вовсе не исключён вариант оценки такого состояния как отягчающего наказание. В этой связи данный пункт законодательного императива нуждается в неперменной конкретизации, учитывая неадекватные аксиологические потенции современного российского правоприменителя.

Наличие аномалийной психики может также служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, что и закреплено конкретно в п. «в» ч.1 ст.97 УК. И это обстоятельство, на мой взгляд, является важным показателем приближения законодателя к тому сегменту гуманизма, в рамках которого необходимо учитывать фатальные процессы психических реакций. Необходимо заметить, что в ст.18 УИК РФ также закреплено право применять принудительные меры медицинского характера к лицам, страдающим психическими расстройствами, не исключая вменяемости, если они осуждены только к конкретным наказаниям, перечисленным в ч.1 данной статьи: принудительные работы, арест, лишение свободы. Корреляцию этих норм УК и УИК следует, думается, искать в процессуальных этапах оценки преступления. Если наказание ещё не назначено, тогда применяется норма общего плана, а именно п. «в» ч.1 ст.97 УК. В случае назначения наказания, но только одного из трёх, названных в ст.18 УИК действует норма уголовно-исполнительного кодекса. Почему, однако, УИК не распространяет своё действие на другие виды наказания – не совсем понятно, да и вообще вызывает сомнение необходимость в такой норме в рамках УИК, когда вполне можно ориентироваться на общую норму УК, хотя внимание законодателя в отношении необходимости медикаментозного воздействия на аномалийных преступников заслуживает всяческой поддержки и несомненного одобрения и с позиций принципа справедливости, и, разумеется, с позиций принципа гуманизма. Но не это главное именно в нашем контексте. Главное заключается в том, что психологи и психиатры различно оценивают наличие психической аномалии, а от их оценки зависит признание лица как носителя аномалийной «тоги». Так, например, крайние типы темперамента (холерик, меланхолик) и психологические типологии в виде акцентуаций характера психологи относят к аномалиям психопатического склада², а психиатры считают это нормой³. Несомненно, такие разногласия будут означать в ситуации экспертной оценки различные правовые решения относительно обращения с виновным лицом. Вся беда – в отсутствии алгоритма формулы «аномалийная психика». Если за основу выработки такой формулы взять утверждение С.Л.Рубинштейна о том, что «нормальный волевой акт предполагает некоторую оптимальную – не слишком слабую и не слишком сильную – импульсивность»⁴, тогда можно предложить такой вариант формулы «психическая аномалия» – дисбаланс сил возбуждения и торможения.

¹ Вилюнас В.К. Цит. соч. с.73.

² См., например, Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2-х т. Т.2. М. 1989. с.200.

³ См., например, Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л. 1983. С.19, 29.

⁴ Рубинштейн С.Л. Цит. соч. с.200.

Кабанов Павел Александрович

*доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии
Нижегородской академии МВД России*

Kabanov Pavel Alexandrovich

*Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminology Department
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

E-mail: kabanovp@mail.ru

**Современная политическая криминология:
междисциплинарный подход и вопросы институционализации**

**Modern political criminology: an interdisciplinary approach
and issues of institutionalization**

Аннотация. В работе анализируется состояние современной политической криминологии, ее структуре, отраслевой принадлежности, тенденциях и перспективных направлениях развития. Отмечены признаки институционализации политической криминологии как отрасли криминологических знаний и учебной дисциплины. Оценены научные исследования, проведенные отечественными и зарубежными специалистами, повлиявшими на формирование и развитие политической криминологии. Предложены перспективные направления политики-криминологических исследований: электоральная криминология, криминологическая тоталитаристика, зарубежная политическая криминология, криминальная политическая виктимология, криминология «цветных революций».

Ключевые слова: криминология, политическая криминология, криминология политической преступности, электоральная криминология, криминальная политическая виктимология, криминологическая тоталитаристика

Abstract. The work analyzes the state of modern political criminology, its structure, industry affiliation, trends and promising directions of development. Signs of institutionalization of political criminology as a branch of criminological knowledge and academic discipline are noted. The scientific research carried out by domestic and foreign experts, which influenced the formation and development of political criminology, was evaluated. Prospective directions of politics and criminological research are proposed: electoral criminology, criminological totalitarianism, foreign political criminology, criminal political victimology, criminology of “color revolutions”.

Keywords: criminology, political criminology, criminology of political crime, electoral criminology, criminal political victimology, criminological totalitarianism

---

Как показывает исторический опыт развития человечества преступность – явление изменчивое, как и причины ее порождающие. Изменчивой является и реакция на преступность со стороны органов власти и общества. Изучение преступности и ее отдельных видов, проявляющихся в различных сферах жизни общества, потребовало от специалистов различных отраслей науки систематизации, классификации и дифференциации криминологических знаний, что повлекло за собой формирование внутри криминологии различных по объему и содержанию криминологических теорий. Потребность в систематизации криминологических знаний привела к началу формирования внутри криминологии значительного количества частных криминологических теорий и криминологических отраслей, изучающих отдельные виды преступности их причины, сферы распространения криминального поведения, а также оценку эффективности принимаемых мер по сдерживанию преступности. В российской криминологической науке в конце XX века в числе развивающихся частных криминологических теорий отметилась политическая криминология, изучающая взаимосвязь и взаимозависимость политики и преступности,¹ которая позволила объединить исследования специалистов различных отраслей знания, занимающихся познанием отдельных аспектов российской политической криминологии. Необходимо отметить, что каждая национальная криминологическая школа имеет собственную историю формирования, развития и трансфор-

---

¹ Шестаков Д.А. Понятие, предмет, система и перспективы криминологии // Криминология. Общая часть: Учебник / Под ред. В.В. Орехова. СПб.: Изд-во СПбУ, 1992. С.10.

мации политико-криминологических идей, воззрений и теорий, которых сейчас накопилось достаточное количество. Российская политическая криминология по своему содержанию существенно отличается от политической криминологии криминологических школ других государств. Это объясняется ее постоянным и последовательным развитием, хотя темпы и направления развития политическо-криминологических воззрений и доктрин в разное время и в разных криминологических школах не одинаковы. Не одинаковы и представления исследователей о месте политической криминологии в системе социальных наук, ее предмете, структуре, основных целях, задачах и перспективах развития.

Современная политическая криминология активно развивается в нескольких взаимосвязанных отраслях знаний. Основное или близкое нам направление – политическая криминология – это состоявшаяся отрасль криминологических знаний, исследующая политическую преступность и ей отдельные виды, влияние политики на преступность, криминологическую политику, политические спекуляции проблемой преступности и некоторые другие аспекты. Она активно формируется в Российской Федерации в основном трудами членов Санкт-Петербургского международного криминологического клуба Д.А. Шестаков,¹ А.П. Данилов,² С.У. Дикаев,³ Н.И. Лопушанский,⁴ А.В. Зорин,⁵ Ю.С. Апухтин,⁶ В.С. Овчинский,⁷ а также рядом других российских⁸ и зарубежных специалистов, проживающих на постсоветском пространстве,⁹ в том числе и автором настоящей работы.¹⁰ На наш взгляд, это направление криминологических знаний для представителей науки постсоветского пространства является отраслевым и определяет принадлежность, статус и предметное поле политической криминологии.¹¹ Но политическая криминология – это не только направление знаний в строго определенном научном и образовательном пространстве. Современная политическая криминология интернациональна и многогранна. Более того, для значительной доли представителей этого научного направления политическая криминология еще и междисциплинарная отрасль знаний.

Общую (консолидируемую) точку зрения на место политической криминологии в системе криминологических знаний имеют английские криминологи Мартин О'Брайен (Martin O'Brien) и Марк Литтлер (Mark Littler). Они полагают, что политическая криминология – это важная и необходимая часть общей теории криминологии, которая определяет как, почему и с какими последствиями общество решает бороться с преступностью и преступниками и тем самым воздействовать на политику борьбы с преступно-

¹ Шестаков Д.А. Политическая криминология // Вопросы национальной безопасности в исследованиях правоведов: сборник научных трудов / Под ред. Г.Н. Горшенкова. Сыктывкар, 2000. С. 79-84; Шестаков Д.А. Преступность политики. Размышления криминолога. 2013. СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2013. 224 с.

² Данилов А.П. Политическая криминология в деятельности Невско-Волжской криминологической школы и Санкт-Петербургского международного криминологического клуба // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 2 (25). С. 39-48; Данилов А.П. Криминология: Россия и Мир. Санкт-Петербург, 2018. С.33-169.

³ Дикаев С.У. Является ли преступная политика предметом криминологии? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4 (31). С. 68-74; Дикаев С.У. Право народов на самоопределение и воссоединение как виктимологическая проблема // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). С. 40-44.

⁴ Лопушанский И.Н. Политическая криминология: потенциал и перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1 (18). С. 45-48; Лопушанский И.Н. Коррупция и экстремизм как объекты политической криминологии // Общество и человек. 2015. № 1-2 (11). С. 39-42; Лопушанский И.Н. О предмете политической криминологии // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 70-76.

⁵ Зорин А.В. Политическая преступность : криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018. – 23 с

⁶ Апухтин Ю.С. Частные военные компании: новая цель политической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 2 (17). С. 104-107.

⁷ Овчинский В.С. Криминология американской власти. М.: Книжный мир, 2021. 448 с.

⁸ Бачинин В.А. Власть и преступление в политической криминологии Достоевского // Полис. Политические исследования. 2000. № 5. С. 155-166; Бачинин В.А. Об одной идеологической детерминанте «преступлений ненависти» («протоколы сионских мудрецов» в свете религиозно-политической криминологии) // Российский криминологический взгляд. 2007. № 3. С. 172-182; Баженов А.В. Электоральная преступность и ее структура в контексте политической криминологии // Закон. Право. Государство. 2019. № 2 (22). С. 203-206; Наумов А.А. История развития политической криминологии в российской криминологической науке // Студенческий форум. 2020. № 24-2 (117). С. 92-94.

⁹ Зелинская Н.А. Политические преступления в системе международной преступности. Монография. – Одесса: Фенікс, 2003 – 400 с.; Костенко О. Корупція в Україні у світлі політичної кримінології // Політичний менеджмент. 2009. №1. С.49-54. Дремін В.Н. К вопросу о предмете институциональной криминологии: от криминальных практик к социальному институту // Митна справа. 2010. №6(72). с. 68-73/С.69; Бандурка А. М. Политическая криминология: монография. Харьков: Золотая миля, 2017. 412 с. Руда Г.В. Політична кримінологія як галузь кримінологічної науки // Україна на шляху до європейської спільноти в умовах Помаранчевої революції: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції (19-20 лютого 2005 р.). – К.: КиМУ, 2005. – С. 306-307.

¹⁰ Кабанов П.А. Политическая криминология – новое научное направление в отечественной криминологии (ее предмет и система) // Следователь. 1999. №1. С.53-57; Кабанов П.А. Современная российская политическая криминология: понятие, предмет, структура // Российский криминологический взгляд. 2005. № 4. С. 80-85. Кабанов П.А. Дискуссионные вопросы современной российской политической криминологии // Юридические исследования. 2012. № 4. С. 240 – 267. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.4.220. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=220.

¹¹ Жунушова Г.Б., Салыжанова Э.С. Современная криминология: состояние и тенденции развития в Кыргызской Республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21. № 7. С. 85-89.

стью.¹ Фактически этими специалистами политическая криминология отождествляется с направлением криминологической теории формирующим политику противодействия преступности – криминологической политикой. Именно как часть криминологической политики, а именно ювенальной криминологической политики рассматривает политическую криминологию профессор социологии Школы социальных наук Батского университета (Великобритания) Пэт Карлен (Pat Carlen) в своей работе, посвященной уголовной политике в отношении бездомных молодых людей.² В тоже время известный мексиканский криминолог профессор Рубен Рикардо Понсе Овиедо (Rubén Ricardo Ponce Oviedo), соглашаясь с отраслевой принадлежностью политической криминологии к криминологической науке, не рекомендует отождествлять политическую криминологию как направление криминологических знаний с криминологической политикой. Прогнозируя развитие криминологических знаний, он полагает, что в отдаленном будущем политическая криминология может стать самостоятельной специализацией криминологов.³ На наш взгляд, такой подход требует не только одобрения, но и поддержки. Следует иметь в виду, что некоторые зарубежные криминологии рассматривают политическую криминологию как направление криминологии, формирующее пенитенциарную политику и критикующие «тюремно-промышленный комплекс» современных государств. К таким авторам следует отнести американского исследователя Джона Фроули (Jon Frauley), который анализируя произведения К. Райта Миллса (Wright Mills), находит в них политико-криминологические воззрения, направленные на совершенствование пенитенциарной системы и пенитенциарной политики США.⁴ Следует обратить внимание на особое направление политико-криминологических взглядов – исследование преступлений сильных мира сего (транснациональных корпораций, финансовых групп и государства) против своего населения. Исследования в этой сфере проводят известные специалисты: профессор криминологии и председатель Школы исследований правосудия Университета Восточного Кентукки (США) Доун Л. Рот (Dawn L. Rothe) и профессор социологии, уголовного правосудия и криминологии в Университете Скрэнтона (Пенсильвания, США) Дэвид О. Фридрихс (David O. Friedrichs).⁵ Работы этих исследователей получили высокую оценку криминологов⁶ и широкую известность среди специалистов.

В свое время отдельными отечественными политологами политическая криминология рассматривалась как направление политической науки (политологии),⁷ в частности такого крупного научного направления как политика права, формирующейся на стыке двух направлений – политики и права. Это соответствовало взглядам отдельных авторитетных американских специалистов, проводящих исследование в этой области. Наиболее ярким представителем этого направления был американский политолог профессор Стюарт Шейнголд (Stuart A. Scheingold),⁸ а также его ученики и последователи Леонард Фельдман (Leonard Feldman),⁹ Уильям Лайонс и Лиза Миллер (William T. Lyons, Lisa L. Miller)¹⁰.

К сторонникам этого направления взглядов на место политической криминологии в структуре научного знания, следует отнести и ряд других современных специалистов. Например, доцента кафедры уголовного права и криминологии Крымского федерального университета им. Вернадского Елену Викто-

¹ Martin O'Brien, Mark Littler. Introduction: On Political Criminology // The Journal of Political Criminology. 2015. Vol.1. №1. Decembr. Pp. 1-6.

² Carlen Pat. Jigsaw: A Political Criminology of Youth Homelessness. Open Univ Pr, 1996. 159 p.

³ Rubén R. Ponce. Criminología Política: Una Posible Especialización // <https://www.criminologiaycriminalistica.com/post/criminolog%C3%ADa-pol%C3%ADtica-una-possible-especializaci%C3%B3n> (Дата обращения: 04.11.2021)

⁴ Frauley Jon, Mills and Political Criminology. Making More Out of the Prison-Industrial Complex // The Routledge International Handbook of C. Wright Mills Studies (1st ed.). / Frauley, J. (Ed.). Routledge <https://doi.org/10.4324/9781003017585-14>

⁵ Rothe, D. L., & Friedrichs, D. O. (2006). The State of the Criminology of Crimes of the State. Social Justice, Vol.33. № 1 (103). P. 147–161. <http://www.jstor.org/stable/29768358>; Dawn Rothe, David Kauzlarich. Crimes of the Powerful, Routledge Press, 2016. 278 P. Rothe, D. L. State criminality: The crime of all crimes. Lanham: Lexington Books, 2009. 265 p. Friedrichs, D. O. Governmental Crime, Hitler and White Collar Crime: A Problematic Relationship // Caribbean Journal of Criminology and Social Psychology. 1996. Vol. 1. № 2. P. 44-63; Friedrichs, D. O. On Resisting State Crime: Conceptual and Contextual Issues. // Social Justice. 2009. Vol. 36. №. 3 (117) p. 4–27. <http://www.jstor.org/stable/29768546>; Friedrichs, D. O. Rethinking the criminology of crimes of states: Monumental, mundane, mislabeled and miscalculated crimes. International Journal for Crime// Justice and Social Democracy. 2015. Vol. 4. №4. P. 106–119. <https://search.informit.org/doi/10.3316/infor.mit.252812172657710>

⁶ Ross, J.I. Dawn L. Rothe, State Criminality: The Crime of All Crimes // Critical Criminology. 2012. Vol. 20. Pp. 117–119 <https://doi.org/10.1007/s10612-010-9099-3>

⁷ Воротников В.П. Теневизация общества: особенности российского политического процесса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2004. №1(5). С.29-38.

⁸ Scheingold S. A. Constructing the New Political Criminology: Power, Authority, and the Post-Liberal State // Law and Social Inquiry. 1998. Vol. 23. №. 4. С.857-895.

⁹ Feldman, L. (2012), "Political Criminology, the Plural State, and the Politics of Affect", Sarat, A. (Ed.) Special Issue: The Legacy of Stuart Scheingold (Studies in Law, Politics, and Society, Vol. 59), Emerald Group Publishing Limited, Bingley, pp. 81-98. [https://doi.org/10.1108/S1059-4337\(2012\)0000059008](https://doi.org/10.1108/S1059-4337(2012)0000059008).

¹⁰ Lyons, W.T. and Miller, L.L. (2012), "Putting Politics in its Place: Reflections on Political Criminology, Immigration and Crime", Sarat, A. (Ed.) Special Issue: The Legacy of Stuart Scheingold (Studies in Law, Politics, and Society, Vol. 59), Emerald Group Publishing Limited, Bingley, pp. 123-154. [https://doi.org/10.1108/S1059-4337\(2012\)0000059010](https://doi.org/10.1108/S1059-4337(2012)0000059010).

ровню Губанову, полагающую, что политическая криминология – это часть политологии, но формирующаяся совместными отраслевыми исследованиями политологов и криминологов.¹

Следует отметить, что отдельными специалистами в области политической социологии политическая криминология относится к их отрасли знаний. Например, по мнению греческого политического социолога и криминолога Марии Маркантионату (Maria Markantonatou), поддержанного немецкими криминологами Института международного и международного уголовного права Маска Планка Ханс-Йоргом Альбрехтом и Гюнтером Кайзером, политическая криминология – это частная социологическая теория такого крупного направления как социология политики, формирующаяся на стыке трех направлений гуманитарного знания социологии, криминологии и государственной теории.²

Известный латино-американский политический криминолог профессор (Instituto de Altos Estudios Nacionales, Quito, Pichincha, Ecuador) Антонио Саламанка Серрано (Antonio Salamanca Serrano) формирует и развивает критическую политическую криминологию, полагая, что политическая криминология изучает контрреволюционные политические действия и меры противодействия им в условиях легализации социального протеста.³ По сути, этот криминолог отождествляет политическую криминологию с криминальной конспирологией – частной политико-криминологической теорией, которую можно именовать криминологией «цветных революций».

В современных науках за рубежом имеются и иные взгляды на политическую криминологию, и ее место в национальной системе научных специальностей. Так, французский психиатр Дидье Буржуа (Didier Bourgeois) рассматривает политическую криминологию как специальную часть психиатрии, сформированную на стыке психиатрии, политики и криминологии, которая объясняет участие в политической жизни лиц с криминальными психическими отклонениями и вырабатывает меры по психиатрической коррекции их противоправного поведения, вызванного заболеванием.⁴

Отдельные зарубежные специалисты ранее рассматривали политическую криминологию как направление политической пропаганды (риторики) или политической лингвистики,⁵ то есть как средства информационного воздействия на политического противника направленного на достижение, в первую очередь, политических целей – нейтрализацию или устранение его в политическом процессе. Это отраслевое направление мировой политической криминологии исследуется не достаточно полно, а имеющиеся исследования российских специалистов в основном сфокусированы на массово-коммуникативной электоральной политической преступности.⁶

Проведенный нами обзор взглядов на место политической криминологии в системе научных знаний показал, что она воспринимается специалистами как относительно самостоятельное направление научных исследований различной отраслевой принадлежности. Многоликость политической криминологии обусловлена отраслевыми особенностями ее исследования специалистами различных направлений гуманитарного знания – криминологами, философами, социологами, политологами, психологами, филологами и т. д., каждый из которых находил основания для определения ее места в системе национальной отраслевой науки.

Междотраслевая пестрота современной политической криминологии четко просматривается в результатах научных исследований. Проблемы взаимосвязи политики и преступности либо ее отдельных видов указываются в диссертациях, монографиях, научных статьях и иных научных публикациях специалистов различных отраслей знания. В результате современная, в первую очередь российская, политическая криминология, сохраняя статус отрасли криминологических знаний, стала расширять объем предметного поля за счет формирования собственных частных политико-криминологических теорий. Это же трудно сказать о зарубежной политической криминологии, которая развивается самостоятельно и по своему сценарию.

В начале текущего века в рамках очерченного нами предметного поля политической криминологии отечественными и зарубежными криминологами, политологами и специалистами иных отраслей знания

¹ Губанова Е.В. Политическая криминология: интеграция двух наук // Право и суспільство. 2013. № 6. С. 259-261; Губанова Е.В. Исторический анализ норм уголовной ответственности за политические преступления в российском законодательстве XV-XVIII веков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 1-7.

² Markantonatou, M. (2005). Der Modernisierungsprozess staatlicher Sozialkontrolle – Aspekte einer politischen Kriminologie: Transformationen des Staates und der sozialen Kontrolle im Zeichen des Neoliberalismus. Freiburg i. Br.: edition iuscrim. 322 s // <http://hdl.handle.net/11858/00-001M-0000-002E-4B9B-6> (Дата обращения: 04.11.2021).

³ Antonio Salamanca Serrano. Criminología política crítica para el socialismo en el siglo XXI y tiempos de criminalización de la protesta social // Crítica Jurídica. Revista Latinoamericana de Política, Filosofía y Derecho. 2009. № 28. P.33-64. DOI: <http://dx.doi.org/10.22201/ceiich.01883968p.2009.28.16845>. Antonio Salamanca. El derecho a la Revolución // Crítica Jurídica. Revista Latinoamericana de Política, Filosofía y Derecho. 2009. № 27. P. 144-180. DOI: <http://dx.doi.org/10.22201/ceiich.01883968p.2009.27.16800>. Antonio Salamanca Serrano. Frente jurídico de la revolución mediática en el socialismo del siglo XXI // Redhes. Revista de Derechos Humanos y Estudios Sociales. 2010. № 3. P. 161-184.

⁴ Didier Bourgeois. Criminologie politique et psychiatrie. Paris : L'Harmattan, 2002. 318 p.

⁵ Elisaberg V. Linguistics and Political Criminology // Journal of Criminal Psychology. 1944. №5. С.769-774.

⁶ Горшенков Г.Г., Климова Ю.Н. Противоправное использование массово-информационных методов агитации в период выборов // Российская юстиция. 2007. № 2. С. 25-26. Кабанов П.А. Массово-коммуникативная электоральная преступность: понятие и содержание // Следователь. – 2011. – №3. – С.61-63.

были проведены крупные междисциплинарные исследования различных аспектов взаимосвязи преступности и политики, включая исследование феномена политической преступности¹ и ее отдельных видов и форм проявления. На наш взгляд, наиболее полно современными отечественными и зарубежными исследователями описаны тенденции и особенности проявления электоральной преступности² и ей разновидностей, в частности электоральной коррупции.³ Проведены добротные исследования иных видов политической преступности:

- тоталитарной преступности;⁴
- политического экстремизма;⁵

¹ Barton L. Ingraham Political Crime in Europe. University of California Press, Berkeley 2020. 372 p. (1979). <https://doi.org/10.1525/9780520347069>; Jeffrey Ian Ross. The Dynamics of Political Crime. SAGE Publications, 2003 – 194 p.; Jeffrey Ian Ross. An Introduction to Political Crime. Policy Press; 1st edition (27 April 2012) 224 p.; Md. Kamruzzaman, Md. Rana Parvez, Political Crime in South Asia: A Theoretical Explanation, Journal of Political Science and International Relations. Vol. 1, No. 1, 2018, pp. 1-11. doi: 10.11648/j.jpsir.20180101.11.; Бригадин Д.П. Политическая преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. 2016. № 1 (47). С. 53-57; Сотула О.С. Современная политическая преступность в Украине // Правова держава. 2006. № 9. С. 132-135. Степанов М.М. Борьба с политической преступностью на Юге России в годы гражданской войны (1918-1920 годы) // Военно-юридический журнал. 2020. № 5. С. 28-32; Чистяков К.В., Гримальская С.А. Конституционная безопасность и политическая преступность // Образование и право. 2019. № 2. С. 15-18; Квон Д.А. Теоретико-методологические подходы к изучению политико-правового феномена «политическая преступность» // Московский экономический журнал. 2019. № 7. С. 39; Зорин А.В. Политическая преступность: криминологический анализ. М.: Юрлитинформ, 2019. 168 с.; Дегтерев А.А. Преступления против основ конституционного строя и политическая преступность: криминологический аспект // Союз криминалистов и кримиологов. 2016. № 1-4. С. 122-127; Дегтерев А.А. Экономическая составляющая политической преступности // Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (62). С. 115-121; Гаджиева А.А. Политическая преступность в современной России и проблемы ее предупреждения // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 17-21. Маляр Г.В. Проблема політичної злочинності в зарубіжній криминології: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Київ, 2010. – 25 с. Замалаев А.С., Чернышева Ю.А. Политическая преступность на современном этапе в России // Закон и право. 2021. № 8. С. 151-152. Камалиева Л.А., Следь Ю.Г. Уголовная ответственность за проявления политической преступности в сфере международного спорта // Аграрное и земельное право. 2021. № 4 (196). С. 145-148.

² Кабанов П.А., Свигузова А.П. Электоральная преступность как политико-криминологическая категория // Следователь. 2008. № 9. С. 50-54; Кабанов П.А. Криминологическая характеристика электоральной преступности в условиях формирования в России демократического правового государства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 2 (19). С. 70-74; Кабанов П.А., Райков Г.И., Свигузова А.П., Чирков Д.К. Электоральная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства (политико-криминологический анализ явления, его причин и эффективности мер противодействия). М.: Граница, 2012. 98 с.; Лакехин М.А. О новом уголовно-правовом и криминологическом подходе к определению понятия электоральных преступлений (преступности) в современной России // Мир юридической науки. 2015. № 8. С. 62-68; Кочетова П.О., Тепляшин П.В. Криминологические аспекты электоральной преступности: понятие, структура и формы // Научный компонент. 2019. № 4 (4). С. 89-97; Tavishi Bhasin, Jennifer Gandhi (2013) Timing and targeting of state repression in authoritarian elections // Electoral Studies. Vol. 32, № 4. P. 620-631. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.07.011>. Дегтерев А.А. Электоральная преступность: характеристика, противодействие // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 237-240.

³ Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция и модель участия в выборах // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 52-60; Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003-2012 годах. М., 2014. 204 с.; Акунченко Е.А. Коррупционная преступность в избирательном процессе Российской Федерации / Под ред. И. А. Дамм, Н. В. Щедрина. М.: Проспект, 2020. 232 с. Темурзиев М.Н. Конституционно-правовые средства противодействия электоральной коррупции // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 2. С. 28-30. Kawa Lerami. Electoral systems and Corruption: A Cross-National Analysis of Electoral Systems on Political Corruption: master of Science. Vrije Universiteit Amsterdam, 2015. 238 p. Andre Assumpcao. Electoral Crime Under Democracy: Information Effects from Judicial Decisions in Brazil. 2019. RePEc: arXiv: 1912.10958v1

⁴ Кабанов П.А. Тоталитарная преступность как разновидность государственного криминального политического экстремизма: понятие, сущность, формы проявления и перспективы исследования // Следователь. 2006. №1. С.37-46; Антонян Ю.М. Тоталитарная преступность и коллективное бессознательное // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 106. № 9. С. 32-49; Антонян, Ю.М. Исследование тоталитаризма : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. 318 с.; Антонян Ю.М. Тоталитарная преступность. М.: Юрлитинформ, 2020. 312 с.

⁵ Ростокинский А.В. Экстремистская деятельность и политическая преступность // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. № 11 (53). С. 30-33. Гетц Р.Н. Современные технологии противодействия политическому экстремизму в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2012. 18 с.; Юрчевский С.Д. Противодействие политическому экстремизму в Северо-Кавказском регионе России: криминологический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2013. 163 с.; Арчаков М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: дис. ... д-ра политических наук. Екатеринбург Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. 320 с.; Арчаков М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия. М.: Юрайт, 2019. 295 с.; Юсуф Р.А. Политический экстремизм как метод политической борьбы оппозиционеров // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2018. № 4. С. 155-158; Бражников Д.Ю. Обзор научных трактовок политического экстремизма в российской политической науке и законодательстве РФ // E-Scio. 2020. № 8 (47). С. 104-111.

- политического терроризма;¹
- политической коррупции;²
- международной политической преступности,³ включая геноцид⁴.

В результате научной творческой активности современных российских политических криминологов, начале наступившего века, были сформированы и/или получили дальнейшее развитие некоторые частные политико-криминологические теории, такие как:

- криминология политической преступности;⁵
- электоральная криминология;⁶
- криминальная, а точнее, криминологическая конспирология.⁷

В это же время усилиями российских специалистов зародилась и стала активно развиваться криминальная политическая виктимология как межотраслевая политико-криминологическая и виктимологическая теория.⁸ Зарубежными исследователями активно формируется близкое по содержанию политико-

¹ Jeffrey Ian Ross. *Political Terrorism: An Interdisciplinary Approach*. Peter Lang Publishing Inc; 2nd ed. edition (6 January 2006). 287 p.; Samuel Justin Sinclair & Daniel Antonius (2009) *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression: integrating the science of political violence across disciplines, cultures, and nations*, Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression, 1:1, 1-4, DOI: 10.1080/19434470802482084; Мартыненко Б.К. Политический терроризм в контексте современных теорий политического насилия: дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2012. 375 с.; Кафтан В.В. Возможности и ограничения применения постмодернстской методологии для исследования политического терроризма в современном информационном обществе // Военный академический журнал. 2020. № 2 (26). С. 54-61; Абдулмугалинова Т.А. К вопросу о противодействии политическому терроризму на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 3 (74). С. 149-151. Зверев П.Г., Клименко А.А. Особенности политического терроризма как элемента структуры политической преступности // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2008. № 2-1 (16). С. 18-22. Канцир В.С. Терроризм как метод политической борьбы (политический терроризм) // Вестник Национального университета «Львовская политехника». Серия: Юридические науки. 2015. № 824 (6). С. 430-435.

² Ashrafee Tanvir Hossain, Takdir Hossain, Lawrence Kryzanowski (2021) Political corruption and corporate payouts // Journal of Banking & Finance, Vol. 123, 106016, <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2020.106016>. Nam H. Nguyen, Hieu V. Phan, Thuy Simpson (2020) Political corruption and mergers and acquisitions // Journal of Corporate Finance, Vol. 65, 101765, <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2020.101765>. (<http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0929119920302091>); Зарандия Д.А. Политическая коррупция как форма теневой власти: дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2012. 158 с.; Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков: монография. М. Дружба народов, 2008. 223 с.; Кwon Д.А. Политическая коррупция: понятие, цели, субъекты // Власть. 2015. № 7. С. 45-52; Вязовикова А.С., Шемякина Е.Э. Политическая коррупция в России // Плекхановский барометр. 2020. № 2. С. 21-24; Нисневич Ю.А. Что есть политическая коррупция // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 12. С. 133-138. Мохоров Д.А., Демидов В.П., Мохорова А.Ю., Долженкова Е. Политическая коррупция как угроза реализации избирательных прав граждан // Право и практика. 2021. № 3. С. 15-19. Амин Х., Набизада М., Каюм М. Факторы политической коррупции в современном Афганистане и пути их решения // Казачество. 2021. № 51 (1). С. 86-91. Вязовикова А.С., Шемякина Е.Э. Политическая коррупция в России // Плекхановский барометр. 2020. № 2. С. 21-24. Шевурдяев С.Н. конституционное законодательство о противодействии политической коррупции: система и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 1. С. 45-52. Ибрагимов О.А. Политическая коррупция как угроза конституционному строю Российской Федерации // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 4 (33). С. 6-9.

³ Кабанов П.А. Международная политическая преступность как вид государственного криминального политического экстремизма: понятие, сущность, виды // Безопасность бизнеса. 2006. № 3. С. 12-15; Смирнов Л.Б. Международная политическая преступность как угроза национальной безопасности России // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь, 2015. С. 94-97.

⁴ Anderson, Kjell (2015) "Colonialism and Cold Genocide: The Case of West Papua," *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*: Vol. 9: Iss. 2: 9-25. DOI: <http://dx.doi.org/10.5038/1911-9933.9.2.1270>; Джоробекова А.М., Нуриев Д.Ш. Актуализация системы противодействия геноциду в современном мире // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 1-5 (71). С. 332-335. Day, L. Edward and Margaret Vandiver. *Criminology and genocide studies: Notes on what might have been and what still could be*// *Crime, Law and Social Change*. 2000. № 34. PP. 43-59. Augustine Brannigan. *Three Paradoxes of Genocide in Criminology // Beyond the Banality of Evil: Criminology and Genocide*. Oxford University Press, 2013. 261 p. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199674626.003.0002.

⁵ Зорин А.В. Криминология политической преступности как частная криминологическая теория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 1. С. 88-94.

⁶ Кабанов П.А. Электоральная криминология как частная теория российской политической криминологии: возникновение и становление // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 1. С. 136-140; Кабанов П.А. Электоральная криминология как частная теория российской политической криминологии: определение предметного поля // Следователь. 2003. № 6. С. 52-55.

⁷ Кабанов П.А. Криминальная конспирология: понятие и предмет // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. №3. С.5-9; Клейменов М.П. Криминологические аспекты конспирологии // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 4. С. 531-540. DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(4).531-540.

⁸ Макарова Т.В. Понятие жертвы политического преступления в отечественной политической криминологии // Следователь. 2002. №2. С.54-57; Кабанов П.А., Садеев М.М. Криминальная политическая виктимология как частная межотраслевая криминологическая теория: понятие, содержание и место в системе криминологических знаний. Казань: ЗАО «Новое знание», 2007. – 104 с.; Кабанов П.А. Криминальная политическая виктимология как межотраслевая криминологическая теория: понятие, предмет, структура и перспективы развития в современной России // Юридические исследования. 2012. №5. С.218-232. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.5.201 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=201.

виктимологическое направление – виктимология государственной преступности. Наиболее яркими представителями этого научного направления являются: профессор Доун Л. Рот (Dawn L. Rothe); профессор социологии Университета Северной Каролины Гринсборо Дэвид Каузларич (David Kauzlarich); профессор социологии Карфагенского колледжа Рик Мэтьюз (Rick A. Matthews).¹

В начале наступившего века зарубежные политические криминологии активно развивают криминологию геноцида как самостоятельную частную политико-криминологическую теорию,² так и в рамках криминологии преступлений против человечества.³ Начинаются формироваться новые частные политико-криминологические теории: криминология войны⁴ и криминологии ядерного государства.⁵ Они продолжают активно исследовать взаимосвязь и взаимозависимость между преступностью и политикой.⁶ Набирают обороты исследования феномена государственной преступности и мер противодействия ей.⁷ Появляются идеи о формировании криминологии государственной преступности.⁸ В рамках общей теории криминологии проходят исследования отдельных аспектов политической преступности.⁹

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что с начала XXI века в России и на постсоветском пространстве наибольшее количество научных исследований и научных произведений посвящено вопросам осмысления советского тоталитаризма и массовых политических репрессий, не ослабевает интерес к этой проблематике и со стороны криминологов. Если этот интерес в научной среде будет «подогреваться», то вполне отчетливо можно увидеть перспективу формирования внутри политической криминологии еще одной частной политико-криминологической теории – криминологической тоталитаристики. На наш взгляд, она должна включать в себя не только криминологию тоталитаризма и тоталитарной преступности, но и виктимологию тоталитаризма, изучающую не только жертв политических репрессий, но и других политических преступлений, а также их негативные последствия для государства и общества.

Активному развитию и институционализации политической криминологии в России способствовали не только проведенные политико-криминологические исследования, но и формирование в научных изданиях одноименных специальных рубрик с опубликованием там материалов этой отрасли криминологических знаний. Они были включены в качестве самостоятельных разделов в российские научные периодические издания (журналы) «Следователь», «Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского международного криминологического клуба» и «Российский криминологический взгляд», в которых публиковались результаты исследований российских криминологов по вопросам, входящим в предметное поле политической криминологии.

Особую ценность и значимость для институционализации мировой политической криминологии получило издание английскими криминологами докторами Университета Халла (Великобритания) Марком Литтлером (Mark Littler) и Университета Центрального Ланкашира (Великобритания) Мартином О'Брайеном (Martin O'Brien) в 2015 году, специального криминологического журнала «Политическая криминология» («The Journal of Political Criminology») сокращенное наименование «JnlPolCrim»). К сожалению, вы-

¹ Towards a Victimology of State Crime /Edited By Dawn Rothe, David Kauzlarich. Now York, Routledge Press, 2014. 280 P. Kauzlarich, D., Matthews, R.A. & Miller, W.J. Toward a Victimology of State Crime // Critical Criminology. 2001. №10. P. 173–194. <https://doi.org/10.1023/A:1015744304749>; Rick A. Matthews. The Victimology of State Crime // Criminology and Criminal Justice. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264079.013.607>

² Kjell Anderson, The Dehumanisation Dynamic: A Criminology of Genocide, thesis prepared for the degree PhD in International Human Rights Law, (Galway, Ireland: National University of Ireland, 2011); Matsueda, Ross L.. Toward a new criminology of genocide: theory, method, and politics // Theoretical Criminology. 2009 № 13. PP. 495 – 502. DOI:10.1177/1362480609344028. Hagan, John, Wenona Rymond-Richmond and Patricia Parker. The Criminology of Genocide: the Death and rape of Darfur // Criminology. 2005. №43. PP. 525-562. Rymond-Richmond, Wenona. "The Criminology of Genocide." (2013). 10.1093/OBO/9780195396607-0159.

³ Maier-Katkin D, Mears DP, Bernard TJ. Towards a criminology of crimes against humanity // Theoretical Criminology. 2009. Vol.13. №2. P. 227-255. doi:10.1177/1362480609102880

⁴ Jamieson, R. (Ed.). The Criminology of War (1st ed.). New York: Routledge, 2014. 590 p. <https://doi.org/10.4324/9781315086859>; Klein, Josh R. Toward a Cultural Criminology of War // Social Justice. 2011. Vol. 38. № 3, P. 86-103.

⁵ Kauzlarich D. A Criminology of the Nuclear State. Humanity & Society. 1995;19(3):37-57. doi:10.1177/016059769501900304; David Kauzlarich, Ronald C. Kramer, Raymond J. Michalowski. Crimes of the American Nuclear State: At Home and Abroad. Northeastern University Press, 2010. 216 p.

⁶ Hogg, Russell. Criminology, Crime and Politics Before and After 9/11. //Australian & New Zealand Journal of Criminology. 2007. № 40. PP. 105 – 83.

⁷ Ross, J.L. Controlling State Crime (1st ed.). New York: Routledge. 2000. 431 p. <https://doi.org/10.4324/9781315080376>; Chambliss, W., Michalowski, R., & Kramer, R. (Eds.). State Crime in the Global Age (1st ed.). London: Willan, 2010. 320 p. <https://doi.org/10.4324/9781843927051>; Stanley, E., & McCulloch, J. (Eds.). State Crime and Resistance (1st ed.). London: Routledge, 2012. 256 p. <https://doi.org/10.4324/9780203101063>. State Crime: Governments, Violence and Corruption / By Penny Green and Tony Ward (London: Pluto Press, 2004, 255pp. State crime : current perspectives / Dawn Rothe; Christopher W Mullins; William J Chambliss; M Cherif Bassiouni. New Brunswick, N.J. : Rutgers University Press, 2011. 335 p. Alan Doig. State Crime. 1st ed. Willan, 2011. 280 p.

⁸ David O. Friedrichs. Toward a Prospective Criminology of State Crime // From State Crime in the Global Age, 2010, William J. Chambliss, Raymond Michalowski, and Ronald C. C. Kramer, eds. – See NCJ-230909) P 67-80.

⁹ Hagan F. E. Political Crime: Ideology and Criminality. Boston: Allin and Bacon, 1997. 219 p; Tunnell K.D. Political Crime in Contemporary America: A Critical Approach. New York: Garland, 1993. 264 p.

шел только один номер этого журнала, посвященный различным аспектам правовых и криминологических знаний. Он был в полном объеме размещен на сайте журнала в сети Интернет.¹ Следует отметить, что оба английских криминолога, учредивших этот журнал, получили свою известность фундаментальными криминологическими исследованиями и научными произведениями, в том числе исследованиями государственной преступности и геноцида.²

Институционализация политической криминологии происходит не только за счет многочисленных политико-криминологических исследований и опубликования их результатов в авторитетных научных периодических изданиях, но и путем внедрения в учебный процесс результатов научных исследований. Внедрение в образовательную деятельность этих исследований происходит постепенно. Вначале появляются упоминания о проводимых политико-криминологических исследованиях в базовых учебных курсах по криминологии, потом появляются новые разделы в учебных изданиях. Об этом свидетельствует процесс формирования российской политической криминологии как отрасли криминологических знаний. Только в начале XXI века, впервые в авторском академическом курсе по криминологии, подготовленном профессором Д.А. Шестаковым, появилась глава «Основы политической криминологии»,³ которая сохранилась и в последующем издании этого учебника.⁴ Несколько позже появляются учебные дисциплины, позволяющие инициировать не только формирование комплекта учебных и учебно-методических работ, но и новые научные разработки по вопросам политической криминологии.

Политическая криминология как факультативная учебная дисциплина впервые была внедрена в России в образовательный процесс юридического факультета Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института в 1998/1999 учебном году. Она была обеспечена учебно-методическими разработками,⁵ но просуществовала не долго, до 2001 года и была заменена другой учебной дисциплиной – «Электоральная криминология»,⁶ которая преподавалась лишь один семестр, тоже была признана не нужной и заменена другой учебной дисциплиной.

В современной России политико-криминологические дисциплины чаще всего формировались и формируются на политологических факультетах образовательных учреждений, путем внедрения собственных научных разработок по вопросам противодействия отдельным видам политических девиаций: политическому экстремизму (политическому насилию) и его разновидностям, в том числе политическому терроризму.

В качестве учебных дисциплин в образовательных и научных организациях в России и за рубежом устанавливаются специальные курсы, отражающие отдельные аспекты предметного поля политической криминологии: «Политический экстремизм»,⁷ «Политический экстремизм и терроризм: история и современная практика»,⁸ «Социология политического экстремизма»,⁹ «Политический терроризм в современном мире»,¹⁰

¹ <https://cspn.org.uk/index.html>.

² O'Brien, M., & Yar, M. (2008). *Criminology: The Key Concepts* (1st ed.). London: Routledge., 240 p <https://doi.org/10.4324/9780203895184>. Copsey, Nigel, Janet Dack, Mark M. Littler and Matthew Feldman. *Anti-Muslim Hate Crime and the Far Right*. Teesside University, 2013. 30 p. Littler, Mark M. and Martin Anthony O-brien. *CSPN special edition on policy // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2017. № 9. P. 1 – 3. Littler, Mark M.. *Rethinking democracy and terrorism: a quantitative analysis of attitudes to democratic politics and support for terrorism in the UK // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2017. №9. P. 52 – 61. Littler, Mark M.. *Exploring radicalisation and extremism online: an experimental study*. 2019. Littler M. (2020) 'Demonic Slappers' and 'Fascists'? Exploring Extreme British Anti-abortion Activism on Facebook. In: Littler M., Lee B. (eds) *Digital Extremisms*. Palgrave Studies in Cybercrime and Cybersecurity. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-30138-5_8; O-brien, Martin Anthony. *WHAT IS CULTURAL ABOUT CULTURAL CRIMINOLOGY // British Journal of Criminology*. 2005. № 45. P. 599-612. DOI:10.1093/BJC/AZI045; O brien, Martin Anthony and Sue Penna. *Review Essay: Critical Criminology: Continuity and Change // Criminal Justice Review*. 2007. № 32. P. 246 – 255.

³ Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества: Краткий курс. СПб.: Лань, 2001. С. 202-205.

⁴ Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминологические законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Предисл. В.П. Сальников. СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 375-401.

⁵ Кабанов П.А. Политическая криминология: Учебные материалы. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 1998. – 48 с. Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение: Учебное пособие. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2000. – 244 с. DOI: 10.13140/RG.2.1.3405.7369; Кабанов П.А. Криминологическая характеристика личности политического преступника: Лекция. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2000. – 30 с. DOI: 10.13140/RG.2.1.2357.1603; Кабанов П.А. Проблемы предупреждения преступности в сфере политики: Лекция. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2001. – 39 с. DOI: 10.13140/RG.2.1.1308.5848

⁶ Кабанов П.А. Электоральная криминология: программа курса. Нижнекамск, 2001. – 16 с.

⁷ Киреева О.С. Политический экстремизм: рабочая программа дисциплины. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2021. 12 с.

⁸ Стребков А. И., Рукинов В. А. Политический экстремизм и терроризм: история и современная практика. Программа учебной дисциплины. СПб: СПбУ, 2015. 23 с.

⁹ Шерстобитов В.В. Социология политического экстремизма: рабочая программа дисциплины. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2017. 18 с.

¹⁰ Большаков А.Г., Мансуров Т.З. Политический терроризм в современном мире: программа дисциплины. Казань: К(П)ФУ, 2014. 15 с.; Игонин Д.И. Политический терроризм в современном мире: программа дисциплины. Казань: К(П)ФУ, 2021. 11 с.

«Насилие в политике»,¹ «Политика преступной политики» (Politics of Crime Policy²), «Политические преступления и правосудие переходного периода» (Political Crimes and Transitional Justice³), «Политически мотивированное насилие» (Politically Motivated Violence), «Геноцид – социологический и криминологический подход» (Genocide – A sociological and criminological approach)⁴ и другие.

Политическая криминология как самостоятельная учебная дисциплина, выведенная из учебного процесса российских образовательных учреждений в начале наступившего века, не выпала полностью из криминологического образования. По имеющимся у нас данным, на сегодняшний день самостоятельная учебная дисциплина «Политическая криминология» преподается для магистрантов в Крымском федеральном университете им. В.И. Вернадского (с 2015 года по настоящее время) по направлению подготовки 40.04.01 юриспруденция. Для более полного понимания содержания курса и его качественного освоения в вузе подготовлено специальное учебно-методическое пособие по курсу «Политическая криминология». ⁵ В основе данного учебного методического пособия лежит модернизированная программа одноименного курса, прочитанного автором этой статьи еще в конце прошлого века для студентов юридического факультета Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института.⁶

Качественное изменение институционализации политической криминологии в Российской Федерации стало внедрение в образовательный процесс учреждений высшего образования политико-криминологических знаний по инициативе издательства «Юрайт». В 2020 году в целях онлайн обучения на образовательной платформе издательства «Юрайт», студентов гуманитарных вузов и факультетов по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Политология» и «Международные отношения» под руководством автора настоящей работы был разработан учебный курс «Политическая криминология». В этом же году издательство «Юрайт» разместило на своем сайте учебную программу «Политическая криминология» и опубликовало одноименное учебное пособие для вузов.⁷ В результате такого внедрения в учебный процесс курса «Политическая криминология», по данным издательства «Юрайт», к сентябрю 2021 года к его изучению было привлечено 464 высших и средних профессиональных образовательных организации с аудиторией в 2708058 человек. При этом учебный курс оказался востребован не только российскими образовательными учреждениями, но и зарубежными образовательными организациями. Среди них следует отметить образовательные учреждения Республики Казахстан:

- Алматинский университет энергетики и связи (г Алматы);
- Актюбинский университет им. С. Байшева (г. Актобе),
- Казахский национальный университет имени аль-Фараби (г. Алматы);
- Казахстанско-Немецкий университет (г. Алматы).

Кроме того, изучением политической криминологии занимаются студенты образовательных учреждений высшего образования в Таджикистане и Армении. Это студенты Российско-Таджикского (славянского) университета (г. Душанбе, Таджикистан) и студенты Российско-Армянского (Славянского) университета (г. Ереван, Армения). С учетом высокой востребованности курса в образовательных учреждениях в 2021 году издательством «Юрайт» это учебное пособие было переиздано.⁸

Происходящее позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации происходит институционализации политической криминологии не только как самостоятельной отрасли криминологических знаний и как учебной дисциплины студентов гуманитарного профиля.

Проведенное нами междисциплинарное исследование вопросов формирования и институционализации отечественной и мировой политической криминологии позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, политическая криминология – это динамично развивающаяся отрасль криминологической науки, невзирая на то, что в ее формирование и развитие вносят значительный вклад специалисты других отраслей гуманитарного знания, с которыми у нее сложились взаимовыгодное сотрудничество. Отнесение в зарубежных государствах и научных школах политической криминологии к другим отраслям науки обусловлены национальной спецификой систематизации научных знаний, особенностями системы образования, а также личными предпочтениями исследователей и педагогов.

Во-вторых, современная политическая криминология обладает единством внутренней структуры, которая не препятствует формированию внутри себя новых научных направлений (частных политико-

¹ Радиков И.В. Насилие в политике: рабочая программа учебной дисциплины. СПб.: СПбУ, 2018. 16 с.

² Devon Johnson, Politics of Crime Policy. Syllabus. COLLEGE OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES CRIMINOLOGY, LAW AND SOCIETY, 2013. 8 p. https://cls.gmu.edu/courses/crim761/course_sections/11876 (Дата обращения: 12.11.2021)

³ https://onderwijsaanbod.kuleuven.be/2020/syllabi/e/C09C3AE.htm#activetab=doelstellingen_idp3448176 (Дата обращения: 12.11.2021)

⁴ https://bond.edu.au/intl/program/master-criminology-professional#structure_and_subjects (Дата обращения: 12.11.2021)

⁵ Губанова Е.В. Политическая криминология: планы семинарских и практических занятий. Симферополь, 2015. 13 с.

⁶ Кабанов П.А. Политическая криминология: программа курса. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2018. 19 с.

⁷ Политическая криминология: учебное пособие для вузов / В.Г. Анненкова, П.А. Кабанов, Г.И. Райков, Д.К. Чирков; под общ. ред. П.А. Кабанова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 87 с.

⁸ Политическая криминология: учебное пособие для вузов / В.Г. Анненкова, П.А. Кабанов, Г.И. Райков, Д.К. Чирков; под общ. ред. П.А. Кабанова. М.: Издательство Юрайт, 2021. 87 с.

криминологических теорий), обеспечивающих ее обновление, модернизацию и трансформацию. Многообразие взглядов на предметную область политической криминологии не позволяет в полной мере описать их влияние на формирование и развитие этого направления, но их наличие взаимно обогащает и дополняет теоретическую основу политической криминологии.

В-третьих, политическая криминология, становясь учебной дисциплиной для различных специальностей и направлений подготовки в системе высшего образования, не только укрепляет свои позиции как востребованной отрасли криминологии, но и формирует политико-криминологическое мировоззрение, политическую, правовую и криминологическую культуру обучающихся, позволяет объективно оценивать происходящие политические процессы в современном обществе.

В-четвертых, что бы сохранить свои позиции, завоеванные в борьбе за относительную самостоятельность (криминологический суверенитет), политическая криминология должна развиваться за счет проведения новых научных исследований. Основными направлениями таких исследований на ближайшую перспективу можно признать:

- исследование электоральной преступности, причин ее существования и распространения, эффективности мер противодействия ей, что может привести к формированию электоральной криминологии как самостоятельной частной политико-криминологической теории и учебной дисциплины;

- политико-криминологическое осмысление «цветных революций», криминологическая оценка их последствий, включающая «цену» таких революций как для пораженных ее государств (регионов), так и для ее инициаторов и организаторов, что может повлиять на развитие самостоятельного направления криминальной конспирологии (криминологии «цветных революций»);

- исследование состояния и особенностей развития политикой криминологии за рубежом, участие в совместных проектах российских и зарубежных образовательных учреждений, позволят обеспечить взаимовыгодный обмен имеющимися научными разработками, способными обогатить российскую и мировую политическую криминологию;

- исследование политико-правовой и политико-криминологической природы тоталитаризма, его негативных последствий для государства, населения и международного сообщества, разработка рекомендаций по устранению рисков тоталитаризма, позволят сформировать криминологическую тоталитаристику как частную политико-криминологическую теорию;

- межотраслевое взаимодействие двух криминологических отраслей политической криминологии и криминологической виктимологии позволяет приступить к активной разработке криминальной политической виктимологии, исследующей жертв политических преступлений, а также связанных с ними политических явлений и процессов.

Кобец Петр Николаевич

*доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России*

Kobets Pyotr Nikolaevich

*doctor of law, professor, chief scientific officer All-russian scientific
research institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

E-mail: pkobets37@rambler.ru

Ильин Игорь Вячеславович

*доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского
права и процесса Нижегородской академии МВД России*

Ilyin Igor Vyacheslavovich

*doctor of law, associate professor, professor of the department of civil law
and procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia*

E-mail: igor_ilyin@mail.ru

**Основы государственной политики Китайской Народной Республики
по борьбе с наркотизацией несовершеннолетних и молодого поколения**

**Fundamentals of the State Policy of the People's Republic of China
on combating drug addiction of minors and the younger generation**

Аннотация. Исследование зарубежного опыта профилактического воспитания молодежи и противодействия наркотизации, свидетельствует об особом внимании правительств пространных государств и в целом гражданского общества к решению молодежных проблем. В этой связи, целью данной работы стал обзор государственной политики Китайской Народной Республики по предупреждению наркопреступности среди молодежи. Авторами использовались следующие методы: сравнение, анализ, синтез, а также частнонаучные методы. В результате проведенного исследования авторы проанализировали ряд базовых направлений по предупреждению наркотизации молодежи и несовершеннолетних в КНР, обязанности органов, которые заняты борьбой с наркопреступностью в КНР. Авторами были использованы различные оценки государственной политики Китая по противодействию наркопреступности среди молодежи, а также документы и материалы национальных и международных структур, отвечающих за борьбу с наркотиками. Научная новизна проведенного исследования, определяется первые проведенным анализом национальной стратегии Китая в сфере борьбы с наркотизацией несовершеннолетних и молодого поколения.

Ключевые слова: Китай, борьба с наркотиками, государственная политика, модернизация законодательства, правоохранительные органы, несовершеннолетние, молодежная политика, совершенствование законодательства, предупреждение преступности, профилактика, законность

Abstract. The study of foreign experience in the preventive education of youth and countering drug addiction, testifies to the special attention of the governments of large states and civil society in general to solving youth problems. In this regard, the purpose of this work was to review the state policy of the People's Republic of China on the prevention of drug crime among young people. The authors used the following methods: comparison, analysis, synthesis, as well as private scientific methods. As a result of the study, the authors analyzed a number of basic directions for the prevention of drug addiction of young people and minors in the PRC, the duties of bodies that are engaged in combating drug crime in the PRC. The authors used various assessments of China's state policy on countering drug crime among young people, as well as documents and materials of national and international structures responsible for combating drugs. The scientific novelty of the conducted research is determined by the first analysis of the national strategy of China in the field of combating drug addiction of minors and the younger generation.

Keywords: China, drug control, state policy, modernization of legislation, law enforcement agencies, minors, youth policy, improvement of legislation, crime prevention, prevention, legality

Противодействие распространению, потреблению наркотиков в период активных глобализационных процессов, является необходимой основой по обеспечению охраны и безопасности населения в любом современном государстве. В ходе эволюционных процессов борьба с наркопреступностью, как в целом в мире, так и в отдельных государствах также изменяется, дополняется малоизвестными и неизвестными элементами, и формами, как правило связанными с организованной преступностью, незаконным отмыванием денежных средств, продажей оружия. При этом в большинстве зарубежных стран данная работа по борьбе с наркотиками осуществляется на плановой основе. К примеру, в Финляндской Республике есть специальный План по профилактике алкоголизации, табакокурения и наркотизации действующий с 2015 г.¹ Во Французской республике также профилактическая работа по борьбе с наркотизацией осуществляется на основе четырехлетнего плана борьбы с наркотиками². Существуют аналогичные планы и в других странах, таких, как например Турция³, Испания⁴ и др.

Проводя ранее совместные научные исследования в сфере борьбы с преступностью, авторский коллектив обратил внимание на ряд особенностей Китая в данном направлении деятельности. Сегодня у многих специалистов вызывает большой интерес опыт Китая в борьбе с наркотизацией несовершеннолетних и молодого поколения, одна комплексных и системных научных исследований по данной проблематике, в настоящее время нет. В этой связи авторский коллектив решил обратиться к исследованию обозначенной им проблематики, с целью изучения положительного китайского опыта для последующего его внедрения в нашей стране, поскольку проблематика борьбы с наркотиками среди несовершеннолетних, также остается актуальной и для отечественных правоохранительных органов⁵.

Также нельзя не согласиться с отечественными специалистами в том, что «опыт Китая в борьбе с преступностью весьма полезен для современного российского общества, а законодательство КНР по форме и содержанию во многом подобно российскому, так как социалистическое право Китая создавалось под значительным влиянием советского законодательства»⁶.

Сразу же необходимо отметить, что в настоящее время КНР реализует намеченный План 14-й пятилетки (на 2021-2025 гг.), принятый пятым пленумом ЦК КПК Китая девятнадцатого созыва, работавшего в г. Пекине с 26 по 29 октября 2020 г. «Главным вопросом пленума явилось одобрение итогов разработки 14-го пятилетнего плана на 2021-2025 гг., и перспективных целей развития страны на период до 2035 г.»⁷.

На нынешнем этапе развития в «КНР принят государственный курс на всеобщее модернизирование и трансформацию Китая в международного лидера в первой четверти двадцать первого столетия»⁸. Прошедший 18-24 октября 2017 г. в г. Пекине XIX Всекитайский съезд КПК КНР, ставший одним из ключевых событий в Китае за прошедшее пятилетие, еще раз подтвердил направления развития страны⁹. Так, в частности, лидером КНР Си Цзиньпином было отмечено, что «если молодежь растет и развивается, то и государство будет процветающим, если молодежь наливается силой, то и государство станет могучим, и если у молодого поколения есть высокие идеалы и большие умения, если оно смело возла-

¹ Кобец П.Н. Законодательные основы Финляндской Республики, способствующие снижению спроса на наркотики и противодействию их незаконному обороту // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6. – № 1(18). – С. 132-141. С. 137.

² Кобец П.Н. Положительный опыт и основы государственной политики французской Республики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков // Вестник развития науки и образования. – 2017. – № 3-4. – С. 4-12. С. 7.

³ Кобец П.Н., Ильин И.В. Опыт Турецкой Республики по предупреждению преступности в сфере незаконного оборота наркотиков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1(41). – С. 154-159. – DOI 10.24411/2078-5356-2018-00023.

⁴ Кобец П.Н. Основные направления борьбы с наркопреступностью в Испании // Научный портал МВД России. – 2018. – № 1(41). – С. 126-131. С. 127.

⁵ Кобец П.Н. Причины и условия, способствующие употреблению несовершеннолетними женского пола наркотических средств и психотропных веществ // Проблемы модернизации современной России: Сборник научных трудов / Редколлегия: Галкин В.В. – научный редактор, Ильяшенко А.Н., Фефелов В.М., Юрьева И.Ф. – ответственный секретарь. – Воронеж: Воронежский центр научно-технической информации, 2010. – С. 80-83. С. 81.

⁶ Шумкова К.Н. Общая характеристика предупреждения преступности на примере России и Китая // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 9(124). – С. 61-63. С. 61.

⁷ В Китае утвердили цели 14-й пятилетки: Китай станет сверхдержавой URL: <https://www.rline.tv/news/2020-11-01-v-kitae-utverdili-tseli-14-y-pyatiletki-kitay-stanet-sverkhderzhavoy/> (дата обращения: 07. 11. 2021).

⁸ Кобец П.Н. Становление и развитие местных органов государственного управления Китайской Народной Республики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 11. – С. 51-55. – DOI 10.18572/1813-1247-2020-11-51-55.

⁹ Кобец П.Н. Генезис органов государственной власти и управления Китайской Народной Республики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 7. – С. 51-55. – DOI 10.18572/1813-1247-2020-7-51-55. С. 53.

гает на себя ответственность, то страну ожидает светлое будущее, а нацию – прекрасные перспективы. Китайская мечта – это мечта историческая, мечта современная, а также и мечта будущих поколений, она принадлежит нам – этому поколению, но более всего она принадлежит молодому поколению. Благодаря борьбе молодежи, словно эстафете, передающейся из поколения в поколение, китайская мечта о великом возрождении китайской нации в конце концов станет реальностью. Широкие слои молодежи должны укреплять идеалы и убеждения, иметь высокие устремления, делать свое дело добросовестно, быть смелыми создателями своей эпохи, в живой практике осуществления китайской мечты отпустить в полет мечту юности, неустанной борьбой за интересы народа вписать блестящую страницу в свою собственную биографию»¹.

Также важно отметить, что «в Законе О молодежи Китая 1997 г., тоже поставлены первоочередные задачи, способствующие решению актуальных проблем жизни китайской молодежи»². Кроме прочего, в КНР активно прорабатывают теоретическое обоснование формирования и развития молодежной политики. Этим занимается открытый в г. Пекине Китайский молодежный университет политических наук (China Youth University for Political Sciences)³. Университет является крупным институтом права и политики в Китае, занимающимся исследованиями в области марксизма, государственного управления, молодежной культуры и развития молодежи, социальной работы, уголовного права и журналистики. Первый отдел по работе с молодежью в Китае был основан в этом университете в 1985 г. В университете также есть первый и самый большой факультет социальной работы (ныне колледж социальной работы) в материковом Китае. Китайский молодежный университет политических исследований специализируется на обучении в бакалавриате. В университете есть такие специальности бакалавриата, как Экономика, Юриспруденция, Журналистика и массовые коммуникации, Социальная работа, Социология, Социальное обеспечение, Работа с молодежью, Государственное управление, Китайский язык и литература, а также Иностранные языки и литература. Университет также предоставляет последипломное образование в таких областях, как Социология, Уголовное право, Экономическое право, Журналистика и Экономика.

На тот момент, когда «принималась Долгосрочная государственная программа образовательных реформ и основные направления развития образования КНР на 2010-2020 гг. исполнение новых норм привело к следующим результатам. Например, в настоящее время в КНР только 3,58 % жителей страны неграмотны, среди молодежи неграмотных лишь 1,0 %. Около 60,0 % выпускников школ поступают в университеты. В современной КНР открыто около 2 тысяч вузов, в которых обучаются более 2 млн. чел.»⁴.

Особая роль при осуществлении государственной антинаркотической политики КНР Китая отводится воспитательной и пропагандистской работе с несовершеннолетними и молодежью. Данной деятельностью в Китае занимаются представители администраций на различных уровнях государственной власти и управления КНР. Они, в частности, принимают участие в разработке годовых планов пропагандистской и воспитательной работы с молодежью, реализуя цель по профилактике и бойкоту наркотических средств и психотропных веществ⁵.

В соответствии с Законом Китая О борьбе с наркотиками была утверждена Всекитайская Программа антинаркотического профилактического воспитания молодежи (далее по тексту – Программа)⁶. Осуществлять рассматриваемую профилактическую работу мобилизованы в том числе и различные пропагандистские органы пропаганды, в числе которых радио и телевидение, а также китайская пресса. Действие рассматриваемой программы направлено на несовершеннолетних от 10 лет и молодежную аудиторию до 25 лет.

Поскольку в настоящее время в КНР особая роль отведена предупреждению преступности несовершеннолетних⁷, поэтому предусматривается, что деятельность по борьбе с наркотизацией несовершеннолетних и молодого поколения должна строиться с «применением самых современных и оригинальных методик, делается акцент о необходимости более четкого распределения возможностей педа-

¹ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 07. 11. 2021).

² Раньжина И.В. Особенности государственной молодежной политики России и Китая: определяющие направления взаимодействия и сотрудничества. Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: Сборник Восточного центра. № 16-1. 2015. С. 79-86. С. 82.

³ Китайский Молодежный Университет Политических наук / China Youth University for Political Sciences (CYU). URL: <http://www.portalchina.ru/universities/cyu.html> (дата обращения: 07. 11. 2021).

⁴ Шароградский А. С мечтой об иностранном дипломе. URL: <http://www.svo-boda.org/a/25255302.html> (дата обращения: 07. 11. 2021).

⁵ Кобец П.Н. Становление, функционирование и реформирование Государственного совета Китайской Народной Республики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 2. – С. 56-60. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-2-56-60. С. 57.

⁶ Смирнов К.Ю. О законе китайской народной республики "о борьбе с наркотиками" // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 6. – С. 63-77.

⁷ Лян М.Я. Преступность несовершеннолетних в КНР. Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 201-204.

гогических кадров, по применению разумной воспитательной концепции борьбы с наркотиками»¹ к незаконному обороту наркотических средств. При этом предполагается, что общее число правонарушителей в сфере незаконного оборота наркотиков среди несовершеннолетних до 18 летнего возраста не будет превышать 0,3% от общей цифры правонарушителей в рассматриваемой сфере². Программа предусматривает необходимость повысить уровень антинаркотического профилактического воздействия в учреждениях образования. В этих целях предусмотрено проведение специальных антинаркотических профилактических занятий, в учреждениях образования с 5-х классов до 2-х классов. В ПТУ и ВУЗах также необходимо заниматься проведением аналогичных воспитательных мероприятий.

Сегодня в КНР важная роль отводится профилактической работе в сети Интернет³. Поэтом у в сети Интернет предполагается создать виртуальную антинаркотическую выставку. Национальной антинаркотической комиссии следует модернизировать «Китайский антинаркотический электронный выставочный зал» для посещения его в реальном времени, интерактивного общения и оценки. Национальная антинаркотическая комиссия должна использовать возможности китайской интернет программы обмена сообщениями «WeChat», блога «WeiBo» (микроблог для общения) и применять рассылку китайских антинаркотических новостей на мобильные телефоны. В социальных сетях публиковать антинаркотическую информацию, проводить онлайн консультации, получать сообщения от населения. Национальная антинаркотическая комиссия, отдел пропаганды ЦК КПК, Центральная руководящая группа по безопасности в сети Интернет и информатизации, министерство образования, Управление по печати и телерадиовещанию, Центральный комитет комсомола и другие ведомства, взаимодействующие с органами общественной безопасности, в сети Интернет организуют конкурсы на уровень знаний о наркотиках, демонстрируют короткометражные фильмы, объявляют конкурсы на лучшую статью о наркотиках, продвигают антинаркотическую интернет – игру «Н5».

Кроме того, особая роль в КНР отводится наглядному антинаркотическому просвещению⁴. И поэтому неслучайно предлагается развивать наглядное антинаркотическое просвещение. Учебные заведения всех уровней должны ежегодно проводить экскурсии для учащейся молодежи на антинаркотических профилактических площадках (выставочных залах, реабилитационных центрах ит. д.). Антинаркотические подразделения всех уровней должны развивать профилактическую пропаганду при помощи агитационных передвижных комплексов. Подразделения по борьбе с наркотиками, а также учреждениям Министерства образования необходимо организовать проведение открытых уроков с привлечением представителей реабилитационных центров, особо отличившихся в антинаркотической работе сотрудников, которые личным примером будут оказывать профилактическое воздействие на учащихся.

В целях предупреждения наркотизации молодежи и несовершеннолетних, также предусмотрена необходимость внедрять общественный антинаркотический опыт и деятельность волонтеров⁵. Комсомольские организации, подразделения по борьбе с наркотиками во время зимних и летних каникул организуют антинаркотические лагеря для молодежи. Кроме того, необходимо организовать проведение акции «Волонтеры в семьях, общинах, деревнях». В ходе данной акции разъяснять антинаркотическую политику, распространять знания о борьбе с наркотиками. Необходимо активно использовать возможности добровольцев, широко применять их оригинальные идеи, воспроизводить и внедрять лучшие проекты. Включить антинаркотическое профилактическое воспитание молодежи во Всеитайскую программу «Саньсясян», которая проводится в летние каникулы. Уделять большое внимание антинаркотической профилактике в семье. Через программу «Благополучная семья» Федерации женщин КНР следует активно развивать мероприятия в рамках акций «Семья без наркотиков», «Не дай наркотикам попасть в семью». Необходимо использовать возможности площадок «Женское сообщество» и «Школа для родителей» с целью привлечения родителей и их детей к массовым мероприятиям антинаркотического профилактического воспитания. Важно сформировать образцовые группы семей и женских коллективов для профилактики среди молодежи⁶.

¹ Кобец П.Н. Положительный опыт противодействия наркотизации и профилактического воспитания молодежи (на примере китайской народной Республики) // Теоретические и прикладные проблемы противодействия негативным социальным явлениям (на примере наркотизации и алкоголизации): Сборник материалов региональной конференции, Иркутск, 29 ноября 2019 года / Ответственный редактор О.В. Ивушкина. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 28-31. С. 29.

² Радугина О.А., Бойматов У.Ф. Идеологические основы модернизации китайского общества. Вестник Воронежского государственного университета. Серия. Философия. № 2. 2018. С. 37– 45. С. 38.

³ Чжоу Ц. Влияние Интернет-СМИ на развитие сетевого общества и общественного сознания в Китае. В сборнике: Фундаментальные и прикладные исследования: от теории к практике Материалы II международной научно-практической конференции, приуроченной к Дню Российской науки. 2018. С. 92-96. С. 93.

⁴ Просеков С.А. Особенности образования и воспитания в КНР. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 2(26). С. 72-81. С. 75.

⁵ Яньли С., Романенко М.В. Россия и Китай: основные сферы девиантности в начале XXI века. Вестник Университета (Государственный университет управления). 2017. № 5. С. 168-174. С. 171.

⁶ Юрковский А. В. Особенности территориальной организации государственной власти Китайской Народной Республики // Мир юридической науки. – 2010. – № 2. – с. 44 – 49. С. 45.

Большое значение в КНР отводится изучению общественного мнения¹. Поэтому руководством страны и поставлена задача обеспечить крепкую атмосферу антинаркотического общественного мнения. Подразделения по борьбе с наркотиками, пропагандистские учреждения ЦК КПК, Управление по печати и телерадиовещанию, должны всесторонне использовать печатные издания, периодику, радиостанции, телевизионные каналы, а также ключевые информационные Интернет сайты для антинаркотической пропаганды. Необходимо создать рабочий механизм на данном направлении. Важно организовать привлечение журналистов к антинаркотической работе, укрепить практику проведения курсов повышения квалификации для репортеров и редакторов с целью повышения уровня увлекательности и популярности антинаркотических фильмов, и публикаций. Необходимо организовать конкурс антинаркотической социальной рекламы, собирать лучшие ролики, расширять эффект пропаганды. Центральное телевидение и телевидение всех уровней, радиостанции, печатные и периодические издания, СМИ в сети Интернет, блог «WeiBo», программа «WeChat» и другие мобильные приложения должны ежегодно публиковать серию качественной антинаркотической рекламы.

Для предупреждения наркотизации молодежи и несовершеннолетних также отмечается необходимость в поездах, самолетах, автобусах дальнего следования, аэропортах, морских портах, в оживленных кварталах городов и центральных площадях, общественных развлекательных местах применять разного рода площадки (стенды) для регулярного демонстрирования агитационного материала. Учреждения Министерства культуры всех уровней должны активно поддерживать издание и показ произведений литературы и искусства по антинаркотической тематике. Усиливать профилактическую работу среди сотрудников общественных развлекательных учреждений. А также в данных учреждениях должен быть установлен постоянный предостерегающий антинаркотический пропагандистский объект (звуковая заставка, киноролик, баннер)².

Также в настоящее время, особое значение придается совершенствованию механизма контроля и решения проблем, связанных с наркотиками. В этой связи требуется создать систему ежедневного мониторинга проблемной молодежи. Подразделения по борьбе с наркотиками совместно с образовательными учреждениями должны осуществлять серьезный мониторинг по выявлению подростков, употребляющих наркотики.

В целях борьбы с наркопреступностью среди молодежи и несовершеннолетних поставлена задача разработать план решения проблем, связанных с наркотиками у учащихся. Антинаркотические подразделения и учреждения Министерства образования всех уровней должны опубликовать «Мнения по решению проблем, связанных с наркотиками у молодежи». Они должны быть направлены на учащихся, которые употребили наркотики впервые, поддавшихся соблазну, вовлеченных обманом путем, а также учащихся, употребляющих наркотики. В соответствии с требованиями Закона «О борьбе с наркотиками», Закона «О защите несовершеннолетних», в процессе образования делать главный упор на предотвращение наркоугрозы³.

Также в этих целях поставлена задача провести работу по подготовке шефства над проблемной молодежью. Субъекты борьбы с наркотиками должны создать рабочие группы, члены которых будут уславливать шефство над проблемной молодежью, оказывать психологическое воздействие, и индивидуальную психологическую помощь. Кроме того, подразделения по борьбе с наркотиками должны создать электронную базу данных молодых людей, имеющих проблемы, связанные с наркотиками. Проводить системный контроль, информацию хранить отдельно от других баз данных. Никто не вправе пользоваться электронной базой без санкции органов общественной безопасности и подразделений по борьбе с наркотиками.

Акцентируется внимание на том, что следует усилить обеспечение работы по антинаркотическому профилактическому воспитанию молодежи. Укрепить антинаркотические профилактические отряды. Количество сотрудников антинаркотических комиссий провинциального уровня, задействованных в профилактической работе, должно составлять не менее 15%. Антинаркотические комиссии городского (уездного) уровня осуществляют расстановку штатных сотрудников. Учреждения министерства образования всех уровней, а также другие организации, задействованные в профилактической работе, должны четко определить руководство и ответственных сотрудников, привлекаемых к профилактической работе. Национальная антинаркотическая комиссия, антинаркотические комиссии провинциального уровня должны в равной мере создать кадровый резерв для профилактической работы. Развивать использование специалистов в научно-исследовательских и преподавательских целях⁴.

¹ Просеков С. А. Социально-философский анализ модернизации современного Китая в условиях глобализации: монография. М.: Финакадемия, 2009. 127 с.

² Цирин А. М. Управление на основании верховенства права в Китае // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 14-17. С. 15.

³ Просеков С.А. Социально-философский анализ современных реформ Китая // Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 24.

⁴ Суворова Е.А. Становление системы образования в Китае во второй половине XX века. Россия и АТР. 2015. № 1(87). С. 198-204. С. 199.

В современном Китае также ставится задача мобилизовать общественность на участие в работе по антинаркотическому профилактическому воспитанию молодежи. Связанные с антинаркотической деятельностью правительственные учреждения КНР путем финансовых платежей осуществляют государственные закупки услуг по профилактике, поддерживают и стимулируют участие общественных организаций в профилактической работе. Необходимо всесторонне развивать использование общественных организаций и предпринимателей, укреплять их поддержку, всеми способами поощрять деятельность добровольцев.

Кроме того, сегодня в стране делается акцент на том, чтобы установить механизм затрат на профилактическое воспитание молодежи. Совершенствовать механизм финансирования администрациями, использовать различные способы привлечения финансовых средств. Местные органы министерства финансов должны увеличить выделение денежных средств на профилактическое воспитание.

Очень важно отметить, что в целях рассматриваемой работы, предусматривается, что местные наблюдательные органы образования должны внести в свою сферу деятельности – контроль за антинаркотическим воспитанием молодежи в образовательных учреждениях. Местные органы общественной безопасности должны внести в свою компетенцию деятельность по оценке степени удовлетворенности населения профилактическим воспитанием. Местные органы по борьбе с наркотиками при помощи статистических подразделений, а также при помощи научно-исследовательских учреждений исследуют оценку деятельности населения по результатам профилактического воспитания молодежи. Антинаркотическое профилактическое воспитание молодежи внести в национальную программу «Строительство благополучия», «Строительство духовной культуры» как важную составляющую.

Определена необходимость создания механизма по привлечению к ответственности за неисполнение обязанностей по профилактической работе. Национальная антинаркотическая комиссия должна регулярно уведомлять руководство местных антинаркотических комиссий о ситуации по профилактическому воспитанию молодежи на подведомственной территории. В случае недостаточной работы по профилактике, халатного отношения к служебным обязанностям, повлекшего увеличение количества наркозависимых лиц среди молодежи, в соответствии с «Системой ответственности в антинаркотической работе» должностные лица подлежат наказанию.

Таким образом, нами обозначены одни из самых основных современных направлений государственной политики Китайской Народной Республики по предупреждению наркопреступности среди молодежи и несовершеннолетних в условиях начала третьего десятилетия XXI столетия.

В заключении необходимо отметить о том, что, морально-нравственное воспитание молодежи практически на протяжении всего исторического развития Китая имело приоритетное значение, и сегодня государство стремится развивать систему антинаркотического профилактического воспитания среди молодежи и несовершеннолетних. Поэтому в дальнейшем отечественным специалистам в рассматриваемой сфере было бы полезным проведение большего числа исследований, посвященных изучению зарубежного опыта по профилактическому воспитанию несовершеннолетних и борьбы с наркотизацией молодого поколения, в целях внедрения положительного зарубежного опыта в деятельность отечественных правоохранительных органов, а также всех остальных субъектов, противодействующих наркотизации несовершеннолетних и молодежи.

Милюков Сергей Федорович

доктор юридических наук, профессор, академик РАН по секции геополитики и безопасности, почетный вице-президент РКА имени А. И. Долговой

Milyukov Sergey Fedorovich

Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences in the section of Geopolitics and Security, Honorary Vice President Red Army named after A. I. Dolgova

E-mail: dikoepolesf@gmail.com

Смертная казнь: дискуссия должна быть продолжена

The death penalty: the discussion should be continued

Аннотация. Дискуссию о смертной казни нельзя считать исчерпанной. Неправомерно связывать ее исключительно с убийствами. Главное ее предназначение – пресечение и предупреждение сверхкрупных хищений, коррупции, организованного наркобизнеса и антигосударственной деятельности. Высшая мера наказания – маркер государственного суверенитета, на что указывает опыт КНР, США, Японии, Индии, Ирана, Белоруссии.

Ключевые слова: Смертная казнь, государственный суверенитет, пресечение особо опасной деятельности, сверхкрупные хищения, коррупция, организованный наркобизнес, дискуссия

Abstract. The discussion on the death penalty cannot be considered exhausted. It is illegal to associate it exclusively with murders. Its main purpose is the suppression and prevention of large-scale embezzlement, corruption, organized drug trafficking and anti-state activities. Capital punishment is a marker of state sovereignty, as indicated by the experience of China, the USA, Japan, India, Iran, Belarus.

Keywords: death penalty, state sovereignty, suppression of particularly dangerous activities, large-scale embezzlement, corruption, organized drug trafficking, discussion

---

Многие должностные лица исходят из отмены смертной казни в России, как непреложного факта. Так, пресс-служба Московского городского суда сообщила о том, что уроженец Дагестана Якуб Картакаев приговором этого суда от 25 января 2011 г. осужден к 22 годам лишения свободы за убийство в марте 2010 г. в Кунцеве лейтенанта милиции Д. Климовича, находившегося при исполнении служебных обязанностей. При этом «гособвинение требовало приговорить Картакаева к высшей мере наказания – пожизненному лишению свободы, однако суд счел наказание к 22 года заключения достаточной санкцией в связи с тем, что обвиняемый пошел на сотрудничество со следствием и дал признательные показания»¹.

Аналогичного мнения придерживаются многие отечественные правоведы и криминологи. Так, авторы научного проекта нового Уголовного кодекса России пишут в пояснительной записке: «Что касается смертной казни, де-факто данный вид наказания не применяется в России очень долгое время – более двадцати лет. Учитывая общемировую тенденцию к отказу от смертной казни как вида уголовного наказания, следует честно констатировать, этому виду наказания нет места в системе наказаний»².

Эти мнения глубоко ошибочны, поскольку прямо противоречат ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, ст. 59 ч. 2 ст. 105, ст. ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ и ст. 184 – 186 УИК РФ, которые по прежнему предусматривают расстрел за особо тяжкие посягательства на жизнь человека.

Понятно, что противники смертной казни имеют в виду так называемый мораторий, наложенный на назначение высшей меры наказания постановлением №3-П Конституционного Суда России от

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 2011. 26 янв.

² Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 31. На диаметрально противоположной позиции стоит автор другого проекта УК (см.: Малинин В.Б. Проект нового Уголовного Кодекса Российской Федерации. Общая часть. Глава VIII. Уголовная ответственность и наказание // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. №1. С. 61.

2 февраля 1999 г., который был продлен (после отпадения основания блокирования смертной казни ввиду введения судов присяжных в Чеченской республике) определением того же Суда №1344-О-Р от 19 ноября 2009 г.

По мнению ряда отечественных правоведов¹, эти судебные акты являются заведомо неправосудными и, к тому же, неконституционными, поскольку противоречат основополагающей норме, заключенной в ст. 3 Конституции РФ, прямо устанавливающей, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Данная статья также гласит: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону». Неоднократные и вполне репрезентативные опросы различных слоев населения (включая осужденных за убийство при отягчающих обстоятельствах) показывают неприветливое отношение нашего многонационального народа к этой проблеме².

По данным опроса фонда «Общественное мнение, проводившегося 26-27 октября 2019 г. в 104-х населенных пунктах 53-х регионов страны при участии 1,5 тысяч респондентов, 69 % россиян выступают за применение смертной казни судами. Всего 8(!)% опрошенных выступили за полную отмену этого наказания.

Игнорируют же волю народа коррумпированная часть чиновничества (включая верхушку правоохранительных органов), компрадорская буржуазия и обслуживающая их интересы часть либеральной интеллигенции (конечно, среди них есть и искренние гуманисты, сетующие на темноту «кровавого» народа). Они боятся применения смертной казни за многочисленные экономические (и сопутствующие им) злодеяния, хотя за них таковое наказание в действующем российском уголовном законе не предусмотрено вообще. Однако, как показывает дальняя и ближняя российская история, все может измениться в одночасье. Тем более образцы такого перевода стрелки уголовной политики в современном мире имеются (прежде всего, в бурно прогрессирующем Китае, но не только).

Об этом убедительно свидетельствуют результаты опроса, проведенного Левада-центром в январе 2017 года. Чаще за мораторий выступают обеспеченные люди. «В Москве более 60 % против... смертной казни, а среди людей, живущих в селах, таких только 35%» – отметил А.Гражданкин, заместитель директора центра.

После распада СССР в мире осталось всего два полностью суверенных государства – США (вместе с Израилем, который фактически является заморским их штатом) и КНР. Оба эти государства применяют смертную казнь и не намерены отказываться от этого впрямую.

Далеко не случайно, что именно в период решения вопроса о полной отмене высшей меры наказания в России США демонстративно привели в исполнение смертный приговор в отношении чернокожего вашигтонского «снайпера» Джона Аллена Мухаммада (как видим, всякая толерантность в данном случае была отброшена в сторону). Казнь была публичной – на ней присутствовали, помимо врачей, юристы и 27 свидетелей, включая родственников жертв «снайпера» и его сообщника – несовершеннолетнего (на момент совершения преступления) Ли Бойда Малво. Последний, кстати, был осужден к пожизненному заключению (для справки: в России он отбывал бы максимум 10 годами лишения свободы с правом условно-досрочного освобождения на льготных условиях).

К этой демонстрации абсолютного суверенитета поспешил присоединиться и Китай. В этот же день было объявлено, что там казнено девять человек, виновных в июльских (2009 г.) беспорядках в Урумчи – административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района. По этому делу к смертной казни были приговорены 12 человек. Жертвами погромов на национальной почве в Урумчи стали 197 человек, еще свыше 1600 ранены³. Значительным, хотя и не полным, суверенитетом обладают два могущественных государства Азии – Индия и Япония. Оба сохранили смертную казнь в арсенале средств уголовной репрессии.

И если на Индию в этом плане оказывается постоянное и мощное давление, то Япония находится на периферии критиков аболиционистов. Так, в августе 2021 г. окружной суд префектуры Фукусима приговорил к повешению 74-летнего лидера преступного синдиката якуза Номору Сатору, который в последнем слове заявил суду: «Вы будите жалеть об этом всю оставшуюся жизнь». Причина этого парадокса проста – Япония пока послушно следует в фарватере политики США⁴. Последняя из названных держав

¹ См., в частн.: Милуков С.Ф. Смертная казнь и проблемы российского суверенитета // Российский криминологический взгляд. 2009. №4. М.: Проспект, 2010. С. 194-201; Корецкий Д. Проблема легитимности фактической отмены смертной казни // Уголовное право. 2010. №6. С. 27-30.

² См., напр.: Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб., 2000. С. 165-166; Дзигарь А.Л. Смертная казнь и преступность. – Ростов-н/Д, 2003. С. 158 и др.; Лепешкина О.И.: Опыт комплексного исследования, 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2010. С. 160-168. даже среди опрошенных осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, 7% полагают более правильным наказание в виде смертной казни (Славинская Ю.В., Сысоев А.М. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы (правовой и психологический аспекты). – Рязань, 2007. С. 73.)

³ См.: Санкт-Петербургские ведомости. – 2009. – 10 нояб.

⁴ Подробнее о применении смертной казни в Японии см.: ООН призвал Японию отменить смертную казнь // Преступление и наказание. 2010. № 10. С. 55.

позволяет прибегать к казням Саудовской Аравии и Пакистану – своим наиболее влиятельным союзникам в «горячих» регионах Ближнего и Среднего Востока.

Совсем иное отношение неистовых ревнителей сохранения жизни особо опасных преступников к наказательной практике таких государств, как Иран, КНДР и Беларусь (единственное европейское государство, ныне прибегающее на практике к смертной казни). По мнению американцев, эти страны ведут себя на международной арене вызывающе, открыто не подчиняются североатлантическому диктату, взяли суверенитета, что называется. «не по чину». Не случайно США неоднократно угрожали применить в отношении Ирана и Северной Кореи ядерное оружие, что будет ничем иным, как глобальной смертной казнью.

При оценки феномена отмены смертной казни в Европе аболиционисты упускают из вида или сознательно замалчивают то обстоятельство, что крупнейшая европейская держава – Великобритания, покинувшая европейское сообщество ради более тесного союза со своей бывшей колонией – США, отказалась от этой меры отнюдь не окончательно – чрезвычайно казуистическое английское законодательство допускает применение этого наказания в военное время¹. Учитывая же, что Великобритания до недавнего времени вела активные боевые действия в Ираке, Пакистане и Афганистане, возврат к применению смертной казни в этом государстве отнюдь не эфемерен.

Российские же уголовное законодательство в этом отношении осколчено еще в 1996 году – в УК РФ отсутствуют нормы военно-уголовного законодательства, действующего в военное время либо в боевой обстановке. Нет их у нас и вне Уголовного кодекса².

И это при том, что Россия в отличие от США, той же Великобритании, Германии, Швеции, Польши, Эстонии и других стран НАТО спорадически ведет боевые действия, но не в дальнем зарубежье, а на собственной территории. О масштабе этих действий можно судить по боевым сводкам, периодически поступающим с Северного Кавказа. Российские миротворцы находятся в непосредственной близости от боевых действий Азербайджана и Армении. Наша страна не может безучастно относиться и к попыткам националистически настроенных властей Украины уничтожить не подчиняющихся их диктату российских граждан в Донбассе. Боевые действия с участием наших военнослужащих ведутся в Сирии и на Африканском континенте. После бегства вооруженных сил НАТО из Афганистана реально возобновление военных конфликтов по всему периметру границ этой страны и далеко вглубь Средней Азии.

Перейдем теперь к анализу основных аргументов аболиционистов и нашим возражениям на таковые.

1. В цивилизованном обществе человеческая жизнь представляет собой абсолютную ценность, и государство не вправе лишать ее кого-либо ни при каких условиях.

Исторические факты свидетельствуют о полной голословности такого утверждения. Особенно ясно это стало в истекшем столетии, когда жертвами войн, политических, расовых и национально-религиозных репрессий стали десятки и десятки миллионов человек, прежде всего тех, кто не участвовал в военных действиях и не занимался антигосударственной политической деятельностью. Варварская бойня мирного сербского населения, учиненная странами НАТО во главе с США в 1999 г., их последующая агрессия в Афганистане, Ираке, Пакистане, Ливии и Сирии, подтверждают, что подобный курс не изменился и в третьем тысячелетии. В последние годы наблюдается резкое повышение активности стран Североатлантического блока на Украине, в Прибалтике, границе союзной нам Белоруссии, акваториях Черного и Балтийских морей, на Кавказе, в Средней Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Четко просматривается истинное отношение к человеческой жизни при осуществлении промышленной и гражданской деятельности развитых государств (в том числе России): на автодорогах, на предприятиях, в рудниках и штатах, стройках при пожарах и от экологических бедствий вызываемых, прежде всего, техногенной деятельностью) гибнут сотни тысяч законопослушных граждан, не запятнавших себя какими-либо противоправными или аморальными поступками. Однако никто на этом основании не собирается сворачивать промышленное производство, строительство добычу полезных ископаемых или прекращения передвижения на автомобилях, самолетах, в поездах, речных и морских судах. Нет также намерений отказаться от культивирования высоко травматических видов спорта и рискованных для жизни развлечений, характерных, прежде всего, для пресыщенных богачей и их челяди.

Но если в вышеприведенных ситуациях уполномоченные представители государственных или частных структур действуют все же в основном с косвенным умыслом или по неосторожности (в данном случае мы отвлекаемся от уголовно-правовой интерпретации их отношения к содеянному), то уничтожение человеческих существ в материнской утробе совершается с прямым умыслом. Как известно, боль-

¹ См.: Михлин А.С. Смертная казнь // Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. – СПб., 2007. – С. 715.

² Подробнее см.: Милуков С.Ф. Отечественное военно-уголовное право: история и современность // История развития уголовного права и ее значение для современности. М., 2006. С. 327-335; Он же. Вновь о мобилизационном векторе российской уголовной политики // Уголовная политика и правоприменительная практика / Отв. ред. Е.Н. Рахманова. СПб., 2015. С. 150-156.

шинство народов, населяющих Российскую Федерацию, в настоящее время находятся в стадии депопуляции (проще говоря – вымирают)¹.

На этом фоне, мягко говоря, нелепо выглядят действия государственных чиновников, работающих в системе здравоохранения. Так, комитетом по здравоохранению Ленинградской области в разгар депопуляции 90-х г.г. прошлого века в этом регионе была разработана региональная целевая программа «Безопасное материнство – 1999 – 2000 годы». Как пишет журналист, «особое место в этой программе будет уделено «мероприятиям по планированию семьи». Характер этих мероприятий в большинстве своем направлен как раз на то, чтобы новой семьи не возникало. С этой целью была предусмотрена закупка контрацептивов для подростков и социально не защищенных женщин (почти на 500 тыс. руб в ценах того периода), а также обеспечение медучреждений медикаментами для безболезненного прерывания беременности. Столь пристальное внимание к контрацептивам хорошо объяснимо. К этому времени число абортс среди женщин до 17 лет увеличилось в полтора раза. А среди девочек до 15 лет – в 2,5 раза. Для многих контрацептивы стали просто не по карману, поскольку после кризиса стоимость «противников» детей возросло в 3 раза².

Сейчас число абортс в России значительно снизилось по сравнению с 1990 г., когда они достигли астрономической величины в 4103400. Однако и 450 тыс. подобных «операций» (2020 г.) непомерно велико. Интересно, что умерщвление плода широко рекламируется в Интернете. Здесь же приводятся соответствующие расценки (ноябрь 2021 г.) : с применением китайских препаратов от 3500 руб., российских – от 5500 до 7500, французских – от 8000 до 11000 руб. Вакуум аспирация (каков термин!) в зависимости от срока беременности – от 8500 до 12500 руб.

Между тем абортс, несомненно, представляют собой узаконенное предумышленное убийство, совершаемое к тому же с особой жестокостью³. Впечатляющий аргумент в пользу такого понимания этих «медицинских операций» приводит Митрополит Никопольский Мелентий. Опираясь на строго научные данные, он утверждает, что уже с 18 дня после зачатия начинают ощущаться удары сердца зародыша, приходит в действие солютно особая, его собственная, система кровообращения. В 7 недель у него фиксируются мозговые импульсы, а это является основанием для определения жив человек или нет. Маленький человек имеет полностью сформированные внешние и внутренние органы. Он имеет глаза, нос, губы, язык. Митрополит ссылается на опыт американского врача Бернарда Натансона, бывшего директора специальной клиники абортс, который за два года работы сделал 60 тысяч (!) таких операций.

Задумавшись о правильности своих действий, Натансон прибег к ультрозвуковой съемке эмбриона 12 недель. Созданный в результате фильм, который называется «Безмолвный крик», доказывает, что зародыш: 1) предчувствует угрозу со стороны инструмента, которым производится абортс; 2) чувствует опасность и выражается это тем, что: а) он двигается быстро и тревожно, и учащаются удары его сердца со 120 до 200 ударов, и он открывает широко рот, как от крика⁴. Можно представить что мы увидим на

¹ По официальным данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) население России (РСФСР) в советское время непрерывно увеличивалось (со 117 млн 453 тыс. в 1959 г. до 147млн 665 тыс. в 1990 г.). К 2009 г. оно сократилось до 142 млн. 737 тыс. чел. А к 2017 г. выросло за счет миграции из-за рубежа и присоединения Крыма до 146 млн 804 тыс. чел. (Демографический ежегодник России. М., 2017. С. 16). На 1 июля 2019 г. эта величина сократилась по сравнению с началом года на 64,8 тыс. чел. Миграционный прирост лишь на 67,4% компенсировал естественную убыль населения. Вымирание население приобрело обвальныи характер в условиях пандемии COVID-19. В сентябре 2021 г. было зафиксировано 201,9 тыс. смертей, что на 18,3% больше, чем годом ранее, сообщил Росстат. На пятеро умерших в стране пришлось лишь трое родившихся, а число новорожденных сократилось на 6,8%.

² Санкт-Петербургские ведомости. – 1999. – 29 июня.

³ Это умозаключение не просто является убеждением автора настоящей статьи, а основывается на давних российских правовых традициях. Так, уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. производство абортс приравнивало к умышленному убийству. Как отмечал А.Н. Красиков, «на отнесение к абортс к убийству повлияло каноническое право, согласно которому плод на определенном этапе своего развития становится живым существом, имеющем душу. В свое время Аристотель полагал, что душа оживает мужской эмбрион 40 дней спустя с момента зачатия, а женский – 80 дней. Позднее аналогичный взгляд был высказан непрерываемым авторитетом христианской церкви Аврелием Августином... . В связи с этим появились научные работы, обосновывающие юридические права эмбриона...» (Красиков А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву / – Саратов, 1999. С. 19). А.Н. Красиков ссылается на одну такую работу: *Бласфельд Г.Э. О правах утробных и новорожденных, недоношенных младенцев вообще и об умерщвлении и умышленном изгнании плода в особенности.* Казань, 1856. В дальнейшем абортс относили к преступлениям против жизни не только Уголовное уложение 1903 г., но и малоизвестное до сих пор Советское уголовное уложение 1918 г. (ст. 184), а также сугубо атеистические УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Лишь УК 1960 г. отнес незаконное производство абортс к посягательствам, ставящим в опасность жизнь и здоровье женщины, но не ее ребенка. Иную позицию занимает уголовное законодательство США. Так, Николаю Солтысу, украинскому безработному иммигранту, предъявлено официальное обвинение в преднамеренном убийстве с отягчающими обстоятельствами не шести, как ожидалось ранее, а семи человек. В качестве седьмой жертвы Солтыса назван его не родившийся ребенок – трехмесячный плод, погибший в результате убийства матери – Любы Солтыс. Он проходил по делу под именем «младенец Солтыса». По заявлению прокурора графства Сокраменто Джен Скали, калифорнийское законодательство предусматривает возможность подобного обвинения в случае, если возраст плода более семи недель (Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 6 сент.).

⁴ Мелентий, Митрополит Никопольский. Абортс. 2-е изд., доп. М., 1992. С. 15-17.

экране, засняв умерщвление в материнской утробе вполне сформировавшегося ребенка 22-недельного возраста.

Немногим бережнее современное государство относится к уже родившимся младенцам. Законодатель не разделяет широко распространенного в юридической литературе мнения о том, что «жизнь любого человека, больного и здорового, новорожденного и престарелого, в равной степени охраняется уголовным законом»¹. В действующем УК (ст. 106) устанавливается резко пониженное наказание за убийство матерью новорожденного ребенка, даже если оно совершается с особой жестокостью или в целях использования органов или тканей младенца (т. е. при обстоятельствах, перечисленных в ч. 2 ст. 105 того же Кодекса), а также при фактическом и легальном рецидиве.

Еще более равнодушно (если не агрессивно) относится государство и так называемое «гражданское общество» к тяжело больным и престарелым. В 1994 г. в штате Орегон (США) состоялся всеобщий референдум по законопроекту называемомуся «Право умереть с достоинством». Он был одобрен всего 51 % голосовавших, и оппозиции удалось на три года застопорить вступление этого акта в силу. Однако генеральный прокурор США Джанет Рикс отменил мораторий, официально заявив, что врачи в штате Орегон, оказавшие содействие обреченному на смерть пациенту, решившему уйти из жизни, не будут преследоваться по закону².

Впрочем, широко известный под кличкой «Доктор Смерть», бывший патологоанатом (!) Джек Кеворкян и без такого закона умертвил 130 больных. Дважды Кеворкяна препровождали в наручниках в тюрьму штата Мичиган, но вскоре освобождали. Лишь 14 апреля 1999 г. окружной судья города Понтиак приговорил Кеворкяна к тюремному заключению сроком от 10 до 25 лет (NB!) за убийство *одного* больного 52-летнего Томаса Юка, которому тот в сентябре 1998 года ввел в вену смесь из нескольких ядов. Вся «процедура» была записана на видеопленку и показана в одной из самых популярных вечерних информационных программ США на телеканале Си-би-эс, где ее увидели почти 16 млн американцев³.

По состоянию на октябрь 2019 г. эвтаназия разрешена в Швейцарии, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге, Канаде, Колумбии, ряде штатов США, Индии (пассивная), Австралии. В Бельгии и Нидерландах разрешена также эвтаназия детей (!). Рядом с этой информацией в Интернете размещена реклама эвтаназии кошек и расценки ветеринаров на такую услугу.

В России также немало сторонников широкого применения эвтаназии⁴. На фоне разрушающегося здравоохранения, которое к тому же озабочено, как было показано выше, сокращением, а не увеличением населения, несложно представить сколько тысяч больных будет подлежать такому «милосердию». Эвтаназия затрагивает интересы и пока здоровых людей, которых достаточно легко и быстро (с помощью коррумпированных эскулапов) превратить в безнадежно больных. Она препятствует усилиям по разработке наиболее действенных средств спасения человеческой жизни, эффективной анестезии и, по существу, возрождает практику гитлеровских фашистов, массово ликвидировавших неизлечимо (на данном этапе и в данных условиях) больных пациентов.

Обратившись к обстоятельной биографии А. Гитлера, написанной его современницей, но после Второй Мировой войны, мы находим следующие сведения на этот счет: «С 1924 года в теоретическом арсенале Гитлера появляются такие методы, как стерилизация неизлечимо больных, эвтаназия, «дезинфекция» и так далее – примеры варварства, выдаваемые за гуманитарные акции. Именно это внутреннее убеждение в своем праве убивать и лежит в основе «психологии геноцида» и является отличительным признаком национал-социализма, выделяющим его на фоне других форм фашизма»⁵.

Сразу по приходу к власти Гитлер перешел к практической реализации этих теоретических конструкций: «было принято четыре закона, благодаря которым государство «окончательно обеспечило себе первенство и власть в областях жизни, брака и семьи»: закон об «ограничении продолжения рода людей, страдающих наследственными заболеваниями»; закон о «неисправимых и опасных преступниках»; закон об учреждении «единой организации здравоохранения» (все три – от 1934 года) и закон о «добровольном освидетельствовании» (от 1935 года). В рамках двух первых законов 350 тыс. человек подверглись стерилизации – их тексты были составлены настолько обтекаемо, что позволяли применять их все более широко, особенно по отношению к «неисправимым преступникам», именуемым «асоциальными элементами»; к ним добавились уклоняющиеся от труда бродяги, проститутки, гомосексуалисты, адепты религиозных сект и цыгане»⁶.

¹ Уголовное право. Особенная часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1995. С. 91 (автор главы – Ю. А. Красиков). Аналогичное мнение см.: Михайлов Н.Н. Умышленное убийство и личность преступника (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. С. 3.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 10 марта.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 15 апр.

⁴ См. подробнее: Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006. С. 141-171; Лопашенко Н.А. Убийства: монография. М., 2013. С. 123-128.

⁵ Штайнер, Марлис. Гитлер / Пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна, 2010. С. 214. Заметим, что процитированное издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции.

⁶ Там же. С. 536-537.

«Война дала Гитлеру возможность решить еще одну весьма волновавшую его проблему – физического уничтожения инвалидов, душевнобольных и психопатов. Его обостренный интерес к евгенике уходил корнями в психологическую травму, нанесенную поражением в войне. Лучшая часть мужского населения пала на поле битвы, а в это время в тылу продолжали лечить невротиков и трусов, которые грозили расколу рейха и армии и готовили новую революцию. Еврейские врачи и юристы помогли всей этой публике уклониться от фронта. Подобные утверждения содержались во многих документах военно-медицинской экспертизы, проводимой после Первой мировой войны, и они легли в основу формирования новой морали. [...] Гитлер пришел к осознанию необходимости эвтаназии не позже 1935 года. В 1939 году уже была разработана технология операции и создана нужная инфраструктура. Первыми жертвами стали дети, от которых избавлялись уколом морфина, скополамина или люминала»¹.

«Руководство операциями осуществляла канцелярия фюрера, точнее, Филипп Боулер. «Законным» основанием ему служило письмо Гитлера, подписанное (задним числом) 1 сентября 1939 года. Первая волна убийств носила имя «Т4» (по названию дома номер 4 по Тиргартенштрассе в Берлине); ею руководил Виктор Брак. Душевнобольных, страдающих раком, туберкулезом или атеросклерозом, инвалидов войны и стариков – то есть всех тех, кто на мог работать и находился в хосписах, собирали в специальных местах и убивали; число жертв достигало 70 тыс. человек. Их судьбу решала медицинская экспертиза, проводившаяся в Графенеке, Бранденбурге, Бернбурге, Гартхайме, Зонненштайне и Гадамаре. 24 августа 1941 года Гитлер распорядился прекратить подобную практику, но до конца войны врачи и младший медицинский персонал умертвили еще 20 тыс. «психопатов», впрыскивая им токсичные вещества или постепенно моря их голодом (Гитлер настаивал, чтобы покойники выглядели «прилично»)»².

Сказанное позволяет понять, почему в Федеративной Республике Германии, обычно шагающей в ногу со всем «цивилизованным» миром в плане легализации всякого рода извращений, эвтаназия находится под запретом.

Завершая рассмотрение главного аргумента аболиционистов, можно сказать, что их внешне гуманная деятельность является ширмой бездушного отношения к жизни законопослушных, но бедных, больных, пожилых, увечных, излишне совестливых и потому мало приспособленных к борьбе за выживание людей.

2. Следственные и судебные ошибки, повлекшие неправильное назначение смертной казни (по ее исполнению), не могут быть исправлены в дальнейшем.

Действительно, такие ошибки не могут быть исправлены в том смысле, что необоснованно казненного человека не воскресить. Однако при достаточно высоком уровне правоприменительной деятельности подобный брак практически исключен. Во всяком случае, он несравненно меньше десятков и сотен тысяч жертв в любой иной сфере жизнедеятельности общества, начиная от медицины, промышленности, строительства, транспорта и кончая многими видами спорта, путешествий и рискованных развлечений (аттракционов).

Количество несправедливо казненных гораздо ниже людского урона от фактов превышения пределов необходимой обороны и ее мнимого (относительно посягательства, но отнюдь не относительно реального вреда жизни лиц, не совершивших в действительности общественно опасных деяний) проявления.

Большие людские потери несет наше общество в результате неправомерного применения огнестрельного оружия лицами, имеющими его на законных основаниях. Так, в 2000 г. в результате применения и использования табельного оружия сотрудниками органов внутренних дел были убиты 33 человека (темп прироста 15,1%), не совершавшие каких-либо противоправных действий.

Впечатляющим примером чисто преступного использования оружия сотрудником служит общеизвестное дело бывшего начальника столичного ОВД Царицино майора милиции Д. Евсюкова, который был осужден за расстрел из служебного пистолета нескольких граждан в ночь с 26 на 27 апреля 2009 г. За это он был осужден к пожизненному лишению свободы. В июле 2021 г. Евсюков вместе с родителями добился в ЕСПЧ компенсации в размере 6 тыс. евро за причиненный им моральный вред. Суд признал, что расстройство от Москвы до поселка Харп Ямало-Ненецкого автономного округа (3360 км) нарушает их права «по соображениям семейной жизни». Трудно представить более фарисейского трактования прав человека (разве вспомнить дело нациста Брейвика) имея в виду, что Евсюков не только убил двух и ранил еще семь человек, но и намеревался расстрелять в подсобке супермаркета захваченных им заложников.

Однако на этом основании никто не предлагает разоружить десятки (если не сотни) тысяч сотрудников силовых и охранных структур (последние еще менее юридически и тактически подготовлены к действиям с оружием), а также военнослужащих, ныне широко привлекаемых к охране общественного порядка.

Процессуальные процедуры служат надежной гарантией против осуждения к этому наказанию *полностью* невиновных лиц. В публицистической и специальной литературе, затрагивающей данную проблему, обычно умалчивается, что ошибочное назначение смертной казни, как правило, имеет место в случаях, когда лицо в прошлом или настоящем действительно совершило особо опасные преступления

¹ Штайнер, Марлис. Гитлер / Пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна, 2010. С. 546-547.

² Там же. С. 548.

(убийства, изнасилования, разбои, бандитизм, террористические акты, посягательства на жизнь должностных лиц правоохранительных органов и т. д.), но не причастно именно к *данным* злодеяниям.

В конечном счете ошибки при осуждении к пожизненному лишению свободы или длительным (более 10 лет), а тем паче, сверх длительным (от 20 до 35 лет) срокам лишения свободы также не исправимы по отбытии таких наказаний. Несмотря на это, никто не призывает отказаться от применения этих наказаний на практике. Напротив, сфера назначения пожизненного лишения свободы неуклонно расширяется (см., в частности, Федеральные законы от 3 ноября 2009 г. №245-ФЗ; от 1 марта 2012 г. №18-ФЗ и от 6 июля 2016 г. №375-ФЗ). Упускается из вида и то обстоятельство, что ошибка при назначении смертной казни актуальна лишь по отношению к однократным либо мало серийным не очевидным убийствам, за что в позднее советское и постсоветское время она (в отличие, скажем, от США) практически не назначалась вообще. Если же брать преступника унесшего десятки человеческих жизней, то эта ошибка на окончательное наказание повлиять не может.

Проиллюстрируем это на примере уголовного дела серийного убийцы, т. н. «ангарского маньяка» М. Попкова. 14 января 2015 г. Иркутский областной суд приговорил его за убийства 22 женщин, сопряженных с изнасилованиями (у одной из жертв Попков вырезал сердце), к пожизненному лишению свободы. 10 декабря 2018 года тот же суд вновь приговорил его к той же мере наказания за выявленные дополнительно 56 убийств, в том числе сотрудника милиции (три эпизода были исключены из обвинения ввиду отсутствия события преступления). Наконец, приговором того же суда от 4 июня 2021 года за совершение еще двух убийств он был приговорен к девяти (!) годам лишения свободы.

Спрашивается, способно ли повлиять на размер наказания Попкову гипотетически возможное ошибочное вменение 2-3 эпизодов убийств? Конечно же нет. К тому же по действующему закону он должен быть приговорен к расстрелу, а не более мягкому наказанию.

Следственная и судебная ошибка, как мощный аргумент аболиционистов вообще уходит на задний план, если не исчезает вовсе, когда речь заходит о применении смертной казни за сверхкрупные хищения и такого же размера взяточничество, организованный наркобизнес, а также госизмену, особенно в тех случаях, когда приобретенные преступным путем активы переводятся в банки Лондона, Цюриха или Нью-Йорка, а виновные получают убежище в соответствующих странах. Смертная казнь таким преступникам вполне справедливое наказание, если, конечно адекватно оценивать их общественную опасность¹.

В этом отношении показателен отечественный уголовно-политический и законотворческий опыт. Смертная казнь впервые появилась в Двинской уставной грамоте 1397 года, дарованной Двинской земле Великим князем московским Василием I Дмитриевичем после присоединения ее к Москве. Примечательно, что лишение жизни преступника предусматривалось лишь за *одно* преступление, а именно за кражу, совершенную в третий раз.

В другом историческом памятнике – Псковской судной грамоте (первая реакция была принята в том же 1397 году, а с последующими добавлениями в окончательной реакции – на вече в 1467 году). Статья 8 воспроизводит указание установление Двинской грамоты, а в статье 7 закреплена смертная казнь «кримскому» татю (похитителю особо ценного государственного имущества, хранившегося в «Кроме» – псковском Кремле), «переветчику» – изменнику, перешедшему на сторону врага, «зажигальнику» за поджог (прежде всего, в черте города) и, наконец, конокраду².

Как видим, казнь не полагалась за общеуголовное убийство. Эта традиция, за некоторым исключением (некоторые виды детоубийства, отцеубийство и др.) сохранялось как в царское, так и в ленинско-сталинское время вплоть до 1954 года.

3. *Смертная казнь неэффективна, поскольку не способна предупредить совершение новых преступлений.*

В юридической литературе давно ведутся споры о том, насколько влияет назначение и исполнение смертной казни на совершение новых, прежде всего особо тяжких, преступлений³. Соглашаясь с тем, что общепредупредительные возможности высшей меры наказания отнюдь не абсолютны⁴, можно, однако, с уверенностью говорить об абсолютной эффективности данного наказания в плоскости специальной превенции. По данным А.С. Михлина, среди 3054 осужденных, ожидающих исполнения смертной казни в

¹ Корецкий Д., Милуков С. Экономические преступники – друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. №3. С. 86-90.

² Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков: изд-во Центра «Возрождение», 1997. С. 60.

³ См., в частности, об этом: Михлин А.С. Смертная казнь. Вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 147-153.

⁴ Тем не менее, если в 1998 г., когда приговорены к высшей мере наказания еще выносились, прирост убийств составил всего 0,9%, то в 1999 г., когда данное наказание было заблокировано, этот прирост достиг уже 4,4%. Количество зарегистрированных убийств увеличилось и в 2000 г. (на 2,2%), хотя общее количество учтенных преступлений снизилось на 1,6%, а тяжких и особо тяжких – сразу на 6,1%. По справедливому замечанию проф. В.И. Шиканова, постановление Конституционного Суда от 2 февраля 1999 г. «ободоряще подействовало на тех лиц, которые уже совершили или потенциально готовы совершить убийства при отягчающих обстоятельствах» (Шиканов В.И. Краткая презентация // Шиканов В.И., Китаев И.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. – Иркутск, 2000. С. 4).

США, ранее совершали убийства 8,5%¹. Несложные подсчеты показывают, что при сохранении им жизни должны погибнуть не менее 260 законопослушных граждан. Вот настоящая оценка ошибочного (либо сознательного) неприменения смертной казни!

В ночь с 13 на 14 сентября 2019 г. 51-летний мужчина нанес ножом не менее трех ударов в живот 23-летнему сотруднику Росгвардии за то, что он сделал замечание о непозволительности курения в общественном месте. В 1995 г. виновный приговаривался к смертной казни, но был помилован Б. Ельциным с заменой расстрела на 25-летний срок лишения свободы. Находился под административным надзором с запрещением покидать Южно-Сахалинск и выходить из дома в ночное время. К нему вновь было проявлено труднообъяснимое милосердие – дело было возбуждено по ч. 4 ст. 111 УК РФ поскольку смерть потерпевшему, якобы, была причинена по неосторожности! Образно говоря, росгвардеец был приговорен к смерти еще до его зачатия в результате необоснованного сохранения жизни преступнику Указом тогдашнего Президента России.

К тому же общепреventивное воздействие смертной казни в отношении преступников, взяточников, наркодельцов и изменникам Родины гораздо более значимо, нежели к импульсивным и психически ущербным убийцам. Это интеллектуально более развитые люди, способные загодя просчитать последствия своих деяний. Среди них немало изнеженных особ, законченных эгоистов и гедонистов. Далеко не каждый отважится поставить на кон собственную жизнь ради наживы. Ну а если поставит, то его уничтожение будет полностью справедливым.

4. Достижение целей наказания возможно без лишения жизни особо опасных преступников.

В качестве полноценной альтернативы смертной казни аболиционисты обычно указывают на длительное лишение свободы (прежде всего пожизненное). Однако, как показывает статистика, многие осужденные, отбывая наказание, совершают новые преступления.

Так, в 1997 г. были осуждены за преступления, совершенные в процессе отбывания наказания, 82703 человека, в том числе 7279 отбывавших лишение свободы. По данным В.В. Меркурьева, число убийств, совершенных осужденными к лишению свободы, в 2000 г. составило 58, а затем шло их снижение вплоть до 2003 г. (14 случаев), в следующем же году количество убийств вновь возросло до 23 преступлений. Причинение тяжкого вреда здоровью имело ту же тенденцию – снижение с 1999 по 2003 гг. со 129 до 35 фактов. Однако число *предотвращенных* преступлений неуклонно возрастало – с 49907 до 77860 случаев².

В последующие годы количество выявленных преступлений в местах лишения свободы неуклонно снижалось в связи с разрастанием сектора латентной преступности (как естественной так и искусственной) и волюнтаристским сокращением тюремного «населения». Если в 2006 г. число зарегистрированных преступлений в исправительных колониях составляло 1231 единиц, то через пять лет оно упало до 799. Закономерным образом увеличились показатели легального рецидива среди осужденных, состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций – с 3436 преступлений в 2004 г. до 16311³. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что значительная часть подсудимых вместо лишения свободы стали необоснованно приговариваться к наказаниям, с ними не связанным.

Как отмечал А.С. Михлин, к моменту совершения преступлений, за которые виновные в США были осуждены к смертной казни, только 57,5% из них не были уже привлечены к уголовной ответственности за новое преступление. Остальные находились под следствием по другому делу (6,9%), находились под пробацией или были осуждены условно (30,4%), бежали из тюрьмы (1,6%), отбывали тюремное заключение (2,4%), имели другой правовой статус (1,2%)⁴.

В условиях России вероятность совершения осужденными к лишению свободы нового преступления значительно выше. Причем его экспансия может быть направлена не только против других осужденных либо администрации исправительного учреждения. Одним из способов продолжения осужденным своей преступной деятельности является побег из места изоляции. По данным О.В. Старкова число побегов в России за период с 1983 по 1996 гг. увеличилось в 4 раза⁵. В последующие года под воздействием вышеописанных факторов, число регистрируемых побегов стало резко снижаться: если в 2001 г. их число составляло 49 единиц, то в 2008 г. оно составило всего пять, а в 2011 – семь⁶.

По общественной опасности беглецов можно судить по ориентировкам, размещенных в СМИ к 20 ноября 2021 г. Воспроизведем некоторые из них.

Гросс А.А., 1974 г.р., осужден 17 августа 2005 г. Заветинским райсудом Ростовской области по ч. 1 ст. 105 и п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ к 16 годам 9 месяцам лишения свободы. 28 августа 2019 г. совершил побег из участка колонии-поселения в Ростовской же области.

¹ Михлин А.С. Указ. соч. С. 31.

² Меркурьев В.В. Гражданская самозащита в уголовном праве России. – Владимир, 2005. С. 154-155.

³ Орлов В.Н. Пенальная преступность // Криминология / отв. ред. В.Е. Эминов. М., 2015. С. 270, 272.

⁴ Михлин А.С. Смертная казнь. Вчера, сегодня, завтра. – М., 1997. С. 219-220. С.31.

⁵ Старков О.В., Милуков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. – СПб., 2001. С. 223-224. См. также: Стуканов А.П. «Кресты». История побегов. – СПб., 2001.

⁶ Орлов В.Н. Указ. соч. С. 272.

Теньковский Д.В., 1976 г.р., осужден 12 января 2012 г. Октябрьским райсудом г. Новосибирска по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 9 годам 3 месяцам лишения свободы. 13 июня 2019 г. совершил побег из участка колонии-поселения в г. Новосибирске.

Новиков А., 1978 г.р. В 2000 г. приговорен к 23 годам и 4 мес. лишения свободы за убийство, разбой, грабеж, вымогательство и кражу. В начале февраля 2021 г. по его ходатайству переведен в колонию-поселение. 15 сентября того же года совершил побег с рабочего места – автомойки – из одного микрорайонов Тюмени.

Таким образом, все три выше поименованных убийцы сначала оказались в режиме полусвободы, а потом и вовсе уклонились от надзора, что чревато рецидивом, в том числе и специальным.

Впрочем, опасные преступники бегут и из охраняемых колоний. Так, Симишин С.А., 1976 г.р., еще 20 апреля 2004 г. совершил побег из колонии строгого режима и до сих пор не пойман. В ориентировке от 15 января 2019 г. указано, что Семишин «владеет приемами рукопашного боя и борьбы, а также навыками стрельбы из огнестрельного оружия».

Важно иметь в виду, что бегут из-под стражи и осужденные пожизненно. Так, 5 сентября 2001 г. из СИЗО №2 Москвы (Бутырская тюрьма) совершили побег через подземные коммуникации трое осужденных к пожизненному лишению свободы¹.

Впечатляющий побег из особо охраняемой тюрьмы Гильбоа (Израиль) был совершен в сентябре 2021 г. шестью пожизненно осужденными, якобы прокопавшими ложкой(?) тоннель, не смотря на то, что эту тюрьму называют «сейфом», поскольку ее камеры отлиты из бетона. Самым опасным из них считается Захария Збейди, командир подразделения «Бригады мучеников «Аль-Акса», виновный в гибели десятков израильтян. Впрочем, его сокамерник 39-летний Махмуд Арада был приговорен сразу к трем (!) пожизненным срокам.

Следует иметь в виду, что совершения такого рода беглецами новых преступлений (терактов, убийств, разбоев, изнасилований и т. п.) по понятным причинам будет абсолютно безнаказанным. Пожизненное лишение свободы в отрыве от смертной казни превращается в своего рода мандат (индულгенцию) на безбоязненное продолжение особо опасной преступной деятельности.

Ярким доказательством этого служит целая серия уголовных дел в отношении известного петербургского неонациста А. Воеводина. 13 сентября 2016 года он в колонии «Полярная сова» совместно с другим осужденным забил до смерти третьего сокамерника. Воеводин был осужден в 2011 году Петербургским горсудом к пожизненному лишению свободы за бандитизм и серию убийств на расовой и национальной почве. В марте 2012 года он был направлен для отбытия наказания в названную колонию (пос. Харп Ямало-Ненецкого автономного округа), но уже через три месяца был этапирован обратно в «Кресты», поскольку заявил о совершении им еще одного убийства в 2004 году на проспекте Ветеранов Петербурга.

Приговор был вынесен спустя два года, поскольку подсудимый, затягивая процесс, отправлял ежегодно по 2-3 тысячи жалоб и заявлений в различные инстанции. Лишь в 2015 году Воеводин был возвращен за Полярный круг. По всей вероятности, основной мотив нового убийства уже осужденного пожизненно – желание вновь оказаться в относительно комфортных условиях СИЗО, к тому же в статусе «невиновного». К такой же тактике, как указано выше, прибегает и ангарский маньяк Попков.

Итак, Воеводин не только не понес абсолютно никакого наказания за убийство, совершенное в 2004 г., но и не понесет его за новое убийство 2016 года. Ничто не может воспрепятствовать его дальнейшей преступной деятельности (имеется в виду не только вульгарное насилие, но высокоинтеллектуальная преступная деятельность, не требующая зачастую свободы передвижения).

Вопреки надеждам многих «гуманистов», пожизненно осужденные не собираются безропотно гнить долгие десятилетия за решеткой. Они весьма успешно ведут наступление и на юридическом «фронте», подтачивая карательный потенциал рассматриваемого наказания. При этом они прибегают к помощи высококвалифицированных юристов, которые, как известно, своих услуг бесплатно не оказывают, а также так называемых «правозащитников».

Тот же нацист Воеводин уже в 2018 г. заявил издевательский иск о возмещении морального вреда к прокуратуре Санкт-Петербурга выразившегося «в тоске, безысходности, разочаровании в системе прокуратуры», которая не разъяснила ему в 2011 г. порядок обжалования судебных решений. Свою тоску Воеводин оценил в 88 тыс. руб 14 коп. (замаскированный неонацистский код 14/88) 1 марта 2018 г. Кировский райсуд Санкт-Петербурга в иске отказал. 28 августа 2018 г. городской суд оставил жалобу истца без удовлетворения.

В то же время Конституционный суд РФ гораздо благосклонней отнесся к жалобе супругов Королевы, намеренных защитить свое право иметь ребенка. В одно дело с ней был объединен запрос Вологодского областного суда по делу Антона Мацинина, который не может видеться с женой. Основное препятствие в обоих случаях – пожизненный срок лишения свободы.

Имя Николая Королева стало известно после серии громких преступлений, совершенных им на национальной почве. Самые резонансные из них – убийство китайского предпринимателя Ли Чживея и те-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 6 сент.

ракт на Черкизовском рынке в 2006 году, когда погибли 14 и получили травмы свыше 50 человек. Вероника – вторая жена Николая, с которой они обвенчались и зарегистрировали брак уже на территории колонии в 2009 году. Сейчас Королев отбывает наказание в той же исправительной колонии «Полярная сова», предназначенной для содержания заключенных пожизненно, причем в строгих условиях, что исключает предоставление ему длительных свиданий как минимум в течении 10 лет (в соответствии со статьями 125 и 127 УИК РФ).

В своей жалобе Королевы оспорили положения УИК РФ. В праве использования вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) паре также было отказано. Как полагают Королевы, тем самым нарушены статьи 21 и 23 Конституции РФ, в том числе право на «неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» [...]. В начале 2016 года Королевы уже обращались с этой жалобой в СК РФ, однако им было отказано по формальным основаниям: на тот момент еще не было завершено рассмотрение дела в суде первой инстанции.

Основной довод пары – решение Европейского суда по делу, а также Рекомендации кабинета министров совета Европы, которые, в частности, содержат следующее положение: «Посещения должны быть организованы таким образом, чтобы дать заключенным максимально естественно поддерживать и укреплять семейные отношения». При этом Королевы особо подчеркивают, что запрет на длительные свидания нарушает, в первую очередь, право на семейную жизнь Вероники, «не совершавшей преступления против государства и общества», на основании чего просила признать статьи УИК не соответствующими Конституции РФ.

Антон Мацинин также осужден пожизненно: за убийство родителей бывшей своей девушки Анны. К тому времени он уже был женат на давней подруге, которая родила от него дочь. Олеся Мацинина тоже настаивает на длительном свидании, поскольку Конституция РФ гарантирует право граждан на семейную жизнь¹.

Российский же законодатель вместо того, чтобы решительно пресечь обрисованное глумление над основополагающими принципами уголовного права, памятью множасьих жертв привычных преступников и, наконец, над здравым смыслом, продолжает безвольно подыгрывать евросудьям, давно утратившим независимость от своих заокеанских партнеров, широко и беззастенчиво применяющих по всему миру смертоносную судебную и внесудебную репрессию.

Многие опасные преступники (прежде всего организованные) имеют ныне возможность добиться незаконного освобождения псевдолегальным путем за счет институтов пересмотра дела в порядке надзора, условно-досрочного освобождения, освобождения по болезни, а также амнистии и помилования. Примером этого служит преступная биография убитого 9 октября 2009 г. в Москве вора «в законе» В. Иванькова по кличке Япончик, который еще в 1966 году был признан невменяемым с диагнозом «шизофрения» и вскоре совершил побег из психбольницы. В 1974 году получил 2-ю группу инвалидности по психическому заболеванию пожизненно. На создание подобного статуса неприкосновенного для правосудия преступника выделяются большие суммы денег из так называемых «общаков».

Наконец, широкое распространение получила практика обмена заложников и похищенных людей на осужденных к лишению свободы или заключенных под стражу до вступления приговора в законную силу². Поскольку уголовные и уголовно-политические структуры располагают почти неограниченными возможностями по похищению и (либо) удержанию российских граждан или иностранцев, то можно прогнозировать продолжение такого рода «обменов», фактически превратившуюся в работоторговлю времен вассального Османской империи Крыма. Показательны в этом плане обмены осужденными и арестованными с украинской стороной в сентябре 2019 г. и апреле 2020 г. Говорить об общем и специальном эффекте лишения свободы в таких случаях просто не приходится.

5. Смертную казнь отвергают лучшие умы человечества (мыслители, выдающиеся ученые и писатели, просвещенные юристы, известные политики-либералы), а настаивают на ее сохранении исключительно реакционеры, мракобесы, черносотенцы и сталинисты.

Кратко, но емко выразил этот аргумент Я.И. Гилинский. Он пишет: «Этот вопрос давно превратился в некий символ, разделяющий сторонников и противников смертной казни на два лагеря по мировоззренческим, идеологическим позициям... и тогда с одной стороны – А. Франс, В.Гюго, Б.Шоу, А. Швейцер, М.Ганди, Ф. Достоевский, А. Кони, В. Короленко, Л. Толстой, И. Тургенев, А.Радищев, А. Герцен, А. Сахаров, лучшие представители российской уголовно-правовой мысли – М. Духовской, И. Фойницкий,

¹ Голубкова М. Не хватает встреч // Российская газета. 2016. 16 окт.

² В п. 3 постановления Государственной Думы от 13 декабря 1999 г. « Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе записано: «Прекратить по представлениям Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, уголовные дела независимо от характера совершенных преступлений, находящиеся в производстве органов дознания и предварительного следствия, и уголовные дела, не рассмотренные судами, в отношении лиц, подлежащих обмену на военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, граждан, насильно удерживаемых на территории Чеченской республики». Пункт 6 того же постановления позволял освободить от наказания в тех же целях любые категории лиц, в отношении которых обвинительный приговор уже вступил в законную силу (Российская газета. 1999. 16 дек.).

Н. Таганцев, И. Сергеевский, В. Спасович, М. Гернет... множество других славных имен. На другой стороне – Пуришкевич, Победоносцев, Блудов, кн. Щербатов...»¹.

На самом же деле все не так однозначно. В одном из первых российских учебников по уголовному праву, где проблема сохранения смертной казни или отказа от нее исследована самым подробным образом, мы читаем: «В числе писателей и юристов, которые высказались в пользу законности смертной казни можно назвать «Монтескье..., Мабли..., Канта, Руссо, де Местра, Росси, Шово, Эли и Бональда (последний заметил, что эшафот есть средство отослать виновного к великому судье: то есть к Богу)»².

Что касается Б.Шоу, то, совершая кругосветное путешествие, он посетил СССР и 29 июля 1931 года встретился с И.В. Сталиным. Вплоть до своей смерти 2 ноября 1950 года он поддерживал его политику³, не смотря на Большой террор 1937 года.

Обратимся теперь к представителям России (СССР) в этом списке. Как известно, Ф. Достоевский и А.Радищев осуждались к смертной казни за антигосударственную деятельность. А. Герцен отказался вернуться в Россию из-за границы, за что в 1851 г. Сенат постановил считать его «изгнанником навсегда из пределов государства» и лишил его дворянства. За свою политическую деятельность в Лондоне он вполне подлежал высшей мере наказания по царским законам.

Первое произведение Л. Толстого «Рубка леса» описывал его личное участие в войне против «немирных» горцев при помощи тактики «выжженной земли». Эта тактика отнюдь не порицалась автором данного произведения. Сам Толстой высоко ценил этот рассказ и собирался посвятить его как раз И. Тургеневу⁴, который был последовательным противником помещичье-крепостнического строя России и вдохновлял своими книгами не одно поколение революционеров.

А.Кони и М. Гернет еще задолго до революции оправдывали антигосударственную деятельность, в том числе террористическую. Не случайно оба были обласканы большевистской властью, отнюдь не порицали красного террора. Гернету в 1947 г. была присуждена Сталинская премия за многотомный труд «История царской тюрьмы».

А. Сахаров с точки зрения действовавшего тогда УК РСФСР также мог быть осужден к расстрелу. Лишь мощная поддержка из-за рубежа и прогрессирующая слабость Советской власти спасли ему жизнь. Н.Таганцев избежал репрессий, но был казнен его сын с женой. Не помогло его обращение к Ленину и то обстоятельство, что, будучи сенатором, он добился свидания матери вождя со старшим сыном А. Ульяновым (последний был казнен за приготовление к цареубийству).

Таким образом, почти все перечисленный Я.И. Гилинским личности либо сами были государственными преступниками, либо оправдывали деятельность таковых. Поэтому их высказывания против смертной казни нельзя вырывать их контекста их жизни и творческой деятельности, внутривластной обстановки царской России или Советского Союза в соответствующий период времени. Блудов же, Пуришкевич и подобные им политические деятели, напротив, позиционировали себя как охранители, адепты самодержавия.

К тому же вряд ли в число мракобесов есть основания зачислять таких современных ученых, политиков, деятелей культуры, как Л.И. Абалкин, Ж.И. Алферов, С.Н. Бабурин, А.В. Белоконов, Л.А. Бокерия, И.И. Борисов, Н.П. Бурляев, А.И. Владимиров, В.Н. Ганичев, М.А. Гареев, С.С. Говорухин, С.П. Горячева, Н.Н. Губенко, В.И. Добренков, Н.Ю. Дурова, В.А. Зернов, В. А. Ильин, Е.А. Исаев, А.А. Калягин, А.Е. Карпов, В.В. Карпов, И.Д. Кобзон, Д.М. Климов, В.И. Курилов, В.В. Лунин, Д.С. Львов, В.В. Маланин, Е.С. Матвеев, В.В. Меньшов, В.В. Миронов, А.Г. Николаев, Н.Д. Никандров, М.И. Ножкин, Т.И. Ойзерман, Н.А. Петров, В.И. Покровский, Л.А. Пучков, В.Г. Распутин, В.С. Розов, Н.И. Рыжков, В.П. Савиных, П.Д. Саркисов, В.М. Сидоров, Н.Г. Скворцов, Ю.М. Соломин, В.Н. Страхов, Е.А. Суханов, Д.И. Трубецков, И.Б. Федоров, А.Ф. Хохлов, Е.П. Челышев, В.А. Шаповалов, А.М. Шилов, А.Е. Юферев, Р.Г. Яновский и многие других⁵. Этот список можно дополнить перечнем видных ученых-юристов: В.Н. Кудрявцев, Э.Ф. Побегайло, Г.З. Анашкин, Н.Х. Ахметшин, Л.В. Багрий-Шахматов, С.И. Дементьев, А.И. Зубков, И.И. Карпец, С.Г. Келина, Д.А. Корецкий, А.И. Коробеев, А.В. Малько, В.А. Мальцев, А.С. Михлин, О.Ф. Шишов и др.

Со всей определенностью можно сказать, что отказ от смертной казни в современных российских условиях практически ничего не даст и в плане сохранения главной «ценности» современной цивилизации – жизни особо опасных преступников, прежде всего посягающих на чужую жизнь. С одной стороны, особо опасные преступники, которые до недавнего времени приговаривались к высшей мере наказания, будут по-прежнему уничтожаться как правомерными (необходимая оборона, причинения вреда при за-

¹ Гилинский Я.И. Смертная казнь глазами криминолога // Профессиональное юридическое образование и наука. 2021. №1. С. 43.

² Учебник уголовного права профессора П.Д. Калмыкова, изданный А. Любавским. Часть Общая. СПб., 1866. С. 206-207.

³ Большая Российская энциклопедия. Т. 35. М., 2017. С. 87.

⁴ См.: Толстой Л.Н. Собр. Соч. В 14 т. Т. 2. – М., 1951. С. 31. и след.; С. 370-371.

⁵ См.: Дзигарь А.Л. Смертная казнь и преступность. РнД., 2003. С. 249-253.

держании преступника)¹, так и неправомерными (самосуд, «заказные» убийства и др.) способами. С другой стороны, оставление жизни лицам, виновным в гибели законопослушных граждан, неизбежно приведет к новым людским потерям в силу специального рецидива преступлений.

Об этой опасности еще в начале XX в. предупреждал Н.Д. Сергеевский, которого Я.И. Гилинский поспешил зачислить в ряды аболиционистов. Он писал: «Если законодатель, не справляясь с состоянием народной этики, ее (смертную казнь. – С.М.) отменит, то она возродится в форме самосуда, суда Линча и т. п. Или ее отмена будет принята за признак слабости государственной власти, что будет еще хуже»². Последовавшие через несколько лет события в бывшей Российской империи, к сожалению, полностью подтвердили справедливость этих поистине пророческих слов.

Например, выросшая за полгода (с февраля 1917 г.) на 400% преступность побудила московских обывателей к массовым самосудам над застигнутыми на месте преступниками. Из арестованных московской милицией в июне-июле 1917 г. за кражи и грабежи 800 человек были сразу же направлены в тюремные больницы, поскольку стали жертвами самосудов³. Об этом писал и А.М. Горький в декабре 1917 г.: «За время революции насчитывается уже 10 тысяч. «самосудов»⁴. Кому нужно повторение этого кровавого опыта? Надо учесть, что «умывая руки», власть подталкивает к самочинным казням население⁵, одновременно широко занимаясь тем же самым во внесудебном порядке.

Поскольку Россия уже долгие годы находится в режиме не назначения смертной казни судами, вопрос о ее исполнении может носить преимущественно абстрактно-нормативистский характер.

В советское время, когда применение расстрела было реально⁶, соответствующие уголовно-исполнительные нормы были строго засекречены (автору настоящего параграфа довелось изучать их в январе 1983 г в специальной библиотеке Рязанской высшей школы МВД СССР, которая и в ту пору была главным юридическим вузом для системы исполнения наказаний). Сейчас эти положения в большей части включены в действующий УИК РФ.

Гораздо более открыто процедура смертной казни освещается в тех зарубежных странах, где она до сих пор применяется. Так, 29 января 2011 г. средства массовой информации сообщили о казни через повешение 45-летней иранки, имеющей двойное (и голландское) гражданство за транспортировку наркотиков.

Опубликованный большим тиражом в конце 80-гг. XX века в СССР доклад «Международной амнистии» снабжен многочисленными фотоснимками, на одном из которых запечатлена сцена прощания уже связанного осужденного со своим отцом в Нигерии. Рядом мы видим христианского священника⁷. На другом снимке мы видим группу родственников у трех скованных между собой памятников трем казненным чернокожим, осужденным за государственную измену в ЮАР⁸.

В «цивилизованных» странах ведутся поиски более гуманных, чем расстрел, повешение, отсечение головы, а тем более, побивание камнями, способов исполнения смертной казни.

К таковым обычно относят смертельную инъекцию. Однако иногда палачу (в роли которого выступает квалифицированный врач) бывает трудно найти вену в которую можно ввести иглу и требуется хирургическое вмешательство. Так, во время казни в штате Техас в 1985 г. было предпринято 23 попытки ввести иглу, что заняло 40 минут. Во время казни Реймонда Лэндри в декабре 1988 г. порвалась трубка по которой в иглу поступал яд; смесь брызнула в сторону свидетелей. По мнению генерального прокурора названного штата, «смесь вводилась под слишком сильным давлением». очевидцы сообщили, что слышали стоны осужденного, и только через 17 минут был констатирован факт наступления смерти⁹.

Не случайно еще в 1981 г. на Ассамблеи Всемирной медицинской организации была принята резолюция, в которой отмечалось, что «неэтично для врача участвовать в приведении смертного приговора в исполнение, хотя это положение не означает, что врач не может удостоверить факт наступления смерти»¹⁰.

¹ Статистические сведения о жертвах применения и использования сотрудниками правоохранительных органов оружия см.: Каплунов А.И., Милюков С.Ф. Применение и использование огнестрельного боевого ручного стрелкового, служебного и гражданского оружия. – СПб., 2003. С. 11-13, 167-168 и др. Мысль о своеобразной сублимации смертной казни прочно овладевает сознанием руководителей нашей страны. Так, С.В. Степашин в бытность премьер-министром публично заявил: «Негодяи, которые занимаются похищением людей, должны не просто быть наказаны, но и уничтожены, им нет места на этой земле» (Санкт-Петербургские ведомости. – 1999. – 26 мая). О количестве «негодяев» можно судить по данным министра внутренних дел о том, что в Чечне удерживалось на тот момент от 500 до 800 заложников (там же). После совершенного 15 мая 2009 г. теракта у здания МВД Чечни президент этой республики Р. Кадыров заявил, что теперь сложившим оружие боевикам не стоит рассчитывать на прощение (см.: Коммерсантъ. – 2009. – 18 мая).

² Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. – СПб., 1913. С. 115.

³ Борисов А. Председатель дирекции // Милиция. – 1995. – №6. – С. 53.

⁴ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре – М., 1990. С. 93.

⁵ О современных фактах самосудов над преступниками см., в частности, Лепешкина О.И. Указ соч. С. 168.

⁶ Статистические сведения о количестве вынесенных и исполненных приговоров о смертной казни в советское и постсоветское время см.: Лепешкина О.И. Указ соч. С. 128-155.

⁷ См.: Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека. Пер. с англ. / Вступ. ст. Ф.М. Бурлацкого; Предисл. и ред. С.Г. Келиной. М., 1989. С. 39.

⁸ См., в частности: Постатейный учебный комментарий к УИК РФ. С. 764.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 114.

XXI век ничего не изменил принципиально в практике назначения и исполнения смертной казни.

Скажем, 23 сентября 2010 г. в 9 часов утра по местному времени в американском штате Верджиния первые за сто лет казнили женщину. 41-летней Терезе Льюис была сделана смертельная инъекция за то, что она «заказала» убийство своего 51-летнего мужа и его 25-летнего сына ради страховой выплаты в 250 тыс. долларов.

Казнь состоялась, несмотря на общественное движение в ее защиту и тот факт, что врачи констатировали наличие у осужденной умственной отсталости. Осужденная дважды подавала прошение о помиловании. Сначала оно было отвергнуто губернатором штата Макдоннелом, а затем Верховный Суд США отказался отложить исполнение приговора. После объявления приговора Льюис заявила: «Я слегка взволнована и мне страшно. Но при этом я спокойна, потому что чувствую в себе Иисуса»¹. Излишне говорить о том что подобная преступница в России не получит более 12-13 лет лишения свободы.

Попытки аболиционистов навязать отказ от смертной казни наталкивается на упорное сопротивление государств в различных регионах планеты.

Так, 9 января 2019 г. Могилевский облсуд Беларуси приговорил 36-летнего А. Осиповича к смертной казни за нанесение молотком порядка 100 ударов двум женщинам с последующим расчленением их тел. До этого, в ноябре 2018 г., в этой республике были расстреляны двое «черных» риэлторов.

В конце декабря 2018 г. в Японии казнили через повешение двух заключенных. Приговор был при веден в исполнение по приказу министра юстиции Такаси Ямаситы. Имена казненных не разглашаются. В тюрьмах страны дождаются своей участи более сотни приговоренных. А в июле того же года были казнены семь руководителей печально известной секты «Аум Сенрике», включая ее вождя Секо Асахару. В августе 2019 г. по приказу того же министра казнили двух мужчин 64 и 50 лет, убивших еще в 2004 г. трех женщин.

В январе 2019 г. в Китае казнили 54-летнего Гао Чэньюня за изнасилование и убийства с расчленением трупов 11 женщин и несовершеннолетних девушек. В том же месяце китайский суд приговорил к смертной казни гражданина Канады Р.Л. Шеленберга за контрабанду 222 кг. метамfetамина. В ноябре 2018 г. суд средней ступени приговорил его к 15 годам лишения свободы с высылкой из страны. Канадец не согласился с приговором суда и подал апелляцию. Суд вернул дело в прокуратуру, которая дополнила обвинение новыми фактами. Была сформирована новая судебная коллегия, которая и вынесла смертный приговор. В декабре 2018 г. в КНР уже казнили двух человек за сбыт 158 кг кетамина в южных провинциях Гуандун и Хайнань.

В апреле 2019 г. в этой стране к смертной казни был приговорен еще один гражданин Канады за изготовление в соучастии с гражданами США и Мексики 63,8 кг метамfetамина и 365,9 г диметамfetамина.

В мае 2019 г. в Ираке к смертной казни были приговорены три французских гражданина за участие в террористической организации «Исламское государство» (запрещена и в России). В июне 2019 г. в этой стране осуществлена казнь бывшего подрядчика министерства обороны Д.Хаджизавара за шпионаж в пользу ЦРУ и правительства США.

Смертная казнь возвращается в карательный арсенал тех стран, где она не применялась многие десятилетия.

Так, на Шри-Ланке в июле 2019 г. в газете было размещено объявление о вакансии палача в связи с решением властей вернуть смертную казнь за торговлю наркотиками. Согласно объявлению кандидату должно быть от 18 до 45 лет, он должен обладать «хорошими моральными качествами», умом и стрессоустойчивостью. На призыв откликнулось 102(!) человека, в том числе гражданин США, кандидатуру которого рассматривать не стали, т. к. палачом должен быть только гражданин названного островного государства. Впрочем, возобновление казней на Шри-Ланке скорее связано не с наркопреступлениями, а с чудовищной по масштабам серией терактов в католических церквях и отелях 21 и 22 апреля 2019 г. от которых 253 чел. погибло и около 500 было ранено.

4 апреля 2019 г. единогласно ввел смертную казнь за распространение наркотиков парламент Абхазии. Закон вступил в силу с 1 января 2020 г. Тем самым был прекращен мораторий на это наказание, действовавший с 1993 г.

Весьма противоречиво складывается ситуация со смертной казнью в ее вековечном оплоте – Соединенных Штатах Америки.

С одной стороны в некоторых штатах предпринимаются попытки полностью отказаться от ее применения. Так, 14 марта 2019 г. губернатор Калифорнии Гэвин Ньюсом подписал указ о моратории на смертную казнь, который в этом штате ожидают 737 приговоренных к ней. Согласно документу протокол о смертельных инъекциях должен быть аннулирован, а камера для казней в тюрьме Сан-Квентин немедленно закрыта (офис Ньюсома опубликовал кадры, как из нее выносятся стул для инъекций). В 2018 г. от смертной казни отказался верховный суд штата Вашингтон, признав, что это наказание назначается произвольно и расово предвзято.

С другой стороны казни в других штатах США продолжают. В частности, в мае 2019 г. во Флориде посредством инъекции был казнен серийный убийца и насильник Роберт (Бобби) Джо Лонг, приговоренный к смертной казни еще в 1985(!) году за убийство 22-летней Мишель Симмс.

¹ Метро. 2010. 24 сент.

В июле 2019 г. тогдашний генеральный прокурор США Уильям Барр распорядился возобновить смертные казни за преступления, относящиеся к компетенции федеральных властей страны. Приказом, размещенным на сайте министерства юстиции США предусмотрен график казней пятерых осужденных, приговоренных к ней за убийство детей. Всего же в списке находится 62 человека. Первые казни состоялись в декабре 2019 и январе 2020 г. Тем самым был прерван неофициальный мораторий, длившийся более 16 лет (три казни на федеральном уровне состоялись еще в 2001 – 2003 гг., когда президентом был Джордж Буш-младший).

В унисон генпрокурору выступил и бывший президент США Дональд Трамп. 5 августа 2019 г. он заявил: «Сегодня я даю указание Министерству юстиции подготовить закон, который гарантирует: те, кто совершает преступления на почве ненависти и массовые убийства, будут приговорены к смертной казни, и эта высшая мера наказания будет применяться быстро, решительно, без долгих лет ненужных отсрочек» – привел его слова Интерфакс. Поводом для столь категоричного суждения послужили массовые расстрелы, которые произошли всего лишь за одни сутки сразу в трех штатах страны. В тexasском городе Эль-Пасо были убиты 20 человек, а Дейтоне (штат Огайо) – сразу 32 человека. Десятки потерпевших были госпитализированы с огнестрельными ранениями.

За 2020 год в США казнено 17 человек: из них 10 на федеральном уровне, три в Техасе, по одному в Алабаме и Джорджии, Миссури и Теннесси. По данным на 1 октября того же года в камерах смертников находилось 2553 чел.

В январе 2021 г. в тюрьме Терре-Хот, штат Индиана, была казнена 52-летняя Лиза Монтгомери, признанной виновной еще в 2007 году (вырезала ребенка из живота беременной). Она стала первой за 68 лет женщиной, казненной в США по решению федеральных властей.

В мае 2021 года палата представителей Южной Каролины приняла законопроект, который допускает расстрел при отсутствии медикаментов для смертельной инъекции. В штате исполнения приговоров ожидает 37 смертников.

Расследование газеты The Guardian (июнь 2021 г.) показало, что департамент исполнения наказаний штата Аризона привел в рабочее состояние газовую камеру (построена в 1949 году) для исполнения смертной казни, которую в штате не применяли в течение семи лет. Издание отмечает, что приобретенный газ – цианистый водород – среди прочих отравляющих веществ использовали нацисты в концлагере Освенцим.

В то же время в июле 2021 г. новый генеральный прокурор США Меррик Горланд вновь ввел мораторий на смертные казни, но только на федеральном уровне.

Нельзя, на наш взгляд, читать окончательным решение об отказе назначения и исполнения смертной казни в современной России. Ее Президент В.В. Путин неоднократно позиционировал себя как противник высшей меры уголовной репрессии. Однако в апреле 2013 г., обращаясь в прямом эфире к десяткам миллионов своих сограждан, он откровенно сказал, что порой «рука сама тянется к авторучке, чтобы подписать какие-то документы на возвращение смертной казни». Этому, подавляемому пока желанию, полностью соответствует сохранение данного наказания в текстах УК и УИК РФ и ряде ведомственных нормативных актов. Депутаты Госдумы, в своем большинстве, готовы проголосовать за возобновление соответствующей практики. Как показал анонимный опрос 114 парламентариев, проведенный в октябре 2019 г., 80% из них считают, что следует возобновить вынесение смертных приговоров за убийство детей и сексуальные преступления против них.

Размышлять, спорить и писать о смертной казни хладнокровно вряд ли способен даже самый уравновешенный исследователь. Конечно, это варварское наказание. Но для того, чтобы покончить с ним, нужно прежде покончить с теми социальными условиями жизни, которые толкают людей на варварство по отношению к себе подобным...

Петрянин Алексей Владимирович

доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Petryanin Aleksey Vladimirovich

Doctor of Law, Professor, Director of the Nizhny Novgorod branch St. Petersburg Academy Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: petryanin@mail.ru

Изосимов Вадим Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Izosimov Vadim Sergeevich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate professor of the department criminal law and criminology Nizhny Novgorod branch St. Petersburg Academy Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: vekiz@yandex.ru

**Вопросы уголовно-правового и криминологического противодействия
молодежным деструктивным движениям**

**Issues of criminal law and criminological counteraction
to youth destructive movements**

Аннотация. В настоящее время Российскую Федерацию захлестнуло активное распространение молодежных деструктивных движений, что повлекло не только повышение уровня общеуголовной криминальной активности среди молодого поколения, но и ошеломляющие факты массовых убийств на территориях учебных заведений. В статье представлено состояние и развитие таких течений на примере движений «АУЕ» и «Колумбайн». На основе анализа характерных их черт продемонстрированы психолого-возрастные характеристики лиц, активно вовлеченных в деятельность такого рода деструктивных групп, а также их индивидуально-отличительные признаки. В итоге сделан вывод о необходимости незамедлительного криминологического и уголовно-правового реагирования со стороны государства, на дальнейшее развитие такого рода деструктивных молодежных движений.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие, деструктивное молодежное движение, убийство, субкультура

Abstract. At present, the Russian Federation is overwhelmed by the active spread of youth destructive movements, which entailed not only an increase in the level of general criminal activity among the younger generation, but also the stunning facts of massacres on the territories of educational institutions. The article presents the state and development of such currents on the example of the movements "AUE" and "Columbine". Based on the analysis of their characteristic features, the psychological and age characteristics of persons actively involved in the activities of such destructive groups, as well as their individual distinctive features, have been demonstrated. As a result, it was concluded that there is a need for an immediate criminological and criminal-legal response on the part of the state, for the further development of destructive youth movements.

Keywords: extremism, terrorism, counteraction, destructive youth movement, murder, subculture

---

Современный мир столкнулся с колоссальной проблемой активного распространения среди молодежи идеологий деструктивного формата¹. В настоящее время как в медиа пространстве, так и в средствах массовой информации мы все чаще и чаще слышим об «АУЕ»² и «Колумбайн»³.

Давая краткую характеристику каждого из них, подчеркнем, что движение «АУЕ» – это субкультура, построенная на пропаганде криминальных установок, агрессивного поведения и подмене классических ценностей, определяющих развитие личности, общества и государства, что демонстрируется следующими лозунгами: «В школу ходил чисто для маминого спокойствия», «С братвой за своих впрягался», «Мне плевать, что обо мне говорят. Мне плевать, что говорят о моих друзьях. Потому что на себя и на своих близких я смотрю только своими глазами» и т. п.

Полагаем, что это новый формат эволюционирования экстремистско-террористической деятельности, идеологи которой нашли новые способы активного вовлечения в нее наиболее подверженного вербовке контингента⁴, с учетом следующих возрастных и психологических характеристик:

- психолого– эмоциональная неустойчивость;
- юношеский максимализм;
- проблемы в коммуникациях с окружающими;
- осознание личностной неуспешности;
- сложности в определении жизненных ценностей;
- маргинализация и т. д.

Их наличие указывает на то, что такому контингенту необходим социальный лифт, позволяющий получать уважение окружающих и самореализовываться. Они его и находят в деятельности взятых для рассмотрения движений.

Именно поэтому мы видим ужасающие результаты. Количество приверженцев отмеченных движений растет в геометрической прогрессии. По мнению экспертов, например, численность «АУЕ» движения более тридцати пяти тысяч, причем около половины из них – это подростки в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет⁵. Представители такого течения обнаруживаются во всех регионах России, а также за рубежом. Это и стало причиной незамедлительной реакции государства, в результате которой Верховный Суд Российской Федерации признал «АУЕ» экстремистской организацией, со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями для ее участников⁶.

Об активизации деятельности представителей движения «Колумбайн» свидетельствует рост проводимых ими акций за последние пять лет. В качестве яркого примера подобных акций, приведем ситуацию, которая произошла в 2018 году в республике Крым, где в результате применения огнестрельного оружия и взрывчатых веществ на территории Керченского политехнического колледжа, было убито двадцать и ранено шестьдесят пять человек. Данный акт был совершён студентом четвертого курса этого учебного заведения, позже покончивший собой⁷.

В рамках уголовно-правовой оценки такого рода криминально-деликвентного поведения, в первую очередь, имеют значение мотивы преступления, что и образует базис в выборе уголовно-правовой нормы, соответствующей содеянному.

Например, действия «керченского стрелка», совершившего массовое убийство в колледже первоначально были оценены в рамках статьи 205 УК РФ «Террористический акт», однако, исходя из установленных побуждений, ставших причиной такой акции, они были переклассифицированы на ст. 105 УК РФ «Убийство». Обратил на них особое внимание и Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, подчеркнувший в своем выступлении, что систематическое унижение со стороны одноклассников, стали причиной этой стрельбы⁸.

В 2019 году также были подобные акции. Так, в Благовещенске студент колледжа, будучи в здании учебного заведения, открыл стрельбу, в результате чего был убит один и ранено пять учащихся. Виновный пронес в здание огнестрельное оружие в разобранном виде, затем собрав его в туалете, зашел в

¹ Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М., 2005. С. 3; Трунцевский Ю.В., Латов Ю.В., Осокин Р.Б., Сочнев Д.В. Системное противодействие радикальным экстремистским течениям в молодежной среде. Монография. Тамбов. 2010. С. 37.

² «АУЕ» – это аббревиатура, раскрываемая как «Арестантский уклад един» или «Арестантское уркаганское единство».

³ «Колумбайн» – деструктивное движение, пропагандирующее массовые вооруженные нападения в учебной среде.

⁴ См.: Мелешко Н.П. Факторы молодежной экстремистской преступности // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / под ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 272.

⁵ Запрещенное в России движение АУЕ насчитывает до 34 тыс. приверженцев в 40 регионах. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/9218777> (дата обращения: 09.11.2021).

⁶ Решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 года по делу № АКПИ20-514с // <https://www.vsr.ru/lk/practice/cases/10730656>

⁷ Взрыв в колледже. Стрельбу и взрыв во время занятий устроил в Керчи 18-летний учащийся. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2018/10/17/reg-ufo/tragediia-v-kerchi-vosstanovlennaya-hronika-sobytij.htm> (дата обращения: 09.11.2021).

⁸ Бастрыкин рассказал о мотивах стрельбы подростка в керченском колледже. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2019/04/24/reg-ufo/glava-skr-rasskazal-o-podopleke-strelby-v-kerchenskom-kolledzhe.html> (дата обращения: 09.11.2021).

класс и начал стрелять. Данный акт также закончился самоубийством преступника¹. Совершенное деяние квалифицировано по ст. 105 УК РФ «Убийство». Причина такого дерзкого акта опять же кроется в конфликте между сверстниками, и это официальная позиция правоохранительных органов, так как убит был один из одноклассников виновного². Оружие находилось в легальном пользовании у субъекта общественно-опасного деяния.

Также не стал исключением и 2021 год. В г. Казань, в гимназии № 175, бывший ее ученик, с применением законно находящегося у него оружия, убил девять человек³. Причина такого рода поведения – ненависть, о чем очень подробно сообщает виновный на допросе⁴. Представляя себя богом, а всех других «биомусором», он четко демонстрирует содержание этого мотива. Перед акцией массового убийства, им была размещена в сети Интернет записка, в которой были объяснены причины будущей акции и личное фото в маске с надписью «БОГ».

Вместе с тем, его характеристики со стороны окружающих полностью не совпадают с самооценкой. По мнению одноклассников, он был безобидным и малообщительным. Идя на это шаг, преступник не исключал акта суицида, либо его ликвидации правоохранительными органами.

Действия фигуранта уголовного дела также были квалифицированы по ст. 105 УК РФ «Убийство».

Последняя акция такого рода была осуществлена в 2021 году в г. Пермь. Опять же это был студент. Обучаясь на первом курсе, он, открыв стрельбу на территории Пермского государственного университета, убил шесть человек. Совершенное преступление буквально похоже на выше рассмотренные ситуации. У субъекта общественно-опасного деяния при себе имелось законно приобретенное оружие.

Убийца, перед нападением разместил в социальной сети пост, в котором объяснил свое будущее поведение ненавистью к людям и себе. Причина – это обида со стороны сверстников. Именно поэтому, первым объектом, выбранным для атаки, была его родная школа. Доказанным остается тот факт, что преступник неоднократно обещал устроить расправу над теми, кто его обижал. Однако, учитывая сложность проникновения в задние школы, для нападения им был выбран университет.

Детерминанты такого рода поступка дополняются еще и тем, что, имея желание служить в вооруженных силах Российской Федерации, был признан негодным к военной службе военно-врачебной комиссией.

По словам сокурсников, он особо не выделялся, но имел интерес к оружию и книгам о войне.

Совершенное деяние, также было квалифицировано по ст. 105 УК РФ «Убийство».

Проведенное исследование показало, что все субъекты, совершившие рассмотренные деяния имеют ряд очень схожих криминологических характеристик, отражающих индивидуально-отличительные черты типа личности преступника, представителя движения «Колумбайн». К ним можно отнести:

- возраст (лица, совершившие рассмотренные массовые убийства, были в возрасте 18-19 лет);
- преступник ранее обучался или обучается в учебном заведении, где происходило массовое убийство;
- разделение интересов «Колумбайн-движения»;
- суицид субъекта преступления или осознание возможной его ликвидации правоохранительными органами при задержании;
- ненависть как главный мотив преступного поведения и как следствие идеологизация движения «Колумбайн»;
- наличие психологических проблем, чаще всего возникающих в результате отсутствия позитивных коммуникационных взаимоотношений со сверстниками.

Подводя итог проведенному исследованию, полагаем, что на отмеченных характеристиках и должно строиться уголовно-правовое и криминологическое предупреждение такого рода криминально-девиантного поведения, что может быть выражено в реализации следующих направлений:

- признание движения «Колумбайн» террористической организацией и наравне с движением «АУЕ», применение к ним симметричных мер уголовно-правового реагирования;
- активная пропаганда среди молодежи недопустимости участия в деятельности запрещенных в России экстремистских и террористических организаций.

¹ В Благовещенске завели два новых дела после стрельбы в колледже. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2019/11/14/reg-dfo/v-blagoveshchenske-zaveli-vtoroe-delo-posle-strelby-v-kolledzhe.html> (дата обращения: 09.11.2021).

² Выясняются обстоятельства происшествия в учебном заведении Благовещенска. [Электронный ресурс] URL: <https://28.mvd.rf/news/item/18890525/> (дата обращения: 09.11.2021).

³ «Он лопнул в двери»: что известно о массовом убийстве в Казани. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210511/ubiystvo-1731791471.html> (дата обращения: 09.11.2021).

⁴ «Я стрелял по школьникам, целясь в головы»: допрос Ильназа Галявиева раскрыл все детали бойни в гимназии [Электронный ресурс] URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/509119> (дата обращения: 09.11.2021).

Тихонова Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Tikhonova Svetlana Sergeevna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Faculty of Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: sstikhonova@yandex.ru

**Проблематика уголовно-правового регулирования
в пояснительных записках к проектам вторичных (текущих)
уголовных законов: современное состояние и перспективы**

**The problems of criminal law regulation in explanatory notes
to the drafts of secondary (current) criminal laws: current state and prospects**

Аннотация. Настоящая статья посвящена оценке современных нормативных требований к содержанию пояснительных записок к проектам федеральных законов. Используя системный, логический метод, методы описания и обобщения, автор статьи выявляет определенную рассогласованность данных требований и отраслевого понимания значимости информации, которая должна выступать основой для принятия решения законодателем об изменении модели уголовно-правового регулирования общественных отношений, и приходит к выводу о необходимости разработки доктринальных требований к композиции пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов с целью их последующего выведения на уровень нормативных.

Ключевые слова: законодательная инициатива, законопроект, композиция, концепция уголовного закона, пояснительная записка, правоприменительная практика, статистические данные, уголовно-правовое регулирование

Abstract. This article is devoted to the assessment of modern regulatory requirements for the content of explanatory notes to draft federal laws. Using a systematic, logical method, methods of description and generalization, the author of the article reveals a certain inconsistency of these requirements and the sectoral understanding of the significance of information that should serve as the basis for the legislator's decision to change the model of criminal law regulation of public relations, and comes to the conclusion that it is necessary to develop doctrinal requirements for the composition of explanatory notes to the draft secondary (current) criminal laws in order to bring them to the level of normative.

Keywords: legislative initiative, draft law, composition, concept of criminal law, explanatory note, law enforcement practice, statistical data, criminal law regulation

---

Вторичная (текущая) законопроектная деятельность в уголовно-правовой сфере предполагает подготовку и направление субъектами права законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД РФ) документов, предусмотренных ч.1 ст.105 постановления ГД РФ от 22 января 1998 г. №2134-II «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в редакции от 15 декабря 2020 г.¹ (далее – Регламент ГД РФ): текст законопроекта (п. «б»); пояснительная записка к законопроекту (п. «а»); перечень законов Российской Федерации и законов РСФСР, федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных правовых актов РСФСР и Российской Федерации, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием данного федерального закона (п. «в»); финансово-экономическое обоснование в случае «внесения законопроекта, реализация которого требует материальных затрат» (п. «г»); официальные отзывы Правительства РФ и Верховного Суда РФ (п. «к»).

---

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 51. – Ст. 8372.

Согласно п. «а» ч.1 ст.105 *Регламента ГД РФ* содержание пояснительной записки к законопроекту – «предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта». При этом содержание самой концепции законопроекта в *Регламенте ГД РФ* не раскрывается.

Следует заметить, что Проект Федерального закона №96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации»,¹ принятый 11 ноября 1996 г. в первом чтении и отклоненный 27 апреля 2004 г. во втором чтении,² не упоминая о концепции проектов законов, но, тем не менее, в общих чертах разъяснял содержание пояснительной записки к законопроекту. Так, согласно ст.24 главы IV «Внесение проектов нормативных правовых актов Российской Федерации»: «Необходимым условием внесения законопроекта является представление пояснительной записки, содержащей в себе обоснование необходимости принятия законопроекта, развернутую характеристику его целей, основных положений, места в системе действующего законодательства, а также прогноза социально-экономических и иных последствий его принятия». По сути, в данном нормативном предписании говорилось именно о содержании концепции (от лат. *conceptio* – понимание, система) законопроекта, традиционно определяемой в теории права, как «развернутое обоснование необходимости подготовки и принятия конкретного закона».³ Соответственно, как отмечалось еще советскими учеными, «разработать концепцию проекта нормативного акта, значит раскрыть общий замысел, основные идеи, дать обобщающую характеристику смысла будущего акта».⁴

Поскольку представители российской научной общественности нередко высказываются в поддержку принятия Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» в новом, измененном и существенно дополненном виде, чтобы «систематизировать весь имеющийся нормативный материал по технике правотворчества»⁵ и ввести «ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение требований правовых норм, установленных в данном законе»,⁶ продолжается дальнейшее обсуждение перспективных положений данного закона. Так, в 2021 г. группой ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Н.А. Власенко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева и др.) подготовлен его очередной инициативный проект,⁷ в котором вопрос содержания концепции законопроекта выведен на новый уровень правовой регламентации (ст.29 «Концепции в правотворчестве» главы 4 «Порядок подготовки проекта нормативного правового акта»).

Наличеству в отечественной правовой науке и предложению по принятию специального Федерального закона «О составе и содержании сопроводительных документов к проектам федеральных конституционных и федеральных законов Российской Федерации и голосовании по ним в Федеральном Собрании Российской Федерации».⁸

Однако в настоящее время реально в Российской Федерации действуют только *подзаконные* нормативные источники, устанавливающие требования к содержанию концепции законопроектов.

Во-первых, *Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов*, утвержденные Письмом Минюста РФ от 23 февраля 2000 г. №1187-ЭР (далее – *Рекомендации 2000 г.*).

Во-вторых, Постановление Правительства РФ от 02 августа 2001 г. N 576 "Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов"⁹ (далее – *Основные требования 2001 г.*) в редакции от 13 марта 2015 г., имеющее юридическую силу только в отношении такого субъекта права законодательной инициативы, как Правительство РФ, и способное оказывать на остальных субъектов права законодательной инициативы исключительно информационно-ориентирующее воздействие.

К сожалению, как нормативные предписания вышеперечисленных источников, так и теоретические разработки, касающиеся содержания концепции законопроектов, не затрагивают проблематику композиции пояснительных записок к законопроектам и санкционного обеспечения композиционного порядка в данных документах. Учитывая отраслевую специфику механизма правового регулирования общественных отношений, в рамках которого проектируется новая модель правового регулирования, подлежащая

¹ <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=72#56UxymSQLRljXsB31>

² <http://api.duma.gov.ru/api/transcript/96700088-2>

³ См.: Юридическая техника: Курс лекций /Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М.: ДГСК МВД России, 2012. – С. 185.

⁴ Казьмин И.Ф. Подготовка научной концепции законопроекта: методологические вопросы // Сов.государство и право. – 1985. – №3. – С. 28.

⁵ Червяковский А.В. Закон о нормативных правовых актах как юридическая инновация: опыт России и государств ближнего зарубежья// Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 471-472.

⁶ Там же. С. 473.

⁷ О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИЗиСП, 2021. – 96 с.

⁸ См.: Белов В. Н. К вопросу о законодательном регулировании порядка разработки и прохождения в Федеральном Собрании Российской Федерации федеральных законопроектов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст. / Отв.ред. В.М. Баранов. – Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т.1. С. 480-482

⁹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №32. – Ст. 3335.

презентации в пояснительных записках к законопроектам, целесообразно вести речь об **отраслевой композиции пояснительных записок**. Отсутствие нормативного и доктринального определения отраслевой композиции в настоящее время приводит к произволу в их составлении, композиционному хаосу, бессистемности и пробельности их содержания, фактическому отсутствию описания в пояснительных записках собственно **концепций**, а, следовательно, к отсутствию обоснования **необходимости** принятия конкретного закона.

Как результат в уголовно-правовой сфере – принятие многочисленных вторичных (текущих) уголовных законов (1997 и 2000 – единственные годы, когда в Российской Федерации не принимались новые уголовные законы!), не являющихся необходимыми для функционирования системы уголовно-правового регулирования, в т.ч. приводящих к ее дискретности. Вот лишь некоторые оценки российских ученых:

«принятие законов о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс обычно приводит к несогласованию той системы норм, что была выражена в Уголовном кодексе на момент его принятия, и не имеет результатом определение уголовно-правовых норм как завершенных систем»;¹

«более тысячи хаотически внесенных в УК РФ 1996 г. изменений и дополнений до неузнаваемости изменили его первоначальный вид»;²

УК РФ «превратился в некое лоскутное одеяло, наполнился внутренними противоречиями, стал включать в себя совершенно ненужные для него нормы»;³

«внутренняя несогласованность и бессистемность уголовного законодательства, ставшие к настоящему времени едва ли не основными его характеристиками, достигли критического уровня, приобретя масштабы, угрожающие уже не столько эффективности, сколько самой возможности правоприменения».⁴

Существующую ситуацию с качеством пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов, а значит – с качеством разработки концепций и с качеством предлагаемых к внедрению в российское уголовное законодательство моделей уголовно-правового регулирования следует пытаться исправлять.

Представленная ниже предлагаемая композиция пояснительной записки к проекту текущего (вторичного) уголовного закона, в которой использованы базовые положения *Рекомендаций 2000 г. и Основных требований 2001 г.*, уточненные и дополненные применительно к уголовно-правовой сфере, при ее использовании в законопроектной деятельности призвана ликвидировать бессистемность и пробельность материала, юридически значимого для принятия решения об изменении модели уголовно-правового регулирования общественных отношений, а, значит, понизить «рискоемкость» законотворческих идей⁵ и не просто «сразу отбросить заведомо неприемлемые законопроекты»,⁶ а исключить возможность внесения в ГД РФ «бессодержательных популистских законопроектов»,⁷ законопроектов, принимаемых под влиянием «законодательного зуда»,⁸ частных интересов либо в результате оказанного на разработчиков концепции законопроекта давления.

Предваряя вопросы композиции пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов, следует отметить высказанное в отечественной правовой науке предложение о необходимости внесения в *Регламент ГД РФ* изменений и дополнений, влекущих разделение таких документов, как концепция законопроекта и пояснительная записка. По мнению В.М. Баранова, концепция законопроекта должна стать самостоятельным промежуточным правотворческим продуктом,⁹ обсуждение которого должно происходить на стадии законодательного процесса, предшествующей стадии обсуждения первичного текста законопроекта и сопроводительных документов к нему. Более того, «готовить текст законопроекта можно лишь тогда, когда «сняты» все принципиальные сомнения относительно содержания концепции...».¹⁰ Роль пояснительной записки к законопроекту при таком подходе сводится к закреплению уже одобренной ранее законодателем концепции законопроекта. Реализация рассматриваемого

¹ Кленова Т.В. Соотношение кодифицированного и текущего правотворчества в уголовном праве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб.ст./ Отв.ред. В.М. Баранов. – Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т. 2. С. 227.

² Баранов В.М., Панченко П.Н. Научные основы техники уголовного законодательства (заметки на полях текста докторской диссертации К.К. Панько) // Юридическая техника. – 2007. – №1. – С. 285.

³ Бойко А.И., Голик Ю.В., Елисеев С.А., Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Коняхин В.П., Коробеев А.И., Лопашенко Н.А., Якушин В.А. Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. – 2010. – № 5205 (126).

⁴ Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: Автореф.дис...д-ра юр.наук: 12.00.08. Краснодар, 2013. С. 3.

⁵ См.: Баранов В.М. Идея законопроекта // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 33; Юридическая техника: Курс лекций /Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М.: ДГСК МВД России, 2012. – С. 181.

⁶ См.: Журнал российского права. – 2008. – № 2

⁷ Баранов В.М. Инновационные юридические проекты в фокусе неудач (innovation failures): доктрина, практика, техника // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С.94

⁸ Юридическая техника: Курс лекций /Под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. – М.: ДГСК МВД России, 2012. – С. 178.

⁹ См.: Баранов В.М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. №6 (119). С.20; Юридическая техника: Курс лекций /Под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. – М.: ДГСК МВД России, 2012. – С. 185.

¹⁰ См.: Журнал российского права. – 2008. – № 2.

предложения, с одной стороны, избавит субъекта права законодательной инициативы от разработки конкретного текста законопроекта до одобрения его концепции, но с другой – повлечет существенное изменение стадийности законодательного процесса, его усложнение и удлинение. Более простым выходом из создавшейся ситуации с качеством поступающих в ГД РФ концепций законопроектов видится нормативное и доктринальное упорядочение требований к их содержанию и композиции, снабженное санкционным обеспечением.

Итак, текст законопроекта «как целостная коммуникативная единица создается для конкретных целей в соответствии с интенцией (намерением) автора, его концепцией».¹ Презентация данной концепции в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона должна включать 2 композиционные группы сведений:

(1) информацию о наличии проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений, которая поясняет «первоначальные истоки идеи о необходимости разработки и принятия того или иного закона»;²

(2) информацию о предлагаемом способе устранения проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений, которая поясняет саму идею о «методах правовой регламентации, ближайших и отдаленных целях акта, ожидаемом результате».³

В рамках настоящей статьи мы остановимся на первой композиционной группе сведений, подлежащих включению в пояснительные записки к проектам вторичных (текущих) уголовных законов – на **информации о наличии проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений**.

Согласно подпункту 2.8.3 п.2.8 ст.2 «Этапы подготовки законопроектов» *Рекомендаций 2000 г.*, в концепции законопроекта указывается «анализ причин и условий недостаточно эффективного действия норм». Характеризующий тот же этап подготовки законопроекта п.1.5 ст.1 «Определение предмета и вида закона» *Рекомендаций 2000 г.* содержит информацию о том, что «приступая к работе над законопроектом, важно всесторонне оценить необходимость издания закона». В этих целях в подпункте 1.5.1 рекомендуется «уяснить, имеется ли в действительности проблема, требующая принятия законодательных решений на федеральном уровне», в подпункте 1.5.6 – «ознакомиться с практикой применения действующих нормативных правовых актов», а в подпункте 1.5.7 – «проанализировать предложения ученых, результаты опроса общественного мнения и соответствующие статистические данные».

Очевидно, что в перечисленных предписаниях *Рекомендаций 2000 г.* наблюдается смешение информации, относящейся к совершенно различным группам сведений. Так, «ознакомиться с практикой применения действующих нормативных правовых актов», «проанализировать результаты опроса общественного мнения и соответствующие статистические данные» можно и нужно при сборе информации о наличии проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений, в процессе «анализа причин и условий недостаточно эффективного действия норм». Соответственно и отражена она должна быть в первой композиционной группе сведений, содержащихся в пояснительной записке к законопроекту. «Проанализировать предложения ученых» можно и нужно при сборе совершенно иной информации – о предлагаемом способе устранения выявленной проблемы правового регулирования. Соответственно и отражена она может быть только в следующей композиционной группе.

Не лучше регламентировано содержание концепции законопроекта и в *Основных требованиях 2001 г.* Так, в п.3 *Основных требований 2001 г.* отмечается, что в концепции законопроекта должны быть представлены «общая характеристика и оценка состояния правового регулирования общественных отношений... пробелы и противоречия в действующем законодательстве, наличие устаревших норм права, фактически утративших силу, а также неэффективных положений, не имеющих должного механизма реализации». Как отмечается далее, «общая характеристика состояния правового регулирования должна также содержать анализ соответствующей российской... правоприменительной практики, а также результаты проведения статистических, социологических и политологических исследований». При таком изложении требований к содержанию концепций законопроектов не усматривается необходимая связь между материалами российской правоприменительной практики, перечисленными видами исследований и «общей характеристикой состояния правового регулирования», каковая видится именно в обосновании соответствующими материалами наличия проблемы правового регулирования какой-либо области общественных отношений.

Таким образом, взаимосвязь приводимых в концепциях законопроектов данных, относящихся к первой композиционной группе, нуждается в четком определении: *негативная оценка состояния уголовно-правового регулирования определенной области общественных отношений, свидетельствующая о наличии проблемы уголовно-правового регулирования, должна быть подкреплена статистическими данными правоприменительной практики, а также иными статистическими, научными и социологическими исследованиями.*

¹ Ситникова А.И. Текстобразующие признаки уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Матер. межд.научно-практ.конф, г. Москва, 28-29 января 2010 г. – М.: Изд-во МГЮА, 2010. – С. 110.

² Исаков В.Б. Законодательная техника: Научно-практ. пособие. М.: Городец, 2000. С. 60.

³ Баранов В.М. Идея законопроекта // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 29.

Очевидно, что «принятие правовых норм должно происходить с учетом тех коллизий и недостатков, которые выявлены в ходе правоприменительной практики».¹ Говоря о **статистических данных правоприменительной практики**, которые могут быть положены в основу доказывания в концепции вторичного (текущего) уголовного закона наличия проблемы уголовно-правового регулирования какой-либо области общественных отношений, следует отметить, что соответствующие данные должны быть не внутрорегиональными, а общероссийскими и указываться за относительно продолжительный актуальный период времени (желательно, не менее 3-х лет в обратном отсчете, чтобы отследить динамику).

Таким образом, если какая-либо область общественных отношений уже являлась предметом уголовно-правового регулирования, разработчик концепции вторичного (текущего) уголовного закона должен указать в пояснительной записке негативные статистические данные судебной следственной практики. Конечно, «уголовная и судебная статистики в значительной мере отражают не саму преступность, а практику реагирования потерпевших, а также правоохранительных органов на преступления».² Однако это обстоятельство не может являться предлогом для игнорирования соответствующих официальных данных.

Если же какая-либо область общественных отношений еще не являлась предметом уголовно-правового регулирования, разработчик концепции вторичного (текущего) уголовного закона должен указать в пояснительной записке причины возникновения целесообразности такого регулирования с опорой на иные статистические данные, например, судебной практики по делам об административных либо гражданско-правовых правонарушениях ит. д. При этом следует согласиться с Н.Ф. Кузнецовой в том, что «распространенность и рост антиобщественных проявлений не всегда могут служить основанием их криминализации. Иногда, напротив, они могут выступать в качестве основания для декриминализации таких проявлений или изначального оставления их за пределами уголовной ответственности».³ Данная позиция, основанная на том, что «уголовное право – этой крайние меры воздействия за крайне негативное общественное поведение»,⁴ а, следовательно, оно должно быть задействовано только в том случае, когда имеется не просто распространяющееся, но именно «крайне негативное общественное поведение», достаточно известна в отечественной уголовно-правовой науке.⁵

Реализация предложения доказывать при разработке концепции вторичного (текущего) уголовного закона существование проблемы уголовно-правового регулирования статистическими данными российской правоприменительной практики позволит в перспективе устранить тенденцию голословных утверждений о наличии подобных проблем в пояснительных записках к проектам вторичных (текущих) уголовных законов.

Так, например, в Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» №106999-6⁶, впоследствии воплотившемуся в Федеральный закон от 28 июля 2012 г. №141-ФЗ⁷, субъект права законодательной инициативы (группа депутатов ГД РФ) указывает только, что «существующие меры защиты чести и достоинства личности, закрепленные в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, регламентирующие законодательные положения о клевете и оскорблении, в полной мере недостаточны...».

В Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» №304898-3,⁸ впоследствии воплотившемуся в Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. №162-ФЗ,⁹ субъект права законодательной инициативы (Президент РФ) ссылается на материалы судебной практики следующим образом: «Как показывает анализ судебной практики, преступления небольшой и средней тяжести зачастую совершают лица, впервые привлекаемые к уголовной ответственности, а судами устанавливаются обстоятельства, смягчающие наказание. При таких обстоятельствах принцип сложения наказаний в ряде случаев противоречит другому принципу уголовного права – принципу справедливого наказания. В связи с этим предлагается...». Ни одного конкретного показателя в подтверждение данных тезисов не приводится. В той же Пояснительной записке в части, касающейся конфискации имущества, отмечена «весьма низкая эффективность такого вида нака-

¹ См.: Коржиков О.Н., Трофимов В.В. Формирование приоритетов правоохранительной политики в России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – №4. – С.69.

² Преступность в России и проблемы борьбы с ней/ Отв.ред. А.И. Долгова. – М., 2001. – С.34.

³ Кузнецова Н.Ф. Социальная обусловленность уголовного закона // Правовые исследования. – Тбилиси, 1977. С.39.

⁴ Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: Монография. – Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1998. – С.183.

⁵ См., например: Ковалев М.И. Роль законодательной техники в конструировании норм уголовного законодательства // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1986. – С.4-5; Курсаев А.В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона// Юридическая техника. 2021. №15. С.602-603; Семенов Д.А. Уголовно-правовая оценка подкупа: Дис... канд.юрид.наук. М., 1999. С.25.

⁶ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/106999-6>

⁷ См.: Собрание законодательства РФ. – 2012. – №31. – Ст.4330.

⁸ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/304898-3>

⁹ См.: Собрание законодательства РФ. – 2003. – №50. – Ст.4848.

зания...». Однако никаких статистических данных, подтверждающих соответствующий вывод, не представлено.

К сожалению, нельзя не отметить и того, что часть законопроектов основывается на данных субъектов законодательной инициативы об отдельных негативных событиях, не обладающих свойствами системы, на частных примерах судебно-следственной практики, не свидетельствующих о существовании проблемы уголовно-правового регулирования. В этой связи российскими учеными нередко отмечается превалирование в современной российской законодательной практике «режима скоростной динамики нормативного реагирования в ответ на возникновение законодательного повода, в том числе на конъюнктурные и даже случайные события».¹

Так, например, в Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении дополнения в статью 124 Уголовного кодекса Российской Федерации по вопросу установления уголовной ответственности за безосновательное неоказание первичной реанимационной медицинской помощи больному, находящемуся в бессознательном состоянии» №292046-3,² дошедшему до рассмотрения ГД РФ в первом чтении (субъект права законодательной инициативы – группа депутатов ГД РФ) содержится следующая информация: «Больная А.П. Румянцева была работающей пенсионеркой до последнего дня жизни и ни одного дня не лежала в постели, вела активный образ жизни, в день смерти занималась домашними делами – стирала, готовила обед, а когда села за стол для приема пищи, то сразу потеряла сознание. Муж отнес ее на кровать и сразу вызвал скорую помощь. Когда приехал врач, А.Н. Ежов, больная лежала без сознания и дышала с открытым ртом. Врач не подошел к больной, а только посмотрел на нее издалека с порога комнаты, сказал, что идет агония, и сразу ушел, не оказав А.П. Румянцевой никакой медицинской помощи, и, следовательно, обрек ее на умирание...».

Говоря о **научных исследованиях**, которые могут быть положены в основу доказывания в концепции вторичного (текущего) уголовного закона наличия проблемы уголовно-правового регулирования какой-либо области общественных отношений, следует отметить, например, исследования латентной преступности. Взятые в комплексе со статистическими данными российской правоприменительной практики, соответствующие научные исследования способны наглядно продемонстрировать наличие данной проблемы. В п. 2.1 ст. 2 «Этапы подготовки законопроектов» *Рекомендаций 2000 г.* в перечне информации, на которой должна основываться разработка проектов федеральных законов, указаны и «материалы средств массовой информации». Однако представляется, что сами по себе данные СМИ категорически не должны быть положены в основу доказывания в концепции вторичного (текущего) уголовного закона наличия проблемы уголовно-правового регулирования какой-либо области общественных отношений, поскольку могут быть тенденциозными и не соответствующими действительности. В этой связи только научно обработанные данные СМИ (контент-анализ ит.. д.) подлежат учету при разработке концепции вторичных (текущих) уголовных законов, что не требует их отдельного выделения, поскольку они являются составной частью научных исследований, используемых разработчиками концепций законопроектов.

Говоря же о **социологических исследованиях**, которые должны быть положены в основу доказывания в концепции вторичного (текущего) уголовного закона наличия проблемы уголовно-правового регулирования какой-либо области общественных отношений, следует отметить, что выявленное недовольство населения существующей моделью уголовно-правового регулирования само по себе также не может являться доказательством наличия проблемы уголовно-правового регулирования, поскольку недовольство населения может быть обусловлено иными факторами (например, недостаточная информированность о работе правоохранительной системы). Но, взятые в комплексе со статистическими данными российской правоприменительной практики, соответствующие социологические исследования способны наглядно продемонстрировать *причины* существования данной проблемы.

Таким образом, первая композиционная группа сведений, отражаемых в пояснительной записке к проекту вторичного (текущего) уголовного закона, – информация о наличии проблемы уголовно-правового регулирования может представлять собой «синтез не только научных, профессионально-практических, но и обыденных вненаучных знаний о предполагаемом предмете законодательной регламентации».³

Согласно п.2.8 ст.2 «Этапы подготовки законопроектов» *Рекомендаций 2000 г.*, концепция законопроекта готовится только «в начале работы над значительным по объему и степени важности законопроектом». Данное нормативное предписание не может учитываться, поскольку входит в противоречие со ст.105 *Регламента ГД РФ*, устанавливающей обязательность пояснительной записки, содержащей «изложение концепции предлагаемого законопроекта», к каждому законопроекту, направляемого в ГД РФ. Вместе с тем сугубо юридико-техническая «чистка» правовых предписаний законодательства (исправление нумерации, согласование нормативных предложений ит.. п.) не требует концептуального обоснования, в отличие от *сущностных* изменений законодательства (даже заключающихся в измене-

¹ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. М. 2020. С. 30 – 31.

² <https://sozd.duma.gov.ru/bill/292046-3>

³ Юридическая техника: Курс лекций /Под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. – М.: ДГСК МВД России, 2012. – С.185.

нии одной единственной цифры или термина). Последние даже могут считаться *инновационными*, если заключаются в «привнесении в нормативный массив нововведений, позволяющих оптимизировать и стимулировать развитие правовой системы».¹

К сожалению, в целом, анализ пояснительных записок к проектам вторичных (текущих) уголовных законов позволяет утверждать, что «авторы законопроектов упускают из сферы своего внимания такую важную составную часть современного законотворческого процесса, как обоснование законодательных изменений, отраженное в пояснительной записке к проекту федерального закона».² Не приводя доказательства как наличия проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений, так и рациональности, и наибольшей эффективности предлагаемого способа устранения данной проблемы, субъекты права законодательной инициативы фактически игнорируют *нравственное требование выполнения профессионального долга*. Действительно, в настоящее время качественная работа по созданию и оформлению концепций законопроектов в уголовно-правовой сфере – это, скорее, *естественная нравственная обязанность* субъекта права законодательной инициативы. Отсюда, например, и предложения теоретиков стимулировать субъектов права законодательной инициативы мерами государственного поощрения за подготовку обоснованной концепции законопроекта, реализация которой принесла экономический эффект, включая установление определенного процента вознаграждения разработчикам от общей суммы полученного дохода.³ Однако представляется, что для превращения качественной работы в *юридическую обязанность* необходимо инициировать нормативное закрепление законодателем требований к содержанию и композиции отраслевых пояснительных записок, включая моделирование санкций за их несоблюдение.

Только наведя порядок в науке и упорядочив нормативную регламентацию требований к содержанию концепции вторичных (текущих) уголовных законов, мы сможем навести порядок в уголовном законодательстве, исключив его необоснованную новеллизацию.

---

¹ Кулик О.В. Принцип инновационности правотворчества // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С.345

² Курсаев А.В. Указ.соч. С.605

³ См.: Баранов В.М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб.ст. / Отв.ред. В.М. Баранов. – Н. Новгород: Изд-во НА МВД России, 2001. Т.1. С.126

Федулов Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Fedulov Andrey Vladimirovich

candidate of Law, Associate Professor, associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law Volga branch of the Russian State University of Justice

E-mail: angafe@rambler.ru

Искусственный интеллект и права человека в уголовном правосудии

Artificial intelligence and human rights in criminal justice

Аннотация. Статья посвящена проблемам научно-технического развития в сфере цифровых технологий в их соотношении с уголовным правосудием и правами человека. Совершенствование алгоритмов машинного обучения и их применение в уголовно-процессуальной деятельности ставят под сомнение существование базовых принципов уголовного правосудия, в частности право человека на защиту не запрещенными законом способами; право на личную жизнь, право на доступ к правосудию со стороны человека.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, искусственный интеллект, правосудие, права человека, внутреннее убеждение судьи, совесть, истина

Abstract. The article is devoted to the problems of scientific and technological development in the field of digital technologies in their relation to criminal justice and human rights. Improving machine learning algorithms and their application in criminal procedural activities to question the existence of basic principles of criminal justice, in particular the human right to protection in ways not prohibited by law; the right to privacy, the right to access to justice by a person

Keywords: criminal proceedings, artificial intelligence, justice, human rights, judge's inner conviction, conscience, truth

---

Выражения «Мир стремительно меняется» и «Человечество вступает в цифровую эпоху» стали своеобразной мантрой о будущем, которую представители государственной власти, политики, общественники, ученые транслируют в медиaprостранстве. О том, что «Нужно повсеместно наращивать темпы цифровой трансформации, и от экспериментов, пилотных инициатив в максимально короткие сроки перейти к запуску сквозных проектов внедрения искусственного интеллекта, прежде всего в сферах, которые определяют качество жизни» постоянно говорит Президент РФ¹, и, если, остановить этот процесс уже невозможно, то значит, его надо возглавить и нужно развивать².

Для оптимизации стратегий цифрового развития в России утверждена Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в состав которой входят такие проекты как «Информационная структура», «Цифровые технологии», «Информационная безопасность», «Искусственный интеллект».

С позиции глобального, цивилизационного подхода, наверное, можно объяснить и понять объективность этих перемен, их прогрессивное значение в целом для общества, наконец руководящую роль государства в этих процессах.

Вместе с тем, при осмыслении места человека в будущем цифровом мире возникает много вопросов, на которые пока сложно дать научно обоснованные ответы. Однако, это не означает, что не надо задавать вопросы о том, каким будет государство, общество и личность в цифровую эпоху. Наоборот, именно сейчас следует формировать прогнозы в отношении возможных вариантов развития событий, в том числе и в уголовном правосудии, учитывая существующие научно-технические и юридические реалии.

---

¹ URL: <https://rg.ru/2021/11/12/putin-prizval-uskorit-cifrovuiu-transformaciiu.html> (дата обращения 24.11.2021).

² URL: <https://tass.ru/interviews/12891731> (дата обращения 14.11.2021)

Одним из ключевых условий существования цифрового мира, по мнению ученых, является наличие искусственного интеллекта (ИИ). При этом ИИ, как искусственный аналог человеческого интеллекта (варианты: разума, сознания и т. д.), не только не создан, но отсутствует единый векторный подход к формулировке его дефиниции, хотя термин уже употребляется не только в научном сообществе, но и в нормативно-правовых актах государственной власти¹.

Один из ключевых вопросов, связанных с будущими реалиями цифрового мира – будет ли человек иметь право на свою приватность и жить, не заходя в цифровое пространство или «технократическая власть» не оставит человеку такого выбора, делая его своего рода изгоем?

По всей видимости на начальном этапе, и это мы наблюдаем сегодня, будут сохраняться альтернативные (не цифровые) виды услуг, и этот период продлится до тех пор, пока для нового поколения они не перейдут в разряд невостребованных. Дальнейшее игнорирование человеком цифровых сервисов переведет его в разряд маргиналов со всеми социально-политическими «дискриминационными последствиями».

Безусловно, для современного понимания цифровые технологии – это всего лишь один из инструментов облегчающий нам жизнь и позволяющий развивать культуру, в самом широком смысле слова. Инновационные технологии в правосудии, в том числе и в уголовном, уже применяются в системах учета, хранения, систематизации и анализе данных, в судебно-экспертных исследованиях и многих других сферах.

Однако, если предположить дальнейшее развитие алгоритмов машинного обучения в уголовном судопроизводстве продолжится, то вероятнее всего усилия ученых будут сосредоточены на решении двух основных вопросов: доказывание вины, предполагаемого преступника и формулировке вывода о его виновности или не виновности. В рамках статьи, мы сделаем только абрис этих проблем.

Во-первых, применение цифровых технологий в коммуникационном поле уголовного судопроизводства. Несмотря на то, что в медицинской или психологической науке нет доказательств взаимосвязи изменений измеряемых полиграфом параметров (артериальное давление, пульс, потоотделение и частота дыхания) с искажением сведений, идущих от человека это устройство востребовано и используется, с известными ограничениями, в том числе при расследовании преступлений. Более того, в мире продолжают активные исследования в этой области получения и анализа информации.

Так, например, на сайте www.fastcompany.com² приводятся слова Аарона Элкинса, доцента кафедры информационного управления о системе AVATAR (Automated Virtual Agent for Truth Assessment in Real-Time), которая разрабатывается по заказу Министерства внутренней безопасности США, властей Канады и Европейского союза для пограничных пропускных пунктов исследователями из Государственного университета Сан-Диего и Университета Аризоны. Эта информационная система распознавания искажения информации имеет точность от 60% до 75%, с пиками до 80%.

Здесь же информация о компании Converus из Леги, штат Юта представители которой заявляют, что разработанная учеными система EyeDetect на основе компьютерных наблюдений за движением глаз определяет искажение информации с точностью до 86% в течении 30 минут. Более того, представители компании заявили, что один из тестов принят в качестве допустимого доказательства в суде Нью-Мексико³.

Еще одна иллюстрация. Исследование, проведенное учеными Тель-Авивского университета, основанное на многолетних работах профессора Яэля Ханейна (Yael Haneyin) и предположении, что мышцы лица сокращаются, когда человек пытается исказить информацию, если внешне этого не заметно. В будущем, по мнению ученых университета, вместо электродов видеокамеры с высоким разрешением и сложные алгоритмы машинного обучения позволят создать систему, распознающую искажение информации по изображениям высокого разрешения мимики лица.

О том, что запрос на распознавание недостоверных сведений, полученных в ходе допроса, в отсутствие других доказательств, существует уже сегодня свидетельствует следственная практика. Причем запрос не просто на информацию об обмане, а юридически значимую, доказательственную информацию.

В современной отечественной криминалистике при изучении материалов уголовного дела для оценки полноты и достоверности показаний участников уголовного процесса, полученных в ходе допроса, используются методы лингвистической экспертизы. Например, при проведении комплексной психо-

¹ Для того, чтобы соотнести современные реалии и прогностические выводы, под ИИ, здесь и сегодня, мы будем понимать исключительно алгоритмы машинного обучения. Алгоритмы машинного обучения – это фрагменты кода, которые помогают пользователям исследовать и анализировать сложные наборы данных и находить в них смысл. Каждый алгоритм – это конечный набор однозначных пошаговых инструкций, которые компьютер может выполнять для достижения определенной цели. В модели машинного обучения цель заключается в том, чтобы установить или обнаружить закономерности, с помощью которых пользователи могут создавать прогнозы либо классифицировать информацию//URL:[https://azure.microsoft.com/ru-ru/overview/machine-learning-algorithms/# overview](https://azure.microsoft.com/ru-ru/overview/machine-learning-algorithms/#overview) (дата обращения 22.11.2021).

² Веб-сайт FastCompany.com основан в 1995 году где публикуется информация о лидерстве и инновациях в бизнесе, анализируются экологические и социальные проблемы.

³ www.fastcompany.com³ (дата обращения 11.10.2021)

лого-лингвистической экспертизы специалисты могут сделать вывод об умышленном редактировании и заучивании показаний о расследуемом событии. Методы проведения лингвистических экспертиз позволяют следователю в трудных случаях выделить из уголовного дела интересующий его фактологический материал¹.

Предположим, что научно-технический прогресс достиг возможности абсолютно точно определять недостоверную информацию, которую нам сообщает подозреваемый. Возникает вопрос: «Как нам относиться к таким возможностям?».

С одной стороны, есть конституционное право отказаться от дачи показаний в ходе допроса (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ) и право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), в том числе и посредством искажения информации. Подозреваемый (обвиняемый) не несет никакой ответственности за заведомо недостоверную информацию, это его право на защиту. Таким образом, определение недостоверности показаний не имеет никакого значения и правовых последствий.

С другой стороны, сложились юридические практики, в которых предоставленная подозреваемым (обвиняемым) недостоверная информация имеет для него негативные правовые последствия. В этой связи показательны доводы представителя Генеральной прокуратуры РФ Сергея Бочкарева представленные на заседании Комиссии Государственной Думы РФ по мандатным вопросам 22 ноября 2021 года, где депутаты рассматривали законность и обоснованность оснований для снятия неприкосновенности с депутата КПРФ Валерия Рашкина: «*Депутат Рашкин не сотрудничал со следствием, давал ложные и запутывающие органы правопорядка показания, вводил общественность в заблуждение...*».

Таким образом, тезис стороны обвинения о том, что подозреваемый «*вводил в заблуждение*» здесь является фактором, который обуславливает, если не отрицательные последствия для того, кто решил воспользоваться таким правом на защиту (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), то формирует негативный фон, учитывая который депутаты должны принять соответствующее решение.

Более того, «*сотрудничество с органами правопорядка*», это не обязанность, а право подозреваемого, который в соответствии с ч. 1 ст. 49 Конституции РФ не виновен, до опровержения этого предположения в суде. Отказ от сотрудничества не должен восприниматься как отрицательный элемент в характеристики личности. Это правила игры.

Если мы принимаем представлению подозреваемым недостоверных сведений как негативный фактор, то тогда надо конкретизировать их виды и содержание, а также определить характер юридических последствий. Дело в том, что в психологии искаженную информацию представляют: в виде лжи (осознанного продукта речевой деятельности субъекта с целью ввести собеседника в заблуждение), обмана (полуправды, провоцирующей понимающего ее человека на ошибочные выводы из достоверных фактов) и неправды (высказывания, основанной на искреннем заблуждении говорящего или на его неполном знании о том, о чем он говорит)². Разница очевидна.

Если не принимаем – то тогда надо исключить любые упоминания о недостоверной информации подозреваемого в описательно-мотивировочных частях всех уголовно-процессуальных документах, в том числе и приговоре (определении) суда. Недостоверная информация, которую сообщает обвиняемой (подозреваемым) в этом случае должна стать абсолютно нейтральной для его характеристики как личности.

Тем более, что искажение человеком информации – это вполне объективная и социально приемлемая категория, без которой невозможно было бы существование человека, общества, культуры. Мы можем наблюдать существование и неустрашимость во все века, у всех народов не только злонамеренного, злодейственного обмана, но и «лжи из человеколюбия», добродетельного обмана, всегда игравшей немаловажную роль в человеческих отношениях³.

Во-вторых, продолжают стремительно развиваться научные методы биологической идентификации. Техническим решением, которое может оказать существенное влияние на формирование модели уголовного правосудия в будущем является возможность электронной идентификации образца запаха с конкретным человеком.

Учеными установлено, что большинство предметов, веществ и живых существ обладают только им присущими физико-химическими свойствами, а научно-технический прогресс позволил создать средства и методы поиска и расшифровки этих запахов⁴. По сути – запах человека – это его химическая «подпись» по аналогии с папиллярными узорами или ДНК.

¹ URL: <https://blog.studyli.ru/jekspertiza-dostovernosti-pokaznij/> (дата обращения 11.10.2021).

² Чахоян А.С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная диагностика. 2015. Т. 8. № 2. С. 76.

³ Дубровский Д.И. Проблема добродетельного обмана // Философские науки. – 1989. – № 6. – С. 73–84.

⁴ См., например: Жалкие В.Т., Енин В.Г. Аналитический обзор оборудования обнаружения взрывчатых веществ, использующего методы газового анализа // Общество и право. 2006. № 2 (12). С. 141-145; Пушкин И.А., Валуев Н.П. Современные приборы и методы идентификации физиологически активных веществ // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2010. № 4. С. 53-57 и др.

По сути фраза «Все что сказано вами будет использовано как доказательство», может переформулирована: «Все «следы», которые оставлены вами в объективной и виртуальной реальности, могут быть использованы в качестве доказательств против вас или других лиц».

Опубликованные данные об успехах российских ученых-криминалистов в развитии методик проведения ольфакторных судебных экспертиз, в том числе уже внедренных в судебно-следственную практику, впечатляют. Ученые уже научились выделять индивидуальный запах человека из разнообразной запаховой информации и использовать результаты в раскрытии и расследовании преступлений. В первую очередь это относится к раскрытию особо тяжких преступлений против личности (убийства, изнасилования, причинения тяжкого вреда здоровью и т. п.), совершенных в условиях неочевидности, где исследование ДНК не дало результатов¹.

Однако исследования возможностей создания электронных моделей запахов, по разным причинам, пока еще очень далеки от завершения² и на современном этапе развития науки пока исключается возможность создания электронных баз запаховых данных.

Вместе с тем научные изыскания в этом направлении активно ведутся и, более того, IT-компании уже предлагают конкретные продукты. Так, например, французское предприятие Aryballe предлагает созданную на основе кремниевой фотоники надежную и стабильную, по мнению разработчиков, систему для сбора электронной информации о запахах³.

Предположим, что ученые смогут выявить закономерности соотношения запаха с конкретным человеком, а искусственный интеллект, на основании анализа электронных баз данных или представленной информации установил предполагаемого преступника⁴.

Возникает вопрос: «Как мы будем проверять сведения, которые нам предоставил искусственный интеллект?». Примем ли мы полученные результаты в качестве доказательств по уголовному делу без проверки, как научно-обоснованные и уже подтвержденные, или же к ним будут прилагаться расшифрованные машинные алгоритмы, возможно доступные для понимания не специалиста, поясняющие сторонам и судье, на основании каких выявленных закономерностях или классификациях искусственный интеллект пришел к такому выводу. Могут ли эти машинные алгоритмы быть оспорены, перепроверены и т. д. или это будет искусственно-интеллектуальная истина в последней инстанции?

Наконец, как будут трансформироваться, казалось бы, незыблемые мировоззренческие идеи о состязательности и равноправии сторон в уголовном правосудии?

Полагаем, что на правовом поле, где в будущем будет происходить социально-правовой спор не будет сторон, в современном понимании этого процессуального термина. Дело в том, что «Создание колоссальных баз данных в публичной сфере с одной стороны повлечет за собой возникновение одного ответственного оператора в лице государства, с одной стороны, а с другой, по мнению В.Зорькина, право будущего все большую роль в защите индивидуальных прав и свобод человека начнет отдавать государству, которое становится своего рода основным правозащитным механизмом»⁵.

По всей видимости, эти слова относятся и к правовой защите интересов обвиняемого, в отношении которого будет проводиться расследование с участием искусственного интеллекта.

В-третьих, сегодня мы можем представить, как гипотетически будет выглядеть вспомогательная роль алгоритмов машинного обучения в расследовании преступлений. Самое главное мы понимаем, что хотим от этих интеллектуальных систем.

Однако, внедрение искусственного интеллекта непосредственно в судебное разбирательство обрушит базовый идеологический фундамент наших представлений о правосудии, совершенного человеком-судьей и чьи выводы о виновности или не виновности другого человека основаны на внутреннем убеждении, законе и совести.

Мы живем, по словам Т.В. Черниговской, в «человекометрическом» мире мы измеряем наши действия и решения в секундах, минутах и т. д. В отличие от компьютера наше сознание не может обработать информацию, а тело отреагировать на полученную от мозга команду на действие за миллисекунды – это параметры не нашего мира.

Будут ли итоговые выводы о принятии итогового решения в уголовном процессе основаны на достижении истины, в современном ее понимании, или же использование колоссальных возможностей искусственного интеллекта создаст новую – искусственно-интеллектуальную истину?

Следует отметить, что уже сделаны первые шаги в этом направлении. В 2019 году юридической общественности была представлена программа «Электронные весы правосудия», которая анализирует

¹ Панфилов Б.П., Панфилова З.Ю., Фиронова Ю.С. Способ химической экстракции фракции полярных липидов биологических сред и выделений человека при пробоподготовке и особенности производства ольфакторной судебной экспертизы с его использованием (методические аспекты) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020 № 2 (14). С. 145-159.

² URL: <https://hms.harvard.edu/news/sniffing-out-smell> (дата обращения 22.11.2021).

³ URL: <https://aryballe.com/our-products/devaice-solutions/> (дата обращения 22.11.2021).

⁴ Конечно, возможны различные варианты ситуаций, связанных с причинами присутствия запаха конкретного лица на исследуемом предмете.

⁵ Валерий Зорькин Право будущего в эпоху цифр // Российская газета № 83 (8137) 15.04.2020.

объективный и субъективные элементы состава преступления определяет нижние и верхние границы наказания и предлагает судье выбрать из этого диапазона. Как утверждают разработчики, сравнительный критерий справедливости достигает 97%¹.

Создание этого прототипа уже ставит под сомнение существование идеи принятия судьей решения на основе внутреннего убеждения и совести. Особо акцентируем внимание на том, что применительно к уголовному правосудию эти категории находятся в тесной взаимосвязи. Мысли о жизни и судьбе подсудимого, потерпевшего и о тех, кто связан с ними своими жизнями и судьбами должны быть теми критериями, которые позволяют судье считать, что он принял взвешенное и единственно правильное правосудное решение.

Здесь же, выводы искусственного интеллекта заменяют совесть, как один из внутренних, человеческих критериев принятия справедливого судебного решения. Тем более, что для человека-судьи это очень удобно, комфортно – «Совесть не мучает».

И если научно-технический прогресс будет развиваться в этом направлении, то возникнет новое право человека – право выбора между обычным и «цифровым правосудием». Если баланс между ними не будет соблюдаться, то мы можем говорить о нарушении права человека на правосудие, полученное от человека.

В настоящее время почти все ученые сходятся во мнении, что использование современных достижений в сфере цифровизации юстиции должны носить исключительно вспомогательный и ориентирующий характер, а не быть основой для принятия итоговых решений. «Последнее слово» должно оставаться за человеком.

Полагаем, что в этом случае у человека не останется «последнего слова», человек с удовольствием сам передаст его искусственному интеллекту. Дело в том, что если алгоритмы машинного обучения очень долго будут выполнять роль помощника, то человек в итоге привыкнет полагаться на искусственный интеллект. Человек будет обучаться только функциям оператора уголовного правосудия.

В заключении. На сайте телеканала «Наука» размещены подборки скептических высказываний современников о величайших изобретениях: *«Кино – не более чем причуда. Это консервированная драма. То, что зрители действительно хотят видеть, – это плоть и кровь на сцене»* говорил Чарли Чаплин; *«У «телефона» слишком много недостатков, чтобы его можно было серьезно рассматривать как средство общения. Устройство, по существу, не представляет для нас никакой ценности»* – полагали в компании Western Union, 1876 год; *«Повальное увлечение радио умрет со временем» считал Томас Эдисон, 1922 год; «Телевидение не сможет удержаться на каком-либо рынке дольше первых шести месяцев. Люди вскоре устанут пялиться на фанерные ящики каждую ночь»* – так думал один из основателей 20th Century Fox Дэррил Ф. Занук в 1946 году²...

---

¹ Рагимов И.М.-оглы, Аликперов Х.Д.-оглы «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества)// Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 8-14.

² URL:<https://naukatv.ru/articles/504> (дата обращения 14.11.21)

Чупрова Антонина Юрьевна

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции

Chuprova Antonina Yur'evna

doctor of sciences (law), professor, professor of the criminal law and criminology chair All-Russian State University of Justice

E-mail: 3959400@mail.ru

Проблемы уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности в медицине

Criminal responsibility problems for the provision of services that do not meet safety requirements in medicine

---

Аннотация. В последние несколько лет прослеживается очевидный рост обращений пациентов в правоохранительные органы с жалобами на некачественное оказание медицинской помощи, рассмотрение которых нередко приводит к возбуждению уголовных дел в отношении медицинских работников за такие деяния как причинение по неосторожности смерти или тяжкого вреда здоровью, а также оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

В работе изложены правовые основы применения ст.238 УК РФ в отношении врачебного сообщества, отражены направления совершенствования нормативной правовой базы и отдельных позиций в правоприменительной практике при квалификации предоставления медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Ключевые слова: врач, пациент, медицинская помощь, медицинская услуга, безопасность медицинской деятельности

Abstract. In the last few years, there has been an obvious increase in patients' appeals to law enforcement agencies with complaints about poor-quality medical care. Considering these cases often leads to the initiation of criminal cases against medical workers for such acts as causing death or serious harm to health by negligence and the provision of services that do not meet safety requirements. In addition, the paper has outlined the legal basis for the application of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation to representatives of the medical community, reflects the directions for improving the regulatory legal framework and individual positions in law enforcement practice when qualifying the provision of medical services that do not meet safety requirements.

Keywords: physician, patient, medical care, medical service, safety of medical activity

---

В последнее время участились обращения граждан в правоохранительные органы, в первую очередь в Следственный комитет Российской Федерации, в связи с нарушениями законодательства о здравоохранении в профессиональной деятельности медицинских работников. Во многих случаях упреки со стороны граждан были адресованы врачам-акушерам-гинекологам. Проведенный автором анализ судебной практики за пять лет показал, что наиболее часто привлекались к уголовной ответственности врачи-хирурги – 39,3 %, врачи-акушеры-гинекологи – 17 %, врачи-анестезиологи-реаниматологи – 13,4 %, врачи-терапевты – 12 %.

Чаще всего уголовные дела в отношении медицинских работников возбуждались по признакам причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч.2 ст.109 УК РФ – 83,7 % изученных уголовных дел). На втором месте по частоте применения – ст.238 УК РФ, предусматривающая ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (7,8 % уголовных дел).

Анализ уголовных дел демонстрирует тенденцию к росту обвинений медицинских работника по статье 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Использование этой статьи в отношении медицинских работников, и, в первую очередь, врачей, нарушивших положения законодательства о здравоохранении и свои должностные обязанности, обусловлено тем, что закон, регулирующий отноше-

ния в сфере медицинской деятельности, определяет медицинскую помощь как комплекс медицинских услуг¹. Следует отметить, что Министерство здравоохранения РФ следует по пути российского законодателя, применяя в издаваемых им нормативных актах термин «медицинская услуга» значительно чаще, нежели понятие «медицинская помощь». Аналогичный подход к пониманию содержания медицинской деятельности отражен и в судебной практике после принятия Верховным Судом Российской Федерации постановления Пленума от 28.06.2012 г. № 17 «О практике рассмотрения судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», в п.9 которого указано, что законодательство о защите прав потребителей регулирует отношения по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках добровольного и обязательного медицинского страхования².

Применяя статью 238 УК РФ в отношении медиков, правоприменители особый акцент делают на следующих аспектах: качество медицинской помощи (медицинских услуг), наличие или отсутствие опасности для здоровья или жизни пациента. Вместе с тем, как показывает практика, при отсутствии летального исхода либо причинения пациенту тяжкого вреда здоровью рассматриваемая статья правоприменителями не используется.

Квалификация поведения врача по ст.238 УК РФ во многом была связана с установлением субъекта преступления и формы его вины. Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст.238 УК РФ» разъяснил, что уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, подлежат как руководитель медицинской организации, осуществляющей такую деятельность, независимо от ее организационно-правовой формы, или индивидуальный предприниматель, оказывающий медицинские услуги, так и иной сотрудник медицинской организации, а также лицо, фактически осуществляющее оказание таких услуг³. Таким образом, к уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, могут быть привлечены врачи, фельдшеры, медицинские сестры, работающие в медицинских организациях как на постоянной основе, так и временно, а также на основе гражданско-правовых соглашений об оказании определенного вида медицинских услуг. К субъектам рассматриваемого преступления можно отнести и медицинских работников, оказывающих частные услуги гражданам.

Особое внимание уделяется правоприменителями анализу объективной стороны оказания медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Любое изделие, применяемое медицинскими работниками при оказании медицинской помощи, должно быть зарегистрировано, поскольку лишь процедура государственной регистрации позволяет выпустить на рынок безопасное и качественное изделие⁴. Подобный подход затрагивает не только изделия, применяемые врачом в процессе, например, хирургической операции, но и используемые в медицине компьютерные программы, различные варианты искусственного интеллекта, даже элементарные медицинские пипетки или пробирки. Вместе с тем, это требование далеко не всегда применяется при организации медицинской деятельности, в первую очередь, в небольших частных клиниках, однако, его игнорирование вполне может иметь крайне негативные последствия для пациента и медицинского работника.

Игнорирование этих обязательных для исполнения в каждом лечебно-профилактическом учреждении от положений привело к гибели пациента в одной из медицинских организаций. При проведении плановой дистанционной лучевой терапии на гамма-терапевтическом аппарате произошло сдавливание тела пациентки между столом и коллиматором аппарата, в результате чего ей были причинены телесные повреждения, от которых она скончалась на месте. Данный аппарат не был зарегистрирован на территории России и, по мнению сотрудников Росздравнадзора, представлял прямую угрозу жизни и здоровью пациентов⁵.

В России, как и в других странах, в период пандемии все более широкое распространение получают медицинские изделия, основанные на использовании технологии искусственного интеллекта. Однако не всегда их использование безопасно для потребителя. На это обратили внимание в Евросоюзе. В апреле 2021 г. Еврокомиссия предложила ограничить внедрение технологий искусственного интеллекта (постановление «О европейском подходе к искусственному интеллекту»), если они несут высокий риск для человека. Евросоюз, в случае утверждения указанной инициативы в Европарламенте и Евросовете, запретит их применение при несоответствии новым стандартам безопасности. Следует отметить, что в категорию «высокого риска» в числе прочего попали технологии искусственного интеллекта в роботизиро-

¹ Ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О практике рассмотрения судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».

³ Постановление Пленума от 25.06.2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст.238 УК РФ».

⁴ Часть 4 статьи 38 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

⁵ <https://tass.ru/proisshestviya/6461786> ; <https://fedlab.ru/zashchita-interesov>

ванной хирургии, а также в программное обеспечение в здравоохранении¹. С учетом современного состояния медицины в нашей стране, безусловно эти технологии востребованы, однако, отсутствие доверия к решениям, принимаемым искусственным интеллектом, а также недостатки правового регулирования проблем, касающихся использования новых технологий в клинической практике, создают, в том числе, и криминальные, риски.

К опасным услугам относят также использование для оказания медицинской помощи медицинских изделий, не прошедших регистрацию, что является строго обязательным, незарегистрированных лекарственных средств, а также применение лекарств вне утвержденной инструкции. В **Приказе Министерства здравоохранения России от 10.05.2017 г. № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи»**, подчеркивается, что лекарственные препараты применяются с учетом инструкции. Это же положение содержится и в каждом стандарте медицинской помощи. В определенных ситуациях, когда решается вопрос о жизни пациента, неэффективности доступных лекарственных препаратов, медицинское законодательство допускает варианты исключения из общих правил. Но подобного рода нарушения нередко допускаются и в обычной повседневной клинической практике, что оценивается правоприменителями как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Так, в октябре 2016 года Следственный комитет России возбудил уголовное дело по факту небезопасного лечения пациентов Московской глазной клиники им. Гельмгольца. Пациенты частично потеряли зрение, когда им в глазное яблоко ввели препарат «Авастин», инструкция применения которого не предусматривала его использование в офтальмологии. Комментируя ситуацию, М. А. Мурашко, возглавлявший в тот период Росздравнадзор, подчеркнул, что основные претензии касаются правил обращения с лекарственными препаратами здравоохранении².

Наиболее опасна подобная ситуация, когда в нее оказываются вовлеченными дети. При лечении после родственной трансплантации почки пятнадцатилетнему ребенку была проведена индукционная терапия не по протоколу (обычной практике,) а с применением препарата «Кэмпас», который назначается только при хроническом лимфолейкозе, отсутствующем у данного ребенка. Кроме того, на момент назначения препарата действие регистрационного удостоверения на «Кэмпас» закончилось, в России этот препарат не продавался, поэтому маме больного пришлось оплатить это лекарство, ввезенное из-за рубежа. Следует отметить, что информированное добровольное согласие пациента и его мамы на назначение этого лекарства получено не было. Врачебные комиссии и консилиумы по тактике лечения пациента, несмотря на осложненный послеоперационный период и назначение лекарственных препаратов не по протоколу (обычной практике), не проводились

Применение запрещенных приемов и методик при оказании медицинской помощи также рассматриваются правоприменителями, как основания для применения ст. 238 УК РФ.

В отношении главного врача московского роддома было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 238 УК РФ. В этой медицинской организации практиковалась запрещенная в Российской Федерации тактика ведения родов в виде давления на дно матки роженицы в период изгнания плода (прием Кристеллера). Результатом применения такой методики, которая была признана не отвечающей требованиям безопасности, явились тяжелые травмы и инвалидизация новорожденных и рожениц, а также гибель младенцев³.

Оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, относится к тяжким преступлениям. Санкция ч.2 ст. 238 УК РФ предусматривает, в том числе, и наказание в виде лишения свободы сроком до шести лет. Соответственно тяжести данного преступления установлены и сроки давности привлечения медицинского работника к уголовной ответственности.

Анализ правоприменительной практики показывает, что за совершение этого преступления медицинским работникам все чаще назначается наказание в виде лишения свободы, отбываемое реально, что крайне болезненно воспринимается в медицинской среде. Медицинские работники в своих выступлениях подчеркивают, что врач не может умышленно причинять вред здоровью, а тем более жизни пациентов, и, соответственно, врач «не должен сидеть в тюрьме». Эту позицию медиков отразил 28 октября 2021 года доктор Л. М. Рощаль в своем докладе на съезде Национальной медицинской палаты, самогo авторитетного сообщества медиков России

Вместе с тем, исходя из проведенного исследования судебно-следственной практики, можно сделать вывод, что число уголовных дел по статье 238 УК РФ в отношении медицинских работников демонстрирует тенденцию к росту. Квалификация неблагоприятных исходов в сфере медицины в значительной степени связана с постоянным использованием терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в качестве синонимичных понятий в нормативных документах разного уровня и в обычном деловом обороте. Вместе с тем, уголовные дела возбуждаются лишь в ситуациях, когда умышленное игнорирование требований к оказанию конкретных видов медицинской помощи (медицинских услуг) повлекло последствия в виде смерти пациента или, что встречается существенно реже, тяжкого вреда его здоровью.

¹ <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/artificial-intelligence-healthcare->

² И нтeрфакс, 03.10.2016//<https://www.interfax.ru/moscow/530943>

³ РИА Новости, 10.12.2019 г // <https://ria.ru/20191210/1562182560>

Юматов Сергей Васильевич

преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Yumatov Sergey Vasilyevich

Lecturer of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Assistant of the Department of Criminal Law and Process of the Faculty of Law of the N.I. Lobachevsky National University of Nizhny Novgorod

E-mail: sergey.yumatov@mail.ru

**Производство дактилоскопических экспертиз
при расследовании преступлений**

Production of fingerprint examinations in the investigation of crimes

---

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с использованием следов рук в процессе доказывания по уголовному делу. Проанализированы особенности назначения дактилоскопических экспертиз при исследовании различных объектов. Определены требования к образцам для сравнительного исследования. Сделан вывод о том, что в практической деятельности не используется вся информация, которая может быть получена на основании исследования следов рук. Обозначены направления по совершенствованию методики дактилоскопической экспертизы.

Ключевые слова: след руки, дактилоскопическая экспертиза, доказывание

Abstract. The article discusses problematic issues related to the use of handprints in the process of proving in a criminal case. The features of the appointment of fingerprint examinations in the study of various objects are analyzed. Requirements for samples for comparative research have been determined. It is concluded that practical activity does not use all the information that can be obtained from the study of handprints. The directions for improving the methods of fingerprint examination are indicated.

Keywords: handprint, fingerprint examination, proof

Дактилоскопическая экспертиза является одной из самых часто проводимых экспертиз в экспертных подразделениях системы МВД России. Следы рук, изъятые с мест происшествий, позволяют раскрывать преступления любой категории сложности. Несмотря на то, что преступный мир с достижениями дактилоскопии столкнулся давно и уголовные элементы знают, что при совершении преступлений следует использовать перчатки или принимать меры по сокрытию следов преступления, следы рук по-прежнему не редко служат источником информации о лице, причастном к совершению преступления. В первую очередь это касается преступлений, совершаемых без предварительной подготовки. В такую группу попадают, как правило, наиболее тяжкие составы преступлений (убийства, изнасилования).

В процессе доказывания дактилоскопическая экспертиза позволяет установить: факт нахождения лица в конкретном месте; факт нанесения повреждения конкретным предметом; факт использования предмета преступления; факт совершения преступлений одним лицом и др. Анализ уголовных дел показывает, что в основном при назначении дактилоскопических экспертиз ставится вопросы о пригодности следов рук для идентификации (диагностическая задача) и об оставлении следов рук конкретным лицом (идентификационная задача). При этом основная доля диагностических задач приходится на основные экспертизы, а идентификационных экспертиз на дополнительные экспертизы.

В последнее время все чаще дактилоскопия входит в состав комплексных экспертиз. Например, при изъятии наркотических веществ в упаковке, назначается комплексная физико-химическая и дактилоскопическая экспертиза. При изъятии огнестрельного оружия с мест происшествий проводится комплексная баллистическая и дактилоскопическая судебная экспертиза. Остается открытым вопрос о том, насколько оправданно в таких случаях назначается комплексная экспертиза, не идет ли речь в подобных ситуа-

циях о комплексе экспертиз. Комплексная экспертиза проводится, когда установление обстоятельств, имеющих значение для дела, возможно лишь путем проведения исследований с использованием разных специальных знаний. В рассматриваемых случаях целесообразно проводить комплекс экспертиз, так как эксперты разных специальностей не учувствуют в формировании общего вывода.

В качестве объектов на дактилоскопические экспертизы поступают вещественные доказательства и образцы. В качестве первых, в основном, выступают различные предметы (их части) с выявленными следами рук или с предполагаемым наличием следов, следы рук на дактилоскопических пленках и липких лентах (скотче). Следы рук на фотоснимках в качестве объектов дактилоскопических экспертиз выступают гораздо реже, но идет тенденция к увеличению использования фотографирования следов в качестве способа их изъятия. Еще реже поступают на экспертизу слепки со следов. В качестве образцов для сравнительного исследования в основном выступает дактилоскопическая карта проверяемого лица. Дактилоскопические карты изготавливаются на бланках установленного образца или на листах бумаги белого цвета с помощью типографской краски. Образцы для сравнительного исследования содержат отпечатки пальцев рук, контрольные оттиски и оттиски ладонных поверхностей рук. Как правило, таких дактилоскопических карт хватает для производства сравнительных экспертиз. Вместе с тем, в случае, если в следе отобразилась верхняя часть дистальной зоны, то могут возникнуть затруднения при сравнении с отпечатками и оттисками на дактилоскопической карте, так как указанная зона не всегда отображается при дактилоскопировании человека. Таким образом, нарушается требование о сопоставимости сравнительных образцов. Избежать подобных ошибок можно путем предварительного консультирования следователя (дознателя) с экспертом (специалистом) относительно того участка пальца руки, который необходим для сравнительного исследования.

В некоторых экспертизах в качестве образцов для сравнительного исследования используют дактилоскопические карты, распечатанные из базы АДИС. При этом на практике можно встретить мнение, что такие образцы недопустимы в качестве образцов для сравнительного исследования. Образцы для сравнительного исследования должны быть надлежащего качества, в нужном количестве и достоверного происхождения. Надлежащее качество определяется отображением признаков папиллярного узора в них. Необходимо отметить, что зачастую дактилоскопические карты из базы АДИС гораздо информативнее, чем дактилоскопические карты полученные с помощью краски. Программное обеспечение позволяет избежать смазанности папиллярного узора, его неполного отображения. Условия получения образцов для сравнительного исследования в дактилоскопической экспертизе не играет большого значения (за исключением экспертизы, в которой решается о вопросе о давности оставления следа), поэтому достаточно, за редким исключением, одной дактилоскопической карты проверяемого лица. Образцы для сравнительного исследования не являются вещественными доказательствами, они не обязательно должны быть получены в рамках ст. 202 УПК РФ. Таким образом, достоверность, в нашем случае, может быть нарушена при ошибке ввода оператора АДИС. Подобные ошибки пусть и редко, но все-таки встречаются. Если возникают сомнения в достоверности дактилоскопической карты из базы АДИС, то должна назначаться дактилоскопическая экспертиза с целью установления вопроса одному или разным лицам принадлежат отпечатки (оттиски) на дактилоскопических картах.

Анализ заключений эксперта, проведенных в экспертных подразделениях МВД России показывает, что в процессе исследования эксперты опираются на такие частные признаки как: начало и окончание папиллярной линии, слияние и разветвление папиллярных линий, мостик, островок, глазок, фрагмент папиллярной линии, крючок, изгиб папиллярной линии, обрыв папиллярной линии. Особенности рубцов, папиллярных линий, тонких и белых линий практически не используются как при проведении сравнительных исследований, так и при решении вопроса о пригодности следа для идентификации.

При определении окончаний и начал, слияний и разветвлений папиллярных линий в заключениях не указывается, какое условное направление выбрано для их обозначения (по часовой стрелке, по направлению потоков и др.). При этом, зачастую, в заключениях эксперта нет последовательности в определении этих признаков. Сами эксперты путаются и неправильно указывают наименования признаков.

При производстве дактилоскопических экспертиз необходимо отталкиваться от положений ГОСТ Р 57428 – 2017 Судебно-трасологическая экспертиза¹, в котором определены основные понятия дактилоскопии. Среди деталей папиллярного узора в нем выделены: концы, вилы, обрывок, крючок, глазок, мостик, точка. В своих заключениях единицы экспертов ссылаются на ГОСТ и используют приведенную в нем классификацию деталей папиллярного узора.

На практике при решении вопроса о пригодности следов рук для идентификации эксперты ограничиваются, как правило, выводами «след пригоден для идентификации личности», «след непригоден для

¹ ГОСТ Р 57428 – 2017. Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения: национальный стандарт Российской Федерации : издание официальное : утвержден и введен Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 марта 2017 г. № 197-ст : введен впервые : дата введения 2017–09–01 / Разработан Федеральным бюджетным учреждением Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Московским университетом МВД России имени В.Я. Кикотя и Институтом государственного права РАН. – Москва : Стандартинформ, 2017. – 20 с. – Текст : непосредственный.

идентификации личности». Такой подход нельзя признать правильным, так как даже непригодные для идентификации в традиционном смысле следы можно использовать для исключения топжества с отпечатками и оттисками проверяемых лиц¹. Кроме того, не всегда возможно правильно оценить наличие, отсутствие, искажение общих и частных признаков в следе руки без сравнительного материала. Следовательно, в таких ситуациях следует формулировать вывод о том, что решить вопрос о пригодности следа для идентификации можно при исследовании с отпечатками и оттисками конкретного человека.

Диагностические задачи по установлению времени (давности) и механизма образования следов, определения руки и пальцев, которыми оставлены следы, пола, возраста, профессии человека в деятельности правоохранительных органов широкого распространения не получили. Причин этому несколько. При исследовании необходимо учитывать множество факторов, использовать расчеты, что не любят делать эксперты. По результатам исследования выводы в большинстве случаев формулируются в вероятной форме, что резко ограничивает потенциал использования подобных экспертиз в построении системы доказательств.

Если говорить об использовании следов рук в процессе доказывания, то, как правило, в практической деятельности используют только те следы рук, которые оставлены подозреваемым. Такой подход существенно ограничивает возможности использования следов рук в доказывании. Зачастую вопрос об оставлении следов рук потерпевшим может играть ключевую роль в установлении всех обстоятельств произошедшего события.

Так, например, в декабре 2018 года в Ленинском районе города Нижнего Новгорода в подъезде многоквартирного жилого дома был обнаружен труп женщины с признаками насильственной смерти. Документов, сотового телефона в одежде и вещах погибшей не обнаружено, поэтому личность погибшей была установлена после изъятия оттиска пальца и проверке его по базе АДИС. Кроме того, в ходе осмотра места происшествия с поверхности перил, около которых лежал труп, были изъяты следы ладоней рук. При их проверке по базе АДИС установлено совпадение с оттисками ладоней Л. Причастность Л. к совершению преступления также подтверждалась рядом проведенных оперативно-розыскных мероприятий. Сам Л. утверждал, что с погибшей незнаком, убийство не совершал. В ходе осмотра квартиры Л. были обнаружены и изъяты следы рук. Часть из них была оставлена самим Л., а один неизвестным лицом. В последующем при сравнении следа с отпечатками рук погибшей эксперт пришел к выводу о том, что этот след оставлен погибшей. Таким образом, был установлен факт того, что потерпевшая была в квартире Л. После ознакомления с результатами дактилоскопической экспертизы подозреваемый начал давать признательные показания.

Теоретическое и методическое обеспечение дактилоскопических экспертиз находится на высоком уровне. Значительный вклад в развитие научных положений дактилоскопической экспертизы внесли Г.Л. Грановский, Л.Г. Эджубов, В.Е. Корноухов, С.С. Самищенко, Н.П. Майлис. Было защищено немало кандидатских диссертаций, посвященных различным аспектам дактилоскопии. Вместе с тем, остаются проблемные вопросы дактилоскопической экспертизы, которые до сих пор не нашли своего решения.

Одним из таких вопросов является установление давности следов рук. Свой вклад в рассмотрение давности следов рук внесли в своих кандидатских диссертациях А.Л. Морозова², А.А. Клименко³, а также С.С. Самищенко в ряде своих работ. А.Л. Морозова и А.А. Клименко делали акцент на исследовании химического состава потожирового вещества и морфологических особенностей следа. С.С. Самищенко отмечает, что «химические методы не относятся к компетенции дактилоскопии»⁴. Эксперт должен в каждом конкретном случае смоделировать механизм слеодообразования и следосохранения и установить схожесть морфологических признаков в экспериментальных и исследуемых следах. Однако методика проведения таких экспертиз отсутствует. Вопрос о давности оставления следов рук возникает в практической деятельности часто.

Так, например, в ноябре 2018 года в Ленинском районе города Нижнего Новгорода в магазине было совершено хищение бытовой техники. В ходе просмотра видеозаписи с камер видеонаблюдения в магазине было установлено, что кражу совершил мужчина, который перед тем как похитить товар брал в руки табличку с указанием характеристик товара и его стоимости. На этой табличке были обнаружены следы рук. При их проверке по базе АДИС установлено совпадение с Х. Качество видеозаписи не позволяло сделать вывод о том, кто запечатлен на ней. Х. в своих показаниях отрицал что совершил кражу, утверждал, что следы рук остались на табличке за полгода до времени совершения кражи, когда он был в

¹ Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1. / Под. ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – С. 96.

² Морозова А.Л. Криминалистическое исследование потожировых следов рук человека с целью установления их давности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 24 с.

³ Клименко А.А. Применение теории временных связей в деятельности специалиста-криминалиста на примере установления относительной давности образования потожировых следов рук : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 20 с.

⁴ Самищенко С.С. Определение давности оставления потожировых следов рук как одно из диагностических направлений в дактилоскопии / С.С. Самищенко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – №7(47). – С. 109.

этом магазине. Морфологические признаки следа свидетельствовали о том, что он не мог быть оставлен с такой давностью. Но использовать такой след в процессе доказывания не удалось.

В качестве одного из выходов в ситуации, когда необходимо установить время образования следа, используют допрос эксперта. Эксперт дает разъяснения о возможном времени образования следа с учетом его морфологии. При этом суд к таким показаниям относится скептически.

Таким образом, несмотря на долгий путь развития в дактилоскопической экспертизе остаются проблемные вопросы, которые не позволяют в полной мере использовать ее потенциал в расследовании преступлений. Ряд вопросов может быть решен посредством грамотного подхода следователя при назначении экспертизы, предварительное консультирование перед формулированием вопросов, эксперта при исследовании следов, формулировании выводов. Отдельные вопросы, в первую очередь, это касается установления давности образования следов рук, продолжают находиться в стадии разработки. Официальной методики нет, методическое обеспечение находится не на должном уровне. Установление фактических обстоятельств, связанных с временем совершения преступления с помощью следов рук на данный момент практически не используется при расследовании уголовных дел.

РАЗДЕЛ V. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Минникес Ирина Викторовна

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

Minnikes Irina Viktorovna

Doctor of Law, Professor, Chief Scientific of the Officer Institute of Legal Studies Baikal State University

E-mail: ivminnikes@mail.ru

Саламов Нати́г Мухтар оглы

Юрист Государственной службы имущественных вопросов при Министерстве экономики Азербайджанской Республики (г. Баку)

Salamov Natig Mukhtar ogly

Lawyer of the State Service of Property Issues under the Ministry of Economy Azerbaijan Republic (Baku)

E-mail: natiksalamov@mail.ru

Имплементация российского имперского права в правовую систему ханств северного Азербайджана в начале XIX в. (на примере норм процессуального права)

The implementation of Russian imperial law into the legal system of the khanates of Northern Azerbaijan in the early XIX century (using the example of procedural law norms)

Аннотация. В статье анализируются изменения правового регулирования процессуальных отношений в ханствах Северного Азербайджана в первой трети XIX в. в связи с присоединением данных территорий к Российской империи. Установлено, что до присоединения основными регуляторами судебной сферы отношений были обычаи-адаты и нормы религиозного мусульманского права. В связи с вхождением территорий Северного Азербайджана в состав империи традиционные и религиозные нормы постепенно сменяются на предписания нормативно-правовых актов. Однако полного замещения не произошло. Некоторые споры, связанные, например, с браком, по-прежнему оставались в ведении национальных норм.

Ключевые слова: мусульманское право, процессуальное право, история права, империя, национальное право

Abstract. The article analyzes the changes in the legal regulation of procedural relations in the khanates of Northern Azerbaijan in the first third of the XIX century in connection with the annexation of these territories to the Russian Empire. It is established that before joining, the main regulators of the judicial sphere of relations were customs-adats and norms of religious Muslim law. In connection with the entry of the territories of Northern Azerbaijan into the empire, traditional and religious norms are gradually replaced by prescriptions of normative legal acts. However, there was no complete replacement. Some disputes related, for example, to marriage, remained under the jurisdiction of national norms.

Keywords: Muslim law, procedural law, history of law, empire, national law

---

Взаимосвязь российской столицы с окраинами империи неоднократно становилась предметом исследований историков и правоведов, причем в различных контекстах.

Чаще всего ставился вопрос о том, какой статус имели присоединенные территории (применительно к изучаемому региону – ханства Северного Азербайджана (Кубинское (Дербентское), Бакинское, Талышское, Ширванское (Шемахинское), Шекинское, Эриванское, Карабахское и Гянджинское) – автономии, колонии, протектората и т. п.¹?

Но не менее интересен и иной аспект – каким образом в правовой практике присоединенных территорий уживались местные нормы и новоприобретенное российское имперское право?

Как известно, значительная часть территории ханств Северного Азербайджана была присоединена не путем военного завоевания.

Основа нового статуса окраин была заложена посредством принятия особых актов, получивших обобщенное название Просительные пункты (например, «Просительные пункты и клятвенное обещание при вступлении в подданство России» заключенные между Россией и Шекинским, Карабахским и Шемахинским (Ширванским) ханствами² 1805 г.) и Жалованные грамоты (например, Высочайшая грамота поданным Дербентского владельца Шейх-Али хана «О принятии их в Высочайшее благоволение и покровительство» 1799 г.³). Однако эти документы не требовали полной ассимиляции местного населения и ликвидации национального права. В этом можно убедиться при анализе состояния конкретных сфер правового регулирования в ханствах исследуемого периода.

Просительные пункты обещали от имени Его Императорского Величества почитать народы присоединяемых ханств как своих верноподданных, не различая с населением иных территорий Российской империи, однако по умолчанию была одобрена местная правовая система, основанная на исламе и обычаях.

Такая политика имперских властей не ограничивалась исключительно мусульманскими территориями. Так, подписав в 1809 г. манифест «Об учреждении прав Великого княжества Финляндии» Александр I заверил, что, «вступив в обладание Великого Княжества Финляндии признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества..., обещая хранить оные вне нарушимости ...»⁴. Аналогичным образом было решено поступать и в отношении населения Бессарабии (1812) и Царства Польского (1815)⁵.

Признание, пусть и частичное, норм местного права отвечало интересам как столицы, т. к. позволяло избежать беспорядков в мусульманских регионах (что продемонстрировали бунты в Имерети в 1819 г. при преобразовании «дел духовных»⁶), так и интересам самих жителей, стремившихся сохранить привычный уклад.

Реальная картина состояния правовой жизни ханств Северного Азербайджана в начале XIX в. представляет собой многоцветную палитру, в которой смешались несколько систем права.

Основой правовой жизни были нормы ислама. Еще одним регулятором считались наиболее древние источники права – обычаи, т. н. адаты. Адаты предшествовали религиозному и позитивному праву и могли служить дополнением шариата. Следует отметить, что шариат вменял судье-казию в

¹ Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. СПб., Тип. Артели печат. Дела, 1904. С. 16; Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 8; История Азербайджана: В 3 т. Т. 2. От присоединения Азербайджана до февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1960. С. 7; Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в.: в 2 ч. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. С. 24; Кузнецов О. Ю. Накануне Гюлистанского мира. Ханства Северного Азербайджана в начале XIX века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irs-az.com/new/pdf/201405/1399901132488193144.pdf> (дата обращения: 06.05.2017); Рамазанов А. Х. Двоевластие в Дагестане в 1-й половине XIX в. (основные направления развития государственности) // Вестник ДГУ. Экономика. Право. Философия. 1999. Выпуск 2. С. С. 185; Халифаева А. К. Государственные и правовые институты в Дагестане в XIX веке: основные тенденции и изменения: дис. ... канд. юр. наук. Махачкала, 2004. С. 38; Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. С. 37; Храмов А. В. Развитие системы территориального управления Российской империи в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 87

² Под стягом России. Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. С. 262, 275, 279, 294.

³ Высочайшая грамота поданным Дербентского владельца Шейх Али хана «О принятии их в Высочайшее благоволение и покровительство» // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собр. 1. Том XXV. СПб., тип. С.Е.И.В.К., 1830. № 19108

⁴ Манифест «Об учреждении прав Великого княжества Финляндии» // Собрание постановлений финляндских. Указания, обнаруженные на русском языке. СПб., 1902. Т. 1. № 2.

⁵ Временное правление в Бессарабии // Записки Бессарабского статистического комитета. Кишинев, 1868. Т. 3. С. 108; О договорах, заключенных к пользе государственной; о присоединении к империи Российской части герцогства Варшавского под наименованием Царства Польского; о поднятии вновь оружия против вышедшего с острова Эльба Наполеона Бонапарта // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собр. 1. Том XXXIII. СПб., тип. С.Е.И.В.К., 1830. №25842.

⁶ Рапорт Алексея Ермолова в Правительствующий Сенат от 25 мая 1820 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. № 43.

обязанность требовать при решении дел сведения об обычаях страны¹. Кроме того, к началу XIX столетия в местное право были включены более универсальные источники позитивного права: ханское законодательство, договоры ханов между собой и с другими государствами и т. д. Так, в Шекинском ханстве действовал сборник письменных законов под названием «Дастур-ул-амаль», составленный при Мухаммед-Хасан хане².

Присоединение ханств к Российской империи дополнило местное право новыми имперскими источниками и еще более усложнило правовую жизнь ханств.

Этот вывод касается практически любой сферы правового регулирования – как частного, так и публичного характера.

Сфера процессуальных отношений также представляла собой сочетание привычных норм с внедренными имперскими правилами.

Сложность идентификации процессуального права окраин состоит в том, что само российское имперское право еще не имело единых процессуальных актов, которые бы стали руководством к реформированию права окраин. Даже разделение на уголовный и гражданский процессы в начале XIX столетия еще не приняло легальной формы.

Отдельные вопросы процесса определялись разрозненными актами, в частности именованным указом «О правилах производства апелляционных дел» 1762 г., Учреждением для управления губерний 1775 г., указами «О взыскании и судопроизводстве по заемным письмам и договорам»³, «Порядок судопроизводства по долговым обязательствам», «О поручных записях по суду и с суда по делам судным», «Распределение уголовных и следственных дел между 1-м и 2-м Отделениями 6 Департамента Сената» и др.

Поэтому процессуальные отношения в ханствах в первой четверти XIX в. сохранили в большей степени самобытность и национальную основу.

Правовую основу судопроизводства составляли требы шариата. Все уголовные дела разбирались по шариату, а в отношении частноправовой сферы допускались решения на основе преимущественно обычного неписаного права, исключая вопросы о наследстве, которые регулировались нормами мусульманского права. При производстве дел по правонарушениям, совершенным не мусульманами, учитывались особенности их уклада жизни.

Земельные споры решались в деревне на сельском сходе на основе норм обычного права.

Суды ханств были составной частью мусульманской правовой системы. Судебную власть осуществляли диван, шариатский и специализированный аснафский суды. В диване рассматривались особо важные споры и уголовные дела. Основная масса споров – о разделе имущества, о наследстве, бракосочетании, опеке, «покупке имущества и заключении всякого рода договоров»⁴ решал шариатский суд во главе с кази. В компетенции аснафских судов находились дела о нарушениях цеховых уставов, споры членов цеховых организаций, жалобы покупателей и т. д.⁵

Следует отметить, что, независимо от характера судебного органа, судебная власть характеризовалась определенной общностью: «Всякие дела у них решаются более по словесным приговорам, основываясь на народных обычаях, так что законы у них действующие почти каждому известны»⁶ – сообщал А. П. Тормасов, Главнокомандующий на Кавказе в 1809–1811 г., министру иностранных дел Н. П. Румянцеву.

Местное судопроизводство базировалось на нескольких важнейших принципах.

Важнейший принцип судоговорения – это принцип религиозно-правовой законности. Судья должен принимать решения исключительно в соответствии с шариатом. При этом, по наблюдению Н. Е. Торнау, «базируясь на постановлениях шариата, судья не предполагал ни подлога, ни преднамеренности, ни вины в любом действии, без признания в том обвиняемого, или без предоставления доказательств, основанных на показаниях свидетелей»⁷. Стоит отметить, что при недостатке свидетелей сторонам предлагалась присяга, причем ответчику в этом давалось преимущество. Другими словами, делался акцент на доказывании вины, а не на доказывании невинности.

¹ Записка Барона Торнау и профессора Казим Бека «Об устройстве судебного быта мусульман» // Архив канцелярии Наместника. Дело судебного департамента 1860 г., Ч.1, связка 3170. № 82.

² Письмо ген. Ермолова гр. Гурьеву, от 22 января 1822 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. № 1144.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. Т. XXVI. СПб.: тип. II отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. № 19692; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. Т. XXVII. СПб.: тип. II отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. № 20350; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. Т. XXX. СПб.: тип. II отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. №23818; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1. Т. XXXII. СПб.: тип. II отд. Собств. ЕИВ канцелярии, 1830. № 25451.

⁴ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 2 т. Т. 1: Очерк Кавказа и народов и его заселяющих. Кн. 1. Кавказ. СПб., тип. Деп. уделов, 1871. С. 397.

⁵ Мустафаев Д. М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX в.). Баку: Элм, 1989. С. 14.

⁶ Отношение Тормасова гр. Румянцеву от 3 июля 1810 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. Т. 4. Тифлис, 1870. № 384.

⁷ Торнау Н.Е. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850. С. 117.

При осуществлении правосудия должны были соблюдаться и иные принципы – равенства сторон в процессе и при назначении меры наказания (наказанию за преступления, предусмотренные в шариате, подлежали лица всех состояний одинаково, независимо от имущественного состояния и богатства), непредвзятости и справедливости (Сура 4 Корана предписывает решать судебные дела и споры по наиболее суровой справедливости, даже относительно ближайших своих родственников или друзей), принцип осуществления правосудия только уполномоченным лицом – кази. Лицо, не утвержденное в этой должности, не вправе принять на себя задачу правосудия по законам шариата.

Важное место в процессуальных отношениях занимал принцип гласности судебного разбирательства. Кази мог рассматривать споры прямо в мечети, либо в указанном заранее месте (межкеме). Помощники кази должны были сообщать место судебного процесса любому желающему. Наказание за преступление также всегда исполнялось в присутствии народа.

В отличие от имперского процессуального права, которое уже более или менее прониклось идеей разделения дел на уголовные и гражданские, суд шариата уголовное судопроизводство от гражданского не отделял. Исследовавший судопроизводство Н. Ф. Дубровин не нашел доказательств наличия уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных правил судопроизводства¹.

Решения писали на ярлыки, к ним прикладывали печати всех членов шариата и отдавали оправданной стороне. Правда, ярлык был непривычным для российского взгляда актом, поэтому исследователи констатировали, что решения суда нигде не записывались.

Присоединение ханств Северного Азербайджана к Российской империи не сразу отразилось на процессуальной составляющей местной системы права. Новые нормы в основном создавались для устранения наиболее вопиющих противоречий между имперским и местным правом. Однако поскольку первоначальные проекты новых законоположений исходили от управления Главного командующего, а на этих должностях в основном пребывали люди, которые могли предсказать, как подействует на местное население та или иная норма, и не станет ли предложенный проект причиной разрушения устоявшихся процессуальных традиций или, наоборот, кардинального неприятия иницированных имперской властью корректив судебного разбирательства. Поэтому на начало XIX в. в процессуальные отношения были внесены лишь некоторые «точечные» изменения, которые касались, в частности, отмены телесных наказаний для местных мещан, гербового сбора, части земельных споров и т. п.

Включение ханств в состав Российской империи и постепенная утрата ими статуса национальных автономий, введение «комендантского правления» отразилось на средствах правового регулирования процессуальных отношений на территории Северного Азербайджана.

Началось все с отдельных видов преступлений: Высочайшим указом было велено грузин, имеретин, татар и горских народов, обличенных в измене государству, в побеге за границу и вредных сношениях с неприятелями России судить по военным артикулам, а не по формам гражданского уголовного суда². Этот порядок в производстве уголовных дел сохранился и в дальнейшем.

Другое направление политики столичных властей – это внедрение новых процессуальных предписаний на ограниченном пространстве.

Так, в 1812 г. было принято «Постановление о городском суде для края Баку с округою»³. П. 10 Постановлений определял законодательство, применяемое при разрешении дел, решение по делу и пересмотр последнего. В соответствии с ним уголовные дела рассматривались на основании воинского устава. По итогам дела, в течение трех дней суд составлялся приговор, с последующим отправлением на рассмотрение и утверждение главнокомандующему на Кавказе. Следующий, п. 11, устанавливал срок судопроизводства, протоколирование процессуальных действий и срок исполнения судебного постановления. Этот порядок предусматривал, что полностью устное судебное разбирательство, свойственное национальному процессу, постепенно должно было воспринять практику письменных судебных документов.

Гражданские дела рассматривались судом в течение одного дня, по делам же, требующих «выправок» в крепости разрешено продлить рассмотрение на три дня, а в округе – на неделю. Для материального отражения совершенных процессуальных действий велся журнал, который подписывался всеми присутствующими.

Следующий шаг в направлении реформирования процессуальных норм был предпринят в 1822 г. и отразил новый курс столицы на упразднение ханств и унификацию управления окраинами с «великорусскими» губерниями. В этом существенную роль сыграло предложенное главнокомандующим А. П. Ермоловым «Положение об управлении Кавказской областью», где содержалась статья, повелевавшая «залинейным народам» оставаться под военным управлением, в тяжёлых делах разбираться по обычаю, а в уголовных – военным судом.

¹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 397.

² Рапорт А. П. Ермолова в Правительствующий сенат, от 25 мая 1820 г. // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. № 43.

³ Предписание маркиза Паулуччи ген.-л. Репину, от февраля 1812 года // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. Т. 5. Тифлис, 1873. № 204.

Сменивший в 1827 г. А. П. Ермолова в должности любимец Николая I И. Ф. Паскевич не разделял точку зрения своего предшественника о необходимости приравнивать управление и суд к народным «умоначертаниям». Он заявил: «нахожу нужным и действительным, упразднив все существующие здесь учреждения, ввести во всех закавказских провинциях российский образ управления и законы»¹. И. Ф. Паскевич планировал устранить местные особенности в области права, суда и администрации и ввести единообразную, централизованную систему управления по образцу центральных губерний.

Вследствие множества факторов, в числе которых уничтожение автономии ханств, постепенно сформировалась установка, что дела должно вести по российским законам. Этому способствовало утверждение общеимперского кодифицированного свода законов Российской империи 1832 г.

Структура тома X и тома XV бесспорно доказывает, что законодатель выделил процессуальные нормы в отдельные части, которые «сопровождают» соответствующую материальную отрасль (часть первая тома X именуется «Законы гражданские» и содержит нормы материального права, а часть вторая, «Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских», объединила предписания процессуально-уголовного характера; тот же принцип заложен и в структуре тома XV: в части первой, «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» кодифицированы нормы уголовного права, а вторая, как явствует из названия «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», посвящена процессуальным вопросам).

Однако принятие свода не означало полной замены национальных процессуальных норм общеимперскими. Некоторые сферы правового регулирования, в частности, дела семейные, оставались в ведении национальных судов и, соответственно, порядок их рассмотрения не подвергался столь серьезным изменениям.

Таким образом, в первой четверти XIX в. на территории ханств Северного Азербайджана была сформирована своеобразная система регулирования процессуальных отношений, которая сочетала обычаи, мусульманское право и правила поведения, установленные или санкционированные светской политической властью, как местной, так и имперской.

Однако дальнейшее развитие правового регулирования процессуальных отношений на данной территории имело однозначную тенденцию к ослаблению роли местных правовых инструментов и расширению влияния имперских законов.

---

¹ Утверждение русского владычества на Кавказе: В 2 т. Т. 1 / Под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1901. С. 163.

Торопкин Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

Toropkin Sergey Alexandrovich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law, state and judicial authorities of the Volga branch of the Russian State University of Justice

E-mail: st81@rambler.ru

**Международная стандартизация пенсионных прав человека:
успехи и проблемы**

**International standardization of human pension rights:
successes and problems**

Аннотация. Международное сотрудничество по вопросам пенсионного обеспечения главным образом направлено на установление единых минимальных стандартов пенсионных прав. В статье анализируются основные направления международной стандартизации пенсионных прав, достигнутые успехи и проблемы. Делается вывод о перспективах и возможности приведения пенсионных систем различных государств к единому стандарту.

Ключевые слова: пенсионные права, пенсия, международные стандарты

Abstract. International cooperation on pension provision issues is mainly aimed at establishing uniform minimum standards of pension rights. The article analyzes the main directions of international standardization of pension rights, achievements and problems. The conclusion is made about the prospects and possibilities of bringing pension systems of various states to a single standard.

Keywords: pension rights, pension, international standards

В настоящее время почти треть населения Российской Федерации, – 42,6 миллионов человек являются пенсионерами, поэтому вопросы пенсионного обеспечения имеют для России особую актуальность. От критиков российской пенсионной системы нередко приходится слышать, что вот, например, в Германии пенсии составляют тысячу евро, а лучшим свидетельством эталонности немецкой пенсионной системы являются путешествующие по всему миру немецкие пенсионеры. Даже до пенсионной реформы 2019 года многие российские пенсионеры были уверены, что незаслуженно обделены государством в пенсионных правах. При этом есть и противоположное мнение о том, что расходы на выплату пенсий необходимо сократить.

Подобные настроения в обществе делают чрезвычайно актуальным вопрос о международных стандартах пенсионных прав. И дело не только в том, что в силу ст. 15 Конституции Российской Федерации, – за принципами и нормами международного права закрепляется приоритет по отношению к национальному законодательству, – строгое соответствие российской пенсионной системы международным стандартам могло бы раз и навсегда поставить точку в споре сторонников и противников пенсионной реформы.

Вот только, однозначно определить эти международные стандарты зачастую становится весьма сложной задачей. Как и все международное право в целом, международные стандарты пенсионного обеспечения имеют довольно размытые контуры. Хотя определенные ориентиры все же существуют, – в настоящее время можно выделить два основных блока международных соглашений по вопросам пенсионного обеспечения. Первая группа – это договоры, заключаемые с целью установления минимальных стандартов пенсионного обеспечения, которым должны соответствовать национальные пенсионные системы договаривающихся сторон. Такие соглашения включают как на универсальные международные договоры, заключаемые по инициативе Международной организации труда, так и договоры региональных международных организаций.

Вторая группа международных соглашений, – это договоры, посвященные вопросам транспортабельности пенсионных прав, регулирующие пенсионное обеспечение лиц, меняющих своё постоянное место жительства. Такие международные соглашения имеются у Российской Федерации со странами как «ближнего», так и «дальнего» зарубежья.

Современное международное право социального обеспечения начало формироваться после Второй мировой войны при активном участии Международной Организации Труда. основополагающим международным актом, ставшим фундаментом для построения системы международных стандартов социального обеспечения стала Конвенция № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», принятая на Генеральной Конференции Международной Организации Труда в Женеве 4 июня 1952 года (далее по тексту – «Конвенции № 102»). Не смотря на то, что на основе данного соглашения в последующем были приняты значительное число иных международных договоров, Конвенция № 102 до сих пор содержит актуальные международные стандарты пенсионного обеспечения. Необходимость ратификации данной конвенции Россией в свое время была предметом пристального научного анализа¹ и в 2018 году данная конвенция была Россией ратифицирована.

В Конвенции № 102 предусматривается 9 видов социального обеспечения: медицинское обслуживание, обеспечение по болезни, по безработице, в связи с материнством, по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, семейное обеспечение, обеспечение в связи с несчастным случаем на производстве. При этом государство-участник Конвенции должно гарантировать как минимум три предусмотренных вида социального обеспечения. Конвенция при этом использует понятие «пособия», которое включает в себя как выплаты периодического характера (пенсии), так и единовременные выплаты.

Учитывая, что не все виды социального обеспечения по Конвенции соответствуют понятию пенсии, – остановимся лишь на тех пособиях, которые могут рассматриваться как пенсии с точки зрения российского законодательства. Таковыми являются пособия по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца.

В отношении пенсионного обеспечения по старости Конвенция № 102 устанавливает круг лиц, подлежащих пенсионному обеспечению, максимальный пенсионный возраст выхода на пенсию, а также минимальный размер пенсии.

Пенсионному обеспечению согласно Конвенции № 102 подлежат следующие лица:

- 1) установленные категории работающих по найму, составляющие не менее 50 процентов от общего числа работающих по найму; или
- 2) установленные категории самодельного населения, составляющие не менее 20 процентов от общего числа жителей; или
- 3) все жители, средства которых за время охватываемого случая не превышают пределов, устанавливаемых согласно положениям Конвенции.

В случаях, когда экономика государства недостаточно развита оно обязано обеспечить пенсиями не менее 50 процентов от общего числа работающих по найму на промышленных предприятиях, на которых занято 20 и более человек.

Возраст выхода на пенсию по Конвенции № 102 не должен превышать 65 лет. Однако компетентному органу власти предоставляется право установить более высокий возрастной предел с учетом работоспособности пожилых лиц в соответствующей стране. В настоящее время средний возраст выхода на пенсию в мире составляет 60-65 лет и редко превышает 65-летний порог.

Следует подчеркнуть, что Конвенция № 102 не предусматривает установление более низкого пенсионного возраста для женщин. Традиция предоставлять женщинам право более раннего выхода на пенсию существует, в основном, в странах бывшего социалистического блока. Женщины выходят на пенсию раньше мужчин в Албании, Австрии, Азербайджане, Беларуси, Болгарии, Грузии, Израиле, Италии, Казахстане, Китае, Литве, Македонии, Мальте, Молдове, Польше, Румынии, Сербии, Словении, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Украине, Хорватии, Черногории, Чехии, Швейцарии, Эстонии. Однако, многие из этих стран сейчас находятся на стадии постепенного уравнивания пенсионного возраста. Разница в пенсионном возрасте мужчин и женщин там уже сейчас меньше чем в России и постепенно сокращается: так в Азербайджане женщины выходят на пенсию раньше мужчин на 3 года (в 60 лет), в Литве на 2,5 года (в 60 лет), в Словении на 2 года (в 61 год) в Швейцарии на 1 год (в 64 года).

В странах же западной Европы и Северной Америки пенсионный возраст для мужчин и женщин, как правило, одинаков. В число таких государств входят: Андорра, Бельгия Венгрия Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Исландия, Ирландия, Канада, Кипр, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Сан-Марино, США, Ирландия, Испания и Швеция, Япония. Пенсионные реформы по установлению равного пенсионного возраста завершены в Армении (63 года для всех), а также Латвии (62 года для всех).

Конвенция № 102 специально оговаривает право государства приостанавливать выдачу пенсий по старости трудящимся лицам либо ограничивать их размер в тех случаях, когда их заработок превышает

¹ Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / отв. ред. Э.Г.Тучкова, Ю.В.Васильева. Москва, 2013. С.227.

определенную сумму. Таким образом практика ограничения выплаты пенсий работающим пенсионерам будет вполне соответствовать Конвенции № 102.

Стандартный уровень пенсионного обеспечения по старости предусматривается на уровне 40 % утраченного заработка лица, выходящего на пенсию. При этом общая сумма пенсионного обеспечения должна быть достаточной для поддержания семьи пенсионера в здоровых и достойных условиях.

Аналогичным образом в Конвенции № 102 определяются требования к пенсионному обеспечению по инвалидности или по случаю потери кормильца.

Механизм контроля за соблюдением конвенции Международной Организацией Труда предполагает регулярное (один раз в пять лет) предоставление всеми государствами-членами конвенции докладов о ходе выполнения обязательств, принятых ими при ратификации конвенции.

Помимо Конвенции № 102, вопросы социального обеспечения нашли отражение и в ряде других нормативных документов Международной Организации Труда. К основным документам, регулирующим данную сферу отношений помимо Конвенции № 102 относятся Конвенция № 103 «О защите материнства (пересмотренная)» 1952 г., Конвенция № 118 «О равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения» 1962 года, а также Рекомендации МОТ 1944 года («Об обеспечении дохода» и «О медицинском обслуживании»). Последние Рекомендации заложили двухуровневую систему социального обеспечения – систему «минимальных стандартов» для менее развитых в экономическом отношении стран и «более высоких стандартов» для экономически развитых стран.

С 1964 года принимаются новые международные акты, предусматривающие повышение уровня социальной защиты населения за счет расширения сферы охвата, повышения размеров выплат и введения новых видов пособий – Конвенция № 128 «О пособиях по старости, по инвалидности и случаю потери кормильца» 1967 года, Конвенция № 130 «О медицинской помощи и пособиях по болезни» 1969 года, Конвенция № 168 «О занятости и защите от безработицы» 1988 года, Конвенция № 183 «О защите материнства» 2000 года.

Однако, следует отметить, что международные стандарты оценивают уровень пенсионного обеспечения в государстве в целом, детализированная методика оценки стандартов пенсионного обеспечения отсутствует. Проблема состоит в том, что предельно общие требования международных актов сложно сопоставить с разветвленной и имеющей множество исключений из общего правила российской пенсионной системой. При существовании общего правила, у нас существуют множество исключений и особых правовых статусов, дающих право на льготное пенсионное обеспечение. Право на особые пенсии по выслуге лет в России имеют служащие правоохранительных органов, вооруженных сил. Досрочные пенсии по старости также вправе получить широкий круг лиц: учителя, работники культуры, осуществляющие творческую деятельность, – так называемые, работники творческих профессий, жители районов Крайнего севера и приравненных к ним районов, а также иные категории российских граждан. Таким образом, в отсутствие четко установленной методики определения достаточности уровня пенсионного обеспечения, – определить соответствие или несоответствие российской пенсионной системы стандартам МОТ можно лишь с определенными оговорками.

Кроме того, Конвенция № 102 определяет минимальный уровень пенсионного обеспечения, исходя главным образом из утраченного заработка. Закономерно, что если заработок российского гражданина до выхода на пенсию был низким, то даже соответствующая Конвенции пенсия не будет обеспечивать ему достойный уровень жизни. А установленная конвенцией возможность ограничивать пенсионные права для работающих пенсионеров, – поставит пенсионера в ситуацию сложного выбора.

На этом фоне как абсолютный подарок для приезжающих в Россию из других стран пенсионеров выглядят международные соглашения о транспортабельности пенсий. Ряд таких соглашений подразумевает территориальный принцип пенсионного обеспечения, то есть назначения пенсии лицу по законодательству и за счет того государства, куда оно переезжает на постоянное место жительства. В этом случае при назначении пенсии происходит полное приравнивание иностранного стажа к собственному. Таким образом, после переезда на постоянное место жительства в другое государство пенсия мигранту по прежнему месту жительства не назначается (или прекращает выплачиваться), а её назначение и выплата происходит в том государстве, где лицо приобретает новое место жительства, без каких-либо взаимных расчетов между государствами. Пенсионное правоотношение при этом не прекращается, – в нем меняется лишь один из субъектов – государство, меняется также и содержание правоотношения (объем взаимных прав и обязанностей субъектов).

Территориальный принцип является преобладающим в международных соглашениях Российской Федерации по вопросам пенсионного обеспечения. Выплата пенсий по законодательству и за счет того государства, где лицо постоянно проживает предусмотрено в соглашениях России со Словакией, Румынией, Монголией, а также Арменией, Грузией, Казахстаном, Кыргызстаном, Литвой, Молдавией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Украиной.¹

¹ Торопкин С.А. История становления и закрепления конституционного права иностранных граждан на // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2. С. 201-206.

Пропорциональный принцип международного сотрудничества по вопросам выплаты пенсий (и соответственно пенсионных взносов) исходит из трудового стажа, приобретённого на территории соответствующего государства. Такой принцип заложен в соглашениях Российской Федерации с Эстонией, Латвией, Испанией, Болгарией и с 2006 года – Беларусью.

Безусловно, пропорциональный принцип пенсионного обеспечения мигрантов является более справедливым¹, – государство несет обязательства перед пенсионером только за тот период времени, когда он работал на его территории. Конечно, расчет пенсии в этом случае чисто технически имеет большие сложности нежели при расчете пенсии по территориальному принципу, но, полагаем, современные информационные технологии и способы обмена информации способны обеспечить решение данного вопроса.

Отдельным направлением международной стандартизации пенсионных прав являются толкования данных прав, исходящие от Европейского суда по правам человека. Тема пенсионных прав неоднократно была предметом его рассмотрения, в результате чего судом были сформулированы определенные правовые позиции по данному вопросу:

1. Человек не может быть лишен пенсии, если законно ожидал ее выплаты на основании вступившего в силу решения суда. Отмена в дальнейшем решения суда в порядке надзора не может служить основанием для лишения человека пенсии (решения ЕСПЧ по делам «Праведная против Российской Федерации», «Сухобоков против России», «Засурцев против Российской Федерации», «Рябов против Российской Федерации и 151 другое дело пенсионеров-льготников», «Заведеева и другие пенсионеры-льготники против Российской Федерации», «Кононенкова и другие «пенсионеры-льготники» против Российской Федерации», «Тыртова и другие «пенсионеры-льготники» против Российской Федерации», «Попова и другие «пенсионеры-льготники» против Российской Федерации»).

2. Недопустима просрочка в выплате уже назначенной пенсии (дело «Березкина против Российской Федерации»).

3. Такая мера наказания как лишение пенсии является негуманной и недопустимой (дело «Апостолакис против Греции»).

4. Не допускается пересмотр в сторону уменьшения пенсии в связи с изменением обстоятельств, если лицо длительное время ее получает и привыкло опираться на определенный размер пенсионных начислений (дело «Кьяртан Асмундсон против Исландии»).

5. Не опускается дискриминация в отношении пенсионных прав по этническим, расовым и иным признакам «Муньос Диас против Испании», «Андреева против Латвии».

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводу, что на сегодняшний день международное право не закрепляет эффективных механизмов стандартизации пенсионных прав. На международном уровне невозможно отрегулировать такое сложное явление как пенсионная система государства. Роль международного права в этом случае сводится лишь к установлению определенных «красных линий», минимальных стандартов, отступление от которых не допускается. Кроме того, международные соглашения по вопросам транспортабельности пенсионных прав мигрантов служат весомым инструментом внешней, а также миграционной политики государства.

Мы не согласны с позицией отдельных авторов, полагающих, что пенсионное обеспечение как институт исчезнет в обозримом будущем.² Напротив, процесс глобализации в перспективе будет требовать все большей унификации и транспортабельности пенсионных прав. Сам факт того, что пенсионные права стали предметом международно-правового регулирования говорит о том, что данная проблема перестала быть сугубо внутренним делом каждого государства. Гуманизм и патернализм современных правовых систем должен обусловить рост пенсионных гарантий как базового права каждого человека.

¹ См.: Васильева Ю.В. Проблемы интеграции правовой политики стран европейско-азиатского региона в области социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1. с. 115–120; Алмакаева А.М., Костенко В.В. Трансграничный перевод пенсионных прав в странах Евразийского экономического сообщества и Европейского союза // Экономическая социология. 2014. №4. С. 53-67.

² Назаров В. В 2075-м пенсионной системы не будет // <http://economytimes.ru/starshiy-ekonomist/v-2075-m-pensionnoy-sistemy-ne-budet>

РАЗДЕЛ VI. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Овчаров Владислав Сергеевич

студент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Ovcharov Vladislav Sergeevich

student of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

E-mail: vladislav.ovcharov@yandex.ru

Проблема ликвидации накопленного вреда окружающей среде через призму государственно-правовой политики современной России

The problem of eliminating accumulated environmental damage through the prism of state and legal policy of modern Russia

---

Аннотация. В статье рассматривается законодательство в области ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде в Российской Федерации, а также проблематика и предполагаемые тенденции развития. Автор отмечает, что правовая природа вреда, причиненного окружающей среде и ее отдельным компонентам, его специфические особенности, в том числе прошлого, вызывают необходимость дальнейшего развития теоретического обоснования действующего законодательства в данной сфере, через определение основных векторов его совершенствования на основе экологического законодательства РФ. Анализ природоохранного и природоресурсного законодательства, показывает, что в нем отсутствует легальная дефиниция вреда (накопленного вреда) причиненного компоненту окружающей среды и принципы его возмещения, что обуславливает необходимость доктринальных и практико-ориентированных исследований в этой сфере.

Ключевые слова: накопленный (прошлый) вред, экологическое право, ущерб окружающей среде, государственно-правовая политика, экология

Abstract. The article examines the legislation in the field of liquidation of objects of accumulated environmental damage in the Russian Federation, as well as the problems and expected development trends. The author notes that the legal nature of the harm caused to the environment and its individual components, its specific features, including the past, cause the need for further development of the theoretical justification of the current legislation in this area, through the definition of the main vectors of its improvement based on the environmental legislation of the Russian Federation. The analysis of environmental and natural resource legislation shows that there is no legal definition of harm (accumulated harm) caused to the component of the environment and the principles of its compensation, which necessitates doctrinal and practice-oriented research in this area.

Keywords: accumulated (past) harm, environmental law, environmental damage, state legal policy, ecology

---

Право на благоприятную окружающую среду закреплено в ряде международных актов и в Конституции РФ, что доказывает его значимость. Однако очевидно, что самой первой задачей каждого человека или хозяйствующего субъекта в процессе его жизни и деятельности является как минимум соблюдение требований законодательства об охране окружающей среды. Но по-прежнему реализация требований законодательства зачастую не является полной и всеобъемлющей, либо не гарантирует всестороннюю защиту окружающей среды от негативного воздействия общества, государства и экономических субъектов, что и признается самим законодателем в «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Несмотря на это, политика РФ на данном этапе уже много лет ориентируется на достижение более высоких экономических показателей, порой даже в ущерб окружающей среде.¹

---

¹ Худолеев Д. Д. Накопленный вред окружающей среде: проблемы правового регулирования // StudNet. 2020. № 9. С. 773.

Указанные выше факторы стали предпосылками к образованию накопленного вреда. Это понятие раскрывается в ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ (ред. от 9 марта 2021 года) «Об охране окружающей среды».¹ В целом, накопленный вред можно охарактеризовать, как негативное изменение качества окружающей среды, вызванное ее загрязнением, утратой или истощением природных компонентов, как результат прошлой хозяйственной деятельности. На данный момент масштабы образования накопленного вреда официально заявлены в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: свыше 30 млн. тонн отходов потребления, большая часть которых относится к V классу опасности.² Накопленный вред концентрируется в определенных объектах, понятие которых определено в ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды». Отрицательное влияние объектов прошлого вреда сказывается на состоянии земель, недр, водных и лесных ресурсов, атмосферы, так как содержит в себе опасные вещества, способные нанести ущерб жизни и здоровью людей. К числу объектов накопленного вреда окружающей среде относятся: требующие рекультивации объекты размещения бытовых и промышленных отходов; нефункционирующие военные объекты; брошенные и затопленные объекты; объекты в акваториях военных объектов; объекты накопленного вреда горнодобывающей промышленности и другие.³

Согласно открытым данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ на 3 сентября 2021 года перечень объектов накопленного экологического вреда включает в себя 234 объекта, и по сравнению со статистикой за 2018 год их число возросло на 106.⁴

По приведенным данным на 13 апреля 2021 года Нижегородская область входит в число субъектов на территории, которых расположены объекты накопительного вреда, таких объектов, числится официально два и они расположены в городе Дзержинск Нижегородской области:

1. Неорганизованная свалка промышленных отходов «Черная дыра»;
2. Шламонакопитель «Белое море».⁵

В Нижегородской области существует большое количество промышленных, военных объектов, которыми потенциально в будущем пополнится официальный перечень объектов накопленного вреда окружающей среде. Доказательством тому являются официальные данные Нижегородского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Согласно Обзора состояния и загрязнения окружающей среды Нижегородской области, в период с августа 2020 по август 2021 года концентрация основных загрязняющих веществ в атмосфере и водном пространстве, а также показатели радиационного загрязнения стабильно растут (как минимум на 0,1 единицу во практически всех городах ежегодно). Количество наносимого окружающей среде вреда не уменьшается и, судя по изменениям за год, никак не компенсируется, а растет и прогрессирует. Это позволяет предположить, что Нижегородская область очень скоро рискует занять не последнее место по количеству объектов накопленного вреда окружающей среде.

Уже по данным одного конкретного субъекта и общей официальной статистики по России, можно утверждать, что проблема накопленного экологического вреда крайне остра, и эффективность ее решения остается очень низкой. Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 254-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в ФЗ «Об охране окружающей среды», в соответствии с которыми последний был дополнен главой XIV.1 «Ликвидация накопленного вреда окружающей среде». Этапы ликвидации накопленного экологического вреда включают: 1) подготовительный – выявление, оценка и учет объектов накопленного вреда; 2) непосредственно организация работ по ликвидации такового.

По мнению Жаворонковой Н. Г. минимизация вреда окружающей среде с сохранением устойчивого развития экономики на основе рационального природопользования возможна только в результате совершенствования на системной основе правового регулирования в данной сфере.⁶ Но активная деятельность, посвященная проблеме накопленного экологического вреда, в Российской Федерации началась всего несколько лет назад, а число объектов накопленного вреда окружающей среде только растет, и об эффективности процесса их ликвидации судить довольно сложно, однако некоторые результаты все же есть.

¹ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Российская газета. 2002. № 6.

² Указ Президента Российской Федерации «О стратегии экологической безопасности российской федерации на период до 2025 года» от 19.04.2017 № 176 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://prav.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2021).

³ Боголюбов С. А., Болтанова Е. С., Бринчук М. М. Правовое регулирование возмещение экологического вреда: науч. – практ. пособие / отв. ред. Кичигин Н. В. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 186–189.

⁴ Информация Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «Перечень объектов накопленного экологического вреда» // открытые даны Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, 2021 // Официальный портал: <https://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 18.10.2021).

⁵ Мелешенко А. А. Дышите глубже / Российская газета. Столичный выпуск. 2020. № 192 (8246).

⁶ Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: монография / В. Б. Агафонов, В. К. Быковский, Г. В. Выпханова [и др.]; под ред. Н. Г. Жаворонковой. – М.: Норма; Инфра-М, 2014. – 160 с.

В рамках национального проекта «Экология» разработан федеральный проект «Чистая страна», который будет действовать до 31 декабря 2024 года. В число его задач входит ликвидация наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда окружающей среде, и в 2019 году за счет средств федерального бюджета предполагалась ликвидация объектов в ряде республик и областей.

Наиболее ярким примером такой ликвидации являются работы в городе Дзержинске (Нижегородская область) на объектах накопленного вреда «Белое море» и «Черная дыра». Так, несанкционированная свалка производственных отходов ОАО «Оргстекло» «Черная дыра» эксплуатировалась в 1960–1980-х годах, и объем загрязняющих веществ составляет 71 500 м³. Для реализации мероприятия по ликвидации указанного объекта потребовалось 2 851 370 567,01 руб. средств федерального и регионального бюджета суммарно. Для сравнения – мероприятие по ликвидации объекта «Белое море» (шламо-накопителя на территории завода «Капролактан», который эксплуатировался вплоть до 2013 года, по опасности относящегося к IV классу, а по объему загрязняющих веществ составляющего 3,9 млн. м³) обошлось государству в 2 048 916 771,72 руб.

Данный пример хорошо демонстрирует то, как вред окружающей среде, наносимый субъектами производственной деятельности, остается невозмещенным, долгие годы, увеличивая свое негативное воздействие. И чем дольше такой объект остается без внимания, тем больше становятся потенциальные затраты на восстановление окружающей среды в данной местности, а также сроки выполнения мероприятий по ликвидации.

В сфере ликвидации накопленного экологического вреда существуют пробелы в законодательстве – например, на стадии проектирования объектов негативного воздействия на окружающую среду не предусматривается целый ряд аспектов, касающийся потенциальной необходимости вывода объекта из эксплуатации, – порядок ликвидации, финансирование и страхование для этих целей и другие. Наличие таких требований позволило бы предотвратить увеличение числа объектов накопленного экологического вреда в будущем.

Большим минусом является то, что государство осуществляет мероприятия по ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде за счет налогоплательщиков, хотя наносит этот вред деятельность коммерческих организаций, которая для них является источником прибыли.¹

Таким образом, доход получает конкретное юридическое лицо, а экологические издержки несет общество. Greenpeace России неоднократно предлагалось решение данной проблемы в виде введения экологических фондов, обязательных для организаций, имеющих в собственности объекты негативного воздействия на окружающую среду. Их цель – обеспечение организации финансовыми инструментами для проведения соответствующих мероприятий при возникновении необходимости ликвидации объекта.

Возможно введение и других механизмов (уголовная ответственность, ужесточение налогового бремени, стимулирование), но в данной сфере важен комплексный подход и координация направленных усилий каждого участника экономической деятельности, государства и общества в целом.

Важно отметить, что, вышеприведенные примеры показывают масштаб проблемы не только отдельного региона, но страны в целом. Хозяйствующим субъектам Нижегородской области, имеющим в собственности объекты НВОС, также должны быть предусмотрены меры на случай необходимости вывода из эксплуатации таких зданий или сооружений. В отношении уже существующих объектов необходимо составить подробный план с указанием финансовой стороны вопроса: возможных рисков и затрат; зарезервировать средства для реализации указанных мероприятий. Но уже на стадии планирования создания новых предприятий следует предусматривать меры, направленные на минимизацию накопления вреда.

¹ Блоков И. П., Таргулян О. Ю., Усов Е. И. Накопленный вред окружающей среде: разрушения здоровья и бюджетов // GREENPEACE.RU: общественная некоммерческая неправительственная организация Greenpeace в России, 2020. Опубликовано на официальном портале <https://greenpeace.ru> (дата обращения: 17.10.2021).

Токарева Юлия Владимировна

адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Tokareva Julia Vladimirovna

a postgraduate student of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: ms.j.tokareva@mail.ru

**Функциональное значение государственного реестра
в процессе законотворческой и правоприменительной деятельности**

**The functional significance of the State Register
in the process of legislative and law enforcement activities**

Аннотация. Научные разработки о функциональной роли государственных реестров носят фрагментарный характер исследования. В статье предпринята попытка выявления общих и специальных функций, присущих государственному реестру.

Ключевые слова: функция в праве, функциональный подход, функциональное значение, функциональная роль, функциональное предназначение, функции государственного реестра, государственный реестр

Abstract. Scientific developments on the functional role of state registers are fragmentary research. The article attempts to identify the general and special functions inherent in the state register.

Keywords: function in law, functional approach, functional significance, functional role, functional purpose, functions of the state register, the state register

---

Значение и роль функционального подхода при исследовании того или иного явления в науке сложно переоценить. Преимуществом данного подхода является возможность посредством выделения отдельных функций изучаемого феномена на более глубинном уровне познать его сущность, природу, социальное предназначение.

Под функцией применительно к праву принято понимать формы и направления их регулятивно-упорядочивающего воздействия на людей и их отношения¹.

Большинство функций государственного реестра как особого правового документа можно выявить лишь в процессе его практической реализации (воплощения в общественной жизни).

Функции государственного реестра помогают раскрыть роль и значение различных государственных реестров, оказывающих воздействие на общественные и государственно-управленческие процессы, происходящие в жизни, на юридическую практику.

Под *функцией государственного реестра* понимается его целевое предназначение для общества и государства, направление воздействия этого особого нормативного правового акта на сознание и деятельность субъектов права.

Следует отметить, что хотя в юридической науке были предприняты попытки выделения отдельных функций различных государственных реестров, степень разработанности данной темы носит довольно фрагментарный характер.

А.С. Горловым предлагается рассматривать такие функции государственного реестра как: функция государственного учета, обеспечения законности правовой и экономической деятельности, регулятивная, описательная, регистрационно-учетная².

---

¹ См.: *Радько Т.Н.* Методологические вопросы познания функций права. М., 1974 – 150 с.; *Абрамов А.И.* Проблемы реализации регулятивной функции права. – М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. – 185 с.; *Радько Т.Н.* Теория функций права. – М.: Проспект, 2014. – 272 с.; Социальные функции права: материалы круглого стола / под ред. проф. А.Г. Чернявского. – М., 2015. – 216 с.

² См.: *Горлов А.С.* Уголовно-правовая охрана отношений в сфере ведения единых государственных реестров: автореферат дисс...канд.юрид.наук. Краснодар. 2013. – 20 с.

В.В. Пискунов выделяет у государственного реестра следующие функции: информационная, коммуникации, функция по управлению федеральной и муниципальной собственностью¹.

Е.Е. Антонова называет следующие функции реестра (реестровой информации): государственно-управленческая функция, регистрационно–учетная, учёта и систематизации, оценочная².

Л.Ф. Апт, при изучении различных государственных реестров, о функциональном предназначении государственных реестров не упоминает³.

Обобщив практику российского законодательства в сфере формирования и применения государственных реестров, а также рассмотрев существующие подходы к определению роли и значения функций различных государственных реестров, предложим классификацию функций, свойственных для всех видов государственных реестров.

Все функции, которые призван выполнять государственный реестр условно можно разделить на *общие*, присущие для всех видов государственных реестров и *специальные функции*, выполняемые отдельными видами государственных реестров

К общим функциям, характерным для всех видов государственного реестра можно отнести следующие функции.

Функцией, которая свойственна всем государственным реестрам, является *информационная (ознакомительная)* функция. Информационная функция государственного реестра заключается в возможности сохранения, накопления и передачи необходимой информации до адресата.

Государственный реестр является ценным источником информации правового и общесоциального характера. Информационная функция является одним из наиболее важных направлений реализации и функционирования государственного реестра, поскольку информация представляет собой неотъемлемый элемент жизни общества на современном этапе.

Государственный реестр непосредственно участвует в информационном обеспечении управленческих процессов (процессов администрирования) в государстве и обществе. Органы государственной власти используют государственный реестр как информационно-правовой инструмент передачи определенных сведений до населения (о государственно-правовых реалиях, об охране объектов материального мира, природных ресурсов, значимых достижениях науки и техники и другие).

Примером реализации данной функции будет любой государственный реестр: реестр отборных вин, реестр российского программного обеспечения, реестр селекционных изобретений, реестр фантастических изобретений и другие.

Одной из основополагающих функций государственного реестра является *социальная* функция. Значение указанной функции заключается в том, что государственный реестр является выражением той или иной социальной потребности (социальных интересов) общества.

Государственный реестр является средством гарантированности человеку и гражданину, различным общественным организациям определенного объема социальных благ, оказания мер государственной материальной поддержки. Важным аспектом указанной функции является получение социальной защиты и помощи теми, кто в этом реально нуждается. Примерами государственных реестров с ярко выраженной социальной функцией можно назвать федеральный реестр инвалидов и реестр некоммерческих организаций-исполнителей общественно полезных услуг. Факт нахождения в федеральном реестре инвалидов позволяет данной категории граждан рассчитывать на получение и реализацию мер социальной государственной поддержки. Сведения реестра некоммерческих организаций-исполнителей общественно полезных услуг считаются неоспоримым доказательством при получении определенных государственных льгот организациям, занимающимся благотворительной деятельностью.

Государственный реестр способен как стимулировать, так и тормозить развитие социальных процессов, происходящих в обществе.

В качестве примера социального воздействия государственного реестра на общественные отношения следует указать реестр недобросовестных поставщиков, реестр СМИ-иноагентов, реестр экстремистских материалов. Размещение в данных государственных реестрах – "чёрных списках" накладывает определенные правовые ограничения на субъекты общественных отношений.

В определенной степени государственный реестр способен выполнять такие общие функции, свойственные всем видам документов, как историко-культурная и коммуникативная функции.

Коммуникативная функция государственного реестра является информативным средством передачи, обмена, связи, общения. Осуществление указанной функции возможно в контексте вовлечения в юридический процесс различных субъектов правоотношений.

¹ См.: Пискунов В.В. Моделирование процессов функционирования и оптимизация системы правовых реестров Российской Федерации: автореферат дисс...канд.эконом.наук. Москва. 2008. – 24 с.

² См.: Антонова Е.Е. Правовое регулирование формирования и использования реестровой информации: автореферат дисс...канд.юрид.наук. Екатеринбург. 2012. – 24 с.

³ Подробнее см.: Апт Л.Ф. Аналитическая информация в правотворчестве и правоприменении: Учебное пособие. – М., : РГУП, 2019. – С. 124-164.

К примеру, предоставление компетентными органами гражданам выписки из единого государственного реестра прав; процесс внесения сведений в государственный реестр (в форме бумажного носителя) должностными лицами, а также внесение необходимых электронных реестровых записей в электронный формат государственного реестра. Коммуникативная функция раскрывается через предоставление государственных и муниципальных услуг населению компетентными органами посредством применения реестровой модели (государственного реестра как элемента реестровой модели)¹.

Материалы данных архивных фондов Государственного архива Российской Федерации и Центрального архива Нижегородской области позволяют обособить *историко-культурную функцию* государственного реестра. Ценность данной функции заключается в преемственности практического опыта составления и ведения различных государственных реестров прошлых лет: реестр вин, отпускаемых со склада и завода 1794 года²; государственный реестр объединений и предприятий-монополистов; учетный реестр частновладельческих лесных дач Васильевского уезда³; дополнительный настольный реестр входящих бумаг Васильевской Уездной Земельной Управы; реестр государственной собственности Нижегородской области⁴; реестр по учёту векселей (1883 года) Семеновского городского общественного банка⁵; настольный реестр мирового судьи участка № 1; настольный реестр уголовных дел на 1905 год⁶; докладные реестры (регистры)⁷.

В Государственном архиве Российской Федерации имеются фонды, в которых описаны настольные реестры XIX века⁸.

К числу *специальных функций* государственных реестров относятся следующие функции.

Инструментально-регулятивная функция. Сущность данной функции состоит в том, что государственный реестр как технико-юридический инструмент является дополнительным регулятором юридической деятельности, способствует регламентации различных общественных отношений.

Государственный реестр (состав сведений государственного реестра) как особый правовой документ способствует созданию, изменению и реализации новых юридических норм, участвует в регулировании порядка осуществления каких-либо правовых отношений.

В частности, в подготовленном представителями Минфина России Письме от 14 июля 2020 года № 24-03-08/61316⁹ отмечается, что в соответствии с подпунктом "к" пункта 2 Правил ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками в реестр контрактов включается информация об исполнении контракта (отдельного этапа исполнения контракта), в том числе информация о количестве поставленного товара, об объеме выполненной работы, оказанной услуги, о стоимости исполненных обязательств (об оплате контракта, отдельного этапа исполнения контракта).

Возникновение новой сферы общественных отношений, динамичные изменения, постоянно происходящие в обществе, всегда требуют законодательной регламентации и, как правило, порождают создание новых государственных реестров (реестр некоммерческих организаций, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции и единый реестр некоммерческих организаций, имеющих право на дополнительную государственную поддержку).

Организационно-управленческая функция. Значение данной функции сводится к обеспечению принципов законности права, достижению социальной стабильности и снятию социальной напряженности в обществе.

Государственный реестр как высокоэффективный технико-юридический инструмент способствует наиболее качественной организации управленческих процессов, позволяет оптимально координировать деятельность субъектов правоотношений¹⁰.

Удостоверительная функция (фиксации информации правового и общесоциального характера).

В практическую деятельность государственного реестра как особого вида юридического документа входит удостоверение различных юридических фактов, которые влекут за собой наступление правовых последствий: 1) удостоверение (подтверждение) правового статуса субъектов правоотношений, правового режима объектов (право собственности – выписка из государственного реестра о государственной

¹ Подробнее см.: Терещенко Л.К. Реестровая модель оказания государственных и муниципальных услуг // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 110-120.

² ЦАНО. Ф. 1985. Оп. 761 а. Д. 7.

³ ЦАНО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 5.

⁴ ЦАНО. Ф. 6418. Оп. 1. Д. 149.

⁵ ЦАНО. Ф. 408. Оп. 300. Д. 43.

⁶ ЦАНО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 8.

⁷ ЦАНО. Ф. 142. Оп. 756. Д. 14.

⁸ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 59. Д. 1.

⁹ Разъяснен порядок размещения в реестре контрактов информации о результатах исполнения контракта // URL: <https://goszakaz.ranepa.ru/ru/news/1178-razyasnen-poryadok-razmeshcheniya-v-reestre-kontraktov-informatsii-o-rezultatakh-ispolneniya-kontrakta> (дата обращения: 28.11.2021)

¹⁰ Подробнее см.: Терещенко Л.К. Реестровая модель оказания государственных и муниципальных услуг // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 110-120.

регистрации недвижимости); 2) фиксация (удостоверение) определенных правовых событий/действий; 3) простое перечисление (фиксация) различных объектов/предметов (реестр российского программного обеспечения, реестр животных).

Функция по систематизации (накоплению и хранению) информации. С помощью государственного реестра большой массив информационных данных собирается, упорядочивается (систематизируется) с целью ее сохранения и передачи другим лицам (к примеру, государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации).

Юридическая (правовая) функция государственного реестра. Данная функция, в свою очередь, подразделяется на две подфункции:

– функция детализации (конкретизации) законодательных положений (норм);

– функция реализации законных предписаний, то есть общегосударственные нормы реализуются опосредованно через государственные реестры.

Функция экономии сил и средств, затрачиваемых обществом и государством в процессе право-творческой, правоприменительной и правореализационной деятельности.

Функциональное назначение государственного реестра как эффективного технико-юридического инструмента позволяет делегировать полномочия органов государственной власти по вопросам правового регулирования различных сфер общественных отношений. В частности, государственный реестр способен оптимизировать излишнюю законодательную «заурегулированность», а также устранить имеющиеся пробелы в российском праве. Позитивный момент создания и реализации различных государственных реестров заключается в его высокой эффективности при минимальных финансовых, временных и других ресурсных затратах.

Регистрационно-учетная функция. Государственный реестр является технико-юридическим инструментом, который осуществляет государственную функцию по регистрационной деятельности – государственную регистрацию объектов (государственная регистрация объектов интеллектуальной собственности), государственную регистрацию наиболее значимых прав субъектов (право на недвижимое имущество).

Контрольно-надзорная функция. Отдельные виды государственных реестров являются источником (средством) контроля над определенным видом общественной деятельности.

В частности, нормы Федерального закона от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» направлены на реформу проведения контрольных мероприятий. Так, согласно части 1 статьи 8 закона контрольно-надзорные органы приоритет отдают именно профилактическим мерам, направленным на снижение риска причинения вреда (ущерба).

Рассматриваемый закон отражает процессуально-процедурные основы осуществления государственного и муниципального контроля, предусматривает новую модель управления рисками, формирует единый реестр видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля, дополняет перечень новыми видами контрольно-надзорных мероприятий:

– единый реестр видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля;

– единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий;

– реестр заключений о подтверждении соблюдения обязательных требований.

Данные положения свидетельствуют об объективности выделения контрольно-надзорной функции государственного реестра.

Доказательно-правозащитная функция. Это, конечно, условно-метафорическое наименование, но оно отражает суть проблемы.

Указанная функция позволяет «проявить», «подсветить» государственный реестр в качестве *доказательства в судебной практике* по конкретному юридическому делу. Представить его неоспоримым правовым источником истинных, достоверных и актуальных сведений. С юридической точки зрения сведения государственного реестра презюмируются как доказательные факты, достоверная информация¹.

В подтверждение данного тезиса приведем пример, связанный со значением и ролью конкретного реестра – *Единого государственного реестра юридических лиц* и обратимся к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2020 года № 45-П/2020² по делу «О проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в

¹ С фактической точки зрения, при применении положений государственного реестра, никто не отменяет факта возникновения технической (системной) ошибки сведений государственного реестра или мошеннических действий со стороны третьих лиц. С целью недопущения данного факта сведения государственного реестра следует подвергать правовой экспертизе.

² Российская газета. 2020. 13 ноября.

связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово жизни» Долгопрудный»¹.

Фабула дела: постановлением исполняющего обязанности мирового судьи участка № 30 Долгопрудненского судебного района Московской области в ходе различных проверок церковь была признана виновной в совершении правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях». В решении суда указывалось, что с наружной стороны здания и при входе на территорию земельного участка какие-либо вывески, указывающие на религиозную организацию, расположенную, не обнаружены.

Согласно жалобе церкви в Конституционный Суд Российской Федерации на земельном участке располагается дом с нежилыми постройками, предназначенными для его обслуживания и нужд, проживающих в нем граждан. Собственники предоставили часть помещений для проведения богослужений церкви. То есть, религиозная организация осуществляла свою деятельность не на всем земельном участке и использовала не все недвижимое имущество, а лишь отдельные помещения. По мнению заявителя, суды посчитали, что полное наименование религиозной организации необходимо размещать не на помещениях, где осуществляется деятельность, а с наружной стороны и при входе на территорию земельного участка. В жалобе отмечалось, что церковь добросовестно полагала, что исполняет возложенную на религиозные организации обязанность по указанию полного наименования, размещая его непосредственно на входе в те помещения, где осуществлялась его деятельность.

Позиция Конституционного Суда такова: использование религиозной организацией жилого дома в качестве места ее нахождения исключительно в целях обеспечения или подтверждения формальных условий ее правосубъектности как юридического лица, если свою деятельность она осуществляет в ином месте, не требует от нее размещения информации о своем полном официальном наименовании в виде вывески на таком доме или при входе на земельный участок, на котором он находится, поскольку вся необходимая информация содержится в Едином государственном реестре юридических лиц.

В своем решении Конституционный Суд указал на необходимость пересмотра решений, принятых по делу заявителя.

Сведения, заключенные в Едином государственном реестре юридических лиц, по существу спора стали решающим и неоспоримым доказательством в пользу церковной организации.

Данный реестр выступает ценным и полным источником юридически значимой информации, поскольку он содержит исчерпывающие сведения о юридических лицах, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории Российской Федерации. Внесение необходимых сведений в обозначенный реестр позволит в полной мере обеспечить осуществление контрольно-надзорной деятельности за различными организациями и учреждениями.

Состав сведений, содержащихся в этом и всех иных государственных реестрах, имеет сугубо правовое значение: любой реестр служит при необходимости доказательством при защите прав в возникающих судебных спорах в той или иной сфере общественных отношений. Государственные реестры в дальнейшем могут развиваться в цельную систему предупредительных (профилактических) мер по предупреждению различных правонарушений как в частном, так и в публичном праве.

Сведения, вносимые в государственные реестры, по всей видимости, обладают статусом *эталонных сведений*, поскольку они являются паттерном и неоспоримым гарантом законности и достоверности последних. На такие эталонные сведения должны опираться граждане, государственные органы и иные субъекты законотворчества и правореализации при разрешении различных спорных ситуаций (к примеру, право на объект недвижимости подтверждается законной записью в едином государственном реестре прав).

Перечень вышеобозначенных функций государственного реестра и тем более раскрытие их содержания не являются исчерпывающими. Трансформация юридически значимой деятельности в условиях цифровизации, без сомнения, может «породить», а наука исследовать и иные функциональные связи и характеристики государственного реестра.

В качестве гипотезы на обсуждение юридической общественности можно вынести предположение о формировании в будущем следующих функций государственного реестра: *экспериментальная, ценностная (подфункция историко-культурной функции), обеспечения информационной безопасности, правообразующая (подфункции – правонаделительная, правореализационная, правоохранительная, правозапретительная), предупредительная (профилактическая).*

Функции государственного реестра играют особую роль в законотворческой и правоприменительной деятельности. Все вышеобозначенные функции государственного реестра логически взаимосвязаны между собой и вполне возможно обогащение их содержания через междисциплинарность.

¹ С содержанием жалобы и текстом Постановления Конституционного Суда Российской Федерации подробно можно ознакомиться на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru/>

Хрони Наталья Николаевна

адъюнкт Академии управления МВД России

Khroni Natalya Nikolaevna

Associate of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: N.Khroni@bk.ru

Космачев Андрей Евгеньевич

студент юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Kosmachev Andrei Evgenievich

Student of the Law Faculty of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: kosmacheff@mail.ru

К вопросу об определении понятия феномена «юридический приоритет»

On the definition of the phenomenon of "legal priority"

Аннотация. Авторами, ввиду активного тиражирования в различных сферах общественных отношений термина «приоритет», предпринята попытка формулирования дефиниции феномена «юридический приоритет». На основе анализа его законодательного употребления, общетеоретического восприятия сущности юридического приоритета, выделения отдельных его качеств, установления регулятивных свойств, показано значение данного феномена как средства правового воздействия.

Ключевые слова: юридический приоритет, преимущественное право, прерогатива, юридическая техника

Abstract. The authors, in view of the active replication in various spheres of social relations of the term "priority," attempted to formulate the definition of the phenomenon of "legal priority." Based on the analysis of legislative usage, general theoretical perception of the essence of legal priority, the isolation of its individual qualities, the establishment of regulatory properties, the significance of this phenomenon as a means of legal influence is shown.

Keywords: legal priority, priority law, prerogative, legal technique

---

Термин «приоритет» довольно прочно вошел в современную политико-правовую жизнь. Средства массовой информации, социальные медиа, политические лидеры в своих выступлениях активно применяют его в различных толкованиях.

27 января 2021 года Президент России В.В. Путин выступил с речью на Всемирном экономическом форуме в Давосе, в которой обозначил приоритеты, гарантирующие наиболее эффективное развитие современной экономики. Указываемые приоритеты выстроены вокруг человека. Это необходимость комфортной среды (жилье и доступная инфраструктура, экологическое благополучие); достойный уровень жизни (трудоустройство, социальное и пенсионное обеспечение); получение качественной, эффективной медицинской помощи; возможность обучения и реализации потенциала каждым гражданином¹.

Представленный подход не вполне согласуется с существующими в науке точками зрения на определение приоритетов в области прав человека. К примеру, В.А. Карташкин убежден, что универсализа-

---

¹ Выступление Владимира Путина на форуме в Давосе [электронный ресурс] // URL: <https://www.vesti.ru/article/2515983> (дата обращения 15.11.2021).

ция прав человека, как руководящее требование их эффективного обеспечения, означает недопустимость их градации на приоритетные¹.

Поскольку основная дискуссия разворачивается применительно к восприятию феномена «приоритет» в области права, полагаем, что вопрос о понятии данного термина именно в юридической плоскости является весьма актуальным в научном плане, высокоценным в теоретическом и практическом ракурсах.

Начать считаем уместным с общего посыла, вкладываемого в смысл употребления данного термина в речи Президента Российской Федерации.

Думается, что определение главой государства данных приоритетов на международном уровне характеризует становление новой парадигмы – антропогуманизма, заключающейся в том, что складывающаяся картина мира образуется вокруг личности (именно она занимает центральное место), утверждаются и законодательно закрепляются принципы человеколюбия, права гражданина защищаются и гарантируются государством. При этом не должно рассматриваться в качестве их умаления – выделение среди этой системы определенного иерархического построения, как и установление соответственно каких-либо приоритетных обязанностей государства по реализации и обеспечению высших ценностей (жизни человека, его прав).

Подобная авторская трактовка термина «приоритет», возможно и дискуссионная, обусловлена отсутствием не только нормативно-закрепленного определения данного понятия, но и фундаментальных доктринальных разработок как приоритетов в целом (в качестве социального явления), так и юридических приоритетов в частности. Удивляет, в этой связи, что использование конструкции «юридический приоритет», в рамках правотворческого процесса, имеет весьма продолжительные временные рамки, но попыток дефинитивного раскрытия этого феномена не предпринималось.

Нормативное правовое закрепление юридического приоритета на международном уровне впервые осуществлено во Всеобщей декларации прав человека, в которой перечисляются гражданские, политические, экономические, социальные, культурные права человека. Кроме того, в документе обозначено, что каждый человек должен нести обязанности перед обществом, в том числе обязанность государств-членов ООН содействовать всеобщему уважению и соблюдению прав человека².

В российском законодательстве в 2020 году были внесены изменения в Конституцию Российской Федерации, которые закрепили на высшем уровне приоритет государственной политики в отношении детей. В соответствии с основным законом политическая власть гарантирует создание условий по всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей и берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения³.

На уровне подзаконного правотворчества термин «приоритет» также активно используется. Неоднократно оперирует рассматриваемым понятием текста указа Президента Российской Федерации от 07 июля 2011 года № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»⁴. Однако, правовой акт не содержит указания на смысловое значение феномена «приоритет» и, его отличие, например, от целей государственной научно-технической политики, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 года № 377⁵.

Приведенный краткий анализ нормативных правовых актов на предмет употребления лексемы «юридический приоритет» (что объясняется постановочным характером настоящего исследования) свидетельствует как о многократности применения термина, так и его неоднозначности. Частично, это обусловлено отчасти отсутствием не только четкой, содержательно-развернутой дефиниции данного правового явления в юридической науке, но и рамочного ее варианта.

Любое научное восприятие того или иного феномена, полагаем, должно начинаться с лингвистического анализа. Однако даже на этом уровне познания термина «приоритет» проявляется его многоаспектность. Существительное «приоритет» имеет латинское происхождение от *prior*, то есть – первый, старший.

В словаре С.И. Ожегова «приоритет» определяется как первенство по времени в открытии, изобретении чего-нибудь, вообще первенствующее положение⁶. В философском словаре это – преобладаю-

¹ См.: Карташкин В.А. Развитие международных отношений и универсализация прав человека // Государство и право. 2021. № 9. С. 125-137.

² См.: Ст. 29 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. 1995. 5 апр.

³ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), ст. 67.1 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#reference-2020-i> (дата обращения 15.06.2021).

⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2011. № 28. Ст. 4168.

⁵ См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (в ред. от 11.09.2021) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 15. Ст. 1750.

⁶ См.: Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2015. С. 483.

щее, главенствующее значение чего-либо¹. Согласно словарю русского языка термину приоритет соответствуют синонимы: главный, старший, преобладающий, наиболее важный, самый значимый².

Таким образом, понятие «приоритет» в самом общем виде используется для обозначения важности, преобладания чего-либо, характеризует события, которые должны произойти первыми по времени, стать наиболее значимыми.

Не только законодатель в Российской Федерации использует термин приоритет без смыслового и сущностного единообразия. Аналогичный характер употребления этой лингвистической единицы характерен и для Республики Казахстан. Так, в разделе «Общие положения» Правил дорожного движения имеется определение, где слова «преимущество» и «приоритет» употребляются как равнозначные: преимущество (приоритет) – первоочередность движения в намеченном направлении по отношению к другим участникам движения³. Данная норма полностью соответствует акту, регулиующему подобные общественные отношения в России.

Источники права в англо-саксонской правовой семье также используют понятие «приоритет» в значении преимущества, нередко смешивая его с такими терминами, как «привилегия» или «выгода». Так, за членами парламента Великобритании Актом о прахх 1963 года закрепляются пожизненные преимущества, в тексте нормативного содержания именуемые, в том числе, как «приоритеты»⁴.

Другой пример законодательного использования термина «приоритет» позволяет предположить, что ему отводится регулятивная роль в части установления первенства в каком-либо открытии, научной разработке. Текст ст. 1381 Гражданского кодекса РФ неоднократно прибегает к данному понятию (по меньшей мере пять раз только в одной статье). Но толкование его значения, по всей видимости, отдано на усмотрение правоприменителя: «Приоритет изобретения, полезной модели или промышленного образца устанавливается по дате подачи в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности заявки на изобретение, полезную модель или промышленный образец»⁵.

На помощь законодательству в такой ситуации, как правило, приходит правовая доктрина. Обращаясь к научным исследованиям в данной области, отметим, что их не так много. Первоначально понятие «приоритет» использовалось в цивилистике, применительно к последнему из приведенных нами примеров (работы Л.М. Вишневого, Р.П. Мананковой, И.В. Шайдурова и др.⁶).

Фрагментарно юридический приоритет стал постепенно включаться в качестве элемента в иные правовые феномены, в основном, имеющие стимулирующий или поощрительный потенциал воздействия на общественные отношения. Так, приоритет рассматривался в качестве средства регулирования правовых отношений при введении преференций, путем создания благоприятных условий деятельности предприятий и организаций⁷. В некоторых исследованиях юридический приоритет трактуется в качестве элемента определения иерархии нормативных документов⁸. Приоритетам стала отводиться роль инструмента развития и конкретизации первоочередных задач государства, который служит средством оптимизации выбранного курса, с учетом состояния, потребностей и возможностей существующей практики применения юридических норм⁹.

Поскольку задача формирования понятийно-категориального аппарата юридической науки все же лежит на теории права и государства, среди ученых в данной области, на наш взгляд, более всего удалось внести вклад в расширение и изучение исследуемой проблемы Н.И. Матузову, А.В. Малько, Л.А. Морозовой и А.Г. Репьеву.

Профессор Н.И. Матузов одним из первых начал рассматривать правовые приоритеты через призму правовой политики. Он предлагал понимать под ними «первоочередные задачи, проблемы, вопросы,

¹ Приоритет. Философский словарь. [электронный ресурс] // URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict (дата обращения 15.06.2021).

² См.: Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. Т. 2: О-Я / АН СССР. Ин-т рус. языка; ред. Т.Н. Половцева, М.Н. Судоплатова; сост. Л.П. Алекторова, С.Л. Баженова, Г.П. Галаванова и др. -Л.: Наука, 1971. С. 96.

³ Об утверждении Правил дорожного движения, Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации, перечня оперативных и специальных служб, транспорт которых подлежит оборудованию специальными световыми и звуковыми сигналами и окраске по специальным цветографическим схемам: постановление Правительства Республики Казахстан от 13.11.2014 № 1196 [Электронный ресурс] // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400001196> (дата обращения 15.11.2021).

⁴ См.: The Public General Acts and Church Assembly Measures. 1963. L., 1964. P. 1290; Конституции зарубежных государств: учебное пособие / сост. проф. В.В. Маклаков. М.: Бек, 1997. С. 82.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021), ч. 1 ст. 1381 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. Ст. 5496; 2020. № 31. Ст. 5021.

⁶ См., например: Вишневский Л.М. Формула приоритета: Возникновение и развитие авторского права. Л.: Наука, 1990. 205 с.

⁷ См.: Беляшов В.А. Таможенный энциклопедический справочник. В 2 т., Т. 2 / под ред. И.Ю. Краснянского. М.: Летописец, 1999. С. 176.

⁸ См.: Толстик В.А. Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 40.

⁹ См.: Гасанкадиев Т.Г. Функции правоприменительной политики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 10.

которые необходимо решать сейчас и в ближайшей перспективе»¹. Термин «приоритет» в указанной публикации употребляется без его сущностного анализа как феномена права и государства в самом общепотребительном значении, то есть первоочередности отдельных действий по реализации правовой политики.

А.В. Малько и его научная школа развили учение о приоритетах правовой политики государства, делая в своих публикациях акцент на актуальных проблемах, связанных с информационным прогрессом и обеспечением защиты личной информации граждан в цифровом пространстве². К сожалению, ни в статье приведенной в подстрочной сноске, ни в иных публикациях данных авторов, нам не удалось найти не только содержательного определения понятия «приоритет», но хотя бы рамочного, операционного его варианта. В дальнейшем к приоритетам правовой политики стали обращаться в своих работах М.Г. Арутюнова³, Н.В. Исаков⁴, А.П. Коробова⁵ и др.

Куда более интересной в содержательном плане выглядит позиция Л.А. Морозовой, которая предлагает определить правовой приоритет как «правовые установления, правовоположения, правовые позиции, предопределяющие в силу их важности первоочередность реализации в процессе решения конкретных задач и достижения общественно значимых целей»⁶.

Наше внимание к высказанной точке зрения обусловлено как минимум двумя моментами. Во-первых, автор в свое определение заложил нормативный характер установления юридических приоритетов, которые должны быть реализованы не за счет каких-либо тенденций (информатизации общественных отношений, их цифровизации и пр.), а в силу формально-определенного характера, придаваемого правовым установлением. Во-вторых, Л.А. Морозова одна из первых применительно к сущности юридического приоритета перенесла акцент понимания с абстрактной значимости, первоочередности чего-либо – на фактор времени.

Наиболее содержательно-наполненной дефиницией приоритета в праве мы все же считаем вариант, предложенный А.Г. Репьевым. Ученый дал определение юридическому приоритету как одной из форм преимущественного права, выражающейся в реализации субъективного права лица, обусловленного необходимостью учета публичных и частных интересов и особенностей специальных статусов отдельных субъектов, предусматривающей дополнительные процессуальные гарантии и организационные меры по внеочередному, первоочередному, безвозмездному получению благ, реализации прав и законных интересов⁷.

Несмотря на развернутый, методологически выверенный вариант предложенный дефиниции, полагаем, что она нуждается в уточнении. К примеру, для общественных отношений, в особенности трансформируемых на современном этапе, характерно не только наличие прав и законных интересов, но и юридических обязанностей. Так, приоритет семейных ценностей, о котором мы упомянули в начале статьи, заложенный поправками к Конституции РФ, предполагает обеспечение эффективного семейного воспитания. Его осуществление неуклонно вызвано реализацией обязанностей по содержанию несовершеннолетнего, что предполагает воплощение конкретных действий, в первую очередь, со стороны родителей⁸ (приобретение одежды и продуктов питания, обустройство места для подготовки к учебным занятиям и пр.).

В этой связи, предлагается расширить данное профессором А.Г. Репьевым определение дополнив его такой важной категорией как обязанность. Таким образом, *юридический приоритет* представляет собой *инструмент правового регулирования, заключающийся во внеочередной, первоочередной, безвозмездной реализации субъективного права и законного интереса субъекта, на основе дополни-*

¹ См.: Матузов Н.И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 13.

² См.: Малько А.В., Солдаткина О.Л. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цивилизации // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5-19.

³ См.: Арутюнова М.Г. Приоритеты современной российской правоохранительной политики // Современное право. 2013. № 9. С. 16-19.

⁴ См.: Исаков Н.В. Основные приоритеты современной российской правовой политики / под ред. В.А. Казначеева. Пятигорск: Технол. ун-т, 2003. С. 60.

⁵ Коробова А.П. Приоритеты правовой политики // Российская правовая политика. Курс лекций / Афанасьев С.Ф., Беляев В.П., Вавилин Е.В., Демидов А.И., и др.; под ред.: Малько А.В., Матузов Н.И. М.: Норма, 2003. С. 97-111; Ее же. К вопросу о приоритетах правовой политики в современной России // Правовая политика: федеральные и региональные проблемы. Материалы научной конференции, 22-23 июня 2000 г. / под ред. Н.И. Матузова; Редкол.: Демидов А.И., Малько А.В., Хачатуров Р.Л., Якушин В.А. Тольятти: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 75-76.

⁶ Морозова Л.А. Роль правовых приоритетов в формировании стратегии законоотворчества в России // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 486.

⁷ Репьев А.Г. «Приоритет» и «паритет» как парные правовые категории (доктринальное толкование с содержательных и технико-юридических позиций) // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 1. С. 10.

⁸ См.: Репьев А.Г. Идеология воспитания несовершеннолетних, основанная на преимущественной обязанности родителей: теория и практика // Правовая культура и правовая идеология Российского общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына. М: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 35-40.

тельных процессуальных гарантий и организационных мер в соответствии с его специальным статусом, обеспечиваемый исполнением прерогативных обязанностей как со стороны самого субъекта, так и иных лиц, задействованный в данном процессе.

Выдвинутый тезис не случаен. Приоритетные обязанности, исполняемые для реализации правовых приоритетов, носят двойственный характер и имеют место как со стороны субъекта, приобретающих приоритет, так и субъектов, обеспечивающих получение данного приоритета.

Кроме того, мы убеждены, что реализация правовых приоритетов напрямую зависит от исполнения приоритетных обязанностей. Более того, полагаем, что некое торможение в воплощении провозглашаемых приоритетов, связано с неисполнением, либо недостаточным исполнением субъектами своих приоритетных обязанностей. Именно исполнение обязанностей предполагает наличие не аморфного субъекта, а конкретного лица, наделенного рядом должностований, реализация которых претворит в жизнь обозначенный юридический приоритет.

Остановимся на некоторых примерах воплощения в жизнь юридических приоритетов. Так, на различных этапах общественных отношений приоритетными задачами определялись: забота о пожилых людях¹, развитие науки, образования и культуры², охрана прав несовершеннолетних³. Однако, объективная картина состояния благополучия в указанных областях далека от намеченных планов и программ. Не останавливаясь на этом, Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию РФ в апреле 2021 г. определил высшим национальным приоритетом страны – сбережение российского народа⁴.

Выбор данного приоритета в текущем году понятен и обусловлен ценностью конкретной государственной задачи, первоочередностью решения острых демографических проблем в стране. Трудное положение ухудшилось в связи с пандемией коронавируса (численность населения Российской Федерации по данным Росстата составляла: в 2019 г. – 146,780; в 2020 г. – 146,748; в 2021 г. – 146,238). В выступлениях на брифингах в правительстве Т.А. Голикова обращала внимание, что смертность в стране за 2020 год увеличилась на 17,9% по сравнению с 2019 г. Это избыточная смертность, которая включает в себя смертность от новой коронавирусной инфекции. За девять месяцев 2021 г. из общего количества избыточной смертности 91,2% приходится на коронавирус, это влияет на всеобщую демографическую ситуацию в стране⁵.

На приведенных примерах наиболее ярко раскрываются аксиологические аспекты воздействия юридического приоритета на общественные отношения и его взаимосвязь с иными правовыми категориями и институтами (приоритетная обязанность, субъективные права, правовые преимущества, ответственность и др.). Юридический приоритет, приобретая характер государственного регулятора, направляет свое воздействие на обеспечение таких ценностных категорий как: справедливость, милосердие, чувство долга, самоотверженность, заботливость, ответственность и др.

Федеральным законом № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определены приоритеты: интересы пациента при оказании медицинской помощи; охраны здоровья детей; профилактики в сфере охраны здоровья. Реализуя соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечивая исполнение соответствующих государственных гарантий обязанности лица проявляют и самоотверженность, и милосердие, и исполняют свой долг⁶. Особенно ярко это проявилось, а общество это почувствовало – в период пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией.

В тоже время на граждан возлагаются обязанности по заботе о сохранении своего здоровья; прохождении медицинских осмотров и обследований, а также лечения и профилактики заболеваний, представляющих опасность для окружающих⁷. Однако на сегодняшний день имеющиеся факты о нарушении режима самоизоляции, лиц с заболеванием COVID-19, непонимания значения вакцинации для предотвращения распространения инфекции свидетельствуют, как минимум, о незнании своих обязанностей, причем тех из них, которые соответствуют категории приоритетных, так как в свою очередь обеспечива-

¹ См.: Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета о социальной политике в отношении граждан пожилого возраста и повышении качества их жизни 25 октября 2010 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/9332> (дата обращения 15.11.2021).

² См.: Вступительное слово на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации в области науки и технологий, литературы и искусства 12 июня 2005 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23019> (дата обращения 24.11.2021).

³ См.: Заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2021 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65165> (дата обращения 24.11.2021).

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 [электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/ (дата обращения 24.11.2021).

⁵ См.: Голикова рассказала о доле COVID-19 в избыточной смертности. [электронный ресурс] // <https://lenta.ru/news/2021/11/12/golikowa/>; <https://www.interfax.ru/russia/802741> (дата обращения 17.11.2021).

⁶ См.: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 02.07.2021), ст. 4 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2021. № 27. Ст. 5140.

⁷ Там же, ст. 27.

ют права других граждан. Отсутствие осознания ценностных ориентиров в исполнении своих обязанностей, таких как забота, ответственность, человеколюбие приводят к правовой стагнации, то есть не исполнению обязанностей и не реализации прав.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что юридические приоритеты выполняют значительную роль в правовой жизни как государства, гражданского общества, личности. Применение юридических приоритетов носит социально-чувствительный характер, в этой связи возрастает роль правового всеобуча, осознания субъектами значимости понимания своих приоритетных обязанностей, осмысления взаимовлияния результатов при получении прав и исполнении обязанностей, что ярко показывает ценностное значение юридического приоритета в процессе воздействия на общественные отношения.

РАЗДЕЛ VII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ

Профессор В. И. Крусс

«Так начиналась последняя битва...»: Александр Невский¹

Пазл 1

Мы блуждаем разными путями,
находя согласие с трудом.
Отроки становятся князьями,
если воля Божия на то...

Величанье по́стрига не может
полноту душевную вместить.
Только гордость пестовать негоже
и смире́нну мудрость позабыть.

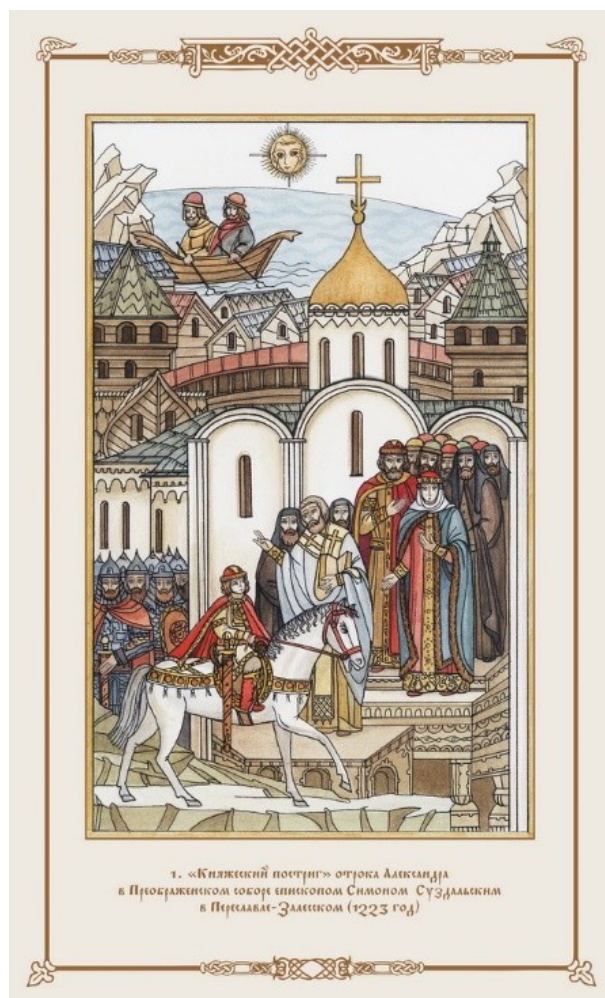
Дивный храм в Переяславль-Залесский,
как корабль апостольский входил,
Тот же самый – Спас-Преображенский, –
что в Твери воздвигнет Михаил².

Суздальские гости, новгородские,
каждый в меру угадать могли,
Княжич – херувим светловолосый, –
кем он станет для своей Земли?

И куда – по воздуху – восходит,
этим красным, теремным крыльцом,
Перед знатью и при всем народе,
строго призываемый отцом.

Перед лицом Господа, впервые,
опоясан воинским мечом;
Что он скажет будущей России,
если будет ей спросить о чем?..

Белый конь красуется в наряде, –
Александр, не далек твой бой!
Княжий по́стриг – расставанье с матерью;
ради Богородицы Святой.

¹ Первая часть поэмы-триптиха «Святые благоверные заступники России».

² В 1285 году князь Михаил Тверской заложил в Твери первый после монгольского разорения на Русской земле каменный Спас-Преображенский собор по образцу собора в Переяславле-Залесском.

Пазл 2

Есть приметы каждому венчанию;
ангел, обретающий семью,
ждет допрéжь не только покаяния,
но глаголет истину свою.

По молитвам Ефросиньи Полоцкой,
сквозь столетья – их не перечсть –
дотянулась до лесов торопецких
от Луки евангельская весть.

Образом Корсунской Божьей Матери
Правды укрепляющую сыть
до сердец причастных благодати
будет князь отныне доносить¹.

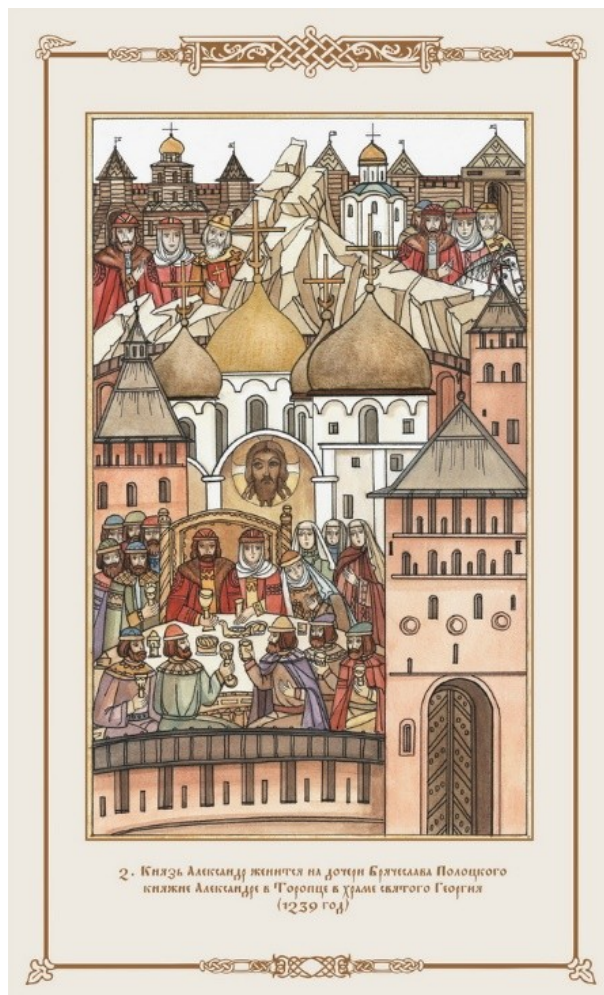
И второй иконой – Феодоровской,
князь-отец его благословил,
и другой залог – державной доблести –
зна́мением Божьим утвердил².

Православным таинством разбужена,
для своей дороги за Христом,
Александра облакалась суженым,
как земля обещанным дождем...

.....

...На пиру не будет посторонних;
Мед и вина пропитают дичь...

Чтобы утром, на реке Шелони,
Было легче крепки возводить!

2. Князь Александр женится на дочери Брячислава Полоцкого княжне Александре в Торопце в храме святого Георгия (1239 год)

¹ В честь венчания, невеста – полоцкая княжна Александра – подарила жителям Торопца икону Корсунской (Ефесской) Божьей Матери, списанную, по преданию, с оригинала евангелиста Луки по просьбе преподобной Ефросинии Полоцкой.

² Этой иконой для молодых со стороны отца жениха – князя Ярослава Всеволодовича – в 1613 году будет благословлен на царство первый из династии Романовых – Михаил Федорович.

Пазл 3

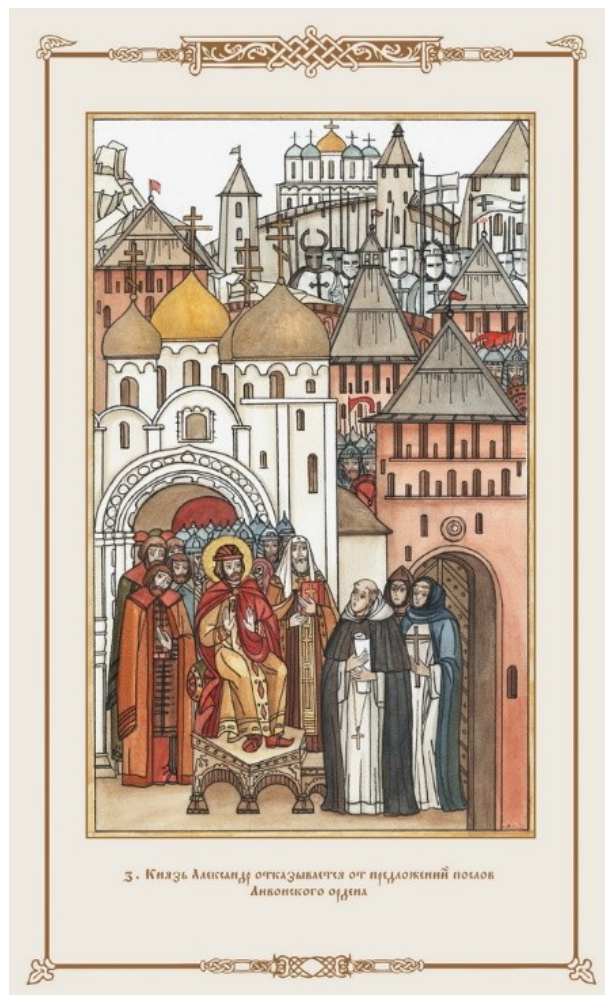
В бозе католической жизни – не бывать.
Шведского владычества мерзостна печать.

Подивитесь, ангелы, как, благословясь,
На призывы Ладоги мчится юный князь!

Разлетелся по небу Ситской сечи стан¹.
Новгородским бременем болен Бату-хан².

За чертою ярости и победных дум,
На дороге к святости, ждет Каракорум.

Здесь – вода ижорская, дождевой увар.
И на шлемах – блестками – праведный пожар!

¹ В начале 1238 года на реке Сить татарами были разгромлены объединенные русские полки под началом Великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича – дяди Александра Невского. С этого времени русские земли становятся данниками ордынских ханов.

² Вопрос о том, почему весной 1238 года войско хана Батыея, не дойдя ста верст до Великого Новгорода, повернуло назад, в половецкую степь, – остается предметом споров историков.

Пазл 4

«Тороват и приволен Новгород!
Величается сканной мошной.
Не скупится на лесть и на проводы,
до надежной стены городской¹.

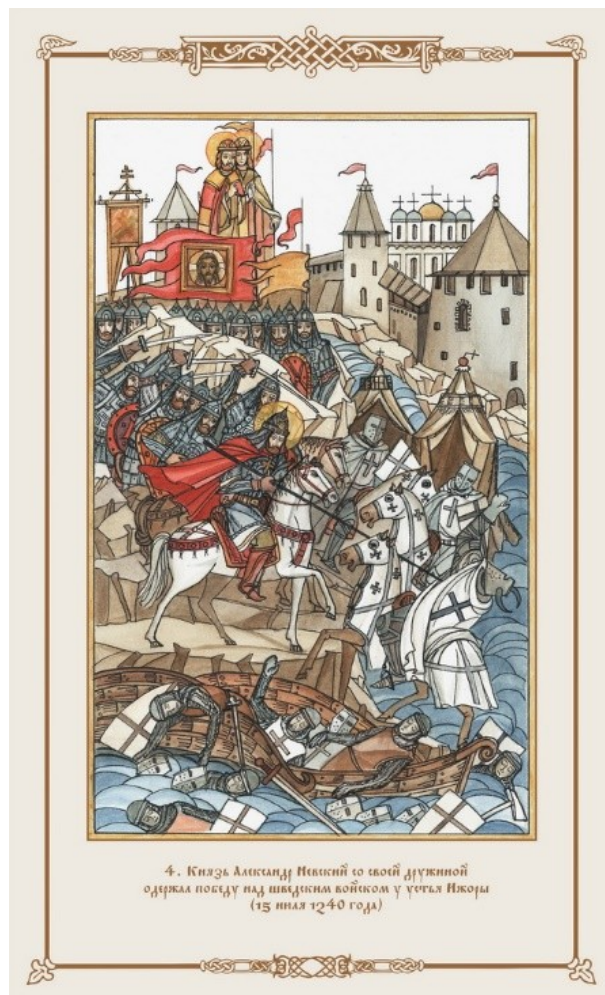
Не умеет скрывать раздражения
и не хочет, – зачем скрывать?
Береста не боится тления,
воля – щедрая благодать!

Вечевой своенравный колокол
разумеют и друг, и враг!
Не согласных потащим волоком...
Только, княже, что-то не так...

Не по силам, с хмельною гордостью
и веселой звонницей, нам
Ликовать над ливонской пропастью,
не держась, за тебя, Александр.

Потому что и мы христиане,
а не слуги слепой судьбы,
и Всевышней свободной длани
чада Божии и рабы...²»

.....
.....
Только горний триумф православия!
Только – купол с летящим крестом!
Новгородская дерзость тщеславия
растворилась в смиренье святом.

4. Князь Александр Невский со своей дружиной одержал победу над шведским войском у устья Невы (15 июля 1240 года)

¹ Вскоре после триумфальной победы над шведами князь Александр вынужден покинуть Великий Новгород по решению Вече и уйти с дружиной в Переславль-Залесский.

² После захвата тевтонскими рыцарями Изборска и Пскова к князю Александру отправляется новгородское боярское посольство с просьбой о возвращении и защите от смертельной угрозы.

Пазл 5

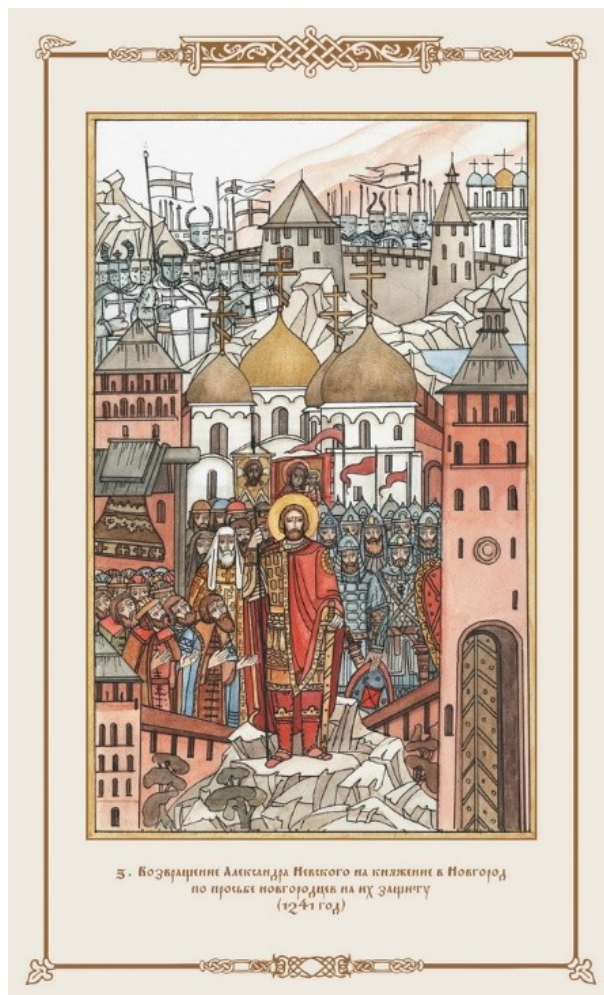
«В нашем огне пребывает свобода.
 Можно ее купить¹...
 Кто отомстит за душу народа,
 если ее оскопить?..
 Князи, дружинники, прочие смерды –
 гати болотной Руси, –
 Крепость Престола и тяготу смерти
 вам надлежит обрести.
 Кто вы: славяне? чуди? мери?
 Каждый – по сути – раб!
 Ваши досужие суеверия –
 лжехристианский скарб...
 Мните себя византийскими ближними,
 вот и настал черед.
 Это – не Пасха, не крестовоздвижение;
 это – крестовый поход!

Слушай и ты, молодой триумфатор,
 ставленник невосковой зари.
 Римский понтифик через легата
 ныне с тобой говорит!
 Как, – поклоняясь единому Богу, –
 не признавать мой сан?!
 Кто нашептал тебе эту дорогу?
 Кто научил, Александр?..

Ты утверждаешь, что сила – в Правде?
 чуток Чудской лед?
 Sancta simplicitas!..² Рыцари-братья,
 благословляю, вперед!»

.....
 .....

Русские шли удивительно просто,
 щурясь на солнечный свет.
 Пили из чаши весенний воздух,
 словно и гибели нет.
 Кнехты и всадники бились в припадке,
 тщетно цепляясь за снег!
 Так начиналась последняя схватка:
 ныне и присно; вовек...

¹ Согласно римско-католическому учению срок пребывания души в чистилище можно сократить, в том числе, посредством индульгенций.

² Святая простота! (лат).

Пазл 6

Если не слышать напутственный глас, –
не миновать беды.
Что ты провидел, Великий князь,
в гимнах Златой Орды?

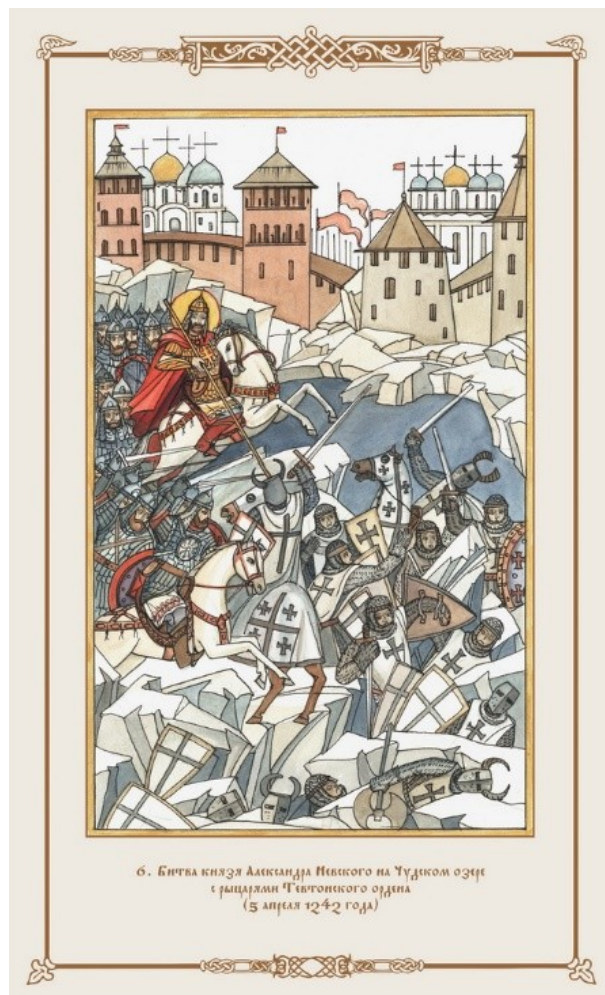
Разве живительной может быть
влага сухих степей?
Вот и отец дерзнул пригубить
от ярлыка: «Владей!..»¹

Вот и – допрежде него – князья
сгнули в этой мгле.
Только измены простить нельзя
Богу и Отчей Земле.

Зрячий – безмолвен, невидящий – нем;
скрыты и день, и час.
Выбор – всегда – искушающий плен
и роковой соблазн.

Только одно не учел ты легат:
русскому ли не знать,
что Одигитрия – в нимбе лампад –
Светлая Божия Мать?

«С миром ступайте, и мне пора
в лоно незримых уз...
Ночь – это время охраны добра;
ждет охранителя Русь»².

¹ Отца Александра Невского Великого князя Ярослава Всеволодовича отравили на курултае в Каракоруме, куда он был направлен ханом Батыем для утверждения ярлыка на княжение.

² Александр Невский отказался верить письму римского папы Иннокентия IV и его легатам о якобы данном отцом обещании принять католичество и прекратил общение с латинянами.

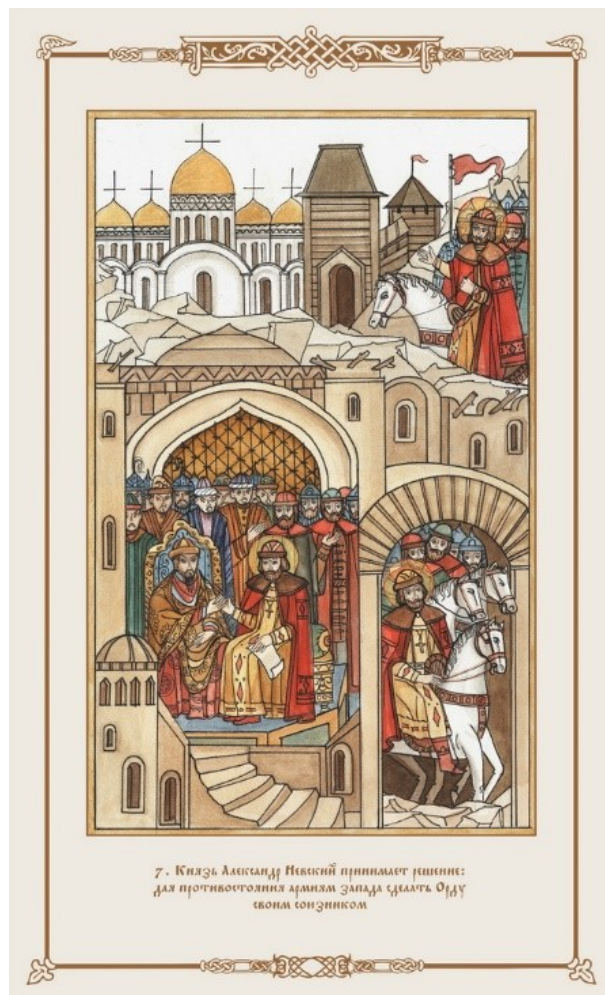
Пазл 7

Испокон одержим попечительством,
Град земной никуда не уйдет.
Всех святых неземным покровительством
мы чураемся чуждых щедрот¹.

Александр, нестяжанием ревностным
к милосердному Богу воззвав,
сохрани наши души для верности
Правде, Сущей на небесах.

Надели торжеством одержимости,
окропи Шлиссельбургским огнем²,
приобщая к спасительной милости,
тех, кому примириться дано
ни тевтонской надтреснутой митрою,
ни улусом Орды Золотой,

но одной – православной – молитвою!..
И единой Державой Святой.

7. Князь Александр Невский принимает решение:
для противостояния армиям запада сделать Орду
своим союзником

¹ За переход в католичество папа Иннокентий IV обещал Александру Невскому королевский титул и военную поддержку против Золотой Орды.

² В 1724 году по пути в Санкт-Петербург мощи Святого благоверного князя Александра Невского пострадали при мистическом пожаре в церкви в Шлиссельбурге.

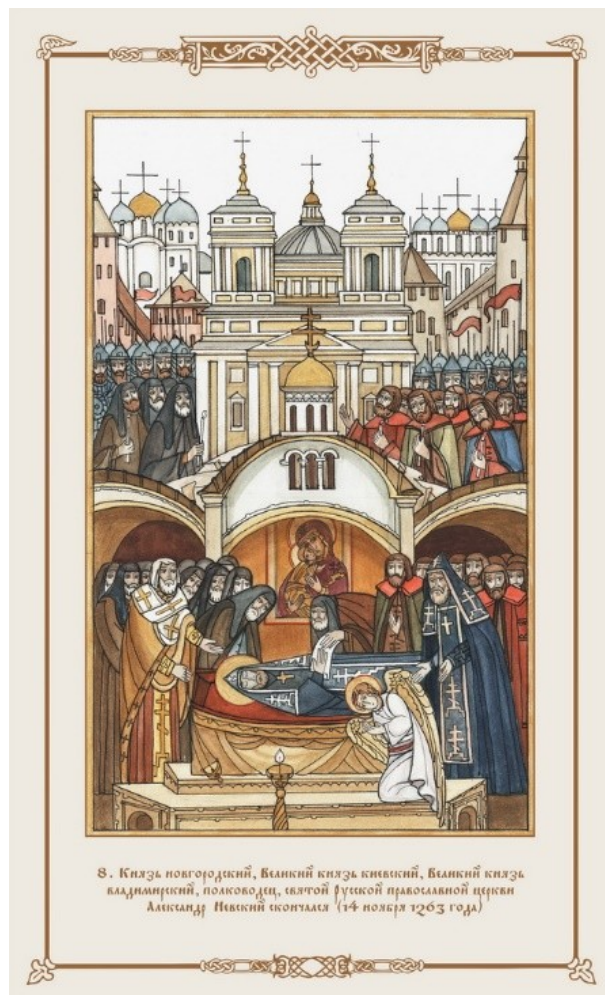
Пазл 8

И когда постригали его в Городце,
он доподлинно ведал, что,
как Иисус пребывает в Своем Отце,
так и Русь – нераздельный дом,

где и царские сени будут цвести,
и престольная сфера светла,
даже если сей дом предстоит возвести,
положив во главу угла
вместе с доблестью ратной – смирения крест,
подвиг жертвенный ради живых...

К тихоструйной Непрявде
и сонной Угре
путешествуют души святых...

И еще – наперед – псковичам завещал
не жалеть для гонимых слезы.
Потому что монах Алексей¹ знал,
что у брата родится сын²...

8. Князь новгородский, Великий князь киевский, Великий князь владимирский, полководец, святой Русской православной церкви Александр Невский (кончался 14 июля 1263 года)

¹ Приняв перед смертью монашеский постриг, Великий князь Александр Невский получил новое имя – Алексей.

² Племянник Александра Невского Великий князь Михаил Тверской претерпел мученическую смерть в Орде и причислен к лику святых. Его сын Великий князь Александр Тверской, спасаясь от гнева хана после антитатарского восстания в Твери, бежал в Псков, но затем добровольно отправился на казнь в Орду.

Памятник Александру Невскому у собора Святого Благоверного князя Александра Невского в Нижнем Новгороде

Профессор Р. А. Ромашов

Орбитальные люди

Путь к орбите, путь на орбите,
Если Вы вне орбиты, простите,
Ну о чем нам тогда говорить,
Просто жить, по течению плыть,
Не к чему приземленным полет,
За пределы привычных широт,
Для чего? Почему? Потому!
Орбитальные люди – причина всему,
Орбитальные люди везде,
Вверх стремятся к заветной звезде,
Пережитые годы отбросив
Словно листья в минувшую осень,
Отвергая домашний уют
Орбитальные люди, порой устают
И рискуют , и копыя ломают,
Дон Кихотов не все понимают,
Благородство и честь иногда,
Принимают за скудность ума,
Не умеющих в жизни вертеться,
Не сжигая себя, лишь погреться,
Быть как все, без забот и хлопот
Свой лелея земной эшафот,
Орбитальные люди плюют на судьбу,
Не взирая на сплетни, вражду, ворожбу,
Поднимают себя на орбиту мечты,
Мир спасая от скверны теплом красоты.

Ученый на отдыхе

От редакции. Предлагаем читателям ознакомиться с жизненным путем профессора В. Б. Исакова по прилагаемой Карте юриста-инноватора (опубликована в журнале «Юридическая техника». 2021. № 15. С. 100–117)

КАРТА / ПАСПОРТ ИННОВАЦИОННОГО ЮРИСТА

Ф.И.О.: Исаков Владимир Борисович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

ФОТОГРАФИЯ:

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ:

1950-1967 – родился в г. Нижнем Тагиле Свердловской области. Закончил среднюю школу № 64 на отлично и хорошо, но без медали.

1967-1971 – закончил Свердловский юридический институт с красным дипломом и поступил в аспирантуру этого института.

1972-1973 – служба в Советской армии (Северный Казахстан, г. Семипалатинск-4).

1973-1975 – продолжил учебу в аспирантуре и успешно защитил кандидатскую диссертацию «Фактический (юридический) состав в механизме правового регулирования» под руководством проф. С. С. Алексеева. (Свердловск, 1975).

1975 – удостоен Почетного диплома ЦК ВЛКСМ и Академии Наук СССР для молодых ученых за рукопись монографии «Фактический состав в механизме правового регулирования». Монография опубликована в издательстве Саратовского государственного университета (Саратов, 1975).

1975-1977 – принял участие в подготовке и редактировании учебников «Проблемы теории государства и права» (М.: Юридическая литература, 1979) и «Теория государства и права» (М.: Юридическая литература, 1985).

1984 – опубликовал монографию «Юридические факты в советском праве» (М.: Юридическая литература, 1984).

1985 – защитил докторскую диссертацию «Проблемы теории юридических фактов» (Свердловск, 1985).

1987 – получил звание профессора по кафедре теории государства и права.

1986-1988 – принял участие в нескольких организационно-деятельностных играх под руководством Г. П. Щедровицкого. Предпринял попытку поведения собственных игр. Замыслил методологический курс по теории государства и права, реализация которого началась в 2009 году в виде курса «Правовая аналитика».

1988-1990 – участник правозащитного движения. Опубликовал ряд полемических статей, стал одним из учредителей Свердловского общества «Мемориал». В 1989 году участвовал в выборах народных депутатов СССР, выборы проиграл. В 1990 году участвовал в выборах народных депутатов РСФСР, победил в первом туре, набрав более 50 процентов голосов избирателей.

1990-1993 – народный депутат РСФСР, член Верховного Совета РСФСР, председатель палаты Совет Республики, член Конституционной комиссии, председатель Комитета по конституционному законодательству. Участник защиты «расстрелянного» Белого дома.

1994-1995 – депутат Государственной Думы, Председатель Комитета по законодательству и судебной-правовой реформе.

РАЗДЕЛ VII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ

1995-1996 – выпустил три книги «Парламентских дневников» о становлении и первых годах деятельности Российского парламента.

1996 – принят в Союз писателей России.

1996-2002 – Начальник Правового управления Аппарата Государственной Думы.

2002-2011 – Руководитель Правового департамента, вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения НИУ ВШЭ (по совместительству), с 2005 года – заведующий этой кафедрой.

2006 – Почетная грамота Государственной Думы. **2008** – Почетная грамота Президента Российской Федерации. **2009** – звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

2011-2020 – профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой теории и истории права.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Раздел I. ИННОВАЦИИ В ОБЛАСТИ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА, ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

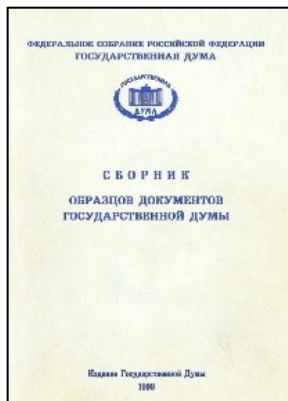
1. Законотворческие инициативы

- Федеральный закон от 1 июня 1995 года № 86-ФЗ «О государственных долговых товарных обязательствах».
- Участие в разработке и принятии Гражданского кодекса Российской Федерации (части 1 и 2), федерального избирательного законодательства, других важнейших нормативных правовых актов.
- Поправки к Конституции РСФСР и РФ, постановлениям съездов народных депутатов, актам текущего законодательства.

2. Инновации в области правовой экспертизы и юридической техники

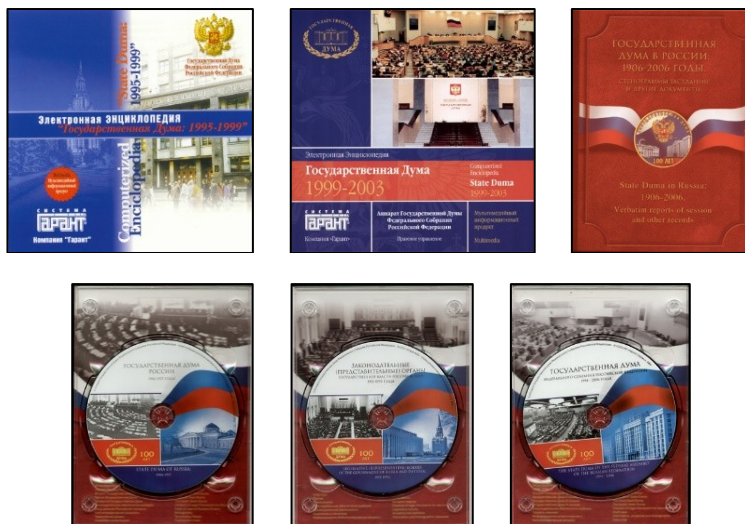
- Цифровое имя (номер) законопроекта (Пример: 237864-7)
- Сборник образцов документов Государственной Думы
- Технологические карты правовой экспертизы законопроектов
- Общеправовой классификатор и тезаурус (участие в разработке)
- Электронный словарь дефиниций российского законодательства (участие в разработке)

№	Рабочая процедура	Используемые средства	Форма отражения результатов
1. Проверка юридического статуса поступающих документов (каждой контроль)			
1.	На экспертизу принимаются материалы, поступившие в установленном порядке через Управление документационного обеспечения и информационно-ретрансляционный канал.	Информация о регистрации законопроекта в Управление документационного обеспечения (4.1, 2.12) Инструкция по документационному обеспечению (1.13, 6.5) Решение Комитета ГД по Регламенту и организации работы ГД	Проверяется канцелярией Правового управления при получении материалов
2.	Принятие экспертного законопроекта	Регламент	Государственный

3. Электронные энциклопедии ГД

Включают избирательное законодательство, списки избранных депутатов, их биографические данные, сведения о составе комитетов и комиссий, стенограммы пленарных заседаний, законодательные инициативы, поименные голосования, сведения о проведенных парламентских слушаниях, парламентская статистика и аналитика. Отдельным изданием на трех дисках вышла энциклопедия представительных органов государственной власти в России за 100 лет – с 1906 года по 2006 год.

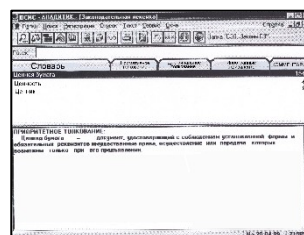
4. Развитие информационных технологий в сфере права

- Информационные правовые ресурсы России: обзор (CD-rom, 1998).
- Инструменты и технологии систематизации законодательства (CD-rom, 2000).
- Информационные технологии для законотворчества: сборник программ и разработок (CD-rom, 1998).
  - Проблема доступа граждан к правовой информации: Проблемы. Опыт. Решения. Документы. Материалы международного семинара (CD-rom, 1999).
  - Проблема обеспечения прав граждан на доступ правовой информации: Материалы международного «круглого стола», 1997) (Сборник статей, 1999).
  - Официальное электронное опубликование: История. Подходы. Перспективы. (Коллективная монография, 2012).
  - Нормативный правовой акт в электронной форме // В кн.: Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для вузов. 2-е изд., М., 2020.

5. Незаконченные проекты

- Национальный электронный архив законодательства России (разработана концепция)
- Электронный словарь (энциклопедия) юридической лексики (не окончено)
- Конституции и регламенты России (не окончено)
- Первая Государственная дума в Таврическом дворце (не окончено)

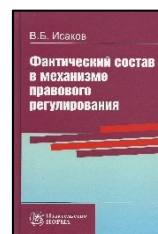
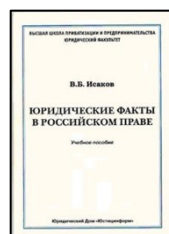
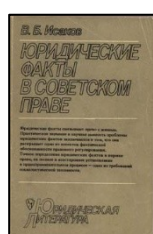
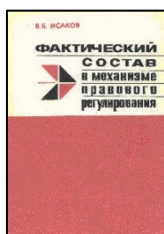

Раздел II. ИННОВАЦИИ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

1. Инновации в сфере науки

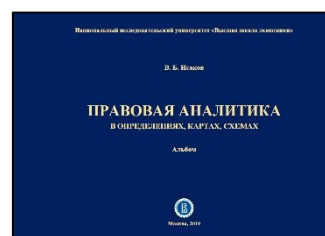
(а) Теория юридических фактов и фактического состава:

- Фактический состав в механизме правового регулирования: монография. (Саратов, 1980; Москва, 2020).
- Юридические факты в советском праве: монография (Москва, 1984; Москва, 2020).
- Брошюра, главы в учебниках, статьи.

(б) Правовая аналитика:

- Правовая аналитика: учебное пособие (Москва, 2015).
- Говорите языком схем: учебное пособие (Москва, 2016).
- Словаря аналитической графики: учебное пособие (2019)
- Правовая аналитика в определениях, картах, схемах: Альбом (Москва, 2019).

2. Инновации в области преподавания

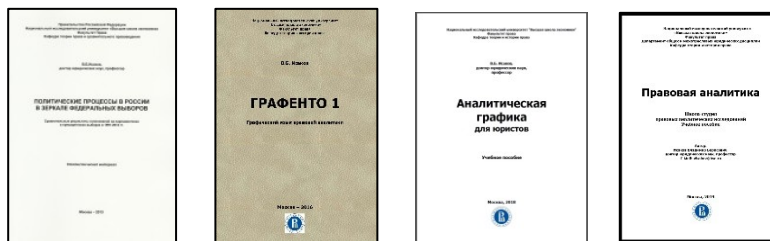
- Электронный учебно-методический комплекс по ТГП (2005 г.)
- Учебно-методический комплекс по основам права – 2 книги (2014-2015 гг.) – автор концепции, ряда материалов, ответственный редактор
- Научно-образовательный комплекс «Теория государства и права» – 4 книги (2020 г.) – автор концепции, ряда материалов, ответственный редактор
- Творческие задания
- Сборники задач и ситуаций по теории государства и права

РАЗДЕЛ VII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ

- Альбом схем по теории государства и права
- Разработка понятийных рядов
- Игропрактикумы по ТГП и основам права – автор концепции, ряда материалов, ответственный редактор.

- Разработка концепции и программы курса «Правовая аналитика»
- Комплекс учебно-методических пособий (2009-2020 гг.)
- Методика аналитической школы-студии (аналитического театра) (с 2014 года)
- Разработка «Рабочий блокнот по правовой аналитике» (2020)

4. Организация и проведение деловых игр

- «Цели высшего юридического образования». Проектно-аналитическая деловая игра. Московская область, пансионат «Голицыно». 1–5 февраля 2010 года.
- «Взаимодействие юридических и технических норм в экономике России. Программа исследований и разработок». Проектно-аналитическая деловая игра. Московская область, пансионат Голицыно, 31 января-4 февраля 2011 года¹.
- «Формирование аналитической компетенции юриста». Проектно-аналитическая деловая игра. Московская область, учебный центр НИУ ВШЭ «Вороново», 1-5 февраля 2015 года.

¹ Опубликовано: «Взаимодействие юридических и технических норм в экономике России: Материалы проектно-аналитической деловой игры». М.: Издание Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2012. – 168 с. Отчет об игре см. по адресу: https://pravo.hse.ru/data/2012/07/02/1254458074/02_Зимняя%20школа-игра-2011.pdf

Раздел III. ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

- Председатель Совета Республики: Парламентские дневники (3 книги, 2 издания)
- Расчлененка: Кто и как развалил СССР (2 издания)
- Брошюры, статьи

Всего публикаций (на июнь 2020 года) – 672
В Научной электронной библиотеке – 173
Индекс Хирша – 20

В. Б. Исаков, доктор юридических наук,
профессор НИУ ВШЭ

10 дней на Байкале

Не люблю говорить про отпуск. Когда меня о нем спрашивают, мне не о чем особенно рассказать. Ну, провел отпуск в Москве. Работал над статьями. Заканчивал монографию. Дописывал главу в учебник. Готовился к будущим лекциям и семинарам. Вот, собственно, и все. Кому это интересно? Когда же я стал отвечать на этот вопрос, что готовлюсь к поездке в Сибирь и проведу 10 дней на Байкале, то увидел, как в глазах собеседников вспыхнули удивление и интерес:

– На самом деле? Это здорово! Молодец!

23 июля 2021 года. Аэропорт Домодедово встречает шумом, гамом, толкотней большого базара. Хотя с советских времен он вырос в несколько раз, все равно опять стал тесным. Мы прибыли, конечно, заранее, зарегистрировались и сели всей компанией в одной из кафешек зала вылета, потягивая пиво (Тимофей, конечно, воду). Неспешно обсудили перспективы будущего путешествия, а также главную домодедовскую достопримечательность, – безумные цены на все.

Пятичасовой перелет в Иркутск я бы не отнес к первым прелестям путешествия. Сервис главного сибирского авиаперевозчика, компании «S7 Airlines», не дотягивает даже до аэрофлотовских стандартов, не говоря про международные. На борту нет газет и журналов. Наушники не выдают, нет даже гнезда, куда их можно вставить. Правда, в спинке кресла есть подставка для личного гаджета и внизу – розетка электропитания. И это все. Те, кто об этом не знал или не подумал (как я), – могут сдохнуть за пять часов от скуки. Дорожных подушек нет. Пледы – по отдельной большой просьбе, которая встречается кислой миной. Все разнообразие прохладительных напитков исчерпывается «Сенежской минеральной», с газом или без. При этом ждать воду приходится безумно долго, так как всего одна пара проводников обслуживает весь длинный салон эконом-класса. Горячий обед есть, но более чем скромный: кулинарный акцент сделан на хлеб – в наборе есть дорожная булочка и еще два куска хлеба отдельно. При этом рекламный буклет в приподнятом тоне сообщает, что «S7 Airlines» возглавляет список лучших авиакомпаний России. Наверное, где-нибудь с конца.

Иркутск, куда мы прилетели утром следующего дня, заметно отличается не только от Москвы, но и, например, от Екатеринбурга в худшую сторону. Какой-то облезлый, пыльный, неинтересный. В центре – старые, полуразвалившиеся деревянные дома. По окраинам – почерневшие советские пятиэтажки. Современных зданий мало. Даже в городе – основательно разбитые дороги. Ухабы естественного происхождения щедро дополняются там и сям лежащими полицейскими. Ну как же, безопасность движения у нас на первом месте! Уныние и запустение ощущаются практически повсеместно.

Далее – четырехчасовой путь в порт МРС (Сахюрта), где нас ждет корабль. Картина за окном автобуса становится веселее. По дороге минуем целых три природно-климатические зоны – степь, лесостепь и тайгу: сначала – степные просторы, где только трава и пасется скот, затем – большие поляны, окаймленные лесом, и наконец – густая плотная тайга. За окном автобуса пролетают небольшие селения, загоны для скота. Пересекли речку с замечательным названием «Орда». Да-да, где-то здесь поблизости она и кочевала.

На перевале под знаком «Ольхонский район» сделали привал. Местный одноэтажный бизнес-центр: два ряда киосков вытянулись по сторонам дороги. Продавцы выглядывают из-за прилавков и призывно машут руками. Меню везде одинаковое, бурятская кухня: позы из пельменного теста с рубленым мясом, которые готовятся на пару. (Узнал потом в интернете, что форма этого большого пельменя скопирована с бурятской юрты). Горячо, вкусно, сытно. Съел две штуки – больше не смог. Можно заказать также бухэлезр – мясо и картошка в бульоне, крупными кусками. (Местные выговаривают «бухлер», намекая тем самым, что с бухлом прямо в тему). На подносах свежая выпечка: пирожки с мясом, с картошкой, с джемом. Само собой, чай – обычный и с травами. Ну, и европейские забавы – пепси, фанта, морсы, минеральная вода. Признак цивилизации – через дорогу платный туалет типа ватерклозет. Справить надобности можно за 25 рублей. Для кого дорого, в двух шагах тайга – бесплатно.

Вот, наконец, и порт МРС. Спешно грузимся на корабль, в трюм, пока все в одну каюту, немного напоминая вывозимых в Америку негров. Причина спешки прозаична – на горизонте появился полицейский наряд, который ходит по причалам и «наводит порядок» – другими словами, собирает с капитанов мзду. Взревел мотор, мы отваливаем от причала. У-ф-ф! На этот раз, кажется, пронесло.

Пока все участники путешествия все вместе в одной каюте, я их представляю.

Юрий Михайлович Сайгин (далее – ЮМ) – душа и организатор нашей поездки. В прошлом – создатель и руководитель компании РД-тех.

Николай Чельшев – сокурсник (однотруппник) ЮМ в МФТИ. правая рука ЮМ, соорганизатор и финансовый директор нашего проекта. Сотрудник компании «Форс».

Владимир Рюрикович – сокурсник (однотруппник) ЮМ в МФТИ. Страдает ожирением, однако активно участвовал во всех наших вылазках. На пенсии, но ведет проекты в сфере информационных технологий.

Сергей Анатольевич Шестаков – партнер ЮМ по бизнесу. Хмурый на вид мужчина с замечательным юмором. Живо откликнулся на все события поездки.

Юнир – знакомый и друг ЮМ. Когда-то были соседями. Сегодня живет в г. Сочи. Татарин по национальности. Внешне немного напоминает похудевшего Эрдогана.

Алик – спортсмен, любитель жизни. Живет в г. Сочи. В прошлом – главный инженер связи. Армянин по национальности. Обеспечил нас 80-градусной чашечкой, которую мы разводили и пили всю поездку и еще осталось.

Валера – 36 лет, племянник ЮМ. Специалист по дизайну. Раньше занимался дизайном упаковки, теперь перешел на крупные формы – макеты, стенды. Как и я, преподает в вузе.

Бенуа – муж Надежды, племянница ЮМ. Примерно того же возраста, что и Валера, и дружит с ним. Альпинист. Узнаваем по живописной бороде и неброской французской элегантности. Живет в Париже, неплохо говорит по-русски.

Ну, и дальше мы с Тимофеем, моим внуком. Приглашены в поездку ЮМ.

Полундра отменена, вся компания выбирается на палубу. Познакомимся с кораблем, на котором нам предстоит провести 10 дней. Судно выкрашено в белый цвет с красивыми голубыми полосами по бортам. В отличие от всяких там легкомысленных «Чаяк», «Ласточек» и «Буревестников», на носу строгая надпись: «P78-24ИР». Подозреваю, что это – сокращенные паспортные данные судна. Судя по многочисленным слоям краски и сохранившимся фрагментам старой обшивки, 1978 – это год его рождения. Позднее была реконструкция, корму увеличили, сделали на ней закрытый шатер, а обшивку – практически полностью заменили. В шатре – стол и лавки, там мы обедали и общались. Задний борт судна – на цепях, откидной: с него можно купаться (для этого приделана лесенка) и удить рыбу. Да, чуть не забыл: на корабле, помимо туалета с душем, имеется баня-сауна, в которой можно замечательно попариться.

В нижней части корабля имеются три каюты на 4-х человек каждая. Мы с Тимофеем поселились в одной из них вместе с Валерой и Бенуа. Нам всем крупно повезло: храпунов среди нас не оказалось. В каюту ведет крутая лестница-трап, которую мы сначала недооценили. Первым с нее спланировал Тимофей (без последствий, не считая ушиба), затем грохнулся Володя, который отделался глубокими синяками, третьим слетел Алик и сломал три ребра. Ох, нелегко дается морская наука!

В каюте два места внизу и две подвесных койки. Обшивка каюты выполнена из светлого дерева. Имеются стол, шкафчики, большое зеркало. По бортам – по два небольших иллюминатора, которые не открываются, так как расположены близко от воды. Есть два бра и достаточно яркий верхний свет (при этом выключатель размещен на потолке). В углу на полке – видеопроигрыватель, который мы за время путешествия так ни разу и не включили.

Экипаж корабля состоит из трех человек. Капитан корабля – *Сергей*, невысокий мужчина, который любит наряжаться в яркие шорты и пестрые туристские комбинезоны. Он разъясняет нам правила поведения и суровым тоном делает замечания. В нерабочее время – душа человек. Его старший помощник – *Костя*, сибиряк лет 45, который не делает нам замечаний, но иногда дает советы – полезные и точные. Вместе с капитаном они осуществляют причаливание и отчаливание, натягивают и укрепляют канаты, которые удерживают судно и не дают ему завалиться боком.

Третий член команды – *Слава*, наш повар или, выражаясь по-корабельному, кок. Как выяснилось вскоре, он – главное сокровище нашего путешествия. Слава обеспечил нам трехразовое питание, разнообразное и вкусное. Утро начиналось с каши, причем всякий раз новой, сопровождаемой мясной и

сырной нарезкой, затем – обед из трех блюд, горячий вечерний ужин. Помимо этого, постоянно пек блинчики, крутил паштеты, солил пойманную рыбу. В любое время можно было вернуться к нему на кухню и перехватить чаю или кофе с бутербродом или печеньем. Для того чтобы прокормить 12 здоровых мужиков он практически весь маршрут не вылезал из кухни. Прощаясь, я спросил у него, где он так хорошо научился готовить (думал, что в армии). Оказалось, что Слава – повар с 35-летним стажем, работал в кафе и ресторанах, исполнял обязанности шеф-повара. Настоящий профессионал, который все умеет сам.

Вернувшись домой, я первым делом залез на весы: какова будет расплата за чревоугодие? Сколько набрал? Уезжал, было 101,5. Те же самые домашние весы показали – 100,3. То есть не набрал, а сбросил более килограмма! Оказалось, что при правильном регулярном питании еще и худеют! Еще раз спасибо, Слава!

Здесь пора оторваться от бытовых подробностей и сказать несколько слов о самом Байкале. Я был на нем несколько раз, но, пожалуй, впервые приехал надолго и «лицом к лицу». Чистая, прозрачная вода. Крутые горы-сопки, поросшие лесом. Кое-где в промоинах и распадках даже сейчас, в конце июля, белеет снег. Крутые берега, обтесанные и обгрызенные волнами. Чистый, свежий, холодный воздух. (Правда, к сожалению, с большим количеством мух, слепней и мошкеры, которые на стоянках активно приветствовали наше появление). Температура воды под килем – от 9 до 16 градусов, поэтому в самом Байкале можно лишь окунуться и то при большом желании. Но по берегам – множество небольших озер, прудов и глубоких луж, в которых вода успевает прогреться. Еще раз оценил полезный совет: выезжая на Байкал, надо запастись не только майками и футболками, но и теплым свитером.

На третий день нашего путешествия завернули на мыс Котельниковский. Там из глубины недр пробились термальные источники и выстроена современная турбаза. Два бассейна – один с горячей (порядка 40 градусов) водой, другой – с теплой. Замечательное удовольствие – посидеть в бассейне с горячей водой, а затем – перебраться в бассейн с теплой. И повторить это несколько раз. Нас предупредили заранее, что данная процедура совершенно не терпит алкогольного опьянения, о том же на каждом шагу напоминали таблички. Видимо, доказано несколькими убедительными примерами.

На этой же стоянке была организована рыбная ловля «из-под винта». Читал и слышал о ней, но впервые поучаствовал лично. Выглядит она так. Корабль упирается носом в берег и закрепляется по обеим сторонам канатами. Капитан включает двигатели. Костя выносит ведро с подкормкой (что-то типа разваренной лапши) и подкармливает рыбу. Откидывается задний борт, рыбаки выстраиваются на нем со спиннингами и начинают забрасывать леску прямо в бурный поток. По моему разумению, нормальная рыба должна была бы шарахнуться от такого угощения, но она, дура, начинает хватать все подряд – и подкормку, и наживку, и всякий мусор, который винты поднимают со дна. За час ловится полное ведро отборных хариусов. Одного даже я поймал. И Тимофей – тоже (маленького).

Улов передается на кухню, где попадает в опытные руки Славы. Он делает из рыбы уху, жарит ее в соусе, в сухарях и в кляре. Но самое вкусное – рыба быстрого посола, которая готова уже на следующий день. Слава убирает из нее кости и разделывает на кусочки. По вкусу это что-то неопишное: чудная, слегка солоноватая рыба, которая буквально тает во рту. Надо ли говорить, что такая первоклассная закуска шла под соответствующие напитки и душевные разговоры? Тимофей к нам тоже присоединился – с чаем или минеральной водой.

Из разговоров остался в памяти следующий анекдот. Два приятеля поспорили на ящик водки, что один из них не сможет выйти на Красную площадь в красных носках.

Приехали утречком на Красную площадь. Один подтягивает брюки и демонстрирует другому красные носки. Вот, вышел! Другой разочарованно тянет:

– Конечно же, я имел в виду, что ты выйдешь на Красную площадь *в одних* красных носках.

Приятель удивленно смотрит на него, но соглашается повторить. На следующий день приезжают снова. Приятель подтягивает брюки и демонстрирует красные носки. Затем снимает их – под ними надеются другие красные носки:

– Все, как договорились: я вышел на Красную площадь *в одних* красных носках!

Анекдот хорош тем, что в нем – смысловая игра вокруг слова «в одних». Можно даже студентам привести как пример различного контекстного толкования одного и того же термина.

30 июля посетили местечко Хакусы – по-бурятски «горячая вода». Небольшая прогулка по лесу – и вот несколько бассейнов с горячей водой разной температуры. Полежали в горячей воде, расслабились, отдохнули. Кроме нас было несколько компаний с детьми, которые с удовольствием бултыхались в целебной воде. Турбаза не такая благоустроенная, как на Котельниковском мысу, но вполне приличная. Есть даже магазин и небольшое кафе. Тимофей, наконец, смог выпить любимое кофе-латте, по которому соскучился за время путешествия. А я купил карту Байкала, на которой капитан потом по моей просьбе проложил наш маршрут.

В этот день дедушка Байкал, наконец, показал свой характер. Во второй половине дня поднялся ветер, по гребням волн побежали белые барашки. Наш корабль покачивался, но вел себя солидно, а вот катера рядом швыряло, как щепки: ни причалить, ни отчалить без посторонней помощи они уже не могли. Вечером мы снялись с якоря и продолжили путешествие. Болтало, конечно, но не слишком сильно,

так как все время шли носом против волн. На удивление, морской болезнью никто не страдал. Даже сквозь сон ухо чутко ловило звук работы мотора: шутки с Бакалом плохи, теперь от него зависела наша жизнь.

Венцом путешествия стало посещение национального природного парка – острова Ольхон, который считается визитной карточкой Байкала. В переводе с бурятского «Ольхон» означает «лесочек» или «немного лесистый». Однако этот «немного лесистый» – один из самых больших на планете островов: 73 км в длину, 15 км в ширину, 730 кв. км по площади. Наш корабль встал на рейде и Костя по очереди доставил всех на берег к мысу Бурхан, прямо рядом со скалой Шаманка – одной из святынь Азии. Скала граничит с холмом, на котором – ритуальное место бурят. Издалека видны столбы сергэ, украшенные лентами, вокруг них – толпы туристов.

Поселок Хужир сбоку от холма согрет не только солнцем и красотой природы, но и веяниями рыночной экономики. Прямо от святых мест начинается улица, практически полностью состоящая из гнездилищ суетных человеческих грехов – прилавков, магазинчиков, сувенирных лавок, небольших кафе и гостиниц. Прогулявшись по этому местному туристическому Бродвею, мы вернулись на корабль. Уже глубокой ночью он пришвартовался четвертым бортом в порту МРС. Цыганским табором, чрез три корабля, перекочевали на пристань.

Обратный путь в Иркутск проходил по тем же местам, но ранним утром. Прибайкальская природа в это время прекрасна. Те же три природно-климатические зоны – степь, лесостепь и тайга, – но укрытые свежим утренним туманом, который слоился по полям и низинам. Встающее солнце наполняло эту чудную картину серебристым светом.

Поселки и деревеньки по нашему пути, конечно, спали. Привал сделали на придорожной автозаправке, вполне современной, точнее, старавшейся казаться таковой: горячий кофе из автомата, шоколад, сникерсы, гамбургеры, чипсы. Оплата – пожалуйста, можно и с карточки. Но туалеты закрыты на ключ и неотложные дорожные потребности предлагается справиться с откоса за углом. Однозначно: граница «Европа-Азия» проходит прямо по стене этого магазина.

Наш обратный маршрут пролегал через центр Иркутска, который, умытый ранним утренним дождем, на этот раз произвел более благоприятное впечатление. А вот аэропорт Иркутска, явно не по чину присвоивший себе звание «международный», остался тем же – тесным, темным, неудобным. В киоске местных товаров, на втором этаже в зале вылета, удалось купить шикарный подарок – вяленого омуля. Удовольствие не из дешевых – отдать пришлось без малого по 1 тыс. руб. за одну рыбку, но они того стоили. Продащица по моей просьбе упаковала каждую по-отдельности в бумагу и перевязала скотчем. Затем – уложила в два полиэтиленовых пакета, поскольку чудный запах копченой рыбы просто сводил с ума. Вот радости то будет, когда ее станут распаковывать!

К полету в караван-сарай от «S7 Airlines» я подготовился на этот раз основательнее: зарядил читалку, наметил тексты, которые можно прочитать в полете, поэтому не так страдал от скуки. Да и экипаж на этот раз подобрался чуть более внимательный и любезный. Короче, через пять часов благополучно сели в Домодедове.

Типа эпилога. Для меня в отпуске главное – смена обстановки, возможность вырваться из надоевшей за год рабочей обыденности. В отношении поездки на Байкал могу сказать – получилось: всего за 10 дней отдохнул по полной программе. Новая обстановка, новый круг людей, общение в этом кругу – все это позволило под новым углом взглянуть на свою жизнь и себя прежнего. Из этой поездки я вернулся немного другим – с новыми мыслями, оценками, планами, более свежим ощущением реальности. Все-таки полезно иногда вывалиться из летящего неизвестно куда поезда, полежать в прохладных придорожных кустах и спокойно подумать.

Спасибо, Байкал!

Москва, 9 августа 2021 г.

РЕЦЕНЗИИ

Баранов Владимир Михайлович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

Baranov Vladimir Mikhailovich

doctor of law, Professor, honored scientist of the Russian Federation, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, assistant to the head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia for innovative development of scientific activities, President of the Nizhny Novgorod research and applied center "Legal technology"

E-mail: baranov_prof@bk.ru

Баранова Марина Владимировна

доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры трудового и экологического права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Baranova Marina Vladimirovna

doctor of sciences (law), candidate of science (cultural studies), professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, professor of the department of labor and environmental law, faculty of law of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: qazxsw1232007@yandex.ru

Погодина Татьяна Григорьевна

доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики, доцент, полковник полиции Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

Pogodina Tatiana Grigor'evna

doctor of medical sciences, professor of the department of criminology, associate professor, police colonel of the Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia

E-mail: tatiana.pogodina@mail.ru

Черных Евгения Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, и. о. декана юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Chernykh Evgeniya Evgenevna

candidate of law, associate professor, acting dean of the faculty of law of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: ewg.chernykh84@yandex.ru

**Дефектность оказания медицинской помощи:
качество законодательства, практика и техника его реализации
Рецензия на монографию А. А. Понкиной и И. В. Понкина
«Дефекты оказания медицинской помощи»
(М., ГЭОТАР-Медиа, 2021, 312 с.)**

**Defectiveness of medical care: the quality of legislation,
practice and technique of its realization Review of the monograph
by A. A. Ponkina and I. V. Ponkin "Defects in the provision of medical care"
(M., GEOTAR-Media, 2021, 312 p.)**

Аннотация. Публикация представляет рецензию на монографию А. А. Понкиной и И. В. Понкина «Дефекты оказания медицинской помощи» (М., ГЭОТАР-Медиа, 2021, 312 с.). Авторы рецензии поднимают важные вопросы позиционирования и квалификации дефектов медицинской помощи.

Ключевые слова: негативный исход медицинской помощи, медицинская ошибка, дефект оказания медицинской помощи, право на безопасную медицинскую помощь, юридическая ответственность врача, медицинское право

Abstract. The publication presents a review of the scientific monograph by A.A. Ponkina and I.V. Ponkin "Defects in the provision of medical care" (M., GEOTAR-Media, 2021, 312 p.). The reviewers raise important questions about the positioning and qualification of health care defects.

Keywords: negative outcome of medical care, medical error, defect in the provision of medical care, the right to safe medical care, legal responsibility of a doctor, medical law

К каждому из авторов настоящей рецензии в разное время обращались коллеги из медицинских вузов с просьбами прочитать лекции о юридической ответственности в медицинской деятельности. И тогда неминуемо вставал вопрос об обобщающих материалах в помощь такой лекции, а затем приходило понимание дефицита такого рода материалов.

Летом 2021 года в крупнейшем российском медицинском издательстве увидела свет толковая, вдумчивая научно-юридическая монография двух специалистов в медицинском праве – доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина и кандидата юридических наук А. А. Понкиной, посвященная тематике негативных исходов оказания медицинской помощи, наиболее насущных проблем в этой сфере.

Это издание достраивает монографии тех же соавторов о правах врачей¹ (что априори снимает и исключает всякие подозрения в акцентах на очернении врачебного сообщества) и о правах неизлечимо больных пациентов², а также о правах пациентов в целом (авторства одной А.А.Понкиной³), где тоже поднимались эти вопросы, хотя и с другой стороны, в другом разрезе. Новое издание мотивировано искренним беспокойством авторов о юридической безграмотности (или если угодно – недостаточной грамотности) врачебного сообщества и его юридической незащищенностью.

Несмотря на то, что данная тема издавна привлекает внимание исследователей, точных данных о распространенности врачебных ошибок не существует как у нас в стране, так и во всем мире: представляемые цифры у исследователей существенно разнятся. Ориентиром у нас могут быть данные Фонда обязательного медицинского страхования, приведенные в диссертационном исследовании Кудачовым А. В., где указано, что порядка 10% всей медицинской помощи в России оказывается с дефектами⁴.

Актуальность темы дефектов медицинской помощи самоочевидна в условиях все большего падения качества медицинской помощи, медицинского обслуживания и роста недовольства населения этими проблемами, причины чему коренятся далеко не только в самих врачах, но более всего в организации и урегулировании здравоохранения. Множество возбужденных в России уголовных дел последних лет в

¹ Понкина А.А., Понкин И.В. Права врачей. Изд. 3-е, дополн. и перераб. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. – 264 с.

² Понкина А.А., Понкин И.В. Правовое регулирование паллиативной медицинской помощи. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 176 с.

³ Понкина А.А. Права пациентов: Конституционно-правовое исследование. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 143 с.

⁴ См. Кудачов, А. В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. /А. В. Кудачов, Саратов – 2011. – 22 с.

отношении криминальных сетей торговли детьми под прикрытием «суррогатного материнства»¹, серия уголовных дел в отношении врачей по фактам черного рынка трансплантатов человеческих органов, фактам халатности, причинения смерти по неосторожности, ненадлежащего оказания медицинской помощи и многое другое, далеко не только в России, но и за рубежом, – все это показывает нездоровье системы охраны здоровья (а заодно и системы ее нормативного правового регулирования) и делает тему более чем востребованной и злободневной. Опасаемся: эта тема еще долго будет весьма актуальной. Тем более при таких ничтожных в регионах уровнях зарплат медицинских работников и при такой их крайней степени трудовой перегруженности.

Проблема возможных дефектов оказания медицинской помощи обострилась в связи с тем, что в настоящее время повсеместно ощущается нехватка медицинского персонала, работающего на пределе возможностей, а все силы и средства направлены в первую очередь на победу над новой коронавирусной инфекцией. Врачи, так называемой узкой специализации (эндокринологи, гинекологи, урологи, окулисты), вынужденно стали инфекционистами, работая в «красных зонах», отойдя от своей основной специальности. На этом фоне действительно, пришло время разобраться, что считать врачебной ошибкой, дефектом оказания помощи или халатностью и как можно предотвратить их последствия.

Актуальность темы связана и с текущими проблемами нормативно-правового обеспечения массовой вакцинации в условиях пандемии² и с проблемами, возникающими в процессах цифровизации в здравоохранении³, и в связи с новейшими генетическими разработками⁴, возможностями искусственного интеллекта в медицине⁵.

Проблема правовой оценки дефектов оказания медицинской помощи, безусловно, не нова. Как справедливо отмечают авторы, таких публикаций существует множество и появились они достаточно давно. В частности, в представленном издании во введении упоминаются работы, относящиеся к началу XIX века Сэмюэля Фарра, Томаса Стивенсона. Авторы вспомнили и наших известных врачей, вошедших в историю становления медицинских знаний, таких как Н. И. Пирогов, Ю.В. Каннибах, Р. А. Лурья, упоминающих о роли врачей в появлении проблем со здоровьем.

По этой теме и в настоящее время имеется значительное число газетных публикаций, новостных сообщений, есть и монографии. Но им недостает теоретической глубины, масштабности, широты взгляда.

Сравнить книгу И.В. Понкина и А.А. Понкиной, поднимающую обсуждение этой темы на более высокий уровень, с такими конкурирующими по теме изданиями можно по аналогии с тем, как сравнивают 1-й концерт Чайковского с его звучанием, порою, до сотни инструментов – с концертом современных рок-музыкантов со звучанием в лучшем случае полдюжину инструментов. Многогранность и многоаспектность, фундаментальность и научная весомость, релевантность, научная и прикладная аналитическая строгость выкладок и логическая стройность мышления, массивность источникового обеспечения – вот что отличает рецензируемое издание от других изданий по теме врачебных ошибок.

«Читать всего совсем не нужно, читать нужно только то, что отвечает на возникшие в душе вопросы», – писал Л.Н. Толстой в своем письме Н.Е. Фельтену 20 августа 1902 года⁶.

Указанная книга «Дефекты оказания медицинской помощи» удивительным образом излагает материалы, как будто специально превентивно заточенные на назревшие вопросы читателя. Причем материал подается настолько гармонично, что читателя не отпускает мысль, что ему все это известно, а авторы только помогают привести все эти разрозненные обрывки мыслей и знаний в порядок. Как писал А.Т. Марьянович, «скорее всего, с каждой прочитанной страницей у них будет крепнуть убеждение в том, что все сказанное здесь давно и хорошо им известно. Именно к этому я и стремился, именно это было

¹ См., например: «Украина не выдаст»: за что силовики ловят суррогатных матерей. Как иностранцы торгуют суррогатными детьми в России // <<https://www.gazeta.ru/social/2020/09/16/13252873.shtml>>. – 16.09.2020. Суд заочно арестовал суррогатную мать по обвинению в торговле детьми // <<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fa190719a79471f5de7de0e>>. – 03.11.2020. Понкин И.В., Понкина А.А. Заключение о правовой, биоэтической и нравственной оценке коммерческого суррогатного материнства // Вопросы культурологии. – 2021. – Т. XVIII. – № 6. – С. 544–559.

² См.: Понкин И.В. Заключение от 13.07.2021 о правомерности и правовой обоснованности массовой неизбирательной принудительной вакцинации от COVID-19 в Российской Федерации // <<http://moral-law.ru/index.php?p=post&id=201>>.

³ См.: Черных Е. Е. Цифровая медицина: риски правореализации инноваций в сфере здравоохранения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 84–94; Понкин И.В. Медицинское право в условиях цифровизации // Бизнес, менеджмент и право. – 2021. – № 1. – С. 22–25.

⁴ См.: Шевченко О.А., Кашехлева Е.А., Лаптева А.И., Иванов Д.В. и др. Стратегия правовых преобразований в сфере геномных технологий. – М.: Проспект, 2021. – 144 с. Мохов А.А., Сушкова О.В., Алексеева Н.А. Генетические технологии и право в период становления биоэкономики. – М.: Проспект, 2020. – 632 с.

⁵ См.: Черных Е. Е. Основные направления стратегий развития искусственного интеллекта в медицине: гонка за первенство и правовые риски // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 74–77; Черных Е. Е. Искусственный интеллект в здравоохранении России: современное состояние и уголовно-правовые риски // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 127–131.

⁶ Цит. по: Фельтен Н.Е. Из встреч с Л.Н.Толстым // Солнце России. – 1910. – № 2 (42). – С. 6–7.

бы высшей формой признания. Выразить в простых словах то, что думают многие, – есть ли дело более приятное?»¹.

Особенностями концептуального дизайна означенного монографического издания, вполне в (ставшей уже привычной) манере И.В. Понкина и его соавторов, являются: 1) фундаментальная и многоплановая теоретизация исследуемого тематического горизонта (исследовано огромное число вопросов и аспектов темы); 2) сложнейшая методология, интерпретация и лексика; 3) опора на массивно задействуемый в актуальных первоисточниках референтный зарубежный опыт (25 зарубежных государств: Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Великобритания (Шотландия), Венесуэла, Германия, Дания, Израиль, Исландия, Испания, Италия, Китай (Макао), Литва, Мексика, Норвегия, Польша, Сербия, Словения, США (не только федеральный уровень, но и уровень штатов), Франция, Швейцария, Швеция, Эквадор, Япония; обширная зарубежная судебная практика); 4) учет сложных взаимосвязей правового регулирования и экстра-правового регулирования в исследуемой сфере; 5) необычайно широкая информативность (значительное число источников).

Авторы, демонстрируя исключительно четкое представление о предмете, предлагают весьма свежий и смелый, представляющий существенный интерес подход к пониманию и толкованию врачебных ошибок и иных дефектов оказания медицинской помощи, других негативных исходов медицинской помощи и медицинского вмешательства.

Традиционно присутствующие в монографии «Введение» и «Заключение» обрамляют длинный ряд параграфов и разделов, объединенных в три главы, составляют формальную часть содержания.

Первая глава представляет обстоятельную нормографическую и нормо-аналитическую, систематизирующую проработку тематического горизонта негативных исходов оказания медицинской помощи, с акцентом на гарантии, онтологии, особенности реализации права на безопасную медицинскую помощь в структуре комплекса прав пациента. Рассмотрены базовые понятия данного тематического горизонта (§1.1).

Авторы справедливо указывают, что в законодательстве Российской Федерации данный термин заменен на сопряженное с ним понятие «причинение вреда здоровью», не являющееся тождественным. В соответствии с авторской концепцией это понятие следует рассматривать через призму прав пациента – как нарушение права на безопасную медицинскую помощь, являющегося производным от охраняемых Конституцией права на жизнь (ч.1 ст. 20 Конституции РФ), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч.1 ст. 41), на признание и охрану достоинства личности (ч. 1 ст. 21), и права на достойную жизнь (ч. 1 ст. 7).

Инновационным представляется выделение комплексного правового института признания, охраны и защиты прав пациентов, выходящего за рамки регулирования Федеральным законом от 21.11 2011 №323 – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Уголовным и Гражданским кодексами РФ. Указывается, что дефекты медицинской помощи могут как нарушать права пациента, так и посягать на них, и при этом не каждое нарушение прав представляет собой дефект медицинской помощи. Дан подробный обзор содержания и особенностей правового закрепления гарантий защиты прав пациентов в законодательстве Российской Федерации (§1.2).

Рассмотрены особенности признания, правовой охраны и защиты прав пациентов в зарубежном законодательстве (§1.3). Сердцевиной первой главы по объему и ценности информации является §1.4, очень подробно раскрывающий содержание и особенности обширного зарубежного опыта правового закрепления прав пациентов на защиту от врачебных ошибок, предлагая тем самым обширный и актуальный справочник по зарубежным нормативным правовым актам. Этот параграф разбит на следующие разделы: общая характеристика правового регулирования в области обеспечения защиты прав пациентов в связи с совершением врачебных ошибок и возникновением иных дефектов медицинской помощи; характеристика закрепления понятия врачебной ошибки или иного дефекта медицинской помощи на законодательном уровне; характеристика реализуемой системы превенции дефектов медицинской помощи, в частности врачебных ошибок; закрепление в зарубежном законодательстве обязанности поставщиков медицинских услуг информировать компетентные органы публичной власти о врачебных ошибках; меры, принимаемые поставщиком медицинских услуг в случае возникновения врачебной ошибки или иного дефекта медицинской помощи, предусмотренные зарубежным законодательством; отдельные меры, принимаемые компетентными органами публичной власти в случае возникновения врачебной ошибки или иного дефекта медицинской помощи, предусмотренные зарубежным законодательством; нормы зарубежного законодательства, предусматривающие создание специализированных органов или организаций, наделенных определенными полномочиями по обеспечению защиты прав пациентов в случае возникновения дефектов медицинской помощи и по расследованию соответствующих инцидентов; нормы зарубежного законодательства, касающиеся установления ответственности за совершение врачебных ошибок и возникновение иных дефектов медицинской помощи (специальные нормы об уголовной ответственности за совершение врачебных ошибок и возникновение иных дефектов медицин-

¹ *Марьянович А.Т.* Эрратология или как избежать наиболее неприятных ошибок при подготовке диссертации. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Вузовская книга, 1999. – 164 с. – С. 5.

ской помощи; специальные нормы о гражданской ответственности за совершение врачебных ошибок и возникновение иных дефектов медицинской помощи, включая нормы, касающиеся страхования профессиональной ответственности; специальные нормы о дисциплинарной ответственности за совершение врачебных ошибок и возникновение иных дефектов медицинской помощи; нормы зарубежного законодательства, касающиеся приемлемости доказательств при рассмотрении дел, связанных с совершением врачебной ошибки или возникновением иных дефектов медицинской помощи).

На основе исследования нормативно-правовых актов указывается, что специальные нормы, касающиеся врачебных ошибок существуют лишь в законодательствах Германии, Италии, КНР, Литвы, Польши, Словении, Сербии, США. Оценивается как сам смысл дефиниции «врачебная ошибка», нормы касающиеся ответственности за их совершение, так и меры превенции дефектов оказания медицинской помощи (в частности, обязанность информировать компетентные органы о врачебных ошибках).

Завершается первая глава §1.5, излагающим основные результаты проведенного сравнительно-правового и формально-правового исследования.

На основании проведенного анализа авторы делают вывод, что в российском законодательстве, также как и в ряде других государств, не урегулирован должным образом целый ряд прав пациентов, в первую очередь право на безопасную медицинскую помощь. Отсутствие должной правовой регламентации вызывает затруднения в юридической оценке действий медицинских работников. Вопросы профилактики дефектов медицинской помощи разработаны также недостаточно, что создает предпосылки для нарушений прав пациентов.

Основная научно-теоретическая сердцевина исследования заключена в главе второй монографии – о правовых признаках, онтологии и особенностях негативных исходов медицинской помощи. Поднята и представлена история вопроса и приводятся некоторые референтные статистические и фактографические данные (§2.1). Глубоко объяснены понятие негативного исхода медицинской помощи и понятие дефекта медицинской помощи, раскрыты их соотношения и взаимосвязи (§2.2). Представлено авторское определение дефекта медицинской помощи (ятрогенного дефекта). Глубоко объяснены понятие и природно-онтологические особенности врачебной ошибки, основы и особенности их правовой квалификации (§2.3). Приводится развернутая типологизация врачебных ошибок (§2.4). Именно в этой главе сосредоточены объяснения ключевого и аттрактивного понятия в данной теме – понятия врачебной ошибки.

Авторы выделяют шесть групп негативных исходов, включив в эту классификацию ятрогенные дефекты медицинской помощи (врачебные, фармацевтические ошибки, дефекты в результате технической ошибки, дефекты медпомощи из-за пациента, халатность медработников); негативный исход при безошибочных действиях врача (побочные эффекты, медицинские осложнения); несчастные случаи; действия пациента, направленные на причинение вреда своему здоровью; действия, вызванные преступным умыслом врача, фармкомпаний и влияние внешних дефектов (медтехники, дефекты фармообеспечения и др.). Представлена таблица соотношений данных понятий по основанию природы негативного исхода медицинской помощи, а также на основании субъекта/ объекта, ставшего причиной или оказавшего ведущее влияние.

Фундаментально разобраны причины и предпосылки врачебных ошибок (§2.5) и описаны организационно-правовые меры превенции и редуцирования врачебных ошибок (§2.6).

Среди профилактических мер выделена оригинальная классификация мероприятий, основанная на следующих направлениях деятельности:

- создание системы пруденциального внутреннего контроля врачебных ошибок;
- специальная подготовка врачей по технологиям предупреждения, выявления, квалификации врачебных ошибок и оперативной нейтрализации их последствий для здоровья пациента;
- системно-структурные и функционально-инструментальные меры снижения рисков совершения врачебных ошибок;
- развитие правового обеспечения гарантий прав пациентов на безопасность медицинской помощи и профилактики дефектов;
- внедрение системы обязательного страхования медицинской ответственности врачей и медицинских организаций;
- выстраивание конструктивных взаимоотношений между врачом и пациентом, способствующих эффективному лечению и снижению рисков врачебных ошибок;
- существенное изменение отношения врачебной корпорации к проблеме врачебной ошибки;
- изменение отношения пациентов к медицинской помощи, своим правам и своему поведению.

По каждому направлению выделены существующие проблемы, отражающие реалии сегодняшней ситуации в здравоохранении.

Следует отметить, что в настоящее время в практической медицине в России для превенции дефектов ориентиром является термин «качество медицинской помощи», экспертизе которого посвящено много законодательных и ведомственных нормативных правовых актов. В частности, необходимо отметить приказ Минздрава России от 19.03.2021 N 231н «Об утверждении Порядка проведения контроля

объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию застрахованным лицам, а также ее финансового обеспечения».

Государственный контроль за качеством предоставленных в здравоохранении услуг осуществляет Росздравнадзор на государственном уровне¹, органами исполнительной власти на ведомственном уровне², внутренний контроль на уровне медицинских организаций³.

В соответствии с частью 6 статьи 40 Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» экспертиза качества – это процесс, направленный на «выявление нарушений при оказании медицинской помощи, в том числе оценка своевременности ее оказания, правильности выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степени достижения запланированного результата». Проводится она на основании выявления соответствия предоставленной услуги порядкам оказания, клиническим рекомендациям и стандартам медицинской помощи на основании критериев, утвержденных приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 10 мая 2017 г. N 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи».

Таким образом, в России акцент сделан на использовании системы труиденциального надзора.

Завершается глава вторая параграфом 2.7 о правовой ответственности за дефекты медицинской помощи. Авторы сопоставляют зарубежный законодательный опыт Швеции, Норвегии, Эквадора, с положениями законодательства РФ, убедительно указывая на существующие у нас проблемы в части регулирования описанных отношений.

Отсутствие в законодательстве Российской Федерации об охране здоровья граждан самого этого термина нивелирует все несчастливые исходы лечения к презюмируемо виновному поведению врачей, что не является правильным и обоснованным. И именно в адекватном решении проблемы понимания и позиционирования врачебной ошибки (медицинской ошибки) коренится успешное решение многих проблем в отечественной системе здравоохранения.

Созданные авторами теоретические построения получают в третьей главе подтверждающую «обкатку» и достраивание исследованием опыта судебного разрешения дел о дефектах медицинской помощи. В §3.1 зарубежная практика судебного разрешения дел о дефектах медицинской помощи рассмотрены десятки судебных решений пор теме исследования XIX–XXI веков целого ряда государств мира. В §3.2 рассмотрены некоторые примеры из зарубежной практики досудебного разрешения дел о дефектах медицинской помощи, в §3.3 – некоторые выводы из анализа зарубежной судебной практики, в § 3.4 – правовые позиции Европейского суда по правам человека по вопросам гарантий прав пациентов и правовых последствий дефектов медицинской помощи. То есть опять же читателю предоставляется ценный справочный ресурс.

Представляет интерес краткий обзор истории таких судебных актов, начиная с конца XVI века. Как указывают авторы, в рамках данного исследования было изучено несколько сотен судебных решений вынесенных судебными инстанциями Австралии, Бельгии, Великобритании, Германии, Ирландии, Испании, Италии, Португалии, США, Франции, Швейцарии. На основании анализа зарубежной практики показаны основные принципы, лежащие в основе решений о правовых последствиях дефектов медицинской помощи, обобщенные в виде пятнадцати правовых положений, позволяющих сформулировать рекомендации по оценке и квалификации последствий врачебной ошибки.

В частности в соответствии с положением 12 установление наличия дефекта медицинской помощи требует хронологической и причинно-следственной реконструкции событий на основе опроса причастных лиц. В положении 9 указано, что врач не обязан обладать высочайшим уровнем мастерства, достаточно, чтобы его навыки соответствовали стандартам медицинской профессиональной квалификации. Совершение врачом каких-либо действий не согласованных с пациентом, без его ведома расценивается как нарушение закона и служит основанием привлечения врача к ответственности.

В достаточно пространным заключении подводятся итоги монографического исследования; указывается на необходимость существенных изменений Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в части гарантии прав пациентов, защиты их от врачебных ошибок и в целом дефектов оказания медицинской помощи.

Главы самостоятельны, но органически подчинены единому замыслу и реализуют его, достраивают друг друга.

Издание в силу своих качеств стимулирует продуктивную дискуссию юристов и врачей, объединенных единой заботой о том, что делать с пониманием негативных исходов медицинской помощи и вмеша-

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 12.11.2012 №1152 «Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности» <http://base.garant.ru/70257186/> Дата обращения 6.11.21

² См.: Приказ Минздрава России от 21.12.2012 № 1340 н «Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности» http://Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147361/ Дата обращения 6.11.21

³ См.: Приказ Минздравсоцразвития России от 05.05.2012 №502н « Об утверждении порядка создания и деятельности врачебной комиссии медорганизации». http://Book.zdrav.ru/files/book/61_pdf.pdf Дата обращения 6.11.21

тельства, как нормализовать правовое регулирование в этой сфере, что сделать для выправления явно негативной ситуации.

Вместе с тем, как и всякое фундаментальное неординарное доктринальное исследование, охватывающее обширный круг проблем дефектности оказания медицинской помощи, оно содержит некоторые дискуссионные выводы и положения.

1. Авторы можно упрекнуть в том, что давая на с. 142 авторскую дефиницию понятия «ятрогенный дефект медицинской помощи» они отождествляют его с понятием «дефект медицинской помощи» и трактуют как «случившееся или эвентуальное событие вследствие действий, бездействий или несвоевременных действий, в том числе ошибочных или халатных, врача или иного медицинского либо фармацевтического работника при оказании медицинской помощи или медицинских услуг пациенту либо вследствие действий (бездействий) пациента, либо в результате технической ошибки или неисправности медицинской техники или медицинского оборудования, результативно повлекшее по крайней мере одно из неблагоприятных событий».

В рамках дискуссии следует отметить, что в настоящее время практически полностью сформировалась база научных знаний под условным наименованием «судебно-медицинская экспертиза дефектов оказания медицинской помощи». Основные положения изложены в многочисленных методических рекомендациях, утвержденных Министерством здравоохранения, ведомственных приказах и письмах, где разъясняется актуальная позиция медицинского сообщества.

В соответствии с используемой международной классификацией болезней (МКБ-10) под ятрогенией понимают любые неблагоприятные последствия лечебных и диагностических процедур. Самостоятельные действия пациента и различные воздействия немедицинского характера (технические ошибки, неисправность техники) не могут быть ятрогенными. Также сюда не могут быть отнесены случаи, когда развитие болезни связано с недоступностью обследования, медицинской помощи или отсутствием необходимого лекарственного препарата.¹

Фармацевтический работник не оказывает медицинских услуг в соответствие с Федеральным законом от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где в статье 2 данное понятие трактуется как «физическое лицо, которое имеет фармацевтическое образование, работает в фармацевтической организации и в трудовые обязанности которого входят оптовая торговля лекарственными средствами, их хранение, перевозка и (или) розничная торговля лекарственными препаратами для медицинского применения, их изготовление, отпуск, хранение и перевозка».

Таким образом, авторская дефиниция понятия ятрогенного дефекта нуждается в содержательном уточнении.

У нас есть продуктивное предложение авторам: при подготовке второго или третьего издания столь интересной работы пригласить в соавторы профессионального медика – организатора здравоохранения, специалиста в области клинико-экспертной деятельности. Не исключено, что некоторые принципиальные выводы рецензируемой книги могут быть профессиональным медиком проиллюстрированы фактами из медицинской практики.

2. Практически всем книгам И.В.Понкина с соавторами, в принципе, требуется подготовленный читатель, вот и стилистическая манера письма авторов обозреваемого издания – слишком уж, что называется, «зубодробительная». Хотя, если считать, что проектируемая целевая аудитория – это не студенты и вольно-интересующаяся публика, а профессионалы в медицинском праве и в организации медицинской деятельности, то, пожалуй, все становится на свои места. В этом случае изложение дается без ущерба для понимания сложных идей и неоднозначных вопросов, а текст представляется в высшей степени удобочитаемым. Но отметим, что аудитория у этой книги все же будет много шире, и у других читателей могут быть проблемы с пониманием.

3. Монографию серьезно обедняет отсутствие конкретных авторских предложений о совершенствовании законодательства в рассматриваемой сфере. И.В. Понкин при предыдущем составе Госдумы был членом экспертного совета при Комитете Государственной Думы по охране здоровья, принимал участие в профильной законотворческой работе, и вряд ли можно допустить, что таких идей у автора издания нет. Так же считаем необходимым констатировать, что изданию недостает схематическо-иллюстративных материалов (две схемы на столь обширное издание – явно мало).

¹ См.: *Зайратьянц В.О.* Правила формулировки патологоанатомического диагноза, выбора и кодирования по МКБ-10 причин смерти класс XVI. Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде класс XVII. Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения класс XVIII. Симптомы, признаки и отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в других рубриках класс XIX. Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин класс XX. Внешние причины заболеваемости и смертности. Ятрогении (ятрогенные патологические процессы, патология диагностики и лечения): методические рекомендации № 56 / О.В.Зайратьянц, Е.Ю.Васильева, Л.М.Михалева, А.С.Оленев, С.Н.Черкасов, А.Л.Черняев, Н.А.Шамалов, А.В.Шпектор – Москва – 2019 Выбора и кодирования по МКБ-10 // <https://www.mosgorzdrav.ru/ru-RU/science/default/download/>. – 08.11.2021.

Но выдвинутые замечания не могут поколебать нашу высокую положительную оценку этого издания, дающего четкие и глубокие знания о природе вещей в исследуемой тематике, всесторонний и увлекательный ввод в эту тему.

Работа выполнена на высоком теоретико-методологическом уровне. Значительную ценность представляет анализ зарубежного законодательства и судебной практики, связанной с дефектом оказания медицинской помощи. Исследование вносит существенный вклад в развитие теории социально-правового предупреждения врачебной ошибки. Сформулированные положения могут быть использованы как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях.

«Классика – это нечто такое, что каждый хотел бы прочесть, но никто не хочет читать», – говорил Марк Твен. Мы полагаем, что книга доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина и кандидата юридических наук А. А. Понкиной «Дефекты оказания медицинской помощи» (равно как и их книги о паллиативной медицинской помощи, о правах врачей) – это самая настоящая классика науки медицинского права, которую, вопреки мысли Марка Твена, прочесть всенепременно следует. По нашему убеждению, монография – незаменимое руководство для тех, кто стремится справиться с растущими проблемами в сфере обеспечения безопасности, качества и доступности медицинской помощи.

Требования к рукописям статей, представляемым для опубликования в журнале «Юридическая орбита»

1. Рукопись представляется:

- 1.1. В электронном варианте, в программе Word;
- 1.2. Объем статьи до 1 п.л.

2. Структура статьи: сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы)); заголовок на русском и английском языках; аннотацию на русском и английском языках; ключевые слова на русском и английском языках; текст статьи.

3. Требования к компьютерному набору:

3.1. Формат A4; шрифт – Times New Roman; междустрочный интервал – 1,5; размер шрифта текста – 14, сноска – 10; поля страницы все 2 см; абзацный отступ – 1,25; нумерация страниц внизу по центру; в электронном варианте статьи не должно быть переноса слов и макросов. Сноски постраничные (но не сквозные, не по возрастающей). Список литературы в конце статьи размещать не требуется.

4. Рекомендации по техническому оформлению текста:

4.1. Инициалы отделяются друг от друга и от фамилии пробелом, в тексте ставятся до фамилии, а не после.

4.2. Знак процента (%) отделяется от цифры пробелом.

4.3. В тексте допустимо использовать следующие сокращения: т. д., т. п., пр., др., т. е., см., г., гг. (год, годы), в., вв. (век, века), ст. (статья, статьи, ст.ст. – недопустимое сокращение), п., пп. (пункт, пункты), ч., чч. (часть, части). Словосочетания «так как» и «так называемый» не сокращаются.

4.4. Денежные единицы (рубли, доллары, франки, фунты стерлингов) сокращаются до руб., долл., фр., ф. ст.

4.5. Для обозначения века используются римские цифры: XX в.

4.6. Дату документа, в состав которой входит день месяца (число), месяц и год, следует писать так: 22 августа 2014 г.

4.7. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении.

5. Таблицы, схемы, иллюстрации:

5.1. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице через 1,5 интервала и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечании), а не в названии таблицы. Для сноски применяется символ. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

5.2. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

5.3. Иллюстрации (фотографии) должны быть черно-белыми и отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм (при условии сохранения масштаба 1:1 или более; при уменьшении масштаба разрешение пропорционально увеличить) и сохранены в файле в формате .tif или .jpg.

6. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах .tiff, .eps. Не желательно использовать файлы в формате .jpg. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы). При дальнейшем масштабировании изображений более чем на 20% разрешение сканирования увеличивается пропорционально.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять техническое редактирование (не меняющее смысла) авторского оригинала.

8. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в коллегиям.

9. Автор несет ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, наличие сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати. После вычитки отпечатанного текста автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены (дата, подпись)».

10. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляют члены редакционной коллегии журнала. В случае необходимости организуется внешнее независимое рецензирование.

11. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

К 95-летию Нижегородской академии МВД России

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Нижегородская академия МВД России, Саратовская государственная юридическая академия, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника» **21–24 сентября 2022 года** проводят **XXIV Международный научно-практический форум «Юртехнетика»** в формате круглого стола и в жанре дискуссионного клуба на тему:

«Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)»

На обсуждение выносятся следующие вопросы:

- понятие «изменение в законодательстве»: спорные проблемы его дефинирования;
- изменение и развитие законодательства: соотношение понятий;
- изменение и совершенствование законодательства: критика понятий;
- цель и задачи изменений законодательства;
- изменения в законодательстве и в правовой системе;
- изменение структуры и системы законодательства;
- субъекты изменений законодательства;
- виды изменений законодательства;
- влияние функций права на изменение законодательства;
- происхождение законодательства в фокусе социальных изменений;
- генезис права как основа эволюции законодательства;
- эволюция законодательства: понятие, признаки и критерии;
- этапы эволюции законодательства;
- эволюция законодательства и эволюция отдельных правовых систем;
- направления эволюции законодательства: развитие vs деградация;
- однолинейная или многолинейная законодательная эволюция?
- эволюция законодательства и трансформация законодательства: общее и отличия;
- предпосылки и факторы трансформации законодательства;
- виды трансформации законодательства;
- модернизация законодательства;
- техника изменений законодательства;
- дигитализация законодательства: понятие, проблемы и перспективы;
- причины и механизмы законодательных изменений;
- изменения в законодательстве как социальные изменения;
- социокультурные факторы и контексты изменения законодательства;
- изменение законодательства и государственное управление: проблемы соотношения;
- закономерности законодательных изменений: миф или реальность?
- законодательные изменения как один из аспектов конструирования правовой реальности;
- законодательные изменения в исторической ретроспективе;
- законодательные изменения в контексте постклассического правопонимания;
- законодательные изменения и эволюция государства;
- изменение права и изменение законодательства: соотношение и взаимовлияние;
- институт изменения законодательства (доктрина, практика, техника);

- детерминанты изменения законодательства;
- теоретико-методологическая основа научного осмысления изменений законодательства;
- изменение законодательства и эволюция права;
- изменение законодательства и развитие права;
- изменение законодательства и трансформация права;
- взгляды мыслителей эпох модерна и постмодерна на внесение изменений в законодательство;
- политико-правовые учения об изменении законодательства;
- структурное изменение в законодательной сфере в интерпретации Ю. Хабермаса;
- изменения в законодательстве и правовой нигилизм;
- изменения в законодательстве и правовая демагогия;
- изменения в законодательстве и правовой дилетантизм;
- законодательное изменение как социально-культурная и морально-психологическая травма;
- функции изменений законодательства;
- принципы законодательного изменения;
- способы изменения законодательства;
- процесс изменения законодательства: общее и частное;
- формальное изменение законодательства: природа, причины, результативность;
- содержательное изменение законодательства: сущность, критерии, степени;
- научное обеспечение изменений в законодательстве;
- изменения законодательства в фокусе новизны юридического знания;
- критерий необходимости изменений в законодательстве;
- консерватизм и популизм в законодательном процессе;
- аналитика как необходимый интеллектуально-мыслительный элемент изменения в законодательстве;
- эволюция конституционного законодательства России: достижения и просчеты;
- модернизация Конституции Российской Федерации: нормативная модель и практика;
- установление пробелов законодательства Конституционным судом Российской Федерации и эффективность их устранения законодателем;
- изменение государственной политики в результате принятия поправок к Конституции России: направленность и особенности;
- тенденции развития и перспективы изменения системы принципов конституционного законодательства;
- внесение изменений в законодательное регулирование на основании решений Конституционного Суда Российской Федерации;
- имеются ли основания считать внесение изменений в Основной закон России конституционной реформой?
- изменение законодательства и правовой мониторинг: проблемы взаимосвязи и линии соотношения;
- мониторинг законопроектной деятельности как средство оптимизации динамики изменения российского законодательства;
- риски законодательных изменений;
- лоббирование как элемент процесса изменений в законодательстве;
- дополнения и изменения законодательства: дискуссионные проблемы соотношения;
- изменение и реформирование законодательства: теоретические и практические проблемы соотношения;
- изменение законодательства и его модернизация: единство и различие;
- последовательность изменений в законодательстве;
- своевременность изменения законодательства;
- инновационные изменения законодательства: сущность, ценность, результативность;
- преемственность в процессе и результатах изменения законодательства;
- правовая активность и изменение законодательства;
- техника и технология изменения законодательства;
- теоретико-прикладные исследования техники изменения законодательства;
- приемы юридической техники и изменение законодательства;
- культура правотворчества, антикультура правотворчества и тенденции к изменениям в законодательстве;
- изменение законодательства как этап (стадия) правотворческого процесса;
- роль правотворческой (законотворческой) политики по регулированию и контролю законодательных изменений;
- изменение в законодательстве как рискогенный фактор правотворчества;

- изменение законодательства как инструмент повышения эффективности правотворчества;
- модернизация процесса законотворчества;
- методология составления историко-правового обоснования изменения законодательных актов;
- методика разработки текста изменений в законодательстве;
- глава 4 «Внесение изменений в законодательные акты» Методических рекомендаций по юридико-техническому оформлению законопроектов (редакция 2021 года): содержание, форма, дефектность;
- внесение изменений в законодательство и юридические новеллы;
- идеи и концепции нормативного правового акта как начальный этап изменения законодательства;
- проблемы изменения комплексных (межотраслевых) нормативных правовых актов;
- изменение законодательства и приостановление действия нормативного правового акта;
- изменение законодательства и прекращение действия нормативного правового акта;
- пересмотр законодательного акта: основания и оптимальные сроки;
- проблемы выбора оптимального срока изменения законодательства;
- опережающее правотворчество как способ минимизации законодательных изменений;
- специфика изменений актов опережающего законотворчества;
- культура законотворчества по предмету изменений в законодательстве;
- методология оценки степени профессионализма авторов, инициирующих внесение изменений в законодательство;
- готовность к изменениям в законодательстве как профессиональная характеристика современного юриста;
- владение техникой законодательных изменений как компетенция нормрайтера;
- подготовка нормрайтеров;
- оценка эффективности изменений в законодательстве;
- проблема качества законодательных изменений;
- дефекты в процессе и результатах законодательных изменений;
- smart regulation: использование "умного регулирования" при изменении законодательства;
- повышение качества изменения законодательства с учетом зарубежного опыта;
- технологии координации субъектов изменения законодательства;
- формы и технико-юридические средства специальной подготовки субъектов изменения законодательства;
- прокуратура как субъект законодательных изменений;
- саморегулируемые организации и изменение действующего законодательства;
- специфика изменения договорного правотворчества;
- правовые принципы экспертизы изменений в законодательстве;
- технико-юридические средства экспертизы изменения в законодательстве;
- приемы, способы, методы и правила экспертизы изменений в законодательстве;
- правовая экспертиза как инструмент совершенствования законодательства;
- ресурсообеспеченность (кадровая, организационная, финансовая и пр.) изменений законодательства;
- изменение смешанных законодательных актов;
- критерии внесения изменений в законодательство, вводящее аппаратно-программный автоматизм правового регулирования;
- изменения в законодательстве, допускающие аппаратно-программный автоматизм правового регулирования: опыт и перспективы;
- изменение законодательства под воздействием современных цифровых технологий;
- экспериментальная правовая норма и её роль в изменении действующего законодательства;
- экспериментальный правовой режим и изменение законодательства;
- regulatory sand boxes: использование правовых экспериментов при изменении законодательства;
- возможности использования искусственного интеллекта при изменении действующего законодательства;
- роботизация процесса и результата законодательных изменений;
- изменение содержания и формы закона в условиях цифровизации;
- интернет-площадки обсуждения законодательных изменений;
- изменение подходов к систематизации и кодификации законодательства;
- частные методики изменения действующего законодательства;
- протоколы о внесении изменений в международно-правовые акты: природа и технико-юридическая специфика;
- объективные факторы изменений в законодательстве;
- субъективные факторы изменений в законодательстве;

- внешние и внутренние факторы законодательных изменений;
- экономический фактор перемен в действующем законодательстве;
- политический фактор законодательных изменений;
- политическая конъюнктура как негативный фактор изменений в законодательстве;
- юридически значимые социальные интересы и изменения в законодательстве;
- социальные правовые притязания и изменения в законодательстве;
- диагностика «мертвых» юридических норм как фактор изменения законодательства;
- аброгация как неизбежность в жизненном цикле закона;
- изменения в законодательстве как проявление диалектики социальной жизни;
- трансформация социальной действительности как базовый фактор изменения законодательства;
- качественные изменения в современной межкультурной коммуникации как фактор изменения законодательства;
- изменения в законодательстве и правовая традиция: проблема взаимосвязи;
- правосознание и изменения в законодательстве: диалектика взаимовлияния;
- социологическое обеспечение изменений законодательства: пределы и эффективность;
- стратегии экономического, социального и культурного развития как база изменения законодательства;
- изменения в законодательстве как проявление кризисных явлений в праве;
- изменение климата как фактор трансформации внутри государственного и международного права;
- изменение во внешней политике государства как фактор динамики изменений национального и международного права;
- юридическая практика как фактор изменений в законодательстве;
- послания Президента государства к Федеральному собранию Российской Федерации как политико-управленческая основа изменения действующего законодательства;
- судебная практика как источник и средство изменения законодательства;
- заключение Правительства Российской Федерации на законопроекты как фактор изменения законодательства;
- критика как инструмент совершенствования законодательства;
- юридическая наука о стабильности и изменчивости законодательства;
- диалектика стабильности и изменчивости законодательства;
- изменения в законодательстве как фактор нестабильности правовой системы общества;
- соотношение динамизма и стабильности юридических норм в новых сферах законодательной регламентации;
- системный и бессистемный подходы к изменениям в законодательстве;
- правовая политика законодательных изменений;
- феномен «сложности» социально-правовой жизни и проблема изменений в законодательстве;
- синергетический подход к пониманию законодательных изменений;
- междисциплинарные подходы при изменении законодательства;
- изменение и совершенствование законодательства: парадоксы взаимообусловленности;
- аксиологические аспекты изменения законодательства;
- изменение законодательства как средство повышения его качества;
- влияние реформирования законодательства на эволюционную динамику правопорядка;
- изменения законодательства в условиях общества потребления;
- изменение законодательства как способ разрешения юридической коллизии;
- изменения в законодательстве как способ устранения законодательных пробелов;
- роль законодательных изменений в совершенствовании политической системы России;
- изменения в законодательстве как проявление действия правообразующего механизма в обществе;
- изменения в законодательстве как фактор правового прогресса;
- изменения в законодательстве и эффективность права;
- эстетический аспект изменения законодательства;
- психологические проблемы законодательных изменений;
- доверие к результатам законодательных изменений: состояние, проблемы оценки, стратегия;
- «полезные» и «неполезные» изменения в законодательстве;
- изменение объектов и предметов законодательного регулирования;
- изменение средств и методов законодательного регулирования;
- оценка регулирующего воздействия в системе изменения законодательства;
- дедукция в отраслевом изменении законодательства;
- специфика изменений в договорном праве;

- изменения в страховом деле;
- изменения в гражданском процессе: проблемы и перспективы развития законодательства;
- изменения в законодательстве о государственной регистрации юридических лиц: сущность, цели, ожидаемые результаты;
- изменения в законодательстве, направленные на охрану и защиту юридических лиц;
- научная обоснованность изменений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства;
- изменение уголовного законодательства как диссонирующий фактор;
- мораторий на изменение уголовного законодательства: за и против;
- к вопросу о согласованности изменений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации;
- постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как средство изменения уголовного законодательства;
- изменения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в контексте международных стандартов;
- идеологическая составляющая при изменении законодательства криминального цикла;
- методологические подходы к изменению уголовно-процессуального законодательства в новой цифровой реальности;
- правовое регулирование процесса и результатов изменения законодательства современной России: состояние и перспективы совершенствования;
- изменения в законодательстве в отношении «жертв», пострадавших от юридических лиц;
- изменения в законодательстве и криминалистический стиль мышления;
- влияние изменений уголовно-процессуального закона на деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;
- криминалистические риски изменения законодательства;
- механизм преступной деятельности в условиях развития законодательства, внесения изменений в действующее законодательство;
- изменения в законодательстве как предпосылка возникновения криминогенной ситуации;
- развитие правового регулирования планирования расследования преступлений;
- правовой статус субъекта деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в условиях изменяющегося законодательства;
- становление и развитие законодательства в области судебно-экспертной деятельности;
- ценность позитивного и негативного отечественного опыта законодательного решения социальных проблем;
- ценность позитивного и негативного зарубежного опыта законодательного решения социальных проблем;
- использование зарубежного опыта при изменении отечественного законодательства;
- стабильность российского законодательства;
- техника внесения изменений в законодательные акты Российской Федерации;
- технология внесения изменений в законодательные акты Российской Федерации;
- особенности изменения федерального законодательства;
- гармонизация законодательства на федеральном уровне;
- техника внесения изменений в законодательные акты субъектов Российской Федерации;
- технология внесения изменений в законодательные акты субъектов Российской Федерации;
- особенности изменения законодательства субъектов Российской Федерации;
- гармонизация законодательства на региональном уровне;
- мониторинг изменения российского законодательства;
- мониторинг законопроектной деятельности как средство оптимизации изменения российского законодательства;
- изменение форм систематизации законодательства;
- проблемы измерения изменения российского законодательства;
- средства оптимизации изменения российского законодательства;
- презумпция знания закона и изменения российского законодательства;
- законодательный процесс в России: техника, стадии, особенности, динамика;
- специфика изменений локальных нормативных правовых актов;
- роль институтов гражданского общества в совершенствовании законодательства: отечественный и зарубежный опыт;
- роль Общественной палаты Российской Федерации в совершенствовании законодательства;
- новые вызовы и угрозы как внешний фактор изменения российского законодательства;
- изменение законодательства в правовой футурологии;

ИНФОРМАЦИЯ

- изменение законодательства как форма и результат прогностического знания;
- прогнозирование изменений в законодательстве;
- прогнозирование последствий изменения законодательства;
- планирование и прогнозирование законодательных изменений: теоретические, практические, технико-юридические проблемы соотношения;
- правовое образование и юридическая профессия в фокусе изменения законодательства: потребность познания, трудности освоения.

Кроме традиционных пленарной сессии и круглых столов, предполагается организация других дискуссионных площадок.

Форум состоится в загородном отеле «Дубки».

Заявки направлять: baranov_prof@bk.ru

Материалы форума будут опубликованы в **семнадцатом выпуске** ежегодника «Юридическая техника», индексируются в РИНЦ и освещены в обзоре журнала «Государство и право» либо в изданиях: «Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России» (включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, на соискание ученой степени доктора юридических наук), либо в обзоре журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии» (включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, на соискание ученой степени доктора юридических наук).

Приглашаем Вас принять участие в форуме!

Для участия в работе форума и формирования его программы просим Вас в срок с **5 ноября 2021 года до 5 сентября 2022 года** оформить прилагаемую заявку.

Форма заявки

ФИО	
Место работы, занимаемая должность	
Ученые степень и звание	
Название доклада (выступления)	
Форма участия (очная или заочная)	
Виды технических средств, необходимых для выступления	
Контактные телефоны (рабочий, мобильный)	
E-mail	
Даты приезда и отъезда	
Необходимость бронирования гостиницы	

Просьба все разделы формы заполнить без сокращений

Программа форума будет размещена **20 сентября 2022 года** на сайтах:

- Нижегородской академии МВД России (<https://na.mvd.pf/>);
- Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (www.unn.ru);
- Саратовской государственной юридической академии (sbelousov64@yandex.ru);
- Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (www.jurtech.org).

**Требования к рукописям статей,
представляемым для опубликования в ежегоднике «Юридическая техника»**

1. К опубликованию принимаются рукописи статей, соответствующие тематике форума.
2. Рукопись представляется в электронном варианте, выполненном в программе MS Word; объем статьи до 1 п. л.
3. Структура статьи: сведения об авторе на русском и английском языках (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы)); заголовок на русском и английском языках; аннотацию на русском и английском языках; ключевые слова на русском и английском языках; текст статьи.
4. Требования к компьютерному набору: формат А4; шрифт – Times New Roman; междустрочный интервал – 1,5; размер шрифта текста – 14, сноска – 10; поля страницы – 2 см; абзацный отступ – 1,25; нумерация страниц внизу по центру; сноски постраничные (список литературы отдельно приводить не требуется).
5. Сноски должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.
6. Срок представления статей – **до 1 ноября 2022 года**.

Адрес электронной почты оргкомитета и редколлегии: **baranov_prof@bk.ru**

Информационную поддержку форума осуществляет московское издательство «Перспектив» (генеральный директор издательства – кандидат юридических наук Л. В. Рожников).

Дополнительную информацию о форуме Вы можете получить по телефону: **8 (831) 421-72-90**.

Сопредседатели оргкомитета форума:

Архипов Дмитрий Николаевич – начальник Нижегородской академии МВД России, генерал-майор полиции, кандидат юридических наук, доцент, академик Российской академии юридических наук.

Загайнова Елена Вадимовна – ректор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор медицинских наук, член-корреспондент РАН

Ильгова Екатерина Владимировна – ректор Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Рожников Леонид Владимирович – генеральный директор издательства «Перспектив», кандидат юридических наук.

Баранов Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».